

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiyvasily.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskiyvasily.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский

АББАДОНА

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален Серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкня тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна. Он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдиила,
Светлое дело свершившего в день возмущенья пред Богом:
К трону Владыки один Абдиил, не прельщен, возвратился.
Другом влекомый, уж был далеко от врагов Аббадона;
Вдруг Сатана их настиг, в колеснице, гремя и блистая;
Звучно торжественным кликом зовущих грянуло небо;
С шумом помчались рати мечтой божества упоенных –
Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга оторван,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдиила;
Тьмой божества отуманенный, взоров молящих не видит;
Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны он примчался.
Мрачен, в себя погружен, пробежал он в мыслях всю повесть
Прежней, невинный младости; мыслил об утре созданья.
Вкупе и вдруг сотворил их Создатель. В восторге рожденья
Все вопрошали друг друга: «Скажи, Серафим, брат небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь, и зрел ли
Прежде меня? О! поведай, что мыслишь? Нам вместе бессмертье».
Вдруг из дали светозарной на них благодатью слетела
Божия слава; узрели все небо, шумящее сонмом
Новосозданных для жизни; к Вечному облако света
Их вознесло, и, завидев Творца, возгласили: «Создатель!» –
Мысли о прошлом теснились в душе Аббадоны, и слезы,
Горькие слезы бежали потоком по впалым ланитам.
С трепетом внял он хулы Сатаны, и воздвигся, нахмурен;
Тяжко вздохнул он трикраты – так в битве кровавой друг друга
Братья сразившие тяжко в томленьи кончины вздыхают, –
Мрачным взором окинув совет Сатаны, он воскликнул:
«Будь на меня вся неистовых злоба – вещать вам дерзаю!
Так, я дерзаю вещать вам, чтоб вечного суд не сразил нас
Равною казнию! Горе тебе, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убийца! Вовеки
Требуй он, наш Судия, от тебя развращенных тобою,
Некогда чистых наследников славы! Да вечное: горе]
Грозно гремит на тебя в сем совете духов погубленных!
Горе тебе, Сатана! я в безумстве твоём не участник!
Нет, не участник в твоих замысленьях восстать на Мессию!
Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком говоришь ты?
Он всемогущий, а ты пресмыкаешься в прахе, бессильный
Гордый невольник... Пошлет ли смертному Бог искупленье,
Тлена ль оковы расторгнуть помыслит – тебе ль с ним бороться!
Ты ль растерзаешь бессмертное тело Мессии? Забыл ли,
кто Он? Не ты ль опален всемогущими громами гнева?
Иль на челе твоём мало ужасных следов отверженья?
Иль Вседержитель добычею будет безумства бессильных?
Мы, заманившие в смерть человека... о горе мне, горе!
я ваш сообщник!.. Дерзнем ли восстать на Подателя жизни?
Сына Его, Громовержца, хотим умертвить – о безумство!
Сами хотим в слепоте истребить ко спасенью дорогу!
Некогда духи блаженные, сами навеки надежду
Прежнего счастья, мук утоления мчимся разрушить!
Знай же, сколь верно, что мы ощущаем с сугубым страданьем
Муку паденья, когда ты в сей бездне изгнанья и ночи
Гордо о славе твердишь нам; столь верно и то, что сраженный
Ты со стыдом на челе от Мессии в свой ад возвратишься».
Бешен, кипя нетерпеньем, внимал Сатана Аббадонс;
Хочет с престола в него он ударить огромной скалою –

Гнев обессилил подъятую грозно с камнем десницу!
Топнул, яряся, ногой и трикраты от бешенства вздрогнул;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнул он в глаза Аббадоны
Пламенным взором, и взор был от бешенства ярок и мрачен:
Но презирать был не властен. Ему предстоял Аббадона,
Тихий, бесстрашный, с унылым лицом. Вдруг воспрянул свирепый
Адрамелех, Божества, Сатаны и людей ненавистник.
«В вихрях и бурях тебе я хочу отвечать, малодушный;
Гряну грозою ответ, – сказал он. – Ты ли ругаться
Смеешь с богами? Ты ли, презреннейший в сонме бесплотных,
В прахе своем Сатану и меня оскорблять замышляешь?
Нет тебе казни; казнь твоя: мыслей бессильных ничтожность.
Раб, удались; удались, малодушный; прочь от могущих;
Прочь от жилища царей; исчезай, неприметный, в пучине;
Там да создаст тебе царство мучения твой Вседержитель;
Там проклинай бесконечность, или, ничтожности алчный,
В низком бессилии рабски пред небом глухим пресмыкайся.
Ты же, отважный, средь самого неба нарекшийся Богом,
Грозно в кипении гнева на брань полетевший с Могущим,
Ты, обреченный в грядущем несметных миров повелитель,
О Сатана, полетим; да узрят нас в могущество духи;
Да поразит их, как буря, помыслов наших отважность!
Все лавирнфы коварства пред нами: пути их мы знаем;
В мраке их смерть; не найдет Он из бедственной тьмы их исхода.
Если ж, наставленный небом, разрушит Он хитрые ковы, –
Пламенны бури пошлем, и Его не минует погибель.
Горе, земля, мы грядем, ополченные смертью и адом;
Горе безумным, кто нас отразить на земле возмечтает!»
Адрамслех замолчал, и смутилось, как буря, собрание;
Страшно от топота ног их вся бездна дрожала; как будто
С громом утес за утесом валился; с кликом и воем,
Гордые славой грядущих побед, все воздвиглися; дикий
Шум голосов поднялся и отгрянул с востока на запад;
Все заревели: «Погибни, Мессия!» От века создание
Столь ненавистного дела не зрело. С Адрамелехом
С трона пошел Сатана, и ступени, как медные горы,
Тяжко под ними звенели; с криком, зовущим к победе,
Кинулись смутной толпой во врата растворенные ада.
Издали, медленно, следом за ними летел Аббадона;
Видеть хотел он конец необузданно-страшного дела.
Вдруг нерешимой стопою он к Ангелам, стражам Здема,
Робко подходит... Кто же тебе предстоит, Аббадона?
Он, Абдиил, непреклонный, некогда друг твой... а ныне?..
Взоры потупив, вздохнул Аббадона. То удалиться,
То подойти он желает; то в сиротстве, безнадежный,
Он в беспредельное броситься хочет. Долго стоял он,
Трепетен, грустен; вдруг, ободрясь, приступил к Абдиилу;
Сильно билось в нем сердце; тихие слезы катились,
Ангелам токмо знакомые слезы, по бледным ланитам;

п

Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепет,
Смертным и в самом боренье с концом не испытанный, мучил
В робком его приближенье... Но, ах! Абдиилу взоры,
Ясны и тихи, неотвратно смотрели на славу
Вечною Бога; его ж Абдиил не заметил. Как прелесть
Первого утра, как младость первой весны мирозданья,
Так Серафим блистал, но блистал он не для Аббадоны.
Он отлетел, и один, посреди опустевшего неба,
Так невнимаемым гласом взывал издали к Абдиилу:
«О Абдиил, мой брат, иль навеки меня ты отринул?
Так, навеки я розно с возлюбленным... страшная вечность!
Плачь обо мне, все творение; плачьте вы, первенцы света;
Он не возлюбит уже никогда Аббадоны, о, плачьте!
Вечно не быть мне любимым; увяньте вы, тайные сени,
Где мы беседой о Боге, о дружбе нежно сливались;
Вы, потоки небес, близ которых, сладко объемлясь,
Мы воспевали чистою пснию Божию славу,
Ах! замолчите, иссякните: нет для меня Абдиила;

Нет, и навеки не будет. Ад мой, жилище мученья,
Вечная ночь, унывайте вместе со мною: навеки
Нет Абдила; вечно мне милого брата не будет».
Так тосковал Аббадона, стоя перед восходом в созданье.
Строем катилися звезды. Блеск и крылатые громы
Встречу ему Орионов летящих его устрашили;
Целые веки не зрел он, тоской одинокой томимый,
Светлых миров; погружен в созерцанье, печально сказал он:
«Сладостный вход в небеса, для чего загражден Аббадоне?
О! для чего не могу я опять залететь на отчизну,
К светлым мирам Вседержителя, вечно покинуть
Область изгнания? Вы, солнцы, прекрасные чада созданья,
В оный торжественный час, как, блистая, из мощной десницы
Вы полетели по юному небу, – я был вас прекрасней.
Ныне стою, помраченный, отверженный, сирий изгнанник,
Грустный, среди красоты мирозданья. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: там потерял я блаженство;
Там, отказавшись от Бога, стал грешник. О мир непорочный,
Милый товарищ мой в светлой долине спокойствия, где ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при виде небесных славы
Мне Судия от блаженства оставил – печальный остаток!
Ах! для чего я к нему не дерзну возгласить: "Мой Создатель"?
Радостно б нежное имя Отца уступил непорочным;
Пусть не из г на иные в чистом восторге: "Отец", восклицают.
О Судия непреклонный, преступник молить не дерзает,
Чтоб хоть единым ты взором его посетил в сей пучине.
Мрачные, полные ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирепствуй!.. Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?.. Проклинаю сей день ненавистный,
Зревший Создателя в шестивии светлом с пределов востока,
Слышавший слово Создателя: "Буди!" Слышавший голос
Новых бессмертных, вещавших: "И брат наш возлюбленный создан".
Вечность, почто родила ты сей день? Почто он был ясен,
Мрачностью не был той ночи подобен, которою Вечный,
В гневе своем несказанном, Себя облекает? Почто он
Не был, проклятый Создателем, весь обнажен от созданий?..
Что говорю?.. О хулитель, кого пред очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звезды,
Гряньтесь ко мне на главу и укройте меня от престола
Вечных правды и мщенья; о Ты, Судия непреклонный,
Или надежды вечность Твоя для меня не скрывает?
О Судия, ты Создатель, Отец... что сказал я, безумец!
Мне ль призывать Иегову. Его нарицать именами,
Страшными грешнику? Их лишь дарует один Примиритель;
Ах! улетим; уж воздвиглись Его всемогущие громы
Страшно ударить в меня... улетим... но куда?., где отрада?»
Быстро ударился он в глубину беспредельных бездн...
Громко кричал он: «Сожги, уничтожь меня, огонь-разрушитель!»
Крик в беспредельном исчез... и огонь не притек разрушитель.
Смутный, он снова помчался к мирам, и приник, утомленный,
К новому пышно-блестящему солнцу. Оттоле на бездны
Скорбно смотрел он. Там звезды кипели, как светлое море;
Вдруг налетела на солнце заблудшая в бездне планета;
Час ей настал разрушенья... она уж дымилась и рдела...
К ней полетел Аббадона, разрушиться вкупе надеясь...
Дымом она разлетелась, но ах!.., не погиб Аббадона!
КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛ

Сказка

Дедушка резал табак на прилавке; к нему подлетела
С видом умильным Луиза. «Дедушка, сядь к нам, голубчик;
Сядь, расскажи нам, как помнишь, когда сестра Маргарета
Чуть не заснула». Вот Маргарета, Луиза и Лотта
С донцами, с пряжей проворно подсели к огню и примолкли;
Фриц, наколовши лучины, придвинул к подсвечнику лавку,
Сел и сказал: «Мне смотреть за огнем»; а Энни, на печке
Нежась, поглядывал вниз и думал: «Здесь мне слышнее».
Вот, табаку накрошивши, дедушка вычистил трубку,
Туго набил, подошел к огоньку, осторожно приставил

Трубку к горячей лучине, раза два пыхнул – струею
Легкий дымок побегал; он, пальцем огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрыл и сказал: «Послушайте, дети,
Будет вам сказка; но с уговором – дослушать порядком;
Слова не молвить, пока не dokonчу; а ты на печурке
Полно валяться, ленивец; опять, как в норе, закопался;
Слезь, говорят. Ну, дети, вот сказка про красный карбункул.
Знайте: есть страшное место; на нем не пашут, не сеют;
Боле ста лет, как оно густою крапивой заглохло;
Там дрозды не поют, не водятся летние пташки;
Там стерегут огромные жабы проклятое тело.
Всем был Вальтер хорош, и умен, и проворен; но рано
Стал он трактиры любить; не псалтырь, не молитвенник – карты
Брал он по праздникам в руки, когда христиане молились.
Часто ругался он именем Бога так страшно, что ведьма,
Сидя в трубе, творила молитву, и звезды дрожали.
Вот однажды косматый стрелок в зеленом кафтане
Молча смотрел на игру их, и слушал, с какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывал бешеный Вальтер.
«Ты не уйдешь от меня!» – проворчал, покосившись, Зеленый.
«Верно рекрутский наборщик?» – шепнула хозяйка, подслушав.
Нет, то был не рекрутский наборщик, узнаете сами,
Только что женится Вальтер и все промытарит на картах.
Где же, скажите, у Мины был ум? Из любви согласилась
Мина за Вальтера выйти; да! из любви... но к нему ли?..
Нет, друзья, не к нему: к отцу, к матери – им в угождение.
Слушайте ж: за день до свадьбы Мина с печалью заснула;
Вот ей страшный, пророческий сон к полуночи приснился;
Видит, будто куда-то одна идет по дороге;
Черный монах на дороге стоит и читает молитву.
«Честный отец, подари мне святой образок; я невеста.
Вынь мне: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться».
Долго, долго качал головою чернец; из мошенки
Горсть образочков достал он. «Сама выбирай», – говорит ей.
Вот она вынула... что ж ей, подумайте, вынулось? Карта.
«Туз бубновый, не так ли? Плохо: ведь красный карбункул
Значит он... доля недобрая». – «Правда», – Мина сказала.
«Мой совет, – говорит ей чернец, – попытаться в другой раз.
Что? Семерка крестовая?» – «Правда», – сказала, вздохнувши,
Мина. «Господь защити и помилуй тебя! Вьнь, дружочек,
В третий раз; может быть, лучше удастся. Что там? Червонный
Туз?.. Кровавое сердце». – «Ах, правда!» – Мина сказала,
Карту из рук уронивши. «Послушай, отведай еще раз.
Что? Не туз ли виновый?» – «Смотри, я не знаю». – «Он, точно!
Ах! невеста, черный заступ, заступ могильный;
Горе, горе! молпея, дружок: он тебя закопает».
Вот что, друзья, накануне свадьбы приснилось Мине.
Что ж, помогло предвещанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: «Как Богу угодно!
Семь крестов да кровавое сердце; а после... что ж после?
Воля Господня! пусть черный мой заступ меня закопает».
Дети, сначала было ей сносно: хоть Вальтер и часто
Пил и играл, и святыней ругался, и бедную мучил;
Но случалось, что, тронутый горем се и слезами,
Он утихал – и вот что однажды сказал он ей: «Слушай;
Я от игры откажусь и карты проклятые брошу;
Душу возьми Сатана, как скоро хоть пальцем их трону.
Но отстать от вина – и во сне не проси; не отстану.
Плачь и крушися, как хочешь; хоть с горя умри; не сможешь».
Ах! друзья, не сдержал одного, да сдержал он другое.
Вот пришел он в трактир; а Зеленый уж там, и тасует
Карты, сидя за столом сам-третьей, и Вальтера кличет:
«Вальтер, со мной пополам; садись, сыграем и горку». –
«Я не играю», – Вальтер сказал и пива напенил
Полную кружку. «Вздор! – возразил, сдавая, Зеленый. –
Мы играем не в деньги, а даром; садись, не упрямясь».
«Что же? (думает сам в себе Вальтер) если не в деньги,
То и игра не в игру...» – и садится рядом с Зеленым.

Вот белокурский мальчик к окну подошел и стучится.
«Вальтер (кличет он), Вальтер, послушай, выдь на словечко».
Вальтер ни с места. «После приди, – говорит он. – Что козырь?»
Взятку берет он за взяткой. «Ты счастлив, – заметил Зеленый. –
Дай, сыграем на крейцер; безделка!» Задумался Вальтер.
«В деньги иль даром... игра все игра. Согласен», – сказал он.
«Вальтер (кличет мальчик опять и пуще стучится),
Выдь на «минуту; словечко, не боле». – «Отстань же, не выду;
Козырь!., туз бубновый!., семерка крестовая!., козырь!»
Крейцер да крейцер, а там, поглядишь, вынимай и дублионы.
Кончив игру, Зеленый сказал: «Со мною нет денег.
Хочешь ли? Вот тебе перстень; возьми: он стоит дороже;
Камень редкий, карбункул; в нем же есть тайная сила».
В третий раз кличут в окошко: «Выуй, Вальтер, пока еще время». –
«Пусть кричит, – Зеленый сказал, – покричит и отстанет.
Что ж, возьмешь ли мой перстень? Бери, в убытке не будешь.
Знай: как скоро нет денег, ты перстень на палец да смело
Руку в карман – и вынется звонкий, серебряный талер.
Но берегся... раз на день не боле; и в будни, не в праздник;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтер? Я сам не советую в праздник.
Если ж нужда случится во мне; ты крикни лишь: Пука]
(Букой слыву я в народе) – откликнусь тотчас. До свиданья».
Что-то делает Мина?.. Одна, запершись в каморке,
Мина сидит над разодранной Библией в тяжелой печали.
Муж пришел, и война поднялась. «Ненасытная плакса,
Долго ль молитвы тебе бормотать? Когда ты мччешься?
Вот, горемыка, смотри, что я выиграл: перстень. карб\нк\л .
Мина, взглянув, обомлела: карбункул! Творец милосердый.
Доля недобрая!., сердце в ней сжалась, и замертво пала–
Бедная Мина, зачем ты, зачем ты в себя приходила?
Сколько б кручины жестокой тебя миновало на свете.
Вот чем дале, тем хуже; день ли в деревне торговый,
Ярманка ль в праздник у церкви – Вальтер наш там. Кто заглянет
В полночь в трактир, иль в полдень, иль в три часа пополудни –
Вальтер сидит за столом и тасует крапленые карты.
Брошены дети; что было, то сплыло; поле за полем
Проданы все с молотка, и жена пропадает от горя.
Дома же только и дела, что крик, да упреки, да слезы;
Нынче драка, а завтра к Пастору, а там для ответа
В суд, а там и в тюрьму на хлебе с водой попоститься.
Плох он пойдет, а воротится хуже. Бука не дремлет;
Бука в уши свистит и желчи в кровь подливает.
Так проходят семь лет. Ну, послушайте ж: Вальтера Бука
Вывел опять из тюрьмы. «Не зайти ль по дороге, – сказал он, –
Выпить чарку в трактире? С чем ты покажешься дома?
Как тебя примут? Ты голоден, холоден, худ и оборван.
Что на свиданье жена припасла, то тебя не согреет.
Правду молвить, ты мученик; лопнуть готов я с досады,
Видя, какую ты от жены пьешь горькую чашу.
Много ль подобных тебе? Что сутки, то талер, и даром.
Права пословица: счастлив игрою, несчастлив женою.
Будь ты один – и ни забот, ни хлопот; женился – каков ты?
Нет лица на тебе; как усопший; кожа да кости.
Выпей же чарку, дружок: авось на душе просветлеет».
Мина тем временем, руки к сердцу прижавши, в потемках
Дома сидит одинешенька, смотрит сквозь слезы на небо. –
«Так, семь лет, семь крестов!., (и слезы ручьем полилися)
Все, как должно, сбылось; пошли же конец, мой Создатель!», –
Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшем.
Вдруг растворилась дверь, и Вальтер вбежал, как безумный.
«Плачешь, змея? (загремел он) плачь! Теперь не напрасно!
Ужин, проворнее!» – «Где взять? Все пусто; в доме ни корки». –
«Ужин, тебе ль говорят? Хоть тресни, иль нож тебе в сердце!» –
«Что ж, чем скорее, тем лучше: в могилу снесут, да и только;
Мне же там быть не одной: детей давно ты зарезал». –
«Сгинь же!» – он гаркнул... и Мина в крови ударилась об пол.
«Ах! мое кровавое сердце! (она простонала)
Где ты, заступ? Твоя черед: закопай меня в землю».

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Ужас, как холод, облил убийцу... бежит неоглядкой;
Ночь; под ним шевелится земля; в орешнике шорох.
«Бука, где ты?» – он крикнул... Громко откликнулось в поле.
Бука стоит за орешником.., выступил... «Что ты?» – спросил он.
«Бука... я Мину зарезал... скажи, присоветуй, что делать?..» –
«Только? – тот возразил. – Чего ж испугался, безмозглый?
Мину зарезал – великое диво! туда и дорога!

БИБЛИОТЕКА

Российского государственного
гуманитарного университета 17
Миусская ил., д. 6,

Москва, ГСГИ, шт

Но... послушай, здесь оставаться теперь не годится;
Будет плохо; Рейн близко – ступай, переедем;
Лодка у берега есть». – Садятся, плывут, переплыли,
На берег вышли и по полю бегом. В сторонке, в трактире
Светится свечка. Зеленый сказал: «Зайдем на минутку;
Тут есть добрые люди; помогут тебе разгуляться».
Входят. В трактире сидят запоздалые, пьют и играют.
Вальтер с Зеленым подвинулись к ним, и война закипела.
«Бей!» – кричат. «Подходи!» – «Я лопнул!» – «Козырь!» – «Зарезал!»
Вот они козыряют, а маятник ходит "да ходит".
Стрелка взошла на двенадцать... Ах! Бслокуренький мальчик,
Стукни в окошко!.. Не стукнет: дело кончается, Вальтер.
Как же ты плохо играешь!.. зарезал... глубоко, глубоко
В сердце к нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только, что взятку возьмут, повторит да на Вальтера взглянет.
Вот пробило двенадцать. К Вальтеру масть, как на выбор,
Все негодная сыплет; мелком он проигрыш пишет.
Вот... и первого четверть. С перстнем на пальце он руку
Всунул в карман: «Разменяйте мне талер». Плохая монета,
Вальтер, плохая монета: в кармане битые стекла...
Руку отдернув, в страхе глаза он уставил на Буку;
Бука сидит да винцо попивает, и нет ему дела.
«Вальтер (допивши, сказал он), пора! хозяин уж дремлет.
Нынче праздник, двадцать пятое августа; много
Будет в трактире гостей; пойдём, зачем нам тесниться?
Полно перстнем вертеть; не трудись, ничего не добудешь».
Праздник] .. Ах! Вальтер, как бы ты рад был ослышаться! как бы
Рад был ногами к столу прирасти, чтоб не сдвинуться с места!
Поздно, поздно; ничто не поможет... Бледен, как мертвый,
Встал он, ни слова не молвил, и в поле темное с Букой –
Бука вперед, а он позади – побрел, как ягненок
Вслед за своим мясником бредет к кровавой колоде.
Бука ставит его на выстрел ружейный от места.
«Видишь, Вальтер? – сказал он. – Звезды на небе смеркли.
Видишь? Тяжелыми тучами небо кругом обложилось;
Воздух душен; ветка не тронется; листик не дрогнет.
Вальтер, что же ты так замолчал?.. Уж не молишься ль, Вальтер?
Или считаешь свой проигрыш? Все проиграл невозвратно.
Как быть! а выбор остался плохой, я сам признаюсь.
Вот тебе нож... я украл у убийцы, когда обдирал он
Мертвое тело... зарежь себя сам, так за труд не заплатишь».
Так рассказывал дедушка внукам. Чуть смея дыханье
В страхе отвссть, говорит ему бабушка: «Скоро ль ты кончишь?
Девки боятся; на что их страшать небывальщиной? Полно!» –
«Я докончил, – старик отвечал. – Там лежит он, и с перстнем
В дикой крапиве, где нет дроздов и не водятся пташки».
Тут Луиза примолвила: «Бабушка, кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?
Я добралась: Бука есть искушение злое.
Разве не вводит оно нас в грех и в напасти, когда мы
Бога не помним, советов не любим, не делаем дела?
Мальчик в окошечке... кто он? Верный учитель наш, совесть.
О! я дедушку знаю, я знаю и все его мысли».

ПЕРИ И АНГЕЛ

Повесть

Однажды Пери молодая

У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи,
И неба райского лучи
Лились в полуотверзты двери;
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.
«Там духи света обитают;
Для них цветы благоухают
В неувядаемых садах.
Хоть много на земных лугах
И на лугах светил небесных,
Есть много и цветов прелестных:
Но я чужда их красоты –
Они не райские цветы.
Обитель роскоши и мира,
Свежа долина Кашемира;
Там светлы озера струи,
Там сладостно журчат ручьи –
Но что их блеск перед блистаньем,
Что сладкий глас их пред журчанье
Эдемских, жизни полных вод?
Направь стремительный полёт
К бесчисленным звездам созданья,
Среди их пышного блистанья
Неизмеримость пролети,
Все их блаженства изочти,
И каждое пусть вечность длится...
И вся их вечность не сравнится
С одной минутою небес».
И быстрые потоки слез
Бежали по ланитам Пери.
Но Ангел, страж Эдемской двери,
Ее прискорбную узрел;
Он к ней с утехой подлетел;
Он вслушался в ее стенанья,
И ангельского состраданья
Слезой блеснули очеса...
Так чистой каплею роса
В сиянье райского востока,
Так капля райского потока
Блестит на цветке голубом,
Который дышит лишь в одном
Саду небес (гласит преданье).
И он сказал ей: «Упованье!
Узнай, что небом решено:
Той Пери будет прощено,
Которая ко входу рая
Из дальнего земного края
С достойным даром прилетит.
Лети – найди – судьба простит;
Впускать утешно примиренных».
Быстрее комет воспламененных,
Быстрее звездных тех мечей,
Которые во тьме ночей
В деснице Ангелов блистают,
Когда с небес они свергают
Духов, противных небесам,
По светло-голубым полям
Эфирным Пери устремилась;
И скоро Пери очутилась
С лучом денницы молодой
Над пробужденною землей.
«Но где искать святого дара?

Я знаю тайны Шильминара:
Столпы там гордые стоят;
Под ними скрытые, горят
В сосудах гениев рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близ Аравийской стороны
Во глубине погребены
Там острова благоуханий.
Знаком мне край очарований:
Воды исполненный живой,
Сосуд Ямшидов золотой
Таится там, храним духами.
Но с сими ль в рай войти дарами?
Сии дары не для небес.
Что камней блеск в виду чудес,
Престолу Аллы предстоящих?
Что капля вод животворящих
Пред вечной бездной бытия?»
Так думая, она в края
Святого Инда низлетала.
Там воздух сладок; цвет коралла,
Жемчуг и золото янтарей
Там украшают дно морей;
Там горы зноем пламенеют,
И в недре их алмазы рдеют;
И реки в брачном блеске там,
С любовью к пышным берегам
Теснясь, приносят дани злата.
И доли, полны аромата,
И древ сандалных фимиама,
И купы роз могли бы там
Для Пери быть прекрасным раем...
Но что же? Кровью обагрят
Поток увидела она.
В лугах прекрасная весна,
А люди – братья, братии жертвы –
Обезображены и мертвы
Лежа на бархате лугов,
Дыханье чистое цветов
Дыханьем смерти заражали.
О, чьи стопы тебя попрала,
Благословенный солнцем край?
Твоих садов тенистый рай,
Твоих богов святыи лики,
Твои народы и владыки
Какой рукой истреблены?
Властитель Газны, вихрь войны,
Протек по Индии бедою;
Свой путь усыпал за собою
Он прахом отнятых корон;
На псов своих навесил он
Любимиц царских ожерелья;
Обитель чистую веселья,
Зенаны дев он осквернил;
Жрецов во храмах умертвил
И золотые их пагоды
В священные обрушил воды.
И видит Пери с вышины:
На поле страха и войны
Боец в крови, но с бодрым оком,
Над светлым родины потоком
Стоит один, и за спиной
Колчан с последнею стрелой;
Кругом товарищи сраженны...
Лицом бесстрашного плененный,
«Живи!» – Тиран ему сказал.
Но воин, молча, указал
На обагрены кровью воды

И истребителю свободы
Послал ответ своей стрелой.
По твердой броне боевой
Стрела скользнула; жив губитель;
На трупы братьев пал их мститель;
И вдаль помчался шумный бой.
Все тихо; воин молодой
Уж умирал; и кровь скудела...
И Пери к юноше слетела
В сиянье утренних лучей,
Чтоб вежды гаснувших очей
Ему смежить рукой любо в и
И, в смертный миг, священной крови
Оставшую каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упование.
«Богам угодное даянье
(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы;
Чистейшие Эдемски воды
С ней не сравнятся чистотой.
Так, если есть в стране земной
Достойное небес воззренья:
То что ж достойней приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившего бытие
За дело чести и свободу?»
И к райскому стремится входу
Она с добычею земной.
«О Пери! дар прекрасен твой
(Сказал ей страж крылатый рая,
Приветно очи к ней склоняя),
Угоден храбрый для небес,
Который родине принес
На жертву жизнь... но видишь, Пери,
Кристалльные спокойны двери,
Не растворяется Эдем...
Иной желают дани в нем».
Надежда первая напрасна.
И Пери, горестно-безгласна,
Опять с эфирной вышины
Стремится – и к горам Луны
На лоно Африки слетает.
Пред ней, рождался, блистает
В неизвестных истоках Нил,
Средь тех лесов, где он сокрыл
От нас младенческие воды,
И где бесплотных хороводы,
Слетаясь утренней порой
Над люлькой бога водяной,
Тревожат сон его священный,
И великан новорожденный
Приветствует улыбкой их.
Средь пальм Египта вековых,
По гротам, холодной тьмы жилищам,
По сумрачным царей кладбищам
Летает Пери... то она,
Унылой думою полна,
Розетты знойною долиной,
Вслед за четою голубиной,
К приюту их любви летит,
Их стоны внемлет и грустит;
То, воя тихо, замечает,
Как яркий свет луны мелькает
На пел и ка новых крыл ах,
Когда на голубых водах
Мсрида он плывет и плещет,

И вокруг него лазурь трепещет.
Пред ней волшебная страна.
Небес далеких глубина
Сияла яркими звездами;
Дремали пальмы над водами,
Вершины томно прсклоня,
Как девы, от веселий дня
Устав, в подушки пуховые
Склоняют головы младые;
Ночной упившись росой,
Лилеи с девственной красой
В роскошном сне благоухали
И ночью листья освежали,
Чтоб встретить милый день пышней;
Чертоги падшие царей,
В величии уединенья,
Великолепного виденья
Остатками казались там:
По их обрушенным стенам,
Ночной их страж, сова порхала
И ночь безмолвну окликала,
И временем, когда луна
Являлась вдруг, обнажена
От перелетного тумана,
Печально-тихая султана,
Как идол на столпе седом,
Сияла пурпурным крылом.
И что ж?.. Средь мирных сих явлений
Губительный пустыни гений
Приют нежданный свой избрал;
В здем сей он чуму примчал
С песков степей воспламененных;
Под жаром крыл и й зараженных
Вмиг умирает человек,
Как былие, когда протек
Над ним Самуна вихорь знойной.
О, сколь для многих день, спокойно
Угаснувший средь их надежд,
Угас навек – и мертвых вежд
Уж не обрадует денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сияньем дремлющим луна
Сребрит тела непогребенны;
Заразы ядом уstraшенный,
От них летит и ворон прочь;
Гиена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
В опустошенные жилищи;
И горе страннику, пред кем
Незапно вспыхнувшим огнем
Блеснут вблизи из мрака ночи
Ее огромны-злые очи!..
И Пери жалости полна;
И грустно думает она:
«О смертный, бедное творенье,
За древнее грсхопадсньс
Ценой ужасной платишь ты;
Есть в жизни райские цветы –
Но змей повсюду под цветами».
И тихими она слезами
Заплакала – и все пред ней
Вдруг стало чище и светлей:
Так сильно слез очарованье,
Когда прольет их в состраданье
О человеке добрый дух...
Но близко вод, и взор и слух
Манявших свежими струями,

Под ароматными древами,
С которых ветвями слегка
Играли крылья ветерка,
Как младость с старостью играет,
Узрела Пери: умирает,
К земле припавши головой,
Безмолвно мученик молодой;
На лоне беспривстной ночи,
Покинут, неоплакан, очи
Смыкает он; и с ним уж нет
Толпы друзей, дотоле вслед
Счастливица милого летавшей;
В груди, от смертных мук уставшей,
Тяжелой язвы жар горит;
Вотще прохладный ключ блеснит
Вблизи для жаждущего ока:
Никто и капли из потока
Ему не бросит на язык;
Ничей давно знакомый лик
В его последнее мгновенье –
Земли прощальное виденье –
Прискорбной прелестью своей
Не усладит его очей;
И не промолвит глас родного
Ему того прости святого,
Которое сквозь смертный сон,
Как удаляющийся звон
Небесной арфы, нас пленяет,
И с нами вместе умирает.
О бедный гоноша!.. Но он
В последний час свой ободрен
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здесь жизнь была
И с ним одной душой жила,
От яда ночи сей ужасной
Защищена под безопасной,
Под царской кровлею отца:
Там зной от милого лица
Рука невольниц отвевает;
Там легкий холод разливают
Игриво брызжащий фонтан,
И от курильниц, как туман,
Восходит амвры пар душистый,
Чтоб воздух зараженный в чистый
Благоуханьем превратить.
Но, ах! конец свой усладить
Он тщетной силится надеждой!
Под легкую ночной одеждой,
С горячей младостью ланит,
Уж дева прелести спешит,
Как чистый ангел исцеленья,
К нему, в приют его мученья.
И час его уж наступал,
Но близость друга угадал
Страдальца взор полузакрытый;
Он чувствует: ему ланиты
Лобзают огненны уста,
Рука горячая слита
С его хладящей рукою,
И освежительной струею
Язык засохший напоен...
Но что ж?.. Несчастный!.., то сквозь сон
Одолевающей кончины
(Чтоб страшная своей судьбины
С возлюбленной не разделить)
Ее от груди отдалить
Он томной силится рукою;

То увлекаемый душою,
Невольно к ней он грудь прижмет;
То вдруг уста он оторвет
От жадных уст, едва украдкой
На поцелуй стыдливо-сладкой
Дотоле смевших отвечать.
И говорит она: «Принять
Дай в сердце мне твое дыханье;
Мне уступи свое страданье,
Мне жребий свой отдай вполне.
Ах! очи обрати ко мне,
Пока их смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью поделись со мной;
И в смертный час свою мне руку
Подай на смерть, не на разлуку...»
Но обессилена, томна,
Вотще в глазах его она
Тяжелым оком ищет взгляда:
Она уж гаснет, как лампада
Под душным сводом гробовым.
Уж быстрым трепетом своим
Скончала смерть его страданье –
И дева, другу дав лобзанье
С последним всей любви огнем,
Сама за ним в лобзанье том
Желанной смертью умирает.
И Пери тихо принимает
Прощальный вздох ее души.
«Покойтесь, верные, в тиши;
Здесь посреди благоуханья
Пускай Здемские мечтанья
Лелеют ваш прекрасный сон;
Да будет услаждаем он
Игрою музыки небесной
Иль пеньем птицы той чудесной,
Которая в последний час,
Торжественный подъемля глас,
Сама пост свое сожженье
И умирает в сладкопенье...»
И Пери, к ним склоняя взгляд,
Дыханьем райским аромат
Окрест их ложа разликает
И быстро, быстро потрясает
Звездами яркого венца:
Исчезла бледность их лица;
Их существо преобразилось;
Два чистых праведника, мнилось,
Тут ясным почивали сном,
Уж озаренные лучом
Святой денницы воскресенья;
И ангелом, для пробужденья
Их душ слетевшим с вышины,
Среди окрестной тишины
Сияла Пери над четою.
Но уж восток зажжен зарею,
И Пери, к небу свой полет
Направив, в дар ему несет
Сей вздох любви, себя забывшей
И до конца не изменившей.
Надежду все рождало в ней:
С улыбкой Ангел у дверей
Приемлет дар ее прекрасной;
Звенят в Эдеме сладкогласно
Дерев кристальные звонки;
В лицо ей дышат ветерки
Амврозией от трона Аллы;

Ей видны звездные фиалы,
В которых, жизнь забыв свою,
Бессмертья первую струю
В Эдеме души пьют святые.
Но все напрасно! роковые
Пред ней врата не отперлись.
Опять уныло: «Удались!
(Сказал ей страж крылатый рая)
Сей верной девы смерть святая
Записана на небесах;
И будут Ангелы в слезах
Ее читать... но видишь, Пери,
Кристалльные спокойны двери,
И светлый рай не отворен;
Не унывай, доступен он;
Лети на землю с упованьем».
Сияла вечера сияньем
Отчизна розы Сурпстан,
И солнце, неба великан,
Сходя на запад, как корона,
Главу венчало Ливанона,
В великолепии снегов
Смотрящего из облаков,
Тогда, как рдеющее лето
В долине, зноем разогретой,
У ног его роскошно спит.
О, сколь разнообразный вид
Красы, движенья и блистанья
Являл сей край очарованья,
С эфирной зримой высоты!
Леса, кудрявые кусты;
Потоков воды голубые;
Над ними дыни золотые,
В закатных рдеючи лучах
На изумрудных берегах;
Старинны храмы и гробницы;
Веселые веретеницы,
На яркой стен их белизне
В багряном вечера огне
Сияющие чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающие с вышины
На озаренны крутизны;
Их веянье, их трепетанье,
Их переливное сиянье,
Как бы сотканное для них
Из радуг пламенно-живых
Безоблачного Персистана;
Святые воды Иордана;
Слиянный шум волны, листов
С далеким пеньем пастухов
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащие среди долины,
Блестя звездами на цветах, –
Вид усладительный... но, ах!
Для бедной Пери нет услады.
Рассеянны склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падший солнцев храм она,
Вечерним солнцем озаренный;
Его столпы уединенны
В величии стояли там,
По окружающим полям
Огромной простираясь тенью:
Как будто время разрушенью
Коснуться запретило к ним,
Чтоб поколениям земным
Оставить о себе преданье.

И Пери в тайном упованье
К святым развалинам летит:
«Быть может, талисман сокрыт,
Из злата вылитый духами,
Под сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая нам отверзать
И бездны океана темны,
И все сокровища подземны,
И сверженным с небес духам
Опять к желанным небесам
являть желанную дорогу».
И с трепетом она к порогу
Жилища солнца идет.
Еще багряный вечер льет
Свое сиянье с небосклона
И ярко пальмы Ливанова
В роскошных светятся лучах...
Но что же вдруг в се очах?
Долиной Баалбека ясной,
Как роза, свежий и прекрасный,
Бежит младенец; озарен
Огнем заката, гнался он
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться к ней;
Среди ясмнов и л ил ей
Она кружится непослушно
И блещет, как цветок воздушной
Иль как порхающий рубин.
Устав, младенец под ясмин
Прилег и в листьях угнездился.
Тогда вблизи остановился
На жарко-дышащем коне
Ездок, с лицом, как на огне,
От зноя дневного горевшим:
Над мелким ручейком, шумевшим
Близ имарета, он с коня
Спрыгнул, и, на воды склоня
Лицо, студеных струй напился.
Тут взор его оборотился,
Из-под густых бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое в цветах сидело,
И улыбалось и глядело
Без робости на пришлеца,
Хотя толь страшного лица
Дотоле солнце не палило.
Свирепо-сумрачное было
Подобно туче громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совесть
На нем изобразила повесть
Страстей жестоких и злодейств:
Разбой, насильство, плач семейств,
Грабеж, святыни осквернение,
Предательство, богохуление –
Все написала жизнь на нем,
Как обвинительным пером
Неумолимый Ангел мщенья
Записывает преступленья
Земные в книге роковой,
Чтоб после Милость их слезой
С погибельной страницы смыла.
Краса ли вечера смирила
В нем душу – но злодей стоял
Задумчив, и пред ним играл
Малютка тихо меж цветами;

И с яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встречались полные душой
Младенца голубые очи:
Так дымный факел, в мраке ночи
Разврата освещавший дом,
Порой встречается с лучом
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и в этот час
Вечерний минаретов глас,
К мольбе скликающий, раздался...
Младенец набожно поднялся
С цветов, колена преклонил,
На юг лицо оборотил
И с тихостью пред небесами
Самой невинности устами
Промолвил имя Божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно-сжаты руки...
Казалось, о конце разлуки
С Эдемом радостным своим
Молился чистый Херувим,
Земли на время поселенец.
О вид прелестный! Сей младенец,
Сии святыя небеса...
И гордый Эвлис очеса
(Таким растроганный явленьем)
Склонил бы, вспомнив с умиленьем
О светлой рая красоте
И о погибшей чистоте.
А он?.. Отверженный, несчастной!
Перед невинностью прекрасной,
Как осужденный, он стоял...
Увы! он памятью летал
Над темной прошлого пучиной:
Там не встречался ни единой
Веселый берег, где б пристать
И где б отрадную сорвать
Надежде ветку примпренья;
Одни лишь грозные виденья
Носились в темной бездне той...
И грудь смягчилась тоской;
И он подумал: «Время было,
И я, как ты, младенец милой,
Был чист, на небеса смотрел,
Как ты, молиться им умел
И к мирной алтаря святыне
Спокойно подходил... а ныне?..»
И голову потупил он;
И все, что с давних тех времен
В душе ожесточенной спало,
Чем сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты –
Все вдруг пред ним возобновилось
И в душу, свежее, втеснил осьь;
И он заплакал... он во прах
Пред Богом пал в своих слезах.
О слезы покаянья! вами
Душа дружится с небесами;
И в тайный угрызенья час
Виновный знает только в вас
Невинности святое счастье.
И Пери в жалости, в участие,
Забыв себя и жребий свой,
С покорною о нем мольбой
Глаза на небо – светом ровным

Над непорочным и виновным
Сияющее – возвела;
Бе душа полна была
Неизъяснимым ожиданьем...
На хладном прахе с покаяньем
Пред богом плачущий злодей
Лежал недвижим перед ней,
К земле приникнув головою;
И сострадательной рукою,
К несчастному преклонена,
Как нежная сестра, она
Поддерживала с умилением
Главу, нагбенную смиреньем;
И быстро из его очей
В мирительную руку ей
Струя горячих слез бежала;
И на небе она искала
Ответа милости слезам...
И все прекрасно было там!
И были вечера светила,
Как яркие паникадилы
В небесном храме зажжены;
И мнилось ей: из глубины
Того незримого чертога,
Где чистым покаяньем Бога
Умеет сердце обретать,
К земле сходила Благодать;
И там, казалось, ликовали:
Как будто Ангелы летали
С веселой вестью по звездам;
Как будто праздновали там
Святую радость примиренья –
И вдруг, нсзапного стремленья
Могуществом увлечена,
Уже на высоте она;
Уже пред ней почти пропала
Земля; и Пери... угадала!
С потоком благодарных слез,
В последний раз с полу небес
На мир земной она воззрела...
«Прости, земля!»... и улетела.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

Повесть

Замок Шильон – в котором с 1530 по 1537 заключен был знаменитый Бонивар, Женевский гражданин, мученик веры и патриотизма – находится между Клараном и Вильневом, у самых восточных берегов озера (Немана). Из окон его видны, с одной стороны, устье Роны, долина, ведущая к Сен-Морицу и Мартиньи, снежные Валлизские горы и высокие утесы Мельери; а с другой – Монтре, Шателар, Кларан, Веве, множество деревень и замков; пред ним расстилается необъятная равнина вод, ограниченная в отдалении низкими, голубыми берегами, на которых, как светлые точки, сияют Лозанна, Морж и Ролль; а позади его падает с холма шумный поток. Он со всех сторон окружен озером, которого глубина в этом месте простирается до восьмисот французских футов. Можно подумать, что он выходит из воды, ибо совсем не видно утеса, служащего ему основанием: где кончится поверхность озера, там начинаются крепкие стены замка. Темница, в которой страдал несчастный Бонивар, до половины выдолблена в гранитном утесе: своды ее, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу: на одной из колонн висит еще то кольцо, к которому была прикреплена цепь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, заметна впадина, вытоптанная ногами несчастного узника, который столько времени принужден был ходить на цепи своей все по одному месту. Неподалеку от устья Роны, вливающейся в Женевское озеро, недалеко от Вильнева, находится небольшой островок, единственный на всем пространстве Лемана: он неприметен, когда плывешь по озеру, Но его можно легко различить из окон замка*.

I.

Взгляните на меня: я сед;
Но не от хилости и лет;
Не страх внезапный в ночь одну
До срока дал мне седину.
Я сгорблен, лоб наморщен мой;
Но не труды, не хлад, не зной –
Тюрьма разрушила меня.

Лишенный сладостного дня,
Дыша без воздуха, в цепях,
Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.

Удел несчастного отца:

За веру смерть и стыд цепей,
Уделом стал и сыновей.

Нас было шесть – пяти уж нет.

Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.

Три заживо схоронены

На дне тюремной глубины –

И двух сожрала глубина;

Лишь я, развалина одна,

Себе на горе уцелел,

Чтоб их оплакивать удел.

И.

На лоне вод стоит Шильон;

Там в подземелье семь колонн

Покрыты влажным мохом лет.

На них печальный брезжит свет,

Луч, ненароком с вышины

Упавший в трещину стены

И заронившийся во мглу.

И на сыром тюрьмы полу

Он светит тускло-одинок,

Как над болотом огонек,

Во мраке веющий ночном.

Колонна каждая с кольцом;

И цепи в кольцах тех висят;

И тех цепей железо – яд;

Мне в члены вгрызлося оно;

Не будет ввек истреблено

Клеймо, надавленное им.

И день тяжел глазам моим,

Отвыкнувшим с толь давних лет

Глядеть на радующий свет;

И к воле я душой остыл

С тех пор, как брат последний был

Убит неволей предо мной

И рядом с мертвым я, живой,

Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цепями теми были мы

К колоннам тем пригвождены,

Хоть вместе, но разлучены;

Мы шагу не могли ступить,

В глаза друг друга различить

Нам бледный мрак тюрьмы мешал.

Он нам лицо чужое дал –

И брат стал брату незнаком.

Была услада нам в одном:

Друг другу голос подавать,

Друг другу сердце пробуждать

Иль былью славной старины,

Иль звучной песнию войны –

Но скоро то же и одно

Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал;
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремныя стены;
Он не был звуком старины,
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым.
Мечта ль?., но голос их и мой
Всегда звучал мне, как чужой.

IV.

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.
Наш младший брат, любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне всё, и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот дневный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жил.
Как утро, был он чист и жив:
Умом – младенчески игрив,
Беспечно – весел сам с собой...
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V.

Другой был столь же чист душой;
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет,
И в первый ряд на смерть готов...
Но без терпенья для оков.
И он от звука их завял.
Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас.
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков –
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильон Леманом окружён,
И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена
Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него бьющая волна
И шум над нашей головой
Струй, отшибаемых стеной.
Случалось – бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось – вихорь бушевал,
И содрогалася скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас;
Свободой был бы смертный час.

VII.

Середний брат наш – я сказал –

Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда –
С тех пор, как цепи созданы –
Слезами смачивать должны
Невольники в своих цепях.
Не от нужды скорбел и чах
Мой брат: равно завял бы он,
Когда б и негой окружен
Без воли был... Зачем молчать?
Он умер... я ж ему подать
Руки не мог в последний час,
Не мог закрыть потухших глаз;
Вотще я цепи грыз и рвал –
Со мною рядом умирал
И умер брат мой, одинок;
я близко был и был далек.
Я слышать мог, как он дышал,
Как он дышать переставал,
Как вздрагивал в цепях своих
И как ужасно вдруг затих
Во глубине тюремной мглы...
Они, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погребли
В холодном лоне той земли,
На коей он невольник был.
Вотще я их в слезах молил,
Чтоб брату там могилу дать,
Где мог бы дневный луч сиять;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хоть в гробе он.
«В темнице (мнил я) мертвых сон
Не тих»... Но был ответ слезам
Холодный смех; и брат мой там,
В сырой земле тюрьмы, зарыт,
И в головах его висит
Пук им оставленных цепей:
Убийц достойный мавзолей.

VIII.

Но он – наш милый, лучший цвет,
Наш ангел с колыбельных лет,
Сокровище семьи родной,
Он – образ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Он – для кого я жизнь щадил:
Чтоб он бодрей в неволе был,
Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческой тишиной,
С терпеньем ясным жребий свой;
41

Не я ему – он для меня
Подпорой был... вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
190 Грустил, молчал и молча вял.
О Боже! Боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул

С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,
200 С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла:
Но там был страх – здесь скорбь была,
Болезнь глубокая души.
Смиранным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих,
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... увы! он гас,
2,0 Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах;
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
О упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытьи.
220 Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал
Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, как бешеный... стена
Откликнулась... и умер гул!
Я цепь отчаянно рванул
И вырвал... к брату... брата нет!
Он на столбе – как вешний цвет,
Убитый хладом – предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлося в ней;
Я дико по тюрьме бродил –
Но в ней покой ужасный был;
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаём,
Что милому уже не быть,
И миг сей мог я пережить!
Не знаю – вера ль то была,
Иль хладность к жизни жизнь спасла?
IX.
Но что потом сбилось со мной,
Не помню... свет казался тьмой,
Тьма светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
Все в мутную слилось тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:

То было тьма без темноты;

4-3

То было бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без Промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть – как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

X.

Вдруг луч незапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я;
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычную пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде бледною струей
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был;
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песне той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел;
Как я, казалось, он скорбел
О брате и покинут был;
И он с любовью навестил
Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилец?
Или, недавно из цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порой,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучен,
Остался вдвое одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI.

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;

Дотоле их душа была
Бесчувственной желез моих;
И что разжалобило их,
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,
35«

Не смея братних лишь могил
Дотронуться моей ногой,
Чтобы последняя земной
Святыни там не оскорбить.
XII.

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне
И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
Все, что знавал, все, что любил,
Невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако, при ясном дне
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.
XIII.

Я их увидел – и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание – снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль берегов,
И я заметил островок:
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем;
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивались нежней
Кругом родных берегов оне.
И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
Гостил у берега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;

И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым – то к окну
Спускался он, то в высоту
Взлетал – за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
Мне жала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был –
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб, казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землей;
Но как ни тяжело ныла грудь –
Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.
XIV.

День приходил – день уходил –
Шли годы – я их не считал;
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я – давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там всё друг,
Всё однодomeц было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул –
Я о тюрьме своей вздохнул.

ПЕРЧАТКА

Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.
Король дал знак рукою –
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул –
Затвор железной двери грянул,

И смелый тигр из-за решетки прынул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косясь взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой –
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.
И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».
Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНИЕ

Быль

Лет за семьдесят, в Швеции, в городе горном Фаллу не,
Утром одним молодой рудокоп на свиданье с своею
Скромной, милой невестою так ей сказал: «Через месяц
(Месяц не долгов) мы будем муж и жена; и над нами
Благословение Божие будет». – «И в нашей убогой
Хижине радость и мир поселятся», – сказала невеста.
Но когда возгласил во второй раз священник в приходской
Церкви: «Кто законное браку препятствие знает,
Пусть объявит об нем», тогда с запрещеньем явилась
Смерть. Накануне брачного дня, идя в рудокопню
В черном платье своем (рудокоп никогда не снимает
Черного платья), жених постучался в окошко невесты,
С радостным чувством сказал он ей: доброе утро! – но добрый
Вечер! он уж ей не сказал, и назад не пришел он
К ней ни в тот день, ни на другой, ни на третий, ни после...
Рано поутру оделась она в венчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришел он,
Платье венчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго об нем и его никогда не забыла.
Вот в Португалии весь Лиссабон уничтожен был страшным
Землетрясеньем; Война Семилетняя кончилась; умер
Франц Император; был Иезуитский орден разрушен;
Польша исчезла, скончалась Мария-Терезия; умер
Фридрих Великий; Америка стала свободна; в могилу
Лег император Иосиф Второй; революции пламя
Вспыхнуло; добрый король Людовик, возведенный на плаху,
Умер святым; на русском престоле не стало Великой

Екатерины; и много тронов упало; и новый
Сильный воздвигся, и все перевысил, и рухнул;
И на далекой скале океана изгнанником умер
Наполеон. А поля, как всегда, покрывались жатвой,
Пашни сочной травой, холмы золотым виноградом;
Пахарь сеял и жал, и мельник молот, и глубоко
В недра земли проникал с фонарем рудокоп, открывая
Жилы металлов. И вот случилось, что близко фаллуна,
Новый ход проложив, рудокопы в давнишнем обвале
Вырыли труп неизвестного юноши: был он не тронут
Тленьем, был свеж и румян; казалось, что умер
С час, не боле, иль только прилег отдохнуть и забылся
Сном. Когда же на свет он из темной земной утробы
Вынесен был, – отец, и мать, и друзья, и родные
Мертвы уж были давно; не нашлось никого, кто б о спящем
Юноше знал, кто б помнил, когда с ним случилось несчастье.
Мертвый товарищ умершего племени, чуждый живому,
Он сиротой лежал на земле, посреди равнодушных
Зрителей, всем незнакомый, дотол, пока не явилась
Тут невеста того рудокопа, который однажды
Утром, за день до свадьбы своей, пошел па работу
В рудник и боле назад не пришел. Подпираясь клюкою,
Трепетным шагом туда прибрела седая старушка;
Смотрит на тело и вмиг узнает жениха. И с живою
Радостью боле, чем с грустью, она предстоявшим сказала:
«Это мой бывший жених, о котором так долго, так долго
Плакала я и с которым Господь еще перед смертью
Дал мне увидеться. За день до свадьбы пошел он работать
В землю, но там и остался». У всех разогрелось сердце
Нежным чувством при виде бывшей невесты, увядшей,
4 – 1368

51

Дряхлой, над бывшим ее женихом, сохранившим всю прелесть
Младости свежей. Но он не проснулся на голос знакомый;
Он не открыл ни очей для узнанья, ни уст для привета.
В день же, когда на кладбище его понесли, с умилением
Друга давнишняя младости в землю она проводила;
Тихо смотрела, как гроб засыпали; когда же исчез он,
Свежей могиле она поклонилась, пошла и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдаст и в другой раз!»
ДВЕ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА
День был ясен и тепел; к закату сходящее солнце
Ярко сияло на чистом лазоревом небе. Спокойно
Дедушка, солнцем согретый, сидел у ворот на скамейке;
Глядя на ласточек, быстро круживших в воздушном пространстве,
Вслед за ними пускал он дымок из маленькой трубки;
Легкими кольцами дым подымался и, с воздухом слившись,
В нем пропадал. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидели кругом; самопрялки жужжали, и тонкой
Струйкой нити вились; фриц работал, а Знни,
Вечный ленивец, играл на траве с курчавою шавкой.
Все молчали: как будто ангел тихий провеял.
«Дедушка, – Лотта сказала, – что ты примолк? Расскажи нам
Сказку; вечер ясный такой; нам весело будет
Слушать». – «Сказку? – старик проворчал, высыпая из трубки
Пепел, – все бы вам сказки; не лучше ль послушать вам были?
Быль расскажу вам, и быль не одну, а две». Опроставши
Трубку и снова набив ее табаком, из мошонки
Дедушка вынул огниво и, трут в кремень положивши,
Крепко ударил сталью в кремень, посыпались искры,
Трут загорелся, и трубка опять задымилась. Собравшись
С мыслями, дедушка так рассказывать с важностью начал:
«Дети, смотрите, как все перед нами прекрасно, как солнце,
Медленно с неба спускаясь, все осыпает лучами;
Рейн золотом льется; жатва как тихое морс;
Холмы зеленые в свете вечернем горят; по дорогам
Шум и движение; подняв паруса, нагруженные барки
Быстро бегут по водам; а наша приходская церковь...

Окна се как огни меж темными липами блещут;
Вкруг мелькают кресты на кладбище, и в воздухе теплом
Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькают;
Весь он полон говором, пеньем, жужжаньем... прекрасен
Мир Господень! сердцу так радостно, сладко и вольно!
Скажешь: где бы в этом прекрасном мире Господнем
Быть несчастью? Ан нет! и не только несчастье – злодейство
Место находит в нем. Видите ль там, на высоком пригорке,
Замок в обломках? Теперь по стенам расцветает зеленый
Плющ, и солнце его золотит, и звонкую песню беспечно,
Сидя в траве, на рожке там играет пастух. А на Рейне
Видите ль вы небольшой островок? Молодая из кленов
Роца на нем расцвела; под тенью ее разостлавши
Сети, рыбак готовит свой ужин, и дым голубую
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, так прекрасный
Рай. Ну слушайте ж: очень недавно там, на пригорке,
Близко развалин замка, стояла гостиница, чистый,
Светлый, просторный дом, под вывеской Черного вепря.
В этой гостинице каждый прохожий в то время мог видеть
Бедную Зми. Подлинно бедная! дико потупив
Голову, в землю глаза неподвижно уставив, по целым
Дням сидела она перед дверью трактира на камне.
Плакать она не могла, но тяжело, тяжело вздыхала;
Жалоб никто от нее не слышал, но, Боже мой! всякий,
Раз поглядевши ей, бедной, в лицо, узнавал, что на свете
Все для нее миновалось: мертвою бледностью щеки
Были покрыты, глаза из глубоких впадин сверкали
Острым огнем; одежда была в беспорядке; как змеи,
Черные кудри по голым плечам раскиданы были.
Вечно молчала она и была тиха, как младенец;
Но порою, если случалось, что ветер просвищет,
Вдруг содрогалась, на что-то глаза упирала и, пальцем
Быстро туда указав, смеялась смехом безумным.
Бедная Зми! такую ль видали ее? Беззаботно
Жизнью, бывало, она веселилась, как вольная пташка.
Помню и я, и старые гости Черного вепря,
Как нас радушной улыбкой и ласковым словом встречала
Зми, как весело шло угощенье. И все ей друзьями
Были в нашей округе. Кто веселость и живость

4*

53

Всюду с собой приносил? Кого, как любимого гостя,
С криками вся молодежь встречала на праздниках? Зми.
Кто всегда так опрятно и чинно одет был? Кого наш священник
Девушкам всем в образец поставлял? Кто, шумя как ребенок
Резвый на играх, был так набожно тих за молитвой?
Словом, кто бедным был друг, за больными ходил, с огорченным
Плакал, с детьми играл, как дитя? Все Зми, все Зми.
Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротив. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этот Бранд был молод, умен и красив; но худые
Слухи носились об нем: он с людьми недобрыми знался;
В церковь он не ходил; а в шинках, за картами, кто был
Первый? Бранд. Колдовством ли каким он понравился Зми,
Сам ли Господь ей хотел послать на земле испытанье,
С тем, чтоб душа ее, здесь в страданьях очистившись, прямо
В рай перешла – не знаю, но Зми была уж невестой
Бранда, и все жалели об ней. Ну послушайте ж: вечер
Был осенний и бурный; в гостинице Черного вепря
Два сидели гостя; яркое пламя трещало в камине.
«Что за погода! – сказал один. – Не раздолье ль в такую
Бурю сидеть у огня и слушать, как ветер холодный
Рвется в оконницы?» – «Правда, – другой отвечал, – ни за что бы
я теперь отсюда не вышел; ужас, не буря.
Месяц на небе есть, а ночь так темна, что хоть оба
Выколи глаза; плохо тому, кто в дороге!» – «Желал бы
Знать я, найдется ль такой удалец, чтоб теперь в тот старинный
Замок сходить? Он близко, шагов с три сотни, не боле;

Но, признаться, днем я не трус, а ночью в такое
Время пойти туда, где, быть может, в потемках
Гость из могилы встретит тебя, – извините; с живыми
Сладить можно, а с мертвым и смелость не в пользу; храбрися
Сколько угодно душе, а что ты сделаешь, если
Вдруг пред тобою длинный, бледный, сухой, с костяными
Пальцами станет, и два ужасные глаза упрутся
Дико в тебя, и ты ни с места, как камень? А в этом
Замке, все знают, нечисто; и в тихую ночь там не тихо;
Что же в бурю, когда и мертвец повернется в могиле?» –
«Страшно, правда; а я об заклад побьюся, что наша
Зми не струсит и в замок одна-одинешенька сходит». –
«Бейся, пробьешь». – «Изволь, по рукам! ты слышала, Зми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть к свадьбе? Сходи же
В замок и ветку нам с клена, который между обломков
Там растет, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвых и бредням не веришь. Согласна ли, Зми?» – «Согласна, –
Зми сказала с усмешкой. – Бояться тут нечего, разве
Бури; а против ночных привидений защитой молитва».
С этим словом Зми пошла. Развалины были
Близко; но ветер выл и ревел; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, как черные горы, задвинув
Небо, страшно ворочались. Зми знакомой тропинкой
Входит без всякого страха в средину развалин;
Клен недалеко; вдруг ветер утих на минуту; и Зми
Слышит, что кто-то идет живой, а не мертвый; ей стало
Страшно... слушает... ветер снова поднялся и снова
Стих, и снова послышалось ей, что идут; в испуге
К груде развалин прпжалась Зми. В это мгновенье
Ветром раздвинуло тучи, и месяц очистился. Что же
Зми увидела? Два человека – две черные тени –
Крадутся между обломков и тащат мертвое тело.
Ветер ударил сильнее; с головы одного сорвался
Шляпа и к Зминым прямо ногам прикатилась; а месяц
В ту минуту пропал, и все опять потемнело.
«Стой! (послышался голос) шляпу ветром умчало». –
«После отыщешь, прежде окончим работу: зароем
Клад свой», – другой отвечал, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглав пустилась к гостинице Зми. Бледнее
Смерти в двери вбежала она и долго промолвить
Слова не в силах была; отдохнув, наконец рассказала
То, что ей в замке привиделось. «Вот обличитель убийцам!» –
Шляпу поднявши, громко промолвила Зми; но тут же
В шляпу всмотрелась... «Ах!» и упала на пол без чувства:
Брандово имя стояло на шляпе. Мне нечего боле
Вам рассказывать. В этот миг помутился рассудок
Бедной Зми; Господь милосердый недолго страдать ей
Дал на земле: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видели столб с колесом на пригорке близ замка; проходим
Он приводил на память и Бранда, и бедную Зми.
Все исчезло теперь, и гостиницы нет; лишь могилка
Бедной Зми цветет, как цвела, и над нею спокойно».
Дедушка кончил и молча стал выколачивать трубку.
Внучки также молчали и с грустью смотрели на церковь:
Солнце играло на ней, и темные липы бросали
Тень на кладбище, где Зми давно покоилась в гробе. –
«Вот вам другая быль, – сказал, опять раскуривши
Трубку, старик. – Каспар был беден. К буйной, развратной
Жизни привык он, и сердце в нем сделалось камнем. Но жадным
Оком смотрел на чужое богатство Каспар. На злодейство
Трудно ль решиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Так и случилось. Каспар на ночную добычу
Вышел. Вы видите остров на Рейне? Вдоль берега вьется
Против этого острова, мимо утеса, дорожка.
Там, у самой дорожки, под темным утесом, в ночное
Позднее время Каспар засел и ждал: не пройдет ли
Кто-нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освещенный
Полной луной островок отражался в воде, и густые

Клены, глядяся в нес, стояли тихо, как черные тени;
Все покоилось... волны изредка в берег плескали,
В листьях журчало, и пел соловей. Но, злодейским
Замыслом полный, Каспар не слышал ничего; он иное
Жадным подслушивал ухом. И вот напоследок он слышит:
Кто-то идет по дороге; то был одинокий прохожий.
Выскочил, словно как зверь из берлоги, Каспар; и недолго
Длилась борьба между ими: бедный путник с тяжелым
Стоном упал на землю, зарезанный. Мертвое тело
В воду стащил Каспар и вымыл кровавые руки;
Брызнули волны, раздавшись под трупом, и снова слились
В гладкую зыбь; все стало по-прежнему тихо, и сладко
Петь продолжал соловей. Каспар беззаботно с добычей
В путь свой пошел; свидетелей не было; совесть молчала.
Скоро истратил разбойник добытое кровью, и скоро
Голом стал он по-прежнему. Годы прошли; об убийстве,
Кроме Бога, никто не проведал; но слушайте дале.
Раз Каспар сидел за столом в гостинице. Входит
Старый знакомец его, арендарь Веньямин; он садится
Подле Каспара; он крепко, крепко задумчив; и вправду
Было о чем призадуматься: денно и ночно работал,
Честно жил Веньямин, а все понапрасну; тяжелый
Крест достался ему: семью имел он большую;
Всех одень, напой, накорми... а чем? И вдобавок
Новое горе постигло его: жена от тяжелой
Сорби слегла в постель, и деньги пошли за лекарство;
Бог помог ей; но с той поры все хуже да хуже; и часто
Нечего есть; жена молчит, но тает, как свечка;
Дети криком кричат; наконец, остальное помещик
В доме силою взял, в уплату за долг, и из дома
Выгнать грозилась. Эта беда с Веньямином случилась
Утром, а вечером он Каспара в гостинице встретил.
Рядом с ним он сидел у стола; опершись на колено
Локтем, рукою закрывши глаза, молчал он как мертвый.
«Что с тобой, Веньямин? – спросил Каспар. – Ты как будто
В воду опущен. Послушай, сосед, не распить ли нам вместе
Кружку вина? Веселее на сердце будет; отведай».
Кружку взял Веньямин и выпил. «Тяжко приходится
Жить, – сказал он. – Жена умирает, и хилые кости
Не на чем ей успокоить: злодеи последнюю взяли
Нынче постелю. А дети – Господи Боже мой! лучше б
Им и мне в могилу. Помещик наш нынешней ночью
В замок свой пышный поедет и там на мягких подушках,
Вкусно поужинав, сладко заснет... а я, воротясь
В дом мой, где голые стены, что найду там? Бездушный!
Я ли Христом да Богом его не молил? У него ли
Мало добра?... Пускай же Всевышний Господь на судилище страхом
Так же с ним немилостив будет, как он был со мною!»
Слушал Каспар и в душе веселился, как злой искуситель;
В кружку соседу вина подливал он и скоро зажег в нем
Кровь, и потом из гостиницы вышел с ним вместе. Уж было
Поздно. «Сосед, – Веньямину он тихо шепнул, – господин твой
Нынешней ночью один в свой замок поедет; дорога
Близко, она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко».
Речью такой был сражен Веньямин; но тяжкая бедность,
Горе семьи, досада, хмель, темнота, обольщенье
Слов коварных... довольно, чтоб слабое сердце опутать.
Так ли, не так ли, но вот пошел Веньямин за Каспаром;
Против знакомого острова сели они под утесом,
Близко дороги, и ждут; ни один ни слова; не смеют
Вслух дышать и слушают молча. Их окружала
Тихая, темная ночь; звезд не сверкало на небе,
Лист едва шевелился, без ропота волны лилися,
Все покоилось сладко, и пел соловей. Душа Веньямина
Вдруг согрелась: в ней совесть проснулась, и он содрогнулся.
«Нечего ждаты, – он сказал, – уж поздно; уйдем, не придет он».
«Будь терпелив, – злодей возразил, – пождем, и дождемся.
Доле зато дожидаться его возвращенья придется»

В замке жене; да будет напрасно се нетерпенье». Сердце от этих слов повернулось в груди Вснямина; вспомнил свою он жену и сказал: «Теперь прояснилась Совесть моя; не поздно еще, не хочу оставаться!» – «Что ты? – воскликнул Каспар. – Послушался совести; бредит. Ночь темна, река глубока, здесь место глухое; кто нас увидит?» Мороз подрал Веньямина по коже. «Кто нас увидит? А разве нет свидетеля в небе?» – «Сказки! здесь мы одни. В ночной темноте не приметит нас ни земной, ни небесный свидетель». Тут неоглядкой прочь от него побежал Веньямин. И в это мгновение Темное небо ярким, страшным лучом раздвоилось; все кругом могильная мгла покрывала; на том лишь месте, где спрятаться думал Каспар, было как в ясный полдень светло. И вот пред глазами его повторилось все, что он некогда тут совершил во мраке глубокой ночи один: он услышал шум от упавшего в воду трупа; он черный труп на волнах освещенных увидел; волны разинулись, труп нырнул в них, и все потемнело... Дети, долго с тех пор под этим утесом, как дикий зверь, гнездилися Каспар сумасшедший. Не ведал он кровли; был безобразен: лицо как кора, глаза как два угля, волосы клочьями, ногти на пальцах как черные когти, вместо одежды гнилое тряпье; худой, изможденный, чахлый, все ребра наружу, он в страхе все жался к утесу, все как будто хотел в нем спрятаться и все озирался смутно кругом; но порою вдруг выбегал и, на небо дико уставив глаза, шептал: «Он видит, Он видит». Дедушка, бывль досказав, посмотрел, усмехаясь, на внучек. «Что же вы так присмирели? – спросил он. – Видно, рассказ мой был не на шутку печален? Пойдите ж, я кое-что вспомнил, что рассмешит вас и вместе научит. Слушайте. Часто мы на свою негодуем судьбу; а если рассудишь, как все на свете неверно, то сердцем смиришься и станешь бога за участь свою прославлять. Иному труднее опыт такой достается, иному легче. И вот как раз до премудрости этой, не умствуя много, а просто случаем странным, одною забавной ошибкой добрался бедный немецкий ремесленник. Был по какому-то делу он в Амстердаме, голландском городе; город богатый, пышный, зданья огромные, тьма кораблей; загляделся бедный мой немец, глаза разбежались; вдруг он увидел дом, какого не снилось ему и во сне: до десятка труб, три жилья, зеркальные окна, ворота с добрый сарай – удивленье! С смиренным поклоном спросил он первого встречного: «Чей это дом, в котором так много в окнах тюльпанов, нарциссов и роз?» Но, видно, прохожий или был занят, или столько же знал по-немецки, сколько тот по-голландски, то есть не знал ни полслова; как бы то ни было, Каннитферштан! отвечал он. А это Каннитферштан есть голландское/слово, иль, лучше, четыре слова, и значит оно: не могу вас понять. Простодушный немец, напротив, вздумал, что так назывался владелец дома, о коем он спрашивал. «Видно, богат не на шутку этот Каннитферштан», – сказал про себя он, любуясь домом. Потом отправился далё. Приходит на пристань – новое диво: там кораблей числа нет; их мачты словно как лес. Закружилась его голова, и сначала он не видал ничего, так много он разом увидел. Но наконец на огромный корабль обратил он вниманье. Этот корабль недавно пришел из Ост-Индии; много вокруг суетилось людей: его выгружали. Как горы, были навалены тюки товаров: множество бочек с сахаром, кофе, перцем, пшеном сарацинским. Разинув рот, с удивленьем глядел на товары наш немец; и сведать крепко ему захотелось, чьи были они. У матроса, несшего тюк огромный, спросил он: «Как назывался тот господин, которому море столько сокровищ

Разом прислало?» Нахмурясь, матрос проворчал мимоходом: Каннитферштан. «Опять! смотри пожалуй! Какой же Этот Каннитферштан молодец! Мудрено ли построить Дом с богатством таким и расставить в горшках золоченых Столько тюльпанов, нарциссов и роз по окошкам?» Пошел он Медленным шагом назад и задумался; горе Взяло его, когда он размыслил, сколько богатых В свете и как он беден. Но только что начал с собою Он рассуждать, какое было бы счастье, когда б он Сам был Каннитферштан, как вдруг перед ним – погребенье. Видит: четыре лошади в черных длинных попонах Гроб на дрогах везут и тихо ступают, как будто Зная, что мертвого с гробом в могилу навеки отвозят; Вслед за гробом родные, друзья и знакомые, молча, В трауре идут; вдали одиноко звонит погребальный Колокол. Грустно стало ему, как всякой смиренной Доброй душе, при виде мертвого тела; и, снявши Набожно шляпу, молитву творя, проводил он глазами Ход погребальный; потом подошел к одному из последних Шедших за гробом, который в эту минуту был занят Важным делом: рассчитывал, сколько прибыли чистой Будет ему от продажи корицы и перцу; тихонько Дернув его за кафтан, он спросил: «Конечно, покойник Был вам добрый приятель, что так вы задумались? Кто он?» Каннитферштан] был короткий ответ. Покатилпся слезы Градом из глаз у честного немца; сделалось тяжко Сердцу его, а потом и легко; и, вздохнувши, сказал он: «Бедный, бедный Каннитферштан! от такого богатства что осталось тебе? Не то же ль, что рано иль поздно Мне от моей останется бедности? Саван и тесный Гроб». И в мыслях таких побрел он за телом, как будто Сам был роднёю покойнику; в церковь вошел за другими; Там голландскую проповедь, в коей не понял ни слова, Выслушал с чувством глубоким; потом, когда опустили Каннитферштана в землю, заплакал; потом с облегченным Сердцем пошел своею дорогой. И с тех пор, как скоро Грусть посещала его и ему становилось досадно Видеть счастье богатых людей, он всегда утешался, Вспомнив о Каннитферштане, его несметном богатстве, Пышном доме, большом корабле и тесной могиле.

СРАЖЕНИЕ С ЗМЕЕМ

Повесть

Что за тревога в Родосе? Все улицы полны народом; Мчатся толпами, вопят, шумят. На коне величавом Едет по улице рыцарь красивый; за рыцарем тащат Мертвого змея с кровавой разинутой пастью; все смотрят С радостным чувством на рыцаря, с страхом невольным на змея. «Вот! – говорят, – посмотрите, тот враг, от которого столько Времени не было здесь ни стадам, ни людям прохождению. Много рыцарей храбрых пыталось с чудовищем выйти В бой... все погибли. Но Бог нас помиловал: вот наш спаситель; Слава ему!» – И вслед за младым победителем идут Все в монастырь Иоанна Крестителя, где Иоаннитов Был знаменитый Капитул собран в то время. Смирненно Рыцарь подходит к престолу Магистера; шумной толпою Ломится следом за ним в палату народ. Преклонивши Голову, юноша так говорить начинает: «Владыка! Рыцарский долг я исполнил: змей, разоритель Родоса, Мною убит; безопасны дороги для путников; смело Могут стада выгонять на луга пастухи; на молитву Может без страха теперь пилигрим к чудотворному лику Девы Пречистой ходить». – Но с суровым ответствовал взглядом Строгий Магистер: «Сын мой, подвиг отважный с успехом Ты совершил: отважность рыцарю честь. Но ответствуй: В чем обязанность главная рыцарей, верных Христовых Слуг, христианства защитников, в знак смирения носящих Крест Иисуса Христа на плечах?» То зрители внемля, Все оробели. Но рыцарь, краснея, ответствовал: «Первый

Рыцарский долг есть покорность». – «И рыцарский долг сей
Ныне, сын мой, ты нарушил: ты мной запрещенный
Подвиг дерзнул совершить». – «Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потом осуди. Не с слепую
Дерзостью я на опасное дело решился; но верно
Волю закона исполнить хотел: одной осторожной
Хитростью мнил одержать я победу. Пять благородных
Рыцарей нашего Ордена, честь христианства, погибли
В битве с чудовищем. Ты запретил нам сей подвиг;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
б1

Бедствия гибнущих братии; стремленьем спасти их томимый,
Днем я покоя не знал, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мне призрак сраженья
С змеем; и все как будто бы чудилось мне, что небесный
Голос меня возбуждал и твердил мне: дерзай! и дерзнул я.
Вот что я мыслил: ты рыцарь; одних ли врагов христианства
Должен твой меч поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитником слабых, спасать от гоненья гонимых,
Грозных чудовищ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужеством мудрость должны управлять. И в таком убежденье
Долго себя я готовил к опасному бою, и часто
К месту, где змей обитал, я тайком подходил, чтоб заране
С сильным врагом ознакомиться; долго обдумывал средства,
Как мне врага победить; наконец вдохновение свыше
Душу мою просветило: найдено средство! сказал я
В радости сердца. Тогда у тебя позволения, Владыка,
Я испросил посетить отеческий дом мой; угодно
Было тебе меня отпустить. Переплыв безопасно
Море и на берег вышед, в отеческом доме немедля
Все к предпринятому подвигу стал я готовить. Искусством
Сделан был змей, подобный тому, которого образ
Врезался в память мою; на коротких лапах громадой
Тяжкое чрево лежало; хребет, чешую покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шее торчала,
Пастью зияя, зубами грозя, голова; из отверзтых
Челюстей острым копьем выставлялся язык, и змеиный
Хвост сгибался в огромные кольца, как будто готовый,
Вдруг обхватив ездока и коня, задушить их обоих.
Все учредивши, двух собак, могучих и к бою
С диким быком приученных, я выбрал, и мнимого змея
Ими травил, чтоб привыкли они по единому клику
Зубы вонзать в непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Сам же, сидя на коне благородной арабской породы,
Я устремлялся на змея и руку мою беспрестанно
В верном метанье копья упражнял. Сначала от страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконец победило мое постоянство их робость.
Так совершилось три месяца. Я возвращаюсь. Вот третий
День, как пристал я к Родосу. О новых бедствиях вести
Душу мою возмутили. Горя нетерпением кончить
Дело начатое, слуг собираю моих и, ученых
Взявши собак, на верном коне, никому не сказавшись,
Еду отыскивать змея. Ты знаешь, Владыка, часовню,
Где богомольствовать сходится здешний народ: на утесе
В диком месте она возвышается; образ Пречистой
Матери божией, видимый там, знаменит чудесами;
Трудно всходить на утес, и доселе сей путь был опасен.
Там, у подошвы утеса, в норе, недоступной сиянью
Дня, гнезвился чудовищный змей, сторожа проходящих;
Горе тому, кто дорогу терял! из темной пещеры
Враг исторгался, добычу ловил и ее в свой глубокий
Лог увлекал на пожраньс. В ту часовню Пречистой
Девы пошел я, там пал на колена, усердной мольбою
В помощь призвал богоматерь, в грехах принес покаянье,
Тайн святых причастился: потом, сошедши с утеса,
Латы надел, взял меч и копье и, раздав приказанья
Спутникам (им же велел дожидаться меня близ часовни),

Сел на коня, поручил Вездесущему Господу Богу
Душу мою и поехал. Едва я увидел па ровном
Месте себя, как собаки мои, почуявши змея,
Подняли ноздри, а конь захрапел и пятиться начал:
Блещущим свившись клубом, вблизи он грелся на солнце,
Дружно и смело помчались в бой с ним собаки; но с воем
кинулись обе назад, когда, развернувшись быстро,
Вдруг он разинул огромную пасть, и их ядовитым
Обдал дыханьем, и с страшным шипеньем поднялся на лапы.
Крик мой собак ободрил: они вцепились в змея.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь в чешуйный,
Крепкий хребет, оно, как тонкая трость, отлетело;
Новый удар я спешу нанести; но испуганный конь мой
Бешено стал на дыбы; раскаленные очи, зиянье
Пасти зубастой, и свист, и дыханье палящее змея
В ужас его привели, и он опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно прыгнул я с седла и в сраженье
Пеший вступил с обнаженным мечом; но меч мой напрасно
Колет и рубит: как сталь чешуя. Вдруг змей, разъярившись,
Сильным ударом хвоста меня повалил и поднялся
Дыбом, как столб, надо мной, и уже растворил он огромный
Зев, чтоб зубами стиснуть меня; но в это мгновенье
В чрево его, чешуей не покрытое, вгрызлись собаки;
Взвыл он от боли и бешено начал кидаться... напрасно!
Стиснув зубы, собаки повисли на нем; я поспешно
На ноги стал и бросился к ним, и меч мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула черным потоком
Кровь; согнувшись в дугу, он грянулся оземь и, тяжким
Телом меня заваливши, издох надо мною. Не помню,
Долго ль бесчувствен под ним я лежал; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змей в крови неподвижен».

Рыцарь, докончивши повесть свою, замолчал. Раздались
Громкие клики; дрогнули своды палаты от гула
Рукоплесканий, и самые рыцари Ордена вместе
С шумной толпой возгласили: «Хвала!» Но Магистер,
Строго нахмутив чело, повелел, чтоб все замолчали, –
Все замолчали. Тогда он сказал победителю: «Змея,
Долго Родос ужасавшего, ты поразил, благородный
Рыцарь; но, Богом являясь народу, врагом ты явился
Нашему Ордену: в сердце твоём поселился отныне
Змей, ужасней тобою сраженного, змей, отравитель
Воли, сеятель смут и раздоров, презритсль смиренья,
Недруг порядка, древний губитель земли. Быть отважным
Может и враг ненавистный Христа, мамелюк; но покорность
Есть одних христиан достоянье. Где Сам Искупитель,
Бог Всемогущий, смиренно стерпел поношенье и муку,
Там в старину основали отцы наш Орден священный;
Там, облачаясь крестом, на себя они возложили
Долг, труднейший из всех: свою обуздывать волю.
Суетной славой ты был обольщен – удались; ты отныне
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринул,
Тот и Господним крестом себя украшать недостоин».

Так Магистер сказал, и в толпе предстоявших поднялся
Громкий ропот, и рыцари Ордена сами Владыку
Стали молить о прощенье; но юноша молча, потупив
Очи, снял епанчу, у Магистера строгую руку
Поцеловал и пошел. Его проводивши глазами,
Гневный смягчился судья и, назад осужденного кротким
Голосом кликнув, сказал: «Обними меня, мой достойный
Сын: ты победу теперь одержал, труднейшую первой.
Снова сей крест возложи: он твой, он награда смиренью».

СУД БОЖИИ

Повесть

Был непорочен душой Фридолин; он в страхе Господнем
Верно служил своей госпоже, графине Савернской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна
Своимством, тиха в обращенье была; но и тяжкую должность
С кротким терпением он исполнял бы, покорствуя Богу.

С самого раннего утра до поздней ночи, всечасно
Был он на службе ее, ни минуты покоя не зная;
Если ж случалось сказать ей ему: «Фридолин, успокойся!» –
Слезы в его появлялись глазах: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считал он
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вечно хвалила и прочим слугам в пример подражания
Ставила; с ним же самим она обходилась, как с сыном
Мать, а не так, как с слугой госпожа. И было приятно
Ей любоваться прекрасным, невинным лицом Фридолина.
То примечая, сокольничий Роберт досадовал; зависть
Грызла его свирепую душу. Однажды, с охоты
С графом вдвоем возвращался в замок, Роберт, лукавым
Бесом прельщенный, вот что сказал господину, стараясь
В сердце его заронить подозрение: «Счастьем завидным
Бог наградил вас, граф-государь; он дал вам в супруге
Вашей сокровище; нет ей подобной на свете; как ангел
Божий прекрасна, добра, целомудренна; спите спокойно:
Мыслью никто не посмеет приблизиться к ней». Заблестали
Грозно у графа глаза. «Что смеешь ты бредить? – сказал он, –
Женская верность слово пустое; на ней опираться
То же, что строить на зыбкой воде; берегися как хочешь:
Все оболститель отыщет дорогу к женскому сердцу.
Вера моя на другом, твердеишем стоит основанье:
Кто помыслить дерзнет о жене Савернского графа!» –
«Правда, – коварно отвечивал Роберт, – подобная дерзость
Только безумному в голову может зайти. Лишь презренья
Стоит жалкий глупец, который, воспитанный в рабстве,
Смеет глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
В сердце развратном желанья таить». – «Что слышу! – воскликнул
Граф, побледневши от гнева, – о ком говоришь ты? И жив он?» –
«Все об нем говорят, государь; а я из почтения
К вам, полагая, что все вам известно, молчал: что самим вам
В тайне угодно держать, то должно и для нас быть священной
Тайной». – «Злодей, говори! – в исступленье ужасном воскликнул
Граф, – ты погиб, когда не скажешь мне правды! Кто этот
Дерзкий?» – «Паж Фридолин; он молод, лицом миловиден
(Так шипел предательски Роберт, а графа бросало
В холод и в жар от речей ядовитых). Возможно ль, чтоб сами
Вы не видали того, что каждому видно? За нею
Всюду глазами он следует; ей одной, забывая
Все, за столом он служит; за стулом ее, как волшебной
Скованный силой, стоит он и рдеет любовью преступной.
Он и стихи написал и в них перед ней признается
В нежной любви». – «Признается!» – «И даже молить о взаимном
Чувстве дерзает. Конечно, графиня, по кротости сердца,
Скрыла от вас, государь, безумство такое, и сам я
Лучше бы сделал, когда б промолчал: чего вам страшиться?»
Граф не отвечивал: ярость душила его. Приближались
В это время они к огромной литейной палате:
Там непрестанно огонь, как будто в адской пучине,
В горнах пылал, и железо, как лава кипя, клокотало;
День и ночь работники там суетились вокруг горнов,
Пламя питая; взвивалнея вихрями искры; свистали
Страшно мехи; колесо под водою средь брызжущей пены
Тяжко вертелось; и молот огромный, гремя нсумолкно,
Сам, как живой, подымался и падал. Граф, подозревши
Двух из работников, так им сказал: «Исполните в точность
Волю мою; того, кто первый придет к вам и спросит:
Сделано ль то, что граф приказал? – без всякой пощады
Бросьте в огонь, чтоб его и следов не осталось». – С свирепым
Смехом рабы обещались покорствоваться графскому слову.
Души их были суровой железа; рвенье удвоив,
Начали снова работать они и, убийством заране
Жадную мысль веселя, дожидались обещанной жертвы.
К графу тем временем хитрый наушник позвал Фридолина.
Граф, увидя его, говорит: «Ты должен, не медля нимало,
В лес пойти и спросить от меня у литейщиков: все ли

Сделано то, что я приказал?» – «Исполнено будет», – скромно отвечает паж; и готов уж идти, но, подумав: Может быть, даст ему и она порученье какое, Он приходит к графине и ей говорит: «Господином Послан я в лес; но вы моя госпожа; не угодно ль Будет и вам чего приказать?» Ему с благосклонным Взором графиня отвечает: «Друг мой, к обедне хотелось Ныне сходить мне, по болен мой сын; сходи, помолися Ты за меня; а если и сам согрешил, то покайся». Весело в путь свой пошел Фридолин; и еще из деревни Он не вышел, как слышит благовест: колокол звонким Голосом звал христиан на молитву. «От встречи Господней Ты уклоняться не должен», – сказал он и в церковь с эмпрсным, Набожным сердцем вступил; но в церкви пусто и тихо; Жатва была, и вес поселяне работали в поле. Там стоял священник один: никто не явился Быть на время обедни прислужником в храме. «Господу Богу Прежде свой долг отдай, потом господину». С такою Мыслью усердно он начал служить: священнику ризы, Столу и сингулум подал; потом приготовил Святые Чаши; потом, молитвенник взявши, стал умиленно Долг исправлять министранта: и там и тут на колени, Руки сжав, становился; звонил в колокольчик, как скоро Провозглашаемо было великое «Sanctus»; когда же Тайну священник свершил, предстоя алтарю, и возвысил Руку, чтоб верным явить Спасителя-Бога в бескровной Жертве, он звоном торжественным то возвестил и смиренно Пал на колени пред Господом, в грудь себя поражая, Тихо молитву творя и крестом себя знаменуя. Так до конца литургии он все, что уставлено чином, В храме свершал. Напоследок, окончивши службу святую, Громко священник воскликнул: «Vobiscum Dominus», верных Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он, Все в порядок приведши, и чаши, и ризы, и утварь, Церковь оставил, и к лесу пошел, и вдобавок дорогой «Pater noster» двенадцать раз прочитал. Подошедши К лесу, он видит огромный дымящийся горн; перед горном, Черны от дыма, стоят два работника. К ним обратясь, «Сделано ль то, что граф приказал», – он спросил. И, оскалив Зубы смехом ужасным, они указали на пламень Горна. «Он там! – прошептал сиповатый их голос. – Как должно, 1368

67

Прибран, и граф нас похвалит». С таким их ответом обратно В замок пошел Фридолин. Увидя его издалека, Граф не поверил глазам. «Несчастный! Откуда идешь ты?» – «Из лесу прямо». – «Возможно ль? ты, верно, промешкал в дороге». – «В церковь зашел я. Простите мне, граф-государь; повеленье Ваше приняв, у моей госпожи, по обычному долгу, Также спросил я, не будет ли мне и ее приказанья? Выслушать в церкви обедню она приказала. Исполнив Волю се, помолился я там и за здравие ваше», Граф трепетал и бледнел. «Но скажи мне, – спросил он, – что отвечали тебе?» – «Непонятен ответ был. Со смехом Было на горн мне указано. Там он! – сказали. – Как должно, Прибран, и граф нас похвалит!» – «А Роберт? – спросил, леденя В ужасе, граф. – Ты с ним не встречался? Он послан был мною В лес». – «Государь, ни в лесу, ни в поле, нигде я не встретил Роберта». – «Ну! – вскричал уничтоженный граф, опустивши В землю глаза. – Сам Бог решил правосудный!» И, с кроткой Ласкою за руку взяв Фридолина, с ним вместе пошел он Прямо к супруге и ей (хотя сокровенного смысла Речи его она не постигла) сказал, представляя Милого юношу, робко пред ними склонившего очи: «Он, как дитя, непорочен; нет ангела на небе чище; Враг коварен, но с ним Господь и всевышние силы». СКАЗКА О ЦАРЕ БЕРЕНДЕЕ, О СЫНЕ ЕГО ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, О ХИТРОСТЯХ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

и о ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ-ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ
Жил-был царь Берендей до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он решился
Сам объехать все поле: авось, попадетя на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь Берендей поспешно за ковшик – не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дастся.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватя его разом справа и слева –
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка нырнул он
Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывал. «Постой же! (подумал
Царь Берендей) я напьюсь без тебя», и, недолго сбираясь,
Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... ан нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою –
Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» – кричит он.
Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина;
Два огромные глаза горят, как два изумруда;
Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пушу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».
Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен».
«Ладно! – опять сиповатый послышался голос. – Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа».
С этим словом исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.
Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольных
Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам –
Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей
Рядом первый министр; на руках он своих парчовую
Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный как светлый
Месяц, в пеленках колышется. Царь догадался и ахнул.
«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал;
Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался им долго,
Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе
Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал. О тайне
Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко
Царь был печален – он все дожидался; вот придут за сыном;
Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич

Рос не по дням – по часам; и сделался чудо-красавец.
Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
Вовсе забыл... но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна;
Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда
Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, – сказал он. –
Долго тебя дожидался мы; пора бы нас вспомнить». –
«Кто ты?» – царевич спросил. «Об этом после; теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, – говорит он, – со мною случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел как мертвец. «Беда, мой сердечный
Друг, Иван-царевич! – воскликнул он, горько заплакав. –
Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну о данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися, родитель, –
Так отвечал Иван-царевич, – беда невелика.
Дай мне коня; я поеду; а ты меня дождайся;
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялись, поплакали... с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе четвертого – солнце
Только успело зайти – подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник – и все как будто бы дремлет;
Воздух не вест; тростинка не тронется; шороха в струйках
Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уток подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травой
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял; потом угнезвился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют...
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись, подплыли
К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая уточка, па берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет...
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человечьим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Спорить не стал, положил па травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и, краснея,
Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,

Голосом звонким, как струны, ему говорит: «Благодарствуй, добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал; Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен Будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна; Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным Царством владеет Кощей. Он давно уж тебя поджидает В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься, Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай: Только завидишь Кощея-царя, уподи на колена, Прямо к нему поползи; затопает он – не пугайся; Станет ругаться – не слушай; ползи да и только; что после Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна В землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась Тотчас земля, и они вместе в подземное царство спустились. Видят дворец Кощея бессмертного; высечен был он Весь из карбункула камня и ярче небесного солнца Все под землей освещал. Иван-царевич отважно Входит: Кощей сидит па престоле в светлой короне; Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями. Только завидел его вдальеке, тотчас на колени Стал Иван-царевич. Кощей же затопал, сверкнуло Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу; Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, – сказал он, – Если тебе удался меня рассмешить, то с тобою Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим К нам в подземельное царство; но знай, за твое послушанье Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы завтра; Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво, С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул: «Ну, Иван-царевич, – сказал он, – теперь мы посмотрим, что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам построить Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая, Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь; Если же нет, то прошу не пенять... головы не удержишь!» – «Ах ты, Кощей окаянный, – Иван-царевич подумал, – Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной Он возвратился к себе и сидит пригорюнься; уж вечер; Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку, Бьетса об стекла – и слышит он голос: «Впусти!» Отворил он Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич; о чем ты Так призадумался?» – «Нехотя будешь задумчив, – сказал он. Батюшка твой до моей головы добирается». – «Что же Сделать решился ты?» – «Что? Ничего. Пускай его снимет Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь». – «Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься; Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися Спать; а завтра поране встань; уж дворец твой построен Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай в стену». Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из каморки Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен. Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился; Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, – Так он сказал Ивану-царевичу, – вижу, ты ловок На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив. Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен. Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь

Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки
Младшую дочу мою, Марью-царевну, узнать; не узнаешь –
С плеч голова. Поди». – «Уж выдумал, чучела, мудрость, –
Думал Иван-царевич, сидя под окном. – Не узнать мне
Марью-царевну... какая ж тут трудность?» –
«А трудность такая, –
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, – что если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью
Может нас различать». – «Ну что же мне делать?» – «А вот что;
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла.
Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаком
Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, –
Молвил Кощей, – изволь-ка пройтись три раза мимо
Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам
Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
В первый раз – мошки нет; проходит в другой раз – все мошки
Нет; проходит в третий и видит – крадется мошка,
Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
Так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим сердцем:
«Вот она, Марья-царевна!» – сказал он Кощей, подавши
Руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю,
Что-то нечисто, – Кощей проворчал, на царевича с сердцем
Выпучив оба зеленые глаза. – Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
Верно, с грехом пополам. погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
Здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
Сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да только
Знай наперед: не сошьешь – долой голова; до свиданья».
Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
Милый Иван-царевич?» – спросила она. «Поневоле
Будешь задумчив, – он ей отвечал. – Отец твой затеял
Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;
Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже
Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много
Этих бессмертных». – «Иван-царевич, да что же ты будешь
Делать?» – «Что мне тут делать? Шить сапогов я не стану.
Снимет он голову – черт с ним, с собакой! какая мне нужда
«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
Или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого
Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу; из каморки
Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное царство:
То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почувял могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю
Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою.
Царь Кощей в назначенный час посылает придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят;
Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, отвечают: буду.

Этот ответ придворные слуги относят к Кощею;
Ждать-подождать – царевич нейдет, посылает в другой раз
Тех же послов рассерженный Кощей, и та же всё песня:
Буду; а нет никого. Взбесился Кощей. «Насмехаться,
что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать и в минуту
за ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились слуги...
Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слюнки
так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.
«Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится топот», –
шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
жарко к груди к нему. Он слезает с коня и, припавши
ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». – «Так медлить
нечего», – Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
на три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись, стали
в пень Кошевы слуги: след до мостика виден;
дале ж и след пропадает и делится на три дороги.
Нечего делать – назад! Воротились разумники. Страшно
царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.
«Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
можно бы вам, дуралеям! назад! чтоб был непременно
здесь он!..» Опять помчалась погоня... «Мне слышится топот», –
шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.
Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
«Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
сделалась лесом; в лесу том дорожек, тропинок числа нет;
по лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;
видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.
Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошеево царство.
мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;
кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не дается.
Глядь! очутились они у входа в Кошеево царство,
в самом том месте, откуда пустились в погоню; и скрылось
всё: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
снова явились к Кощею они. Как цепная собака,
начал метаться Кощей. «Вот я ж его, плута! коня мне!
сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»
снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает;
«Скачут, и близко». «Беда нам! ведь это Кощей, мой родитель
сам; но у первой церкви граница его государства;
далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне
крест твой с мощами». Послушавшись Марьи-царевны, снимает
с шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
он в монаха, а конь в колокольню – и в ту же минуту
с свитой к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли проезжих,
старец честной?» – он спросил у монаха. «Сейчас проезжали
здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
в церковь они – святым помолились да мне приказали
свечку поставить за здоровье твое и тебе поклониться,
если ко мне ты заедешь». – «Чтоб шею сломить им, проклятым!» –
крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный помчался
с свитой назад, а примчавшись домой, пересек беспощадно
всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
воле погони. Вот они сдут шажком; уж склонялось
солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
в этот город заехать. «Иван-царевич, – сказала
Марья-царевна, – не езд; недаром вешее сердце
ноет во мне: беда приключится». – «Чего ты боишься,

Марья-царевна? Заедем туда на минуту; посмотрим
Город, потом и назад». – «Заехать нетрудно, да трудно
Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь
Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь осторожен: царь, и царица, и дочь их царевна
Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец
Будет; младенца того не целуй: поцелуешь – забудешь
Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете,
С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третий
День не придешь... но прости, поезжай». И в город поехал*
С нею простясь, Иван-наревич один. У дороги
Белым камнем осталась Марья-царевна. Проходит
День, проходит другой, напоследок проходит и третий –
Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!
Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли
Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна;
Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-кудряшка,
Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо
В руки Ивану-царевичу; он же его красотою
Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки
Начал его целовать; и в эту минуту затмилась
Память его, и он позабыл о Марье-царевне.
Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне
Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня
Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась.
«Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет
Кто-нибудь в землю меня», – сказала она, и росинки
Слез на листьях голубых заблестали. Дорогой в то время
Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел;
Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл
С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце
Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком
Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты
Всё не по-старому стало в избушке; чудесное что-то
Начало деяться в ней: проснется старик – а в избушке
Всё уж как надобно прибрано; нет нигде ни пылинки.
В полдень придет он домой – а обед уж состряпан, и чистой
Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.
Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок
Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки
Начал совета просить, что делать. «А вот что ты сделай, –
Так отвечала ему ворожейка, – встань ты до первой
Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба
Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться,
То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».
Целую ночь напролет старик пролежал па постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой встрепенулся,
С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке;
Все между тем по местам становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.
«Что ты сделал? – сказала она. – Зачем возвратил ты
Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный,
Бросил меня, и я им забыта». – «Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости
Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;
Слезы потом отерла, потом, в сарафан нарядившись,
В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую кухню;
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, прнблжась
К старшему повару, с видом умильным и сладким, как флейта,
Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай, позволь мне
Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел

Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым взглядом:

«В добрый час, девица-красавица; все что угодно
Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой».

Вот пирог испечен; а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем; гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку
Срезал с него Иван-царевич – повое чудо!

Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.

Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:

«Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне ты забудешь

Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»

Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;

Он вскочил как безумный и кинулся в дверь, а за дверью

Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же

Конь вороной с нетерпенья, оседланный, взнузданный, пляшет.

Нечего медлить; поехал Иван-царевич с своею

Марьей-царевной; едут да едут, и вот приезжают

В царство царя Берендея они. И царь и царица

Приняли их с весельем таким, что такого веселья

Видом не видано, слухом не слыхано. Долго не стали

Думать, честным пирком да за свадебку; съехались гости,

Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво

Пил; по усам текло, да в рот не попало. И все тут.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

Сказка

(Отрывок)

Слушайте; я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек.

Сказка ложь, а песня быль, говорят нам; но в этой

Сказке моей найдется и правда. Милости ж просим

Тех, кто охотник в досужный часок пошутить, посмеяться,

Сказки послушать; а тех, кто любит смотреть исподлобья,

Всякую шутку считая за грех, мы просим покорно

К нам не ходить, и дома сидеть, да высиживать скуку.

Было прекрасное майское утро. Квакун двадцатый,

Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,

Вышел из мокрой столицы своей, окруженный блестящей

Свитой придворных. Вприпрыжку они взобрались на пригорок,

Сочной травой покрытый, и там, на кочке усевшись,

Царь приказал из толпы его окружавших почетных

Стражей вызвать бойцов, чтоб его, царя, забавляли

Боем кулачным. Вышли бойцы; началось; уж много

Было лягушечьих морд царю в угожденьс разбито;

Царь хохотал; от смеха придворная квакала свита

Вслед за Его Величеством; солнце взошло уж на полдень.

Вдруг из кустов молодец в прекрасной беленькой шубке,

С тоненьким хвостиком, острым, как стрелка, на тоненьких ножках

Выскочил; следом за ним четыре таких же, но в шубах

Дымного цвета. Рысцой они подбежали к болоту.

Белая шубка, носик в болото уткнув и поднявши

Правую ножку, начал воду тянуть, и, казалось,

Был для него тот напиток приятнее меда; головку

Часто он вверх подымал, и вода с усастого рыльца

Мелким бисером падала; вдоволь напившись и лапкой

Рыльце обтерши, сказал он: «Какое раздолье студеной

Выпить воды, утомившись от зноя! Теперь понимаю

То, что чувствовал Дарий, когда он, в бегстве из мутной

Лужи напившись, сказал: я не знаю вкуснее напитка!»

Эти слова одна из лягушек подслушала; тотчас

Скачет она с донесеньем к царю: из леса-де вышли

Пять каких-то зверков, с усами турецкими, уши

Длинные, хвостики острые, лапки как руки; в осоку

Все они побежали и царскую воду в болоте

Пьют. А кто и откуда они, неизвестно. С десятком

Стражей Квакун посылает хорунжего Пышку проведать,

Кто незваные гости; когда неприятели – взять их,

Если дадутся; когда же соседи, пришедшие с миром, –

Дружески их пригласить к царю на беседу. Сошедши
Пышка с холма и увидя гостей, в минуту узнал их:
«Это мыши, неважное дело! Но мне не случилось
Белых меж ними видать, и это мне чудно. Смотрите ж, –
Спутникам тут он сказал, – никого не обидеть. Я с ними
Сам на словах объяснюся. Увидим, что скажет мне белый».
Белый меж тем с удивленьем великим смотрел, приподнявши
Уши, на скачущих прямо к нему с пригорка лягушек;
Слуги его хотели бежать, но он удержал их,
Выступил бодро вперед и ждал скакунов; и как скоро
Пышка с своими к болоту приблизился: «Здравствуй, почтенный
Воин, – сказал он ему, – прошу не взыскать, что без спросу
Вашей воды напился я; мы все от охоты устали;
В это же время здесь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вам за прекрасный напиток; и сами готовы
Равным добром за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродетель возвышенных душ». Удивленный такую
Умною речью, ответствовал Пышка: «Милости просим
К нам, благородные гости; наш царь, о прибытии вашем
Сведав, весьма любопытен узнать: откуда вы родом,
Кто вы и как вас зовут. Я послан сюда пригласить вас
С ним на беседу. Рады мы очень, что вам показалась
Наша по вкусу вода, а платы не требуем: воду
Создал Господь для всех на потребу, как воздух и солнце».
Белая шубка учтиво ответствовал: «Царская воля
Будет исполнена; рад я к Его Величеству с вами
Вместе пойти, но только сухим путем, не водою;
Плавать я не умею; я царский сын и наследник
Царства мышинога». В это мгновенье, спустившись с пригорка,
Царь Квакун со свитой своей приближался. Царевич
Белая шубка, увидя царя с такою толпою,
Несколько струсил, ибо не ведал, доброе ль, злое ль
Было у них на уме. Квакун отличался зеленым
Платьем, глаза навывкат сверкали, как звезды, и пузом
Громко он, прядая, шлепал. Царевич Белая шубка,
Вспомнивши, кто он, робость свою победил. Величаво
Он поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказал: «Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты из дальнего, верно,
Края, ибо до сих пор тебя нам видать не случилось».

81

Белая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травке уселся с ним рядом; а царь продолжал: «Расскажи нам,
Кто ты? кто твой отец? кто мать? и откуда пришел к нам?
Здесь мы тебя угостим дружелюбно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много имею богатства;
Будет нам сладко почтить дорогого гостя дарами». –
«Нет никакой мне причины, – ответствовал Белая шубка, –
Царь-государь, утаивать истину. Сам я породы
Царской, весьма на земле знаменитой; отец мой из дома
Древних воинственных Бубликов, царь Долгохвост Иринарий
Третий; владеет пятью чердаками, наследием славных
Предков, но область свою он сам расширил войнами:
Три подполья, один амбар и две трети ветчинни
Он покорил, победивши соседних царей; а в супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискуню белую шкурку,
Целый овин получил он за нею в приданое. В свете
Нет подобного царства. Я сын царя Долгохвоста,
Петр Долгохвост, по прозванию Хват. Был я воспитан
В нашем столичном подполье премудрым Онуфрием-крысой.
Мастер я рыться в муке, таскать орехи; вскребаюсь
В сыр, и множество книг уж изгрыз, любя просвещение.
Хватом же прозван я вот за какое смелое дело:
Раз случилось, что множество нас, молодых мышенок,
Бегало по полю взапуски; я, как шальной, раззадорясь,
Вспрыгнул с разбега на льва, отдыхавшего в поле, и в пышной
Гриве запутался; лев проснулся и лапой огромной
Стиснул меня; я подумал, что буду раздавлен, как мошка.

С духом собравшись, я высунул нос из-под лапы;
"Лев-государь, – ему я сказал, – мне и в мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровен час,
Сам я тебе пригожусь". Лев улыбнулся (конечно,
Он уж покушать успел) и сказал мне: "Ты, вижу, забавник.
Льву услужить ты задумал. Добро, мы посмотрим, какую
Милость окажешь ты нам? Ступай". Тогда он раздвинул
Лапу; а я давай Бог ноги; но вот что случилось:
Дня не прошло, как все мы испуганы были в подпольях
Наших львиным рыканьем: смутилась, как будто от бури,
Вся сторона; я не струсил; выбежал в поле, и что же
В поле увидел? Царь Лев, запутавшись в крепких тенетах,
Мечется, бьется, как бешеный; кровью глаза нал ил ися,
Лапами рвет он веревки, зубами грызет их; и было
Все то напрасно; лишь боле себя он запутывал. "Видишь,
Лев-государь, – сказал я ему, – что и я пригодился.
Будь спокоен; в минуту тебя мы избавим". И тотчас
Созвал я дюжину ловких мышат; принялись мы работать
Зубом; узлы перегрызли тенет, и Лев распутлялся.
Важно кивнув головою косматою и нас допустивши
К царской лапе своей, он гриву расправил, ударил
Сильным хвостом по бедрам и в три прыжка очутился
В ближнем лесу, где вмиг и пропал. По этому делу
Прозван я Хватом, и славу спую поддержать я стараюсь;
Страшного нет для меня ничего; я знаю, что смелым
Бог владеет. Но должно, однако, признаться, что всюду
Здесь мы встречаем опасность; так Бог уж землю устроил.
Всё здесь воюет: с травой Овца, с Овцою голодный
Волк, Собака с Волком, с Собакой Медведь, а с Медведем
Лев; Человек же и Льва, и Медведя, и всех побеждает.
Так и у нас, отважных Мышей, есть много опасных,
Сильных гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всех их
Злее козни людские. И тяжело подчас нам приходит.
Я, однако, спокоен; я помню, что мне мой наставник
Мудрый, крыса Онуфрий, твердил: беды нас смиренью
Учат. С верой такою ничто не беда. Я доволен
Тем, что имею: счастию рад, а в несчастьи не хмурюсь».
Царь Квакун со вниманием слушал Петра Долгохвоста.
«Гость дорогой, – сказал он ему, – признаюсь откровенно:
Столь разумные речи меня в изумленье приводят. –
Мудрость такая в такие цветущие лета! Мне сладко
Слушать тебя: и приятность, и польза! Теперь опиши мне
То, что случалось когда с мышиным вашим народом,
Что от врагов вы терпели, и с кем, когда воевали». –
«Должен я прежде о том рассказать, какие нам козни
Строит наш хитрый, двуногий злодей, Человек. Он ужасно
Жаден; он хочет всю землю заграбить один и с Мышами
В вечной вражде. Не исчислить всех выдумок хитрых, какими
Наше он племя избить замышляет. Вот, например, он
Домик затеял построить: два входа, широкий и узкий;
Узкий заделан решеткой, широкий с подъемною дверью.
Домик он этот поставил у самого входа в подполье.
Нам же сдуру на мысли взбрело, что, поладить
С нами желая, для нас учредил он гостиницу. Жирный
Кус ветчины там висел и манил нас; вот целый десяток
Смелых охотников вызвались в домик забраться, без платы
В нем отобедать и верные вести принести нам.
Входят они, но только что начали дружно висячий
Кус ветчины тормозить, как подъемная дверь с превеликим
Стуком упала и всех их захлопнула. Тут поразило
Страшное зрелище нас: увидели мы, как злодеи
Наших героев таскали за хвост и в воду бросали.
Все они пали жертвой любви к ветчине и к отчизне.
Было нечто и хуже. Двуногий злодей наготовил
Множество вкусных для нас пирожков и расклат их,
Словно как добрый, по всем закоулкам; народ наш
Очень доверчив и ветрен; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Об этом

Вспомнить – мороз подирает по коже! Открылся в подполье
Мор: отравой злодей угостил нас. Как будто шальные
С пиру пришли удалыцы: глаза навывкат, разинув.
Рты, умирая от жажды, взад и вперед по подполью
Бегали с писком они, родных, друзей и знакомых
Боле не зная в лицо; наконец, утомясь, обессилев,
Все попадали мертвые лапками вверх; запустела
Целая область от этой беды; от ужасного смрада
Трупов ушли мы в другое подполье, и край наш родимый
Надолго был обезмышен. Но главное бедствие наше
Ныне в том; что губитель двуногий крепко сдружился,
Нам ко вреду, с сибирским котом, Федотом Мурлыкой.
Кошачий род давно враждует с мышиним. Но этот
Хитрый котиче Федот Мурлыка для нас наказание
Божие. Вот как я с ним познакомился. Глупым мышонком
Был я еще и не знал ничего. И мне захотелось
Высунуть нос из подполья. Но мать-царица Прасковья
С крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, в щелку
Выглянул: вижу камнем высланный двор; освещало
Солнце его, и окна огромного дома светились;
Птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.
Выйти не смея, смотрю я из щелки и вижу, на дальнем
Крае двора зверок усастый, сизая шкурка,
Розовый нос, зеленые глазки, пушистые уши,
Тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка,
Так и виляет. Потом он своею бархатной лапкой
Начал усастое рыльце себе умыть. Облилося
Радостью сердце мое, и я уж собирался покинуть
Щелку, чтоб с милым зверком познакомиться. Вдруг зашумело
Что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер. Какой-то
Страшный урод ко мне подходил; широко шагая,
Черные ноги свои подымал он, и когти кривые
С острыми шпорами были на них; на уродливой шее
Длинные косы висели змеями; нос крючковатый;
Под носом трясся какой-то мохнатый мешок, и как будто
Красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какие-то длинные крючья,
Разного цвета, торчали снопом. Не успел я от страха
В память прийти, как с обоих боков поднялись у урода;
Словно как парусы, начали хлопать, и он, раздвоивши
Острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной
Треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню.
Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною,
Так и ахнул. Тебя помиловал Бог, – он сказал мне, –
Свечку ты должен поставить уроду, который так кстати
Криком своим тебя испугал; ведь это наш добрый
Сторож петух; он горлан и с своими большой забияка;
Нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он,
Знаем мы все, что проснулись наши враги; а приятель,
Так обольстивший тебя своей лицемерною харей,
Был не иной кто, как наш злодей записной, объедало
Кот Мурлыка: хорош бы ты был, когда бы с знакомством
К этому плуту подъехал: тебя б он порядком погладил
Бархатной лапкой своею; будь же вперед осторожен".
Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке;
Каждый день от него у нас недочет. Расскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся в подполье
Слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами
Видели это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шум, беготня, пискотня, скаканье, кувыркание, пляска –
б*

Словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый
С радости так напился, что подрался с царицей и в драке
Хвост у нее откусил, за что был и высечен больно.
Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком,
Вздумали мы kota погребать, и надгробное слово
Тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный

Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое прозвание
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда он
В меру вилял хвостом, и хвост, как маятник, стучал.
Всё изготавив, отправились мы на поминки к Мурлыке;
Вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду
Кот Мурлыка в ветчинне висит на бревне, и повешен
За ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка,
Вытянут весь; и спина, и хвост, и передние лапы
Словно как мерзлые; оба глаза глядят не моргая.
Все запищали мы хором: "Повешен Мурлыка, повешен
Кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем
Нынче и мы". И шесть смельчаков тотчас взобрались
Вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцепившись в бревно; а веревки
Не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись
Наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол
Хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались
В страхе и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит,
Ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец, да и только.
Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу
Начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу
Даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит
Сзади его языком; а кто еще посмелее,
Тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет.
Кот ни с места, как пень. "Берегитесь, – тогда нам сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу
Как-то она от него уплела), – берегитесь: Мурлыка
Старый мошенник; ведь он висел без веревки, а это
Знак недобрый; и шкурка цела у него". То услыша,
Громко мы все засмеялись. "Смейтесь, чтоб после не плакать,
Мышь Степапида сказала опять, – а я не товарищ
Вам". И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася
С ними в подполье она. А мы принялись, как шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш
Клим, по прозванию Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо
Взлезши, начал оттуда читать нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохотать. И вот что прочел он:
"Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский,
Рост богатырский, сизая шкурка, усы как у турка;
Был он бешен, на краже помешан, за то и повешен,
Радуйся, наше подполье!.." Но только успел проповедник
Это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся.
Мы бежать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать из нас осталось на месте, а раненых втрое
Более было. Тот воротился с ободранным пузом,
Тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному
Хвост был оторван; у многих так страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, как тряпки; царицу Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за задние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою».

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

Сказка

Жил-был добрый царь Матвей;
Жил с царицею своей
Он в согласье много лет;
А детей все нет, как нет.
Раз царица на лугу,
На зеленом берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдруг, глядит, ползет к ней рак;
Он сказал царице так:
«Мне тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;

Понесешь ты в эту ночь:
У тебя родится дочь». –
«Благодарствуй, добрый рак;
Не ждала тебя никак...»
Но уж рак уполз в ручей,
Не слыхав ее речей.
Он, конечно, был пророк;
Что сказал, сбылося в срок:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна так была,
Что ни в сказке рассказать,
Ни пером не описать.
Вот царем Матвеем пир
Знатный дан на целый мир;
И на пир веселый тот
Царь одиннадцать зовет
Чародеек молодых;
Было ж всех двенадцать их;
Но двенадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздник не позвал.
Отчего ж так оплошал
Наш разумный царь Матвей?
Было то обидно ей.
Так, но есть причина тут:
У царя двенадцать блюд
Драгоценных, золотых
Было в царских кладовых;
Приготовили обед;
А двенадцатого нет
(Кем украдено оно,
Знать об этом не дано).
«Что ж тут делать? – царь сказал.
Так и быть!» И не послал
Он на пир старухи звать.
Собрались пировать
Гости, званные царем;
Пили, ели, а потом,
Хлебосольного царя
За прием благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь в золоте ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всем на радость ты
Благонравна и тиха;
Дам красавца жениха
Я тебе, мое дитя;
Жизнь твоя пройдет шутя
Меж знакомых и родных...»
Словом, десять молодых
Чародеек, одарив
Так дитя наперерыв,
Удалились; в свой черед
И последняя идет;
Но еще она сказать
Не успела слова – глядь!
А незваная стоит
Над царевной и ворчит:
«На пиру я не была,
Но подарок принесла:
На шестнадцатом году
Повстречаешь ты беду;
В этом возрасте своем
Руку ты веретеном
Оцарапаешь, мой свет,
И умрешь во цвете лет!»
Проворчавши так, тотчас
Ведьма скрылася из глаз;

Но оставшаяся там
Речь домолвила: «Не дам
Без пути ругаться ей
Над царевною моею;
Будет то не смерть, а сон;
Триста лет продлится он;
Срок назначенный пройдет,
И царевна оживет;
Будет долго в свете жить;
Будут внуки веселить
Вместе с нею мать, отца
До земного их конца».
Скрылась гостья. Царь грустит;
Он не ест, не пьет, не спит:
Как от смерти дочь спасти?
И, беду чтоб отвести,
Он дает такой указ:
«Запрещается от нас
В нашем царстве сеять лен,
Прясть, сучить, чтоб веретен
Духу не было в домах;
Чтоб скорей, как можно, прях
Всех из царства выслать вон».
Царь, издав такой закон,
Начал пить, и есть, и спать,
Начал жить да поживать,
Как дотоле, без забот.
Дни проходят; дочь растет;
Расцвела, как майский цвет;
Вот уж ей пятнадцать лет...
Что-то, что-то будет с ней!
Раз с царицею своею
Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, – сказала наконец, –
Осмотрю я наш дворец».
По дворцу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любуется она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит – там
Старушоночка сидит;
Гребень под носом торчит;
Старушоночка прядет
И за пряжею поет:
«Веретенце, не ленись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостья жданная у нас».
Гостья жданная вошла;
Пряха, молча, подала
В руки ей веретено;
Та взяла, и вмиг оно
Укололо руку ей...
Все исчезло из очей;
На нее находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Все утихнуло кругом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце ее отец

Пошатнулся и зевнул,
И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьем в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;
Повар спит перед огнем;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;
И окрестность со дворцом
Вся объята мертвым сном;
И покрыл окрестность бор;
Из терновника забор
Дикий бор тот окружил;
Он навек загородил
К дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда следа –
И приблизиться беда!
Птица там не пролетит,
Близко зверь не пробежит,
Даже облака небес
На дремучий, темный лес
Не навеет ветерок.
Вот уж полный век протек;
Словно не жил царь Матвей –
Так из памяти людей
Он изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора дом стоит,
Что царевна в доме спит,
Что проспять ей триста лет,
Что теперь к ней следу нет.
Много было смельчаков
(По сказанью стариков),
В лес брались они сходить,
Чтоб царевну разбудить;
Даже бились об заклад,
И ходили – но назад
Не пришел никто. С тех пор
В неприступный, страшный бор
Ни старик, ни молодой
За царевной ни ногой.
Время ж все текло, текло;
Вот и триста лет прошло.
Что ж случилось? В один
День весенний царский сын,
Забавляясь ловлей, там
По долинам, по полям
С свитой ловчих разъезжал.
Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, темен, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор

Мне, старинушка честной!»
Покачавши головой,
Все старик тут рассказал,
Что от дедов он слышал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нем давным-давно стоит,
Как царевна в доме спит,
Как ее чудесен сон,
Как три века длится он,
Как во сне царевна ждет,
Что спаситель к ней придет;
Как опасны в лес пути,
Как пыталася дойти
До царевны молодежь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновенье там.
Что ж явилось очам
Сына царского? Забор,
Ограждавший темный бор,
Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;
Перед витязем он сам
Расступился, как живой;
В лес въезжает витязь мой:
Всё свежо, красно пред ним;
По цветочкам молодым
Пляшут, блещут мотыльки;
Светлой змейкой ручейки
Вьются, пеняются, журчат;
Птицы прыгают, шумят
В густоте ветвей живых;
Лес душист, прохладен, тих,
И ничто не страшно в нем.
Едет гладким он путем
Час, другой; вот наконец
Перед ним стоит дворец,
Зданье – чудо старины;
Ворота открыты;
В ворота въезжает он;
На дворе встречает он
Тьму людей, и каждый спит:
Тот, как вкопанный, сидит;
Тот, не двигаясь, идет;
Тот стоит, раскрывши рот,
Сном пресекая разговор,
И в устах молчит с тех пор
Недоконченная речь;
Тот, вздремав, когда-то лечь
Собрался, но не успел:
Сон волшебный овладел
Прежде сна простого им;
И, три века недвижим,
Не стоит он, не лежит
И, упасть готовый, спит.
Измучен и поражен
Царский сын. Проходит он
Между сонными к дворцу;
Приближается к крыльцу;

По широким ступеням
Хочет вверх идти; но там
На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожен.
«Как же быть? – подумал он.
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.
Весь дворец обходит он;
Пышно все, но всюду сон,
Грбовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошел. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.
Как дитя, лежит она,
Распылалась от сна;
Молод цвет ее ланит;
Меж ресницами блестит
Пламя сонное очей;
Ночи темная темней,
Заплетенные косою
Кудри черной полосой
Обвились кругом чела;
Грудь, как свежий снег, бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен легкий сарафан;
Губки алые горят;
Руки белые лежат
На трепещущих грудях;
Сжаты в легких сапожках
Ножки – чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распален,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И ее поцеловал.
Вмиг проснулась она;
И за нею вмиг от сна
Поднялось все кругом:
Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Все как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружен.
Царь на лестницу идет;
Нагулявшись, ведет
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
Мухи стаями летят;
Приворотный лает пес;
На конюшне свой овес

Доедает добрый конь;
Повар дует на огонь,
И, треща, огонь горит,
И струю дым бежит;
Всё бывалое – один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;
По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.

СУД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Повесть
(Отрывок)

I.

Уж день прохладно вечерел,
И свод лазоревый алел;
На нем сверкали облака;
Дыханьем свежим ветерка
Был воздух сладко растворён;
Играя, вея, морщил он
Пурпурно-блещущий залив;
И, белый парус распустив,
Заливом тем ладья плыла;
Из витби инокинь несла,
По легким прыгая зыбям,
Она к Кутбсртовым брегам.
Летит веселая ладья;
Покрыта палуба ся
Большим узорчатым ковром;
Резной, высокий стул на нём
С подушкой бархатной стоит;
И мать-игуменья сидит
На стуле в помыслах святых;
С ней пять монахинь молодых.

II.

Впервой покинув душный плен
Печальных монастырских стен,
Как птички в вольной вышине,
По гладкой палубе оне
Играют, резвятся, шалют...
Все веселит их, как ребят:
Той шаткий парус страшен был,
Когда им ветер шевелил,
И он, надувшись, гремел;
Крестилась та, когда белел,
Катясь к ладье, кипучий вал,
Ее ловил и подымал
На свой изгибистый хребет;
Ту веселил зеленый цвет
Морской чудесной глубины;
Когда ж из пенистой волны,
Как черная незапно тень,
Пред ней выскакивал тюлень,
Бросалась с криком прочь она
И долго, трепетна, бледна,
Читала шепотом псалом;
У той был резвым ветерком
Покров развеян головной,
Густою, шелковой струей
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко меж власов,
И девственный поймать покров
Ее заботилась рука,

А взор стерег исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Заветной прелестью грудей.
III.

Игуменья порою той
Вкушала с важностью покой,
В подушках нежась пуховых,
И на монахинь молодых
Смотрела с ласковым лицом.
Она вступила в Божий дом
Во цвете первых детских лет,
Не оглянулася на свет
% шш ffi^
В безмолвии монастыря,
По слуху знала издали
О треволнениях земли,
О том, что радость, что любовь
Смущают ум, волнуют кровь,
И с непроснувшейся душой
Достигла старости святой,
Сердечных смут не испытал;
Тяжелый инокинь устав
Смиренно, строго сохранять,
Души спасения искать
Блаженной Гильды по следам,
Служить ее честным мощам,
И день и ночь в молитве быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампад, горящих у икон:
В таких заботах проведен
Был век ее. Богатый вклад
На обновление оград
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана
Была на славу от нее:
Сияло пышное шитье
Там на покрове гробовом,
И, обложенный жемчугом,
Был вылит гроб из серебра;
И много делала добра
Она убогим и больным,
И возвращался пилигрим
От стен ея монастыря,
Хваля Небесного Царя.
Имела важный вид она,
Была худа, была бледна;
Был величав высокий рост;
Лицо являло строгий пост,
И покаянье тмило взор.
Хотя в ней с самых давних пор
Была лишь к иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
В монастыре она блюла,
Но для смиренных сестр была
Она лишь ласковая мать:
Свободно было им дышать
В своей келейной тишине,
И мать-игуменью оне
Любили детски всей душой.
Куда ж той позднею порой
Через залив плыла она?
" Была в Линдфарн приглашена
Она с игуменьей другой;
И там их ждал аббат святой
Кутбертова монастыря,
Чтобы, собором сотворя
Кровавый суд, проклятье дать
Отступнице, дерзнувшей снять

С себя монашества обет
И, сатане продав за свет
Все блага кельи и креста,
го Забыть Спасителя Христа.

IV.

Ладья вдоль берега летит,
И берег весь назад бежит;
Мелькают мимо их очей
В сиянье западных лучей:
Там замок на скале крутой
И бездна пены под скалой
От расшибаемых валов;
Там башня, сторож берегов,
Густым одетая плющом;
*3° Там холм, увенчанный селом;
Там золото цветущих нив;
Там зеленеющий залив
В тени зеленых берегов;
Там Божий храм, среди дерев
Блестящий яркой белизной.
И остров, наконец, святой
С Кутбертовым монастырем,
Облитый вечера огнем,

юо

Громадою багряных скал
Из вод вдали пред ними встал,
И, приближаясь, тихо рос,
И вдруг над их главой вознёс
Свой брег крутой со всех сторон.
И остров, и не остров он;
Два раза в день морской отлив,
Песок подводный обнажив,
Противный брег сливает с ним:
Тогда поклонник пилигрим
На богомолье по пескам
Пешком идет в Кутбертов храм;
Два раза в день морской прилив,
Его от тверди отделив,
Стирает силою воды
С песка поклонников следы.
Нес ветер к берегу ладью;
На самом берега краю
Стоял Кутбертов древний дом,
И волны пенились кругом.

V.

Стоит то здание давно;
Саксонов памятник, оно
Меж скал крутых крутой скалой
Восходит грозно над водой;
Все стены страшной толщины
Из грубых камней сложены;
Зубцы, как горы, на стенах;
На низких тягостных столбах
Лежит огромный храма свод;
Кругом идет широкий ход,
Являя бесконечный ряд
Сплетенных ветвями аркад;
И крепки башни на углах
Стоят, как стражи на часах.
Вотще их крепость превозмочь
Пыталась вражеская мочь
Жестоких нехристей датчан;
Вотще волнами океан
Всечасно их разит, дробит;
Святое здание стоит
Недвижимо с давнишних пор;
Морских разбойников напор,
Набеги хлада, бурь, валов

И силу грозную годов
Перетерпев, как в старину,
Оно морскую глубину
Своей громадою гнетёт;
Лишь кое-где растреснул свод,
Да в нише лик разбит святой,
Да мох растёт везде седой,
Да стен углы оточены
Упорным трением волны.

VI.

В ладье монахини плывут;
Приблизясь к берегу, поют
Святую Гильды песнь оне;
Их голос в поздней тишине,
Как бы сходящий с вышины,
Слиясь с гармонией волны,
По небу звонко пробежал;
И с брега хор им отвечал,
И вышел из святых ворот
С хоругвями, крестами ход
Навстречу инокинь честных;
И возвестил явленье их
Колоколов согласный звон,
И был он звучно повторён
Отзывом ближних, дальних скал
И весь народ на брег созвал.
С ладьи игуменья сошла,
Благословенье всем дала
И, подпираясь костылем,
Пошла в святой Кутбертов дом
Вослед хоругвей и крестов.

VII.

Им стол в трапезнице готов;
Садятся ужинать; потом
Обширный монастырский дом
Толпой осматривать идут;
Смеются, резвятся, поют;
Заходят в кельи, в древний храм,
Творят поклоны образам
И молятся мощам святым...
Но вечер холодом сырым
И резкий с моря ветерок
Собраться нудят всех в кружок
К огню, хозяек и гостей;
Жужжат, лепечут; как ручей,
Веселый льется разговор;
И наконец меж ними спор
О том заходит, чей Святой
Свою жизнь земной
И боле славы заслужил
И боле небу угодил?

VIII.

«Святая Гильда (говорят
Монахини из Витби) вряд
Отдаст ли первенство кому!
Известна ж боле потому
Ее обитель с давних дней,
Что три барона знатных ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюс, Герберт
И Перси; суд сей был простерт
На их потомство до конца
Всего их рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
С тех пор должны к нам приходить
Три старших в роде каждый год
В день Вознесенья, и народ

Тут видит, как игумен их
Становит рядом у честных
Мощей угодницы святой,
Как над склоненной их главой
Прочтет псалом, как наконец
С словами: все простил чернец!
Им разрешение дает;
Тогда аминь! гласит народ.
К нам повесть древняя дошла
О том, как некогда жила
У нас саксонская княжна,
Как наша вся была полна
Округа ядовитых змей,
Как Гильда, вняв мольбам своей
Любимицы святой княжны,
Явилась, как превращены
Все змеи в камень, как с тех пор
Находят в недрах наших гор
Окаменелых много змей.
Еще же древность нам об ней
Сказание передала:
Как раз во гневе прокляла
Она пролетных журавлей,
И как с тех пор до наших дней,
Едва на Витби налетит
Журавль, застонет, закричит,
Перевернется, упадет
И чудной смертью отдает
Угоднице блаженной честь».

IX.

«А наш Кутберт? Не перечесть
Его чудес. Теперь покой
Нашел уж гроб его святой;
Но прежде... что он претерпел!
От датских хищников сгорел
Линдфарн, приют с давнишних дней
Честных угодника мощей;
Монахи гроб его спасли
И с гробом странствовать пошли
Из земли в землю, по полям,
Лесам, болотам и горам;
Семь лет в молитве и трудах,
С тяжелым гробом на плечах
Они скитались; в Мельрос
Их напоследок Бог принёс;
Мельрос Кутберт живой любил,
Но мертвый в нем не рассудил
Он для себя избрать приют,
И чудо совершилось тут:
Хоть тяжкий гроб из камня был,
Но от Мельроса вдруг поплыл
По Твиду он, как легкий чёлн.
На юг теченьем быстрых волн
Его помчал; миновав
Тильмут и Риппон, в Вардилав,
Препон не встретя, наконец
Привел свой гроб святой пловец;
И выбрал он в жилище там
Святой, готический Дургам;
Но где святого погребли,
Ту тайну знают на земле
Лишь только трос; и когда
Которому из них чреда
Расстаться с жизнью придет,
Он на духу передает
Ее другому; тот молчит
Дотоль, пока не разрешит
Его молчанья смертный час.

И мало ль чудесами нас
Святой угодник изумлял?
На нашу Англию напал
Король шотландский, злой тиран;
Пришла с ним рать галвегиан,
Неистовых, как морс их;
Он рыцарей привел своих,
Разбойников, залитых в сталь;
Он весь подвигнул Тевьотдаль;
Но рать его костью легла:
Для нас Кутбертова была
Хоругвь спасением от бед.
Им ободрен был и Альфред
На поражение датчан;
Пред ним впервой и сам Норман
Завоеватель страх узнал
И из Нортумбрии бежал».

X.

Монахини из Витби тут
Сестрам линдфарнским задают
С усмешкою вопрос такой:
«А правда ли, что ваш святой
По свету бродит кузнецом?
Что он огромным молотком
По тяжелой наковальне бьет
И им жемчужины кует?
Что на работу ходит он,
Туманной рясой облачен?
Что на приморской он скале,
Чернее мглы, стоит во мгле?
И что, покуда молот бьет,
Он ветер на море зовет?
И что в то время рыбаки
Уводят в пристань челноки,
Боясь, чтоб бурю ночной
Не утопил их ваш святой?»
Сестер линдфарнских оскорбил
Такой вопрос; ответ их был:
«Пустого много бредит свет;
Об этом здесь и слуху нет;
Кутберт, блаженный наш отец,
Честной угодник, не кузнец».

XI.

Так весело перед огнем
Шел о житейском, о святом
Между монахинь разговор.
И близко был иной собор,
И суд иной происходил.
Под зданьем монастырским был
Тайник – страшней темницы нет;
Король Кольвульф, покинув свет,
Жил произвольным мертвецом
В глубоком подземелье том.
Сперва в монастыре оно
Смиренья кельей названо;
Потом в ужасной келье той,
Куда ни разу луч дневной,
Ни воздух Божий не входил,
Прелат Сексгслъм определил
Кладбищу осужденных быть;
Но наконец там хоронить
Не мертвых стали, а живых:
О бедственной судьбине их
Молчал неведомый тайник;
И суд, и казнь, и жертвы крик –
Все жадно поглощалось им;
А если случаем каким
Невнятный стон из глубины

И доходил до вышины,
Никто из внемлющих не знал,
Кто, где и отчего стенал;
Шептали только меж собой,
Что там, глубоко под землёй,
Во гробе мучится мертвец,
Свершивший дней своих конец
Без покаяния во зле
И непрощенный на земле.
XII.

Хотя в монастыре о том
Заклепе казни роковом
И сохранилася молва,
Но где он был? Один иль два
Монаха знали то да сам
Отец аббат; и к тем местам
Ему лишь с ними доступ был;
С повязкой на глазах входил
За жертвой сам палач туда,
В час совершения суда.
Там зрелся тесный, тяжкий свод;
Глубоко, ниже внешних вод,
Был выдолблен в утесе он;
Весь гробовыми замощён
Плитами пол неровный был;
И ряд покинутых могил
С полуистертою резьбой,
Полузатоптанных землёй,
Являлся там; от мокроты
Скопляясь, капли с высоты
На камни падали; их звук
Однообразно-тих, как стук
Ночного маятника, был;
И бледно, трепетно светил,
Пуская дым, борясь со мглой,
Огонь в лампаде гробовой,
Висевшей тяжко на цепях;
И тускло на сырых стенах,
Покрытых плеснью, как корой,
Свет, поглощенный темнотой,
Туманным отблеском лежал.
Он в подземелье озарял
Явленье страшное тогда.

XIII.
Три совершителя суда
Сидели рядом за столом;
Пред ними разложен на нём
Устав бенедиктинцев был;
И, чуть во мгле сияя, лил
Мерцанье бледное ночник
На их со мглой слианный лик.
Товарищ двум другим судьям,
Игуменья из Витби там
Являлась, и была сперва
Ее открыта голова;
Но скоро скорбь втеснилась ей
Во грудь, и слезы из очей
Неволью жалость извлекла,
И покрывалом облекла
Тогда лицо свое она.
С ней рядом, как мертвец бледна,
С суровой строгостью в чертах,
Обретшая в посте, в мольбах
Бесстрастье хладное одно
(В душе святошеством давно
Прямую святость уморя), –
Тильмутского монастыря
Приорша гордая была;

И ряса, черная как мгла,
Лежала на ее плечах;
И жизни не было в очах,
Черневших мутно, без лучей,
Из-под седых ее бровей.
Аббат Кутбертовой святой
Обители, монах седой,
Иссохнувший полумертвец
И уж с давнишних пор слепец,
Меж ними, сгорбившись, сидел;
Потухший взор его глядел
Вперед, ничем не привлечен,
И, грозной думой омрачен,
Ужасен бледный был старик,
Как каменный надгробный лик,
Во храме зримый в час ночной,
Немого праха страж немой.
Пред ними жертва их стоит:
На голове ее лежит
Лицо скрывающий покров;
Видна на белой рясе кровь;
И на столе положены
Свидетели ее вины:
Лампада, четки и кинжал.
По знаку данному, сорвал
Монах с лица ее покров;
И кудри черных волосов
Упали тучей по плечам.
Приорши строгия очам
Был узницы противен вид;
С насмешкой злобною глядит
В лицо преступницы она,
И казнь се уж решена.
XIV.

Но кто же узница была?
Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой
Окутавшись как пеленой,
Тильмутская обитель вся
Вдруг замолчала; погася
Лампады в кельях, сестры в них
Все затворились; пуст и тих
Стал монастырь; лишь главный вход
Святых обители ворот
Не заперт и свободен был.
На колокольне час пробил.
Лампаду и кинжал берет
И в платье мертвеца идет
Матильда смело в ворота;
Пред нею ночь и пустота;
Обитель сном глубоким спит;
Над церковью луна стоит
И сыплет на дорогу свет;
И виден на дороге след
В густой пыли копыт и ног;
И слышен ей далекий скок...
Она с волненьем в даль глядит;
Но там ночной туман лежит;
Все тише, тише слышен скок;
Лишь по дороге ветерок
Полночный ходит да луна
Сияет с неба. Вот она
Минуты две подождала;
Потом с молитвою пошла
Вперед – не встретится ли с ним
И долго шла путем пустым;
Но все желанной встречи нет.
Вот наконец и дневный свет,

И на небе зажглась заря...
И вдруг от стен монастыря
Послышался набатный звон;
Всю огласил окрестность он.
Что ей начать? Куда уйти?
Среди открытого пути,
Окаменев, она стоит;
И страшно колокол гудит;
И вот за ней погоня вслед;
И ей нигде приюта нет;
И вот настигнута она,
И в монастырь увлечена,
И скрыта заживо под спуд;
И ждет ее кровавый суд.

XV.

Перед судилищем она
Стоит, почти умерщвлена
Терзаньем близкого конца;
И бледность мертвая лица
Была видней, была страшней
От черноты ее кудрей,
Двойною пышною волной
Обливших лик ее молодой.
Оцепенев, стоит она;
Глава на грудь наклонена;
И если б мутный луч в глазах
И содрогание в грудях
Не изменяли ей порой,
За лик бездушный восковой
Могла б быть принята она:
Так бездыханна, так бледна,
С таким безжизненным лицом,
Таким безгласным мертвецом
Она ждала судьбы своей
От непрощающих судей.
И казни страх ей весь открыт:
В стене, как темный гроб, прорыт
Глубокий, низкий, тесный вход;
Тому, кто раз в тот гроб войдет,
Назад не выйти никогда;
Коренья, в черепке вода,
Краюшка хлеба с ночником
Уже готовы в гробе том;
И с дымным факелом в руках,
На заступ опершись, монах,
Палач подземный, перед ним,
Безгласен, мрачен, недвижим,
С покровом на лице стоит;
И грудой на полу лежит
Гробокопательный снаряд:
Кирпич, кирка, известка, млат.
Слепой игумен с места встал,
И руку тощую поднял,
И узницу благословил...
И в землю факел свой вонзил,
И к жертве подошел монах;
И уж она в его руках
Трепещет, борется, кричит,
И, сладив с ней, уже тащит,
Бесчувственный на крик и плач,
Ее живую в гроб палач...

XVI.

Сто ступеней наверх вели;
Из тайника судьи пошли,
И вид их был свирепо дик;
И глухо жалкий, томный крик
Из глубины их провожал;
И страх шаги их ускорял;

И глуше становился стон;
И наконец... умолкнул он.
И скоро вольный воздух им
Своим дыханием живым
Стесненны груди оживил.
Уж час ночного бденья был,
И в храме пели. И во храм
Они пошли; но им и там
Сквозь набожный поющих лик
Все слышался подземный крик.
Когда ж во храме хор отпел,
Ударить в колокол велел
Аббат душе на упокой...
Протяжный глас в тиши ночной
Раздался – из глубокой мглы
Ему Нортумбрии скалы
Откликнулись; услыша звон,
В Брамбурге селянин сквозь сон
С подушки голову поднял,
Молиться об умершем стал,
Недомол ился и заснул;
Им пробужденный, помянул
Усопшего святой чернец,
Варквортской пустыни жилец;
В Шевьотскую залегши сень,
Вскочил испуганный олень,
По ветру ноздри распустил,
И чутко ухом шевелил,
И поглядел по сторонам,
И снова лег... и снова там
Все, что смутил минутный звон,
В глубокий погрузилось сон.

УНДИНА

Старинная повесть

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный Гений;
Природа вся мне песнию была.
Оно прошло, то время золотое;
С природы снят магический венец;
Свет узнанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец.
Но о мечте, как о весенней птичке,
Певавшей мне, с усладой помню я;
И Прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя.
Здесь есть Одна – жива как вдохновенье,
Как ясная надежда молода –
На душу мне ея одно явленье
Поэзию наводит завсегда...
Перед пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвен я стоял.
«Кто обречен святому новоселью
Тобой в жильцы?» – Судьбу я вопрошал,
И с первую блеснувшей мне денницей
Уж милый гость в той колыбели был;
Он в ней лежал под царской багряницей,
Прекрасен, тих, как Божий ангел мил.
Года прошли – и мой расцвел младенец,
Прекрасен, тих, как Божий ангел мил;
И мнится мне, что неба уроженец
Утехой в нем на землю прислан был.
Его-то я порою здесь встречаю,
Как чистую Поэзию мою;
Им иногда я душу воскрешаю;
При нем подчас, забывшись, и пою.

Глава I.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРИЕХАЛ В ХИЖИНУ РЫБАКА

Лет за пятьсот и поболее случилось, что в ясный, весенний вечер сидел перед дверью избушки своей престарелый, честный рыбак и почиивал сеть. Сторона та, в которой жил он, была прекрасное место. Луг, где стояла Хижина, длинной косою входил в широкое лоно Моря: можно было подумать, что берег душистый в светло-лазурные, чудно-прозрачные воды с любовью нежной теснился, что море, влажной трепещущей грудью нежно прижавшись к нему и его обнимая, пленялось свежестью шелковой зелени, блеском цветов и прохладой темных сеней древесных. Правда, в краю том немного было людей: рыбак с женою, и только; дремучий лес отделял полуостров от твердой земли. И ужасен был тот лес своей темнотой неприступной; и слухи страшные были об нем в народе; там было нечисто: злые духи гнездились в нем и пугали прохожих так, что не смели и близко к нему подходить. Но смиренный, старый рыбак не боялся враждебных духов; на продажу рыбы носил он в город, лежавший за лесом; полон набожных мыслей, входил он в его глубину, и ни разу там ничего он не встретил, хранимый небесною силой. Сидя беспечно в тот вечер за неводом, вдруг он услышал шум в лесу, как будто бы топот коня и железной брони звук; он слушает: шум приближается; робость им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи снилось ему о таинственном лесе, представилось разом мыслям его; особливо ж один, великанского роста, белый, всегда головою странно кивающий. В темный лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом деле сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак. Вспомнив однако, что все никакой еще не случилось с ним беды ни в лесу, ни в избушке, в которой так долго жил он с женою вдвоем, что нечистый над ними не властен, он ободрился, прочел молитву, и сделалось скоро даже ему и смешно, когда он увидел, какую шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий образ был не что иное, как быстрый ручей, из середины леса бегущий и с пеной впадающий в озеро; шум же, слышанный им, был от рыцаря: шагом на белом, бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо к хижине их приближался. Мантией алого цвета был покрыт его фиолетовый, золотом шитый, стройный колет; на бархатном черном берете вились белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной меч с золотой рукоятью искусной работы; а белый рыцарев конь был статен, силен и жив; он, копытом легким едва к луговой мураве прикасаясь, воздушной поступью шел и, сгибая красивую шею, как лебедь, грыз узду, облитую пеной. Старик, пораженный видом статного рыцаря, невод покинул и, снявши шляпу, смотрел на него с приветной улыбкой. Приблизясь, рыцарь сказал: «Могу ль я с конем найти здесь на эту ночь убежище?» – «Милости просим, гость благородный; лучшим стойлом будет коню твоему наш зеленый луг, под кровлей ветвистых деревьев; а вкусную пищу сам он найдет у себя под ногами; тебе ж мы охотно угол очистим в нашем убогом жилище и ужин скудный с тобою разделим». Рыцарь, кивнув головою, спрыгнул с коня, его разнуздал и по свежему лугу бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно, добрый старик, принимаешь меня, но когда б и не столько был ты стговорчив, то все бы со мной не разделался нынче: море, вижу я, здесь перед нами, и дале дороги нет никакой; а вечером поздно в этот проклятый лес возвращаться, избави Боже!» – «Не станем об этом слишком много теперь говорить», – сказал, озираясь, старый рыбак и в хижину ввел усталого гостя. Там, перед ярким огнем, горевшим в камине и в чистой

Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле широком
С спинкой резною сидела жена рыбака пожилая.
Гостя увидев, старушка встала, ему поклонилась
Чинно и села опять, ему отдать не подумав
Место свое. Рыбак, засмеявшись, сказал: «Благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стул для себя сберегла: у нас такой уж обычай;
Лучшее место всегда старикам уступается». – «Что ты,
Дедушка! – с кроткой усмешкой сказала хозяйка. – Ведь гость наш,
Верно, такой же Христов человек, как и мы, и придет ли,
Сам ты скажи, молодому на ум, чтоб ему уступали
Старые люди лучшее место? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, – она продолжала, – да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна».
Рыцарь взял осторожно скамейку, придвинул к камину,
Сел, и сердцу его так стало приятно, как будто б
Был он у милых родных, возвратяся из чужи в отчизну.
пб

Стали они разговаривать. Рыцарь разведать о страшном
Лесе хотел, но рыбак ночного порою боялся
Речь о нем заводить; зато о своей одинокой
Жизни и промысле трудном своем рассказывал много.
С жадностью слушали муж и жена, когда говорил им
Рыцарь о том, как в разных землях он бывал, как отцовский
Замок его у истоков Дуная стоит, как прекрасна
Та сторона; он прибавил: «Меня называют Гульбрандом,
Имя же замка Рингштеттен». Так говоря, не однажды
Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за окошком,
Точно как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи.
Всякий раз с досадой нахмуривал брови, послышав плесканье,
Старый рыбак; но когда же как ливнем вдруг обдало стекла,
Так, что окно зазвенело и в горницу брызги влетели,
С сердцем вскочил он и крикнул в окошко с угрозой: «Ундина!
Полно проказничать; стыдно; в хижине гости». При этом
Слове стало там тихо, лишь изредка слышен был легкий
Шепот, как будто бы кто потихоньку смеялся. «Почтенный
Гость, не взыщи, – сказал рыбак, возвратившись на место. –
Может быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого
Умысла нет у нее. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденьш; сущий младенец,
Все проказит, а будет ей лет уж осьмнадцать; но сердце
Самое доброе в ней». Покачав головою, старушка
Молвила: «Так говорить ты волен; когда ты усталый
С ловли приходишь домой, то тебе на досуге забавны
Эти проказы; но, с утра до вечера дома глаз на глаз
С нею пробыв, от нее не добиться путного слова –
Дело иное; тут и святой потеряет терпенье». –
«Полно, старуха, – рыбак отвечал, – ты бьешься с Ундиной,
Я с причудливым морем: разве не часто мой невод
Портит оно и плотины мои размывает, а все мне
Любо с ним: то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не так ли?» – «Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить уж нельзя», – кивнув головою,
Кротко сказала старушка. Вдруг растворилась настезь
Дверь; и в нее, белокурая, легкая станом, с веселым
Смехом впорхнула Ундина, как что-то воздушное. «Где же
Гости, отец? Зачем ты меня обманул?» Но, увидя
Рыцаря, вдруг замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнув звездами под сумраком черных ресниц, устремились
Быстро на гостя, а он, изумленный чудным явленьем,
Был, как вкопанный, жадно смотрел на нее и боялся
Взор отвести: он думал, что видит сон, взглядеться
В образ прекрасный спешил, пока он не скрылся. Ундина
Долго смотрела, пурпурные губки раскрыв, как младенец;
Вдруг, вострепнувшись резвою птичкой, она подбежала
К рыцарю, стала пред ним на колена и, цепью блестящей,
К коей привешен был меч, играя, сказала: «Прекрасный,
Милый гость, какую судьбой очутился ты в нашей

Хижине? Долго ты по свету должен был странствовать, прежде нежели к нам дорогу найти? Скажи, через лес наш как ты проехал?» Но он отвечать не успел; на Ундину Крикнула с сердцем старушка: «Оставь в покое, Ундина, Гостя; встань и возьмись за работу». Ундина, ни слова ей не сказавши в ответ, схватила скамейку и, севши подле Гульбранда с своим рукодельем, тихонько шепнула: «Вот где я буду работать». Старик притворяясь, что не видит Новой проказы ее, хотел продолжать; но Ундина Речь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый Гость, откуда приехал ты к нам? Дождусь ли ответа?» – «Из лесу прямо приехал я, прелесть моя». – «Расскажи же, как ты в лесу очутился и что в нем чудного видел?» Трепет почувствовал рыцарь, вспомнив о лесе; невольно Он обратил глаза на окошко, в которое кто-то Белый, ему показалось, глядел; но было в окошке Пусто, за стеклами ночь густая чернела. Собравшись С духом, рассказ он готов был начать, но старик торопливо Молвил ему: «Недоброе время теперь нам об лесе Речь заводить; расскажешь нам завтра». Услышавши это, С места вскочила Ундина, и глазки ее засверкали. «Нынче, не завтра он должен рассказывать! нынче, теперь же!» Вскрикнула с сердцем она и, бровки угрюмо нахмутив, Топнула маленькой ножкою об пол; и в эту минуту Так забавно мила и прелестна была, что в Гульбранде Вспыхнуло сердце, и он еще боле пленился смешною, Детской ее запальчивостью, нежели резвостью прежней. Но рыбак, рассердясь не на шутку, причудницу начал Крепко журить за ее упрямство и дерзкую вольность С гостем. Старушка пристала к нему. Тут Ундина сказала: «Если браниться хотите со мной, а того не хотите Сделать, о чем я прошу, так прощайте ж; одни оставайтесь В вашей скучной, дымной лачужке». С сими словами Прыгнула в двери она и в минуту во мраке пропала.

Глава II.

О ТОМ, КАК УНДИНА В ПЕРВЫЙ РАЗ
ЯВИЛАСЬ В ХИЖИНЕ РЫБАКА

Рыцарь вскочил, за ним и рыбак, и бросились оба В дверь, чтоб ее удержать, но напрасно: Ундина так быстро Скрылась, что даже было нельзя догадаться, в какую Сторону вздумалось ей побежать. Испуганным взором Рыцарь спросил рыбака: «Что делать?» – «Уж это не в первый Раз, – рыбак проворчал, – такими побегами часто Нас забавляет она; теперь опять мне придется Целую ночь напролет без сна проворочаться с боку На бок на жесткой постеле моей: ведь мало ль, что может Встретиться ночью!» – «Зачем же медлить? Пойдем поскорее Сами за нею». – «Труд бесполезный; ты видишь, какая Тьма на дворе: куда мы пойдем? И кто угадает, Где она спряталась?» – «Будем, по крайней мере, – прибавил Рыцарь, – хоть кликать ее». И кричать он начал: «Ундина! Где ты, Ундина?» Старик покачал головою: «Как хочешь, Рыцарь, кричи, она не откликнется нам, а уж верно Где-нибудь близко сидит; еще ты не знаешь, какая Это упрямица». Так говоря, старик с беспokoйством В темную ночь глядел и не мог утерпеть, чтоб туда же Вслед за Гульбрандом не крикнуть: «Ундиночка! милая! где ты?» Правду, однако, он предсказал: никакой там Ундины Не было. Долго кричав понапрасну, они наконец возвратились Оба в хижину; там уж было темно, и старушка, Менее мужа о том, что с Ундиной случится, заботясь, Спать улеглась, и в камине огонь, догоревши, потухнул; Только немногие уголья тлели, и синее пламя, Изредка вспыхнув, трепещущий свет разливало и гасло. Снова разведши огонь, рыбак наполнил большую Кружку вином и поставил ее перед гостем. «Мы оба, Рыцарь, едва ли заснем; так не лучше ли будет, когда мы, Вместо того чтоб в бессоннице жесткой рогожей

Грешное тело тереть, посидим у огня и за доброй
Кружкой вина о том и другом побеседуем? Как ты
Думаешь, добрый мой гость?» Гульбранд согласился охотно.
Сесть принудив его на почетном оставленном стуле,
Честный старик поместился с ним рядом, и вот дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждом малейшем
Шорохе – стукнет ли что в окошко, и даже нередко
Просто без всякого стука и шороха – вдруг умолкали
Оба и, палец поднявши, глаза неподвижно уставив
В двери, слушали; каждый шептал: «идет!» – и не тут-то
Было; не шел никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговор. «Расскажи мне, – сказал напоследок
Рыцарь, – как вам случилось найти Ундину?» – «А вот как
Это случилось, – рыбак отвечал. – Тому уж двенадцать
Будет лет, как я с товаром моим через этот
Лес был должен отправиться в город; жену я оставил
Дома, как то бывало всегда, а в то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачем, ты спросишь? Господь нам
В поздние наши лета даровал прекрасную дочку;
Как же было покинуть ее? Товар мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мне ничего, как и прежде, в лесу недоброго встретить;
Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот
Страшный лес мне идти удавалось: а с Ним и опасный
Путь не опасен». При этом слове старик с умиленным
Видом шапочку снял с головы и, руки сложивши,
В набожных мыслях минуты на две у молкнул; потом он
Шапочку снова надел и так продолжал: «Я с веселым
Сердцем домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся в слезах навстречу ко мне жена прибежала.
"Царь небесный! что случилось? – я воскликнул. – Где наша
Дочка?" – "Она у того, чье имя ты в эту минуту,
Бедный мой муж, призываешь", – жена отвечала. И молча,
Горько заплакав, пошел я за нею в хижину; тела
Милой малютки моей я глазами искал там, но тела
Не было. Вот как это случилось: с нашим младенцем
Подле воды на траве жена спокойно сидела;
С ним в беззаботном веселье играла она; вдруг малютка
Сильно к воде протянулась, как будто чудесное что-то
В светлых приметях струях; и видит жена, что наш милый
Ангел смеется, ручонками что-то хватая; но в этот
Миг как будто какой невидимой силой швырнуло
В волны дитя, и в их глубине бедняжка пропала.
Долго я тела искал, но напрасно, нигде и приметы
Не было. Вот мы, на старости две сироты, в безотрадном
Горе сидели в тот вечер вдвоем у огня и молчали:
Если б и можно было от слез говорить, то не стало б
Духу; и так, мы оба молчали, глаза устремивши
В тусклый огонь; как вдруг в дверях послышался легкий
Шорох; они растворились – и что же видим мы? Чудной
Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе,
Нам улыбаясь, как ангел, стоит на пороге. Сначала
Мы в изумленьи не знали, живой ли то был человек
Или обманчивый призрак какой; но скоро заметил
Я, что вода с золотых кудрей и с платья малютки
Капала; я подумал, что, верно, младенец недавно
Был в воде и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Так сказал я жене: "Никто не подумал спасти нам
Милое наше дитя; по крайней мере, мы сами
Сделаем то для других, чего не могли нам другие
Сделать, и что на земле блаженством было бы нашим".
Мы раздели малютку, ее положили в постель и напиться
Дали горячего ей; а она все молчала и только,
Светло-небесными глазками глядя на нас, улыбалась.
Скоро заснула она и свежа, как цветочек весенний,
Утром проснулась; когда ж мы спрашивать стали, откуда
Родом она и как попала к нам в хижину, толку
Не было в странных ответах ее никакого; и вот уж

Ровно двенадцать лет, как с нами живет, а добиться
Путного мы не могли от нее ничего; по рассказам
Вздорным ее подумать легко, что она к нам упала
Прямо с луны: о каких-то замках прозрачных, жемчужных
Гротах, коралловых рощах и разных других небылицах
Все твердит и теперь, как твердила тогда; удалось
Выведать только одно, что, катаясь по морю в лодке,
С матерью, в воду упала она и что волны на здешний
Берег ее принесли, где она и очнулась... В сомнение
Тяжком остались мы: хотя и было не трудно
Нам решиться наместо родной потерянной дочки
Взять чужую, нам данную Богом самим; но не знали
Мы, крещена ли она иль нет? Сказать же об этом
Нам ничего не умела бедняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по воле Господней
В здешнем свете, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что с волей Господней согласно. И вот что
Мы в таком затрудненье придумали вместе с женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долг святой совершить не будет греха. Но какое
Дать ей имя? И в ум нам пришло, что се Доротеей
Было б всего приличней назвать: мы слышали, что значит
Это имя дар Божий, она же была милосердным
Господом Богом дарована горести нашей в отраду.
Но об имени этом она и знать не хотела. "Ундиной
Звали меня отец мой и мать; хочу и остаться
Вечно Ундиной!" Но было ли то христианское имя,
Мы не знали. И вот я пошел за священником в город;
Он согласился прийти к нам; сначала имя Ундины
Было противно ему, как и нам; но наша малютка,
В платье странном своем, была так чудесно красива,
Так ласкалась к нему и в то же время так мило,
Так забавно спорила с ним, что сам он не в силах
Был противиться ей, – и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотреть на нее в продолжение святого
Таинства: дикая резвость исчезла, и тихим, смиренным
Ангцем стояла она, как будто бы чувствуя, что с ней
В это время творилось. Правду молвить, немало
С нею хлопот нам, и если бы все рассказать мне...» Но рыцарь
Тут перервал рыбака; он шепнул: «Послушай! послушай!
Что там?» Не раз уж во время рассказа был он встревожен
Шумом воды; но в эту минуту был явственно слышен
Рев потока, который бежал с возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились в двери;
В месячном свете открылось им, что ручей, выходящий
Из леса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
С треском дерева, в море бежал; и было все небо,
Так же как море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность под блеском и тьмой трепетала; при свисте
Вихря было внятно, как море свирепое голос
Свой воздымало и как, скрипя от вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались ветвями дерева. «Ундина!..
Царь мой небесный!.. Ундина!» – старик закричал; но ответа
Не было. Оба тогда побежали, забывши о буре,
Каждый своею дорогою, к лесу, и громко при шуме
Ветра в ночной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!»

Глава III.

О ТОМ, КАК БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА

Странное что-то чувствовал рыцарь, скитаясь во мраке
Ночи, под шумом бури, один, в бесполезном исканье:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призрак,
В темном лесу его обманувший, была; и при свисте
Вихря, при громе воды, при треске деревьев, при чудном
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращенье
Начал он думать, что море, луг, источник, рыбацья
Хижина, старый рыбак и все, что с ним ни случилось,

Было обман; но жалобный крик старика, зовущий Ундины,
Все ему издали слышался. Вот наконец очутился
Он на самом краю лесного ручья, который в разливе
Бурном своем бежал широкою, мутной рекою,
Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стояла
Хижина, сделался островом. «Боже! – рыцарь подумал, –
Что, когда Ундина отважилась в лес, и назад ей
Нет оттуда дороги, и там у злых привидений
Плачет она одна в темноте?» От ужаса вскрикнув,
Он поспешно поднял с земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сук, чтоб, держась за него, перебраться
В лес через воду. Хотя и сам он дрожал, вспоминая
Все, что там видел прошедшим днем; хотя и казалось
В эту минуту ему, что стоял там, ровён с деревьями,
Белый, слитком знакомый ему великан и, оскалив
Зубы, кивал ему головою, – но самый сей ужас
Только что с большею силою влек его в лес: там Ундина
В страхе, одна, без защиты была. И вот уж ступил он
Смелой ногою в кипучую воду, как вдруг недалеко
Сладостный голос сказал: «Не ходи, не берегись
Злого потока; старик сердит и обманчив». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Он же стоял в воде, озирался и слушал; но месяц
Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и он, через силу держась,
Был как в чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искав в темноте, наконец он воскликнул: «Ундина!
Ты ли? Где ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Сам в поток за тобой; откликнись; мне лучше погибнуть,
Нежели быть без тебя». И глубже в воду пошел он.
Тот же голос и так же близко сказал: «Оглянись!» –
В эту минуту вышел месяц из тучи, и рыцарь
В блеске его увидел Ундины. Был маленький остров
Подле берега быстрым разливом ручья образован;
Там, под навесом деревьев густых, в траве угнездившись,
Призраком светлым сидела Ундина. Было нетрудно
В этом месте поток перейти, и Гульбранд очутился
Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж, приподнявшись,
Руки вокруг шеи его обвила и его поневоле
Рядом с собой посадила. «Теперь ты расскажешь мне, милый,
Повесть свою, – шепнула она, – мы одни; старики нас
Здесь не услышат и скучным своим ворчаньем не могут
Нам помешать; а эта густая древесная кровля
Стоит их хижины дымной». – «Здесь рай, Ундина!» – воскликнул
Рыцарь, прижавши ко груди ее с поцелуем горячим.
В эту минуту рыбак, проискавши напрасно Ундины,
К месту тому подошел и увидел их с берега. «Рыцарь! –
Он закричал, – непохвально дело ты делаешь; нами
Был ты доверчиво принят; а ты теперь, обнимаясь
С нашей дочкой, шепчешься с нею тайком и оставил
В страхе меня, старика, одного по-пустому за нею
Бегать в потемках». – «Я сам, – отвечивал рыцарь, – лишь тол
В эту минуту встретился с нею». – «Тем лучше; скорее ж
Оба ко мне перейдите сюда на твердую землю».
Но Ундина о том не хотела и слышать; и лучше
В страшный лес она соглашалась с милым, прекрасным
Гостем пойти, чем в несносную хижину, где не хотели
Делать того, о чем просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крепко к нему, она гармонически, тихо запела:
«В душной долине волна печально трепещет и бьется;
Влившись в море, она из моря назад не польется».
Горько заплакал рыбак, услышав ту песню; ее же
Слезы его как будто не трогали: к рыцарю с детской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказал ей: «Ундина,
Разве не видишь, как плачет отец? Не упрямясь ж; нам должно,
Должно к нему возвратиться». В немом изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,

Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь, милый, я согласна». И с видом покорным, глаза опустивши, Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно Рыцарь поток перешел. Старик со слезами на шею Кинулся к ней и в радости был как дитя; прибежала Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку Нежно они целовали; упреков не было; в добром Сердце Ундины все также утихло, и их обнимала С лаской сердечной она, просила прощенья, смеялась, Плакала, милые все имена им давала. А утро Тою порой занялось, и буря умолкла, и птицы Начали петь на свежих, дождем ожемчужных ветках; Стало светло, и опять приступать принялася Ундина К рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой. И так согласились Завтрак принести под деревья. Ундина проворно уселась Подле Гульбрандовых ног на траве; другого же места Выбрать никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал.

Глава IV.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РЫЦАРЕМ В ЛЕСУ

«Вот уж боле недели, как я в тот вольный имперский Город, который лежит за вашим лесом, приехал; Там был турнир, и рыцари копья ломали усердно. Я не щадил ни себя, ни коня. Подошедши к ограде Поля, дабы отдохнуть от веселой работы, я шлем свой Снял и отдал его щитносоцу; и в эту минуту Вижу на ближнем алтане девицу, в богатом уборе, Чудной прелести. Это была молодая Бертальда – Мне сказали – питомица знатного герцога, в ближнем Замке живущего. Мне показалось, что с ласковым видом Смотрит она на меня, и во мне загорелась двойная Бодрость; усердно бился я прежде, но с этой минуты Дело пошло уж иначе. А вечером с нею одною Я танцевал; и так продолжалось во все остальные Дни турнира». В эту минуту почувствовал рыцарь Сильную боль в опущенной левой руке; оглянувшись, Видит он, что Ундина, жемчужными зубками стиснув Палец ему, сердито нахмурила бровки, и в глазках, Ярко светившихся, бегали слезки; потом, на Гульбранда С грустным упреком взглянув, она ему погрозила Пальцем; потом вздохнула, потом наклонила головку. Рыцарь, смутившись, умолк на минуту; потом он рассказ свой Так продолжал: «Бертальда прекрасна, нельзя не признаться; Но чересчур уж горда и причудлива; мне во второй раз Нравилась мене она, чем в первый, а в третий раз мене, Чем во второй. Однако мне показалось, что боле Всех других я замечен был ею, и это мне льстило. Вот мне вздумалось в шутку ее попросить, чтоб перчатку Мне свою подарила она. "Подарю, – отвечала С гордой усмешкой Бертальда, – если осмелишься, рыцарь, Съездить один в заколдованный лес наш, и верные вести Мне принесешь о том, что в нем происходит". Перчатка Мне дорога не была; но было бы рыцарю стыдно Вызов такой от себя отклонить, и я согласился». – «Разве тебя не любила она?» – спросила Ундина. «Я ей нравился, – рыцарь отвечивал, – так мне казалось». – «О! так она сумасшедшая, – вскрикнула громко Ундина, С радостным смехом захлопав в ладоши. – Кто ж не безумный С милым себя разлучит и его добровольно в волшебный Лес на опасное дело пошлет? От меня б не дождался Этот лес такой неслыханной почести». – «Рано Утром вчера, – продолжал Гульбранд, улыбнувшись Ундине, – Я отправился в путь. Спокойно сияли деревья В блеске зари, полосами лежавшем на зелени дерна; Было свежо; благовонные листья так сладко шептались, Все так манило под сумрак прозрачный, что я поневоле Злился на глупых людей, которым страшилища в райском Месте такном могли померещиться. Въехал я в чащу; Мало-помалу все стало пустынно и тихо; густея,

Лес предо мной и за мною сдвигался, как будто хватая
Тысячью рук волшебных меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержал: посмотреть, высоко ли
Было солнце, хотел я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то колышется в ветвях дубовых.
Я подумал, что то был медведь; обнажаю поспешно
Меч. Но вдруг человеческим голосом, диким, визгливым,
Мне закричал: «Кстати пожаловал; милости просим;
Мы уж и веток сухих наломали, чтоб было на чем нам
Вашу милость изжарить». Потом, с отвратительно-диким
Смехом оскаливши зубы, чудовище так зашумело
Ветвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успел разглядеть, какой там гнезвился
Дьявол». При имени этом рыбак и старушка с молитвой
Перекрестились; Ундина ж тихонько шепнула: «Всего здесь
Лучше, по-моему, то, что ты не изжарен, мой милый
Рыцарь, и то, что ты с нами. Рассказывай далее». – «Конь мой
Мчался как бешеный, – рыцарь сказал, – им владеть не имел я
Силы; вдруг перед нами стремнина, и скачет со мной он
Прямо в нее; но в самое ж это мгновение кто-то
Длинный, огромный, седой, перерезавши нашу дорогу,
Вдруг перед диким конем повалился, и конь, отшатнувшись,
Стал, и снова я им овладел. Озираюся – что же?
Мой спаситель был не седой великан, а блестящий
Пенный ручей, бежавший с холма». –■ «Благодарствую, милый,
Добрый ручей», – закричала, захлопав в ладоши, Ундина.
Тяжко вздохнув и нахмурясь, рыбак покачал головою;
Рыцарь рассказывал дале: «Собрав повод, укрепился
Я на седле. Вдруг вижу, какой-то стоит человек
Рядом с конем, отвратительный, грязный горбун, земляного
Цвета лицо, и нос огромный такой, что, казалось,
Был он длиною со все остальное тело уроды.
Он хохотал, оскаливал зубы, шаркал ногами,
Гнулся в дугу. Я его оттолкнул и, коня повернувши,
Был готов пуститься в обратный путь (уж склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карлик,
Прянув как кошка, дорогу коню заслонил. "Берегись, –
Я закричал, – раздавлю". Но урод, исковеркавшись снова,
Начал визжать: "Сперва заплати за работу; ты в пропасть
Вместе с конем бы слетел, когда бы не я подвернулся". –
"Лжешь ты, кривляка, – сказал я, – не ты, а этот источник
Нас сохранил от паденья. Но вот тебе деньги; оставь нас,
Дай дорогу". И, бросив одну золотую монету
В шапку уроду, поехал я шибче; но снова явился
Рядом со мной он; я шпорю коня; конь скачет, но сбоку
Скачет и карлик, кривляясь, коверкаясь, с хохотом, с визгом,
Высунув красный с локоть длиною язык. Чтоб скорее
С ним развязаться, бросаю опять золотую монету
В шапку ему; но, с хохотом диким оскаливши зубы,
Начал кричать он: "Поддельное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!" И в эту минуту
Мне показалось, что вдруг просветлела земная утроба;
Дерн изумрудом прозрачным сделался; взор мой свободно
Мог сквозь него проникать в глубину; и тогда мне открылась
Область подземная гномов: они гомозились, роились,
Комкались в клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали в кучи рубин, и сапфир, и смарагд и пускали
Вихри песка золотого друг другу в глаза. Мой спутник
Быстро метался то вниз, то вверх; и ему подавали
Слитки огромные золота; мне показав их со смехом,
Каждый он в бездну бросал, и, из пропасти в пропасть со звоном
Падая, все в глубине исчезали. Тогда он монету,
Данную мною, швырнул с пронзительным хохотом в бездну;
Хохотом, шиканьем, свистом ему отвечали из бездны.
Вдруг взгомозились все и, толпяся, толкаясь, полезли
Кверху, когтистые, пылью металлов покрытые пальцы
Все на меня растопорщив; вся пропасть, казалась, кипела;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...

Ужас меня одолел; дав шпоры коню, без оглядки
Я поскакал... и не знаю, долго ль скакал; но очнувшись,
Вижу, что нет никого; привиденья исчезли; прохладно
Было в лесу, и вечер уже наступил. Сквозь деревья
Бледно мелькала тропинка, ведущая из лесу в город.
Взъехать спешу я на эту тропинку; но что-то седое,
Зыбкое, дым не дым, туман не туман, поминутно
Вид свой меняя, стало меж ветвей и мне заслонило
Путь; я пытаюсь объехать его, но куда ни поеду,
Там и оно; рассердившись, скачу напролом; но навстречу
Прыщет мне пена, и ливнем холодным я обдан, и рвется
Конь мой назад; ослеплен, промочен до костей, я бросаюсь
Вправо и влево, но все не могу попасть на тропинку.
Белый никак на нее не пускает меня. Попытаюсь
Ехать обратно – за мной по пятам он, но смирен и волю
Путь продолжать мне дает; но лишь только опять на тропинку
Въезду – он тут, и опять заслоняет ее, и холодной
Пеной меня обдает. Наконец поневоле я выбрал
Ту дорогу, к которой меня он теснил так упорно;
Он унялся, но все от меня не отстал и за мною
Бледно-туманным столбом подвигался; когда же случилось
Мне оглянуться, то чудилось мне, что этот огромный
Столб с головой, что в меня упирались тускло и зорко
С чудным каким-то миганьем глаза и кивала
Всякий раз голова, как будто меня понукая
Ехать вперед. Но порою мне просто казалось, что этот
Странный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я,
Выехав из лесу, здесь очутился и встретился с вами,
Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой спутник».
Рыцарь кончил рассказ свой. «Мы рады тебе, благородный
Гость наш, – сказал рыбак, – но пора и о том нам подумать,
Как бы тебе возвратиться в город». Ундина, услышав
Эти слова, начала про себя тихомолком смеяться
С видом довольным. То рыцарь заметив, сказал ей: «Ундина,
Разве ты рада разлуке со мною? Чему ты смеешься?» –
«Я уж знаю чему, – отвечала Ундина. – Отведай
Этот сердитый поток переплыть – верхом иль на лодке,
Как угодно – ан нет, не удастся! а морем... давно я
Знаю, что этого сделать нельзя; и отец недалеко
В море уходит с лодкой своею. Итак, оставайся
С нами, рад ли, не рад ли. Вот чему я смеюсь».
Рыцарь с улыбкою встал, чтоб видеть, так ли то было,
Что говорила Ундина; встал и рыбак; а за ними
Вслед и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей в лесу; поток разлился, и стал полуостров
Островом. Рыцарь не мог о возврате и думать, и должен
Был поневоле он ждать, пока в берега не вольется
Снова поток. Возвращался в хижину рядом с Ундиной,
Он ей шепнул: «Что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что с вамп
Я остаюсь?» – «Полно, полно, – она проворчала,
Бровки нахмутив, – не вздумай тебя укусить я за палец,
Ты бы не то рассказал нам об этой несносной Бертальде».

Глава V.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖИЛ У РЫБАКА В ХИЖИНЕ
Может быть, добрый читатель, тебе случилось в жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Место, где было тебе хорошо, где живущая в каждом
Сердце любовь к домашнему быту, к семейному миру
С новою силой в тебе пробуждалась; и снова ты видел
Край родимый; и все обаяния младости, блага
Первой, чистой любви на могилах минувшего снова
В прежней красе расцветали, и ты говорил, отдыхая:
Здесь живет сладко, здесь сердцу будет приятно.
Вспомнив такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнимал безымянное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что должен был чувствовать рыцарь,
Вдруг преселившись в этом пределе, далеко от света.
Часто он с радостью тайной смотрел, как поток, свирепая,

День ото дня расширялся и остров все далее и далее
В море входил, разлучался с твердой землею; казалось,
Мир кончался за ним. На сердце рыцаря стало
Тихо, светло и легко. Рыбак был мудрец простодушный;
Зная людей, изведав тревоги житейские, бывши
Ратником сам в молодых летах, на досуге он много
Мог рассказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словом, он был живая летопись; время без скуки
Шло в разговорах меж старцем отжившим и юношей, полным
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо из жизни
Взятая здравым рассудком и верою в Бога, вливалась
В душу Гульбранда и в ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старик промышлял по-прежнему рыбною ловлей;
Был не без дела и рыцарь: в хижине, к счастью, нашелся
Старый доспех рыбака, самострел; его починивши,
С ним ежедневно рыцарь ходил на охоту; а вечер
Вместе все перед ярким огнем проводили, и полный
Кубок тогда частенько постукивал в кубок: в запасе
Было вино, и нередко с ним длилась беседа до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
В этом жилище, куда суеты не входили, каким-то
Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы, причудливость ннксы,
Свежесть цветка, порхливость сифиды, изменчивость струйки
Словом, Ундина была несравненным, мучительно-милым,
Чудным созданием; и прелесть ее проницала, томила
Душу Гульбранда, как прелесть весны, как волшебство
Звуков, когда мы так полны болезненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нрав и смешные причуды Ундины
Были подчас и докучливой мукой; зато и журили
Крепко ее старики; и тогда шалуныя так мило
Дулась на них, так забавно ворчала; потом так сердечно
С ними, раскаясь, мирилась; потом проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сетью, которою мало-помалу опуталось сердце
Рыцаря. С нею он стал неразлучен; с каждою мыслью,
С каждым чувством слилась Ундина. Но, им обладая,
Той же силе она и сама покорялась; хотя в ней
Все осталось по-прежнему, резвость, причуды, упрямство,
Вздорные выдумки, детские шалости, взбалмошный хохот,
Но Ундина любила – любила беспечно, как любит
Птичка, летая средь чистого неба. Старик и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вместе, неволью привыкли
Их почитать женихом и невестой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что в мир для него невозвратно
Вход загражден, что с людьми никогда уж ему не встречаться.
Если ж случалось, что рыцарев конь, на свободе бродивший
По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как будто
Спрашивал: скоро ли в битву? иль если попадался
Брошенный щит на глаза иль праздно на стенке висевший
Меч, ненароком сорвавшись с гвоздя, из ножен выдвигался
В звонком паденье – дума о славе и подвигах бранных
Душу его шевелила. Но в этой тревоге себя он
Тем утешал, что возврат для него невозможен; к тому же,
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и, словом, он верил, что все то не случай, а Божий
Промысел было. И так один за другим неприметно
Дни уходили, ясные, тихие. Но и в спокойном
Этом быту напоследок случилось расстройство: привыкли
Каждый вечер рыбак и рыцарь, отужинав, с полным
Кубком час-другой проводить в разговоре радушном;
Вдруг недостало вина: запас рыбака небогатый
Вышел; взять же нового было негде. Наморщив
Лбы, сидели Гульбранд и рыбак за столом; а Ундина,
Глядя на них, умирала со смеху. Скучен и долог
Был тот вечер, и рано все разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина из хижины. «Вы мне
Оба несносны, – сказала она, – не хочу я на ваши

Длинные лица смотреть и слушать вашу зевоту».
С этим словом захлопнула двери и скрылась. А вечер
Был ненастен, ветер шумел, и море сердилось.
В страхе рыбак и рыцарь вскочили, вспомнив, как первый
Раз они перепуганы были Ундиной. Но только
В двери за нею они собрались побежать, как Ундина
Им навстречу явилась сама. «За мною! за мною
Все! – закричала она, – гостинец прислало нам море;
Бочка, и, верно, с вином, лежит на песке». За Ундиной
Все пошли, и, подлинно, бочка нашлася; поспешно
Рыцарь, старик и с ними Ундина ее покатали
К хижине: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, как на море волны свои подымали седые
Головы, дождь вызывая из туч; и тучи бежали
Шибко и шумно, как будто грозясь напасть на идущих;
Вот уж начали сыпаться первые капли. Ундина
Вдруг повернула головку и, пальчик поднявши, сердито
Им погрозила туче и ей закричала: «Смотри ты,
Туча, не смей замочить нас; еще нам далёко до дома».
С сердцем рыбак ей сказал: «Уймися, Ундина, грех!» И, умолкнув,
Стала она про себя потихоньку смеяться. Однако
Засухо все добрались до места; но только успели
Бочку под кровлю поставить, и вскрыть, и отведать, какое
Было вино в ней, как дождь проливной зашумел, зашатались
С скрипом дерева, и море дико завывало. Но бурю
В хижине скоро забыли; за полными кружками снова
Ум разогрелся, и ожили шулки; и этой беседе
Прелесть двойную давал огонек, всегда столь приятный
В теплом приюте, при шуме ветра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдруг старик, как будто что вспомнив,
Стал задумчив; потом, помолчавши минуту, сказал он:
«Царь небесный, помилуй нас, грешных! мы здесь на досуге
Шутим и этим прекрасным вином веселимся; а бедный
Прежний хозяин его, быть может, погиб и, волнами
Брошенный бог весть куда, лишен погребенья». При этом
Слове Ундина с лукавой усмешкой подвинула кружку
К рыцарю. «Пей, не бойся», – она прошептала. Но рыцарь
За руку взял старика и воскликнул: «Я честью клянуся,
Если б могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помехою мне не была бы; с опасностью жизни
Я бы на помощь к нему побежал; зато обещаюсь,
Если когда возвращаясь в край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль детям его заплатить за прекрасный
Этот напиток, который без воли его нам достался».
Добрый старик кивнул головою в знак одобренья;
В нем успокоилась совесть, и с большим вкусом он допил
Кружку. Но тут Ундина сказала Гульбранду: «Ты денег
Сколько угодно можешь за это вино рассорить; но бросаться
В воду и жизни своей не жалеть... вот это уж глупо
Сказано было; что же будет со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше с Ундиной
Здесь останешься?» – «Правда, Ундиночка», – рыцарь с улыбкой
Ей отвечал. «Признайся ж, что глупо сказал ты; ведь каждый
Сам себе ближе; и что до других нам?..» Старушка, услышав
Это, тужко вздохнула; а добрый рыбак, не стерпевши,
Начал кричать на Ундину: «У турков, у нехристей, что ли,
Выросла ты, прости мне, Господи? Что за горячку
Снова ты нам говоришь, греховодница?» Вдруг замолчавши,
Робко Ундина прижалась к Гульбранду; потом прошептала:
«Что же такое сказала я им? Уж и ты не сердит ли,
Милый мой рыцарь?» Но рыцарь, пожавши ей руку, расправил
Кудри, упавшие кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвечивал: брань рыбака его оскорбила.
Так сидели все четверо, молча, нахмутивши брови;
Добрую четверть часа продолжалось это молчанье.

Глава VI.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ

Вдруг, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно

Вздрыгнули все, как будто недоброе что-то почуя:
Страшный лес был близко, а к хижине доступ разливом
Был загражден человеку живому; кому же в такую
Позднюю пору зайти к ним? Они с беспокойством смотрели
Друг на друга. Снова послышался стук; и поспешно
Рыцарь схватился за меч. «Не поможет твой меч, – сотворивши
Крест, рыбак прошептал, – когда здесь случается с нами
То, о чем и подумать боюсь я». Но в эту минуту
Прыгнула с места Ундина и в дверь закричала сердито:
«Кто там? Если то ваши проказы, духи земные,
Будет беда вам; мой дядя Струй вас порядком проучит».
Пуще прежнего все оробели, слова те услышав.
Друг на друга взглянули старик и старушка; а рыцарь
Встал и хотел уж Ундину спросить, но тут из-за двери
Голос сказал: «Я не дух – человек, христианин; впустите
Ради Господа Бога меня». При этом поспешно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночник, во внутренность темной
Ночи стала светить: престарелый священник стоял там.
Он, при виде Ундины, назад отступил, приведенный
В робость ее поразительной прелестью; в бедной лачужке
Встречу такой красоты он волшебством иль делом бесовским
Счел и воскликнул: «С нами Господь и Пречистая дева!» –
«Я не бес, – засмеявшись, сказала Ундина, – не бойся;
Милости просим, отец; войди, здесь хорошие люди».
Патер вошел и ласково всем поклонился; приятен
Был он лицом; веселая кротость сияла во взорах.
Но по складкам длинного платья его, с распущенных
Белых волос и седой бороды катился градом
Капли: его промокло дождем. В боковую каморку
Тотчас его отвели, чтоб раздеть; а старушка с Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огне. С благодарным
Чувством услуги старик принимал; он, надев рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышел, и снова
Все за столом перед светлым камином уселись; старушка
Гостю сама уступила почетный стул, а Ундина
В ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнул ей шутивное слово; но с важным
Видом она отвечала: «Он Божий служитель; не должно
Этим шутить». Поужинав, добрым вином подкрепивши
Силы свои, священник рассказывать начал, каким он
Образом свой монастырь, лежащий близ моря, вчерашним
Утром покинул. «Я был к епископу нашему в город
Послан, – сказал он. – Хотя и есть по изгибу залива
Путь, но морем ближе: и я с гребцами надежными лодку
Нанял; с Богом мы съездили; нынче ж поутру в обратный
Поплыли путь; но сделался ветер противный; а к ночи
Буря – и буря, какой мне ни разу видать не случилось;
Ветром вырвало весла из рук у гребцов; беспомощно
Были мы преданы морю, которого волны как щепку
Наш челнок подымали с хребта на хребет; и несло нас
Прямо сюда; сквозь туман и сквозь пену чернел в отдаленье
Этот берег: уж были мы близко; но бедную лодку
Нашу так и кружило; вдруг поднялась и на нас повалилась
С страшным шумом большая волна; и сам я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпал из лодки,
Только я вдруг очутился в воде. Господь не дозволил
Мне погибнуть... я был принесен невредимо на этот
Остров». – «Да, остров, – сказал со вздохом рыбак, – но давно ли
Был он твердой землею? Как же не скажешь, что морс
С нашим потоком бурлит заодно?» – «И сам я подумал
Что-то подобное, – патер сказал. – Когда я тащился
Берегом вашим впотьмах, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошел; но эта тропинка исчезла
Вдруг перед лесом; ее перерезал поток. Тут сверкнул мне
В вашей хижине свет, и тотчас сюда повернул я.
Слава Господу Богу! меня он спас, да и к добрым
Людям еще мне путь указал; но зато уж отныне,
Кроме вас, никого на земле не встречать мне; отныне

В этом углу весь мир для меня заключен». – «Почему же?» – Рыцарь спросил. «Да кто ж, – ответствовал патер, – узнает, Скоро ли кончится эта война беспорядочных стихий? Я же стар, и силы мои, конечно, иссякнут Прежде, чем этот разлившийся бурный поток; да случиться Может и то, что день ото дня все шире и шире, Глубже и глубже он делаться будет, и вы напоследок Так далеко от земли отодвинетесь в море, что в людях Даже и память об вас совсем пропадет; и тем легче Может это случиться, что вас от земли заслоняет Лес дремучий; поток же, я видел, так дик и порывист, Так широк, что и крепкому судну не будет возможно Силы его одолеть». – «Сохрани нас Господь и помилуй», – Крест сотворивши, сказала старушка. «Чего же хозяйка Так испугалась? – рыбак возразил. – Не то же ли будет С нами, что было? Чудное дело желанья людские! Разве не всё одни мы здесь жили? Ни разу во столько Лет не ходила ты дале опушки нашего леса. Кроме меня, старика, и Ундины, кого ты видала? Ныне же стало у нас и людно: Господь Бог послал нам Добрых гостей на житье. Пускай совсем разлучится Остров наш с твердой землею, и люди о нас позабудут. Нам же прибыль». – «Что правда, то правда, – сказала старушка, – Только, признаться, мне как-то страшно подумать, что вечно Нам уж с людьми не сойтись, что земле навсегда мы чужие». То услыша, Ундина прижалась к рыцарю, жаркой Ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки, Полные острых лучей, на него, нараспев прошептала: «Ты останешься с нами, ты останешься с нами». Рыцарь молчал; он был очарован каким-то виденьем; Был глубоко в себя погружен и, Ундиной, желанным, Найденным счастьем жизни полный в душе, не расслушал Слов Ундины, проказницы резвой, сидевшей с ним рядом; Миг настал роковой: священник своими словами Все сомненья решил; все дале и дале за темный Лес убежал обитаемый свет; а остров цветущий, Где так сладко жилось, все свежей, зеленей, все приятней Сердцу его становился – невеста, как чистая роза, Там расцветала; и к ним как будто бы свыше был послан Божий священник: то явно было не случай. К тому же, Рыцарь заметил, как строго старик поглядел на Ундину В ту минуту, когда, позабыв о слугителе церкви, Так беззаботно она к нему приласкалась. Ундину Сильной рукой обхвативши, рыцарь встал и воскликнул: «Честный отец, мы жених и невеста; во имя Господне Благослови нас, если дадут позволение эти Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились. Правда, им часто входило на мысль, что такая развязка Рано иль поздно случиться должна; но об этом молчали Даже друг с другом они; и в это мгновение было Вовсе неожиданным для них предложение рыцаря. Долго Слова ему отвечать они не умели. Ундина ж Вдруг присмирела, задумалась, глазки потупила в землю. Тою порою священник, спросясь с стариком и старушкой, Начал готовить венчальный обряд; старушка, очистив Наскоро горницу ту, где жила с рыбаком, отыскала Две восковые свечки, которые были во время Оно на свадьбе ее зажжены; а рыцарь из звеньев Цепи своей золотой отделил два кольца, чтоб с невестой Было чем обручиться. Все устроив, священник Брачные свечи зажег и сказал жениху и невесте: «Дайте руку друг другу». Ундина, как будто проснувшись, Робко взглянула на рыцаря, вся покраснела и, руку Давши ему, стыдливо и трепетно стала с ним рядом. Кончив венчальный обряд, новобрачных отец их духовный Перекрестил; старики ж молодую жену и Гульбранда Обняли с чувством родительским, громко рыдая. Но в этот Миг священник сказал: «Вы странные люди! не сами ль

Вы говорили, что этот остров безлюден, что, кроме Вас четверых, не живет никого здесь? А я в продолжение Службы все видел, что кто-то в это окошко, в широком Белом платье, седой и длинный, глядел; за дверями, Верно, стоит и теперь он и ждет, чтоб впустили». – «Спаси нас Дева Пречистая, Божия Матерь», – сказала старушка; – Молча рыбак покачал головою; а рыцарь к окошку Бросился: не было там никого; но что-то в потемках, Видел он, белой струею мелькнуло и скрылось. «Отец мой, Ты ошибся», – сказал он священнику. Все беззаботно С этим словом кругом огонька по-прежнему сели.

Глава VII.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕР

Смирно стояла Ундина во все продолжение обряда; Но лишь только он кончился, вдруг, как будто волшебной Силой какой, что ни было в ней причуд и беспутных Выдумок, все забродило и вспенилось; вдруг прннялася Всех тормошить, старика, старушку и рыцаря, не был Даже и сам священник оставлен в покое. Суровым Словом хотела хозяйка шалуню унять, как бывало; но рыцарь С значащим взглядом назвал ее своею женою; Та замолчала. И сам он, однако, таким поведсьнем Не был доволен; но тут ни его увещанья, ни ласки, Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась, Правда, она на минуту, когда замечала досаду Рыцаря: нежно тогда к нему прижимаясь, ручонкой Милой своею трепала его по щеке и шептала На ухо слово любви с небесной улыбкой; но снова С первую взбалмошную мыслью то ж начиналось, и пуще, Нежели прежде. Священник сказал напоследок: «Ундина, Резвость такая забавна, но в эту минуту приличней Было бы вам, новобрачной, подумать о том, как с душою Данного Богом супруга свою сочетать христиански Душу». – «Душу? – смеясь, закричала Ундина. – Такое Слово приятно звучит; но много ли в этом приятном Звуче смысла? А если кому души не досталось, Что тому делать? Еще сама я не знаю, была ли, Есть ли душа у меня?» Оскорбленный глубоко, священник, Строго взглянув на нее, замолчал; испугавшись, Ундина С детским смиреньем к нему подошла и шепнула: «Послушай, Добрый отец, не сердися, мне это так грустно, так грустно, Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобным, Робким созданием, так строг; напротив того, с снисхождением Выслушай то, что хочу исповедать искренним сердцем». Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердце Ундины; Что-то хотела сказать, но вдруг побледнела и горько, Горько заплакала. Все на нес с любопытством смотрели; Что творилось с нею, не ведал никто. Напоследок Слезы обтерла она и священнику, в сильном волненье Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ль, ужасно Душу живую иметь? И не лучше ль, скажи мне, не лучше ль Вечно пробыть без души?..» Она замолчала, уставив Острый, расстроенный взор на священника. Все поднялися С мест, как будто дичаясь се; не дождавшись ответа, С тяжким вздохом она продолжала: «Великое время, Страшное время душа! при одном уж ее ожиданье Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было Так легко, так свободно». Она опять зарыдала, Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши головку, Плакала горько, а светлые кудри, скатясь на прекрасный Лоб и на жаркие щеки, повисли густым покрывалом. С строгим лицом подошел к ней священник. «Ундина, – сказал он, – Именем Господа Бога тебе говорю: исповедуй Душу свою перед нами, и если таится в ней злое, Бог милосерд, Он помилует». Тихим, покорным младенцем Стала она перед ним на колена, и, руки сложивши, Набожно к небу глаза подняла, и крестилась, и, имя Божис славя, твердила, что не было зла никакого

В сердце ее. Священник сказал, обратясь к Гульбранду:
«Рыцарь, вам поверяю я ту, с которою ныне
Сам сочетал вас: душою она беспорочна, но много
Чудного в ней. Примите мой добрый совет: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердного Бога
С верой оставьте». Сказав, новобрачных священник
Перекрестил и вышел; за ним рыбак и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на коленях стояла в молчанье; когда же
Все удалились, она потихоньку лицом обернулась
К рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, как будто
В чувство входя, головку свою подняла и уныло
Очи лазурные, полные слез, на него устремила.
«Милый, ты, верно, также покинешь меня, – прошептала
Робко она, – но чем же я, бедная, чем виновата?»
Руки ее так призывно, так жарко к нему поднялись,
Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали,
Голос ее так глубоко из сердца раздался, что рыцарь
Все позабыл и в порыве любви протянул к ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.
Глава VIII.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ
Свежий утренний луч разбудил новобрачных; блаженством
Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой
Думе молчал про себя; всю ночь он видел какой-то
Станный, мучительный сон: все снилось ему, что хотели
Бесы его обольстить под видом красавиц, что в змеев
Адских красавицы все перед ним обращались. Проснувшись
В страхе, он начал смотреть недоверчиво: тут ли Ундина?
Нет ли в ней какой перемены?.. Но было все тихо,
Буря кончилась; полный месяц светил, и Ундина
Сном глубоким спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она, и сквозь сон, как журчанье,
Шепот невнятный бродил по жарко раскрывшимся губкам.
Видом таким успокоенный, рыцарь заснул, но в другой раз
Тот же сон! наконец засияла заря, и проснулись оба.
Сон рассказавши, рыцарь просил, чтоб Ундина простила
Страх безрассудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
С грустью она ему подала, и ни слова; но сладкий,
Полный глубокой любовью взгляд, какого дотол
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал, безответно
Выразил все. С довольным сердцем он встал и к домашним
Вышел; все трое сидели молча, на лицах их видно
Было, что тяжко тревожило их ожиданье развязки;
Видно было, что внутренне Бога священник молил: да поможет
Им защититься от козней врага. Но как скоро явился
С ясным лицом новобрачный, то вмиг и у них просияли
Души и лица; рыбак и старушка заплакали; к небу
Взор благодарный поднял священник. Потом и Ундина
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу, но стали
Все неподвижны: так знакома и так незнакома
Им в красоте довершенной она показалась. Священник
Первый к ней подошел; но лишь только он руку, чтоб дать ей
Благословение, поднял, она ему поклонилась
В землю и стала прощенья просить в словах безрассудных,
Сказанных ею вчера; потом промолвила: «Добрый
Друг, помолись о спасенье моей души многогрешной».
Вставши, она обняла стариков, и то, что сказала
Им, было так полно души, так было их слуху
Ново и так далеко от всего, что прежде пленяло
В ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслух и се называли небесным
Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем
Их целовала; такой и осталась она с той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, в то же
Время девственно-чистым, божественно-милым созданием.
Рыцарь, старик и старушка, давно уж привыкнув к причудам

Детским ее, всё ждали, что снова она, как и прежде,
Станет проказить, но в этот раз они обманулись:
Ангелом тихим осталась Ундина. Священник, любясь
Ею, воскликнул: «Радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вам даровал чрез меня, недостойного, редкое счастье;
Будет добро вам и в здешней и в будущей жизни, когда вы
Чистым его сохраните. Господь помощи вам обоим».
Около вечера с нежностью робкой Ундина, взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздух. Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый
Дерн сквозь чашу дерев, за которыми тихо горело
Море вдали. Во взорах жены молодой трепетало
Пламя любви, как роса на лазурных листьях; но, казалось,
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохом невнятным. В молчанье она вела за собою
Рыцаря дале; когда же с ней говорил он, ответа
Не было, взор один отвечал; но в этом сердечном
Взоре целое небо любви и смиренья лежало.
Так подошли напоследок они к лесному потоку...
Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался;
Мелким ручьем стремился поток. «Он исчезнет
К утру совсем, – сказала Ундина, скрывая рыданье, –
Завтра кончится все, и тебе уж препятствия боле,
Милый, не будет отсель удалиться, как скоро захочешь». –
«Вместе с тобою, Ундиночка», – рыцарь ответствовал. «Это
В воле твоей, – шепнула она, усмехаясь сквозь слезы. –
Друг, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навек. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на руках на этот зеленый
Остров; там приятней. Хотя и самой мне сквозь волны
Было б нетрудно туда проскользнуть, но, друг, мне так сладко
Быть на руках у тебя. И если нам должно расстаться,
То хоть в последние счастьем земным подышу я
Здесь у тебя на груди». И, растроган, встревожен,
Рыцарь Ундину на руки взял и понес через воду.
Было то место знакомо, то был островок, на котором
Встретился рыцарь с Ундиною в бурю. Ее опустил он
Тихо на шелковый дерн и хотел поместиться с ней рядом.
«Нет, не рядом со мной, а против меня ты садися,
Милый, – сказала она, – хочу я прежде, чем словом
Будешь ответствовать мне, твой ответ в непритворных
Взорах твоих заране угадывать. Слушай. Ты должен
Знать, уж на деле узнал ты, что есть на свете созданья,
Вам подобные видом, но с вами различного свойства.
Редко их видите вы. В огне живут саламандры,
Чудные, резвые, легкие; в недрах земли, неприступных
Свету, водятся хитрые гномы; в воздухе веют
Сильфы; лоно морей, озер и ручьев населяют
Духи веселые вод. Прекрасно и вольно живется
Там, под звонко-кристальными сводами; небо и солнце
Светят сквозь них; и небесные звезды туда проникают;
Там на высоких деревьях коралловых пурпуром ярким,
Темным сапфиром блистают плоды; там гуляешь по мягким,
Свежим песочным коврам, узорами раковин пестрых
Хитро украшенным; многое, бывшее чудом минувших
Лет, облеченное тайным серебряных вод покрывалом,
Видится там в величавых развалинах: влага с любовью
Их объемлет, в мох и цветы водяные их рядит,
Пышным венцом тростника их седые главы обвивает.
Жители стран водяных обольстительно-милы, прекрасней
Самых людей. Случалось не раз, что рыбак, подглядевши
Деву морскую – когда, из воды подымался тайно,
Пела она и качалась на зыбкой волне, – повергался
В хладную влагу за нею. Ундинами чудные эти
Девы слывут у людей. И, друг, ты теперь пред собою
В самом деле видишь ундину». Гульбранд содрогнулся;
Холод по членам его пробежал; неподвижен, как камень,
Молча и дико смотрел он в лицо рассказчицы милой,

Сил не имея очей отвести. Покачив головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потом продолжала:
«Видом наружным мы то же, что люди, быть может и лучше,
Нежели люди; но с нами не то, что с людьми; покидая
Жизнь, мы вдруг пропадем как призрак, и телом и духом
Гибнем вполне, и самый наш след исчезает; из праха
В лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Там, где жили, в воздухе, искре, волне и пылинке.
Нам души не дано; пока продолжается наше
Здесь бытие, нам стихии покорны; когда ж умираем,
В их переходим мы власть, и они нас вмиг истребляют;
Веселы мы, и нас ничто не тревожит, как птичек
В роще, рыбок в воде, мотыльков на лугу благовонном.
Всё, однако, стремится возвыситься: так и отец мой,
Сильный царь в голубой глубине Средиземного моря,
Мне, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелал, хотя он и ведал, что с нею и горе
(Всех, одаренных душою, удел) меня не минует.
Но душа не иначе дана быть нам может, как только
Тесным союзом любви с человеком. И, милый, отныне
Я с душою навеки; тебе одному благодарна
Я за нее, и тебе ж благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вечное горе. Что будет
С бедной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманом
Сердце твое сохранить она не хотела. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты решился,
Сделай это теперь же: один перейди на противный
Берег; я брошусь в этот поток – он мой дядя; издавна
В нашем лесу он свободную, чудную жизнь, как пустынный,
Розно с родней и друзьями проводит. Он силен и многим
Старым рекам и могучим потокам союзник. Принес он
Некогда к жителям хижины здешней меня беззаботным,
Ясным, веселым младенцем; и он же ныне отсюда
В дом отца моего меня отнесет измененным, живую
Душу приравняв созданием, любящей, скорбящей женою».
Дале она говорить не могла; пораженный, плененный,
Рыцарь ее обхватил, и на руки поднял, и вынес
На берег; там перед небом самим повторил он обет свой:
С ней неразлучно жить на земле и делить все земное.
В сладком согласии, за руки взявшись, медлительным шагом
В хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнув
Благо святое души, перестала жалеть о прозрачном
Море и влажных жилищах отцовского чудного царства.

Глава IX.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА

ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ

Рыцарь, проснувшись с зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подле него Ундины нет, и снова он начал
Думать, что все, происшедшее с ним в последнее время,
Было мечта. Но в эту минуту Ундина явилась;
Севши к нему на постель, сказала она: «Я ходила
В лес проведать, исполнил ли дядя свое обещанье?
Все исполнено; воды свои он собрал и снова
Лесом бежит одинок, невидим и задумчиво шепчет;
Всех водяных и воздушных друзей распустил он, и стало
Тихо в лесу, и все в порядке по-прежнему; можем,
Милый, отправиться в путь, как скоро захочешь». С каким-то
Станным чувством, похожим на робость, слушал Ундина
Рыцарь: ее родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкий покой возвратила ему; и, любясь с ней вместе
Зеленью берега, так благовонно, свежо и прозрачно
Светлою влагой объятого, рыцарь сказал: «Для чего же
Так нам спешить отсюда, Ундина? Уж верно не встретим
Мы нигде толь мирного счастья, каким насладились
В этом краю; пробудем же здесь; никто нас не гонит». –
«Что ты, мой друг, прикажешь, то и будет, – сказала с покорным
Видом Ундина, – но слушай: моим старикам разлучаться со мною

Тяжко и так, а они еще не знают Ундины, Новой, нежной, любящей, смиренной Ундины; и все им мнится еще, что смиренное мое не надежней покоя вод; и меня легко позабудут они, как весенний цвет, как быстрюю птичку, как светлое облако; дай же, Милый, в тот миг, как навек на земле нам должно расстаться, Скрыть мне от них тобой сотворенную, верную душу. Если же долее здесь мы побудем, то буду ль уметь я Так притвориться, чтоб им моя не открылась тайна?» Рыцарь был убежден, и вмиг собрались в дорогу; снова коня оседлали; священник вызвался с ними в город идти через лес и с рыцарем вместе Ундине Сестрь помог на седло. Обнялись; расстались; Ундина Плакала тихо, но горько; добрый рыбак и старушка Выли голосом, глядя за нею вслед и как будто Вдруг догадавшись, какое сокровище в эту минуту В ней потеряли. В грустном молчанье вперед подвигались Путники. Гущи лесной уж достигли они, и прекрасно Было видеть в зеленой тени, на разубранном пышно Гордом коне, молодую робкую всадницу, справа Старого патера в белой одежде, а слева, в богатом Пестром уборе, прекрасного рыцаря. Бережно чащей Леса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину Видел; Ундина ж влажные очи свои в упоенье Новой души на него одного устремляла, и скоро Тихий, немой разговор начался между ними из нежных Взглядов и вздохов. Но вдруг он был прерван каким-то Шепотом странным: шел рядом с священником кто-то четвертый, К ним недавно приставший. Он-то шептал. Как священник, Был он в белом платье, лицо закрывалось каким-то Станным, широким покровом, которого складки, как волны, Падали с плеч и стан обвивали; и он беспрестанно Их поправляя, закидывая на руку полы, вертелся, Прыгал; но это ему ни идти, ни болтать не мешало. Вот что шептал он в ту минуту, когда молодые Вслушались в речи его: «Уж давно, давно, преподобный, В этом лесу я живу, как у вас говорится, монахом; Правда, я не пошусь, не спасаюсь, а просто мне любо Жить на воле в глуши и в этом белом, волнистом Платье под тенью густою разгуливать. Часто и солнце Чудно сверкает по складкам моим; а когда я кустами Крадусь, бывает такой веселый шорох, что сердце Прыгает...» – «Вы человек замечательный, – молвил священник, Я бы желал покороче узнать вас». – «А ты кто, когда уж Дело у нас пошло на расспросы?» – сказал незнакомец. «Патер Лаврентий, священник Марпинской пустыни». – «Дельно; Я же, просто сказать, свободный лесной обыватель; Имя мне Струй; ремесла не имею; волен как птица; Нет у меня господина; гуляю, и все тут. Однако Нужно мне кое-что молвить вот этой красавице». С этим Словом он прынул к Ундине, вдруг вырос, и подле Уха ее очутилась его голова. Но Ундина В страхе его оттолкнула, воскликнув: «Пооди поскорее Прочь; я более с вами не знаюсь». – «О! о! да какая ж Замужем стала она спесивая! с нами, роднёю, Знаться не хочет! Да кто же, скажи мне, пожалуй, не я ли, Дядя твой, Струй, малютку тебя на спине из подводной Области на берег здешний принес? Позабыла?» – «Оставь нас, Именем Бога тебя умоляю, – сказала Ундина. – Ты мне страшен; ты сделаешь то, что и муж мой дичиться Станет меня, как скоро увидит с такою роднёю». – «Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли Вам через лес удастся пройти безопасно. А этот Патер уж знает меня; говорит он, что будто Был я в лодке, когда он в воду упал; и, конечно, Был я в лодке; я в эту лодку прынул волною, Вырвал его из нее и на берег вынес, чтоб свадьбу Можно было сыграть вам». Ундина и рыцарь при этом

Слове взглянули на патера: шел он, как будто в глубокий Сон погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось. «Вот и лесу конец, – сказала дяде Ундина, – Помощь твоя теперь не нужна, оставь нас; простимся С миром; исчезни». Струй рассердился; он сделал такую Страшную харю и так глазами сверкнул, что Ундина Громко вскрикнула; рыцарь выхватил меч и хотел им В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада С свистом хлестнул, и в воде как будто шипящий Хохот раздался; рыцаря обдало пеной холодной. Патер, вдруг очнувшись, сказал: «Я предвидел, что это С нами случится, лесной водопад был так близко; и вес мне Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто С нами шепчет». И, подлинно, рыцарю на ухо внятно Вот что шептал водопад: «Ты смелый рыцарь, ты бодрый Рыцарь; я силен, могуч; я быстр и гремуч; не сердиты Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую, Рыцарь, жену, как живую люблю я волну...» – и волшебный Шепот, как ропот волны, разлетевшейся в брызги, у молкнул. Кончился лес, и вышли в поле они: там имперский Город лежал перед ними в лучах заходящего солнца. Глава X.

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ В ИМПЕРСКОМ ГОРОДЕ

В этом имперском городе все почитали погибшим Нашего рыцаря, все сожалели о нем, а Бертальда Боле других; она себя признавала причиной Смерти его, и совесть терзала ей сердце, и милый Рыцарев образ глубоко в него впечатлен был печалью. Вдруг он явился живой и женатый, а с ним и свидетель Брака его, отец Лаврентий; весь город нежданным Чудом таким приведен был в волнение; прелесть Ундины Всех поразила, и слух прошел, что в лесу из-под власти Злого волшебника рыцарь избавил ее, что породы Знатной она. Но на все вопросы людей любопытных Рыцарь отвечал глухо; патер же был на рассказы Скуп, да и скоро в свой монастырь возвратился он; словом, Мало-помалу толки утихли; одной лишь Бертальде Было грустно: скорбя о погибшем, она поневоле Сердцем привыкла к нему и его своим называла. Скоро, однако, она одолела себя; от природы Было в ней доброе сердце, но чувство глубокое долго В нем не могло сохраняться, и здесь легкомыслие было Верным лекарством. Ундину ласкала она, а Ундине, Простосердечной, доброй Ундине, боле и боле Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто Ей говорила она: «Мы, верно, с тобою, Бертальда, Как-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то ю- 1368

Есть между нами; нельзя же, чтоб кто без причины, без сильной, Тайной причины, мог так кому полюбиться, как ты мне Вдруг полюбилася с первого взгляда». И в сердце Бертальды что-то подобное было, хотя его и смущала Зависть порою. Как бы то ни было, скоро друг с другом Стали они неразлучны, как сестры родные. Но рыцарь Был готов уж в замок Рингштеттен, к истокам Дуная Ехать, и день разлуки, может быть, вечной разлуки, Был недалек; Ундина грустила; и вот ей на мысли Вдруг пришло, что Бертальду с собою в замок Рингштеттен Могут они увезти, что на то герцогиня и герцог, Верно, по просьбе ее согласятся. Однажды об этом Рыцарь, Ундина, Бертальда втроем рассуждали. Был теплый Летний вечер, и темною площадью города вместе Шли они; синее небо глубоко сияло звездами; В окнах домов сверкали огни; перед ними ходили Черные тени гуляющих; шум разговоров, слиянье Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли Чудным каким-то говором воздух, и он напоен был Весь благовонием лип, вокруг городского фонтана

Густо насаженных. Здесь, от шумной толпы в отдаленье,
Близ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущих вод, их слушая шум и любясь на влажный
Сноп фонтана, белевший сквозь сумрак, как веющий, легкий
Призрак; и их веселило, что так они в многолюдстве
Были одни, и все, что при свете казалось столь трудным,
Сладилось само собой без труда в тишине миротворной
Ночи; и было для них решено, что Бертальда поедет
В замок Рингштеттен. Но в ту минуту, когда назначали
День отъезда они, подошел к ним, как будто из мрака
Вдруг родившийся, длинный седой человек, поклонился
Чинно, потом кивнул головою Ундине и что-то
На ухо ей прошептал. Ундина, нахмуривши бровки,
В сторону с ним отошла, и тогда начался между ними
Шепот на странном каком-то, чужом языке; а Гульбранду
В мысли пришло, что он с незнакомцем где-то встречался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Был как в чаду и все с беспокойством смотрел на Ундину.
Вдруг Ундина, захлопавши с радостным криком в ладоши,
Кинулась прочь, и блаженством глазки сверкали; с досадой
Сморщивши лоб и седой покачав головой, незнакомец
Влез в водоем, где вмиг и пропал. Тут решилось сомненье
Рыцаря. «Что, Ундина, с тобою смотритель фонтанов
Здесь говорил?» – спросила Бертальда. С таинственным видом
Ей головкой кивнула Ундина. «В твои именины,
Послезавтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый друг; я тебя и твоих приглашаю на этот
Праздник к себе». Другого ответа не было. Скоро
После того они проводили Бертальду и с нею простились.
«Струй?» – спросил с содроганьем невольным рыцарь Ундину,
С ней оставшись один в темноте перед герцогским домом.
«Он, – отвечала Ундина, – премоножество всякого вздора
Мне насказал; но между прочим открыл и такую
Нехотя тайну, что я себя не помню от счастья.
Если велишь мне все рассказать сию же минуту,
Я исполню приказ твой; но, милый, Ундине большая
Радость была бы, когда б ей теперь промолчать ты позволил».
Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
В чем отказать Ундине, столь мило просящей? И сладко
Было ей в ту ночь засыпать; она, забываясь
Сном, потихоньку сама про себя с улыбкой шептала:
«Ах, Бертальда! как будет рада! какое нам счастье!»

Глава XI.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЕНИНАХ БЕРТАЛЬДЫ
Гости уж были давно за столом, и Бертальда, царица
Праздника, в золоте, перлах, цветах, подаренных друзьями
Ей в именины, сидела на первом месте, Ундина
С правой руки, а рыцарь с левой. Обед уж кончался;
Подали ласти; дверь была отперта; в ней теснилось
Множество зрителей всякого звания; таков был старинный
Предков обычай: каждый праздник тогда почитался
Общим добром, и народ всегда пировал с господами.
Кубки с вином и закуски носили меж зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбранд и Бертальда
Глаз не сводили с Ундины; они с живым нетерпеньем
Ждали, чтоб тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было заметно, что с сердца ее и с уст, озаренных
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (как ребенок, любимый кусок свой к концу берегущий)
Все молчала она, чтоб продлить для себя наслаждение.
Рыцарь смотрел на нее с неописанным чувством; Ундина,
В детской своей простоте, с своим добродушием, прелесть
Ангела Божия в эту минуту имела. Вдруг гости
Стали ее убеждать, чтоб спела им песню. Сверкнули
Ярко се прекрасные глазки; поспешно схватила
Цитру и вот какую песню тихо запела:
«Солнце сияет; море спокойно; к брегу с любовью
Воды теснятся. Что на душистой зелени брега

Светится, блещет? Цвет ли чудесный, посланный небом
Свежему лугу? Нет, светлоокий, ясный младенец
Там на зеленом дерне играет. Кто ты, откуда,
Милый младенец? Как очутился здесь, на чужбине?
Ах! из отчины был он украден морем коварным.
Бедный, чего ж ты между цветами с жадностью ищешь?
Цвет благовонный жив, но без сердца; он не услышит
Детского крика; он не заменит матери нежной.
Лучшего в жизни рано лишен ты, бедный младенец.
Мимо проехал с свитой герцог; в пышный свой замок
Взял он сиротку; там герцогиня благостным сердцем
Бедной сиротке мать заменила. Стала сиротка
Девой милой, радостью сердца, прелестью взоров;
Милую деву Промысел Божий щедро осыпал
Всем... но отдаст ли лучшее в жизни, мать и отца, ей?»
С грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Песня се растрогала всех, а герцог с женою
Плакали. Герцог сказал: «Так точно случилось в то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый
Бог наградил нас тобою; но права левница, не можем
Лучшего блага земного тебе возвратить мы, родную
Мать и родного отца». Ундина снова запела:
«Мать тоскует, бродит, кличет... нет ей ответа;
Ищет, ищет, что ж находит? дом опустелый.
О, как мрачен, как ужасен дом опустелый,
Где дотоле днем и ночью мать в упоенье
Целовала, миловала дочку родную!
Будет снова заниматься ярко денница;
Придут снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны
Не утешат боле сердца матери бедной;
Все ей чуждо; в целом свете нет ей отрады;
Невозвратно все пропало с дочкой родною». –
«О Ундина! ради Бога открой мне! ты знаешь,
Где отец мой и мать; ты этот, этот подарок
Мне приготовила. Где они? Здесь? Отвечай мне, Ундина». –
Взор Бертальды, сверкая, летал по собранью; меж знатных,
С ними сидевших гостей выбирала она. Но Ундина
Вдруг залилася слезами, к толпе обратилась, рукою
Знак подала и воскликнула: «Где вы? явитесь,
Найденной дочери вашей отец и мать!» Расступилась
С шумом толпа; из середины ее рыбак и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.
«Вот она, ваша родная дочь!» – закричала Ундина,
Им указав на Бертальду; и с громким рыданьем на шею
Бросились к ней старики; но Бертальда с пронзительным криком
Их от себя оттолкнула; страх, изумленье, досада
Вдруг на лице ее отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкий удар для ее надменной души, ожидавшей
Нового блеска с открытием знатных родителей! кто же?
Кто же эти родители? Нищие!.. В эту минуту
В мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
С тем, чтоб унижить ее перед светом и рыцарем. «Злая
Ложь! обманщица! подкуп!» – вот что твердила Бертальда,
Гневно смотря на старушку, на мужа ее и Ундину.
«Господи Боже! – тихонько старушка шептала. – Какое ж
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чует мое, что она мне родная». Рыбак же, сложивши
Руки, молился, чтоб Бог не карал их, послав им такую
Дочь; а Ундина, как ангел, вдруг утративший небо,
Бледная, в страхе незапном, не ведая, что с ней
Делалось, вся трепетала. «Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя?» – она повторяла, стараясь
Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была вне себя; она в исступленье кричала
Криком; рыбак и старушка плакали горько, а гости,
Станным явленьем таким изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; в ужасный

Все пришло беспорядок, и вот напоследок Ундина,
С чувством своей правоты, с благородством невинности мирной,
Знак подала рукою, и все замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: «Вы странные люди!
Что я вам сделала? Чем раздражила я вас? И за что вы
Так расстроили милый мой праздник? Ах, Боже! доньше
Я о ваших обычаях, вашем безумном, жестоком
Образе мыслей не знала, и их никогда не узнать мне.
Вижу, что все безрассудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здесь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нет у меня доказательств; но я не обманщица, слышит
Бог правосудный меня; а все, что здесь о Бертальде
Я говорила, было открыто мне тем, кто в морские
Волны младенцем ее заманил, потом на зеленый
Берег отнес, где се и нашел знаменитый наш герцог». –
«Слышите ль? – громко вскричала Бертальда. – Она чародейка,
Водится с злыми духами; сама при всех признается
В этом она». – «О нет, – Ундина воскликнула с чистым
Небом невинности в мирных очах, – никогда чародейкой
Я не была; мне неведомо адское зло». – «Так бесстыдно
Лжет и клеветает она. Ничем нельзя доказать ей
Здесь, что рыбак отец мне, а нищая – мать. О! покинем
Этот дом и этот город, где я претерпела
Столько стыда». – «Нет, Бертальда, – ответствовал герцог, – отсюда
Я дотол не выйду, пока не решится сомнение
Наше вполне». То слыша, старушка приблизилась робко
К герцогу, низко ему поклонилась и вот что сказала:
«Вы, государь, своим высоким герцогским словом
Вдруг на разум меня навели. Скажу вам, что если
Ваша питомица подлинно дочь нам, то должно, чтоб были
Три родимых пятна, как трилиственник видом, под правой
Мышкой ее и точно такие же три на подошве
Правой ноги. Позвольте, чтоб с нею я вышла». От этих
Слов побледнела Бертальда, а герцог велел герцогине
Выйти вместе с нею и взять с собою старушку.
Скоро назад возвратились они; герцогиня сказала:
«Правда правдой; все то, что здесь объявила хозяйка
Паша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно ото и и мать питомицы нашей Бертальды».
С этим словом герцог с женой и с Бертальдой и вместе
С ними, по воле герцога, старый рыбак и старушка
Вышли; гости, кто веря, кто нет, разошлись: а Ундина.
Горько, горько заплакав, упала в объятия мужа.
Глава XII.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ II УНДИНА

УЕХАЛИ ИЗ ИМПЕРСКОГО ГОРОДА

Рыцарь с глубоким чувством любви смотрел на УНДИНУ.

«Мною ль, – он думал, – дана ей душа иль пет. но прекрасней

Этой души не бывало на свете: она как небесным

Ангел». II слезы Ундины с нежнейшим участием др>га

Он отирал, целуя ей очи, уста и ланиты.

Город имперский, который ей стал ненавистен. покпп\ть

Он решился немедля и все велел приготовить

К скорому в замок Рингштеттен отъезду. Вот на другой день

Рано поутр> была подана к крыльцу их повозка;

Рыцарев конь и кони его провожатых за нею

Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; уж рыцарь

Вышел с своей молодою женой и готов был ей руку

Дать, чтоб в повозку ее посадить; но в эту мнн>ту

К ним подошла молодая девушка с неводом, в платье

Рыбной торговки. «Нам товар твой не нужен, мы едем», –

Рыцарь сказал ей. Она заплакала взрыд, и Бертальду

В эту мнпут\ узнали Г\льбранд и Ундина; поспешно

Вместе с нею они возвратилпся в дом. и Бертальда

Им рассказала, как герцог вчерашним ее повсднем

Был раздражен, как ее от себя отослал, подаривши

Ей большое приданое, как старик и старушка,

Также богато им одаренные, город того же
Вечера вместо покинули. «С ними хотела пойти я, –
Так продолжала Бертальда в слезах, – но старик, о котором
Все говорят, что он мой отец...» – «Он отец твой, Бертальда,
Точно отец, – сказала Ундина, – ты помнишь, как ночью
К нам подошел седой человек, твой смотритель фонтанов:
Он-то мне все и сказал; меня убеждал он, чтоб в замок
Наш Рингштеттен тебя не брала я с собой, и неволью
Тайна с его языка сорвалась...» – «Ну, отец мой, когда уж
Должен он быть мне отцом, – продолжала Бертальда. – сказал мне
Вот что: "Ты с нами не будешь до тех пор. пока не исправишь
Гордого сердца: осмелюсь одна чрез этот дрсм>чнй
Лес к нам пройти, тогда я поверю, что нашей роднёю
Быть желаешь; но скинь богатый убор: рыбаковой
Дочерью к нам я вися..." И я на все >ж решилась:
Что он велел, то и б>дет; меня, несчастною, целый
Свет оставил: бедная дочь рыбака, я в убогой
Хижине жизнь безотрадною скрою и скоро умру там
С горя. Правда, лес волшебный меня устрашает,
Бродят там, слышно, духи, а я так пуглива: но что же
Делать? К вам же пришла я затем, чтоб загладить вчерашний
Свой проступок признаньем вины. О! забудьте», простите!
Я и так уж несчастна безмерно; вспомните, что я
Утром вчерашним была, что была еще при начале
Вашего пира и что я теперь...» Опустивши в ладони
ГОЛОВУ, плакала горько она. и меж пальцев бежали
Слезы. Вся также в слезах, к ней на шею упала Ундина,
Долго безгласна была, напоследок сказала: «Ты с нами
В замок Рингштеттен поедешь; что положили мы прежде,
То и сделаем; только ты будь со мной, как привыкла
Быть: говори мне по-прежнему "ты". Вот видишь ли? В детстве
Нас обменяли одну на другмо; тогда уж мы были
Связаны тесно судьбою; сплетем же узел наш сами
Так. чтоб уже никогда никакой человеческой силе
Не было можно его разорвать. Теперь ты поедешь
С папп прямо в Рингштеттен: что ж после, как сестры родные.
Мы меж собою разделим, о том \спеем, приехав
В замок. \еловнться». То услышав, Бертальда взглянула
Робко па рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подав ей, вот что сказал он:
«Вверьте себя беззаботно сердцу Ундины. А к вашим
Добрым родителям мы, по прибытии в замок, отправим
Тотчас гонца, чтоб знали они, что сделалось с вами».
Под руку взявши Бертальду, ее посадил он в повозку,
Рядом с мою Ундину п бодро поехал за ними
Рысью и скоком. Повозка лстсма: скоро имперский
Город пропал далеко назад, с ним вместе пропало
Там и все грустное прошлое; весело шла по прекрасном.
Людной стране их дорога, и мало ли, долго ли длился
Путь их, но вот напоследок в одни прекраснейший летний
Вечер они приехали в замок Рингштеттен. Выл должен
Рыцарь заняться хозяйством своим; молодая ж хозяйка
Вместе с гостьей пошли осматривать замок. Построен
Выл на крутой он горе посреди равнин благодатной
Швабии: вид из него был роскошный; и по валу вместе,
За руки взявшись, гуляли Ундина с Бертальдою? вдруг им
Встретился долгий, седой человек; Бертальде знакомы
Выли черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь.
Знак ему подала, чтоб он удалился, и скорым
Шагом, тряся головой, он пошел и пропал за кустами,
В мысли пришло ей, что то ночной городской их знакомец
Выл. смотритель фонтанов. «Не бойся, Бертальда, – сказала
VA\ Ундина, – уж в этот раз твой несносный фонтаншнк
Зла никакого не сделает нам». Тогда рассказала
Все о себе Ундина: кто родом она, как Бертальду
Струй похитил, как к рыбакам попала Ундина
Вместо родной их дочери, словом, все. И сначала
В ужас Бертальда пришла от такого рассказа; на сонный

Бред походил он; но скоро она убедилась, что было
Все то правда, и только дивилась тому, что в волшебной
Сказке, когда-то в детстве рассказанной ей, очутилась
Вдруг наяву, живая, сама; все ей в Ундине
Стало чуждо; как будто бы дух бестелесный меж ними
Вдруг протеснился; ей сделалось страшно. Когда ж, возвратися.
Рыцарь с нежностью обнял Ундину, то было понять ей
Трудно, как мог он ласкаться к такому созданию, в котором
(После* того, что Бертальде сама рассказала Ундина)
Виделся ей не живой человек, а какой-то холодный
Призрак, что-то нездешнее, что-то чужое душе человека.

Глава XIII.

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ В ЗАМКЕ РПНГШТЕТТЕНЕ
Здесь мы с тобой остановимся, добрый читатель: прости мне,
Если тебе о том. что после случилось, не много
Буду рассказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мне описать, как мало-помалу рыцарь наш сердцем
Стал от Ундины далек и близок к Бертальдс, как стало
Сердце Бертальды ему отвечать и час от часу жарче
Тайной любовью к нему разгораться, как стали Ундины
Он и она дичиться и в ней существо, им чужое,
Видеть, как Ундина плакала, как пробуждали
Слезы ее заснувшую совесть Гульбранда, а прежней
В нем любви уже пробудить не могли, как порою
Жалость его к Ундине влекла, а ужас неволью
Прочь отталкивал, сердце ж стремил к Бертальде, созданию
С ним однородному... знаю, что это все я умел бы,
Добрый читатель, порядком тебе рассказать; но позволь мне
Лучше о том позабыть, что так больно душе; испытали
Все мы неверность здешнего счастья; ты сам, вероятно,
Был им обманут, таков уж земной человеческий жребий.
Счастливы еще, когда при разделе житейского был ты
Сам назначен терпеть, а не мучить; на свете сем доля
Жертвы блаженной, чем доля губителя. Если сей лучший
Жребий был твой, читатель, то, может быть, слушая нашу
Повесть, ты вспомнишь и сам о своем миновавшем, и тихо
Милая грусть тебе через душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживет, и ты слезу сожаленья
Бросишь опять на цветы, которыми так любовался
Прежде на грядках своих, давно уж растоптанных. Полно ж,
Полно об этом, читатель. Послушай, и с доброй Ундиной
То же сбилось, что и с нами со всеми: Ундина страдала.
Но и Гульбранд и Бертальда не были веселы. Всякой
Раз, когда Ундина хоть мало была несогласна
В чем с Бертальдой, последней казалось, что ревность владела
Сердцем обиженной бедной жены: и мало-помалу
Вид госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
С ней приняла; Ундина с грустным незлобием молча
Все сносила; а рыцарь всегда стоял за Бертальду.
Но ю ж всего с недавнего времени вот что согласие
Жителей замка стало тревожить: Гульбранд и Бертальда
Начали вдруг па всех переходах, во всех закоулках
Замка встречать привиденья, о коих дотол и СЛУХУ
По было: белый, содом человек, в котором проказник
Дяди Струн Гульбрандом, смотритель фонтанов Бертальдой
Узнаны были, стал им повсюду обоим. Бертальдс ж
Чаше, являться с угрозой, так что Бертальда от страха
Стала больна п даже решила бы замок покинуть,
Если б имела где угол какой для приюта: но честный
Паш рыбак на письмо Гульбранда, которым тогда же
Рыцарь его известил, что Бертальда едет в Рингштеттен,
Вот что отвечивал: «Я но воле Господа Бога
Стал одиноким, бедный вдовец; скончалась старушка
Женка моя; хоть теперь мне дома и пусто, но лучше
Быть хочу я один, чем с Бертальдой: пускай остается
С вамп, но только, чтоб не было худа какого Ундине
Милом моем от того: тогда се прокляну я».

Так-то, сколько неволей, столько и волей, осталась

В замке Бертальда. Вот однажды случилось, что рыцарь выехал, ("кликав дворовых люден, Ундина велела Камень одни огромный поднять и его на колодезь, бывший на самой середине двора, наложить. «Нам далёко будет ходить за водою», – заметили слуги. Но с грустным, ласковым видом, с унылой улыбкой сказала Ундина: «Дети, сама бы за вас я с охотою стала в кувшинах воду носить; но этот колодезь, поверьте мне, должно, должно закрыть нам, иль с нами случится большое несчастье». Всем служителям было приятно угодное сделать доброй своей госпоже; без дальних расспросов огромный камень был поднят; и он, показалось, как будто бы доброй волей давшись им в руки, с земли поднялся и как будто сам рванул колодезь задвинуть. Но в эту минуту к ним прибежала из замка Бертальда. «Не троньте колодца, – громко она закричала, – его вода умываньем лучшим мне служит; его запереть никак не позволю». Но Ундина с своим обычным смиреньем на этот раз осталась в воле своей непреклонна. «Я в здешнем замке хозяйка, – сказала она, улыбаясь прискорбно. – Мне за все наб.подать: и здесь мне приказывать может только рыцарь, мой муж и мой господин». – «Посмотрите, – с сердцем вскричала Бертальда, – подумать можно, что этой бедной, невинном воде самой не хочется с Божьим светом расстаться: как жалко она трепещет и бьется!» В самом деле, чудно кипя и шипя, из-под камня ключ пробивался, как будто спеша убежать и как будто что из него исторгнуться силой хотело. Тем с большей строгостью свой приказ повторила Ундина; охотно был он исполнен: Ундину любили, а гордость Бертальды всех от нее удаляла, и каждому было приятно тон угодить, а этой сделать досаду; и камень крепко-накрепко устье колодца задвинул. Ундина тихо к нему подошла, над ним задумалась, что-то пальчиком нежным своим на нем написала, в молчанье грустном потом посмотрела вокруг себя и, вздохнувши, медленным шагом в замок пошла. На камне ж остались видны какие-то странные знаки, которых дотеле не было там. Вечеру, когда Гульбранд возвратился в замок Рингштеттен, Бертальда ему в слезах рассказала то, что случилось с колодцем. Сурово взглянул на Ундину рыцарь; она стояла, головку склоня и печально в землю глаза опустив; но однако, собравшись с духом, вот что шепнула в ответ: «Всегда справедлив господин мой: он и раба не осудит, не выслушав: тем наипаче мне, законной жене, он позволит в свое оправданье слово сказать». – «Говори», – сердито отвечивал рыцарь. «Я бы желала, чтоб был ты один», – сказала Ундина. «Нет, при ней!» – Гульбранд возразил, указав на Бертальду. «Я исполню волю твою, – она продолжала. – По не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.» Голос ее был так убедителен, очи так нежны, все в ней являло такую покорность, что в сердце Гульбранда солнечный луч минувших дней пробежал; он Ундину дружески за руку взял и в ближнюю горницу с нею вышел; и вот что ему сказала она: «Уж коварный дядя мой Струй довольно известен тебе; не одни раз встречался он с тобою здесь в замке; Бертальдс же так он страшен, что может она умереть. Он бездушен, он просто отблеск стихийный наружного мира; что в жизни ДУХОВНОЙ здесь происходит, то вовсе чуждо ему: здесь глядит он только на внешность одну. Замечая, как ты недоволен мной иногда бываешь, как я, неразумный младенец, плачу, как в то же время Бертальду. случайно, быть может. что-нибудь заставляет смеяться, в своем безрассудстве видит он то, чему здесь и признака нет, колобродит, Злится и в наши дела, незванный, мешается; пользы нет от того никакой, что ему я грожу и гоняю

С сердцем отсюда его: он мне, упрямый, не верит: в бездушной.
Бедной жизни своем никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье, и радость
Так пленительно сходны, так близко родня, что разрознить
Их никакая сила не может: с улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождают улыбку». II очи,
Полные слез, с улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрела Гульбранду в лицо; и все трепетанье
Прежней любви он почувствовал в сердце; Ундина глубоко
То поняла, к нему прижалась нежней и в блаженстве
Радостных слез продолжала: «Когда словами не можно
Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим
Вход ему в замок; единственным муть, которым сюда он
Может свободно всегда проникать, есть этот колодезь;
Он с другими духами здешних источников в ссоре;
Царство ж его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вот для чего я на камне, которым колодезь задвинут,
Знаки свои написала: они беспокойного дядю
Струя власти лишили, и он ни тебя, ни Бертальду
Боле не будет тревожить; он камня не сдвинет. Но людям
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды:
Но. поверь мне, она не знает, чего так упрямо
Требует? Струн на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что он предсказал мне (хотя и без всякой
Мысли худой от тебя), то и сам ты, мой милый, не будешь
Вне опасности». Рыцарь, глубоко проникнутый в сердце
Великодушным поступком своей небесной Ундины,
Обнял ее с горячностью прежней любви. «Мы не тронем
Камня: отныне ж и вес, что ты когда ни прикажешь,
Будет в замке от всех, как теперь, исполняемо свято,
Друг мой Ундпночка». Так он рыцарь сказал, и Ундина,
Руку полу а ему в благодарность за милое, столько
Времени нм позабытое слово любви, прошептала
Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так безмерно
Милостив, ласков и добр, что еще об одном попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня как светлое лето; в сильнейшем
Блеске своем оно иногда себя покрывает
Огненно-грозным венцом громовых облаков и владыкой.
Истинным Богом земли нам является; точно таков ты
Кажешься мне, когда, на меня прогневан бывая.
Грозно сверкаешь, гремишь и очами, и словом: и в этом.
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мне. безрассудной, плакать; но слушай, друг мой: воздержен
Будь на водах от гневного слова со мною: единым
Словом таким меня передашь ты в волю подводных
Сродников; мстя за обиду их рода, они невозвратно
В море меня увлекут, и там в продолжение полон
Жизни я буду под влажно-серебряным сводом в неволе
Плакать, и мне уж к тебе не прийти; а если приду я...
Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.
Нет, мой сладостный друг, избавь меня от такого
Бедствия». Рыцарь торжественно дал обещанье исполнить
Просьбу ее, и они о веселым лицом возвратились
В горницу, где их Бертальда ждала. Она уж успела
Слуг к колодезю послать, чтоб они. по первому знаку
Рыцаря, камень свалили с него. «Не трогайте камня, –
Холодно рыцарь сказал, – и помните все. что Ундина
В замке моем одна госпожа, что ее прнказанья
Святы». При этом слове Бертальда, в лице изменившись.
Скрылась. Вот уж и ужина час наступил, а во рта. i мы
Не было. Рыцарь послал за нею, но вместо Бсртальды
В спальне ее опустевшей нашли записку на имя
Рыцаря: вот что стояло в записке: «Вы приняли, рыцарь.
В дом свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низком
Роде своем я безумно забыла: за то в наказанье
Доброю волей иду к отцу рыбаку, чтоб, в убогой
Хижине скрывшись, о счастье земном не мечтать; наслаждайтесь
Долго нм вместе с вашей прекрасной супругой». Ундина

Сильно была опечалена; рыцаря вслед за Бертальдой
Стала она посылать – со убежденья, однако,
Выли не нужны: он сам на то был готов. Но в какую
Сторону ехать за нем? Никто об этом не ведал.
Рыцарь сидел на коне и хотел уж свой путь наудачу
Выбрать, как вдруг явился пастух и сказал, что Бертальда
Встретилась с ним у входа Черной Долины: стрелю
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что в окошко
Вслед за ним кричала Ундина: «Не езд! не езд,
Милый! постои! Гульбранд. беретса Черной Долины!
Стой! назад! иль, Во га ради, позволь мне с собою
Ехать!..» Но рыцарь уж был далеко. Ундина поспешно
Села сама на коня и одна за ним поскакала.

Глава XIV.

О ТОМ, КАК ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА

Эта долина, в то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была от замка, а как называют
Нынче ее. неизвестно: тогда ж поселяне ей имя
Черной дали за то. что глубоко средь диких утесов.
Елями густо-заросших, лежала она, что кипучий.
Быстрый поток, на скалистом дне ущелья шумевший,
Черен меж елей бежал, и что небо нигде голубое
В мутные воды его не светило. В сумерки стало
Вдвое темней и ужасней меж елей и диких утесов.
Рыцарь с трудом пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду. и засветло встретиться с нею
Он торопился; по всем сторонам с напряженным вниманьем
Взор обращал он, и сердце в нем билось сильней: он со страхом
Думал: что будет с нею, если заблудится в этом
Диком месте, ночью и в грозу, которая черной.
Тяжкой тучей шла на долину? Вдруг показалось
Белое что-то ему в потемках, на склоне утеса;
Он подумал, что было то платье Бертальды. и шпорить
Начал коня; но конь захрапел, уперся и, уши
Чутко подняв, не шел ни назад, ни вперед; чтоб напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнул с седла, к опрокинутой ветром
Ели копя привязал и пеший вперед пробираться
Пача. I кустами: он спотыкался; упорные ветви
Били его по ЛИПУ и как будто нарочно сплетались
Сетью, чтоб дале не мог он идти; он ломал их. а небо
Тою норю вес боле и боле мрачилось, и ГЛУХО
Гром гремел на горам, и все кругом становилось
Оранным таким, что он уж и робость чувствовать начал,
Глядя на белый образ, к которому ближе и ближе
Все подходил и который лежал на земле неподвижно.
С духом собравшись, к нему наконец подступил он; сначала
Сучьями тихо потряс, мечом позвенел – никакого
Мет ответа. «Бертальда! Бертальда!» – он начал сначала
Тихо, потом все громче и громче кликать – ответа
Все ему нет. Наконец закричал он так громко, что эхо
Вместе с ним закричало повсюду: «Бертальда!» – напрасно:
То же молчанье. Тогда он к ііеіі наклонился: но было
Так уж темно, что, не могши под носом видеть, пригнулся
К самой земле он лицом, и в эту минуту сверкнула
Яркая молния; все осветилось, и что же в блеске увидел
Рыцарь? Под самым лицом его отразилась из черной
Тьмы безобразно-свирепая харя, и голос осиплый
Взвыл: «Поцелуйся со мной, пастушок дорогой!» Приведенный
В ужас, кинулся рыцарь назад; но свирепая харя
С визгом и хохотом кинулась вслед. «За чем ты? Куда ты?
Духи на воле! назад! убирайся! иль будешь ты нашим!» –
Вот что выла она, и длинные руки хватали
Рыцаря. «Струй проклятый! – Гульбранд закричал, ободрнкникч
Это твои проказы! постои, я тебя поцелу ю!»
Сильно он треснул но харе мечом; она разлетелась
В брызги, и рыцарь пеной, шипящей как хохот, был облит
Весь с головы до ног: тогда объиенплюся, с кем он
Дело имел. «Меня удержать он, я вижу, намерен, –

Рыцарь громко сказал, – он думает, я испугаюсь
Шуток бесовских его и Бертальду бедную брошу
Злому духу во власть. Демон бездушный не знает,
Как всемогущ человек своей непреклонною волей!»
Сам он почувствовал истину слов сих: новая бодрость
В нем родилась, и как будто бы счастье с этой минуты
Стало с ним заодно: к своему коню возвратиться
Он еще не успел, как уж явственно сделался слышен
Жалобный го.юс Бертальды, ловящем на помощь сквозь шумный
Ветер н говор грозы, подходи іііісіі час от часу б.1 и же.
Он полетел на крик и увидел Бертальду. Из страшно!!
Черной до.шны си.1 лея выйти, она по крутому
Боку ее тащилась кверху; тут заступ 11.1 еіі
Рыцарь дорогу: и как ни твердо, в своей оскорбленной
Гордости, прежде решилась она на побег, но встретить Гульбранда
Было оіі радостно; ужас, испытанный ею в дороге,
Сердце ее усмирил, а светлая жизнь в безмятежном
Замке так ласково руки к ней простирала, что рыцарь
Тотчас ее за собою идти убедил. Но Бертальда
Силы почти не имела; Гульбранд с большим затруднением
Мог ее до коня своего довести: и помочь еіі
Сесть на седло он хотел, чтоб, коня отвязав, за собою
Весть его в поводах; но конь, испуганный Ору ем.
Был как зверь: он злился, храпел, на дыбы подымался,
Задом и передом бил; Бертальдс даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пешком: осторожно
Рыцарь спутницу иод руку вел, а коня за собою
Силон тащил за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги и как ни боролась с собой, но усталость давила
Члены се как свинец: а буря, удар за ударом
Грома, сверkanie молнии, шум деревьев во мраке,
Злая игра привидении... словом, Бертальда. слияньем
Ужасов сих изнуренная, пала на землю; н в то же
Время рыцарсв конь, как будто взбесившийся, начал
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь чтоб в Бертальду
Он не ударил, хотел от нее отойти; но Бертальда
С воплем его начала умолять, чтоб остался. На волю ж
Злого коня пустить он не смел: он боялся, что этот
Дикий зверь, набежав на лежащую, тяжким копытом
Грянет в нее: короче, на что решиться, что делать.
Рыцарь не знал. И вдруг он обрадовал был недалеким
Стуком колее: каменистой дорогой, он слышал, тащилась
Фура. Гульбранд закричал, чтоб нм помогли; грубоватый
Голос мужской откликнулся: скоро в потемках мелькнули
Две огромные белые лошади, с ними погонщик,
Роста огромного, в белом плаще; п фура покрыта
Белой холстиной была, как все повозки с товаром.
І 1 – 1368

.6,

«Стоите, клячи!» – крикну.і погонщик, и лошади стали.
Он подошел к Гульбраиду, который с конем одичалым
Все еще бился. «Я вижу, в чем дело, – сказал он, – с моими
Вельми то же случилось, когда я к первый рал с возом
Этой долиной тащился; здесь гнездится какой-то
Вес водяной: он великий проказник, проезжим покоя
Нет от него: но мне удалось сведать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадке
На ухо». – «Делай, что хочешь, но только скорее», – воскликнул
Рыцарь, кипя нетерпеньем. Погонщик, как слабую ветку,
Вытянул шею коню, на дыбы вскочившему: что-то
В ухо ему шепнул, и как вкопанный стал он. лишь только
Жарко пыхтел, и пар от него подымался. Не время
Выло Гульбраиду расспрашивать, как совершнлося чудо:
Он убедил погонщика взять в повозку Бертальду-.
Сам же хотел провожать ее на коне; но усталый
Конь едва шевелил ногами. «Садитесь-ка, рыпарь,
В фуру и вы, – погонщик сказал, – дорога отсюда
Под гору будет; коня же привяжем сзади повозки».

Рыцарь сел с Бертальдою в фуру, коня привязали
Сзади, бичом захлопал погонщик, дернули дружно
Лошади, фура поехала. Было темно; утихая.
Глухо вдали гремела гроза; в усладительно-мирном
Чувстве своей безопасности, в сладком покое, в волшебном
Мраке ночи, свободе речей благосклонном, меж ними
Скоро сердечный, живой разговор начался: в выраженьях
Ласковых рыцарь Бертальдс пенял за побег. Торопливо,
Трепетным голосом, вся в волнение, Бертальда проступок
Свой извиняла, и речи ее таинственно-ясны
Были, как свет лампы, когда он во мраке от милой
Милому знак подает, что его ожидают. Рыцарь
Был к упоенье. Но вдруг пробудил их погонщиков голос.
«Клячи, тяните живее! – кричал он, – дружно! беда нам!»
Рыцарь поспешно из фуры выглянул – что ж он увидел?
Лошади, по брюхо в мутной воде, не шагали, аплыли;
Не было видно колес: они, как на мельнице, с шумом,
С пеной п с брызгами резали волны: погонщик на козлы
Взлез и правил стоямя, и был уж в воде по колено.
«Что за дорога такая? – спросил у погонщика рыцарь. –
Прямо идет в середину потока». – «Напротив! – погонщик
С смехом сказал, – поток идет в середину дороги:
Видите сами: это сущий нотой; мы пропали».
Подлинно, вся глубина долины кипела волнами;
Выше и выше они подымались. «Это злодеи наш
Струн! утопить нас он хочет, – рыцарь воскликнул, – товарищ.
Нет ли и против него у тебя какого словечка?» –
«Есть словечко, – погонщик сказал, – да надобно прежде
Сведать вам, кто я и как прозываюсь!» – «Не время загадки
Нам загадывать, – рыцарь сказал, – вода прибывает;
Имя твое здесь не нужно». – «Л так-то не нужно, – погонщик
С диким хохотом гаркнул, – что, просим не гневаться, сам я
Струй!» И ужасную харю свою он устави в повозку...
По повозка уж боле была не повозка, уж были
Лошади боле не лошади; все разлетелось, расшиблось
В пену, в шипучую воду, п сам погонщик поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчал за собой в глубину, и ужасно
Начал снова расти и расти, и горой водяною
Вырос, п был уж готов на Бертальду и рыцаря, силон
Волн увлеченных, упасть, чтоб громадой своей задавить их...
Вдруг сквозь шум гармонически-сладостный голос раздался;
Вышел из облака месяц, и в свете его над долиной явился
Образ Ундины: она погрозила волнам – п, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убежала;
В блеске месяца мирно ноток заструился; и белым
Голубем свеяла тихо Ундина в долину: и, руку
Рыцарю вместе с Бертальдой подав, на муравчатый берег
Их за собой увела; там они отдохнули; Ундннпн
Конь был отдан Бертальдс; за нею пешком потихоньку
Рыцарь с женою пошли; и так возвратились все в замок.
Глава XV.

О ТОМ, КАК ОНИ ЕЗДИЛИ В ВЕНУ

С этой поры, мой читатель, жилось покойно н мирно
В замке Рингштеттен. Рыцарь все чувствовал боле и боле
Прелесть небесную доброго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. В доброй Ундине
Всякая память о прошлом исчезла: она беззаботным
Сердцем .побила п. зная, что шла прямою дорогой,
Ясную в нем питала доверенность: все в настоящем
Было ей радостно; в будущем все улыбалось. Бертальда.
Снова ей с прежней любовью всю душу отдав, благодарной.
Кроткой и нежной являлась: короче, замок Рингштеттен
Стал обителью светлого счастья. Дни пролетали
Быстро за днями: зима наступила; зима миновалась;
Вот и весна с благовопно-зеленой своей муравою,
С светло-лазоревым небом своим улыбнулась веселым
Жителям замка: стало на сердце их радостно, стало и смутно.

Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе вешнем
Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались,
Стало и их позывать в далекую даль. Раз случилось
Рыцарю вместе с женой и Бертальдой в прекрасное утро
Около светлых истоков Дуная гулять; им об этой
Славной реке он рассказывал много: как протекала
Пышным, широким потоком она по землям благодатным,
Как на ее берегах прекрасная Вена сняла,
Как по пей величаво ходили суда, как бежали
Мимо плывущих назад берега, услаждая их очи
Зрелищем пажитей, нив, городов и рыцарских замков.
«О! – сказала Бертальда, – как было бы веселр съездить
В Вену водой...» – по, опомнясь, она покраснела и взоры
Робко потупила. Милым ее смущеньем Ундина
Тронувшись, руку ей подала, и в ней загорелось
Сильно желанье утешить подругу свою. «Да за чем же
Дело стало? – сказала она. – Ничто не мешает
Съездить нам в Вену». Бертальда запрыгала с радости. Вместе
Стали они учреждать поездку свою и заране
Тем, что предстанется им на пути, восхищались. И рыцарь
С ними был заодно; Ундине, однако, шепнул он:
«Вспомни о Струе; ведь он могуч на Дунае». – «Не бойся, –
С смехом сказала Ундина, – пускай он попробует сделать
Что-нибудь с нами; я тут! при мне уж никак колобродить
Он не посмеет». Ответом таким уничтожены были
Все затруднения, и с бодрым духом, с веселой надеждой
Стали готовиться в путь. Но скажите мне, добрые люди,
166

Все .iii сбывается так на земле, как надежда сулит нам?
Хитрая Власть, стерегущая нас для гибели нашем.
Сладкие песни, чудные сказки подмеченной жертве
На ухо часто пост, чтоб ее убаюкать. Напротив,
Часто спасительный Божий посланник громко и страшно
В двери наши стучится. Как бы то ни было, паши
Путники весело плыли в первые дни по Дунаю:
День ото дня река становилась шире и виды
Пышных се берегов живописней. Но вдруг – и на самом
Чудно-преlestном месте – открыл свои нападения
Бешеный Струи; то были сначала простые помехи
(Полны бурлили без ветра; ветер отведу, меняясь.
Дул и судно качал); но Ундина одною угрозой,
("ловом сердитым одним на воздух и в воды смиряла
Силу врага: то было, однако, ненадолго: снова
Он гомозился, и снова Ундина его унимала:
Словом сказать, веселость дороги расстроилась вовсе.
В то же время гребцы, двнвися тому, что в глазах их
Делалось, между собою часто шептались: и скоро
Стали на все с подозреньем посматривать: самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, диким и робким
Взором следили господ; а Гульбранд, задумавшись грустно.
Сам про себя говорил: «Таково-то бывает, как скоро
Здесь неровные сходятся; худо, если вступает
В грешный союз земной человек с женой водяною».
Вот что, однако, себе в утешенье твердил он: «Ведь прежде
Сам я не ведал, кто она; правда, тяжело норою
Мне приходит от этой бесовской родни: по мое здесь
Горе, вина ж не моя». Хотя иногда и вливал он
Несколько бодрости в душу свою таким рассужденьеи,
Но зато, с другой стороны, все боле и боле
Против бедной Ундины был раздражаем. То слишком,
Слишком она понимала, и в смертную робость угрюмый
Рыцаре в вид ее приводил. Утомленная страхом,
Горем и тщетной борьбой е необузданным Струем, присела
Под вечер к мачте она, и движение тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась в глубокий
Сон. Но едва на мгновение одно успели закрыться
Светлые глазки ее, как вдруг перед каждым из бывших
В лодке, в той стороне, куда он смотрел, появилась.

Вынырнув с шумом из вод, голова с растворенным зубастым
Ртом и кривлялась, выпучив страшно глаза. Закричали
Разом все: отразился на каждом лине одппакнй
Ужас, н каждый в свою указывал сторону с криком:
«Здесь! сюда посмотри!» И из каждой волны создаласл
Вдруг голова с ужасным лицом, и поверхность Дуная
Вся как будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множеством зуб, хохотала, гремела, шипела.
Шикала. Крик разбудил Ундину, и вмиг при воззренье
Гневном ее пропали страшилища вес. Но рыцарь ужасно
Выл раздражен: с умоляющим взглядом Ундина сказала:
«Ради Бога, здесь, на водах, меня не брани ты».
Он умолкнул, сел и задумался. «Друг мой, – шепнула
Снова Ундина, – не лучше ль нам дале не ездить. Не лучше ль
В замок Рингштеттен обратно отправиться? В замке
Будем спокойны». – «Итак, – проворчал, нахмурившись, рыцарь, –
В собственном доме своем осужден я жить как невольник!
Только до тех пор и можно дышать мне, пока на колодце
Будет камень! чтоб этой проклятой родне...» Но Ундина
Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши
На губы рукт. Опять замолчал он, вспомнив о данном
Им обещанье Ундине. В эту минуту Бертальда,
В мыслях о том, что делалось с ними, сидела на крае
Лодки и в воды глядела; сама того не приметив,
С шеи своей она сняла ожерелье, подарок
Рыцаря; им водила она по поверхности ровных
Вод. любуясь, как будто сквозь сон, сверканьем жемчужных
Зерен в прозрачной, вечерним лучом румяненной влаге.
Вдруг расступилась вода, и кто-то. огромную руку
Высунув, ею схватил ожерелье и быстро пропал с ним.
Вскрикнула громко Бертальда, и хохот пронзительный грянул
Отзывом крика ее по водам. Тут более рыцарь
Гнева не мог удержать; он вскочил к исступленье н в реку
Начал кричать, вызывая на битву с собой всех подводных
Демонов, пике н сирен; а Бертальда своим безутешным
Плачем о милой утрате и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, к реке наклонясь, окунула
Руку в прозрачные волны п что-то над ними шептала;
ib*

Но поминутно она прерывала скоп шепот. Гульбраиду
Голосом нежным твердя: «Возлюбленный, милый, подумай.
Где мы: брани их как хочешь; со мной же ни слона: пи слона.
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь». И рыпарь.
Как ни был раздражен, но ее пощадил. Вдруг Ундина
Вынула влажную руку из вод, и в ней ожерелье
Было из чудных кораллов; своим очарованным блеском
Всех ослепило оно. Его подавая Бертальдс,
«Вот что, – сказала она, – для тебя из реки мне прислали.
Друг мой, в замену потери твоей. Возьми же, и полно
Плакать». Но рыцарь в бешенство кинулся к ней. ожерелье
Вырвал, швырнул в Дунай и воскликнул: «Ты с ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вместе с своими подарками, вместе с своею роднёю!
Сгинь, чародейка, от нас и оставь нас в покое!..» С рукою.
Вес еще поднятой вверх, как держала она ожерелье,
Бледная, страхом убитая, взор неподвижный, по полный
Слез устремив на Гульбранда, Ундина его слова роковые
Слушала: вдруг начала, как милый ребенок, который
Был без вины жестоко наказан, с тяжким рыданьем
Плакать и вот что сказала йотом истощенным от горя
Голосом: «Ах, мой сладостный друг! ах, прости невозвратно!
Их не бойся: останься лишь верен, чтоб было мне можно
Зло от тебя отвратить. Но меня уводят; отсюда
Прочь мне должно на всю молодую жизнь... о мой милый.
Что ты сделал! ах, что ты сделал! о горе! о горе!..»
Тут из лодки быстро она в реку ускользнула:
В коду ль она погрузилась, сама ли водой разлплася,
В лодке никто не заметил: было и то и другое.

Было ни то ни другое. Следа не оставив, в Дунае
Вся распустилась она; но долго мелкие струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая: и вслух доходили
Внятно как будто слова: «О горе! будь верен! о горе!..»
С жалобным криком рыцарь упал, и обморок сильный
Душу ему на минуту отвел от тяжелья муки.

Глава XVI.

О ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ СЛУЧИЛОСЬ С РЫЦАРЕМ

Как нам, читатель, сказать: к сожаленью иль к счастью, что наше
Горе земное ненадолго? Здесь разумею я горе»
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе.
Горе, которое с милым, потерянным благом сливает
Нас воедино, которым утрата для нас не утрата,
Смерть вдвоем бытие, а жизнь порыв непрестанный
К то!! черте, за которую милое наше из мира
Прежде нас перешло. Есть, правда, много избранных
Душ на свете, в которых святая печаль, как свеча пред иконой.
Ярко горит, пока догорит; но она и для них уж
Все не та иод коней, какою была при начале,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протеснилось;
Вот. наконец, и вею изменяемость здешнего в самой
Паше горе земное ненадолго. Это и рыцарь
Также изведал – к худу ль, к добру ль своему, мы увидим.
Он сначала только и мог, что плакать, так горько
Плакать, как плакала бедная, кроткая, ангел доброты, Ундина.
Стоя в лодке, когда он отнял у ней ожерелье.
Коиим она все поправить так мило хотела; потом он
Так же п руку вверх подымал, как Ундина, и снова
Плакал, и весь изойти слезами хотел. И Бертальда
Вместе с ним плакала искренно, горько. Друг подле друга
В замке Рингштеттене тихо жили они. сохраняя
Свято память Ундины и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. К тому же, в это время случалось
Часто и то. что Гульбранда во сне посещала Ундина:
Грустно к Икителе его подходила она. и смотрела
Пристально в очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потом назад уходила, так что, проснувшись,
Сам он наверно не знал, его ли, ее ли слезами
Были так влажны щеки его. Но вот напоследок
Эти сны об Ундине стали час от часу реже;
Стало на сердце рыцаря тише: в нем скорбь прпзаснула.
По быть может, что он для себя ничего и придумать
В жизни не мог бы иного, как только чтоб память Ундины
Верно хранить и об нем горевать, когда б не явился
В замке наш честный старый рыбак и не стал от Гульбранда
Требовать дочери. Сведав но слуху о том, что с Ундиной
Сделалось, доле терпеть он уже не хотел, чтоб Бертальда
В замке одним жила с неженатым. «Рада ль. не рада ль
Будет мне дочь, о том я теперь и знать не желаю. –
Он говорил. – но где о честном имени дело,
Там разбирать уж нельзя». С приходом его пробудилось
В рыцаре прежнее чувство, нм позабытое вовсе
В горе по мило!! Ундине; притом же его ужаснула
Мысль: одному в опустевшем замке остаться. Но много
Против брака с Бертальдой отец говорил в возражение:
«Точно ль Ундины на свете не было? Впрочем – на дне ли
Влажном Дуная тело ее неотпетым лежало,
Море ль его без приюта носило своими волнами –
Все Бертальда отчасти ее безвременной, жалкой
Смерти причиной была, и великий грех заступить ей
Место бедной жены, от нее пострадавшей». Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоял на своем; напоследок,
С ним согласившись, рыбак остался в замке. II тотчас
Был отправлен гонец за отцом Лаврентием с зовом
В замок Рингштеттен: Гульбраиду хотелось, чтоб тот же. кем первый
Брак с Ундиной его в счастливые дни совершен был,

Ныне и с новой женою его сочел. Но священник.
С страхом каким-то посланника выслушав, тотчас
В путь отправился: день и ночь, несмотря на усталость –
Было ль ненастье или ясное время, – он шел. «Помоги мне,
Господи, зло отврати!», – он молился. И вот напоследок
Вечером поздним одним он вступил на двор, осененный
Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь с невестой,
Веселы, рядом с ними рыбак, задумчив, под тенью
Лип сидели. Увидя отца Лаврентия, рыцарь
С радостным криком вскочил, и все его окружили.
Но священник был молчалив, прискорбен; хотел он
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, как будто
Весть худую предчувствуя, медлил вступить в особый
С ним разговор. Священник сказал напоследок: «Таиться
Здесь мне не нужно; до всех вас касается то, что скажу я:
Слушайте ж, рыцарь. Точно ль уверены вы. что супруга
Ваша скончалась? Мне не верится это. Хотя много
Выло разговоров молвы об ней самой и о роде
Чудном ее, – что правда, что нет, я не знаю, – но знаю
То, что она была добронравной, верной, смиренном.
Благочестивой женою; а вам я скажу, что с недавних
Пор она по ночам начала мне являться: приходит.
Плачет, ломает руки, вздыхает и все говорит мне:
«Честный отец, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тело ему! о, спаси ты душу ему!..» И сначала
Сам я понять не умел, чего хотело виденье:
Вдруг посольство отсюда – и здесь я: но я не для брака
Здесь, для развода. Гульбранд, откажись от Бертальды; Берталь,
Рыцарь не может быть мужем тебе, им владеет другая.
Верьте мне, верьте, или ваш брак вам не будет не в радость».
Рыцарь с досадою выслушал старца Лаврентия; долго
Спорили жарко они; напоследок патер с сердитым
Видом из замка ушел, не желал и ночи единой
В нем провести. Гульбранд, уверив себя, что священник
Был сумасброд и мечтатель, послал в монастырь, по соседству
С замком лежавший, за патером; тот без труда согласился
Брак совершить, и день для обряда был тут же назначен.
Глава XVII.

О ТОМ. КАК РЫЦАРЬ ВИДЕЛ СОН

Было время меж утра и ночи, когда на постеле
Рыцарь, сонливый не сонный, лежал. Уже забываться
Начал он; вдруг перед ним невидимкой ужасное что-то
(тало; и он очнулся, как будто услышав какой-то
Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель бесплотный;
Силиться стал он. чтоб вовсе проснуться, но вот он услышал
Снова: как будто над ним и под ним лебединые крылья
Вяли, волны журчали и пели; и он, утомленный,
В сладкой дремоте опять упал головой на подушку.
Вот наконец и подлинно сон овладел им; и начал
Видеть во сне он; что будто им слышанный шум лебединых
Крыльев крыльями стал, что будто его подхватили

1

Эти крылья и с ним над ломлен и кодой полетели
С сладостным ваяньем, с звонким стенанием. «Стон лебединый!
Стон лебединый! (себе непрестанно твердил поневоле
Сонный рыцарь) ведь он предвещает нам смерть». И казаться
Стало ему, что иод ним Средиземное море: и лебедь,
Слышалось, пел: расступись, озарись, Средиземное море.
Вниз посмотрел он: лазурные воды стали прозрачным,
Ч истым кристаллом, и мог он насквозь до самого дна их
Видеть; и там он увидел Ундину; под светлым, кристальным
Сводом сидела она и плакала горько: и было уж много.
Много в ее лице перемены? не та уж Ундина
Это была, с которого в прежнее время так счастлив
Выл он в замке Рингштеттене: очи, столь ясные прежде,
Выли тусклы, щеки впалы, болезнен был образ.
Все то рыцарь заметил; но ею самой он, казалось.
Пе был замечен. И вот подошел к ней, рыцарь увидел,

Струй, как будто с упреком за то, что так безутешно
Плакала; тут Ундина с таким повелительным видом
Встала, что Струй перед нею как будто смутился. «Хотя я
Здесь иод водами живу, – сказала она, – но с собою
Л принесла и душу живую; о чем же так горько
Плачу, того тебе никогда не попятъ: но блаженны
Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет
Верную душу». Струй, покачав головою с сомнением.
Начал о чем-то думать, йотом сказал: «Ты, как хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты под властью
Наших стихийных законов, и вес ты обязана строгий
Суд наш над ним совершить в ту минуту, когда он
Верность нарушит тебе и женится снова». – «Но в этот
Миг он еще вдовец, – отвечала Ундина, – и грустным
Сердцем любит меня». – «Вдовец, я не спорю, – со смехом
Струн отвечал, – но он и жених, а скоро и мужем
Будет; тогда уж ты, не прогневайся, с нашим посольством.
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство сама ты
Знаешь какое – смерть». – «Но знаю и то, что пе можно
В замок Рингштеттен войти мне, – сказала с улыбкой Ундина, –
Камень лежит на колодце». – «А если он выйдет из замка? –
Струй возразил. – А если велит он камень с колодца
Сдвинуть? Ведь он об этих безделках забыл». – «Для того-то, –
С ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, – и летает
Духом теперь он поверх Средиземного моря и слышит
Сонный все то. что мы с тобой говорим; я нарочно
Это устроила так. чтоб он остерегся». Приметя
Рыцаря. Струй взбесился, топнул ногой, кувыркнулся
В волны п быстро уплыл, раздувшись от ярости китом.
Лебеди снова со звоном, со стоном начали веять,
Начали реять; и снова рыцарю видеться стало,
Будто летит он, летит над горами, летит над водами,
Будто на замок Рингштеттен слетел п будто проснулся.
Так и было: проснулся Гульбранд у себя на поетеле.
В эту минуту вошел кастелян объявить, что близ замка
Встречен был патер Лаврентий, что он в лесу недалеко
Сделал себе из сучьев шалаш и в нем поселился. –
«Мне на вопрос, зачем он живет здесь, когда отказался
Рыцарсв брак освятить, отвечал он: "Разве одни лишь
Браки должны освящать мы? Другие нередко обряды
Нам совершать случается. Бели не мог пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пнровапс
Может легко перейти в гореваньс. Итак, кто имеет
Очи, да видит; кто уши имеет, да слышит⁴. В раздумье
Долго рыцарь сидел, вспоминая свой сон и значенье
Слов отца Лаврентия сиясь понять; но, при шедши
К милой невесте, он вес позабыл, разгулялся н снова
Сделался ветел, и вес осталось по-прежнему в замке.
Глава XVIII.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛ СВАДЬБУ

Мели рассказывать мне, читатель, подробно, каков был
В замке Рингштеттене свадебный пир, то будет с тобою
То же, как если бы вдруг ты увидел множество всяких
Редких сокровищ, покрытых траурным флером, и в этом
Злую насмешку нашел над ничтожностью счастья земного.
Правда, в этот свадебный день ничего не случилось
Страшного в замке, – духам водяным, уж это мы знаем,
Было проникнуть в него нельзя, – но со всем тем наш рыцарь.
Гости, рыбак и даже служители были все как-то
5827

Смутны: казалоеи всем, что на празднике с ними кого-то
Главного нет и что этим главным никто уж не мог быть,
Кроме смиренном, ласковой, всеми любимой Ундины.
Всякий раз, когда отворял пел двери, неволью
Все на них обращали глаза и ждали; когда же
Вместо желанной являлся иль с блюдом дворецким, иль ключник
С кубком вина благородного, каждый печально в тарелку
Взор опускал и сидел безгласен, как будто бы в грустной

Думе о прошлом. Всех веселее была молодая:
Но н ей самой как будто совестно было
В брачном зеленом венце, в жемчугах и в богатом венчальном
Платье на первом месте сидеть, тогда как Ундина
«Трупом, еще не отпетым, на дне Дуная лежала
Или носима была без приюта морскими волнами».
Эти отцовы слова и прежде мутили ей сердце:
Тут же они отзывались в ушах ее беспрестанно.
Рамо гости оставили замок, и каждый с каким-то
Тяжким предчувствием. Рыцарь пошел к себе, молодая
Также к себе – раздеваться. Кругом новобрачной
Выли прислужницы. Вот, чтоб немного свои порассеять
Черные мысли. Бертальда велела подать дорогие
Перстни, жемчужные нитки и платья, рыцарем к свадьбе
Ей подаренные; стала примеривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслух восхищались се красотой:
С видом довольным слушая их, Бертальда смотрелась
В зеркало: вдруг сказала: «Ах! Боже! какая досада!
Вот опять у меня на шее веснушки: а можно б
Тотчас согнать их; стоило б только водой из колодца
Нашего раз оттереться; ах! если б мне нынче ж хоть кружку
Этой воды достали!» – «О чем же тут думать?» – оказала.
Бросившись в двери, одна из прислужниц. Неужто успеет
Эта проказница камень поднять! – с довольной усмешкой
Вслед за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сделался шум на дворе: с рычагами к колодцу бежали
Люди. Бертальда села подле окна и при ярком
Блеске полной луны, освещавшем двор замка, ей было
Видно все, что делалось там. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному из них и прискорбно
Было подумать, что нм теперь надлежало разрушить

28

То, что было приказано одумать прежнюю, доброй
Их госпожою: но труд был не так-то велик, как сначала
Думали; нм изнутри колодца как будто какав
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: «Можно подумать, что бьет там
Сильный ключ». II в самом деле, с отверстия камень
Сам собой подымался; без всякой помощи, свободно
Сдвинулся он и, со стуком глухим откатясь, повалился.
Вдруг из колодна что-то, как будто белый прозрачный
С/гол б водяной, поднял ос я торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющим ключом показалось оно, но, поднявшись
Выше, каким-то бледным, в белый покров облеченным
Женским образом стало. И плача, и жалобно руки
Вверх подымая, оно медлительно, шагом воздушным
Прямо к замку двигалось. В ужасе все отбежали
Прочь от колодца. Вертальда же, стоя в окне, цепенела.
Холодом страха облитая. Вот, когда поравнялся
С самым окошком идущий образ, сквозь покрывало
Он поглядел на Бертальду пронзительным оком, с тяжелым
Вздохом: и бледным лицом Ундины тогда показался
Образ Бертальдс: мимо ее она, читаясь.
Нехотя, медленно шла, как будто на суд. «Позовите
Рыцаря!» – громко вскричала Бертальда. По все в неподвижном
Страхе стояли на месте. Сама Бертальда? как будто
Собственным криком своим приведенная в ужас, умолкла.
Тю порою чудесная гостья приблизилась к двери
Замка, знакомую лестницу, ряд знакомых покоев
Тихо, молча, плача, прошла... о. такую ль, бывало.
Здесь видали ее? В то время еще не раздетый
Рыцарь в уборной своей стоял перед зеркалом. Тусклый
Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько
Стукнул в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина.
«Все это призрак! – сказал он. – Пора мне в постелю». – «В ностоле
Будешь ты скоро, но только в холодной». – шепнул за дверями
Плачущий голос. И в зеркало рыцарь увидел, как двери
Тихо, тихо за ним растворились, как белая гостья

В них вошла, как чинно замок заперла за собою.
«Камень с колодца сняли, – она промолвила тихо, –
Здесь я; и должен теперь умереть ты». Холод, но сердцу
Рыцаря вдруг пробежавшим, почувствовать да.1, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, он воскликнул:
«О, не дай мне в последний мой час обезуметь от страха!
Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и строгий
Суд соверши надо мной, мне липа твоего не являя». –
«Ах! – она отвечала. – разве еще раз увидеть.
Друг, не хочешь меня? Я прекрасна, как прежде, как в оный
День, когда твоею невестою стала». – «О, если б
Это правда была! – Гюльбранд воскликнул, – о, если б
Мне хоть один поцелуй от тебя! и пускай бы
В нем умереть!» – «Охотно, возлюбленный мой», – покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первых, блаженных
Дней предстала. И он, трепеща от любви и от близкой
Смерти, склонился к ней в руки. С небесным она поцелуем
В руки его приняла, но из них уже не пустила
Воле его; а крепче, все крепче к нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела: и быстро, быстро лился,
Слезы ее проникали рыцарю в очи и с сладкой
Волью к нему зал и вал и ся в грудь, пока напоследок
В нем не пропало дыханье, и он не упал из прекрасных
Рук Ундины бездушным трупом к себе на подушку.
«Я до смерти его у плакала», – встреченным ею
Людьми за дверью сказала Ундина и тихим, воздушным
Шагом но двору, мимо Вертальды, мимо стоявших
В страхе работников, прямо прошла к колодцу, безгласной.
Грустной тенью спустилась в его глубину и пропала.
Глава XIX.

О ТОМ. КАК РЫЦАРЬ БЫЛ ПОГРЕБЕН
Патер Лаврентий, услышав о том, как внезапно и чудно
Кончил жизнь владетель замка Рингштеттена, тотчас
В замке явился; и он, входя на двор, осененный
Тучами, встретился там с монахом, недавно венчавшим
Рыцаря: в ужасе тот удалиться спешил. «Так и должно! –
Патер Лаврентий сказал. – Теперь моя наступила
Очередь: мне помощник не нужен». Хотел он невесте.
Вдруг овдовевшей, отрад»100 (мово сказать в подкрепление:
Но Вертальда, сию не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь.
Думал: «Оно иначе и быть не могло – то Господи и ii
Суд»: и, конечно, Гюльбрандова смерть никому не могла быть
Так тяжела, как именно тон, которую с смертной
Вестью прислал и к нему, отверженной, бедной Ундине.
Стали готовить обряд похоронный, как было прилично
Сапу покойника: тело его положить надлежало
Подле церкви приходской, там, где были гробницы
Предков его, одаривших множеством вкладов богатых
Эту церковь. И щит, и шлем уж лежали на кровле
Гроба, чтоб с ним опуститься в могилу, ибо наш рыпарь
Был последний в роде своем, который с ним вместе
Кончился весь. И ход печальный уже начинался:
Песнь погребальная к светло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; с длинным крестом, во всем облачепье
Натер Лаврентий шел впереди; за ним шла Вертальда.
В горьких слезах, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдруг посреди Вертальдных женщин, одетых в глубокий
Траур и шедших в свите ее, заметили белый
Образ, в длинном, густом покрывале, тихо идущий.
Грустно потупивши голову. Страхом проникнут был каждый.
Шедший подле такого товарища; все сторонились.
Пятились, так что порядок хода расстроился. Силой
Два смельчака хотели незваного из ряда вы весть:
Но. от них ускользнувши, как легкая тень, он на прежнем
Месте явился опять и последовал тихо за гробом.

Вот напоследок он, мало-помалу, менялся местом
С теми, кто к страхе спешил от него удалиться, подле
Самой вдовы очутился; но ею сначала примечен
Не был и сзади пошел смиренно-печальный. Достигну. !
Ход до кладбища, и все обступили могилу. Тут в первый
Раз Бертальда незваного гостя увидела, в страхе
Стала она рукою махать, чтоб он удалился;
Но покрокенный, кротко упорствуя, тряс головою,
Руки к ней простирал и как будто молил о пощаде.
Вспомнила тут невольно Бертальда Ундину, как руку
К нем о|і;і подняла на Дунае, когда ей хотела
Так добродушно подать ожерелье, н как под кодами
Скрылась потом навсегда. Но к это мгновение подал
Знак отец Лаврентии, чтоб все умолкли. И стали
Гроб опускать в могилу, и мало-помалу засыпан
Выл он землю. Когда же совеем был набросан могильный
Холм и читать последнюю начал молитву священник.
Стала вдова на колени, стали и все на колени,
В том числе и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова все встали... уж белый образ пропал; а на месте.
Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился прозрачный
Ключ: серебристо вяясь, он вперед пробирался, покуда
Всей по обвил могилы; тогда ручейком побежал он
Дале н бросился в светлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя про него тех мест поселяне
Чудную повесть любили проходим рассказывать: долго,
Долго жило поверье у них, что ручей тот Ундина.
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундина.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Кореиканекая повесть
В кустах, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккно. со всех
Сторон звучали голоса и часто
Гремели выстрелы: то был отряд
Рассыльных егерей; они ловили
Бандита старого Сан пьеро; но,
Проворно меж кустов ныряя, в руки
Им не давался он, хотя навывлет
Прострелен пулей был. И вот, на верх
Горы взбежав, он хнжнны достигиул.
В которой жил с своей семьей Маттсо
Фальконе; но, к несчастью, в это время
Одни лишь мальчик, сын его, был дома:
Он у ворот стоял и на долину
Смотрел, прислушиваясь к шуму. Вдруг,
Из ближних выбежав КУСТОВ, Санпьеро
Бросается к нош и говорит:
«Спаси меня, в ранен, егеря
За много гонятся, они УЖ близко!» –
«Да я одни; отца нет дома: с ним
Ушла и мать». – «Что нужды! спрячь меня
Скорей». – «Да что отец на это скажет?» –
«Отец тебя похвалит; от мена ж
На намять вот тебе монета». Мальчик.
Монету взявши, ввел на двор Санпьеро:
Он спрятался там в сено: форту нато ж
(Так звали мальчика) проворно сппом
К го закрыл, н кровь втоптал в песок,
II кпд спокойный принял. В этот миг
Вбежал на двор с своими гамба (главный
Раесыльщпк; он был родственник Маттео).
«Не попадался ли тебе Санпьеро? –
У мальчика спросил он. – Верно, здесь
К го ты видел». – «Нет, я спал». – «Ты л жени
Когда стреляют, спать нельзя». – «Да мои
Отеи стреляет громче вас, а я
II тут пе просыпаюсь». – «Отвечай же.
Куда ушел Санпьеро? Ты его

Здесь видел: правду говори, не то
Тебе достанется». – «Попробуй тронуть
Меня хоть пальцем: мой отец Маттео
Фальконе, знаешь?» – «Твой отец тебя
За то, что лжешь ты, высечет». – «Ли нет.
Не высечет». – «Да где же твой отец?» –
«Он в лес пошел за дпчмо; видишь сам,
что я одни». К товарищам тогда
В недоуменье обратившись, Гамба
Сказал: «Кровавый след привел нас прямо
Сюда; он, верно, здесь; по этот дом
Обыскивать не стану я: с Маттео
Фальконе ссориться опасно». – Гамба
Стоял нахмурившись и тыкал в сено
Своим штыком, не думая, чтоб там
Санпьеро спрятан был: а Фортунато,
Как будто без намеренья цепочкой
Часов его играя, неприметно
Его отвести от места рокового
Старался. Гамба, вынув из кармана
Часы, сказал: «Я уж давно тебе
Подарок, Фортунато, приготовил.
Ведь у тебя до сих пор нет часов?» –
«Отец сказал, что мне их даст, как скоро
Двенадцать лет мне будет». – «Л тебе
Теперь лишь только десять. Эта песня
Долга. Вот посмотри сюда, какие
Прекрасные часы». – И он на солнце
Вертел их. и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бегая
Встревоженным их блеском Фортунато...
футляр с эмалью, стрелки золотые
И голубой узорный циферблат...
«Ну что же, где Санпьеро?» – «А часы
Ты дашь мне?» – «Дам». – И Гамба поднял выше
Часы: как чаша роковых весов.
Над головой ребенка, раза два
Шатнувшись, они остановились.
Он искушения не вынес; в нем
Вся внутренность зажглась; как к лихорадке
Он задрожал и, правую тихонько
Поднявши руку, вдруг, как зверь когтями.
Схватил часы, а левою рукою,
Закинув за спину ее, в молчанье
На сено Гамба указал. Вез слов
Выл кончен торг кровавый. Фортунато,
Добычу взяв, о проданной им жертве
Забыл. Санпьеро из-под сена тут же
Выл вытаснен; с презреньем поглядел он
На мальчика и. в руки егерям
Отдавшея, сказал: «Друг Гамба, ты
Уж в этом мне, конечно, не откажешь:
Найди носилки; я идти не в силах:
Весь кровью изошел я; признаюсь,
Стрелять ты мастер, и в меня так ловко
Попал, что уж теперь со мной конем;
Но видеть мог ты также, что п л
Не промах». II о нем, как о родном
(Любя за храбрость п врага), они
Заботиться усердно нрпнл.шел.
Ему хоте.1 монету Фортунато
Отдать назад; но молча оттолкнул
Он мальчика, который, уронив
Монету, отошел, краснея, в угол.
Маттео, в это время возвращаясь
С женою нз леса, гостей незваных
Увидел в хнжнне; поспешно он
Свое ружье на выстрел приготовил

II подал знак жене, чтоб и она
С другим ружьем была готова. Смело
II осторожно он подходит. Гамба,
Его вдали узнавши, закричал:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
В его лицо всмотревшпея, он дуло
Ружья нацеленного опустил.
«Маттео, – Гамба продолжал, к нему
Навстречу вышед, – мы лихого
Поймали зверя; но добыча эта
Нам дорого досталась: двое из наших
Легли». – «Кого?» – «Санпсро, твоего
Приятеля; ведь он н у тебя
Украл двух коз». – «То правда; но большая
Семья у бедняка, а голод, знаешь,
Не свой брат». – «Вот стрелок! От нас бы, вс
Он ускользнул, когда б не Фортуиато,
Мальчишка твой, помог нам». – «Фортуиато!»
Маттео вскрикнул. – «Фортуиато!» – мать
Со страхом повторила. – «Да! Санпсро
Здесь в сено спрятался, а Фортуиато
Его и выдал нам; за это все вы
Получите спасибо от начальства».
Холодным потом обдало Маттео:
Он в хижину вошел. Там егеря
Вкруг старика, который чуть дышал,
От раны изнемогши, суетились:
И. чтоб ему лежать покойней было,
Сион плащи постлали на носилки.
Не шкслясь и молча он смотрел
На их работу; по. как скоро шум
Услышал и, глаза подняв, увидел
В дверях стоящего Маттео, громко
Захохотал, и страшен был тот хохот.
Он плюнул на стену и, задыхаясь,
Глухим, осиплым голосом сказал:
«Будь проклят этот дом: Иуды здесь
Предатели живут!» – Как полотно
Маттео побледнел и кулаком
Себя ударил в лоб: он был как мертвый:
Стоял безгласно. Вот уж старика
У клал и на носилки, понесли
Из хижины; вслед за другими Гамба.
Хозяину пожавши руку, вышел;
И вот уж все пропали за кустами...
Маттео ничего не замечал;
Он, губы стиснув, яростно и страшно
Смотрел на сына. Фортуиато, робко
Подкравшнся, хотел отцову руку
Поцеловать; Маттео взвизгнул: «Прочь!»
У мальчика подрезалпся йоги:
Не в силах был он убежать п. бледный,
К стене прижавшись, плакал и дрожал.
«Моя ль в нем кровь?» – сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричал Маттео.
«Ведь я жена твоя», – она сказала,
Вся покраснев. – «II он предатель!» – Тут
Рыдающая мать, взглянув на сына,
Увидела часы. «Кто дал тебе их?» –
Она спросила. – «Дядя Гамба». – Вырвав
С свирепым бешенством из рук у сына
Часы, ударил оземь их Матгео,
II вдребезги они разбились. Долго
Потом, как будто в забытии, стучал
Ружьем он в иол; потом, очнувшись, сыну
Сказан «Да мной!» – И он пошел: за ним
ПошСЛ II сын. НССИ р\ЖЬС под мышкой.
Он прямо путь направил к лесу. Мать.

Схватив его за пол\ платья: «Он
Твой сын! твой сын!» – кричала. Вырвав иол\
Из рук ос, он прошептал: «Л я
К го отец, пусти». – Поцеловавши
С отчаяньем невыразимым сына
II руки судорожно сжав, в дверях
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Их проводить; когда ж они из глаз
Вдали исчезли, плача и рыдая.
Перед Мадонною она упала.
Маттео, в лес вошедшп, на поляне,
Деревьями густыми окруженной.
Остановился. Землю он ружьем
Копнул: земля рыхла. «Стань на колени, –
Ребенку он сказал, – читай молитву».
Став на колени, мальчик руки поднял
К* ОТЦУ н завизжал: «Отец, прости
меня; не убивай меня, отец!» –
«Читай молитву». Мальчик, задыхаясь.
Пролепетал со страхом «Отче наш»
II «Богородицу». «Ты кончил?» – «Нет,
Кше одну я знаю лита нею;
Бе мне выучить отец франческе
Велел». – «Она длинна, но с Богом». Дулом
Ружья подперши лоб, он руки сжал
И про себя за сыном повторил
K14) молитву. Кончив лнтанею,
Сын замолчал. «Готов ты?» – «Ах, отец,
Не убивай меня!» – «Готов ты?» – «Ах!
Прости меня, отец». – «Тебя простит
Всевышний Бог». И выстрел загремел.
От мертвого отворотив глаза.
Попкм назад Маттео. На ногах он
Был тверд; но жизни не было в его
Лице; с подпорой старости своей
И сердце он свое убил. Он шел
Сказал: «Да Miiioii!» – II он попкм: за ним
Попкм и сын. Псса ружье под мышкой.
Он прямо путь напрашм к лесу. Мать.
Схвати и его за полу платья: «Он
Твои сын! твои сын!» – кричала. Вырвав иолу
Из рук ее, он прошептал: «Л я
К го отец, пусти». – Поцеловавши
С отчаяньем невыразимым сына
II руки судорожно сжав, в дверях
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Их проводить; когда ж они из глаз
Вдали исчезли, плача и рыдая.
Перед Мадонною она упала.
Маттео, в лес вошедши, на поляне,
Деревьями густыми окруженной.
Остановился. Землю он ружьем
Копнул: земля рыхла. «Стань на колени, –
Ребенку он сказал, – читай молитву».
Став на колени, мальчик руки поднял
К* ОТЦУ и завизжал: «Отец, прости
меня; не убивай меня, отец!» –
«Читан молитву». Мальчик, задыхаясь.
Пролепетал со страхом «Отче наш»
II «Богородицу». «Ты кончил?» – «Нет,
Бшс одну я знаю лита нею;
Ке мне выучить отец франческо
Велел». – «Она длинна, но с Богом». Дулом
Ружья подперши лоб, он руки сжал
И про себя за сыном повторил
К го молитву. Кончив лнтансю,
Сын замолчал. «Готов ты?» – «Ах, отец,
Не убивай меня!» – «Готов ты?» – «Ах!

Прости меня, отец». – «Тебя простит
Всевышний Бог». И выстрел загредел.
От мертвого отворотив глаза.
Попкм назад Маттео. На ногах он
Был тверд; но жизни не было в его
Лице; с подпорой старости своей
И сердце он свое убил. Он шел
За заступом, чтобы могилу вырыть
И тем о схоронить. Ему навстречу,
Услышав выстрсм, кинулась жена:
«Мое дитя! наш сын! что сделал ты.
Маттео?» – «Долг свои. Там он. на поляне.
Лежит. По нем поминки будут: он.
Как христианин, умер с покаяньем:
Господь ого младенческую душу
Помилует н успокоит. Ты же,
Когда сберешься с силой, объяви
Паоло. зятю нашему, мою
Решительную волю, чтоб он нынче ж
К нам на житье с женой переселился».

КАПИТАН БОНН

Повесть

На корабле купеческом Медузе,
Который плыл из Лондона в Бостон.
Был капитаном Бонн, моряк искусный.
Но человек недобрый; он своих
Люден так притеснял, был так бесстыдно
Развратен, так ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипаж
Смертельно ненавидел: наконец
Готов был вспыхнуть бунт и капитану б
Не сдобровать... по Бог решил иначе.
Вдруг занемог опасно капитан;
Над кораблем команду принял штурман:
Больной же, всеми брошенный, лежал
В каюте: экипаж решил, чтоб он
Без помощи издох, как зараженный
Чумой, и это с злобным смехом было
Ему объявлено. Уж дни четыре»,
Снедаемый болезнью. лежал
Один он, п никто не смел к нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его язык иссохiiiiii освежить,
И голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрым словом
Его больную душу ободрить:
Он был один, и страшно смерть глядела
Ему в глаза. Вдруг слышит он однажды,
Что в дверь его вошли, и что ему
Сказал умильный голос: «Каковы
Вы. капитан?» – То мальчик Роберт был.
Ребенок лет двенадцати; ему
Стал жалок капитан; но на вопрос
Вольной сурово отвечал: «Тебе
Какое дело? Убирайся прочь!»
Однако на другой день мальчик снова
Вошел в каюту и спросил: «Не нужно ль
Чего вам, капитан?» – «Ты это, Роберт?» –
Чуть слышным голосом спросил больной. –
«Я, капитан». – «Лх! Роберт, я страдал
Всю ночь». – «Позвольте мне, чтоб я умыл
Вам руки и лицо; вас это может
Немного освежить». – Вольной кивнул
В знак своего согласия головою.
А Роберт, оказав ему услугу
Любви, спросил: «Могу ли, капитан,
Теперь обрить вас?» – Это также было
Ему позволено. Потом больного Роберт

Тихонько приподнял, его подушки
Поправил; наконец, смелее ставши,
Сказал: «Теперь я напою вас чаем».
И капитан спокойно соглашался
На все; он глубоко вздыхал и с грустной
Улыбкою на мальчика смотрел.
Уверен будучи, что от своих
Людей он никакого милосердия
Надеяться не должен, в злобе сердца
Решился он ни с кем не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто раз,
Он думал, чем от них принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренности его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась, и в глазах его, дотеле
Свирепо мрачных, выступили слезы.
Но дни его уи; были сочтены;
Он видимо слабел и наконец
Уверился, что жизнь его была
На тонком волоске: и ужас душу
Его схватил, когда предстали разом
Ей и смерть и вечность: с страшным криком
Проснулась в нем; но ей не поддавалась бы
Его железная душа? он молчал
Покинул свет, озлобленный, ни с кем
Не примиренный, если б милый голос
Ребенка, посланного Богом, вдруг
Его не пробудил. И вот однажды,
Когда, опять к нему вошедшп. Роберт
Спросил: «Не лучше ли вам, капитан?»,
Он простонал отчаянно: «Ах! Роберт.
Мне тяжело; с моим погибшим телом
Становится ежеминутно хуже.
А с бедною моею душою!.. Что
Мне делать? я великий нечестивец!
Меня ждет ад; я ничего иного
Не заслужил: я грешник, я навеки
Погибший человек». – «Нет, капитан.
Вас Бог помилует: молитесь». – «Поздно
Молиться; для меня уж боле нет
Надежды на спасенье. Что мне делать?
Ах! Роберт, что со мною будет?» – Так
Свое дотоль бесчувственное сердце
Он исповедовал перед ребенком;
И Роберт делал все, чтоб возбудить
В нем бодрость – но напрасно. Раз, когда
По-прежнему вошел в каюту мальчик,
Больной, едва дыша, ему сказал:
«Послушай, Роберт, мне пришло на ум.
Что, может быть, на корабле найдется
Евангедье; попробуй, поищи».
И подлинно Евангслье нашлось.
Когда его больному подал Роберт.
В его глазах сверкнула радость. «Роберт, –
Сказал он, – это поможет мне, верно
Поможет. Друг, читай; теперь узнаю,
Чего мне ждать и в чем мое спасенье.
Сядь. Роберт, здесь: читай; я буду слушать».
«Да что же мне читать вам, капитан?» –
«Не знаю, Роберт; я ни разу в руки
Не брал Евангслье; читан, что хочешь,
Вез выбора, как попадетсЯ». – Роберт
Раскрыл Евангслье и стал читать.
И два часа читал он. Капитан,
К нему с постели голову склонив.
Кого с великою жадностью слушал;
Как утопающий за доску, он

За каждое хватался слово; но
При каждом слове молннсю страшной
Душа в нем озарялась: он вполне
Все недостоннство свое постигнул.
II правосудие Творца предстало.
Ему с погибелью нспзбежпмой:
Хотя н слышал он святое имя
Спасителя, но верить он пе смел
Спасению. Оставшись один,
Во всю ту ночь он размышлял о том,
Что было читано; но в этих мыслях
Его душа отрады не нашла.
На следующий день, когда опять
Вошел в каюту Роберт, он ему
Сказал: «Мой друг, я чувствую, что мне
Земли уж не видать; со мною дело
Идет к концу поспешно; скоро буду
я брошен через борт; но не того
Теперь боюсь я... что с моей ду тою,
С моею бедною душою будет!
лх! Роберт, я погиб, погиб навеки!
Не можешь ли помочь мне? Помол пен,
Друг, за меня. Ведь ты молитвы знаешь?» –
«Нет, капитан; я никакой другой
Молитвы, кроме Отче наш. не а паю:
Я е матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читал». – «Ах! Роберт,
Молнся за меня; стань на колена:
Проси, чтоб Ног явил мне милосердье:
За это он тебя благословит.
Молнся, друг, мол пси о твоём
Отверженном, безбожном капитане». –
Но Роберт медлил; а больной его
Просил и убеждал, ежеминутно
Со стоном восклицая: «Царь небесный.
Помилуй грешника, меня». И оба
Рыдали. – «Ради Бога на колена
Стань, Роберт, и молнся за меня». –
II увлеченный жалостпю мальчик
Стал на колена п. сложивши руки,
В слезах воскликнул: «Господи, помилуй
Ты моего больного капитана.
Он хочет, чтоб Тебе я за него
Молился – я молиться не умею.
Умилосердись Ты над ним; он бедный
Боится, что ему погибнуть должно –
Ты, Господи, не дай ему погибнуть.
Он говорит, что быть ему в аду –
Ты, Господи, возьми его на небо;
Он думает, что дьявол овладеет
К го душой – Ты, Господи, вели.
Чтоб Ангел Твой вступился за него.
Мне жалок он; его, больного, все
Покинули: но я, пока он жив,
Ему служить не перестану; только
Снасти его я не умею; сжался
Над ним Ты, Господи, и научи
Меня молиться за него». – Больной
Молчал; невинность чистая, с какою
Ребенок за него молился, всю
Его проникла душу; он лежал
Недвижим, стиснув руки, погрузив
В подушки голову, II слез потоки
Из глаз ого бежа.т. Роберт, кончик
С ною молитву, вышел; он был также
Встревожен; долго он, едва дыханье
Переводя, на палубе стоял
И, перегнувшись через борт, смотрел

Па волны. Ввечеру он, возвратившись
К больному, до ночи ему читал
Евангслье. и капитан его
С невыразимым слушал умиленьем.
Когда же Роберт на дру гое утро
Опять явился, он был поражен.
Взглянув на капитана, переменной,
В нем происшедшей: страх, который так
Усиливал естественную дикость
Его липа, носившего глубокой
Страстей и бурь душевных отпечаток.
Исчез; на нем сквозь покрывало скорби,
Сквозь бледность смертную сняло что-то
Смирненное, веселое, святое,
Как будто луч той светлой благодати.
Которая от Во га к нам на вопль
Молящего раскаянья нисходит.
«Лх! Роберт, – тихим голосом больной
Сказал, – какую ночь провел я! Что
Со мною было! Я того, мой друг.
Словами выразить не в силах. Слушай:
Когда вчера меня оставил ты,
Я впал в какой-то полусон; душа
Выла полна евангельской святыней,
Которая проникнула в нее,
Когда твое я слушал чтение; вдруг
Перед собою, здесь, в ногах постели.
Увидел я – кого же? Самого
Спасителя Христа; он пригвожден
Выл ко кресту; и показалось мне.
Что будто встал я и приполз к Его
Ногам и закричал, как тот слепой,
О коем ты читал мне: сын Давидов,
Иисус Христос, помилуй. И тогда
Мне показалось, будто на меня –
Да! па меня, мой друг, на твоего
3.1 одел капитана Он взглянул...
О как взглянул! какими описать
Словами этот взгляд! Я задрожал;
Вся к сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; в страхе.
Но и с надеждой, я к Нему поднять
Осмелился глаза... и что же? Он...
Да. Роберт!... Он отверженному мне
С небесной мндоетию улыбнулся!
О! что со мною сделалось тогда!
На это слов язык мои пе имеет.
Я на Него глядел... глядел... и ждал...
Чего я ждал? Не знаю; но о том
Мое трепещущее сердце знало.
Л Он с креста, который весь был кровью.
Бежавшею из ран К го, облит,
Смотрел так благостно, с такой прпскорбн
И нежной жалостию на меня...
II вдруг В го уста пошевелились.
II я Его услышал голос... чистый.
Пронзающий всю душу, сладкий голос;
II Он сказал мне: 'Ободришь и верунг
От радости разорвалось сердце
В моей груди, и я перед крестом
Упал с рыданием и криком... но
Видение исчезло: и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись...
Но сои лн это было? Нет, не сон.
Теперь я знаю: Тот меня спасет,
Кто ко кресту за всех и за меня
Выл пригвожден; я верую тому,
Что он сказал на Вечери Святой.

Переломивши хлеб и вливши в чашу
Вино во оставление грехов.
Теперь уж мне не страшно умереть:
Мои Искупитель жив: мои грехи
Мне будут прощены. Выздоровленья
Не жду я более и не желаю;
Я чувствую, что с жизнью расстаться
Мне должно скоро; и ее покинуть
Теперь я рад... » – При этом слове Роберт,
Дотоле плакавшим в молчанье, вдруг
С рыданием воскликнул: «Капитан,
Не умирайте; нет, вы не умрете».
Па то больной с усмешкой отвечал:
«Не плачь, мой добрый Роберт; Бог явил
Свое мне милосердие: и теперь
Я счастлив; но тебя мне жаль, как сына
Родного жаль? ты должен здесь остаться
На корабле меж этих нечестивых
Людей, один, неопытный ребенок...
С тобою будет то же, что со мной!
Лх! Роберт, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь.
Куда ведет она. Твоя любовь
Ко мне была, друг милый, велика;
Тебе я веем обязан: ты мне Богом
Был послан в страшный час... ты указал мне.
И сам того не зная, путь спасенья:
Благослови тебя за то всевышний!
Другим же всем на корабле скажи
Ты от меня, что я прошу у них
Прощенья, что я сам их всех прощаю,
Что я за них молюсь». Весь этот день
Больной провел спокойно; он с глубоким
Вниманием Ввангслпе слушал.
Когда ж настала ночь, и Роберт с ним
Простился, он его с благословеньем,
Любовно и грустью проводил
Глазами до дверей каюты. Рано
На следующий день приходит Роберт
В каюту, двери отворив, он видит,
Что капитана нет на прежнем месте:
Поднявшись с подушки, он приполз
К тому углу, где крест ему во сне
Явился; там, к стопе оборотись
Лицом, в дугу согнувшись, головой
Припав к постели, крепко стиснув руки.
Лежал он на коленях. То увидя,
Встревоженным, в дверях каюты Роберт
Остановился. Он глядит и ждет.
Не смея тронуться; минуты две
Прошло... и вот он наконец шепнул
Тихонько: «Капитан!» – ответа нет.
Он, два шага ступив, шепнул опять
Погромче: «Капитан!» Но тихо все:
И все ответа нет. Он подошел
К постели. «Капитан!» – сказал он вслух.
По-прежнему все тихо. Он рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, как лед. В испуге закричал
Он громко: «Капитан!» и за плечо
В го схватил. Тут положение тела
Переменилось; медленно он навзничь
Упал; и тихо голова легла
Сама собою на подушку: были
Глаза закрыты, щеки бледны, вид
Спокоен, руки сжаты на молитву.

ДВЕ ПОВЕСТИ

Подарок па новый год издателю «Москвитянина»

Дошли ко мне на берег Манна слухи.
Что ты, Киреевский, теперь стал н москвич
И Москвитянин. В добрый час, приняться
Давным-давно пора тебе за дело.
Меня ж взяла охота подарить
Тебя и твой журнал на Новый год
Своим добром, чтоб старости своей
По-старому хотя на миг один
Дать с молодостью вашей разгуляться.
,п Но чувствую, что на пиру ее,
Где вес кипит, поет, кружится, блещет.
Неловко старику; на каш уж лад
Мне пе поетея: лета изменили
Мою поэзию; она теперь.
Как а. состарилась н присмирела:
Не увлекается хмельным восторгом;
У рубежа вечерней жизни сидя.
На прошлое без грусти обращает
Глаза и. думав о том. что нас
В грядущем ждет, молчит. Но веч», однако.
На Новый год мне должно подарить
Тебя и твой журнал. Друг, даровому
Коню, ты знаешь сам, пе смотрят в зубы.
Итак, прошу принять мои лепт вдовцу гл.
Недавно мне случил оси найти
Предание о древнем Александре
В талмуде*. Я хочу преданье это
Здесь рассказать так точно, как оно
Рассказано в еврейской древней книге.
Через песчаную пустыню шел
С своею ратью Александр; в страну.
Лежавшую за рубежом пустыни,
Он нее воину. II вдруг пришел к реке
Широкой он. Измученный путем
По знойному песку, на тучном бреге
Реки он рать остановил; и скоро вся
Она заснула в глубине долины,
Прохладою потока освеженной.
По Александр заснуть не мог; и в зной
II посреди спокойствия долины,
Где не было следа тревог житейских,
Нетерпеливой он кипел душою:
Ее и миг покоя раздражал;
Погибель войск, разрушенные троны,
Победа, власть, вселенной рабство, слава
Носилпся пред ней, как привиденья.
Он подошел к потоку, наклонился,
Рукою зачерпнул воды студеной
II напился; и чудно освежила
Божественно-целитсмыая влага
Его все члены; в грудь его проникла
Удвоенная жизнь. II понял он.
Что из страны, благословенной небом.
Таким поток был должен вытекать,
Что близ его истоков надлежало
Цвести земному счастью: что. верно,
Там в благоденствии, в богатстве, в мире
Свободные народы ликовали.
«Туда! туда! с мечом, с огнем воины!
Моеіі они должны поддаться власти
И от меня удел счастливый свой
Принять, как дар моей щедроты царской».
II он велел греметь трубе военной:
И раздалась труба, и пробудилась.
Минутный сон вкусивши, рать: и быстро
Ее поток, кипящий истребленьем,
Вдоль мирных берегов реки прекрасной
К ее истокам светлым побежал.

И много дней, не достигая уели.
Вел Александр свои полки. Куда же
Он наконец привел их? Ко вратам
Эдема. Но пред ним не отворился
Эдем? был страж у врат с таким ужасно
Пылающим мечом, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. «Стоп, – сказал привратник чудный,
Кто б ни был ты, сюда дороги нет».
«Я царь земли, – воскликнул Александр,
Прогневанный нежданным запрещеньем, –
Царем земных парей я здесь поставлен.
Я Александр!» – «Ты сам свой приговор,
Назвавшись, произнес; один страстей
Мятежных обуздатель, одни
ДУШОЙ смиренные вратами жизни
Вступают в рай: тебе ж подобным, мира
Грабителям, нснасытно жадным.
Ран затворен». На это Александр:
«Итак, назад мне должно обратиться.
Тогда, как л уже стоя.1 poroiі
На этих ступенях, туда проникнув.
Где от созданья мира ни один
Из смертных пе бы ваз. По Краііісіі мере.
Дан знамение мне. чтобы могла
Проведать вся земля, что /Александр
У врат эдема был». На это страж:
«Вот знаменье; да просветит оно
Твои темный ум высоким разуменьем:
Воз1.мп». Он взял; и в путь пошел обратный;
Л на пути, созвавши мудрецов.
Перед собою знаменье велел
Им изъяснить. «Мне! – повторял он в гневе.
Мне! Александру! дар такой презренный!
Кусок истлевшей кости!» – «Сын Филиппов,
На то сказал один из мудрецов. –
Не презирай истлевшей этой кости:
Умей спросить, и даст тебе ответ».
Тут принести велел мудрец весы;
Одну из чаш он золотом наполнил:
В другую чашу кость он положил.
Н... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александру; он вдвое
Велел насыпать золота: он сам
Свой скипетр золотой, свою корону
И с ними тяжкий меч свой бросил в чашу –
Пи на волос она не опустилась.
Затрепетал на троне царь могучий:
II он спросил: «Какою тайной силой
Нарушен здесь закон природы? Чем
Ей власть ее возможно возвратить?» –
«Щепоткою земли», – сказал мудрец.
II бросил он на кость земли щепотку:
И чаша с костью быстро поднллася.
II быстро чаша с золотом упала.
Мудрец сказал: «Великий государь.
Выл некогда подобный твоему
Разрушен черен; в нем же эта кость
Выла частицей впадины, в которой
4
Глаз, твоему подобный, заключался.
Глаз человеческим в объеме мал;
Но с ненасытным жадностью объсмдет
Он вес что нас здесь в области видении
Так увлекательно пленяет; целый
Он мир готов сожрать голодным взором.
Все золото земное всыпьте в чашу.
Все скипетры и все короны бросьте

На золото... все будет мало; но
Покрой его шепоткою земли –
II пропадет его ненасытпмость;
Сквозь легкий праха груз уж не пробьется
Он жадным взором. Ты ж, великий царь.
В сем знаменье уразумей прямое
Значение и времени и жизни.
Ненасыпииюсти перед тобою
Лежит символ в истлевшей этой кости». .
Но царь внимал с поникшей головой.
С челом нахмуренным. Вдруг он вскочил;
Сверкнул на всех могучим оком льва;
II возгласил так громко, что скалы
Окрестные ужасный дали голос:
«Греми, труба! Вперед, мои дружины!
Жизнь коротка: уходит время: стыд
Тому, кто жизнь п время праздно тратит». .
И вихрями взвился песок пустыни;
И рать великая, как змей с отверзтым
Голодным зевом, шумно побежала
К пределам Индии. Завоеватель
Потоками лил кровь, и побеждал.
И с каждою победой разгорался
Сильнейшей жаждою победы новой.
И наконец они ему шепоткой
Земли глаза покрыли – он утих.
Но кажется, почтенный Москвитянин.
Что мой тебе подарок в Новый год
Некстати мрачен: гробовая кость.
Земля могильная, ничтожность славы.
Тщета величии... в Новый год дарить
Таким добром неловко: виноват;
II вот тебе рассказ повеселее.
Жил на востоке» царь: а у царя
Жил во дворце мудрец: он назывался
Керим, и царь его любил и с ним
Беседовал охотно. Раз случилось.
Что задал царь такой вопрос Кериму:
«С чем можем мы сравнить земную жизнь
И свет?» Но на вопрос мудрец не вдруг
Отвечествовал; он попросил отсрочки
Сначала на день, после на два. после
На целую неделю; наконец
Пришел к царю и так ему сказал:
«Вопрос твой, государь, неразрешим.
Мои слабый ум его обнять не может;
Позволь люден мудрейших мне спросить». .
И в путь Керим отправился искать
Ответа на вопрос царя. Сначала
Он посетил одни богатым город.
Где. говорили, находился славный
Философ; но философ тот имел
Великолепный дом, был друг сердечный
Царя, жил сам как царь и упивался
Из полной чаши сладостню жизни.
Керим ему вопрос свой предложил.
Он отвечал: «Свет уподобить можно
Великолепной пнровой палате,
Где всякий час открытый стол – садись
Кто хочет п пируй. Над головою
Гостей горят и ходят звезды неба;
Их слух пленяют звонким хором птицы:
Для них цветы благоуханно дышат.
А на столах пред ними без числа
Стоят с сдою блюда золотые,
II янтарем кипящим к чашах блещет
Вино: и все кругом ласкает чувства.
И гости весело сидят друг с другом,

Беседуют, смеются, ШУТЯТ, спорят;
И новые подходят беспрестанно;
II каждому есть место; кто ж довольно
Насытился, встает, и с теми, кто
Сидели с ним, простясь, уходит спать
Домой, хозяину сказав спасибо
За угощение. Вот и свет и жизнь».
Керим философу не отвечал
Ни слова; он печально с ним простился
II далее поехал: про себя же
Так рассуждал: «Твоя картина, друг
Философ, неверна; не вес* мы здесь
С гостями пьем, едим и веселимся;
Немало есть голодных, одиноких
И плачущих». Кериму тут сказали,
что недалеко жил в густом лесу
Отшельник набожный, смиренном)дрын.
Ем\ убежищем была пещера:
Он спал на голом камне; ел одни
Коренья, пил лишь ВОДУ: ДИН И НОЧИ
Все проводил в молитве. II немедля
К нему отправился Керим. Отшельник
ЕМУ сказал: «Послушан; через степь
Однажды вел верблюда ПУТНИК; вдруг
Верблюд озлился, начал страшно фыркать.
Храпеть, бросаться; путник испугался
II побежал; верблюд за ним. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вот увидел
У самой он дороги водоем
Ужасной глубины, по без воды:
Из недра темного его торчали
Ветвями длинными кусты малины,
Разросшейся меж трещинами стен,
Покрытых мохом старины. В него
Гонимый бешеным верблюдом путник
В испуге прынул; он за гибкий СУК
Малины ухватился и повис
Над темной бездной. ГОЛОВУ подняв,
Увидел он разинутую пасть
Верб.пода над собою: его схватить
Рвался ужасный зверь. Он опустил
Глаза ко дну пустого водоема:
Там змеи ворочался и на него
Зиял голодным зевом, ожидая.
Что он, с куста сорвавшись, упадет.
Так он висел на гибкой, тонкой ветке
Меж двух погибелен. II что ж еще
Вму представилось? В том самом месте.
Где куст малины (за которым он
Держался) корнем в землю сквозь пролом
Стены еостаревшепся водоема
Входил, две мыши, белая одна.
Другая черная, сидели рядом
На корне и его поочередно
С большою жадностпю грызли, землю
Со всех сторон скребли и обнажали
Вес ветви корня, а когда земля
Шумела, падая па дно, оттуда
Выглядывал проворно змей, как будто
Спеша проведать, скоро ль мыши корень
Перегрызут и скоро ль с ношен куст
К нему на дно обрушится. Но что же?
Вися над этим страшным дном, без всякой
Надежды на спасенье, вдруг увидел
На ближней ветке путник много ягод
Малины, зрелых, крупных: сильно
Желание полакомиться ими

Зажглось в нем; он все тут позабыл:
II грозного верблюда над собою.
И под собой па дне далеком змея,
II двух мышей коварную работу;
Оставил он вверху храпеть верблюда.
Внизу зиять голодной пастью змея.
И в стороне грызть корень и конаться
В земле мышей, – а сам, рукой добравшись
До ягод, начал их спокойно рвать
II сеть: и страх его пропал. Ты спросишь:
Кто этот жалкий путник? Человек.

300

ПУСТЫНЯ Ж С водоемом Свет, а путь
Через пустыню – наша Жизнь земная:
Гонящийся за путником верб.иод
Есть враг души, тревог создатель. Грел*:
Нам гибелью грозит он; мы ж беспечно
На ветке трепетной висим над бездной,
Где в темноте могильной скрыта Смерть –
Тот змей, который, пасть разинув, ждет.
Чтоб ветка топкая переломилась.
Л мыши? Их названье День и Ночь:
Без отдыха, сменялся, они
Работают, чтоб сук твой, ветку жпзпн.
Которая меж смертию и светом
Тебя неверно держит, перегрызть:
Прилежно черная грызет всю ночь.
Прилежно белая грызет весь день:
А ты, прельщенный ягодой душистой.
Усладой чувств, желании утоленьем,
Забыл н грех – верблюда в вышине.
II смерть – внизу зияющего змея,
II быстрюю работу дня и ночи –
Мышей, грызущих тонкий корень жизни:
Ты все забыл – тебя манит одно
Неверное минуты наслаждение.
Вот свет, и жизнь, и смертный человек.
Доволен ли ты повестью моею?»
Керим отшельнику не отвечал
Пи слова; он печально с ним простился
II далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Святой отшельник, твой
Рассказ замысловат, но моего
Вопроса он еще не разрешил;
Не так печальна наша жизнь, как степь,
Ведущая к одной лишь бездне смерти:
II пе одним минутным наслаждением
Пленяется беспечно человек».
II ехал он куда глаза глядят.
Вот повстречался с ним какой-то странный.
Убогим рубищем покрытый путник.
Он шел босом: через плечо внесла
Котомка; в ней же было много хлеба.
Плодов н всякого добра: он сам.
Казалось, был веселого ума,
Глаза его сверкали остротою.
И на лице приятно выражалось
Простосердечие. Керим подумал:
«Задам ему на всякий случай мой
Вопрос! Выть может, дело скажет этот
Чудак». И он У нищего спросил:
«С чем можно нам сравнить земную жизнь
И свет?» – «Па это у меня в запасе
Есть повесть, – нищий отвечал. – Поему шай:
Один Немой сказал Слепому, если
Увидишь ты Арфиста, попроси
Его ко мне. чтоб сына моего,
В у ныл ость виадшего. своей игрою

Развеселил. На то сказал Слепой:
Такого мне Арфиста уж случалось
Видать здесь: я Немногого за ним
Отправлю; он от в одну минуту
Найдет. Незногии побежал и скоро
Нашел Арфиста: был Арфист без рук.
По он упрямится пс стал и так
Прекрасно начал на бесструнной арфе⁴
Играть, что меланхолик без ума
Расхохотался: те> Слепой увидя
Всплеснул руками; вслух Немой хвалить
Стал музыканта, а Иезиогии начал
Плясать и так распрыгался, что много
Сбежалось людей, и из толпы
Вдруг выскочил Дурак он изъявил
Арфисту, прыгуну и всем другим
Свое» благоволение. Мимо их
Прошла тихонько Мудрость и. увидя.
Чте> делалось, шепнула про себя:
Таков смешной, безумный, жалкий свет,
II такова на свете наша жизнь,
Доволен .111 ты повестью моею?»
Керим прохожему но отвечал
Ни е.юва; он печально о нем простился
И далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Затеплив твой рассказ:
Но моего вопроса не решил он.
Хотя мы в жизни много ПУСТОТЫ.
Дурачества и лжи встречаем, но
И высшая значительность и правда
Святая в Нсіі заключены благим
Создателем». Подумав так, решился
Керим отправиться в обратный ПУТЬ.
Чтоб донести парю, что никакого
Не удалось ему найти ответа
На заданный вопрос. Дорогой он
Молился ногу, чтоб своею правдой
Бог просветил его рассудок темный
И жизни таинство ему открыл.
И пред царя явился он с веселым
Липом и вес, что сведал от других.
Ему пересказал; а парь спросил:
«Что ж напоследок сам теперь. Керим.
Ты думаешь?» – «Сперва благоволи. –
Сказал Керим, – услышать, что со мной
Самим СЛУЧИЛОСЬ на пути. Известно
Тебе, что я лишь только но твоим
Высокой воле в этот трудный ПУТЬ
Отправился, что, милостню царской
Хранимый, я везде проводников
Имел, и пишу находил дневную,
И никаких не испытал тревог.
Что ж на дороге доброго, худого
Мне повстречалось. о том нет НУЖДЫ
Упомянуть – оно ничто в сравнение
С той бездной благ, какими ты так щедро.
Мой царь, меня осыпал. II мое
Одно желанье было: угодить
Тебе, с усердием стараясь правду
Найти между людьми, чтоб, возвратившись.
Тебе отчет при несть в своих трудах.
Теперь ты сам реши по царской правде:
Достоин .1н я милости твоей?»
Царь, не сказав ни слова, подал руку
В знак милости Кериму. Умиленно
Керим ее поцеловал: потом
Примолвил: «Так я думал про себя
Во время странствия. Но, подходя

К твоим палатам царским и печалюсь,
Что без малейшья пород тобой
Заслуги ныне я к тебе, мой царь.
Выл должен возвратиться, вдруг у самой
Обители твоей как скорлупа
С моих упала глаз, и я постигиул.
Что паша жизнь сеть странствие но свету
Такое ж. как мое. во истиненъс
Верховной воли высшего царя».
Мудрец умолк; а царь ему сказал:
«Друг верный, будь моим отцом отныне».
И для тебя, мой добрый Москвитянин,
Как и для всех, в обеих повестях
Полезное найдется наставленье.
Хотя урок, так безуспешно данный
Эдемской костью Александру, боле
Земным царям приличен; но и ты,
Как журналист, воспользоваться нм
Удобно можешь: будь в своем журнале
Друг твердый, а не злой наездник правды;
С журналами другими не воюй;
Ни с «Библиотекой для чтенья», ни
С «Записками», ни с «Северной пчелою».
Ни с «Русским вестником»; живи и жить
Давай другим; и обладать один
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повести я толковать
Тебе не стану; мне давно известно.
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смирненно ведаешь: нуда, зачем
И кто тебе по ней идти велит.

— СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ И СКАЗКИ
ВЫБОР КРЕСТА

Повесть

Усталым шел крутом горою путник;
С усилием передвигаи ноги,
По гладким он скалам горы тащился
И наконец, достиг ее вершины.
С вершины топ широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На кран небес склонившегося солнца:
Свершив свой путь, великое светило
Последними лучами озаряло,
Прощаясь с ним, полужаснувшпй мир,
II был покои повсюду несказанный.
Утешенный видением таким.
Стал странник на колени, прочитал
Вечернюю молитву и потом
На благовонном лоне муравы
Простерся, и сошел ему на вежды
Мнротворящпй сон, и сновиденьем
Был дух его из бранныя телесной
Темницы извлечен. Пред ним явилось
Господним ликом пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небес.
Подножием Господних ног земля;
И к Господу воскликнул он: «Отец!
Не отвратись во гневе от меня,
Когда вся слабость грешный души
Я исповедую перед Тобою.
Я знаю: каждый, кто здесь от жены
Рожден, свой крест нести покорно должен?
Но тяжестью не все кресты равны;
Мой слишком мне тяжел, не по моим
Он силам; облегчи его, иль он
Меня раздавит и моя душа
Погибнет». Так в бессмыслии он Бога
Всевышнего молил. И вдруг великий

Повеял ветер; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
2(>5

II он себя во храмине увидел,
Где множество бесчисленное было
Крестов; и он йотом услышал голое:
«Перед тобою вес* кресты земные
Здесь собраны; какой ты сам из них
Захочешь взять, тот и возьми». И начал
Кресты он разбирать, и тяжесть их
Испытывать, и каждый класть на плечи.
Дабы узнать, какой нести удобней.
Но выбрать было нелегко: одни
Ныл слишком для него велик: другой
Тяжел: а тот, хотя и не велик
II не тяжел, по неудобен, резал
Краями острыми ему он плечи;
II был слит из золота, зато
II не в подъем, как золото. И словом,
Ни одного креста не мог он выбрать,
Хотя и все пересмотрел. II снова
Уж начинать хотел он пересмотр;
Как вдруг увидел он простои, нм прежде
Оставленный без замечанья крест:
Был нелегко он, правда, был из твердой
Сработан пальмы: но зато, как будто
По мерке для него был сделан, так
Ему пришелся по плечу он ловко.
II он воскликнул: «Господи! позволь мне
Взять этот крест». II взял. Но что же? Он
Выл самый тот, который он уж нес.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО

Сказка

Однажды жил, не знаю где, богатый
II добрый человек. Он был женат,
II всей душой любил свою жену;
Но не было у них детей; и это
Их сокрушало, и они молились,
Чтобы Господь благословил их брак;
И к Господу молитва их достигла.
Был сад кругом их дома: на иола не
Там дерево тюльпанное росло.
Под этим деревом однажды (это
Случилось в зимний день) жена сидела
И с яблока румяного ножом
Снимала кожу; вдруг ей острый нож
Легонько пален оцарапал; кровь
Пурпурной каплею на белый снег
Упала; тяжело вздохнув, она
Подумала: «О! если б Бог нам дал
Дитя, румяное, как эта кровь,
И белое, как этот чистый снег!»
И только что она сказала это. в сердце
Бе как будто что зашевелилось.
Как будто из него утешный голос
Шепнул ей: «Сбудется». Пошла в раздумье
Домой. Проходит месяц – снег растаял:
Другой проходит – все в лугах и рошах
Зазеленело; третий месяц миновался –
Цветы покрыли землю, как ковер:
Прошел четвертый – все в лесу деревья
Срослись в одни зеленый свод, и птицы
В густых ветвях запели голосисто,
II с ними весь широкий лес запел.
Когда же пятый месяц был в исходе –
Под дерево тюльпанное она
Пришла; оно так сладко, так свежо
Благоухало, что ее душа

Глукою, неведомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился месяц – стали наливать
Плоды и созреть; она же стала
Задумчивей и тише; наступает
Седьмой – и часто, часто под своим
Тюльпанным деревом она одна
Сидит, и плачет, и ее томит
Предчувствие тяжелое; настал
Осьмой – она в конце его больная
Слегла в постель. Она сказала мужу
В слезах: «Когда умру, похорони
Меня под деревом тюльпанным»; месяц
Девятый кончился – и родился
У нее сынок, как кровь румяный, белый
Как снег; она же обрадовалась так,
Что умерла. И муж похоронил
Ее в саду, под деревом тюльпанным.
И горько плакал он об ней; и целый
Проплакал год: и начала печаль
В нем утихать; и наконец утихла
Совсем; и он женился на другой
Жене, и скоро с нею прижил дочь.
Но не была ничем жена вторая
На первую похожа: в дом его
Не принесла она с собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрела, в ней смеялась душа?
Когда же глаза на сироту, на сына
Другой жены, невольно обращала.
В ней сердце злилось: он как будто ей
И жить мешал; а хитрый искуситель
Против него нашепывал всечасно
Ей злые замыслы. В слезах и в горе
Сиротка рос, и ни одной минуты
Веселой в доме не было ему.
Однажды мать была в своей каморке.
И перед ней стоял сундук открытый
С тяжелой, кованной железом кровлей
И с острым нутряным замком; сундук
Выл полон яблок. Тут сказала ей
Марли ночка (так называли дочь):
«Дай яблочко, родная, мне». – «Возьми»,
Ей отвечала мать. «И братцу дай», –
Прибавила Марли почка. – Сначала
Иахмурнулась мать; но враг лукавый
Вдруг что-то ей шепнул: она сказала:
«Марлиночка, поди теперь отсюда:
Обоим вам по одному очку в дам.
Когда твой брат воротится домой».
(А на окна уже видела она,
Что мальчик шел, и чудилось ей,
Что будто на нес с ним вместе алое
Шло искушенье.) Кованый сундук
Закрыв, она глаза на двери дико
Уставила; когда же их отворил
Малютка и вошел, ее ли и о
Пелес стало полотно; поспешно
Она ему дрожащим и глухим
Сказала голосом: «Вынь для себя
И для Марлиночки из сундука
Два яблока». При этом слове ей
Почудилось, что кто-то подле громко
Захохотал; а мальчик, на нес
Взглянув, спросил: «Зачем ты на меня
Так страшно смотришь?» – «Выбирай скорее
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ее глаза

Сверкнули острым блеском. Мальчик робко
За яблоком нагнулся головой
В сундук; тут ей лукавый враг шепнул:
«Скорей!» И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундук, и голова
Малютки, как ножом, была железным
Отрезана замком и, отскочивши,
Упала в яблоки. Холодной дрожью
Злодейку обдало. «Что делать мне?» –
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундук. И вот она
Из шкапа шелковый платок достала,
И, голову отрезанную к шее
Приставив, тем платком их обвила
Так плотно, что приметить ничего
Не можно было, и потом она
Перед дверями мертвого на стул
(Дав в руки яблоко ему и к стенке
Его спиной придвинув) посадила:
И наконец, как будто но бьма
Пи к чем, поііі.іа на кухню стряпать. Вдруг
Мар.шночка в испуге прибежала
И Іп(Чічст: «Посмотри туда; там братец
Сидит в дверях на стуле: он так бел;
И держит яблоко в руке; но сам
Не ест: когда ж его я попросила.
Чтоб дал мне яблоко, не отвечал
Ни слова, не взглянул; мне стало страшно».
На то сказала мать: «Поди к нему
И попроси в другой раз; если ж он
Опять ни слова отвечать не будет
И на тебя не взглянет, подери
К го покрепче за ухо: он спит».
Марли ночка пошла, и видит: братец
Сидит в дверях на стуле, бел как снег;
Не шевелится, не глядит и держит.
Как прежде, яблоко в руках, но сам
Его не ест. Мар.шночка подходит
И говорит: «Дан яблочко мне, братец».
Ответа нет. Тут за ухо она
Тихонько братца дернула; и вдруг
От плеч его отпала голова
И покатилаь. С криком прибежала
Мар.шночка на кухню: «Ах! родная.
Веда, беда! Я братца моего
Убила! Голову оторвала
Я братцу!» – и бедняжка заливалась
Слезами и кричала криком. Ей
Сказала мать: «Мар.шночка. уж горю
Не пособить; нам надобно скорей
Его прибрать, пока не воротился
Домой отец; возьми и отнеси
Его покуда в сад и спрячь там; завтра
Его сама в овраг я брошу; волки
Его съедят, и косточек никто
Не същет; перестань же плакать; делай.
Что я велю». Марли ночка пошла:
Она, широкой белой простынею
Об
Обвивши тело, отнесла его,
Рыдая, в сад. н там его тихонько
Под деревом тюльпанным положила
На свежий дерн, который покрывал
Могилку матери его... П что же?
Могилка вдруг раскрылаь. и тело
Взяла, и снова дерн зазеленел
На псіі. и расу вел и на ней пвсты,
Н из у вето в вдруг выпорхнула птичка.

И весело запела, и взвилась
Под облака, и к облакам пропала.
Марлничка сперва оторопела;
Потом (как будто кто в се душе
Печаль заговорил) ей стало вдруг
Легко – пошла домой п никому
О бывшем с нею не сказала. Скоро
При нем домой отей. Не видя сына,
Спросил он с беспокойством: «Где ой?» Мать.
Вся помертвев, поспешно отвечала:
«Ранехонько ушел он со двора
И все еще не возвращался». Выло
Уж за полдень; была пора обедать,
И накрывать на стол хозяйка стала.
Марлничка ж сидела в уголку.
Не шевелясь и молча: день был светлый;
Ни облачка на небе не бродило,
И тихо блеск полуденного солнца
Лежал на зелени дерев, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая с могилы братца птичка
Летала да летала; вот она
На кустик села под окошком дома.
Где золотых дел мастер жил. Она.
Расправив крылышки, запела громко.
«Зла мачеха зарезала меня:
Отец родной не ведает о том:
Сестрица же Марлничка меня
Илиз матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
14- 1368

Услышав это, золотых дел мастер
В окошко выглянул; он так пленился
Прекрасной птичкою, что закричал:
«Пропой еще раз, милая пичужка!» –
«Я даром дважды петь не стану, – птичка
Сказала, – подари цепочку мне,
И заню». – Услышав это, мастер
Вогатую ей бросил из окна
Цепочку. Правой ланкою схвативши
Цепочку ту, свою запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и. допевши,
Спорхнула с кустика с своей добычей.
И полетела далее, и скоро
На кровлю домика, где жил башмачник,
Спустилася и там опять запела:
«Зла мачеха зарезала меня:
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлничка меня
Илиз матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
Вашмачник в это время у окна
Шил башмаки; услышав песню, он
Работу бросил, выбежал на двор
И видит, что сидит на кровле птичка
Чудесной красоты. «Ах! птичка, птичка. –
Сказал башмачник, – как же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще раз ту же песню
Пропеть?» – «Я даром дважды не пою, –
Сказала птичка, – дай мне пару детских
Сафьянных башмаков». Вашмачник тотчас
Ей выпес башмаки. И, левой ланкой
Их взяв, свою опять запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и. допевши,
Спорхнула с кровли с новою добычей,
И полетела далее, и скоро
На мельницу, которая стояла
Над быстрой речкою во глубине

Прохладный долины, прилетела.
Выл стук и шум от мельничных колес.
И с громом к ней мо.ю.1 огромный жернов;
И в воротах ее рубили двадцать
Работников дрова. На ветку .питы,
Которая у мельничных ворот
Росла, спустилась птичка и запела:
«Зла .мачеха зарезала .меня»;
Один работник, то услышав, поднял
Глаза и перестал рубить дрова.
«Отец родной не ведает о там»:
Оставили еще работу двое.
«Сестрица же Марлнночка .меня»:
ТУТ пятеро еще, глаза на липу
Оборотив, работать перестали.
«Близ .матушки родной .моей в саду»:
Еще тут восемь вслушалнея в неси го:
Остолбеневши, топоры они
На землю бросили и на невпну
Уставили глаза; когда ж она
УМОЛКНУ л а, последнее пропев:
«Под деревом тюльпанным погребла».
Все двадцать разом кннулпея к лине
II закричали: «Птичка, птичка, сііоіі нам
Вше раз песенку твою». На это
Сказала птичка: «Дважды петь не стану
Я даром; если же вы этот жернов
Дадите мне, я запою». – «Дадим,
Дадим!» – в одни все голос закричали.
С трудом великим общей силой жернов
Подняв с земли, они его надели
На шею птичке; и она, как будто
В жемчужном ожерелье, отряхнувшись.
II крылышки расправивши, запела
Звучней, чем прежде, и, допев, спорхнула
С зеленой ветви, и умчалась быстро,
На шее жернов, в правой лапке цепь,
И в левой башмаки. II так она
На дерево тюльпанное в саду
Спустилась. Той порой отец сидел
Перед окном; по-прежнему в углу
Мар.шночка; а мать на стол сбирала.
«Как мне легко! – сказал отец. – Как светел
II т(чге.1 манскнн день!» – «Л мне. – сказала
Жена. – так тяжело, так ДУШНО!
Как будто бы собирается гроза».
Марлнночка ж. прижавшись в УГОЛОК.
Не шевелнлася, сидела молча
II плакала. А птичка топ ііороіі.
На дереве тюльпанном ОТДОХНУВШИ,
Полетом тихим к дому полетела.
«Как на душе моей легко! – опять
Сказал отец. – как будто бы кого
Родного мне увидеть». – «Мне ж, – сказала
Жена, – так страшно! все во мне дрожит:
II кровь по жилам льется как огонь/.
Мар.шночка ж ни слова; в уголку
Сидит, не шевелясь, и тихо плачет.
Вдруг птичка, к дому подлетев, запела:
«Зла .мачеха зарезала .меня»;
Услышав это, мать в оцепененье
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтоб не видать и не слышать; но в уши
Гудело си, как будто шум грозы.
В зажмуренных глазах ее сверкало.
Как молния, и пот смертельный тело
Ее. как змеи холодный, обвивал.
«Отец родной не ведает о то.м».

«Жена, – сказал отец, – смотри, какая
Там птичка! Как поет! А день так тих.
Так ясен п такой повсюду запах,
Что скажешь: вся земля в цветы оделась.
Пойду н посмотрю на эту птичку». –
«Останься, не ходи, – сказала в страхе
Жена. – Мне чудится, что весь наш дом
В огне». Но он пошел. А птичка пела:
«Нлиз .матушки родной .моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла»,
И в этот миг цепочка золотая
Упала перед ним. «Смотрите. – он
2729

Сказал. – какой подарок дорогой
Мне птичка бросила». Тут не» могла
Жена от страха УСТОЯТЬ на месте
II начала как в исступленье бегать
По горнице. Опять запела птичка:
«Зла мачеха зарезала меня».
А мачеха бледнела и шептала:
«О! если б на меня упали горы,
Лишь только б этой песни не слышать!» –
«Отеи родшш не ведает о том»:
Тут повалилася она на землю,
Как мертвая, как труп окостенелый.
«Сестрица же Мар.шночка меня...»
Марлнночка, вскочив при этом с места.
Сказала: «Побегу, не даст ли птичка
Чего и мне». П. выбежав, глазами
Она искала птички. Вдруг упали
Б и в руки башмаки; она в ладоши
От радости захлопала. «Мне было
До этих пор так грустно, а теперь
Так стало весело, так живо!» –
«Нет, – простонала мать, – я не могу
Здесь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть». II она вскочила;
Па голове ее стояли дыбом,
Как пламень, волосы, и ей казалось.
Что все кругом ее валилось. В двери
Она в безумье кинулася... Но только
Ступила за порог, тяжелый жернов
Бух!., н ее как будто не бывало:
На месте же, где казнь над ней свершилася.
Столбом огонь поднялся из земли.
Когда же исчез огонь, живой явился
Там братец; и Марлнночка к нему
На шею кинулася. Отец же долго
Искал жены глазами; по се
Он не нашел. Потом все трос сели.
Усердно Богу помолясь, за стол;
Но за столом никто не ел, и все
Молчали; и у всех на сердце было
Спокойно, как бывает всякой рал.
Когда оно почувствует живей
Присутствие невидимого Вога.

КОТ В САПОГАХ

Сказка

ЖИЛ мельник. Жил он, жил и умер,
Оставивши своим трем сыновьям
В наследство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взял старшин сын.
Осла взял средний; а меньшому дали
Кота. II был он крепко недоволен
Своим участком. «Вратья, – рассуждал он.
Сложившись, будут без нужды; а я,
Изжаривши кота и съев, и сделав
Из шкурки муфту, чем потом начну

Хлеб добывать насущный?» Так он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А Кот, тогда лежавший на печурке,
Разумное подслушав расеужденье.
Сказал ему: «Хозяин, не печалься:
Дан мне мешок да сапоги, чтоб мог я
Ходить за днчью но болоту – сам
Тогда увидишь, что не так-то беден
Участок твой». Хотя и не совсем
Выл убежден Котом своим хозяин,
Но уж не раз случалось замечать
Кму, как этот Кот искусно вел
Воину против мышей и крыс, какие
Выдумывал он хитрости и как
То, мертвым притворись, висел на лапах
Вниз головой, то пудрился мукой,
То прятался в трубу, то под кадушкой
Лежал, свернувшись в ком; а потому
И слов Кота не пропустил он мимо
Ушей. И подлинно, когда он дал
КОТУ мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею Кот
Мешок надел и вышел на ОХОТУ
В такое место, где, он ведал, много
Водилось кроликов. В мешок насыпав
Тр\хи, его на землю положил он;
Л сам вблизи, как мертвый, растянулся
И терпеливо ждал, чтобы какой невинный.
Неопытный в паже жизни кролик
Пожаловал к мешку покушать сладкой
Трухи; и он недолго ждал; как раз
Перед мешком его явился ГЛУПЫЙ.
Вертлявый, ДОЛГОУХИЙ кролик; он
Мешок понюхал, поморгал ноздрями.
Потом и влез в мешок; а Кот проворно
Мешок стянул снурком и без дальнейших
Приветствий гостя УГОСТИЛ ПО-СВОЙСКИ.
Победою довольный, во дворец
Пошел он к королю и приказал,
Чтобы о нем немедля доложили.
Велел ввести Кота в свой кабинет
Король. Вошед, он поклонился к поясу:
Потом сказал, ПОТУПИВ морду в землю:
«Я кролика, великий государь,
От моего принес вам господина,
Маркиза Карабаса (так он вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он Вашему Величеству свое
Глубокое почтение изъявить
И просит вас принять его гостинец». –
«Скажи маркизу, – отвечал король, –
что я его благодарю и что
я очень им доволен». Королю
Отклапавшнся, Кот пошел домой:
Когда ж он шел через дворец, то все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, ПОТОМУ что он
Выл в кабинете принят королем
И с ним наедине (и уж. конечно.
О государственных делах) так долго
Беседовал: а Кот был так учтив.
Так обходителен, что вес» дивились
И думали, что жизнь свою провел
Он в лучшем обществе. Спусти немного
Отправился опять па ловлю Кот,
В густую рожь засел с своим мешком
И там поймал двух жирных перепелок.
И их немедленно он к королю.

Как прежде кролика, отнес в гоетинсп
От своего маркиза Карабаса.
Охотник был король до перепелок?
Опять позвать велел он в кабинет
Кота п. перепелок сам принявши.
Благодарить маркиза Карабаса
Велел особенно. И так наш кот
Недели три-четыре к королю
От имени маркиза Карабаса
Носил и кроликов, и перепелок.
Вот он однажды сведал, что король
Сбирается прогуливаться в поле
С своею дочерью (а дочь была
Красавина, какой другой на свете
Никто не видывал) и что они
Поедут берегом реки. И он,
К хозяину поспешно прибежав.
Бму сказал: «Когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разом
II счастлив, и богат; вся хитрость в том.
Чтоб ты сейчас пошел купаться в реку:
что будет после, знаю я; а ты
Сиди себе в воде, да полоскайся,
Да ни о чем не хлопочи». Такой
Совет принять маркизу Карабасу
Нетрудно было; день был жаркий; он
С охотою отправился к реке,
Влез в воду и сидел в воде по горло.
А в это время был король уж близко.
Вдруг мача. I кот кричать: «Разбой! разбой!
Сюда, народ!» – «Что сделалось?» – подъехав.
Спроси. I король. «Маркиза Карабаса
Ограбп.ш и бросн.ш в реку;
Он тонет». Тут, по смок\ короли.
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде маркиза.
Л королю кот на ухо шепнул:
«Я должен Вашему Величеству донести.
Что бедный мой маркиз совсем раздет;
Разбойники все платье унесли».
(А платье сам, мошенник, спрятал в куст.)
Король велел, чтобы одни из бывших
С ним государственных министров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за кустом:
Маркиза же в его мундир одели,
II кот его представил королю;
II королем был ласково он принят.
А так как он к раса вен был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился: богатый же мундир
(Хотя на нем и не совсем в обтяжку
Сидел он. потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал – короче,
Маркиз понравился: и сесть с собой
В коляску пригласил его король;
А сметливый наш кот во все лопатки
Вперед бежать пустился. Вот у видел
Он на лугу широком косарей,
Сбиравших сено. Кот нм закричал:
«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабаеу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король, проехав.
Спросил: «Кому такой прекрасный луг

Принадлежит?» – «Маркизу Карабаеу», –
Вес закричали разом косари
(В такой их страх привел проворный Кот).
«Богатые луга у вас, маркиз», –
Король заметил. Л маркиз, смиренный
Принявши вид, отвечивал: «Луга
Изрядные». Тем временем поспешно
Вперед ушедший Кот увидел в иоле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, – сказал он, – едет близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь? II если
Пе скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабаеу.
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король проехал.
«Кому принадлежит здесь поле*?» – он
Спросил жнецов. – «Маркизу Карабаеу», –
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему отвечивал смиренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперед
II встречных всех учил, как королю
Им отвечать. Король был поражен
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный замок
Кот прибежал. В том замке людоед
Волшебник жил, и Кот о нем уж знал
Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок смело
Вошел, он попросил у людоеда
Аудиенции: и людоед.
Приняв его. спросил: «Какую нужду
Вы. Кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людоед,
Давно слух носится, что будто вы
Умеете во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вам?» – «Это правда; сами. Кот.
Увидите». II мигом он явился
Ужасным львом с петой, косматой гривой
И остр 1.1 ми зубами. Кот при этом
Так струсил, что (хоть был и в сапогах)
В одни прыжок под кровлей очутился.
А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил Кота
К нему сойти. Спустившись с кровли, Кот
Сказал: «Хотелось бы, однако, знать мне.
Вы можете ль и в маленького зверя,
Вот, например, в мышонка, превратиться?»
«Могу, – сказал с усмешкой людоед, –
Что ж тут мудреного?» – II он явился
Вдруг маленьким мышонком. Кот того
II ждал; он разом: цап! и съел мышонка.
Король тем временем подъехал к замку.
Остановился и хотел узнать.
Чей был он. Кот же, рассчитавшись
С его владельцем. ждал уж у ворот.
II в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в замок
К маркизу Карабаеу?» –• «Как, маркиз. –
Спросил король, – н этот замок вам же
П р 1111 а дл сж 11 т? П р 11 з н атьс я, уд н в л я ю с ь:
II будет мне приятно побывать в нем».
И приказал король своей коляске

К крыльцу подъехать; вышел из коляски;
Принцессе ж руку предложил маркиз:
II все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в пространной галерее
Выл стол накрыт и полдник приготовлен
(На этот полдник людоед позвал
Приятелей, но те, узнав, что в замке
Король был. не вошли, и все домой
Отправились). И, сев за стол роскошный.
Король велел маркизу сесть меж ним
II дочерью; и стали пировать.
Когда же* в го. I о во у короля
Вино позашумсло, он маркизу
Сказал: «Хотите» ли. маркиз, чтоб дочь
Мною за вас я выдал?» Честь такую
С невероятной радостню принял
Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли. Кот
Остался при дворе и был в чины
Произведен, и в бархатных являлся
В дни табельные сапогах. Он бросил
Ловить мышей, а если и ловил,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплин, который нажил
Под старость при дворе, воспоминаньем
О светлых днях минувшего рассеять.
СКАЗКА О ШШ1Е-ЦАРЕ1ШЧЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ
Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, но имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро;
II было у него три сына: Клим-
Царевич, Петр-царевич и Иван-
Царевич. Да ешс был у него
Прекрасный сад, и чудная росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
1,1 В тех яблоках царевых оказался
Великий недочет; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален.
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трех сыновей.
Он им сказал: «Сердечные друзья
II сыновья мои родные. Клим-
Царевич, Петр-царевич и Иван-
Царевич, должно вам теперь большую
Услугу оказать мне: к царский сад мой
Повадилс таскаться ночью вор:
II золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа эта
Тошнее смерти. Слушайте, друзья;
ТОМУ из вас, кому поймать удастся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни ПОЛОВИНУ царства;
Когда ж умру, и веч» ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав то.
Что нм сказал отеи. \говорились
Поочередно в сад ходить, и ночь
Не спать, и вора сторожить. И первый
Пошел, как скоро ночь настала. Клим-
Царевич в сад, и там залег в ГУСТЮ
Траву иод яблоней, и с полчас
В ней пролежал, да и заснул так крепко.
Что полдень был. когда, глаза продрав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И. возвратясь. парю Демьяну он
Сказал, что вор в ту ночь не приходил.
Другая ночь настала; Нетр-царсвпч
Сел сторожить под яблонею вора:

Он нелый час крепился, в темноту
Во все глаза глядел, но в темноте
Все было пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся он.
Прпшсд к царю, ему донес он так же.
Как Клпм-царсвпч, что п в эту ночь
Красть царских яблок вор не приходил.
На третью ночь отправился Иван-
Царсвнч в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился.
Сидел не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло
Как будто молнией; и что же видит
Иван-царевич? От востока быстро
Летит жар-птица, огненной звездой
Влсстя и в день прсобрашая ночь.
Прижавшись к яблоне, Пван-царсвнч
Сидит, не движется, не дышит, ждет.
Что будет? Сев на яблоню, жар-птица
За дело принялась и нарвала
С десяток яблок. ТУТ Икан-царсвнч.
Тихохонько поднявшись па травы.
Схватил да хвост воровку: уронив
На землю яблоки, она рванулась
Всем силою и вырвала из рук
Царевича своп хвост и улетела;
Однако у него в руках одно
Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Казался огненным. К царю Демьяну
Прпшсд. Икан-царсвнч доложил
Ему. что вор нашелся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же.
Что правду он сказал, Нван-царсвпч
Почтительно царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали
Красть яблок золотых, и царь Демьян
Развеселился, пополнел и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нем
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблок, чудную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей.
«Друзья мои, – сказал он. – Клпм-царсвпч
И Петр-царевич, вам уже давно
Нора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем
II с помощью Господней поезжайте
На подвиги п наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте
Жар-птицу; кто из вас ее достанет,
Тому при жизни я отдам полцарства,
А после смерти все ему оставлю
В наследство». Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились к дороге.
Немного кроме ни СПУСТЯ при ним
К парю Нван-царсвнч н скате
«Родптс.п. мой. великий государь
Демьян Данилович, позволь мне ехать
За братьями; и мне пора людей
Увидеть, н себя нм показать,
И честь себе нажить от них и е.іану-
Да и тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.

Родительское мне благословенье
Дан и позволь пуститься в путь мой с Богом>.
Па ото царь сказал: «Иван-царевич.
Вше ты молод, погоди; твоя
Нора придет; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго
На свете жить; а если я один
Умру, то на кого покину свой
Парод и царство?» Но Иван-царевич
Выл так упрям, что напоследок царь
И нехотя его благословил.
И в путь отправился Иван-царевич;
И ехал, ехал, и приехал к месту.
Где разделялась дорога на три.
Он на распутье том увидел столб,
Л на столбе такую надпись: «Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и голоден; кто вправо
Поедет, будет ж не да конь его
Умрет, а влево кто поедет, сам
Умрет, да конь его жав будет». Вправо.
Подумавши, поворотить решился
Иван-царевич. Он недолго ехал:
Вдруг выбежал из леса Серый Волк
И кинулся свирепо на коня:
И не успел Иван-царевич взяться
За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван-царевич,
Повесив голову, пошел тихонько
Пешком; но шел недолго: перед ним
Но-нржнсмю явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой сердечный,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел.
Что на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верю и правдой
Служить отныне буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты едешь и зачем?»
И Серому Иван-царевич Волку
Все рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать жар-птицу.
Я знаю; ну, садня на меня,
Иван-царевич, и поедем с Богом».
II Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком: и с ним он в полночь
У каменной стены остановился.
«Приехали, Иван-царевич! – Волк
Сказал, – но слушай, в клетке золотой
За эту оградю висит
Жар-птица; ты се из клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай: попадешь в беду». – Иван-
Царевич перелез через ограду:
За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке* золотой, и сад
Был освещен, как будто солнцем. Вынув
Из клетки золотой жар-птицу, он
Подумал: «В чем же мне ее везти?»
И, позабыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но отвеюду
Проведены к ней были струны: громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись,
И в сад сбежались, и в саду Ивана-
Царевича схватили, и к царю
Представили, а царь (он назывался

Дал матом) так сказа..: «Откуда ты?
И кто ты?» – «Я Икан-царсвнч: мой
Отец. Демьян Данилович, взадест
Великим, сильным государством; ваша
Жар-птица но ночам летать в наш сад
Повадилась, чтоб золотые красть
Там яблоки: за Нсіі меня послал
Родитель Моіі, великий государь
Демьян Данилович». Па это царь
Дал мат сказал: «Царевич ты иль ист,
Того не знаю я; но, если правду
Сказал ты. то не царским ремеслом
Ты промыляешь; мог бы прямо мне
Сказать: отдан мне. царь Дал мат, жар-птицу,
И я тебе ее руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушан, я тебе мою жар-птицу
Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива:
Принадлежит могучему царю
Лфроиу он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься царство
И у могучего царя Афрона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его достань.
Когда ж ко мне с конем не возвратишься,
То по всему расславлю еноту я.
Что ты но царский сын. а вор: и будет
Тогда тебе великий ерам и стыд».
Повесив голову, Иваи-царсвнч
Пошел туда, где был нм Серый Волк
Оставлен. Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня. Иван-царсвнч.
Ты не послушался? но пособить
Уж нечем; будь вперед умней; поедем
За тридевять земель к царю Афроиу».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
15 - 1368

Помчался с седоком; и к мочи к царство
Царя Лфроиа прибыли они.
И у дверей конюшни царской там
Остановились. – «Ну, Иван-царсвнч,
Послушай. – Серый Волк сказал. – войди
В конюшню; конюха снят крепко: ты
Легко на стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Вт уздечки: снова попадешь в беду».
В конюшню царскую Иван-царсвнч
Вошел и вывел он коня из стойла:
Но на беду, взглянувши на уздечку.
Прельстился ею так, что позабыл
Совсем о том, что Серый Волк сказал.
ІІ снял с гвоздя уздечку. Но и к ней
Проведены отвеюду были струны;
Все зазвенело; конюха вскочили;
И был с конем Иван-царсвнч пойман.
И привели его к царю Афроиу.
И царь Афрон спросил сурово: «Кто ты?»
Вму Иван-царсвнч то ж в ответ
Сказал, что н царю Дал мату. Царь
Афрон ответственвал: «Хороший ты
Царевич! Так ли должно поступать
Царевичам? И царское ли дело
Шататься по ночам и воровать
Коней? С тебя я буйную бы мог
Снять голову; но молодость твою

Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь.
Лишь поезжай за тридевять земель
Ты в тридесятое отсюда царство
Да привези оттуда мне царевну
Прекрасную Клену, дочь царя
Могучего Каснома; сели ж мне
Не не привезешь, то я везде расславлю.
Что ты ночной бродяга, плут и вор».
Опять, повесив голову, пошел
Туда Иван-царсвнч, где его
65

Жда.1 Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты. Пван-царсвнч! Вели б л
Тебл так не любил, здесь моего бы
и ДУХУ не было. ну, ПОЛНО охать.
Саднея на меня, поедем е БОГОМ
За тридевять земель к царю Касиму:
Теперь мое, а не твое» уж дело».
И Серый Волк опять скакать с Ивалом-
Даревичсм пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве;
И Серый Волк, ссадив с себя Ивана-
Царевича, сказал: «Недалеко
Отсюда царский сад; туда один
Пойду я: ты ж меня дождись под этим
Зеленым дубом». Серый Волк пошел,
И перелез через ограду сада.
И закопался к куст, и там лежал
Не шевелясь. Прекрасная Клена
Каснмовна – с ней красные девицы,
И мамушки, и нянюшки – пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна,
От прочих отделяясь, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за сипну ее свою
Закинул н давай Бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы.
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор, министры, камергеры
И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих – все напрасно:
Уж Серый Волк с царевной и с Иваном-
Царевичем был далеко, и след
Давно простыл: царевна же лежала
Вез всякого движенья у Ивана-
Царевича к рукам (так Серый Волк
Ко. сердечную, перепугал).
Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их па Ивана-
Царевича и покраснела вся,
Как рола алая; и с ней Иван-
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили
Так сильно, что ни в скалке рассказать.
Ни описать пером того не можно.
И впал в глубокую печаль Иван-
Царсвнч: крепко, крепко не хотелось
С царевною Клеиою ему
Расстаться и ее отдать царю
Афроиу; да и о и самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив
Их горе, так сказал: «Иван-царевич.

Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба – службишка; примаю служба
Ждет впереди». И вот они уж в царстве
Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царсвнч, здесь должны с уменьем
Мы поступить: я превращусь в царевну:
А ты со мной явись к царю Афроиу.
Меня ему отдан и, получив
Коня Золотогрива, поезжай вперед
С Клеию Каспмовион: меня вы
Дождитесь в скрытном месте: ждать же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь оземь.
Стал Серый Волк царевною Клсной
Каснмовной. Иван-царевич, сдав
Кго с рук на руки царю Афроиу
И получив коня Золотогрива.
На том коне стрелой пустился в лес.
Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовлася свадьба:
И в тот же день с невестой царь к венцу
Ноикм; когда же их перевенчали
И молодой бьм должен МОЛОДУЮ
Поцеловать, губами царь Афрон
С шершавую столкнулся волчьей мордой,
II эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой
Красавицу, а волка царь Афрон
Увидел: Серый Волк недолго стал
Тут церемониться: он сбил хвостом
Царя Афрона с ног и прянул в двери.
Все принялись кричать: «Держи, держи!
Лови, лови!» Куда ты! Уж Ивана-
Царевича с царевною Вленой
Давно догнал проворный Серый Волк:
II уж, сошед с коня Золотогрива.
Иван-царевич пересел на Волка.
II уж вперед они опять, как вихри.
Летели. Вот приехали и в царство
Дал матово они. II Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива
Я превращусь, и ты, Иван-царсвнч,
Меня отдав царю и взяв жар-птицу.
По-прежнему с царевною Вленой
Ступай вперед; я скоро догоню вас».
Так все и сделалось, как Волк устроил.
Немедленно велел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нем
Он с свитой придворной на охоту:
И впереди у всех он поскакал
За зайцем; вес придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Дал мат!»
Но вдруг из-под него на всем скаку
Юркнул шершавый Волк, и царь Дал мат.
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз,
Ногами вверх, и, по плеча у шедши
В распаханную землю, упирался
В нее руками, и, напрасно сиясь
Освободиться, в воздухе болтал
Ногами; вся к нему ТУТ свита
Скакать пуетплася; освободи.!п
Царя; потом вес прнпя.шея громко
Кричать: «ЛОВИ, ЛОВИ! Трави, трави!»
Но Г) 1.1.1о некого травить: на Волке
Уже по-прежнему сидел Иван-
Царевич: на коне ж Золотогриво

Царевна, и под нон Золотогрив
Гордился и плясал: не торопясь.
Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль
Их длил аса дорога – наконец
Они доехали до места, где Ивап-
Царсвпч Серым Волком в первый рал
Был встречен; и еще лежали там
В го коня белеющие кости;
И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану –
Царевичу: «Теперь, Иван-царсвнч.
Пришла пора друг друга нам ПОКИНУТЬ;
Я верю и правдою донине
Тебе СЛУЖИЛ, и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду: здесь же на прощанье
ХОЧУ тебе совет полезный дать:
БУДЬ осторожен, люди злы: и братьям
Родным не верь. Молю усердно Бога.
Чтоб ты домой доехал без беды
II чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван-
Царевнч». С этим словом Волк исчез.
Погоревав о нем, Иван-парсвпч.
С царевною Влсною на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дале
Поехал на коне Золотогриво,
II ехали они дня три, четыре:
II вот. подъехавши к границе царства.
Где властвовал премудрый царь Демьян
Данилович, увидели богатый
Шатер, разбитый на лугу зеленом:
II из шатра к ним выпы и... кто же? К.шм
и Петр царевичи. Иван-царевич
Был встречею такою несказанно
Обрадован; а братьям в сердце зависть
Змеей вiio.i3.ia, когда они жар-птицу
С царевною Вленон у Ивана-
Царевича увидели в руках:
Была им мькмь несносна показаться
Вез ничего к отцу, тогда как брат
Меньшей воротится к нему с жар-птпцеп.
С прекрасною невестой и с конем
Золотогривом, и еще получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрет, и все возьмет в наследство.
II вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласили
Они в шатер свой отдохнуть Ивана-
Царевича с царевною Влсною
Прекрасною. Вез нодозреньи оба
Вошли в шатер. Иван-царсвнч, долгой
Дорогой утомленный, лег и скоро
Заснул глубоким сном; того и ждали
Злодеи братья: мигом острый меч
Они ему вонзили в грудь, и в поле
В го оставили, п. взяв царевну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправилпся в путь.
Л между тем, недвижим, бездыханен.
Облитый кровью, на поле широком
Лежал Иван-царевич. Так прошел
Весь день; уже склоняться начинало
Иа запад солнце; поле было пусто:
II уж над мертвым с черным вороненком
Носился, каркая и распутивши
Широко крылья, хищный ворон. – Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый

Волк: он, беду великую почуяв.
На помощь подоспел; еще 6 минута.
И было 6 поздно. Угадав, какой
1>м.1 умысел у ворона, он да.1
К чу на мертвое спуститься те.ю:
II ТО.II.КО тот спустился, ралом пан
В го аа хвоят; закаркал старый ворон.
«Нусти мена на волю, Серый Волк», –
Кричал он. – «Не пушу. – тот отвечал, –
Пока не принесет твои вороненок
Живой и мертвой мне воды!» И ворон
Велел лететь скорее вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво
Стал разговаривать, и старый ворон
Довольно мог ему порассказать
О том, что он видал в свой долгий век
Меж птиц и меж людей. II слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк,
И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, все за хвост
Вго держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой н мертвой
В двух пузырьках проворный вороненок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошел
К лежавшему недвижимо Ивану –
Царевичу: сперва его он мертвой
Водою вспрыснул – и в минуту рана
Вго закрылася, окостенелость
Пропала в мертвых членах, заиграл
Румянец на щеках; его он вспрыснул
Живой водой – и он открыл глаза,
Пошевелился, потянулся, встал
II молвил: «Как же долго проспал я?»
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван-
Царевич, – Серый Волк сказал. – когда
Не я: теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай.
Последняя; отныне о себе
Заботься сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев братьев нет уж боле4
На свете; нм могучий чародей
Кощей бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навел
На ваше царство сон: и твой родитель,
И подданные все его теперь
Нспробудпмо спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конем Золотогривом
Похитил вор Кощей; все трое
Заклочены в его волшебном замке.
Но ты. Иван-царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кощей над нею власти никакой
Иметь не может: сильный талисман
Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя: ее избавит только смерть
Кошеева; а как найти ту смерть, и я
Того не ведаю; об этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, темном лесе

В седом, глухом бору живет в избушке
На курьих ножках; в этот лес еще
Никто следа не и рол а га л: в него
Ни дикий зверь не заходил, ин птица
Не залетала. Разъезжает ваба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою заметает. От нес
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,
Как смерть Кощееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдешь
Коня, который привезет тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе
Я тс». Ступай отсюда на восток;
Придешь на .IVГ зеленый: посреди
К го растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь
С козьи ом; за то козьи о ты подыми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями заперт
Конь богатырский; сам из подземелья
К тебе* он выбежит: того коня
Возьми и с ВОГОМ поезжай; с дороги
Он не собьется. Ну, теперь прости,
Иван-царсвнч; если Бог велит
С тобой нам свидеться, то это будет
Не иначе, как у тебя на свадьбе».
II Серый Волк помчался к лесу; вслед
За ним смотрел Иван-царевич с грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернулся.
В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван-царсвнч,
Оборотившись на восток лицом.
Пошел вперед. Идет он день, идет
Другой; на третий он приходит к лугу
Зеленому; на том лугу три дуба
Растут? меж тех дубов находит он
Чугунную с кольцом железным дверь:
Он подымает дверь; под тою дверью
Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ипм внизу
Другая дверь, чугунная ж, и крепко
Она замком висячим заперта.
II вдруг, он слышит, конь заржал: и ржанье
Так было сильно, что, с петлей сорвавшись.
Дверь наземь рухнула с ужасным стуком:
II видит он, что вместе с ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунных.
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван-царевич свистнул;
Почувяв седока, на молодецкий
Свист богатырский конь из стоила прынул
И прибежал, легок, моим, красив.
Глаза как звезды» пламенные ноздри.
Как туча грива, словом, конь не кош.,
А чудо. Чтоб узнать, каков он сплои,
Пван-нарсвпч по спине его
Новел рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошатнулся.
Но устоял, копыта втиснув в землю;
И человеческим голосом Ивану-
Царевичу сказал он: «Добрый витязь,
Иван-паревнч, мне такой, как ты.
Седок и надобен; готов тебе
И верю и правдою служить;
Садняя на меня и с Богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги

Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван-паревнч в двух словах коню
Все объяснил и, севши на него.
Прикрикнул. И взвился могучий конь,
От радости заржавши, на дыбы;
Вьет по крутым бедрам его седок:
И конь бежит, под ним земля дрожит:
Несется выше он дерев стоячих,
Несется ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
II застиляет узкий дол хвостом.
II грудью все за грады пробивает,
Летя стрелой и легкими ногами
Выл и ночки к земле не пригибая.
Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день нслын, наконец
Конь утомился, пот с пего бежал
Ручьями, весь был окружен, как дымом.
Горячим паром он. Иван-паревнч,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом:
Уж было под вечер; широким полем
Иван-паревнч ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
Два Лешаи дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Пван-царсвнч
Подъехавши, спросил: «За что у вас,
Ребята, дело стало?» – «Вот за что, –
Сказал одни. – Три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка – нас же двое?
Как поровну нам разделиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человек; подан совет нам.
Как поступить?» – «А вот как, – им Иван-
Царевич отвечал. – Пушу стрелу,
А вы за ней бегите: с места ж. где
Она на землю упадет, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто первый
Здесь будет, тот возьмет себе на выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» – «Согласны», – закрпча
Рогатые; и стали рядом. Лук
Тугой свой натянув, пустил стрелу
Иван-царсвнч: Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иван-царсвнч, взяв под мышку
И скатерть, и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку.
Стал невидим и сам. и конь и дале
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку
Иль помириться. Богатырский конь
Поспел еще до захождеиья солнца
В дремучий лес, где обитала Ваба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных
Дубов и сосен, тускло освещенных
Зарей вечернею; и все в нем тихо:
Деревья все. как сонные, стоит.
Не колыхнется лист, не шевельнется
Былинка: нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, пи птицы
Между ветвей, ни в травке червяка;
Лишь слышится в молчанье повсеместном

Гремучий топот конский. Наконец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне
Стань передом». И перед ним избушка
Перевернулась; он в нее вошел;
В дверях остановись, перекрестился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился н, глазами
Избушку всю окинувши, увидел,
Что на полу ее лежала Баба
Яга, уперши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: «Фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
До этих нор не слыхано слыхом.
Пе видано видом, а нынче русский
Дух уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иваи-царсвнч?
Неволею иль волею? Доныне
Здесь ни дубравный зверь не проходил.
Ни птица легкая не пролетала.
Ни богатырь лихой не проезжал;
Тебя как во г сюда занес, Иван-
Царевич?» – «Ах, безмозглая ты ведьма! –
Сказал Иван-царсвпч Бабе
Яге. – Сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мне. да выспаться мне дай.
Потом расспрашивай». И тотчас Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана-
Царевича как следует обмыла
И выпарила в бане, накормила
И напоила, да п тотчас спать
В посте.по уложила, так примолкни:
«Спи, добрый витязь; утро мудренее.
Чем вечер; здесь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду ж свою расскажешь
Мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван-паревнч, Богу помолясь,
В постелю лег и скоро сном глубоким
Заснул и проспал до полудня. Вставши,
Умывшнся, одевшняя, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
Заехал к ней в дремучий лес; и Баба
Яга ему ответствовала так:
«Ах! добрый молодец. Иван-царсвнч.
Затеял ты нешуточное дело:
По не кручинься, все уладим с Богом;
Я научу, как смерть тебе кощя
Бессмертного достать; изволь меня
Послушать: на море на Окнанс,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим старым дубом
Зарыт сундук, окованный железом:
В том сундуке лежит пушистый заяц:
В том зайце утка серая сидит;
А в утке той яйцо: в яйце же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощею, а когда
В его приедешь замок, то увидишь,
Что змей двенадцатиголовый вход
В тот замок стережет; ты с этим змеем
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уймет.
А ты, надевши шапку-иевнднмку.
Иди прямой дорогою к Кощею
Бессмертному; в минуту он издохнет,

Как скоро ты при нем яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назад
Поедешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь их игрою только твой родитель
Демьян Данилович и вее его
Заснувшее с ним вместе государство
Пробуждены быть могут. Ну, теперь
Прости. Иван-царсвнч: Вог с тобою:
Твой добрый конь найдет дорогу сам:
Когда ж свершишь опасный подвиг свой.
То и меня, старуху, помяни
Не лихом, а добром». Иван-царевич.
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился.
По-молодецки свистнул, конь помчался,
И скоро лес дремучий за Иваиом-
Царевпчем пропал вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
Па крас* неба море Окнан.
Вот прискакал и к морю Окпану
Иван-царсвнч. Осмотрясь, он видит.
Что у моря лежит рыбачий невод
И что в том неводе морская щука
Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: «Иван-
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я прпгожуся».
Иван-царсвнч тотчас просьбу щуки
Исполнил, и она, хлестнув хвостом
В знак благодарности, исчезла в море.
Л на море глядит Иван-царевич
В недоумении: на самом крае.
Где небо с ним как будто бы слилоя.
Он видит, длинной полосой остров
Буян чернеет; он и недалек:
Но кто туда перевезет? Вдруг конь
Заговорил: «О чем, Пван-царевнч,
Задумался? О том ли, как добраться
Нам до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебе корабль: сиди
На мне, да крепче за меня держись.
Да не робей, и духом доплывем».
II в гриву конскую Иван-царевич
Рукою впутался, крутые бедра
Коня ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, расказакавшись, прынул
С крутого берега в морскую бездну:
На миг и он и всадник в глубине
Пропали; вдруг раздвину ласи с шумом
Морская зыбь, и вынырнул могучий
Конь из нея с отважным седоком:
II начал конь копытами и грудью
Вить по кодам и волны пробивать,
II вокруг него кипела, волновалась,
II пенилась, н брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками.
Под крепкие копыта загребая
Кругом режущую волну, как легкий
На парусах корабль с попутным ветром,
Вперед стремился конь, и длинный след
Шипящею бежал за ним змесою:
И скоро он до острова Буяна
Доплыл н на берег его отлогий
Из моря выбежал, покрытый псііоіі.
Не стал Иван-паревнч медлить? он.
Коня пустив по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошел поспешным шагом к дубу,

который рос у берега морского
На высоте муравчатого холма.
И. к дубу подошед, Нвал-нарсвнч
Вго шатнул рукою богатырской,
По крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул – дуб скрип ну л; он
Еще шатнул его и посильнее.
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван-паревнч
Всей силою рванул его – и с треском
Он повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, поднялся.
II там. где ими дуб впивался в землю.
Глубокая открылась яма. В ней
Пван-царсвнч копаным о иду к
Увидел; тотчас тот сундук па ямы
Он вытащил, висячий сбил лачок.
Ваял ла уши лежавшего там зайца
И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из пего
Вдруг выпорхнула утка; быстро
Она взвилась н полетела к морю?
В нее пустил стрелу Иван-паревнч,
И метко так, что пронизал ее
Насквозь; закрикав, кувырнулась утка:
И пз нее вдруг выпало яйцо
И прямо в море; н пошло, как ключ,
Ко дну. Иван-царсвнч ахнул: вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на воде, потом юркнула.
Хлестнув хвостом, на дно, потом опять
Всплыла н, к берегу с я Ином во рту
Тихохонько прнблнжась. на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван-царсвнч.
Что я тебе в час нужный пригодилась».
С сим словом щука уплыла. Пван-
Царевпч взял яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твердый берег
Вго обратно перенес. И дале
Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кошеев замок был; ее подошва
Обведена была стеной железной;
И у ворот железной той стены
Двснадцатпголовый змей лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днем
И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
Не смел; змей подымался, н от зуб
Его уж не было спасенья – он
Был невредим и только еам еебя
Мог умертвить: чужая ж сила сладить
С ним никакая не могла. Ко конь
Был осторожен; он подвез Икана-
Царскнча к горе со стороны.
Противной воротам, в которых змеи
Лежал и караулил: потихоньку
Иван-паревнч к шапкс-нсвндимкс
Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь.
И. сном объятые, храпели. Тут
Иван-паревнч. подтолкнув дубинку.

Висевшую спокойно на седле.
Шепнул ей: «Начинай!» Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла.
На змея кинулась, и ну его
По головам и спящим и не спящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Вго себе колотит да колотит:
Лишь только он одну разинет пасть,
Чтобы ее схватить – ан нет, прошу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб ее
Поймать, – она но всем его зубам.
Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взыв
И все носы наморщив, он зажмет
Все рты и лапами схватить дубинку
Попробует – она тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам:
Змеи к исступлению, как одурелый,
Кидался, выл. кувыркался, от злости
Дышал огнем, грыз землю – все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно.
Без промахов, над ним свою дубинка
Работу продолжает, н его,
Как на ТОКУ усердный иен, молотит:
Змеи наконец озлился так, что начал
Грызть самого себя п, когти в грудь
Себе вдруг запустив, рванул так сильно.
Что разорвался надвое п. с визгом
Па землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мертвым продолжать
Свою, как над живым, хотела: по
Пван-царсвпч ей сказал: «Довольно!»
И вмиг она, как будто не бывала
Ни в чем, повисла на седле. Пван-
Царевнч, у ворот коня оставив
II разостлавши скатерть-самобранку
У ног его, чтоб мог усталый конь
Наесться и напиться вдоволь, сам
Пошел, покрытый шапкой-невпднмкой,
С дубинкою на всякий случай и с яйцом
В Кощеев замок. Трудновато было
Карабкаться ему на верх горы:
Вот наконец добрался и до замка
Кощеева Иван-царевич. Вдруг
Он слышит, что в саду недалеко
Играют гусли-самогуды: в сад
Вошедшн, в самом деле он увидел,
Что гусли на дубу висели и играли
II что иод дубом тем сама Елена
Прекрасная сидела, погрузившись
В раздумье. Шапку-невидимку снявши.
Он тотчас ей явился и рукою
Знак подал, чтоб она молчала. Ей
Потом он на ухо шепнул: «Я смерть
Кощееву принес; ты подожди
Меня на этом месте; я с ним скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уедем». Тут Иван-
Царевич, снова шайку-невидимку
Надев, хотел идти искать Кощея
Бессмертного в ого волшебном замке,
По он н гам пожаловал. Нрнблнжась.
Он стал перед царевною Еленой
Прекрасною п начал попрекать с и
Ее печаль и говорить: «Иваи-

Царсвпч твои к тебе уж не придет:
Его уж нам не воскресить. По чем же
Я не жених тебе, скажи сама.
Прекрасная моя царевна? Полно ж
Упрямиться, упрямество не поможет;
Па рук моих оно тебя не вырвет:
Уж я...» дубинке ТУТ шепнул Пван-
Царевнч: «Начинай!» II принялась
Она трепать Кощею спину. С криком,
Как бешеный, коверкаться и прыгать
Он начал, а Иван-царсвнч, шапки
Не сняв, стал приговаривать: «Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему,
Собаке: не воруй чужих невест;
Не докучай своюю волчьей харей!
II глупым сватовством своим прекрасным
Царевнам; алого сна не наводи
На царства! Крепче беи его. дубинка!» –
«Да где ты! Покажись! – кричал Кощей. –
Кто ты таков?» -- «А вот кто!» – отвечал
Нван-царевпч, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж мгновенье
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощен бессмертный
Перекувырнулся и околел.
Иван-царсвнч из саду с царевной
Еленюю Прекрасной вышел, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились
И, секши на коней, к обратный путь
Поехали, гора, ужасно затрещав.
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго черный
Над ним клубился дым. распространяясь
Но всей окрестности с великим смрадом.
Тем временем Иван-царсвнч, дав
Коням на в о. по их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрасной
Невестой ехал. Скатерть-самобранка
Усердно им дорогою служила,
II был всегда готов им ВКУСНЫЙ завтрак.
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень
Иод деревом густовершинным, ночью
Под шелковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. II за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды: ночью
Светила им жар-птица, а дубинка
Стояла на часах перед шатром:
Кони же. подружись, гуляли вместе.
Каталнея по бархатному лугу.
Или траву росистую щипали.
Иль, голову кладя поочередно
Друг другу на спину, спокойно спали.
Так ехали они путем-дорогой
II наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана-
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. II царство все. от самых
Вго грании до царского дворца.
Объято было сном ненробудным;
II где они ни проезжали, вес
Там спало; на поле перед сохой
Стояли спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой

Дороги спал ездок с конем, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижимым клубом
Стояла; в воздухе был мертвый сон;
На деревьях листья дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы:
В селеньях, в городах вес» было тихо.
Как будто в гробе: .поди по домам.
На улицах, гуляя, сидя, стоя,
И е ними всё: собаки, кошки, куры,
В конюшнях лошади, в закутах овцы,
И мухи на стенах, и дым в трубах –
Все спало. Так в отцовскую столицу
Иван-царевич напоследок прибыл
С царевною Еленюю Прекрасной.
И, на широкий въехав парс кии двор.
Они на нем лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Петр
Царевичи, убитые кощею.
Иван-царсвнч, мимо караула.
Стоявшего в параде сонным строе»м,
Проход, по лестнице повел невесту
В покои царские. Выл во дворце».
По ему чаю прибытия двух старших
Царевых сыновей, богатый пир
В тот самый час. когда убил обоих
Царевичей и сон на веек народ
Навел кощен: весь пир в одно мгновенье
Тогда заснул, кто как сидел, кто как
Ходил, кто как плясал; и в этом сне
Еще их всех нашем Икан-царсвнч;
Демьян Данилович спал стоя; подле
Царя храпел министр его двора
С открытым ртом, с ископченным во рту
Докладом; и придворные чины,
Веч» вытянувшись, сонные стояли
Перед царем, уставив на него
Свои глаза, потухшие от сна,
С подобострастием на сонных лицах,
С заснувшею улыбкой на губах.
Икан-царсвнч, подошед с царевною
Еленюю Прекрасною к царю.
Сказал: «Играйте, гусли-самогуды»;
И заиграли гусли-самогуды..
Вдруг все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало: словно
Пи па минуту не был прерван пир.
Л парь Демьян Данилович, увидя.
Что перед ним с царевною Еленюю
Прекрасною стоит Иван-паревнч.
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал.
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки к боки, и пошел плясать
С царевною Еленюю Прекрасной.
Потом он приказал стрелять из пушек.
Звонить к колокола и бирючам
Столице возвестить, что возвратился
Иван-царевич, что ему полцарства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак его
С царевною Еленюю свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь своп народ зовет
Па свадьбу к сыну, всех военных, статских.
Министров, генералов, всех дворян

Богатых, всех дворян мелкопоместных.
Купцов, мещан, простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повел Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленья
Им принесли все знатные чины
Обоих иолов; а народ на площади
Дворцовой тон порою кипел, как морс;
Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
«Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном –
Царевичем и с дочерью царевной
Еленю Прекраснон!» вес зданья
Столицы дрогнули и от взлетевших
На воздух шапок Кожин день затмился.
Вот на обед все званые царем
Сошлись гости – вся его столица;
В домах осталнея одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
С вое проворство с кате рт ь-са м с >б ра и к а
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись;
На всех столах сервиз был золотой.
И не стекло, хрусталь; а под столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всем гостям служили
Гепдукп в золотых ливреях. Выл
Обед такой, какого никогда
Никто пе слыхивал: уха. как жидкий
Янтарь, сверкавшая в больших кастрюлях:
Огромножнрныс, длиною к сажень
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах? кулебяка с сладкой
Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаною, блины е икрою свежей
И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
Л для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мед
Душистый н вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера.
И ренское, и всякие наливки –
Короче молвить, скатерть-самобранка
Так отдпчпдася, что было чудо.
Но н дубинка не лежала праздно:
Вся гвардия была за царский стол
Приглашена, вся даже городская
Полиция – дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила
Но улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто еіі пьяным попадался.
Того она толкала в спину прямо
На съезжую; кого ж в пустом где доме
За кражею она ловила, тот
Выл так отшлепан, что от воровства
Навеки отрекался и вступал
В путь добродетели – дубинка, еловом.
Неимоверные во время пира
Царю, гостям н городу всему
Услуги оказала. Между тем
Все во дворце кипело, гости ели
И пили так. что с их румяных лиц
Катился пот; тут гуслп-самогуды

Явили все усердие свое:
При них не нужен был оркестр, и гости
Уж музыки наслышались такой.
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда, наполнив
Вином заздравный кубок, царь Демьян
Данилович хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным, громко
На площади раздался трубный звук:
Все изумились, все оторопели;
Царь с молодыми сам идет к окну,
И что же их является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет;
И та карста золотая; козлы
С подушкою и бархатным покрыты
Наметом: назади шесть гонду ков;
Шесть скороходов по бокам: ливреи
На них из серого сукна, по швам
Вагоны: на каретных дверцах герб:
В червленом поле волчий хвост под графскою
Короной. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: «Да это
Мои благодетель Серый Волк!» Вго
Встречать бегом он побежал. II точно.
Сидел в карете Серый Волк: Иван-
Царевич. подскочив к карете, дверны
Сам отворил, подножку сам откинул
II гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, ваял его за лапу,
Ввел во дворец и сам его тцпо
Представил. Серый Волк, отдав поклон
Царю, осанисто на задних лапах
Всех обошел гостей, мужчин и дам,
II веет, как следует, по комплименту
Приятному сказал; он был одет
Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, иод морду лентой
Подвязанная; шелковый платок
На шее: куртка с золотым шитьем:
Перчатки лайковые с бахромою:
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьянные на задних лапах туфли,
И на хвосте серебряная сетка
С жемчужной кистью – так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхождением
Очаровал; не только что простые
Дворяне маленьких чинов и средних.
Но и чины придворные, статс-дамы
И фрейлины вес были от него
Как без ума. И, гостя за столом
С собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок стукнул
И возгласил здоровье новобрачным,
II пушечный заздравный грянул залп.
Пир царский и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жар-птицу на балконе
В ее богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и площадь.
И улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила.
II до утра столица пиновала,
Был ночевать оставлен Серый Волк:
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном-

Царевичем, его Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житье, и уверял.
Что всякую получит почестъ он.
Что но дворце дадут ему квартиру.
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом вес получит ордена,
II прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану-
Царевичу дал лапу, и Иван-
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. II во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк. –
Вот наконец, по долгом, мирном, славном
Владычестве, премудрый царь Демьян
Данилович скончался, на престол
Взошел Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Доотпгнул, и Господь благословил
Их многими детьми; а Серый Волк
Душою в душу жил с царем Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними.
Меньшим рассказывал нередко сказки.
Л старших выучил читать, писать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовал премудро.
II царь Иван Демьянович скончался;
За ним последовал и Серый Волк
В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всем,
Что на своем веку в лесу и свете»
Заметил е>и, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.
ПОВЕСТЬ ОБ ИОСИФЕ ПРЕКРАСНОМ

I.
Паков жи.1 в земле, где Исаак
Его отей жил прежде; в Хапанеііекоіі
Земле богатой; сыновья его
Пасли в горах обильные стада.
Меж ними самым младший был Иосиф.
Он родился Иакову иод старость,
И боле всех любил его отей.
Он пеструю одежду дал ему
И веселился, видя красоту
Его липа. А братьям было то
Завидно; в сердце их кипела
Вражда к Иосифу; и никогда
Они приветственного слова брату
Не говорили. Раз приснился сои
Ему – и братьям рассказал Иосиф
Тот сои. Послушайте, он говорил,
Привиделось мне, что будто все
Мы в ноле; будто все мы вяжем
Снопы; вдруг сноп мой поднялся, а ваши
Перед моим, как будто поклоняясь
Ему, легли. На это братья все
Сказали: видно, хочешь ты над нами
Господствовать и нашим быть царем.
II более с тех нор его они
Возненавидели. Потом ему
Опять приснился сон. Его отцу
II братьям рассказал Иосиф: мне
Привиделось, что солнце и луна
С одиннадцатью светлыми звездами
° Мне поклонились. Но отец ему
Велел умолкнуть, говоря: что может

Твой сон знаменоватъ? Иль мыслишь ты,
что и отец, и мать, и братья в землю
Тебе поклонятся? И братья пуще
Против него за этот чудный сон
Озлобились: отей же про себя
К го слова на памяти сберег.
И скоро братия на ноля Снчсма
Отцовские стада перевели.
Тогда, призвав Иосифа. Паков
Ему скааал: твои все братья ныне
В Снхеме (на) лугах стада моих
Овец пасут; поди, мой сын Иосиф,
Туда, проведай, здравствуют ли братья
И овны: и об них мне принеси
Известие. Покинувши долину
Хевронскую, пошел в Сихем Иосиф.
Он не нашел там братьев; но ему.
Искавшему их, человек
Прохожий встретился и у него
Спросил: кого ты ищешь? Он ему
Сказал в ответ: ищу своих я братьев.
И тот ему ответил: я слышал
Их говорящих здесь: мы в Дофанм
Пойдем отсюда. – И за ними вслед
Пошел Иосиф в Дофанм, и их
Нашел он в Дофанмс. Издали
Увидевши идущего его.
Они сказали: вот идет сновидец.
И замысл погубить его их сердце
Проник. Друг другу так они сказали:
Когда придет он, мы убьем его
И бросим тело в этот водоем
И скажем, что его съел дикий зверь.
Тогда увидим, сбудется ли сон,
Которым хвастал он! Услышав их
Слова, Рувим, чтобы из рук их брата
Спасти, им так сказал: не убивайте
Вго на вашу душу; рук своих
Не обагряйте кровью; а живого
Вго спустите в этот водоем
И там оставьте. Так он говорил,
А в тайне был намерен отвести
К го к отцу. Когда ж к ним подошел
Их брат Иосиф, пеструю с пего
Одежду смявши, в водоем они
К го спустили; был тот водоем
Глубок, но бел воды. Потом все вместе
Обедать начали. Но в это время.
Подняв глала. увидели они
Толпу людей. Израильтяне шли
Ил Галаада: па своих верблюдах
Коренья пряные, бальзам и мирру
Они везли в Египетскую землю.
Увидев их, сказал Иуда братьям:
Какая польза будет нам, когда
Его мы умертвим; он наша кровь.
Он брат наш; лучше продадим его
Купцам нзманльтянскнм. Вратьям этот
Совет понравился. Когда ж купцы
Приблизилась, они, из водоема
Иосифа немедленно извлекши.
Его за двадцать золотых монет
Купцам тем продали; и ими он
Выл уведен в Египетскую землю.
Когда ж Рувим, который не случился
При этом торге, ввечеру пришел
К пустому водоему, чтоб оттуда
Взять брата, в водоеме брата он

Уж не нашел: свою от скорби ризу
С себя сорвав, он начал горько плакать
II говорил: я брата не нашел!
Куда теперь пойду я! – Те же, взяв
Нос нфову ризу н козленка
Зарезав, кровью облили ее
И повелели отнести ту ризу
К Иакову и так ему сказать:
Вот что нашли в лесу мы! посмотри.
Не риза ли, которую ты дал
Иосифу? – Иаков посмотрел
II во мгновение в лоскуте кровавом
Он пеструю Иосифову ризу
Узнал. И он воскликнул: это платье
Иосифа; а верь лютый съем ого!
Иосифа похитил лютый звери!
II пеплом голову свою Иаков
Осыназ, и сорвал с себя одежды.
II вретнщем облекся; п о милом
Иосифе дни многие он плакал.
II сыновья, и дочери отца
Сошлнся утешать; но утешенья
Не принимал он и твердил: хочу
Я в землю! к милому хочу я сыну!
II об Иосифе без утешенья
Паков плакал. А Иосиф был
В Египте далеко. В Египте был он
Нснтефрню, евнуху фараона.
Израильтянскими купцами продан.
II.
Но был с Иосифом Господь. II в доме
Пентефрня он жил благополучно.
Понеже знал Пснтефрип, что Господь
Иосифу успех во всяком деле
Ниспосылал, и в милости великой
У господина был Иосиф: вверил
Ему весь дом свои, все свои поля
II вес свое имущество Пснтефрип.
И водворил свою щедроту ради
Иосифа в Пентефрневом доме
Господь. Но восхотел он напоследок
Иосифа подвергнуть испытанью
II допустить благоволил, чтоб в сердце
Пентефрневом злою клеветой
Против Иосифа великий гнев
Выл возбужден. И гневом ослепленным
Иосифа Пснтсфрпн повелел
В темницу заключить, где содержались
Царевы узники. Но и в беде
Великой был Иосиф сердцем весел
Пред Господом. И был во мгле темничной
Господь с Иосифом. Перед темничным
Старом III и мок) дал ему свою
Ом милость; м возлюбил его
Старейшина темнимы: скоро
Ему надзор за узниками всеми
Он вверил: и его главой поставил
Над стражами другими, – и над всею
Темницей царскою – и было все
В руках Иосифа: понеже был
С Иосифом Господь его отцов.
III.
Случплося тогда, что фараона
Прогневали и ijarckiiii виночерпии.
И царский хлебодар. Их царь велел
Окованных в темницу заключить.
Темница же та самая была,
В которой столько времени томился

Иосиф. И старейшина темничный
Ему в надзор обоих вверил знатных
Царевых узников. В ОДНУ ИМ НОЧЬ
Тревожные прпвнделнея сны.
Когда пришел поутру к ним Иосиф.
Увидел он, что были оба мрачны.
II он спросил их: отчего такое
Уныние на ваших бледных лицах?
Они сказали: видели мы сны,
Их знаменье тревожит нас. Иосиф
Ответствовал: нам сны от Бога. Что ж вам
Приснилось? – Я видел, так сказал
Великий виночерпий, будто я
Стою перед лозою виноградной.
Что та лоза три отрасли пустила,
Что зрелые на ней висели грозды,
Что в правой я руке цареву чашу
Держал, а левою рукой давил
В нее царю душистый сок из гроздьев.
II виночерпию сказал Иосиф:
Три на лозе отростка значат три дня:
По пстеченьп трех дней вспомнит царь
Тебя, и ты по-прежнему возвышен
В свои знатный будешь еан; и будешь в пирс
По-прежнему как царский виночерпий,
Напиток подносить парю. Когда же
То сбудется с тобою, помяни
При счастии меня н сотвори
Со мною мн.юсть: извлеки из мрака
Меня темничного, где заключен
Я. никакого зла не сотворивши.
То слыша, в свой черед и хлебодар
Иосифу сказал: а мне приснилось,
Что будто я на голове нес три
Корзины с царским хлебом, что отвеоду
Слетелись птицы, что они обсели
Корзины и что весь расклеван ими
Выл царский хлеб. На то сказал Иосиф:
Пройдет три дня, и Фараон велит
Твою взять голову, и ты на древе
Повешен будешь, и слетятся птицы
И расклюют твой труп. Три дня прошли,
II праздновал свое рожденье царь
II пригласил в свои палаты всех
Вельмож на пир великий; вспомнил он
О виночерпии и повелел
Ему опять вступить в высокий еан свой.
II стал опять в цареву руку чаши
С вином он подавать. А хлебодар
Как предсказал ему Иосиф, был
На третий день казнен. По виночерпий
Об узнике Иосифе забыл,
И надолго в темнице он остался.
IV.
Два года протекли. Вдруг царь встревожен
Выл чудным сном. Прпснплося ему,
Что при реке стоял он, и что семь
Корок больших, красивых, тучных, вышли
Из той реки и стали на прибрежном
Л\гу пастись, и злаками питались.
Что из роки другие семь коров
Ужасных видом, злых и тощих, вышли
И бросились на первых, и сожрали
Их всех, и от того их чрево стало
Пустей, чем было прежде. II в испуге
Проснулся парь; но скоро он опять
Заснул, п сон другой ему приснился.
Он видел семь колосьев, на одном

Растущих стебле, и колосья были
Полны прекрасных, крупных зерен; вдруг
Другие семь сухих, пустых колосьев,
Меж первыми, на том же стебле вышли,
И жирные колосья были разом
Бесплодными поглощены. В испуге
Опять проснулся царь; и он уж боле
Заснуть не мог. В его душа смутилась.
Когда ж настало утро, он велел
Созвать гадателей и мудрецов,
Дабы они ему истолковали
Значенье сна. Но ни одни не мог
В его истолковать. Тут виночерпий
О юноше, с которым был он заперт
В темнице, вспомнил и сказал царю:
Я тяжко согрешил, великий царь,
Я за добро, оказанное мне.
Неблагодарностью воздал жестоко.
Мы были, я и хлебодар, твои
Рабы, заключены по коле царской
Твоей в темницу; там мы были сном.
Как ныне ты, утрачены. В темнице ж
Выл с нами юноша, еврей, невольник
Пентефря, вельможи твоего.
Он наши сны истолковал, и все
Нам сказанное нам сбылось: я
Тобой был помилован; а царский
Твой хлебодар тобой был предан казни. –
II повелел представить фараон
К себе Иосифа. Выл изведен
Из мрачной он темницы: был омыт.
Благоухающим натерт смеем,
Очищен, в ризу новую одет,
II так его представили царю.
II царь сказал: я видел сон, но мне •
Кто никто истолковать не может.
Ты, говорят, пророчесственным духом
Исполнен. – Я, отвечивал Иосиф,
Ничто: один лишь Бог Всевышний может
Царю открыть в грядущем ало и благо.
II царь ему сказал: приснилось мне,
Что близ реки стоял я, и что вдруг
Из той реки семь добрых, тучных вышло
Коров и что за ними следом вышли
Другие семь коров, но злых и тощих,
II что последние сожрали первых
II от того страшней лишь отощали.
Потом я семь колосьев, на одном
Цветущих стебле, тучных и зернистых
Во сне увидел, и меж ними вдруг
На том же стебле семь других колосьев
Вес плодных выросли, и во мгновение
Бесплодные пожрали плодоносных.
Вот что приснилось мне. Я спросил
Гадателей и мудрецов; но сна
Из них никто не мог мне объяснить.
Тогда сказал Иосиф фараону:
В обоих снах одно знаменоснаиье;
Господь им хочет отворить
Перед тобой времен грядущих тайну.
II ныне знай, великий царь: семь тучных
Коров и семь колосьев полных значат
Семь лет обилия: а тощих семь
Коров и семь пустых колосьев семь
Голодных означают лет. Сперва
Семь лет во всей Египетской земле
Великое плодороденье будет;
Потом семь лет бесплодия настанет,

II голод всю Египетскую землю
Обымет, и во дни великих бедствий
О протонах благих забудут .поди:
II надлежит тому свершиться скоро.
Понеже ты двукратно видел сон.
Но послан он от Бога во спасенье
Тебе н всей Египетской земле.
Моими Он теперь тебе устами
Смиранными, парь мудрый, говорит:
Немедленно тобою должен быть
МУЖ многоопытным и мудрый избран:
Над всей землей Египетской его
Поставь н купно с ним назначь повсюду
Мсстоначалмшков. Пускай от всех
Земных плодов, в течение семи
Обильных лет, часть пятаю они
Сбирают н хранят по городам;
Пускай пшеницею и всяким житом
Запасные наполнятся амбары,
Дабы во дни обилия на дни
Бесплодия в Египетской земле
Соблюдено богатство пиши было.
Чтоб голодом народ твой не погиб. –
Так говорил перед царем Иосиф.
Царю н всем вельможам царским был
Его совет благой угоден. Царь
Помыслил: где и скоро ли найдется
Муж опытный н боговдохновенный,
II, обратясь к Иосифу, сказал он:
Могу ли я кого избрать премудрей
II опытней тебя? ты откровенье
Нрнял от Бога. Будь же ты отныне
В моем дому; веленьям уст твоих
Да покорятся все; одним престолом
Тебя я выше буду. Поставляю
Тебя над всей Египетской землей.
II сняв свой царский перстень, Фараон
Украшил им Иоспфову руку,
Облек его пурпурною одеждой,
Златую цепь надел ему на шею.
И повелел, чтоб в царской колеснице
По городу всему его вози. ! и
И чтоб пред ним шел царский провозвестник
Народу власть его провозглашать.
И властвовать в Египетской земле
Иосиф начал; юноша цветущий.
Из узника, забытого в темнице,
В единый миг он сделался могучим
Правителем Египетской земли,
Понеже был с Иосифом Господь.

V.

Семь первых лет роскошнейшую жатву
В Египетской земле давали нивы.
Выл собран там запас неисчислимый
Пшеницы, ржи н всех земных плодов.
По городам, в селениях, на поле,
Амбары полные сокровищ пивных
Бесчисленны стояли. II когда
Прошли семь лет обильных; и за ними
Семь лет бесплодных наступили – голод
По всей земле потоками разлился.
II возопил египетский народ
К царю в своей беде. Но царь народу
Ответствовал: к Иосифу идите,
Он даст вам пишу. II открыл Иосиф
Вес житницы. II не одни парод
Египетский от голода нашел в них
Спасение: из ближних и далеких

Земель во множестве стекаться стали
В Египет люди, и ценою малой
Из царского великого запаса
Иосиф хлеб им продавал. И вес
Премудрого Египетской земли
Правителя народы прославляли.

99

ЕГИПЕТСКАЯ ТМЛ

(Опыт подражания Библейской поэзии)

Велик, неизглаголанно велик
Твой суд. Господь!

Он в помешательство ввергает нечестивых.

Святой народ возмнил притеснить

Они, безумны, связанные тмою,

Опутанные долгой ночью.

Как беглецы под кровлею, они

Таились, мня укрыться

От вечной мудрости; иод мрачной нелепою

Забвения они укрыться мнили

С своими темными грехами...

И были вдруг великим трепетаньем

Проникнуты; отвеюду

Их несказанные виденья обступили;

В вертепах их все стало страшно:

Им слышались неведомые шумы;

И дряхлые призраки с грустным ликом

Смотрели им к глаза;

ИИ был огонь бессилен

Давать им свет; и звезды не могли

Рассеять мглу густой их ночи;

И лишь один невыразимый,

Самогорящий, страха полный огонь

Пред ними вдруг воспламенялся:

ИИ, вверженные в трепет

Страшилищем, которое и было

ИИ не было, они за ним

Страшнейшее живое мнили видеть.

ИИ были их волхвы не властны

Подать им помощь; кто ж из них пытался

Болящую их душу исцелить,

Был сам объят болезнью страха,

ИИ трепетал, и слышались ему

Звериный бег, змеиный свист,

ИИ в воздух он. которым тягостно дышал.

Боялся очи устремить...

В своем свидетельстве сама

Свое приемлет осужденье злора;

ИИ страх двойном рождает совесть.

Томимая виною сокровенной.

Тревожно вес тому, кто вору потерял

В спасенье, чье потенцию сердце:

Ему гроза грядущия беды

Ужаснее» самой беды наставшей.

И тем, которые в ту ночь

(Из адовых исшедшую вертепов)

Смятенным сном объаты были,

Мечталнея бегущие за ними

Страшилища; и силились напрасно

Они уйти:

На них лежал тяжелый ужас;

ИИ тот, на ком лежал тот ужас,

Как брошенный в темницу узник,

Выл скован без желез;

ИИ кто б он ни был, пахарь, иль пастух.

Иль делатель трудов пустынных,

От неизбежного не мог он убежать:

Все были вдруг

Опутаны одною цепью тьмы.

Свистал ли ветер, мимо пролетая,
Выл слышен ли в густых
Древесных сенях говор птиц,
Шумели ль быстро-люющиеся воды.
Иль гром от падающих камней был,
Или играющих животных
Течение, невидимое оку,
До слуха достигало,
Иль рык зверей пустынных раздавался.
Или из дебрей горных
Отзывный голос говорил –
Все в трепет их ввергало несказанный.
Небесный свет по всей земле сиял,
И каждый мог повсюду невозбранно
Свой труд дневной обычно совершать:
На них лишь темная лежала ночь.
Преобразитель той великой ночи.
Которой нет конца:
Но сами для ея они
Тяжело тмы, на них лежавшей, были.
СТРАНСТВУЮЩИЙ ЖИД
Он нее свои кроет тяжелый на Голгофу:
Он, Всемогущий, Вседержитель, был
Как человек измучен; пот и кровь
Но бледному в его лицу бежали:
Иод бременем своим Он часто падал,
Вставал с усилием, переводил
Дыхание, потом, шагов немного
Переступив, под ношею в его давившей.
Как плотоядный зверь свою добычу,
Нм схваченную, давит, падал снова.
И наконец, с померкшими от мук
Очами, Он хотел остановиться
У Агасверовых дверей, дабы,
К ним прислонившись, перевести на миг
Дыханье. Агасвер стоял тогда
В дверях. Вго он оттолкнул от них
Безжалостно, с глубоким состраданьем
К несчастному, столь чуждому любви.
И сетуя о том, что должен был
Над ним изречь как Бог свой приговор,
Он поднял скорбный взгляд на Лгагвсра
И тихо произнес: «Ты будешь жить.
Пока я не приду». И удалился.
И наконец Он пал под ношею совсем
Без силы. Крест тогда был возложен
На плечи Симона из Кириней, –
И скоро Он исчез вдали, и вся толпа
Исчезла вслед за ним. Все замолчало
На улице ужасно опустелой.
Народ вокруг Голгофы за стенами
В Иерусалимском столпился. Город
Ста.1 тих, как гроб. Один, оцепенелый.
В дверях своих недвижим Лгасвср
Стоял. И долго он стоя.к не зная,
Что с ним случил ося, чьи бы.ли тс
С.юва, которых каждый звук свинцовой
Буквой в мозг его был вдавлен, и там
спдс.1 испсторжпм, нс с.1ышсн уху.
Но страшно слышен в глубине души.
Вот наконец, вокруг себя обведши.
Как полусонный, очи, он со страхом
Заметил, что па Морнн, над храмом,
Чернел и ТУЧИ, с запада, с востока,
И с севера, н с юга, в одну густую
Слявшнсся тьму. Туда упер он
Испуганное око. Вдруг крест-накрест
Там молнией разрезался тьма;

Гром грянул, чудный отзыв в глубине
Святылища отвечивал ему,
Как будто там разорвалась завеса.
Еру салим затрепетал – и весь
Внезапно потемнел, лишенный соли у а;
II в этой тьме земля дрожала под ногами;
Из глубины ее был голос; было
Течение в воздухе бесплотных слышно;
Во мраке образы восставших
Из гроба, вдруг являсь, смотрели
Живым в паза. Толпами от Голгофы
Вежал народ, был слышен шум
Бегущих; но ужасно каждый про себя
Молчал. Тут Лгасвср, в смертельном страхе,
Очнувшись, исоглядкой побежал
Вслед за толпою от своих дверей,
Не зная сам куда, и в ной исчез.
Тем временем утих Вру салим.
Во мгле громадой безобразной зданья
Чернели. Жители все затворились
В своих домах, и все тяжелым сном
Заснуло. И вот над этой темной бездной
От ТУЧ. их затмевавших, небеса.
Уж полные звездами ночи, стали чисты:
В их глубине была невыразима
Пензглаголанная тишина,
II ел\х\ сердца слышал ося там.
Как от звезды к звезде перелетали
Их стражи – ангелы, с невыразимой
Гармонией блаженной, чудной вести. Прямо
Над Элеонскою гороіі звезда
Денницы подымалась. Агасвер,
Всю ночь по улицам Врусалнма
Бродив, терзаемый тоской и страхом.
Вдруг ОЧУТИЛСЯ за стенами града.
Перед Голгофой. На горе пустой,
На чистом небе, ярко три креста
Чернели. У подошвы темной
Горы был вход в пещеру, п великим камнем
Он был задвинут; и не вдали, как две
Недвижимые тени, в сокрушенье
Две женщины сидели, устремив
Глаза – одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя их, и камень.
II на горе кресты, затрепетал
Всем телом Лгасвср: почудилось ему.
Что грозный камень на него идет,
Чтоб задавить: и, как безумный.
Он побежал ко граду от Голгофы...
Есть остров: он скалою одинокой
Подъемлетя из бездны океана:
Вокруг него все пусто: беспредельность
Вод н беспредельность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, он кажется тогда
В сиянье дня уединенно-мрачным
Пустынником в лазури беспредельной:
В ночи ж, спокойным морем отраженный
Между звездами, в двух кругом него
Пучинах блещущими, он чернеет,
Как сумрачный отверженец созданья.
Когда ж на небе ТУЧИ, и море буря
II на него со всех сторон па бездны
Бросаются, как змеи, вихри воз и.
Л с неба мозннн в его бока
Вонзаются, их ребр не сокрушая.
Он кажется, в сем бое недвижимый.
Всемирного хаоса господином.

На западном поз небе знойно со.пї не
Горело, воздух ГУСТО без наполнен
Парами. В них как бы растаяв, солнце
Сливалось с ними, и весь запад неба,
II все под ним недвижимое море
Пурпурным янтарем сняли; было
Великое спокойствие в пространстве.
В глубокой думе, руки на груди
Крест-накрест сжав, он, вождь побед недавно
И страх парен, теперь царей колодник.
Сидел один над бездной на скале,
II на море – которое пред ним
Так было тихо п, весь пламень неба
В себя впивая всей широкой грудью,
Им полное, дыханьем несказанным
Вздыхалося – смотрел. Пред ним широко
Пустыня пламенная расстилалась.
С ожесточеньем безнадежной скорби.
Глубоко врезавшейся в сердце.
С негодованьем силы, вдруг лишенной
Свободы, он смотрел на этот хаос
Сияния, на это с небесами
Смявшееся морс. Там лежал
И самому ему уже незримый мир,
Им быстро созданный и столь же быстро
Погибший; а широкий океан,
Пред ним снявший, где ничто следов
Величия его не сохранило,
Терзал его обиженную душу
Бесчувственным величием своим.
С каким ого в своей тсмнинс влажной
Он лап и рал. II он е презреньем взоры
От бездны отвратил, и оком мысли
Перелетел в страну минувшей славы.
Там образы великие пред ним,
Сражении тени, призраки триумфов.
Как из-за облак огненные Альяв
Вершины, подымались; а в дали далекой
Звучал потомства нсумолкнын голое:
И мннлоси ему, что на пороге
Иного мира встретить ждут его
Величества всех стран и всех времен.
По в этот миг, когда воспоминаньем
В минувшем гордон мыслью он летал. – орем
Ширококрылый, от бездны мори быстро
Взлетев на высоту, промчался мимо
Вго скалы и в высоте пропал.
Вго полетом увлеченный, он
Вскочил, как будто броситься за ним
Желая в беспредельность; воли, воли
Вго душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орел исчез в глубоком небе. Тяжким
Свпнпом его полет непртсенпмый
На сердце пал ему? весь ужас
Вго судьбы, как голова смертельная Горгоны.
Ему предстал; все привиденья славы
Минувшей вдруг исчезли; и один
Постыдный, может быть – и долгий, путь
От тьмы тюремной до могильной, где
Ничтожество... II он затрепетал;
II всю ему проникло душу отвращенье
К себе п к жизни; быстрым шагом к краю
Скалы он подошел и жадным оком
Смотрел на морс, и оно его
К себе как будто звало, и к нему
В своих ползущих на скалу волнах
Бесчисленные руки простирало:

II уж его нога почти черту
Между скалой п пустотой воздушной
Переступила... В этот миг его
Глазам, как будто из земли рожденный.
На западе скалы, огромной тенью
Отрсызавшпсь от пламенного неба.
Явился некто, н необычайный.
Глубоко движущий всю душу голос
Сказал : «Куда, Наполеон!»... При этом зове,
Как околдованный, он на краю скалы
Оцепенел: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И с робостью, неведомом дотоле,
На подходящего он устремил
Глаза, и чувствовал с каким-то странным
Огголкновсньсм всей души, что этот
Пришелец для него н для всего
Создания чужой; но он невольно
Пред ним благоговел, его черты
С непостижимым сердца изумленьем
Рассматривал... К нему шел человек,
В котором вес не человечесье было:
Он был живой, но жизни чужд казался:
Ни старости, ни молодости в чудных
Вго чертах не выражалось: все в них было
Давнишнее, когда-то вдруг – подобно
Созданьям допотопным – в камень
Неумирающий и неживу шин
Преобращенное; в его глазах
День внешний не сиял, но в них глубоко
Горел какой-то темный свет,
Как зарево далекого сиянья;
Вкруг головы седые волоса
II борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, из серебра
Казались вылитыми: лоб
II щеки бледные, как белый мрамор.
Морщинами крест-накрест были
Изрезаны; одежда в складках тяжких,
Как будто выбитых из меди, с плеч
До пят подвижно падала: и нош
Его ими по ас им с, как бм в нее
Но упирайся. – Пришлой, нрнблнжась.
Па узника скалы вперил свои
Пронзительные очи и сказал:
«Куда ты шел и где б ты был. когда б
Мои голое вовремя тебя не назвал?
Не говорить с тобой сюда пришел я:
Пе может быть беседы между нами.
II мыслями меняться нам нельзя;
Я здесь не гость, не друг, не собеседник;
Я здесь один минутный призрак, голос
Без отзыва... Врачом твоей души
Хочу я быть – и перед нею всю
Мою судьбу явлю без покрывала;
В молчанье слушай. Участи моей
Страшнее не было, и ист. и быть
Не может на земле. Богооблпдчпк,
Проклятью преданный, лишенный смерти.
И, в смерти жизни, вечно по земле
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый, памятью о прошлом
Терзаемый, и в области живых живой
Мертвен, нм страшный и противный.
Не именующий здесь никого
Своим, и, что когда любил на свете.
Вес переживший, вес похоронивший,
Все пережить и все похоронить

Определенный; нет мне на земле
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настает, ночь настает, они
Без смены для меня; жизнь не проходит,
Смерть не приходит; пзмпенья нет
Ни в чем; передо мной немая вечность,
Окамсннкшая живое время;
И посреди собратий бытия,
Живущих радостно иль скорбно, жизнь
Любящих иль из жизни уводимых
Упокоитсльной рукою смерти,
СТИХОТВОРНЫЕ повкстп и СКАЗКИ
На этой братской трапезе создании
Мне места нет; хожу кругом трапезы
Голодным, жаждущий, – мена они
Не замечают; стражду, как никто
И сонный не страдал, – мое ж страданье
Для них не былъ, а вымысел давнишний.
Давно рассказанная детям сказка.
Таков мой жребий. Ты. быть может.
С презреньем спросишь у меня: зачем! же
Сюда пришел я, чтоб такой
Безумной басней над тобой ругаться?
Таков мой жребий, говорю, для всех
Вас, близоруких жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполне открою... Слушай.
Я – Лгасвср; не сказка Лгасвср,
Которою кормилппа твоя
Тебя в ребячестве пугала, – пет! о, нет!
Я Лгасвср живой, с костями, с кровью.
Текущей в жилах, с чувствующим сердием
II с помнящей минувшее душою;
Я Лгасвср – вот исповедь моя.
О нет! язык мой повторить не может
Живым, для слуха внятнм словом
Того, что некогда свершилось, что
В проклятие жизнь бедную мою
Прообратило, – имя Лгасвср
Тебе сказало все... Нет! в языке
Моем такого слова не найду я,
Чтоб то изобразить, что был я сам,
Что мыслилось, что виделось, что ныло
В моей душе и что в ночах бессонных.
Что в тяжком сне, что в привиденьях.
Пугавших въявь, мне чудилось в тс дни.
Которые прошли подобно душным.
Грозою полным дням, когда дыханье
В груди спирается и в страхе ждешь
Удара громового... в дни несказанной
Тоски и трепета, со дня Голгофы
Прошедшие!.. Еру салим был тих.
Но было то предтпшье подходящей
Веды; народ скорбел, и бледность лип,
Потупленность голов, походки шаткость.
И подозрительность суровых взглядов –
Все было знаменьем чего-то, страшно
Постигнувшего всех, чего-то. страшно
Постигнуть всех грозящего. Кругом
Еруеалнмскпх стен какой-то мрачный.
Неведомый во граде никому.
Бродил, и криком жалобным, на всех
Концах всечасно в граде слышным: «Горе!
От запада и от востока горе!
От севера и от полудня горе!
Еруеалнму горе!» – повторял.
А я из всех людей Еру салима
Был самый трепетный. В беде всеобщей

Мечталось мне. страшнейшая – моя.
Чудовище с лицом закрытым, мне
Еще неведомым, но оттого
Стократ ужаснейшим. Что Он сказал мне?
Я слов Его не постигал значенья:
По звуки их ни день, ни ночь меня
Не покидали; – яростью кипела
Вся внутренность моя против Него,
Который ядом слова одного
Так жизнь мою убил; я приговора
Его могуществу не верил: я
Упорствовал обманщика в Нем видеть:
Но чувствовал, что я приговорен...
К чему?.. Неведенья ужасный призрак.
Страшилище без образа, везде,
Куда мои глаза ни обращал я.
Стоял передо мной – н мучил страхом
Нейзглаголаным меня. Против
Обиженного мной и приговор мне
Одним, еще непонятым мной, словом
Изрекшего, п против всех Его
Избранников я был неукротимом
Исполнен злобой. Л они одни
Между людьми Вру салима бы.ш
Спокойны, светлы, никакой треногой
Не одержимы; кто встречался в граде
Смиранный видом, светлым взором
Вл а г о с. I о в л я ю щ и і і, 6.1 а г о и р 11 с т о і і н ы і і
В движениях, в опрятном одеянье.
Вез роскоши, уж тот, конечно, был
Сіугоіі Иисуса Пазорея. В их
Собраниях вседневно совершалось
О Нем воспоминанье; часто, посреди
Ерусалимскон с мутной жизни, было
Их пенье слышимо; они без страха
В домах, на улицах, на площадях
Влагую весть о Нем провозглашали.
Весь город злобствовал на них, незлобных:
И эта злоба скоро разразилась
Гонением, тюремным заточеньем
И наконец убийством. Я, как дикий
Зверь, ликовал, когда был перед храмом
Стефан, побитый камеиьем. замучен:
Когда потом прияли муку два
Иакова, один мечом, другой
С вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слух, что Петр был распят в Риме.
А Павел обезглавлен: мнилось мне.
Что в них, свидетелях Вго, и память
О Нем погибнет. Тщетная надежда!
Во мне тоска от страха неизвестной
Мне казни только раздражалась. Я,
При Ироде-царе рожденный, видел
Все время Августа; потом три зверя.
Кровавой властью обесславив Рим,
Погибли; властвовал четвертый – Нерон.
Столетие уж на плечах моих лежало;
Вокруг меня четыре поколенья
Цвели в одном семействе: сыновья,
И внучата, и внуков внуки в доме
Моем садились за мою трапезу...
По я ео дня того а живом их круге
Все более и боле чужд, и сир,
И нелюдим, н грустен становился:
Я чувствовал, что я ни хил. и и бодр,
Ни стар, ни молод, но что жизнь моя
Железно-мертвую приобрела
Несокрушимость. Самому себе,

Среди моих живых детей, и внуков,
II правнуков, казался я надгробным
Камнем, меж их могил стоящим камнем:
И лица их имели страшный цвет
Объятых тленьем трупов. Все уж дети
II все уж внуки были взяты смертью:
И правнуков с невыразимым горем
II бешенством я начал хоронить...
Тем временем чае от часу душнее
В Врусалпме становилось. Зная,
что будет, вее Иисуса Назорея
Избранники покинули убивший
Учителя их город и ушли
За Иордан. II все, и все сбывалось,
что предсказал Он: Палестина вся
Горела бунтом; легионы Рима
Терзали области ее; и скоро
Приблизился к Врусалмну чае
Вго судьбы: то время наступило.
Когда, как Он пророчил, "благо будет
Сошедшим в гроб, и горе матерям
С младенцами грудными, горе старцам
И юношам, живущим в граде, горе
Из града не ушедшим в горы девам'9.
Всепаспанов сын – извне – пути
Из града вес загородил, вогнав
Туда насильно мор и голод;
Внутри господствовали буйство, бунт.
Усобица, безвлаетьс, безначалье,
Владычество разбойников, извне
При кликанных своими на своих.
Вдруг три осады: храма от прпшслных
Грабителей, грабителей от града, града
От легионов Тита... Всюду бой:
Первосвященников убийство в храме:
На узинах нестройный крик от страха.
От голода, от муки передемертпой.
От яростной борьбы ла кус согни вшей
Еды, рев мятежа, разврата неси п.
Бесстыдных оргий хохот, стон голодных
Младенцев, матерей тяжелый вой...
И в высоте над этой бездной днем –
Безоблачно пылающее небо,
3,1 о вон ну ю за разу в ыз ы вая
Из трупов, в граде и вне града
Разбросанных; в ночи ж, как Божий меч.
Звезда беды, своим хвостом всю твердь
Разрезавшая пополам, Еруеалмну
Пророча гибель... II погибнуть весь
Израиль обречен был? отовсюду
Сведенный светлым праздником пасхальным
В Еру салим, народ был разом предан
На истребленье мстительному Риму.
II вее истреблены: ...убийством, голодом.
В когтях зверей, прибитые к крестам.
В пнях, в изгнанье, в рабстве на чужбине.
Погиб Господний град, и от созданья
Мир не видал погибели подобной.
О, страшно он боролся с смертным часом!
Когда в него, все стены проломив,
Ворвался враг и бросился на храм, –
Народ, в его толпу, из-за ограды
Исторгшись, врезался н, с ней сцепившись.
Вслед за собой ее вовлек в средину
Ограды: бой ужасный, грудь на грудь.
Тут начался; и, наконец, спасаясь.
Вкруг скинии, во внутренней ограде
Стопнулись мы, отчаянный, последний

Израиля остаток... Тут увидел
я несказанное: иод святотатной
Рукою скиния открылась, стало
Нам видимо невиданное оку
Дотоль – ковчег Завета... в этот миг
Храм запылал, и в скинию пожар
Ворвался... Мы, весь гибнущий Израиль,
И с нами нас губящий враг в единый
Слнлся крик, одни завыв от горя.
Л те заликовав от торжества
Победы... Вся гора слплася в пламя.
И посреди его, как длинный, гору
Обвивший змеи, чернело войско Рима.
И в этот миг... все для меня исчезло!
Раздавленный обрушившимся храмом,
я пал, – почувствовав, как череп мой
И кости все мои вдруг сокрушились.
Беспмятство мной овладело... долго ль
Продлил ося оно? – не знаю. Я
Пришел в себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сон, в котором вес
В одно смешалось страданье: боль
От раздробленья всех костей, и бремя
Меня давивших камней, и дыханья
Запертого тоска, и жар болезни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушенного тела
Воеетановляющен при страшной муке
II голода и жажды – это все
я совокупно вытерпел в каком-то
Смятенном, судорожном сне, – без мысли.
Без памяти и без забвенья, с чувством
Ископченного бытия, которым,
Как тяжелой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Веем трепетом отчаянным, какой
Насквозь пронзает заживо зарытых
В могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я из-под обломков,
Меня погребших, вышел снова жив
II невредим; разбив меня насмерть,
Меня, ожившего, они извергли
Как скверну, на своей громады.
Очнувшись, в первый миг я не постигну, i,
Где я. Передо мною подымались
Вершины горные; меж них лежали
Долины, и все они покрыты были
Обломками – как будто бы то место
Град каченный, обрмнпвшись с неба.
Висла и но ла валил; и там нигде
Пе зредося живого человека:
То был Вру салим! Спокойно солнце
Садилось, п его прощальный блеск,
На высоте Голгофы угасая,
Оттуда мне блеснул в глаза – и я,
Ве увидя, весь затрепетал:
Из этой повсеместной тишины.
Из этой бездны разрушенья, снова
Послы шал ося мне: "Ты будешь жить.
Пока и не приду". Тут в первый раз
Постнгнул я вполне свою судьбину.
я буду жить! я буду жить, пока
Он не придет!.. Как жить?.. Кто Он? Когда
Придет?.. И вес грядущее мое
Мне выразилось вдруг в остане этом
Погибшего Вру салима: там
На камне камня не осталось; там
Мое минувшее исчезло все:

Все, жившее со мной, убито; там
Ничто уж для меня не оживет
И не родится, – жизнь моя вся будет,
Как этот мертвый труп Еру салима.
И жизнь без смерти. Я в бешенстве завыл
И бешеное произнес на все
Проклятие, – без отзыва мой голос
Раздался глухо над громадой камней,
И все утихло... В этот миг звезда
Вечерняя над высотой Голгофы
Взошла на небо... и невольно –
Скол» мой ни бешенствовал дух – к се
Сиянье тайную отрады капло
Я с смертоносным питием хулы
II проклиннана выпил... по то была
Лини» тень промчавшегося быстро мига,
Что с онога я испытал мгновенья!
О. как я плакал, как копил, как дико
Роптал, как злобствовал, как проклинал.
Как ненавидел жизнь, как страстно
Певномлющую смерть любил... С двоимым
Отчаяньем и бешенством слова
Страдальца Иова я повторял:
"Да будет проклят день, когда сказали:
Родился человек, и проклята
Да будет ночь, когда мои первый крик
Послышался; да звезды еіі не светят,
Да не взойдет ей день, ей – незапершей
Меня родившую утробу Г Л когда я
Вспоминал слова его печали
О том, сколь малодневен человек:
"Как облако уходит он, как цвет
Долинный вянет он, и место, где
Он прежде цвел, не узнает его".
О! этой жалобе я с горьким плачем
Завидовал... Передо мною вее
Рождал ося и в чае свой умирало;
День умирал в заре вечерней, ночь
В сиянье дня; сколь мне завидно было,
Когда на небе облако свободно
Летело, таяло и исчезало;
Когда свистящим ветер вдруг смолкал,
Когда с деревьев падал лист? все. в чем
Я видел знамение смерти, было
Мне горькой сладостью: одна лишь смерть
Смерть, упование не быть, исчезнуть –
Всему, что жило вокруг меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же
Во всем творении я ненавидел
И клял, как жизнь проклятую мою...
II с этой злобой на творенье, с диким
Восстаньем всем души против Творца
II с несказанной ненавистью против
Распятого – отчаянно попкм я,
Неумирающим, всему живому
Враг, от того погибельного места.
Где мне моей судьбы открылась тайна.
Томимый всеми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая. –
И голодом, п жаждою, и зноем,
II хладом, – грозною нуждой влекомый.
Между людьми как нищий бесприютный.
Я побирался... Милостыню мне
Давали без вниманья и участия.
Как лепт, который мимоходом
Бросают в кружку для убогих, вовсе
Незнаемых. II с злобой я хватал.
Что было мне бросаемо с презреньем.

Так я сыпучими песками жизни
Тащился с ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу;
II вместе с смертию был у меня
II сон – успокоитель жизни – отнят.
Что днем в моей душе кипело: ярость
На жизнь, богопроклятия, вражда
С людьми, раздор с собою, н вины –
Непризнаваемой, но беспрестанно
Грызущей сердце – боль, то в темноте*
Ночной, вокруг изголовья моего,
Толпою привидений стоя, сон
От головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мне была отрадней тихой.
Украшенной звездами ночи: там,
С мутящим землю бешенством стихий
я бешенством ДУШИ моей сливался:
Здесь каждая звезда из мрака бездны.
Там одинокая меж одиноких.
Подобно ей потерянных в пространство.
Как бы ругаясь надо мною, мне
Мой жребий повторяла, на меня
С небес вперяя пламенное око.
Так, в исступлении страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Из места в место: все во мне скопилось
В одну мучительную жажду смерти.
"Дан смерть мне! дай мне емсртьГ – то было криком
Моим, и плачем, н молением
Пред каждым бедствием земным, которым
Па горькую мне зависть гибли люди.
Кидался в бездну я с стремнины горной:
На дне ее, о камни сокрушенный,
я оживал по долгой муке. Море в лоно
Свое меня не принимало; пламень
меня пронзал мучительно насквозь.
Но не сжигал моей проклятой жизни.
Когда к вершинам гор скоплялись тучи
И там кипели молнии, туда
взбирался я, в надежде там погибнуть:
Но молнии крутом меня влнея.
Дробя деревья и утесы; я же
Выл пощажен. В моей душе блеснула
Надежда бедная, что – может быть –
в беде всеобщей смерть меня с другими
Скорей, чем одинокого, ошибкой
возьмет: и с чумными, в больнице душевной
я ложе их делил, их трупы брал
На плечи и, зубами скрежеща
От зависти, в могилу относил;
Напрасно! мной чума пренебрегала...
я с караваном многолюдным степью
Песчаной Аравийской шел;
Вдруг раскаленное затмилось небо
И солнце в нем исчезло: вихрь
Песчаный побежал от горизонта
На нас: храпя в песок уткнули морды
верблюды, люди пали пни: я грудь.
Подставил пламенному вихрю:
Он задушил меня, но пе убил.
очнувшись, я себя у виде, посреди
Разбросанных остовов, на пиру
Орлов, сдирающих с костей обрывки
истлевших трупов. В тот ужасный день.
Когда исчез под завой Геркуланум
И пепел завалил Помпею, я
Природы судорогой страшной был

Обрадован: при стоне и трясеньи
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей из треснувшего чрева.
При вое, крике, давке, шуме в бегство
Толпящихся сквозь пепел вее затмивший.
В котором, ничего не озаряя,
Сверкал невидимый пожар горы.
Отчаянно пробился я к потоку
Всепожирающему лавы: сю
Обхваченный, я. вмиг прожженный, в уголь
Был обращен, и в море, на брег
Гонимое землетрясеиья силой.
Был вынесен, а морем снова брошен
На брег, на произвол зсмлстряссно.
То был последний опыт мой – наенльством
Взять смерть. Я стал подобен гробу,
В котором запертой мертвен, оживши
И с криком долго бившись понапрасну.
Чтоб вырваться из душного заклепа.
Вдруг умолкает – и последней ждет
Минуты задыхаясь: так в моем
Несокрушимом теле задыхалась
Отчаянно моя душа. "Всему
Коней: живи, не жди. не веруй, злобствуй
II проклинай; но затвори молчаньем
Уста и замолчи на вечность!" – так
Сказал я самому себе...

По слушай.
Тогда был век Траяна; в Рим
Из областей прибывшим император
В всспаспановом амфитеатре
Кровавые готовил граду игры:
Воii гладиаторов – и христиан
Предание зверям на растерзание.
Пронесся слух, что будет знаменитый
Лнтнохнпскон церкви пастырг., старец
Игнатию, льву ливийскому на нишу
В присутствии Траяна предай. Трепет
Нсизглаголаный при этом слухе
Меня проник. С народом побежал я
В амфитеатр. И что моим очам
Представилось, когда я с самых верхних
Ступеней обозрел глазами бездну
Люден, там собранных. Сквозь яркий пурпур
Растянутой над зданьем легкой ткани.
Которую блеск солнца багрянил.
II зданье, и народ, и на высоком
Седалище отвеюду зримый кесарь
Казались огненными. В это
Мгновение последний гладиатор.
Народом не прощенный, был зарезан
Своим противником. С окровавленной
Арены мертвый труп его тащили,
II стала вдруг она пуста. Народ
Умолк н ждал, как будто в страхе, знака
Не подавая нетерпенья. Вдруг
В глубокой этой тишине раздался
Из подземелья львиный рев, и сквозь
Отверстый вход амфитеатра старец
Игнатий, с ним двенадцать христиан.
Зверям на растерзанье произвольно
С своим епископом себя предавших,
На страшную арену вышли. Старец.
Оборотясь к другим, благословил их,
Вму с молением упавших в ноги:
Потом они. прижав ко груди руки.
"Тебя, – запели тихо, – Бога, хвалим.

Тебя едиными устами в смертный
Час исповедуем..." О! это пенье –
В Вруеалиме слышанное мною
На праздничных собраниях христиан
С кипеньем злобы – здесь мою всю душу
Пронпкиузо внезапным вдохновеньем.
Что предо мной открылось в этот миг,
Что вдруг во мне предчувствием чего-то
Невыразимого затрепетало,
II как, в амфитеатр ворвавшись, я
Вдруг посреди дотолы ненавистных
Мне христиан там очутился – я
Не знаю. Пенье продолжалось: но
Уж на противной стороне арены
Железная решетка, загремев, упала.
И уж в ее отверстии стоял
С испей спущенный лев, и озирался...
II вдруг, завидя вдалеке добычу,
Он зарыкал... и вспыхнули глаза,
II грива стала дыбом... Тут вперед
Я кипу лея, чтоб старца заслонить
От зверя... Он уже к нам мчался
Прыжками быстрыми через арену;
Но старец, кротко в сторону меня
Рукою отодвинув, мне сказал:
"Должно пшено Господнее в зубах
Звериных измолотья, чтоб Господним
Выть чистым хлебом: ты же. друг, отселе
Поди в свой путь, смиришь, живи и жди".
Тут был он львом обхвачен... по успел
Вще меня перекрестить и взор
Невыразимый от меня на небо
В слезах возвесть, как бы меня ему
Передавая... О, животворящий,
На вечность всю присутственный в душе.
Небесного блаженства полный вгляд!
Могуществом великого мгновенья
Сраженный, я без памяти упал
К ногам терзаемого диким зверем
Святителя; когда ж очнулся, вокруг
Меня в крови разбросанные члены
Погибших я увидел; и усталый
Терзан нем лежал, разинув пасть
И быстро грудью жаркою дыша.
Спокойный лев, вперив в меня свои
Пылающие очи. Но когда
Я па ноги поднялся, он вскочил,
И заревел, и в страхе от меня
Стал пятиться, и быстро вдруг
Через арену побежал, и скрылся
В своем заклепс. Весь амфитеатр
От восклицании задрожал, а я
От места крови, плача, удалился
И из ворот амфитеатра беспреградно выше.
Что после в оный чудный день случилось,
Не помню я; но в благодатном взгляде.
Которым мученик меня усвоил
В последний чае свой небесам, опять
Блеснула светлая звезда, мгновенно
Мне некогда блеснувшая с Голгофы,
В то время безотрадно, а теперь
Как луч спасения. Как будто что-то
Мне говорило, что моя судьба
Переломилась надвое; стремленье
К чему-то не испытанному мною
Глубоко мне втеснилось в грудь, и знаком
Такого пзмсненья было то,
Что проклинайпс моим устами

Произносить уже противно стало.
Что злоба сердца моего в унылость
Безмолвно-пдачу щую обратилась.
Что наконец страдания мои
Внезапная отрада посетила,
Вще неоткровенная – как свежий,
Предутренный благоуханный воздух –
Влнвлася в меня и усмиряла
Мою борьбу с собо/і. О! этот ннмид...
Он мне напомнил тот прискорбно-кроткий,
С каким был в оный день мой приговор
Произнесен... Но я уже не злобой
Наполнен был при том воспомннап.п.
А скорби го раскаянья глубокой
И чувствовал стремленье пасть на землю,
«Зарыть .1 кмс» во прах н горько плакать.
То были первые МИНУТЫ тайной,
Будящей душу благодати, первый.
Вше неясно слышный, безответный,
Но усладительный призыв к смиренью
П к покаянью. В языке нет слова,
Чтоб имя дать подобному мгновенью,
Когда с очей души вдруг слепота
Начнет спадать, и Божий светлый мир
Внутри и вне се, как из могилы.
Начнет с пеіі вместе воскресать. Такое
Движение в моей окаменелой
Душе внезапно началось... было
Оно подобно зыби после бури.
Когда ист ветра, небеса светлеют,
А волны долго в диком беспорядке
Бросятся, кипят и стонут. В этой
Борьбе души меж тьмой и светом, я
Неодолимое влеченье в кран
Отечества почувствовал, к горам
Иерусалима. И к брегам желанным
Немедля поплыл я; корабль мой
Прибила буря к острову Патмосу. Промысл
Господний втайне от меня ту бурю
Послал. Там жил изгнанник, старен
Столетний, Иоанн, благовестите.!ь
Христа и ученик Вго любимый.
О нем не ведал я... Но Провиденье
Меня безведомо к нему путем
Великой бури привело, и цепью бури
Корабль наш был прикован к берегам
Скалистым острова, пока со мной
Вполне моя судьба не совершилась.
Скитаясь одиноко, я внезапно
Во глубине долины, сокровенной
От странника ГУСТОЮ тенью пальм
ІІ кипарисов, встретил там свитого
Апостола...»
П|)п этом слове пал
На землю А гас вер и долго
Лежал недвижим, головой во прахе:
Когда ж он встал, его слезами были
Облиты щеки; а в чертах его
Тысячелетнего лица, с глубокой
ІІсчалию. с невыразимо-грустной
Любовшо была слита молитвы
Иенлглаголапная святость. Он
Выл в этот миг прекрасен той красою,
Какой не знает мир. Он продолжал:
«Пи помышлять, ни говорить об этой встрече
Я не могу иначе, как простершись в прах.
В тоске раскаянья, в тоске любви,
Проникнутой огнем благодаренья.

Он из кремня души моей упорной
Животворящим словом выбил искру
Вес примири ю щ с го по кая н ья;
II именем Того, кто нам один
Дает надежду, веру и любовь,
Мой страшного отчаянья удел
Нреобратнл в удел святого мира.
И наконец, когда я, сокрушенный.
Как тот разбойник на кресте, к ногам
Обиженного мной, с смиренным сердцем
Упав, воскликнул: "Помяни меня,
Когда во царствии Своем приндсшьГ
Он оросил меня водой крещенья.
II на другое утро – о, незаходнмый.
О. вечный день для памяти моей!
За утренней звездю солнце тихо
Над морем подымалось на востоке.
Когда он, перед хлебом и пред чашей
Вина со мной простершись, сам вина и хлеба
Вкусил и мне их дал вкусить, сказав:
"Со страхом Кожи им и с верой, сын мой,
К сим тайнам приступи н причастись
Спатмпо души в святом Христа
За нас пронзенном теле и Христовой
За пас пролитой крови'". II йотом
Он долго поучал меня и мне откры.1
Значение моей, на испытанье
Ве.шкое приговоренной жизни:
И наконец перед моими, мраком
Покрытыми очами приподнял
Покров с грядущего, покров с того,
Что было, сеть и будет.
Начинало
Скрываться солнце в тихом лоне моря.
Когда, меня перекрестив, со мною
Снятый евангелист простился. Ветер.
ПОПУТНЫЙ плаванию в Палестину.
Стал дуть: мы поплыли под звездным небом
Полупрозрачной ночи. Тут впервые
Преображение моей судьбы
Я глубоко почувствовал; впервые,
Уже сто лет меня не посещавший.
Сошел ко мне на вежды сон. и с ним
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этот сон
Выл не один страдания целитель –
Выл ангел, прямо ннзлетевшнн с неба:
Вее, что пророчески евангелист
Великий чудно говорил мне,
То в образах великих этот сон
Явил очам моей души, и в иен
Те образы, в течение столетни
Неномрачснные, час от часу
Живей из облекающей их тайны
Моей душе сияют, перед ней
Ней з г. I а гол а и н о и реоб разу я
Судьбы грядущие. Корабль наш, ветром
Попутным тихо по водам несомый.
По морю гладкому, не колыхаясь,
Летел: а я иен робудимым сном.
Под веяньем полуденной прохлады.
Спал, и во сне стоял передо мной
Евангелист и вдохновенно он
Слова те огненные повторял.
Которыми, беседуя со мною,
Перед моим непосвященным оком
Разоблачил грядущего судьбу:
И каждое пророка слово, в СЛУХ МОИ

Входя, в великий превращалось образ
Перед моим телесным оком. Все.
Что ухо слышало, то зрели очи;
И в слове говорящего со мной
Во сне пророка все передо мной.
II надо Многи, на суше, на водах.
II в вышине небес, и в глубине
Земли видении чудных было полно.
Я видел трон, на четырех стоящий
Животных шестокрылых. и на тропе
Сидящего с семью запечатленной
Печатями великой книгой.
Я видел, как печати с книги Агнец
Сорвал, как из печатей тех четыре
Коня исторглнея, как страшный всадник – смерть –
На бледном поскакал коне, и как
Пред Агнцем все -- и небо, и земля.
И все, что в глубине земли, и все.
Что в глубине морей, и небеса.
II все тьмы ангелов на небесах –
В единое слилось славохвалеиье.
Я зрел, как ангел светлый совершил
Двенадцати колен запечатленье
Печатню живого Вога; зрел
Семь ангелов с великими, гнев Вожпй,
Веды и казнь гласящими трубами.
II слышал голос: "Время миновалосьГ
Я видел, как дракой, губитель древний.
Вслед за женой, двенадцатью звездами
Венчанной, гнался; как жена в пустыню
Спаслася, а ее младенец был
На небо унесен; как началась
Воина на небесах, и как архангел
Нплверг дракона и бездну и его
Всю силу истребил; и как потом
Из моря седмглавын зверь поднялся;
Как обольщенные нм люди Вога
Отринули; как в небесах явился
Сын Человеческий с серпом; как жатка
Великая свершилась; как на белом
Конне потом, блестящий светлым, белым
Оружием, – себя ж именовал
Он "Слово Божнс" – явился Всадник:
Как вслед за Ним шло воинство на белых
Конях, в виссон одеяннос чистый.
II как из уст Вго на казнь люден
Меч острый исходил:
Как от того меча и зверь, и рать
Вго погибли; как дракон, цепями
Окованный, в пылающую бездну
На тысячу был лет низвергнут; как
Потом на высоте великий белый
Явился трон; как от лица на троне
Сидящего и небо и земля
Бежали, и нигде не обрелось
Им места; как на суд предстало вес*
Создание; как мертвых возвратили
Земное чрево и морская бездна:
Как разогнулася перед престолом
Господним книга жизни; как последний
Суд по делам для всех был изречен,
II как в огонь неугасимый были
Нпзвержены на вечность смерть и ад...
II новые тогда я небеса,
И землю новую узрел, и град
Святой, от Бога нисходящий, новый
Врусалнм. как чистая невеста
Сияющий, увидел. И раздался.

Услышал я, великий свыше голос:
"Здесь скиния Господня, здесь Господь
Жить с человеками отныне будет;
Здесь храма нет Вму, здесь Сам Он храм Своп:
Здесь всякую слезу отрет Он.
Пи смерти более, ни слез, ни скорби
и никаких страданий и недугов
Но будет здесь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дело
Господнее. Не нужны здесь ни солнце.
Ни светлость дня, ни ночи темнота,
" Ни звезды неба: здесь сияет слава
Господняя, и Агнец служит здесь
Светильником, и Нож и с лицо
Спасенные очами видеть будут".
И слышал я, как все небес пространство
Глас наполнял отведу говорящий:
"Я Бог живой, я Альфа и Омега,
Начало и конец. Подходит время".
Такие образы в ту ночь, когда
я спящий плыл к брегам Святой Земли.
Мой первый сон блаженный озаряли.
Недаром я о том здесь говорю,
что из Писаний ты без веры знаешь:
Хочу, чтоб ты постиг вполне мой жребий.
Когда пророк святое откровенье
Мне передал своим глаголом дивным,
Во глубине души моей оно
Осталось врезанным; н с той поры
Во тьме моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Канна, оно
Звездой грядущего горит; я в нем
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведен из жизни
Рукой меня отвергшей смерти... Солнце
Всходило в пламени лучей, когда
Меня покинул сон мой; перед нами
На лоне голубого моря темной
Тянулся полосой брег Святой
Земли: один . 111111v> горы – снеговой
Хсрмон, Кармнл прибрежный, ксдроносный
Ливан н Элеон из низших гор –
Своп зажженные лучами солнца
Вершины воздвигали. О, е каким
Невыразимым ЧУВСТВОМ Я ступил
На брег зсм.ш обетованно!*, где
Уж не было Израиля! Прошло
Треть века е той норы, как я ее
Покинул. О, что был я в страшный миг
Раллукп е ней! и что потом со мной
Сбыл ося и каким я возвратился
В страну моих отцов! Я был подобен
КОЛОДНИКУ, который на свободе
В ту заглянул тюрьму, где много лет
Лежал в цепях; где все, кого на свете»
Знал н любил, с ним вместе запертые,
В его глазах погибли; где каждый день
Вго терзали пыткой палачи
П с ними самый яростный из всех
Палач – обремененное ужасной
Виной, бунтующее против жизни
и Бога – собственное сердце. Я
Не помню, что во мне сильнее было –
Свободы ль сладостное ЧУВСТВО ПЛИ
Ужасная о прошлой пытке память.
Безлюдною страню окруженный.
Где царствовал опуетошенья ужас,
Достнгнул я Вру салима. Он

Громадой черных от пожара камней.
Как мертвый труп, иссеченный в КУСКИ,
Моим очам явился, вдвое страшный
Своею мрачностью в сиянье тихом
Безоблачного неба. И случилось
То в самый праздник Пасхи; но его
Не праздновал никто: в Брусалнмс
Не смел народ на праздник свой великий
Сходиться. К бывшему пробравшись
Святилищу, узнал я с содроганьем
То место, где паденьем храма я,
Раздавленный, бы емертпю отвергнут.
Вдруг, посреди безмолвия развалин,
В мои слух чуть слышно шепчу шее пенье
Проникло: меж обломков я увидел
Простертых на землю немногих старцев.
II женщин, и детей – остаток бедный
Израиля. Они, рыдая, пели:
"Господний храм, мы плачем о тебе!
Еру салим, мы о тебе рыдаем!
Мы о тебе скорбим, Богоизбранный,
Богоотвсржснный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачем о тебсГ
При атом пенье я упал
На землю и в молчанье плакал горько.
О прежней славе Божьего народа
II о его постигшей казни помышляя.
Но мне он был уже чужой; он чужд
II Всеіі земле был? не могло
Вго ничто земное ни унижить.
Ни возвеличить: он, народ избранный.
Народ отверженный от Бога был.
На нем лежит печать благословенья, он
Запечатлен проклятия печатью.
В упорной слепоте еще он ждет
Того, что уж свершнлося н вновь
Не совершится; он в своем безумстве
Не верует тому, что существует
Им столь желанное и нм самим
Отвергнутое благо, и его
Надежда ложь, его без смысла вера!
От плачущих я тихо удалился
II с трепетом меж камней пробираясь.
Не узнавал следов Вру салима.
Но вдруг невольно я оцепенел:
Перед собой увидел я остаток
Стены со ступенями пред уцелевшей
II настезь отворенной дверью; в ней
Сидел шакал: он, злобными глазами
Сверкнувши на меня, как демон, скррьмс
В развалинах. То был мои прежний дом.
II я етоял пред дверью роковой –
Свидетелем гибели моей;
II мне в глаза то место – где тогда
Измученный остановился Он,
Чтоб ОТДОХНУТЬ у двери, от которой
Безжалостной рукою ОТТОЛКНУЛ
Я подошедшего ко мне с любовью
Спасителя, пятном суровым страшно
Блеснуло. Я упал, лицом приникнув
К земле, к которой некогда нога
Святая прикоснулась: н слезами
Я обливал ее; и в этот миг
Почудидоея мне, что Он, каким
Вго тогда я видел, мимо в прахе
Лежавшей головы моей прошел
Благословляющий... Я поднялся.
И в этот миг мне показалось, будто

Передо мной по улице тянулся
Тот страшный ход, в котором нее свой кре
Он, бешеным ругаемый народом, –
Вслед за крестом я побежал; но скоро
Передо мной видение исчезло.
И я себя увидел у подошвы
Голгофы. Отделясь от черной груди
Развалин, зеленью благоуханной
Весны одетая, в сиянье солнца,
Сходящего на запад, мне она
Торжественно предстала, как зажженный
Пред Богом жертвенник. И долго-долго
Я на нее смотрел в оцепененье...
О. как она в величин спокойном,
Уединенная, там возвышалась:
Как было все кругом нее безмолвно:
Как миротворно солнце нисходило
С небес, на всю окрестность наводя
Вечерний тихий блеск? как был ужасен
Разрушенный Врусалнм, в виду
Благоухающей Голгофы! Долго
Я но дерзал мою оскверненной
Ногой к ее святыне при коснуться. а
Когда ж взошел на выест ее,
О, как мое затрепетало сердце!
Моим глазам трех рытвин след явился.
Нолузаглажснный, на месте, где
Три были некогда водружены
Креста. II перед ним простершись в прах.
Я горькими слезами долго плакал;
Но в этот миг раскаянья – терзанье4
II благодарностью, невыразимой
Словами человеческими, было.
Казалось мне, что крест еще стоял
Над головой моей; что я, его
Обняв, к нему всей грудью прижимался.
Как блудный сын, коленопреклоненный
К ногам отца, готового простить.
Дни праздника провел я одиноко
На высоте Голгофы, в покаянье,
Один, от всюду разрушеньем страшным
Земных величий и всего, что было
Моим житейским благом, окруженный.
Между обломками Вру салима
Пробракшнся и перешед Кедроп.
Достигну.-! я по скату Элеонской
Горы до Гсфснманскнх густотонных
Олив. Там, сокрушенный, долго я
Во прахе горько плакал, помышляя
О тех словах, которые» Он здесь –
Он, сильный Бог, как человек, последних
С страданием лишенный сил – к смертельной
Тоске здесь произнес, на поученье
II на подпору всем земным страдальцам.
Вго божественной я не дерзнул
Молитвы повторить; моим устам
Дать выразить се святыню я
Достоин не был. Но какое слово
Изобразит очарованье ночи.
Под сенью Гефепманскнх маем и и мною
К молчанию всемирном проведенной!
Когда взошел на верх л Злсонекой
Горы, с которой, все свершив земное.
Сын Человеческий и на небеса
Вознесся, – предо мной явилось солнце
В неизреченном блеске на востоке:
Зажглась горы вершина; топкий пар
Вщс над сенью маслин Гсфснмайских

Лежал; но вдалеке уже горела
В сиянье утреннем Голгофа. Черным
Остовом посреди их, весь еще
Покрытый тению от Элеонкою
Горы, лежал Врусалнм, как будто
Сиянья воскреентельного ждущий.
В последний раз с святой горы взглянул я
На град Изранлсв, на сокрушенный
Врусалнм: еще в его обломках
Я видел труп с знакомыми чертами.
Но скоро он п в признаках своих
Выл должен умереть; была готова
Рука, чтоб разбросать его обломки;
Выл плут готов, чтоб запахать то место,
Где некогда стоял Врусалнм.
На гробе прежнего другой был должен
Возд»нгнуться, несокру И1 имо-ткердыи
Одной Голгофою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному, как я.
На горькое скитаньс но земле
Приговоренному до ннехожденья
От неба нового Вру салима.

о

Влагословив на вечную разлуку
Господний град, я от него пошел. –
II с той поры я странствую. Но слушай.
Мой жребий все остался тот же, страшный.
Каким он в первое мгновенье пал
На голову преступную мою.
Как прежде, я не умираю н вечно

DO\$C

Скитаться здесь приговорен; всем людям
Чужой, в сел яlonііііі в сс*рдца их ужас.
Н.іb отвращение, изи презренье:
Нужды житейские терпящий: гозод. жажду.
II зной, и непогоду: подаяньем
Питаться принужденным, принимая
С стыдом н скорбню, что первый встречный
С нренсбреженьем мне обидным бросит.
Мне самому нет смерти, для людей же
Я мертвый; мне ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ниоткуда мне опасность
Не угрожает на земле: разбойник
Меня зарезать пе посмеет; зверь,
И голодом яримый, повстречавшись
Со мною, в страхе убежит; не схватит
Меня земля разинутой своею
В землетрясение пастью; не задушит
Меня гора своим обвалом; морс
В своих волнах не даст мне захлебнуться.
Все, все мои безумные попытки
Жизнь уничтожить были безуспешны:
Самоубийство недоступно мне;
Не смерть, а неубнпственную с смертью
Борьбу напрасно мучимому тему
Могу я дать бесплодными своими
Порывами на самонстребление;
Л душу из темницы тела я
Не властен вырвать: вновь оно,
В куски изорванное, воскресает.
Так я скнтаюся. И нет, ты скажешь,
Страшней моей судьбы. Но ведай: если
Моя судьба не изменилась, сам я
Уже не тот, каким был в то мгновенье.
Когда проклятье пало на меня.
Когда, своей вины не признавая.
Свирепо сам я проклинал Того.

Кто приговор против меня изрек.
Я проклинал; я бешено бороться
С неодолимой Си. кип дерзал.
О, а теперь прои!.. Тот. за меня
Поднятый к небу, мученика взгляд
И благодать, слонами во гослова
В меня влняннал, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души к смирение, и на Голгофе
Постигну л я все благо казни, Нм
Произнесенной надо мной, как мнИМОСИ
Везу мну мне, в непримиримом гневе.
О. Он в тот миг, когда я Им ругался.
Меня казнил как Бог: меня спасал
Погибелью моей, и мне изрек
В Своем проклятии благословенье.
Каким путем Вго рука меня.
Бежавшего в то время от Голгофы,
Где крест еще Вго дымился кровью,
Обратно привела к ее подошве!
Какое дал мне восиптаиье Он
В училище страданий несказанных,
И как пена, которою купил я
Сокровище. Нм избранное мне,
Пред купленным неоценимым благом
Ничтожна! Так перерожденный, новый,
Пошел я от Голгофы, произвольно,
С благодарением, взяв на плеча
Весь груз моей судьбы и сокрушенно
Моей вины всю глубину измерив.
О, благодать смирения! о, сладость
Целительной раскаянья печали
У ног Спасителя! Какою новой
Наполнился я жнзнню; какой
Во мне и вокруг меня иной открылся
Великий мир, когда, себя низвергнув
Смиреньем в прах и уничтожив
Все обаяния, вес упованья
Земные, я бунтующую волю
Свою убил пред алтарем Господним.
Когда один с раскаянной виною
Пород моим Спасителем остался!
Влажен стократ, кто верует, не видеВ
Очами, а смиренной волей разум
Святыне откровенья покоряя!
Очами видел я; но вере долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконец,
Когда я, вею мою вину постигнув,
Раскаяньем терзаемый, был Орошен
К ногам обруганного мною Бога.
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все изменилось: Тот – Кого безумно
Я отрицал – моим в пустыне жизни
Сопутнпком, подпорой, другом, все
Лемнос заменившим, все земное
Забвению предавшим, стал;
За Ним, как за отцом дитя, пошел я.
Исполненный глубоким сокрушеньем,
Которое, мою пронзая душу.
К Нему се глубокую любовь
Питало, как елей питает пламя
В лампаде храма. И мою в Пего
Я веру всю силою любил,
Как утопающий ту доску любит.
Которая в волнах его спасает.
Но этот мир достался мне не вдруг.
Мертвец между живыми, навсегда

К позорному прикованный столбу
Перед толпой ругательной колодник.
Я часто был тоской одолеваем:
Тогда роптанье с уст моих срывалось.
Но каждый раз, когда такой порыв
Души, обиженной презреньем горьким
Людей, любимых ею безответно,
Меня крушил, мне явственней являл ос
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и с обновленной
Покорностью сильней я прижимался
К окровавленному кресту Голгофы.
II наконец, по долгой, несказанной
Борьбе с неукротимым сердцем, после
Несчетных переходов от падении.
Ввергающих в отчаянье, к победам
Вновь воскрешающим, по многих, в крепкий
Металл кующих душу, испытаньях,
Я начал чувствовать в себе тот мир.
Который, всю объемля душу, в пей
Покорного терпенья тишину
Ней л г л а гол а и ну ю вод во ря ст.
С тех нор во мне смирилось все: чего
желать? О чем жалеть? Чего страшиться?
На что тревожить жаждущее сердце
Надеждами? Зачем скорбеть, встречая
Презрение иль злобу от людей?
Я с Ним, Он мой, Он все, в Нем всё. Им всё.
Все от Него, всё одному Вму. –
Такое для меня знаменованье
Теперь прияла жизнь. Я казнь мою
Всем сердцем возлюбил: она моей
Души хранитель. II с людьми, меня
Отвергшими, я примирился, в сердце
Божественное поминая слово:
"Отец! прости и.в: что творят, пе знают!
Меж ними ближнего я не имею.
Но сердце к ним исполнено любовью.
II знай, пространства нет здесь для меня –
Так соизволил БОГ! – в одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлет на помощь,
На помощь –• но не делом, словом, что
Могу я сделать для людей? но словом
Утехи, сострадания, надежды,
Иль укоризны, иль остережеиья.
Хотя мне на любовь всегда один
Ответ: ругательство пли презренье;
Но для меня в ответе нужды нет...
Мне места нет ни в чьем семействе: я
Не радуюсь ничьему рождению.
И никого родного у МСНЯ
Но похищает смерть. Все поколенья.
Одно всмед за другим, уходят в землю:
Я ми с одним из них не разлучаюсь.
И их отбытие мне незаметно.
Любовью к людям бсзнаградиоп – я
Любовь к Спасителю, любовь к Царю
Любви, к ее Источнику, к ее
Подателю питаю...
Моя любовь к ним есть любовь к Тому
Кто первый возлюбил меня: любовь,
Которая не ищет своего.
Не превозносится, не мыслит зла.
Не знает зависти, не веселится
Неправдою, не мстит, не осуждает;
Но милосердствует, но веру с мл от
Всему, смиряется и долго терпит.

Такой любо в и ю я близок к людям,
Хотя и розно с ними несказанной
Моею участью? в веселья их
Семейств, в народные пиры и*
Я не мешаюся; но сеть одно.
Что к ним меня заводит: это смерть.
Давно утраченное мною благо.
Вез ропота на горькую утрату,
Я в круг людей вхожу, чтоб смертью
В ее земных явленьях насладиться.
Когда я вижу старика в последней
Борьбе с кончиною, с крестом в руках
Сначала дышащего тяжело, вдруг
Бледного и миротворным сном
Заснувшего, и вокруг его постели
Стоит в молчании семья, и очи
Бму рука родная закрывает;
Когда я вижу бледного младенца,
Возвышенного в ангелы небес
Прикосновением безмолвной смерти:
Когда расцветшую невесту-дочь.
Похищенную вдруг у всех житейских
Случай постой х ран итсл ьною смертью,
Отеи и мать кладут во гроб; когда
В тюремном мраке сладко засыпает
Последним сном измученный колодник:
Когда на поле боя. перестав
Терлаться в судорогах смертных, трупы
Окостенелые лежат спокойно:
Все эти зрелища в меня вливают
Тоску глубокою; она меня –
Как устарелого скитальца память
О стороне, где он родился, где
Провел молодые дни, где был богат
Надеждами – томит, я слезы лью
Из глаз, и я завидую счастливым.
Сокровище неоценимой смерти,
Вго пс зная, сохранившим... Всть
Вще одно великое мгновенье.
Когда я в круг людей, как их родной.
Как соискупленный пх брат, вступаю:
С смирением презренье их приемля.
Как очистительное наказание
Моей вины, я к тайне причащенья
Со страхом Вожпнм и верой сердцем
Вдиным с ними приступаю. В час.
Когда небесные незримо силы
Пред Вожппм престолом в храме служат.
И херувимов братство христиан
Шестокрылатых тайно образует,
И, век кое земное попеченье
Забыв, дориносимого чинами
Небесными Царя царей подьемлст,
В великий час, когда на всех концах
Создания, в одну сливает душу
Всех христиан таинственная жертва:
Когда живые все – и царь, и нищий.
II счастливый, и скорбный, и свободный,
И узник, и все мертвые в могилах,
II в небесах святые, и пред Богом
Все ангелы и херувимы, в братство
Бдниое совокупляясь, чаше
Спасенья предстоят: – о, в этот час
Я людям брат: моя судьба забыта.
Ни прошлого, ни будущего нет,
Все предо мной земное исчезает:
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье в Божьем

11 р и сутетв пи не изречен и ом...
О! что б я был без этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобным
и нераскаянным Богоубийцей
Сошел бы в землю... Л потом?.. Теперь же
О, будьте вы навек благословенны
Уста, изрекшие мои приговор!
О Ты. лицо, под тернами вен на
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня поднятый взор,
Ты. голос, сладостный и в пзречеиьс
Преступнику суда, – вас навсегда
Раскаянье хранит в моей душе:
Оно вас в иен, своюю мукой в веру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушив вес. чем драгоценна жизнь.
И осудив меня не умирать,
Он дал в замену мне Себя. За ним
Иду я через мир уединенным
Путем, чужой всему, что вокруг меня
Кипит, тревожит, радует, волнует.
Томит сомнением, терзает жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Что нужно мне? На голод корка хлеба.
Ночлег на непогоду, ветхий плат
На покровенье наготы – во всем
Ином я независим от людей
И мира. На потребу мне одно –
Покорность и пред Госиодом всей воли
Уничтожение. О. сколько силы.
Какая сладость в этом слове сердца:
"Твое, а не мое да будет!" В нем
вся человеческая жизнь: в нем наша
Свобода, наша мудрость, наши вес
Надежды; с ним нет страха, нет забот
О будущем, сомнении, колебании:
Им вее нам ясно: случаи исчезает
Из нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Над нею предали смиренно. Кто
Один всесилен, вее за нас, для нас
И нами строит, нам во благо. Мир.
В котором я живу, который вам.
Слепым невольникам земного, должен
Казаться дикою пустыней... нет,
Он не пустыня: с той поры, как я
Выл силою Всевышнею постигнут,
И, уничтоженный, пред нею пал
Во прах, она передо мною вся
В творении Господнем отразилась.
Мир человеческий исчез, как призрак.
Перед Господнею природой: в ней
Все выше сделалось размером, все
Прияло высшее знамеповаиьс.
О, этот мир презрительным житейским
Заботам недоступен; он безверью
Ужасен. Но тому, кто сердцем весь
Раскаянья сосуд испил до дна,
И, Бога угадав страданьем, в руки
К Нему из сокрушительных когтей
Отчаяния убежал – тому
Природа врач, великая беседа,
Господняя развернутая книга,
Где буква каждая благовестит
Вго Вваигелие. Нет, о нет.
Для выраженья той природы чудной,
Которой я, истерзанный, на грудь
Упал, которая лекарство мне

Всегда целящее дает, я слов
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное в пустыне, свет вечерний.
J<>3

В последнем облаке летящий с неба.
Собор светил во глубине небес,
Глубокое молчанье леса; моря
Необозримость тихая иль голос
Невыразимый в бурю; гор – потопа
Свидетелей – громады; беспредельных
Степей песчаных зыбь и зной; кипенья.
Блистанья, рев и грохот водопадов...
О, как могу изобразить творенья
Все обаяние. Среди Господней
Природы, я наполнен чудным чувством
Уединения, в неизреченном
Вго присутствии, и чудеса
Вго создания в моей душе
Блаженною становятся молитвой:
Молитвой – но не призываньем в час
Страдания на помощь, не прошеньем.
Не выраженьем страха иль надежды.
А смирным, бессловесным предстояньем
И сладостным глубоким постыженьем
Его величия. Вго святости,
И благости, и беспредельной власти,
II сладостной сыновности моей,
II моего пред Ним уничтоженья: –
Невыразимый вздох, в котором вся
Душа к Нему, горящая, стремится –
Такою пред Вго природой чудной
Становится моя молитва. С нею
Сливается нередко вдохновенье
Поэзии: поэзия – земная
Сестра небесная молитвы, голос
Создателя, из глубины созданья
К нам исходящий чистым отголоском
В гармонии восторженного слова!
Величием природы вдохновенный.
Непроизвольно я пою – и мне
В моем усдиненьи, полном Бога,
Создание внимает, посреди
Своих лесов густых, своих громадных
Утесов и ПУСТЫНЬ необозримых,
II с высоты своих ХО.ИМОВ зеленых,
С которых видны золотые нивы.
Веселые селенья человеческов
II все движенье жизни скоротечном.
Так странствую а по земле, в глазах
Людей проклятый Богом, никакому
Земному благу непричастный, злобный.
Все ненавидящий скиталец. Тайны
Моей они не постигают; путь мой
Их взорам не открыт: по высотам
Создания идет он, там, где я
Лишь небеса Господине святые
Над головою вижу; а внизу,
Далеко под ногами, весь смятенный
Мир человеческий. II с высоты
Моей, с ним не делясь его судьбой,
Я, всю ее одним объемля взором,
В ее волнениях и пзмсненьях,
Как в неизменной стройности природы.
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога
Из глубины уединенья, где
Он мой единый собеседник, мне
Вго пути среди разнообразных
Судеб земных видней. И уж второе»

Тысячелетие к концу подходит
С тех пор, как по земле я одинокой
Дорогой странствую. И в этот путь
Пошел я с той границы, на которой
Мир древний кончился, где иа его
Могиле колыбель свою поставил
Новорожденный мир. За сей границей.
Как великанские, сквозь топкий сумрак
Рассвета, смутно зримые громады
Сисжноголовых гор, стоят минувших
Веков видения: остовы древних
Империй, как слои к огромном теле
Гор первобытных, слитые в одно
20 - 1368

6621

Великого минувшего создание...
Совративыс Бгннстскне Фивы
С обломками неизмеримых храмов
Остатки насыпей и земляных
Курганов там, где были Вавилон
И Ниневия, пепел Персеполя –
Давнишнего природы обожанья
Свидетели – являются там в мертвом
Величин. И посреди сих, в ужас
Ввергающих. Востока великанов.
Меж лаврами душистыми лежат
Развалины Эллады, красотою,
Поэзией, искусством и земною
Блестящей мудростью и наслаждением
Роскошества чаруя землю. Быстро
Времен в потоке скрылася она;
Но на се гробнице вест гении
Неумирающим. Там. наконец.
В одну столпясь великую громаду,
И храмы Греции, и пирамиды
Вшита, и сокровища Востока.
И древний весь дохристианский Запад,
Могучий Рим пх груды обратил
В одну, ему подвластную, могилу,
С пригорка, где немного жизни было,
Наименованный когда-то Римом.
Сам из себя он внутреннею силой
Медлительно, в течение веков,
Зерно к зерну могущества земного
Неутомимо прибавляя, вырос.
Он грозно, наконец, свое миродержавство,
Между народами рабов один
Свободный, как великий монумент
Надгробный им разрушенных держав,
Воздвнгнул. Этот Рим, в то время,
Когда меня моя судьба постигла.
Принесши все Молоху государство
В жертву и все частные земные
Разрушив блага, чтоб на них построить
07

Публичного безжизненного блага
Темницу, этот Рим, в то время
Владыка веех, рабом был одного,
II вея вселенная на разграбленье
Выла ругательное предана
Лишь только для того, чтоб кесарь мог
Роскошничать в палатах золотых.
Чтоб чернь всегда имела хлеб и игры...
А между тем в ничтожном Вифлееме
Был в ясли положен Младенец... Рим
О Нем не ведал. Но когда Он был
На крест позорный вознесен, судьбины
Мировластитсдства его ударил час,

II в то же время был разбит и брошен
Живого Бога избранный сосуд,
Израиль. Нал Врусалнм. Вго
Святилище покинув, Откровенье
Всеми явилось миру, и великий
Спор начался тогда меж князем мира
II царством Божпнм. Один скитаясь я
Между земными племенами,
Очами мог следить нспзменпмып
Господний путь сквозь все их пзмспепя.
Терзая мучеников, Рим их кровью
Христову пашню для всемирной жатвы
II для своей гибели удобрил.
II возросла она...»

ИЗ ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЕЙ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ
БЛЛКЗОРА

Лорам, владыка Вавилона,
Сноси жестокостью Восток обременял.
Но страшный для рабов, рабов он трепетал.
Не стража и не страх, любовь – защита трона!
Тиран в страданиях все дни своп влачит.
Пускай пред ним простерта подвееленна.
Пускай он зрит себя над миром волпесспна.
Он сир в душе, и смерть, как тень, ла ним стоит!
Гисточый ужасом, гонимый подолреньем.
Во всем он зрил врага, убийцей друга чтил.
Унылость – замыслом, веселье – преступленьем!
О страшная судьба злодея под венцом!
Как тень полнощная, с растерзанным лицом,
Угрюмый и (дрожа) блуждал уединенный
Среди бесчисленной толпы своих рабов,
Ужасный, сумрачный, на всех ожесточенный,
Он взором косвенным пх лица вопрошал.
И ты, отец наш, здесь! – Вальзора восклицает. –
О счастье* сладкое!»! Нас гроб соединяет.

ВЕСНА

Пришла весна! Разрушив лед, река
Прибрежный лес в волнах изобразила.
Шумят струи, кипя вокруг челнока.
И ласточка, пришлец издалека,
На высоте церковного окна
Приют любви, гнездо свое сложила.
Сколь радостно, когда везде весна.
П небета не скучным зимним хладом
Льют тихий свет. Смиранный друг немей.
Простившийся надолго с пыльным градом.

jiо

Спешит в село, чтоб прелесть вешних диен
И тишину вкусить в уединенье!
О мирное к пенатам возвращенье!
Уж, взорами путь долгий сократив.
В приюте лип, берез и бледных ив
Он домик своп с белеными стенами
.Узнал вдали! Он видит, дым седой
Слипается над кровлей с облаками.
Он слышит лай собаки вестовой:
Уж все вблизи его открыли взоры
II скрипнулп молчавшие давно
Широких врат тяжелые растворы!
Мой друг, о ты, который суждено
Душой, лицом пленяющей и взором,
.Тавпння...

СОКОЛ

Сказка

Давно в флоренции один любовник
Одну красавицу любил
Так точно, как себя. Плохой же я толковник!
Диковинка – любить! Боготворил!

Сходил по ней с ума! Был рад ей в угожденье
(Несть на кол, спечься на огне
Пли на вечное мученье
Себя закабалить злодею – Сатане.
Так в стары годы все любовники любили!
В наш век и со свечой подобных не сыскать.
Вго – извольте знать –
Когда-то именем Эраста окрестили,
Вё ж Камиллою мы станем величать!
II если древнее предание не лживо,
То эта красота была осьмос диво:
Вдва семнадцать лет,
Улыбка – дар души, румянца свежий цвет,
Невинности очарованье
Во всём: п в томности задумчивых очей,
И в звуке го.Тосп. стол, ножном, как журчанье
Потока посреди ясмннов и лнлсй,
И в лёгком трепете от мал сокрытой груди!
Камилла, ссi1 любви Эрастовой предмет,
Была супругою красавца во сто лет
И – были ж на свету такие люди –
Супругоi1 верною и видом и душою...
ОБЕРОН

1
Где Гнппогрпф? лечу в страну чудес!
Какой восторг в душе моей играет?
Кто пелену сорвал с моих очес?
Кто древних лет мне сумрак отверзает?
Тебя ли лрю в толпе врагов, Гпон?
Рази! Рази! Рыкает гнев султана!
II копий лес шумит со всех сторон!
Враги ревут, как волны океана!

2
По заиграл внезапно дивный рог!
О чудеса! всё пляшет, всё кружится.
II прыгать нм пока достанет ног!..
Но паладин, что медлишь? Время мчится!
Валы шумят под кораблем твоим,
Попутный ветер играет парусами!
Скорей, скорей с возлюбленною в Рим!
Ваш Оберон, хранитель ваш над вами!

3
Плывут! Счастливым путь! Но добрый паладин.
Плод заповеданный! Страшнся искушенья!
Двзонпя близка, ещё два дни терпенья
II вы на берегу!.. Ах, где ты, Шеразмин?
Спаси бессмысленных. Спаси их!.. Нет спасенья!
И гром на небесах н бура средь валов!
Они не чувствуют ни бури, ми громов!..
О горький н.юд любви! Всё жертвою мгновенья!

4
Какую пропасть зол .побовь открыла вам!
Разгневан Оберон! На все готовьтесь муки!
Уже! Рука с рукой несутся по валам!
II то блаженство нм, что нет для них разлуки!
Что вместе, с грудью грудь, погибель им узреть!
Напрасно! Грозный дух обрек пх па страданье!
Увы! Последнее погигло упованье,
Последняя в бедах надежда умереть!

5
Но берегу дикому без сна. полунагие.
Скитаются они, спасенные для мук!
Постсля нм утес и жестких ветвей пук:
Их пища горький лист или плоды гнилые,
Кое-где между мхов растут и на песке.
Где помощь! Ни ладьи не видно в тихом морс.
Пи дым обптсльный не вьется вдалеке!
Природа, случай, рок на казнь их в заговоре.

6

И мстящий гнев еще не утолен:
И не дошло до меры испытанье:
Их трудный путь любовью озарен;
Страдать вдвоем не есть ещё страданье!
Но розно быть, как в ночь под ревом туч,
Два дружных корабля грозою разлучены:
И угасить последний слабый луч,
В тайнейшем уголку надежды сохраненный –

7

Вот мука выше мер!.. Отринешь ли их стон.
О ты, их прежний друг! Будь тронут их мольбами!
Вотще! В го глаза блестят ещё слезами!
Спасенья нет, когда рыдает Оберон!
Но Муза, укроти на время исступленья.
За тридевять земель воеторг тебя замчал!
Давно твой слушатель, наскучив задремал!
Загадка для него чудес твоих виденье.

8

Зачем кричать: я вижу то и то.
Чего с тобой не видит здесь никто?
Скажи простым, для всех понятным тоном.
Что, где, когда случил ося с Гномом.
Смотри блестит в камине огонек;
Твои друзья степенней в кружок:
Желание написано на лицах!..
Рассказывай нам были в небыли пак!

9

Известно вам, друзья, что рыпась наш Гной
Великим Карлом был отправлен в Вавилон
За делом гибельным и в славный век рснодов.
Теперь мы не найдем подобных сумасбродов.
Как верный церкви сын Гной заехал в Рим,
Дабы принять в грехах от папы разрешенье...
«Гряди! и будь твоим желаньям неполненье.
Но прежде поклонись, мой друг, местам святым!»

10

Сказал отец Леон. И паладин смиренный.
С молитвой приложась к ноге его священной.
Идет отважно в путь. Жесток был Карлов суд:
Но с помощью святых какой опасен труд?
И вот уже Гной наш в Газе: вот с клюкою,
С котомкой, с четками, под рясой власяною,
Идет он в Вифлнсм, идет в Врусалм
И поклоняется, в слезах, местам святым.

РОДРИГ

Уже давно готовлюсь небо
Испанию преступную сразить –
Исполнилась его терпенья мера!
Граф Юлиан призвал врагов. Не зверство
Терзающих невинность суеверов.
Не тяжкая невозя сограждан.
Но ззоба личная вооружила
жестокого барона: мстя Родригу
За дочь свою, поруганную им,
Отверженей Христа ожесточен ими,
В недобрый час призвал он хищных мавров.
Как саранча, пагубоносной тучей
Слетевшая с пылающих пустынь
Песчаной Африки – так мусульмане
Бесчисленны в Иберию помчались:
Могучий мавр, си рису, сараны и.
Татарин, перс, и копт, п грек отступник –
Псполнены единым исступленьем,
В губящее совокупились братство!
–° И волю дав страстям и мщенью,
Лжеверием обманутая совесть
Все ужасы злодейства освятила.

О Кальке! Ты нрпплытне их зрела.
Вотще тебя, священная скала,
Прославили и боги п герои.
Могучий Крон и Брнаррей Сторукий.
И Бахус, и Ахилл, носи ж теперь
Постыдное вождей неверных имя
II их побед стой памятником вечным.
1° Ты видела волненье мрачных вод
II пену волн, кипящих под рулями
Их кораблей; (тот час) твои пески
Услышали их буйные бахвальства.
Па бреге том стоял пх прежний стан.
II грозные их стяги развернулись.
Там дневные лучи свсрк(нут) по их тюрбанам.
По пх щитам с насечкою златою.
По броням пх и саблям (пх) сирийским.
П флаги горделиво развевались.
Их на беду враждебным пбсрннпам
Приветливо лобзал весенний ветер.
ЭЛЛЕНА И ГУНТРАМ

I
Эллсна в сумерках сидела
За самопрялкой у окна:
В окно задумчиво глядела
Работу позабыв она.
Перед окном дорога вьётся.
Она глядит, вдруг видит: там
Пыля, на вороном несётся
Коне* жених её Гунтрам.
Лиона, вскрикнув, покраснела,
Из замка выбежать хотела
Навстречу милому она;
Зато ро и 11.1 ась, зас исшила
И самопрялку уронила,
И видит нить перервана.
И душу злое предвещанье
Невольню возмутило в іісіі,
И отуманилось сиянье
Вё лазоревых очен:
Не разогнал её печали
И вид младого жениха;
Выла грустна, была тиха
И перлы слёз в глазах сверкали.
Не унывай, сказал Гунтрам,
Недолго жить в разлуке нам.
Отдав фал ь и графу долг вассала,
Я возвращусь, путь недалёк.
Неделя самый длинный срок.
Эллсна грустно промолчала.
Ночь подоспела топ ііоройі:
Гунтрам с невестою простился,
Сел на коня, поехал, скрылся;
И долго с тайною тоской
Эллсна у окна стояла
И взор на небо устремляла,
На коем звезды перед ней
В обычной ти IIIн не своей
Воспламенялись как лампы.
Но сердцу грустному отрады
Пе принесла их тишина.
В свой терем возвратись, она
Всю ночь ту плакала, молилась
II к утру лишь утомлена,
Смятенным, тяжким сном забылась.
Прошла неделя, но Гунтрам
Не возвратился по условмо.
Напрасно волю дав мечтам,
С нетерпеливою любовью

Элсна под окном ендт
II на широкий путь глядит –
Конь вороной там не пылит
и нет Гуитрама. Обещанью
Он против волн изменил:
В Бургундию фальц графом был
Он послан. Кончив всё, к свиданью
С невестой, напоследок в свой
Обратный путь Гунтрам пустился.

II
Давно был вечер. В лес густой
Заехавши, в потёмках сбился
Гунтрам с дороги. Тщетно он
Найти свободный путь старался.
Непроходим со всех сторон
Был лес и только что сгущался.
Вот наконец взошла луна,
II просветлела понемногу
Густого леса глубина:
В кустах заглохшую дорогу
Сквозь сумрак разглядел Гунтрам...

БЕЛОКУРЫЙ ЭК БЕРТ

Некогда к тёмном долине лесистого Гарна жил рыпарь.
Был он лет сорока, сухощав и бледен, и кудри
Светлых волос покрывали его широкие плечи:
Нее от того называли его белокурый Экбертом.
Жил он в замке своём с молодою женой, как отшельник
В дикой степи: друг друга любили они, но чуждались
Света и редко захаживал гость в их пустыню. Один лишь
Был у Экберта друг; назывался он Вальтер; в соседней
Области замок имел он и будучи страстный охотник
Часто с своей арбалетом ходил он в ту долину, где жнлн
Рыпарь Экборт и его молодая жена. Принимали
Вальтера с лаской сердечной они, и он оставался
Дней но несколько с ними; с утра уходил на охоту.
К ночи ж назад возвращался, и длились нередко
Пх разговоры до света. – Была глубокая осень.
С Бертой своею Экберт и гость их Вальтер сидели
Раз у огня; дрова трещали; пламя, блеекучнй
Свет разливая, на своде палаты играло; угрюмо
Чёрная ночь смотрела в окно и ветер холодный
Дождь отрясая с деревьев как крыльями птица ночная.
В стёкла стучал. Бывают в жизни минуты, когда нам
Страшно становится тайну от друга иметь и невольно
Сердце своё ты пред ним обнажаешь: в такие минуты
Все исчезают преграды и две сливаются жизни
Разом в одну; но случается часто и то. что в ужас
Нас самих откровенность наша приводит и дружбу
Губит доверенность. Как бы то ни было, в эту минуту
Внутренний голос шептал неотступно Экберту: откройся
Другу вполне. Послушай, Вальтер, сказал он, давно уж
Мы с тобою друзья, а всё ещё многое в нашей
Жизни прошедшей до сих пор осталось тебе не открыто.
Это лежит у меня на сердце как камень: мне должно.
Вальтер, я чувствую, должно это тяжкое бремя
Сбросить с себя. Жена теперь же тебе откровенно
Всё расскажет, что с нею случплося в жизни. – Я буду
Слушать охотно – Вальтер сказал, поглядев со вниманьем
Берте в лицо. Была уже полночь; месяц ущербный
Бледно светил в туманном круге, и дымом прозрачным
Мчались мимо его облака, наводя на окрестность
Лмрак тревожный, сменяемый часто неверным сияньем.
Волю мужа я рада исполнить, – с приметным волненьем
Верта сказала. Ты, Вальтер, нам друг, ты живое у часты»
Примешь в нашей судьбе. И как ни похожа на скалку
Будет повесть моя: но знать ты должен, что все в ней
Чистая правда! Слушай! Я дочь родителей бедных...
Вечно светла ты, вечно светла ты, пустыня лесная!

Душу чарует, душу врачует покой твой глубокий.
Всякое горе, тревогу людскую очистит долина.
Дни здесь приятны! О как ласкает пустыня лес пая.
Где ты. родная пустыня лесная? Далёко-лалёко!
Горе в душу вина заронила глубоко, глубоко.

(ВОЕННЫЙ СУД НА МАЛЬТЕ)

Был вечер тих, и море голубое
Лежало гладкою равниной; свежий
Благоуханный воздух не струился,
Не наводя на зеркало (волны).
Дышало всё прохладой растворенной.
Очаровательно сверкали звёзды.
С своими белыми скалами Мальта
Казалась облачком, меж двух лазурных.
В одну спящих бездн, висящим. Словом.
То был один из тех невыразимых
Чудесных вечеров, когда душа
Томится беспокойным наслаждением.
И в этот вечер, прелести его
Не чувствуя, на крепостном валу
Стояли офицеры гарнизона
Валетты. Тот, куря, смотрел угрюмо
На морс* и пускал клубами дым.
То вдруг бледнел, то вдруг, забыв сигару.
Держал её перед открытым ртом
II думал; тот стоял, поднявши руки
}1С)

На грудь, и мрачный взор его, упертый в землю.
Был неподвижен; тот в тревожных мыслях
С движеньем судороги чае то тер
Рукою зоб п вздрагивал, как будто
Ужаеное что кепомниз. Вее они
Тот вечер провези у командира
Стаился Ральфа, коменданта
Валетты и стоявших в Мальте войск.
Потом сошлись на бастионе, чтоб свободно
Поговорить о том. что в этот день
Случилось. – Я, сказал один из офицеров,
Предвидел это всё с тех самых нор.
Как Виллис Франк был переведен в роту
К Мажандн. Франкова жена прелестна.
Мы знаем все, каков Мажандн. Франк горяч
II честью дорожит. Чему ж
Дивиться? Выть иначе не могло.
Верной, ты заседал в суде военном.
Что говорил в свою защиту Франк?
Он не сказал ни слова. Преступлень
Доказано. На капитана поднял
Он руку. В этом нет сомненья...

(ФРИДРИХ И ГКЛА)

Рыцарь Фридрих Барбаросса,
После бывший Герцог Швабский,
Л потом известный Римский
Император; дни молодые
Проводил в отцовском замке,
Там, где катит светло воды
Но долинам Веттерау.
В этом замке ежедневно
Пли рыцарские игры,
Иль охота пли чтение
Вдох 11 о в и тел ь и ы х с кала и и й
О делах времён минувших,
Иль искусство трубадуров
Л а 1111 ма. i < > п а. I.I ад 11 на.
Он прекрасен был лицом,
Но душа еще прекрасней.
В этой рыцарской душе
Созревал уже великий

II м пе ратор. обе ща в 111 и й
Выть красой н честью века
С коего п всех веков.
В том же замке, где наш Рыцарь
Жил, была у кастелана
Дочь, прекрасная, как ангел,
Было ей шестнадцать лет.
Фридернку было двадцать.
И при первой встрече с Гелой
Первой, чистой, но безмолвной
II застенчивой любовью
В нём наполнилась душа...
«КАРЛ ВШТКИЙ ДАЛ ОДНАЖДЫ...»
Карл Великий дал однажды
Обещание построить
Церковь в Лхсне во имя
Богоматери – он ею
От смертельного недуга
Был чудесно исцелён.
При дворе ого в то время
Был философ; все науки
Знал он; даже слух носился
Будто был он чернокнижник,
Что какой-то адской силой
Делать золото открыл.
Правда ль было то иль сказка,
Знает Бог; но император
Был с философом учёным
Очень ласков и беседу
С ним .побил он, даже чаето
II советовался с ним.
В это время на саксонцев
Шёл войною Карл Великий;
Но исполнить обещанье
Данное Пречистой Деве
Он хотел благочестиво
II в отсутствии своём.
В час отъезда призывает
Он философа. «Философ, –
В.Гасте.111 вы и и м нератор
Говорит ему, – поверить
Дело важное намерен
Л премудрости твоей.
Знаешь сам, какое дал я
Обещанье. – На неверных
Я иду теперь войною.
11 покуда в отдалены!
Буду я мечом саксонцев
В нашу веру приводить,
Ты воздвигни зданье Божье
Богоматери Пречистой,
Мной обещанную церковь,
чтоб она великолепьем
и огромностью на диво
Свету целому была.
я казну тебе большую
Оставляю; не жался,
Трать её, но знай, философ.
чтоб была готова церковь
непрерменно, непрерменно
К возвращенью моему».
Вот к философу явился
Знаменитый архитектор,
Пачертш план, как должно
Стены сделать п фундамент
и немедленно был набран
Целый каменщиков полк.
и работа закипела.

Нот уж выведен фундамент.
Вот и стены уж готовы.
Поди и мается громада.
Чудо! – вдруг работа стала.
Что случилось? От чего?
Деньги вышли. Знать в расчётах
Архитектор и философ
Обманулись. Что ж ТУТ делать!
Прпзаду мался философ,
Лоб нахмурил, удивился,
Зачесался в голове.
Карл Великий не великий,
Знал философ, был охотник
До [2 стиха нрзб.]
Долго ожидал философ,
Наконец с письмом отправил
К императору гонца.
В том письме ему открыл он
Все учёности познать
[далее .{ стиха нрзб.}]
ЧАША СЛЁЗ

Раз матушка свою любила дочку
Так горячо, так глубоко, так нежно,
Что жизнь, и свет, и всё. что сеть на свете».
Лишь милой дочкою её было мило.
Но вдруг Господь Всевышний испытанье
Великое послать благоволил
На сердце матери: её ма.нотка
Занемогла смертельно. День и ночь
Над нею мать сидела, не сводя
С страдальцы очен, следя ла каждым
Её движением, её дыханье
С волненьем слушая, – и непрестанно
Молясь, чтоб БОГ помиловал её.
Но милосердый БОГ о ней решил
Иначе: Он её призвал к Себе
На небо, и она – как говорят иные
Бессмысленно на свете – умерла.
Без всякого осталась утешенья
Лишившаяся дочки мать. И с горя
Так силы ослабели, что она
Недели не прошло...

АЛЬФЫ
Где Лилия? Спросил отец. Она,
Сказала мать, в саду? играет с сыном
Соседа нашего Анзедьма; этот
Мальчишка очень мил: он весел, жив.
По не проказлив; с ним без опасенья
Мы Лил ню оставить можем. Дети,
(В окно тут закричала мать). Я в поле
Иду с отцом; а вы играйте здесь:
Но вам и по лугу побегать можно,
И в роще погулять; лишь далеко
Не уходите. Слышите ли? – Слышим –
Сказал Руфин (так мальчик назывался).
Отец и мать ушли; а дети скоро,
Оставив садик, выбежали на луг.
Разостланный ковром перед пригорком.
На высоте которого стоял
Весёлый домик мельника Мартына.
Он в этом домике уже тому лет шесть
С своею доброю женою Дорой
И с дочкой (Лилией), тогда ещё
Младенцем в колыбели, на житьё
Приехал на соседней, скучной,
Безлюдной, ПОЛУДИКОЙ стороны.
Л край, в котором мельник жил,
Прекрасен был; подумать было можно,

что небо ласково его
Лелеяло: над ним оно почти
Всегда безоблачно сияло; если ж
Когда и тёмные сводило туш,
То ненадолго только для того.
Чтоб напоить поля дождём, как
Поят своих детей, их обновляя жизнь.
II над ними всё было...

ПРОДАННОЕ ИМЯ

Давным давно, а как давно, о том
Наверное сказать не можем мы;
Известно только то, что это было
Ещё до лжепророка Магомета –
В приморском городе. Вассоре, жил
Купец. Сначала он имел большое
Богатство, а потом от неудач
В торговле обеднял, и до того,
Что принужден был тяжкою работою
Насущный хлеб с нуждою добывать:
Он сделался носильщиком. Когда
Входили в пристань корабли, Рубан –
Так назывался он – их выгружать
Усердно помогал. II он всегда
Имел работу, потому что был
Известен честностью: ему без страха
Вверяли всё, и самый дорогой
Товар. А в бедности ему подпорой
Служило то, что на своей душе
Он никакого не имел упрёка.
Он был всегда [2 нрзб.]
Богобоязнен п смиренно воле
Всевышнего покорен. Напоследок,
Уже достигнув старости глубокой.
Почувствовал Рубан, что наступил
Вго конец. Он сына своего –
Который был уж двадцати двух лет
И. как отец, Рубаном назывался –
Призвал к себе и так ему сказал:
«Рубан, последний час мой наступил,
Но я его спокойною душою
Встречаю: он меня от пытки жизни
Освобождает. Я не сожалею
О свете; лишь с тобой одним мне тяжело
Расстаться. Но мои уж сочтены
Минуты – подойди, стань на колена.
Мой сын, чтоб от меня благословенье
Принять». – И на голову сыну руку
С улыбкою прискорбной положив.
Промолвил он: «Ты был всегда покорным,
Всегда почтительным и добрым сыном;
Ты возмужал в смирении; Господь
Тебя благословит: когда пути Вго
Ты не покинешь, Он твоим
Сопутннком всегда и всюду будет.
Я ничего, мой друг, тебе в наследство
Оставить не могу; одно мое*
Наследство – имя, никакой неправдой
Не опозоренное в долгой жизни.
Вго, мой сын, ты чистым сохрани,
Чтоб Богу угодить, чтоб всё на свете,
И радость, и печаль, тебе во благо
Преобразилось, чтоб последний час
Ты столь же мирно встретил, как теперь
Его отец встречает твой. Прости.
Не сетуй. Я, с тобою разлучаясь,
Тебя другому, лучшему Отцу
С рук на руки передаю; при нём
Ты сиротой не будешь...» Тут рука,

Благословляющая сына, тихо
Упала; взор, на сына устремленный,
Потух, и в лёгком вздохе улетела
Душа. Рубан, на грудь отца простершись,
Напрасно силился его от смерти
Рыданием и плачем пробудить:
Не пробудился он. И всё своё
Имущество продать был принужден
Осиротелый сын, чтоб с честью тело
Отцово схоронить. И сам остался
Без ничего. Когда обряд печальный
Был совершён, в унынии Рубан,
Домой с кладбища возвращаясь, вдоль залива
Шёл тихим шагом. Солнце уж сходило
На запад; пламенное море гладким
Лежало зеркалом; и на водах
Его, едва приметно зыбясь [нрзб.].
На якорях стояли корабли.
Была полна пародом пристань; шум
Торговли, беготня и суетливость
Работников, беспечная весёлость
Гуляющих, движенье лодок, быстро
Скользящих по волнам пурпурным, – крики,
Музыка, пенье, стук повозок, ржанье
Копейки, людские голоса, в один
Снянныи широкошумный говор –
Всё жнзнию кипело; но Рубан
Был ко всему бесчувственен. Он в толпе
Людей, как прокажённый, всем чужой,
И никому ненужный, брёл, нотупя
Глаза. И на поел едок вышел он
На взморье: в хижину свою не в силах
Был возвратиться он, и эту ночь
Решил провести под чистым небом:
На воздухе* он мог дышать свободно.
А в хпжппс, в виду пустой отцовой
Постели, было для него, как в тёмной
Могиле, душно. Он уж был готов
Лечь на песок, подушкой выбрать камень.
Покрытый мягким мохом – как его
100 Глазам явился какой-то незнакомый.
ИЗ ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЕЙ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ
Остановись, он так сказал Рубану:
«Знать у тебя на сердце тяжело.
Мои сын, что ты не видишь и не слышишь.
Я за тобой давно иду; не раз
Тебя я громко а вал – всё напрасно». –
«Не осуди, – ответствовал Рубай. --
Ты угадал: на сердце у меня
Не мало горя. Но чего ты хочешь?
Велишь ли ношу за собой какую
Нести па пристань? Я готов». – «Об этом
Поговорим мы после. Наперёд
Скажи мне, что за горе у тебя
Па сердце?» Искренно ему Рубан
Всё рассказал; когда ж он свой рассказ
Окончил, – «Это правда. – незнакомец
Ответствовал: тебе достался
Удел нелёгкий. Но терять надежды
Не надобно; ты молод, силён. Бог
Тому помощник, кто Ему вверяется.
Сам помогать себе умеешь. Я же
Теперь могу тебе к тому подать
И средство. Тот большой корабль, который
Стоит на взморье, мне принадлежит:
Он нынче выйдет в море; ветер
Благоприятен. Но одни матрос мой
Скоропостижно умер; я ищу

Охотника на место у бывшее.
Скажи мне, сын мой, согласишься ль ты
Его занять? Ты, вижу я, смышлен;
Тебе легко привыкнуть будет к делу.
Решись – и мы теперь же на корабль
Пойдём, п с Богом пустимся в дорогу».
Рубан не долго размышлял; ему
Откладывать не нужно было; дома
Он никого не покидал; там было не с кем
Прощаться; на дорогу же оттуда
Взять было нечего – и он сказал:
«Согласен». – Тотчас по рукам они
Ударили. И вслед за Риабаром –
Так назывался корабельщик – прямо
Пошел он на корабль. Там было всё
К отплытию готово. Парусами,
Как птица крыльями, зашевелил
Корабль; они расправились, их туго
Попутный ветер натянул; корабль
Шатнулся, тронулся, пошёл – и быстро
По голубым водам залива пролетев.
Проникнул в океан, и посреди
Пучины код великих скрылся...
Часто в прогулках моих одиноких миг; попадался.
Часто в прогулках моих одиноких мне попадался
Старый нищий. Всегда у большой дороги сидел он –
Там, где у съезда с горы положили бревно, чтоб удобней
Выло садиться опять на седло тому, кто с крутого
Спуска лошадь сводил в поводах. Старик, прислонивши
Палку к бревну и сложивши с плеча котомку, с какой-то
Детскою радостью брал из неё одна за другою
Хлебные корки, сбор с поселян, и с ленивым вниманьем
Их пересматривал. Скорчась в дугу, без шляпы, на знойном
Солнце, один посреди холмов пустынных и голых.
Медленно ел он свой скромный обед; одною рукою
Корку держа, под неё подставлял он другую, чтоб крошки
Все до последней сберечь, но к ногам его много ча лемлю
Падало их. и галки, косясь на добычу, бродивши
Поодаль, на целую палку его расстояньем – к манившей
Пх приманке порой приближались. С самого детства
Знал я его; как теперь, и тогда уж старёхонек был он,
Так же всё бродит один, и с виду такой же беспомощный.
Что ни один проезжий с коня небрежною рукою
Мелкой монеты своею не бросит ему, а слезает
С лошади сам. чтоб вернее своё подаянье в худую
Шляпу его положить; и каждый, ногу вставляя
В стремя, за ним всё ещё следует косвенным взглядом.
Палка его неразлучно тащится с ним; он так тихо
Бродит, так слаб и медлен в движениях своих, что едва ли
След какой на дорого его нога оставляет.
Шавка дворовая брехать на кого угоняется прежде.
Нежели он успеет мимо ворот проташиться.
Девочка, мальчик, ребенок, взрослый, праздный рабочий –
Вес обгоняют его, он у всех назади остаётся.
Сборщица ионы пи дорожных, летней порою за пряжей
Сидя в дверях, лишь завидит его вдалеке, по дороге
Тихо бредущего, просьбы его не ждёт, и работу
Бросив, сама перед ним подымает шлагбаум. Столкнувшись
С ним па тесной дороге, почтарь – когда не услышит
Крика его: «Старину шка!» – в сторону сам осторожно
Правит и мимо, без грубого слова, даже без сердца.
Едет. Одни одинёхонек ходит бедняк. Не имеет
Старость его товарища. Вечно глаза его в землю
Смотрят; он медленно движется вдоль по дороге*; невольно
Движется с ним и она, и видит не то, что мы видим
Все – не зелень полей, не холмы, не светлое небо;
Пет, одну лишь узкую полосу пыльной дороги.
Тут и весь его горизонт! Ежедневно, склонивши

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
Дряхлую голову, бродит с утра он до поздней ночи,
Видя, но сам почти не зная, что видит. – кой-где
Клок соломы, вялый лист, отпечаток подковы
Пли гвоздей на пыли – и всё в одном расстояньн.
Всё в одном направлены!. Бедный странник!... Одна лишь...
(ПЕРВОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ АПОКАЛИПСИСА)
... И в оном сне видения стеснились.
И чудные мне слышалнея гласы...
Мне голос был: «Я Альфа и Омега?
Я сущий, будущий, и бывший; Я
Живыи. умерший и воскресший: Я
В моей руке держу ключ ада
II смерти» – II увидел я, что Некто,
В одежде длинной, с поясом златым.
Как пламень солнечный лицо, семь звезд
ю В деснице и двуострый меч из уст,
Сидел на троне. II четыре трон
животных на хребте держали
Имен образ льва, тельца, орла
И человека; н шесть крыльев было
У каждого жикотнаго великих;
II были вее усыпаны очами;
II нет ни днем, ни ночью нм покоя.
II горіііііі трон тот окружали двадцать
Четыре старца, на престолах, в белых
Одеждах, с золотыми на главах
Коронами, сидевшие. II громко
Животные трондержавцы пели:
«Свят! свят! снят!» II когда их пенье
Возобновлялось, вес пред троном двадцать
Четыре старца падали па землю,
К ногам сидящаго кладя своп
Короны. Тут виденье изменилось:
В руке сидящаго узрел я книгу;
Извне и нзвнуртп она была
Исписана, п было семь на ней
Печатей. И был голос: «Кто достоин
Печати с книги спясть?...» II плакал я.
Что не было достой наго. Тогда
Пред тем, кто восседал на горнем троне.
Среди животных и венчаных старцев,
Стал седмпрогнн, седмпокип Агнец,
Как бы закланый; он взял книгу; тут
На землю перед ним все пали двадцать
Четыре старца; арфы были в их
Руках и золотыя чаши, с них же
Святых молитвы, дымом фимиама
Благоухая, к трону подымались.
И новую воспели песнь тут старцы:
И ангелы тогда окрест животных
II старцев, тысячами тысяч, пенье
Их повторили: с ними ж пело и все созданье.
Все – что на небесах, что на земле,
Что иод землей, что на морях, что в бездне
Мореіі – к сидящему на горнем троне
Воспело, в глас один слиясь: «Тебе
Благословенье, слана и держака
Во веки!» И «аминь!» провозгласил.
Жнвотныя; на землю пали стариы.
II к запечатанной прнблнжась книге.
Снял А гиен первую печать: н белый
Явился конь; его седок держал
Великий лук, и был ему венец
Дан на победу. Агнец снял другую
Печать: предстал конь огнепнаго цвета.
II был на нем седок с мечом убийства.
Когда печать снял третью с книги Агнец:
Явился черный конь, и меру всадник

Вго имел в руке. Когда же Агнцем
Снята была четвертая печать:
Конь бледный выбежал, и был ужасный
На нем седок? и тот седок был – смерть!
II ад за ним стремился... Власть имел он
Губить мечем, и голодом, и мором,
II диким зверем. Пятую печать
Снял Агнец: души убиенных громко
О мщеньн возопили. Их одели
В одежды бслыя, дабы они
С терпением того, что будет, ждали.
Когда ж печать шестую Агнец снял:
Настало страшное землетрясенье;
Как власяница солнце потемнело:
II сделалась луна как кровь; и звезды,
Как плод смоковницы великим ветром
Шатаемой, попадали на землю;
И небо, вдруг свернувшея как свиток,
Исчезло: с мест своих на суше горы
И в море острова подвиглись; все
Цари земные, их вожди, вельможи,
II сильные, и всякий раб, и всякий
Свободный – скрылпея в ущелья гор
II в глубине пещер, н говорили
Горам: «падите на главы нам, скройте
Нас от епдящаго на троне, скройте*
От Агнца нас! День гнева неизбежный
Его настал. И в этот день пред мим
Кто устоит?...» Тогда я четырех
Увидел ангелов: на четырех умах
Зсм. In они стояли и четыре
В руках держали ветра, чтобы ветер
Ни на море не веял, ни на земле,
Ни на древа земные. Тут увидел
Я ангела, с востока селима в блеске
Идушаго, и он держал в руке
Печать жива го Бога. II тогда
Свершнлося двенадцати колен
Запечатленье той живой печатью
И вдруг – п трон и Агнца окружили
Бесчисленность людей из всех народов
И поколений, в белых одеяньях.
С ветвями пальм в руках, и возгласили
Они Хвалу Сидящему на троне
II Агнцу. Тут все четверо животных,
Все старцы и всех ангелов, кругом
Стоявших, легионы пали ниц.
Воскликнув: «Честь, благодаренье, слава,
Премудрость, власть, и сила, и держава,
II поклоненье Господу во веки
Веков!» И Агнец снял печать седьмую:
Глубокое безмолвьс воцарилось
На небесах как бы на полчаса.
Семь ангелов приблизились к трону –
II было нм дано семь труб. Потом
осьмой с кадилъницею ангел
Пред жертвенником стал и с фимиамом
На жертвенник молитвы возложил
Святых – и от руки его вознесся
Молений дым благоуханно чистый,
Потом он. жертвенным огнем напoлнив
Кадильницу, поверг ее на землю:
II сделались повсюду гласы, молний
Блистанье, громы, шум землетрясепья.
И вострубить семь ангелов готовясь,
Приставили семь труб к своим устам.
II с первую трубой – огонь н град
На землю пали с кровью, и сгорела

Деревьев третья масть, и вся трава
Зеленая сгорела. Со второй
Трубой – гора пылающая в море
Нилверглася, и моря третья часть
Преобратнлась в кровь, и третья часть
Живущих в море умерла, и третья
Часть на море судов погибла. С третьей
Трубой – лвелда, горящая как светоч.
На третью часть истоков водных, рек
II всех лемных потоков пала с неба.
II воды стали горьки, как полынь,
II люди все, пх пившие, погибли.
С четвертою трубой – затмилась третья
Часть солнца и луны и звезд, и третья
Часть дня была без света, и третья
Часть ночи без сиянья звезд, и было
В том мраке слышно, как летел, шумя
Крыламн. ангел, вопиющий: «Горе
Живущим на земле, когда от трех
Последних труб нзыдет голос!» С пятой
Трубою – новая звезда упала
С небес, и был ей дан от бездны ключ.
И отворилась бездна, и пошел
Из бездны дым, как из великой мечи:
II помрачи л ося от дыма солнце
II все воздушное пространство;
Из дыма тучей саранча исторглась
II кинулась – не на луга густые
II не на зелень нив, но на людей,
Не получивших знаменья печати
Живаго Бога, чтоб, не убивая,
Лишь уязвлять их жалом скорпнноным:
II шум от крнл ся подобен
Был стуку колесниц, когда бегут
В сраженье кони; и царем ея
Был ангел бездны, имя он имел
Там Аваддона. И с шестой трубой –
Раздался глас, трубившему сказавшим:
«Дан во.мо четверем вблизи великой
Реки Евфрата ангелам, носящим узы».
И ангелам дана была свобода
На погубленпс люден. II было
Их воинство несметно; были латы
Па всадниках из пламени; их кони
Тройною язвою дышали; их
Дыханье третью часть люден жнвущнч
Внезапно умертвило: остальные ж
Вез покаяния во тьму безверья
II злодеянья глубже погрузились.
ТУТ семь громов своими голосами
Проговорили.... Ангел [я увидел],
Стоящий на море одной ногой
II на земле другою, поднял к небу
Десницу, н клялся Живым во веки
Веков, создавшим небеса п все.
Что в небесах, создавшим землю
И вее, что на земле, создавшим море
И все. что на море есть – клялся, что время
Уж миновалось; но что в оный день,
Когда седьмой вострубит ангел, тайна
Господняя свершится, как пророкам
Ее Господь открыл. II вострубила
Труба седьмая: и раздался голос
Отвсюду: «царство мира стало царством
Живаго Бога и его Христа.
II царствовать во веки будет он!»
П снова ниц на землю пали двадцать
Четыре старца пред Всевышним Богом

И возгласили все: «благодарим
Тебя, который был, и есть, и будешь.
Тебя, Господь, за то, что власть свою ты
Великую приял, и воцарился!
День гнева твоего настал, день страшный
Суда и погубления губивших».
И растворился Божий храм на небе.
И в храме Божьем ковчег явился
Кго завета, и послышался глас
Отвсюду. молнии зажглись, громы
Заговорили, град упал великий,
Землетрясением все поколебалось.
И на небе великое тогда
Явилось знамение: жена, чудесно
Одесная в солнце, под ногами
Луна, на голове двенадцать звезд
Венцом... За оным знаменем другое
Явилось страшное: великий, чермный,
Седмиголовый с десятью рогами
Дракон, на головах седмидесяти;
И третью часть он звезд своим хвостом
Низвергнул с неба. Став перед женою.
Страдавшем мукою родов, разинул
Он пасть, чтобы пожрать ее младенца.
Как скоро он родится. Но младенец.
Пасти жезлом железным обреченным
Народы, был на небо унесен;
Жена ж, ушед в пустыню, скрылась в тихом
И уготовленном от Бога месте.
Тут началась на небесах война:
Архангел Михаил с своею ратью
Пошел на чермного дракона; чермный
Дракон пошел с своею ратью против
Архангела, но был сражен,
И не нашлось ему на небе места!
Сражен был древний змий, его же имя
Диаволь-сатана, всего созданья
И человеков оболститель; с ним
Низвержены и ангелы его.
И на небе раздался громкий глас:
«Спасения время совершилось! царство
Настало Бога и Христа, понеже пал
Он, клеветник, на нас и братный наших
И ночь и день пред Богом клеветавши!
Он побежден святою кровью Агнца.
И словом их свидетельства, и тем.
Что веруя они не возлюбили
Своем души до самой смерти.
Возвеселитесь, небеса, и все
Живущие на небесах; а вам,
Живущих на земле и на водах,
Вам горе: сатана сошел к нам, полный
Вел и кон ярости, понеже знает.
Что временим ему осталось мало!»
Рассвирепев, дракон пошел войною
На всех рожденных от жены, покорных
Заповедям Господним, и Христовым
Свидетельством запечатленных. Тут
("вершилось новое видение: вышел
Десятирогий седмиглавый Зверь
Из моря; были на рогах короны
И богохульный на головах
Стояли имена. И дал ему
Дракон скоп трон, и власть свою, и силу:
И вся земля последовала зверю
И поклонилась дракону. Зверь
Отверз свои уста на богохульство.
И все живущие, которых имя,

С создання мира, в книгу жизни Агнцем
Не внесено, поверглись ниц пред ним.
Тогда другой явился, из земли
Иshedшнн, Зверь: подобно агнцу, он
Имел два рога; говорил, как чермный
Дракон, и действовал перед драконом
Со всею властню, как первый зверь.
Которому он поклоняться всех
Живущих н вею землю заставлял.
Творя пред ними знаменья: сводя
Огонь с небес и чудесами разум
Внимающих ему вводя в обман,
Лик зверя, исцеленнаго от раны
Смертельной, сделать убеждая. Выло
Ему дано вложить в лик зверя дух,
Чтоб он и говорил, и возбуждал
Убийство против тех, кто поклоняться
Не будет лику зверя, п он всем –
II малым, и великим, и богатым,
II пищим, и свободным, и рабам –
Па их челе и.ш руке .шк зверя
Изобразить, ii.li> имени его число
Напишет. – И новое видение предстало:
Явился па горе Сионе Агнец,
II были собраны к нему сто сорок
Четыре тысячи запечатленных
Печатню его Отца.
II голос в небе слышен был. подобным
Потоков многих шуму и громов
Великих гласу, и струны арф.
Сопровождавших пенис, звучали:
То было пение пред горним тронем,
Пред четырьмя животными его
И перед старцами – и пенье то
Одни, печать Живаго Бога на челе
Носящие, могли из всех люден на свете
Живущих повторить. Потом явился
По небесам летящий Ангел; он
Имел в руке Евангслье, чтоб благо
Спасенья веем благовестить народам.
За ним летел другой по небу ангел.
Гласящий: «пал великий Вавилон.
Понеже яростным вином разврата
Народы все он напоил». – II третий
Явился ангел, п гласил он; «Горе
Всем поклоняющимся зверю, веем.
Кто начертанье имени его
Иль образа приемлет на чело
Иль на руку свою! тот будет пить
Господней ярости вино, в его
Сосуде гнева; тот низвержен будет
В огонь и в пламенную серу; будет
Перед очами ангелов святых
II перед Агнцем мучим, и во веки
Ему от мук не будет утоленья!»
II глас тогда проговорил с небес:
«Блаженны мертвые, блаженны все,
Кто и Господе отныне умирают:
Они найдут от всех своих трудов
Успокоение, и их деда
Пойдут за ними вслед». II в небесах
Явилось облако; на нем в сняньн
Сын Человеческий сидящий зрелся:
На голове золотой венец, в руке
Серп острый. И сказал ему нашедший
Из храма ангел: «изготовь твой серп –
II жни: настало время жатвы, хлеб
Созрел на пиве». II послал свой серп

На землю тот, кто в небесах был видим
На облаке – и вся земля была
Пожата. Тут семь ангелов, имевших
Семь язв последних – ими ж прекратится
Господний гнев – явились в небесах,
II все, отвергнувшие зверя, ликом
K14) и имени его числом
Нсобольщенные, стояли в море
Кристалльно-пламенном, имея арфы
Господина в своих руках, и пели
Песнь Моисееву и Агнца песнь
Святую: «чудны все дела твои,
Господь, и праведны твои пути,
Царь праведных! все при идут поклониться
Тебе языки, ибо оправданья
Свои явил ты». И потом на небе
Храм скинии свидетельства отверзся,
II ангелы, носящие семь язв.
Из храма вышли; были им даны
Семь яростню Нога полных чаш.
И дымом храм наполнился от силы
Господней и от славы: и никто
Не мог войти во храм, пока семи
Всех язв семь ангелов не совершили.
II к ангелам ншел из храма глас
Господний говорящий им: «идите
И гнева Вожпя семь чаш излейте
На землю». II с первой чаши гной истек – и раны
Покрыли всех, имевших начертанье
Звериное и лик звериным чтивших.
Другая чаша пзлплася в море:
II морс1 етазо кровью, и живое
Вее етазо мертвым в глубине его.
II третья чаша излилась на реки
II на источники: и стали кровью
Все, и ангел вод воскликнул: «слава,
Господь, твое!! неизреченной правде:
Пролившие святую кровь пророков
Достойны кровью жажду утолять».
Четвертая была излита чаша
На солнце: и люден живущих солнце
Великим зноем стало опалять,
II опаленные великим зноем
Произнесли хулы на имя В о га,
Пославшаго им казнь, и покаяньем
Не принесли ему достойной славы.
II чаша пятая была излита
На трон звериный: и покрылось царство
Вго глубокой тьмою и от страданья
Свои языки злобясь грызли люди,
И не покаявшись хулили Во га.
Шестая чаша на воды великой
Реки Евфрата пролилась: и воды
Пзсиклн. чтоб царям с востока путь
Выл уготовлен. II седьмая чаша
Выла на воздух излита: великий
Тогда от храма и от трона голос
Послышался, сказавший: «совершилось!»
II было страшное блистанье, громы.
Землстрясенье, голоса, каких
С созданья человеки на земле не ведали;
II на три части был разрушен град
Великий: помянул Господь великий
Град Вавилон – и ярости своей
Вином его он напоил, и дал
Испить вею чашу гнева своего.
II у бежали острова, и гор
Не ста.ю, и как золото тяжел ми

Упал на землю град, и людям были
Всликпя приключены им язвы,
П имя Вожио они хулили.
II мне тогда единый из ссдми
Носящих чаши ангелов сказал:
41 покажу тебе суд над великой
Блудницею, сидящею на многих
Водах; вели блудодеянье с нею
Цари земные, и вином ея разврата
Земные люди упивались». В духе
Он перевел меня в пустыню; там
Увидел я жену на ссдмиглавом
Десятирогом черном звере: та жена
Сидела облеченная в порфиру
Багряную, блистая жемчугами,
И золотом, и камнями драгими;
В ея руке была золотая чаша.
До края полная вином ея
Разврата; надпись на ея челе
Стояла: «тайна, Вавилон великий.
Мать любодейства и земных развратов».
И крокпю она святых, и кровью
Свидетелей Иисусовых была
Упоена. II я тому дивился.
II ангел мне сказал: «чему дивиться?
Тебе я тайну и жены, и зверя
Открою: зверь, тобою зримый, был –
И нет его: и он из бездны выйдет.
Пойдет в погибель, и дивиться будут
Все на земле живущие, которых
С начала мира имя в книгу жизни
Не вписано, увидевши, что зверь
II был. и не был, н явился. Семь
Звериных глав суть семь холмов, на них же
Сидит развратница жена, и семь
Царей: из них погибло пять, шестой
Уж есть, седьмой еще не приходил.
Когда же прнйдет, прнйдет он не надолго.
И зверь, который был и не был, сеть
Осьмой от ссдмсрмх, и он пойдет
В погибель; десять же рогов суть десять
Царей, еще не восприявших царства,
Но обреченных вое при ять его.
На час один, со зверем совокупно,
Чтоб власть свою и силу передать
Единомышленному с ними зверю.
И с Агнцем яростно начнут они
Вести войну, и Агнец победит их,
Понеже он – владыка всех владык
И царь царей. И все, кто с ним в союзе,
Суть верные, суть призванные им
Вго избранники. А воды, где
Сидит развратница, суть племена.
Языки, люди и народы мира.
И роги на главе звериной злобно
Жену-развратницу возненавидят,
И разорят се, и обнажат,
И, плоть ея сожрав, се огнем
Сожгут, понеже Вог им положил
На сердце – волю совершить его
И зверю уступить свою державу,
Пока слова Господня не будут
Исполнены. А зримая тобою
Жена есть град великий, царь земных
Царей». Потом увидел я и наго.
Великую имеющаго власть,
Святаго ангела, с небес на землю
Сходящаго; и славою его

Вся оевстилася земля; и сильно
Он громким голосом воскликнул: «пал,
Пал Вавилон, великий град, блудница!
Он стал пристанищем бесов, вертепом
Духов нечистых, гнусных птиц поганым
Витал ищем, понеже он вином
Развратной ярости своей народы
Все упоил, понеже с ним творили
Влудодсяния цари земные,
И роскошью его обогатились
Купцы земные». Тут иной раздался
Из неба голос: «отойди, народ мой,
От нечестивой, чтоб не быть ея
Грехов участником и не погибнуть
От язв ея, понеже до небес
Ея грехи достигли, и Господь
Неправды все ея вспомянул.
Что сотворила вам, то сотворите
Ей ныне вы, и по делам ея
Воздайте вдвое, и в чаше, сю поднесенный вам,
Вина ей растворите вдвое; скорбью
И муками воздайте ей за славу
Ея и за гордыню! величаясь,
Она в своем надменном сердце говорит:
"Сижу царицею; я не вдова
И горя не увижу!" – И за то
В единый день ее постигнут язвы,
И плач, и глад, и смерть, и сожжена
Огнем блудница будет, поелику
Господь, ее судящий, всемогущ».
Тогда о ней восплачут, возрыдают
Цари земные, с ней блудодеянья
Творившие; узревши дым ея
Пожара и смотря издалека
На казнь ея, со страхом говорить
Великим будут: «горе, Вавилон,
Великий город, город крепкий; в час
Единый – суд свершился над тобою!»
И все о ней восплачут, возрыдают
Купцы земные, поелику их
Товар никем не будет покупаем;
Уж никому не будут продавать
Ни золота, ни серебра, ни перлов.
Ни камней дорогих, ни риз пурпурных.
Ни шелку, ни виссона, ни дерев
Благоуханных, ни изделий всяких
Из дерева, слоновой кости, меди,
Железа, мрамора и янтаря;
Не будут продавать уже ни пряных
Кореньев, ни курении, ни Ливана,
Ни мирры, ни смолы благоуханной,
Ни чистаго елея, ни вина.
Ни хлеба, ни овец, ни коз, ни коней,
Ни колесниц, ни человечесьих тел
И душ. И будут, плача и рыдая,
Купцы земные в страхе говорить:
«В единый час погибло все твое
Богатство, град великий Вавилон!»
И издали смотря на казнь ея,
Все корабельщики, все по морям
Ходящие на кораблях воскликнут:
«Где град, великому подобный граду?»
И головы они посыплют пеплом,
И с плачем и рыданьем скажут: «горе
Тебе, великий град, который всех
Ходящих по морям обогатил
Своим богатством: ты в единый час
Был разорен – и страшно опустел!

Возрадуйтесь о том, все небеса,
Святые все и все пророки: суд ваш
Бог совершил над ним! И ангел взял
Тяжелый, жернову подобный, камень
И с высоты – его низвергнул в море,
Сказав: «Так быстро ниспровергнут будешь,
Град Вавилон великий! И тебя
Не станет боле, и в тебе не будут
Слышимы ни струны лир,
Ни звуки флейт, ни голоса поющих.
Ни гром звучащих труб, и никакого
Художества в тебе уже не будет!
Не будет слышно шумной жерновов
Работы! Уж тебя не осветят
Светильники, и голоса невест
И женихов в тебе не будет слышно!
Понеже были сильными князьями
Твои купцы, понеже все народы
Твоими чарами увлечены
В погибельное заблуждение были,
И кровь пророков, и святых, и всех
Убитых на земле обретена
Была в тебе!» Тут услышал я
На небе глас, как будто шумный говор
Народа многоаго; и восклицал
Он: «Аллилуйя! спасенье, слава,
И честь, и сила Господу! понеже
Суть истинны и праведны суды
Его: Он поразил своим судом
Развратницу, которая всю землю
Наполнила своим любодееьем,
И кровь своих рабов, ея рукою
Пролитую, на ней взыскал!» И снова
Раздался глас поющий «Аллилуйя!»
И четверо держащих трон животных
И с ними все в золотых коронах двадцать
Четыре старца падши поклонились
Сидящему на троне Богу, громко
Воскликнув «Аллилуйя!» От трона
Изшел великий голос, говорящий:
«Хвалите Бога все его рабы,
Все малые, великие и все
Боящиеся Бога!» И услышал
Как бы глас толпы людей великой,
Как будто шум от многих вод,
Как будто глас грома, говорящий: «Аллилуйя!
Господь Всевышний восприял державу!
Возрадуемся и возвеселимся,
И славу воздадим ему, понеже
Брак Агнца наступил и уж готова
На брак жена, одеянная в чистый
Виссон – виссон же праведность святых».
И я услышал глас: «Блаженны все
Призванные на брачный Агнца пир!»
И небеса отверзлись: там явился
Конь белый; и седок того коня
Именовался Истинным и Верным,
Судящим и воющим по правде;
И очи были у него как пламень,
И много диадим на голове
Имел он, и было имя
Неведомое никому, на нем
Начертано, лишь он единый ведал
То имя; он окровавленной ризой
Был облечен; себя именовал
Он «Слово Божие». И вслед за ним
Шло воинство небесное, на белых
Конях, в виссон одеянное белый

И чистый. И из уст его меч острый
На казнь народов исходил; он их
Пасет жезлом железным, и точило
Вина Господней ярости он топчет.
И на бедре его и на одежде
Есть начертанье: Царь царей. Владыка
Владык. Тут ангела увидел я,
Стоящего на солнце; он скликал
Всех поднебесных птиц и говорил им:
«Слетайтесь со всех сторон, летите
На вечерю великую Господню,
Чтоб трупы пожирать царей, и трупы
Владык, и трупы воевод, и трупы
Коней и всадников, и трупы всех
Свободных, всех рабов, всех малых, всех
Великих!» Тут узрел я зверя.
Царей земных и всю их рать.
Собравшихся, чтобы вступить в сраженье
С сидящим на коне и с силой ратной
Его. И зверь был схвачен, вместе с ним
И лжепророк, творивший чудеса,
Чтоб увлекать к принятые начертанья
Зверинаго и в поклоненье лику
Его людей. Их бросили живых
В глубь озера, пылающего серой;
Другие ж вес истреблены мечом.
Который исходил из уст на белом
Конне сидящего, и птицы их
Пожрали трупы. Тут явился ангел,
От бездны ключ имеющий в руке
И цепь великую: дракона, змея
Лет древних [он же еатана и дьявол]
На тысячу сковал он лет,
И бросил в бездну, и печатью запер
Дверь бездны, чтоб не мог народов,
Покуда тысяча не совершилась
Лет, обольщать губитель; он же после
На малое освободиться время
Был предназначен. Тут увидел я
Престолы и на них сидящих, суд
Творить назначенных; увидел души
Святыя за свидетельство Христа
Убитых и за слово Божье, зверю
Не поклонившихся, ни лику зверя,
И не принявших знаменья его
Ни на чело, ни на руку свою,
И ожили, чтоб тысячу с Христом
Лет царствовать, они. Другие ж все
Остались мертвыми, пока вполне
Тысячелетие не совершится.
То будет воскресеньем первым. Благо
Тому, кто в первом воскресеньи примет
Участие: над ним вторая смерть
Иметь не будет власти, и – священник
Христа и Бога – будет вместе с ним
Он тысячу лет царствовать. Когда же
Тысячелетия свершится круг,
Освободится сатана, и выйдет
Прельщать живущие на всех концах
Земли народы, и начнет на брань
Их собирать: и будет, как песок
Морской, число сподвижников его.
И выступила рать на широту
Земли, и окружила стан святых
И град возлюбленный, и низлетел
С небес от Бога огонь и всех пожрал их;
А сатана, их обольстивший, ввергнут
В глубь озера, пылающего серой.

Где вместе с ним и зверь, и лжепророк
Должны терпеть мучения во веки
Веков. Потом великий белый я
Престол увидел и того, кто был
На том престоле; от лица ж его
Бг° Бежали небо и земля, и места
Им не нашлось. И я увидел мертвых,
И малых, и великих, перед Богом
Стоящих; было много книг раскрыто,
И разогнулася животных книга:
И по делам своим, как было в книгах
Записано, все мертвые судились.
И море возвратило мертвых, бывших
На дне его; и смерть, и ад своих
Всех мертвых отдали; и по делам
690 Своим судим был каждый. Смерть и ад
В глубь озера пылающего были
Навек низвержены: и то была
Вторая смерть. И тот, кто не был в книгу
Животных вписан, навсегда низвергнут
В глубь озера пылающего был.
И новое тогда узрел я небо
И землю новую, понеже прежних
Не стало, и исчезло море. Я
Увидел град святой, увидел новый
г°° Ерусалим, от Бога нисходящий
С небес, убранный как невеста,
Идущая для брака к жениху.
И раздался великий глас, с небес говорящий:
«Здесь скиния Господняя и в ней
Все чсловеки собраны, и будет
Жить с ними Бог; его народом будут
Они, и он их Богом будет. Он
Сотрет с очей их всякую слезу.
И смерти более, ни слез, ни воплей,
:'° Ни скорби, ни болезни уж не будет,
Понеже прежнее все миновалось».
Тогда сказал сидящий на престоле:
«Все новое творю я, – совершилось!
Я вечный Бог, Я Альфа и Омега,
Начало и конец. Я от воды
Живой дам жаждущему выпить туне.
И все наследует – кто побеждает,
И буду Бог ему, и будет он
Мне сыном. А все отступники ж ива го Бога
В глубь озера пылающего будут
Навек низвержены: и будет то
Вторая смерть». Тогда ко мне единый
Из ангелов, принесших с неба семь
Последних в чашах язв, пришед сказал
«Иди со мной: тебе невесту Агнца
Я покажу». И в духе он восхитив
Меня на высоту горы великой
Там показал великий город мне –
Святой Ерусалим, от Бога с неба
Сходящий, Божию имевши славу,
Блистающий, как камень драгоценный –
Кристалловидный яспис. Обнесен
Был град высокою стеной; двенадцать
В ней было врат; и на вратах стояло
Двенадцать ангелов; и имена
Двенадцати израильских колен
На них начертанныя, зрелись; было трое
Врат на восток, на запад трое, трое
На полдень, и на полночь трое. Твердых
Двенадцать оснований стены града
Имеют, и написаны на них
Все имена двенадцати Христовых

Апостолов. И ангел, говоривший
Со мной, имел для измеренья града
И стен, и врат его, златую трость.
Был град о четырех углах; длиной
И шириной был равен, и измерив
Его своей златою тростью, ангел
Нашел, что все его пространство было
Двенадцать тысяч стадий, и что он
В длину, и в широту, и в высоту
Был равен, и что стены града были,
По мере человеческой, в сто сорок
Четыре локтя. Стены ж града были
Из ясписа; сам город был построен
Из золота, чистейшему стеклу
Подобнаго; а основанье стен
Из светлых драгоценных камней было:
Из ясписа, сапфира, халкидона,
Сардоникса, смарагда, хрпсопраса,
Вирилла, хризолифа, гиацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Были
Двенадцать врат воздвигнуты из цельных
Жемчужин каждая; помосты улиц
Из золота, как чистое сияли
Стекло. Но храма в нем я не видал:
Его был храмом Вседержитель Бог
И Агнец. Граду солнце и луна
Для светлости не нужны были: слава
Господняя ему сияла, Агнец
Его светильник был; и все народы
Спасенные ходить во свете будут
Его; и принесут в него цари
Земные честь свою и славу; днем
Его врата не затворятся, ночи ж
Не будет там. В него народов честь
И слава принесется. Не войдет лишь
В него ничто нечистое, никто,
Нечестием и ложью оскверненный;
Войдут лишь те, которых имена
Записаны у Агнца в книгу жизни. –
И реку чистую воды живой
Тут ангел показал мне: светлым
Она кристаллом от престола Божья
И Агнцева текла; на бреге
Ея потока древо жизни, плод свой
Двенадцать раз дающее, росло
И лист давало свой на исцеленье
Народов. «И уж боле ничего
Проклятаго не будет; трон Господний
И Агнец будет в нем; и будут Богу
По мере человеческой, в сто сорок
Четыре локтя. Стены ж града были
Из ясписа; сам город был построен
Из золота, чистейшему стеклу
Подобнаго; а основанье стен
Из светлых драгоценных камней было:
Из ясписа, сапфира, халкидона,
Сардоникса, смарагда, хрпсопраса,
Вирилла, хризолифа, гиацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Выли
Двенадцать врат воздвигнуты из цельных
Жемчужин каждая; помосты улиц
Из золота, как чистое сияли
Стекло. Но храма в нем я не видал:
Его был храмом Вседержитель Бог
И Агнец. Граду солнце и луна
Для светлости не нужны были: слава
Господняя ему сияла, Агнец
Его светильник был; и все народы

Спасенные ходить во свете будут
Его; и принесут в него цари
Земные честь свою и славу; днем
Его врата не затворятся, ночи ж
Не будет там. В него народов честь
И слава принесется. Не войдет лишь
В него ничто нечистое, никто,
Нечестием и ложью оскверненный;
Войдут лишь те, которых имена
Записаны у Агнца в книгу жизни. –
И реку чистую воды живой
Тут ангел показал мне: светлым
Она кристаллом от престола Божья
И Агнцева текла; на бреге
Ея потока древо жизни, плод свой
Двенадцать раз дающее, росло
И лист давало свой на исцеленье
Народов. «И уж боле ничего
Проклятого не будет; трон Господний
И Агнец будет в нем; и будут Богу
Служить его рабы; они увидят
Его лицо, и будет на челе их имя
Его начертано. И ночи там
Не будет; ни светильника, ни солнца
Не будет нужно, поелику сам Господь
Их светом будет, и они во веки
Веков там будут царствовать со славой».
Так ангел говорил; и пасть на землю
Пред ним хотел я. «Воздержись – сказал он –
От поклоненья: твой я и всех братии
Твоих, пророков, сослужитсль, всех.
Кто каждое написанное чтит
В сей книге слово. Богу поклоняйся!
Не запечатывай [потом сказал он]
Пророческих сей книги слов, понеже
Подходит время. Пусть еще творит
Неправедный неправду; пусть еще
Себя нечистый оскверняет; правду
Пусть продолжает праведник творить;
Пусть освящается святой! Прииду
Я скоро, и со мной мое возмездье,
И каждый по делам своим тогда
Получит мзду. Я Альфа и Омега,
Начало и конец, и первый и
Последний». Благо тем, кто соблюдает
Его закон, дабы от древа жизни
Вкусить и в град святой войти вратами.
Но не войдут туда ни чародеи,
Ни слуги идолов, ни любодейства
Рабы, ни оскверненные убийством,
Ни любящие ложь. И он, Христос,
Ко всем церквам с свидетельством своим
Пославший ангела...
(ВТОРОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ АПОКАЛИПСИСА)
Те образы, в течение столетий
Непомраченные, час от часу
Живей из облакающей их тайны
Моей душе сияют, перед ней
Неизглаголанно преобразуя
Судьбы грядущия. Из слов пророка
Рожденныя, виденья предо мною
Глубоко спящим быстро пролетали.
Я видел трон, стоящий на хребте
Великих четырех шестикрылатых
Животных, и пред троном золотыми
Коронами венчанных старцев.
Я видел, что на троне восседал
Сияющий как солнце Некто.

И слышал пенье: «Свят! Свят! Свят!»
И глас с престола был: «Я Альфа и Омега;
Я первый и последний: Я всему
Начало и конец». Я видел книгу,
Запечатленную семью печатями,
В руке сидящего на горнем троне.
Я видел Агнца, пред которым все –
Животные-престононосцы, старцы,
И ангелы. И все. Что в небесах,
Что на земле, что в глубине земли,
Что на морях, что в глубине морей –
Все в песнь единую совокупилось.
Я видел, как печати Агнец снял
С великой книги; как четыре быстро
Коня пустились: белый, черный, красный
И бледный, и седок на бледном страшный
Именовался «Смерть». Я видел ужас
Землетряссня, как затмилось солнце,
И кровью сделалась луна, и звезды
Попадали на землю, и свернувшись
Как власяница, небеса исчезли.
И слышал, как раздались вопли
Земных людей: «Падите на главы
Нам, горы, и сокройте нас
От Агнца: час суда его настал!»
Я видел ангела, с востока в блеске
Идущаго, неся в руке печать
Живаго Бога, и свершил он ею
Двенадцати колен запечатленье.
И быстро предо мной во сне виденья
Одно другим сменялись: семь с трубами
Губительными ангелов, на землю
Все бедствие пославших, я увидел.
И ангел на морс и на земле
Стоявший, поклялся с простертой к небу
Десницею, что время миновалось.
И с голосом седьмой трубы явился –
Увидел я – на небе храм отверстый,
И в нем ковчег завета, и отвеюду
Зажглися молнии, заговорили
Своими голосами громы, всё
Землетрясением поколебалось.
В небесах увидел я жену,
Венчанную двенадцатью звездами;
Увидел, как дракон багряноцветный
Пожрать ея младенца порывался;
Как был младенец взят на небеса,
Жена ж в пустыню скрылась от дракона;
Как началась война на небесах,
Как Михаил архангел победил
Драконе-змия, древняго врага.
И новое виденье мне предстало:
Увидел я, как из морской пучины
Поднялся семиглавый зверь, как власть
Свою дракон дал зверю. Как пред ним
Невписанныс в книгу жизни Агнцем
Простерлись все. И в небесах узрел
Я Человеческаго Сына с острым
Серпом; узрел, как жатва совершилась
Всемирная; как ангелы, семь чаш
Несущие, последния излили
На землю язвы, и из неба голос
Изшедший произнес: «Свершилось всё!»
И как потом явился светлый ангел,
Сказавший: «Пал великий Вавилон!»
Как небеса хвалебное воспели,
При гласе оном, Аллилуйя;
Как в небесах явился чудный Всадник,

На белом скачущий коне, во многих
Коронах, с именем неизреченным,
Ему лишь ведомым; а сам себя
Он «Словом Божинм» именовал.
И видел я, как вслед за ним, на белых
Конях, в виссон одсянное чистый
Шло воинство, и как из уст его
На казнь людей меч острый исходил.
Увидел я, как на него поднялся
С своею силой зверь; как схвачен был
И зверь, и лжепророк его, людей
Ему в служенье увлекавший; как
В глубь озера пылающего их
Низвергли; острый меч же, исходивший
Из уст Вождя, всю рать их истребил;
Как после – змия, древнего дракона,
Могучий ангел, цепью оковав,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнул лет и запер
Печатью бездну, чтоб не мог губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелетие. И видел я великий белый трон,
И от лица Сидевшего на троне
Бежали небо и земля, и места
Им не нашлось нигде; и видел я,
Как глубина земли и моря мертвых
Всех возвращала; как с живыми вместе
Они стекались к трону; как пред ним
Раскрылась на суд последний книга
Животных; как был страшный вечный суд
Произнесен; как смерть и ад навеки
В глубь озера пылающего были
Низвержны, и как потом явились
Другое небо и земля, и новый
С небес сошел Ерусалим, святой
Град Божий, светлый, как невеста...

КОНСПЕКТЫ И ПЛАНЫ

Весна I.

СОДЕРЖАНИЕ ВЕСНЫ [Здесь и далее курсив Жуковского. В ква-дратных скобках – зачеркивания].

С. – Ламберт: Бури при открытии весны. Пастух выходит на па-ству, а земледелец на ниву. Птицы возвращаются. Начало плавания по морям. Действие солнца. Трава восходит. Леса зеленеют. Песни птиц. Возвращение из города в деревню. Веселье и надежды, вселяемые весной в поселян при начале работ. Пахание. Засев. Цветы. Первый дождь. Все цветет и зеленеет. Надежда. Сад. Линдор. Похвала здоро-вью. Восхождение солнца. Прелестный вид полей. От влияния весны. Война. Любовь. В зверях темное чувство наслаждения; в человеке на-слаждение моральное.

П.

Клейст: Снисхождение весны. Разлив. Ночные морозы. Зелень. Леса одеваются листьями. Обращение к несчастным, обманутым, призыва-ние их к наслаждениям. К красавицам, призывание их в деревню. Поэт идет под утес, садится и смотрит на цветущую природу. Море. Корабли. Кони на берегу. Волы. Виноградный холм в тени. Жаворонок. Сеятель на поле. Война, которая разрушает его надежды. Ужасы войны. Об-ращение к царям, чтобы делали счастливыми свои народы, не ища по-бед и новых приобретений. – Призывание музы. Сельское хозяйство. Древнее дерево, осеняющее хижину. Пруд. Курица на пруду. Гуси, от-гоняющие от себя собаку; гусята. Девушка с кормом. Кролик в кусту. Голуби. Сад. Цветы. Павлин. Бабочка. Прививка. Хозяйка, сажающая цветы. Ребенок при ней. Счастье сельской жизни поселян и уединения. Поэт обращается к самому себе, желает подруги и тихого уединения, не завидуя богатым и славным. Думает о будущем. Дорас и Глелас. Мечты. Печальная сущность. Наслаждение настоящим, не думая о буду-щем. Наслаждение природою. Тишина роши, сквозь которую блесит заходящее солнце. Пастух с волынкою. Козы на утесах. Олени, кони, волы, воспламененные теплотою весны. Водопад. Пение птиц. Соловей в глубине леса; стон его о потере подружки. Горлица в дупле, состав-ляющая гнездо. Обращение к Творцу природы. Поэт зовет своих дру-зей на луг. Журавль. Чибис. Пчелы и ульи, сравнение их с мудрецами.

23 – 1368

Озеро и на нем остров, осененный деревьями и кустарником. Молитва о дожде.
Дождь. Обращение к полям.

III.

Приступ: Утро – Пришествие весны – Весна все оживляет – Разрушение и жизнь –
А... Краткость его жизни – Гроб его – Надежда пережить себя – Опять обращение к
весне – Главные черты весенней природы (из Клейста) – Жизнь поселянина (из
Клейста) – Цена неизвестной и спокойной жизни – Уединение – Обращение к себе –
Любовь – Мальвина – Меланхолия – Неизвестность судьбы – [К К...] Мечты – К
К... [Приступ: Утро: Пришествие весны, вообще весна все оживляет]. Лес –
Черемуха – Ручей – Птицы – Гнезда – Конь – Вол – Озеро – Рыбак – Первый дождь.

IV.

План Клейстовой весны

Обращение к полям и рощам – явление весны и разлив – переменчивость погоды при
начале весны – трава и всеобщая живость – призывание красавиц и добродетельных
людей в деревню – картина весенней природы – зеленеющая жатва – пруды – море –
корабли – кони на берегу – коровы и быки – двор, мыза – виноградный холм –
жаворонок – пахущий земледелец – сеятель – обращение к войне, разрушающей плоды
земледелия – изображение войны – обращение к царям, чтобы они не разрушали, а
насаждали – картина жизни поселянина – прародительское дерево, под сенью
которого сельский домик – пруд на дворе – курица с цыплятами – гуси, отгоняющие
собаку, и плавающие гусята – девочка с коробом зерен и за нею куры – кролик –
голубь с голубкою – сад, где полезное предпочтено прекрасному и редкому –
орешник – цветы: тюльпан, роза, ландыш, жасмин, фиалка, ночная красавица,
сравнение ее с тайными добродетелями – павлин – бабочки, хозяйка с детьми в саду
– обращение к сельским жителям – сравнение жизни поселянина с жизнью человека,
живущего в свете, славного, знатного – обращение поэта к себе, желание жить
спокойно в деревне. Дорас, Глелас. Наслаждение в надежде – забыть о будущем –
обращение к полям и рощам – роща тенистая, пастух, играющий на свирели – олени –
кони, поджигаемые любовью – быки – река, водопад – птицы – соловей в густоте
леса над рекою – горлица в дупле, кормящая детей – обращение к Богу, давшему
благотворный сей инстинкт животным – поэт зовет друзей своих на берег реки –
цапля, чибис, манящий от гнезда своего – пчелы, сравнение их с мудрецами –
Озеро, на котором остров, заросший шиповником, можжевельником, (нрзб),
жимолостью – весенний дождик. Заключение: обращение к полям, которые поэт
назначает для своего убежища, если жизнь городская будет ему в тягость, в них
он хочет прославлять Творца и кончить свою жизнь.

V.

План С. Ламбертовой весны

Вступление – обращение к Богу: поэт благодарит его за дары, излитые на
человека, который и (нрзб.) о которых он хочет ему напомнить и которыми хочет
научить наслаждаться. – К Доре, призывание ее в деревню – первая минута весны,
жужжущий ветер; потоки, стекающие с гор; море бурное; бури на земле. – Солнце
разгоняет пары; первый весенний день. – Пастух и землепашец на поле –
возвращение ласточек – птицы, начинающие летать по воздуху – мореплаватели
собираются в путь – зелень, разливающаяся повсюду – овцы, щиплющие траву на
горах и (нрзб.) – виноградные ветви зеленеют – песни соловья – леса покрывают
листочками; лань, скрытая в густоте – поэт обращается к полям, которые доставляют
ему истинные наслаждения и которые (нрзб.). Весною. – Веселость по селам
оживленных к работе и наскучивших бездельем. – Земледельцы, выходящие с плугом
и бороною – крестьянка с детьми, обрывающие дикую траву. – Цветы: роза,
маргаритка. Первый дождь – утро после дождя – все живое распускается: надежда
все одушевляет. Видя обновляющуюся природу, живее чувствуешь ее влияние, на
полях и в саду ожидаешь плодородия и желаешь его. Прекрасное тогда только долго
нравится, когда оно полезно. В деревне чувство надежды живее потому, что в
деревне видимы труды земледельца и скотовода, которых успехи зависят от
будущего и (нрзб.)... Сравнение сада полезного с садом для одного украшения. –
Изображение Раймондова сада. Любовь его украшает. Любовь Линдора к Глисеру.
Эпизод брака Линдора с Глисерою – к здоровью, выздоровление весною. Поэт
обращается к себе, изображает свое выздоровление, восхождение солнца, которым он
наслаждается: зрелище пробуждающейся природы – удовольствие, чувство,
пробуждаемое весною: весна в своем совершенстве. Поэт зовет Дорису на холм под
дуб – деревья в цвете. – Шиповник над ручьем – ландшафт, изображенный в воде –
война, юноша, погибающий; воин, оставляющий сирот, война пожирает всех без
разбора, обращение к воинам. Ужасы войны: пожары, убийства. – Мир, любовь,
обращение к ней. Весна ее воспаляет в животных: конь, бык, лев, птицы,
голубь, орел, лебедь,

23*

горлицы, филомела. За нею морские чудовища. Человек: все наслаждаются, человек лишь умеет любить. Любовь в нем продолжительнее, он всегда ее чувствует, в самой страсти, но в молодости он ею счастлив и несчастлив гораздо более – в деревне любовь живее – в ней все изображает ее и все ей служит убежищем – Гилас и Ликорис, неопытные любовники – Хлоя, побеждаемая Сильвандром – Любовь, основанная на добродетели – Гнезда, высиживание яиц – новое чувство в животных.

VI.
Селадон и Амелия Дамон и Музидора Лавиния и Палемон
Томпсонова весна

Призывание весны – обращение к леди Гартфорд – зима летит к северу, уступая место теплым ветрам. – Снег тает и горы обнажаются. – Весна еще не укоренилась, утренники, дождь и снег. – Солнце входит в знак Тельца и небо проясняется. – Земледелец выводит волов на поле – сеятель [молит]. – Поэт молит небо благоприятствовать трудам земледельца и, обращаясь к жителям городов, говорит, чтобы внимали его песням, их достойным. К британцам да покровительствует земледелию. Весна раскрывает силу произрастания. Зеленая. Деревья зеленеющие и цветущие – благоухание – поэт хочет оставить скучный город и смотреть на оживающую природу – холодные росы – сухие ветры – зарождение насекомых и их истребление – благодеяние сих ветров – первый дождь. – Радуга. – Растения разнообразны. – Они составляли пищу человека в его счастливое время в золотом веке. – Изображение золотого века, железного. – Потоп, разрушивший мир и переменивший течение времен года. – Наблюдение. Рыбная ловля – отдохновение в полуденный час в тени ясеней [с книгой в руке], над которыми вьются голуби и которые наклонились на воду, с Виргилием в руках – неспособность поэта образом достойным изобразить природу. Но он находит наслаждение в сем изображении и зовет Аманду вместе с собой восхищаться ее зрелищем – Луг, испещренный цветами, и на нем пчелы – сад: вид реки, озера, омраченного лесом, отдаленных гор и моря. – Цветы. – Поэт обращается к Творцу, которого мудрость видна в чудесном создании цветов. Пение птиц призывает поэта в рощу. – Любовь одушевляет их, ею оживлены, они начинают опять свое пение. Жаворонок, встречающий утро и пробуждающий других птиц. Деревья наполняются песнями. Филомела, ожидающая ночи, чтобы [всех] поразить – чижик – коноплянка, сова – Ворон и галка вместе с ними каркающие – воркование голубей – любовь птичек, гнезда в лесах, на корнях орехового дерева, склонившегося в источник – ласточка, собирающая ил на пруде, или шерсть у стада, или сухую солому для составления гнезда, самец, поющий во время высиживания самки или ее место занимающий – вылупление из яиц – нового рода любовь в птицах, сравнение их с бедным семейством, впавшим в несчастье, хитрости птиц, употребляемые для спасения их птенцов (нрзб.) летающий над головою пастуха, утка и лесная курочка, отманивающие собаку. Поэт жалеет о неволе птиц, запираемых в клетки. – Филомела, стонущая о потере своих птенцов. – Птенцы оперяются. Вечер тихий и ясный, в который они в первый раз поднимались в воздух и конец забот отеческих в птицах. – Орел, выгоняющий орленков из гнезда. Сельская хижина, окруженная кленами и дубами, на которых гнездится ворон. Домашние птицы: курица с цыплятами и петух, утка на пруде, лебедь на острове. Индейский петух и павлины, голубь и голубка. – Бык, воспламененный любовью, сражение быков – конь беспокойный и пылающий. Чуды морские и (нрзб.). – Картина пастуха, сидящего на холме со стадом, все чувства людей есть влияние самого Божества – оно действует и на человека – обращение к дождю, слепых и чувствительных, на которых весна вдвое действует – к Литтлелтону – изображение его уединения – Любовь в человеке: тайный жар и желание волнуют девушку – юноша, воспламененный любовью, которая владеет им совершенно, изображение неукротимой страсти. – Ревность – Счастливая любовь двух супругов, живущих в тишине семейственного счастья.

VII.

План «La maison des champs»

Приступ. – Выбор места: ожидать, идти на место: ручей, зеленые деревья в осеннее время, река и вечер.

Не искать мрачных видов. Развалины. Архитектура. Строение приятное, более простоты и величия. Сад – предохраняемый от червей. Чучелы, сбережение плодов – Птичник: голубятня, петух, водные птицы. Огород и садовые овощи. Цветник, запах. Теплицы. Брак цветов. Фальшивые цветы. – Украшение дома: простота, открытость, покойное расположение – занятия: порядок, экономия. Обед. Гуляние. Гроза. Удовольствия в деревне. Привычки невинные. К вечеру. Приятности природы: вечер. Скромной (нрзб.) предпочтительней покоя в ночах. Собираение плодов. – Пчельник. Среди пчел. Заботы о стаде. Осенние виды и собиранье винограда.

VIII.

Возвращение на родину и призывание музыки. Выход на холм.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

Картина природы оживающей и главные черты в одной картине.

Желание и воображение счастливой.

Свобода.

Посредственность. Игры.

Жизнь сельская семейственная. Иметь в виду пользу. Чего искать в свете. Счастье в самом себе.

Тайные мечты – но исполнятся ли они когда...

IX.

Возвращение на родину и призывание музы. Выход на холм. Картина природы.

Восхождение солнца – жаворонок – стада. Вид деревни.

Кладбище и дом сельского свящ(енника). Зелени – цветы, их любовь. Черемуха.

Источник.

Птичьи гнезда на берегу источника – ласточка, свивающая гнездо. Река – рыбак.

Гуси и утки – охотник с собакою – болото и цапли. Пчелы на лугу – стада в

полдень на берегу реки. Дождик.

Вечер после дождя.

[Возвращение поселян с поля]. Закат солнца на кладбище. Соловей ...

О прежнем необновленном мире.

Как легко весна вдохнула в поэта, оживил природу.

Тогда было не то, что ныне.

Но природа прелестна и без вымыслов – мы перешли к Божеству, уничтожив богов; древние богаче были идеалами; мы существенностию. Чтобы ею наслаждаться, нужно иметь невинную душу, мы более умеем наслаждаться натурою, тогда более владычествовала вера в Бога.

Любовь ко всему доброму.

Изображение сельского человека, благочестивого крестьянина. Свобода, посредственность, счастье семейственное вот что единственное.

Может ли уравниваться такая жизнь со светскою. К милому – жить с ним. Стоим при начале жизни. Что будет. Уже потери. См(ерть).

Уже многие уничтоженные надежды раззнакомились с удовольствием.

Радуемся без наслаждения. Будем ли когда-нибудь вместе. Иметь друг друга в виду.

Усиливать душу в стремлении ко всему хорошему.

Укоренить в ней веру в бессмертие.

Если один перейдет прежде, другой...

Звезды для древних блестящи.

(нрзб.) для нас миры.

Древних Богов свели на землю.

Мы возлетели к Богам.

Мы будущим укрепили настоящее.

Для древних не было препятствий.

X.

Возвращение на родину и призывание музы. Явление весны.

10 – встречать ее вместе с жаворонком.

5 – выход на холм, восходящее солнце.

20 – цветы и их таинственная любовь Camponon. Delille.

3 – источник и над ним с любовью шиповник.

2 – Ласточка, свивающая гнездо – Chateaubriand.

Возвр(ащение) птиц, любовь двух горлиц.

Река и разнообразные ее берега.

Здесь кусты.

Там ива, наклонившаяся с челноком – Рига у выхода роши.

Там хижина в окружении земледельческой природы.

Петух с курами.

Гусь в реке и собака.

Там стадо в полдень отражается в воде.

Chateaubriand. Кладбище на берегу с часовней и домом священника. Мельница.

Шум слышится с полуострова. Сидя на пне, обросшем ивами. Первый дождик – иду в рошу. Ключ гремучий; ключ в долине. Эпизод: сумасшедший от любви – Delille.

Дождик – S. Lambert, Kleist.

Закат солнца перед дождем – смотр, на него, сидя у кладбища в часовне.

10 – первые минуты вечера и соловей.

Воображение переносит в Грецию. – Черты мифологии.

Существенность заменила мечты.

На что наполнять природу мечтательными существами.

Счастлив, кто ею наслаждается в простоте души.

Жизнь сельского человека доброго (нрзб) и семьянина.

Его должности.

Его занятия, самые невинные.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

С утром в поле.

Возвращение ввечеру.

Его дом.

Деревня. Около большой площади, около которой старая липа с си-днем.

Деревенские игры.

Больница.

Училище.

[Возвращение]. Вечерние беседы – чай – чтение.

Поэзия.

Охота.

Рыбная ловля.

Вот жребий, которого желаю. И чего другого искать в свете. Черты светского счастья. Но найду ли... Лучшие планы разрушены. Искать утешение в дружбе.

Будем во всю оставшуюся жизнь иметь друг друга в виду. Укоренять в душе чувство бессмертия. Один перешед за границу жизни. Другой пускай питается ожиданием.

Черты мифологии

Весна. Изображение. Аллегория Венеры.

Натура оживлена.

Явление Авроры и Аполлона.

Аполлон и музы.

Тегата – Луна и Эндимион.

Нимфы – лесные и водные.

Сатиры.

Гений – горы – Греция.

Фавны – Пан – Сильван.

Сиринкс.

Кипарис.

Пан.

Лавр.

Филомела.

Филемон и Бавкида.

XI.

Приступ. жел(аю), чтобы я

Уже весна

Общие черты весны

Зелень

Черемуха

Источник и над ним

Какое счастье возвратиться на родину

В свой сельский дом

Твой выбор места

Река и ее воды отражают виды

Кустарник

Рига

Рыбаки

Хижина

Стадо

Кладбище с церковью

Мост

Паром

Мельница

Сад

Огород

Цветник Птичник Пчельник Дом

Расположение Чистота

Гостеприимство Занятия

Работы – экономия. Порядок. Заботливость

Отдых

Обед

Прогулка

Забавы

Повесть Мурад и Коюжа

Жизнь сельская; изображение невинной душой Любить природу и уметь ею восхищаться

Картины природы Заключение

XII.

Приступ. жел(аю), чтобы я Уже весна

Общие черты весны [земля] лес, зелени, черемуха, гнезда жаворонок

Счастлив сельский человек, возвращающийся на свою родину.

я хочу воспеть его жизнь. Внимай мне? Мальвина
Счастливая посредственность
Выбор места. Река и ее разнообразие.
Сад, огород, цветник, птичник, пчельник
Дом: расположение. Угол для гостеприимства, чистота
Занятия, работа: экономия, порядок, заботливость
Обед
Прогулка

Забавы. Чтение. Общество Игры

Повести: Мурад и Коюжа

Жизнь сельская требует невинной души и привычек, правил невинных. Счастлив кто любит природу, счастлив, кто ее изобразить умеет. Ее картины в разные времена года. Утро, вечер, летняя ночь.

XIII.

Весна пришла. Воды освободились от цепи льдов, и вошли в берега;
Даль голубеет; яркая зелень оживающих деревьев и полей, в которых трудолюбивые руки сокрыли семя, пленяют взоры; воздух рас-творен благоуханием гречихи;
ласточка начинают плестъ гнезда под кровлю сельской церкви. Счастлив сельский человек и прочее.

ВЛАДИМИР I.

Писать четырехстопными, rimes redoublées

Владимир. Содерж(ание). Осада Киева Тугарином. Тугарин может быть побежден только Добрыней, который вышел из Киева. – Бога-тыри со стороны Владимира: Добрыня, Чурила, Алеша, Еруслан, Илья. Певец Боян. Со стороны Тугарина: Полкан, Змиулан, Зилант, Кара-чун. Алеша похищает Зилену у [великана] Полкана, который подсту-пает под Киев. Один Алеша в Киеве. Илья, мучимый любовью, в лесу пустынником. Встречается с Рогнедой и крестит ее. Еруслан отыскива-ет Милославу в замке Карачуна. Сражение Алеши со Змиуланом. Царь девица и Добрыня.

1. Владимир и его двор. – Недостает лишь Добрынин Алеши По-повича. Добрыня послан за мечом-самосеком, Златокопытом, водою юности. Алеша прежде отправился на подвиги. Богатыри: Еруслан, Чурила и Илья, Рогдай, [Радегаст] Громобой. Боян певец. Святой Ан-тоний. Радегаст Новгородский, убийца своей любовницы, мучимый привидением, и Ярослав, сын Владимиров, несчастный, мучимый не-известною тоскою. Милолика, княжна Новгородская, невеста Влади-мирова, привезенная в Киев Радегастом и Ярославом. Приготовление к празднеству брачному.

2. Осада Киева Полканом невредимым, его стан и его богатыри: Змиулан, Тугарин, Зилант. Требование, чтобы Владимир уступил Ми-лолику. Владимир идет советоваться к св. Антонию: Антоний велит от-ложить празднество брака и говорит, что один только Добрыня может умертвить Полкана, что его надлежит дожидаться. Советы, как укреп-пить город; жизненного запаса есть на год.

3. Процессия вокруг Киева, окропляют его святою водою, он непри-ступен для войска. Добрыня едет путем дорогою. История волшебни-цы Добрады и Черномора. Сон Добрыни. – Он въезжает в очарован-ный лес.

4. Очарованное жилище Лицины. Звук арфы спасает его. Он раз-рушает очарование. Между очарованными находит Илью и его любов-ницу Зилену

5. История Ильи с великаном Карачуном. Он разлучается с Добры-ней и едет в Киев.

6. Богатырские игры. Ночью Ярослав и Радегаст едут в стан. При-чиняют убийство. [На заре] их разлучают, на каждого нападает толпа. Ярослав раненый готов попасться в руки непр(иятеля). Его спасают не-известные воины: то Алеша и его товарищи. Радегаст пропадает без-вестно.

7. Владимир узнает тоску Ярослава. Прибытие Карачуна в стан не-приятельский. Он вызывает Илью на единоборство. Смешной поеди-нок. Карачун достается в плен.

8. Добрыня достает и меч, и Златокопыта. Его любовь разрушает очарование Ксении. Ночь, проведенная с нею в долине.

9. Он ее лишается и едет в Киев. Встреча Добрыни. Избавление и история Радегаста и Заиды. Они спешат к Киеву. Отчаянное состояние Киева. Владимир решается дать сражение и выйти на единоборство с Полканом. Приготовление войска.

10. Войско выходит за город. Боян запевае песнь. Является Вла-димир. В эту минуту скачет витязь – это Добрыня и при нем Радегаст с Заидою, одетой в панцирь. Добрыня требует позволения сразиться. Получает его. Сражение с Полканом. Общее сражение. Торжество. Вход в город. Владимир уступает Милолику Радегасту. Явление Ксении и Добрады. Торжество и радость. Брак и ночь Добрыни с Ксенией.

П.

Сходбище волшебниц. Царь девица.

Звук арфы избавляет от обольщения. Общее сражение – распорядок армии.

Изображение разных народов. Голод в Киеве. Изображение Богини снов. Песнь пророческая Бояна. Гребень, полотенце, камень.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

Препятствия на возвратном пути

Разлучение Добрыни с его любезною, явление фей, куст лилий (нрзб).

Приступы— 1. Из Бояна. Приятность поэзии и вымысла. 2. О стари-не и древних очарованиях. 3. Богиня сновидения и (нрзб.). 4. Любовь и ее очарование. 5. Приятность непостоянства. 6. Дружба. 7. Похвала уединению. 8. Похвала старости. 9. Слава. 10. Супружеское счастье.

Царь девица мстит за брата своего, убитого [Добрынею] Ильею, требует, чтобы он был отдан ей в руки.

Эпилог и пролог.

Из Тасса: описание Арм(идинога) сада. Кларинды; очар(ованного) леса; последнего сраж(ения).

Царь девица встречается с Ильею и идет с ним в замок любви, не зная его.

Они избавляют с Добрынею.

Дубыня, Горыня, Горлан.

Ведьма, очаровавшая богатырей.

Шапка невидимка крылатая.

В Ришардете. Сражение с гигантами.

Эпизод Леона и его жены (V). Ведьма (III).

Остров видений (V).

Синибальд в келье Клелии — в образе Алеши Поп(овича). В спальне Зелии.

Дорогою победы и известия, которые приносят о Добрыне в Киев (Амадис Гальский).

Любовница Добрыни в Киеве незнакомая. Добрыню окружает таинственность. Вражда Чернобога с Световидом.

О славянском гостеприимстве. В описании чьей-нибудь смерти подр(ажание) Гомеру VI песни (нрзб.) из облака (велледа).

III.

[Оберон, поссорившись с Титаниею, положил клятву и на ее дочь, чтобы она была далеко от отца, лишена бессмертия духов. Невидима, в отдаленной стране, и тогда только возвратит образ, когда будет лю-бить ее юноша, не видевший ее никогда. — Оберон, видя Добрыню, отправившегося за живую водою, его избирает, — и его ведет. — До-брыня уводит Изеллу. Рогдай, убивший свою любовницу, преслед(уем) ее тенью, излечается, окрестив Свиду — с которой уходит из стана пе-ченегов. Сын Владимира, влюбленный в его невесту. Друг Рогдаев, их ноч-ное сражение.

1. Песнь. Явление к Владимиру великана печенегов. Объявление войны. Киев в осаде.

IV.

Мысли для поэмы

Владимир под старость посылает одного из богатырей на подвиги. Время ужасное для него приближается, в которое прошедшее должно быть заглаже-но. Добрыня испытывает многие очарования, следствия одного и с одним разрушающиеся. В то же время война с печенегами, в коей успех соединен с тем же разрушением очарования. (Заимствовать из Zauberring.) Тризна в честь Святославу. Песня Бояна.

Воин греческий. Тень любовницы, закопанной в монастыре.

Празднество освящение храма.

Для Игоря. Певец на празднике Владимировом. Посвящение в рыцари (нрзб.) на гробах отцов.

Повесть об отшельнике святом с сыном, который влюбился в дочь волшебника и, лишась ее, умер.

Два друга, идущие ночью украсть череп Святославов. Подр(ажание) Нису и Эвриалу.

Один, израненный, возвращается в Киев. Позвид уми-рает. Другой скоро в плен.

Крестит пленницу.

Сходбище волшебниц.

Общее сражение, распорядок армии; изображение народов. Голод в Киеве.

Изображение богини снов. Приступы.

Чурило и Земит и великан Синибальд. В комнате Клелии.

Сражение с гигантами. Эпизод Леона и его жены. Богатырские игры. Приключения.

Болеслав храбрый и Преслава.

V.

Два друга собираются ночью похитить череп Святославов. (Подражание) Нису и Эвриалу.) Один [погибает], израненный, брошен.

Другой [спасает его (нрзб.)] взят в плен — крестит пленницу. Явление витязей.

Предложение подвига. Богатыри. Добрыня едет.

Тризна в честь Святославу. Песня Бояна. Эпизод Рогнеды.

Рыцарь, обреченный спасти Киев.

Приезд в Киев воина греческого — песня любовницы, закопанной в монастыре.

Повесть ему от другого о происшествиях Киева до осады. Строение храма — не прежде (нрзб.).

Певец на празднике Владимировом. Посвящение в рыцари стари-ком.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

Между гробами отцов.

Повесть об отшельнике с сыном, который влюбился в дочь волшебника и лилась ее умер. Zauberring. S. 52–58.

VI.

План Владимира.

Прежде истор(ическая) часть, пот(ом)

№ 1. Замечание в стихотворцах мест, достойных подражания.

Роланд (Т. 1). Описание острова Альцины. Астольф, превращенный в мирт – описание разных чудовищ – сражение с охотником – Роланд, встревоженный сновидением.

(Источники)

Поэмы. Илиада. Энеида. Одиссея. Ариосто. Тасс. Оберон. Идрис. Клелия. (нрзб.)

Артур. Ришардет. Rose-croix. (нрзб.)

Романы Тресановы. Русские сказки. Славянские древности. Народные русск(ие)

сказки. Музеус. Tales of wonder. Tieck. Lamott Fouque.

Жофруа приходит требовать от Артура рыцарства. Получает. Является черный рыцарь и бьет служителя за столом Артура. Жофруа дает клятву не есть (нрзб.) не спать до тех пор, пока не отомстит. Едет. Видит золотое копье и сражается за него с рыцарем. Подъезжает к замку Белиевры. Засыпает. Его будят. Он сражается. Наконец входит в замок. Влюбляется в Белиевру, которая клялась выйти замуж за того рыцаря, который избавит ее дядю. Этот дядя во власти того самого рыцаря, которого хочет наказать Жофруа. Он уезжает из замка другого рыцаря, избавляет дядю, но возвращается в замок, забыв узнать, точно ли его избавил. – Он засыпает. Его будит сам дядя. Он женится на Белиевре.

Образцы и пособия

Ариост

Тассо

Оберон

Идрис

Клелия

Scott Edinburg review Noole Edinburg review Ballades

Tales of wonder Lamott Fouque

История

Выписки из Карамзина Печенеги История Крыма Описание Крыма Эдда

История Греции География России Разговоры о Новгороде Муравьев

Летопись Нико(нова) Русская правда Антон Маш

VII.

[Рассказы]. Лодомир и Милороза. Лодомир в беседах с Владимиром: черты прежнего времени. Лодомир один у часовни или на могиле: воспоминание о деде. Песня.

Однажды дева на лодке. Сходство и описание. Характер, таинственность. Черты старины. Условие. Супружество. Праздник. Первые месяцы. Таинственность свидания. Унылость. Смерть. – Годы – невозможность? Вокруг. Смерть (нрзб.), песнь о (нрзб.), жалобы Милорозы. – Характер (нрзб.) и чувства.

1 песнь. Описание травли оленя (большое). Один из ловцов уходит вперед, заблуждается, видит перед собою озеро, усеянное островами и озаренное заходящим солнцем. – Трубит в рог; по озеру плывет к нему лодка, и в лодке дева. Она зовет отца, но при виде незнакомца отталкивает лодку от берега. Наконец, после разговора с ним принимает его в лодку и везет на остров и приводит в простую хижину, состроенную из бревен. По стенам трофеи воинские и охотничьи. Другая женщи-

ДЕВА ОЗЕРА

Walter Scott

Lady of the Lake (sic!)

на более в летах приходит к ужину. Незнакомец называет себя Фиц-Жеймсом, рыцарем (1 нрзб.) и тщетно старается узнать имя ее клана, и благородная наружность показывает знатное происхождение. Он уходит спать и видит сны беспокойные. – Вешает и успокаивает себя взглядом на прекрасную тихую ночь. – Потом засыпает сном тихим, не пробуждается до самого утра. – Характер старого певца, который предсказал прибытие Фиц-Жеймса.

Лучшие места. Приступ: обращение к лире, описание озера при заходящем солнце (XIV), – появление девы (XVII). – Описание девы (XIX) – описание робости ее и лица незнакомца (XX и XXI), – успокоение незнакомца после беспокойства при взгляде на ножны незнакомца (XXXV).

Погрешности: описание ловли слишком длинно; в описании пути слишком много подробностей; эстетическое рассуждение Фиц-Жеймса о саде неуместно. Но все сии недостатки сами по себе, красота по слогу.

II песнь. Остров. I. Странник уезжает. II–III. Песнь менестреля. IV. Изображение менестреля. V. Дева смотрит вслед за незнакомцем и в ней пробуждается капля

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
чувства. VI. Она вспоминает о Малькольме Грэме и велит менестрелю петь его славу. VII. Менестрелева арфа издает унылые звуки. VIII. Он говорит, что он такие же звуки слышал, когда должно было постигнуть несчастье Дугласа, отца ее. IX. Дева его утешает и говорит о спокойствии той жизни, которую они ведут. X. Ее речи успокаивают менестреля; он говорит, что придет то время, в которое будут сильно удивляться ее красоте. XI. Она напоминает, что жестокий, но славный витязь Родрик ее любит. XII. Менестрель говорит с ужасом о Родрике. XIII–XIV. Дева уверяет, что никогда не будет женою ужасно-го витязя. XV. Но думает о нашем посетителе. Меч твоего отца упал к его ногам. – Это худое предвещание: боюсь ненависти Родрика, который смотрит сурово и на Малькольма. – В это время слышат крик. XVI– XXI. Приближение Родрика, песнь его пловцов. XXII. Мать Эллены зовет ее встречать Родрика, но в это время слышится речь ее отца, она бежит к нему навстречу. XXIII. Между тем Родрик причалил к берегу. XXIV. Стыдливость Эллены при виде Малькольма. XXV. Изображение Малькольма. XXVI. Эллена упрекает отца в том, что он отдалился. Отец говорит, что Малькольм был его проводником. XXVII. Родрик идет навстречу. Вестник приносит ему худое известие о приближении короля Шотландии. XXVIII. Родрик рассказывает, что Дугласа ищет с са-мого приезда и предлагает ему руку с тем, чтобы Эллена была его женой. Дуглас отказывает. XXXIII. Бешенство Родрика. Малькольм хочет вывести Эллену. XXXIV Родрик бросается на него и останавливается.
24 - 1368
37'

Они готовы вступить в бой. Дуглас их остановил. XXXV. Родрик велит дать провожатого Малькольму. Малькольм отвергает и бежит на берег и бросает вызов. III песнь. Сбор. I. Изображение утра. II. Обращение ко времени. III. Родрик в суровой задумчивости на берегу. IV. Изображение Брайана. V и VI. Предание о его рождении. VIII. Принесение жертвы. IX. Его заклинания. X–XIV. Заклинания. Гонимый скачет собирать воинов Родриковых. XV – XXIV. Сцена перед Дункановым гробом, сын его берет крест. – Свадьба – все собираются. XXV. Дуглас и Эллена уходят в другую пещеру. XXVI. Описание пещеры. XXVII. Родрик был смущен и не собирает своих воинов. XXIX. Но не нашел сил войти в пещеру – слышит песнь Эллены. XXX. Родрик идет на сборное место. XXXI. Изображение спящих воинов и тишины. IV песнь. Предсказание. I, III, IV, V. Разговор стражи с Горцем. VI. Брайан рассказывает пророчество Родрику. VIII. Новость, которую приносит Мэлис Родрику. Родрик определяет сражение против того острова, где собрались жены, дети и старцы. IX. Между тем Дугласа нет в пещере. Эллена об нем тоскует. X–XI. Аллеи утешает ее. XII. Поет балладу. XVI. Едва он кончил – является незнакомец. XVII. Зовет Эллену – она признается в любви к Малькольму. XVIII. Незнакомец хочет быть ее братом. XIX. Дает ей кольцо и уходит со своим проводником. XX. Идут – он видит своего мертвого коня. XXI. Видит сумасшедшую Бланку. XXII. Ее песня. XXIII. Проводник рассказывает, что она сошла с ума, потеряв жениха, убитого Родриком. XXV. Поет пророческую песнь. XXVI. Незнакомец подозревает проводника, тот убегает и бросает в него стрелу, она падает в Бланку. Незнакомец, догнав его, убивает. XXVII. Умиравшая Бланка дает ему волосы своего жениха и требует, чтобы он за него отомстил. XXVIII. Незнакомец идет один, теряет дорогу – решает ждать вечера, чтобы пробраться в сумерки. XXIX. Вечер, огонь и стража. XXX. Разговор с стражей. XXXI. Они засыпают вместе. V песнь. I. Сражение. II. Страж ведет Фиц-Жеймса. III. Спрашивает, как прошел он без пропуска Родрика. IV. Я охотник Жеймс. V–IX. В разговоре своем Жеймс показывается. Проводник свистит. Отовсюду сбегаются воины. – Я Родрик – говорит он. X. Жеймс готов сражаться. Родрик дает знак рукой, все исчезают. XI. Они сходятся на свободном месте. XII. Родрик предлагает сражение. XIII. Жеймс, удивленный его великодушием, предлагает ему мир и свое представительство у короля. XIV. Родрик отвергает с досадой и требует сражения. XV. Описание сражения. XVI. Родрик падает. Жеймс ждет сдачи. Тот отважно с ним борется; но, ослабевши от ран, умирает. XVII. Жеймс трубит в рог, является четверо вооруженных. XVIII. Он поручает им Родрика и идет в Стерлинг, где готовились игры. XIX. Воины видят идущего старика. XX. Он сходил к Стерлингу, где готовились к играм. XX–XXIII. Описание игр – стрельба из лука, кольцо, бросание кинжала. XXIV. Король не замечает Дугласа. XXV. Спускается олень. Собака Дугласова всех опередила. Ее хотят убить. Дуглас открывается. XXVI – XXIX. За него вооруженные, но он останавливает мятеж. XXXI. Посол от Джона Мара, готовящегося идти в бой с воинами Дугласа. VI песнь. Караульня. II–V. Разговор стражей. VI. Входит воин с де-вой и стариком. Это Эллена и певец. VII–VIII. Эллена просит, чтобы ее повели к королю. IX. Является начальник стражи и ведет ее. XI. Певец просит, чтобы его проводили к его господину, стражник тихо отводит его к умирающему Родрику. XIII. Родрик заставил его петь песнь, во время которой умирает. XXII. Жалобные песни на

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
смерть Родрика. XXIII. Между тем Эллена одна. XXIV. Слышится песнь пленного
звероловца – это Малькольм. XXV. Является Фиц-Жеймс и ведет ее в чертог короля.
XXVI. Фиц-Жеймс сам король. XXVII. Эллена падает на колени и протягивает ему
кольцо. Король проищет Дугласа, который сам уже тут. XXIX. Он соединяет с нею
Малькольма – Обращение к арфе.

РОДРИК И ИЗОРА I.

Гаддер и Свенд и Русла.

Вступление – к ней. Этот замок теперь (нрзб.).

Гаддер в морском походе похищает Руслу и вверяет брату Свенду.

Они едут в замок.

Дорогою Свенд и Русла влюбляются друг в друга.

Все готовится к брачному торж(еству).

Гаддер возвращается.

Подозрительность и ревность.

Русла дает свидание на берегу озера в подземелье.

Ночь. – Предчувствие.

Их подслушивают.

В тишине вдруг озаряется.

Гаддер вызывает на поединок.

Там где раздается.

Русла падает в обмор(ок).

24*

373

Приходит в себя: все тихо.

Факел, подле него труп.

Она сходит с ума.

[Гат(ред)] Беспрестанно приходит.

Умирает.

Отчаяние Гаддера – Он едет.

Буря.

С тех пор.

Замок исчез.

Одно подземелье.

В нем слышится голос.

Огонек.

Здесь замок.

Озеро.

Роща и храм.

II.

1. Теперь, где пышный царский дом над озером, Где часто раздаются голоса и
Где мы приходим удивляться (нрзб.), Там в старину было иное: Бор – озеро посреди
ельника, Замок Гаддера. Его нет.

Ужасный гнев Божий постигнул.

2. Гаддер был славен могуще(ством). Мрачен.

3. Свенд, брат его. Храбр. Любим.

4. Часто по берегам девы. Часто в замке девы – Никто не смел приступить.

5. Однажды с ладьями в море Русла похищена натиском.

6. Гаддер вверил ее прекрасному Свенду. Сам остался одинок.

Свенд привез ее в замок.

7. Его участие. И слезы ее.

Сострадание укрепило прелестную к нему.

8. Долго не возвращался Гаддер. Между тем любовь соединила.

9. Иногда на берегу При нем забывает. Юноша молчал.

10. Наконец является Гад (дер). Тут сердце в буре.

[Он сказал Русле чтобы пришла]

[Должно было молча]

[Свирепый и ревнивый Гаддер заметил].

11. Молчание неспокойное. Гаддер замечал. Однажды призвал он.

12. Разговор. Условие ночью.

13. Я буду ждать в подземелье. Но стены имели уши. Встречаются.

14. [Гаддер.]

III.

Преступает нападение

Отдает и велит готовить к браку

Дорога

Любовь дотла

Возвращается Гаддер – ревность и подозрительность жалоба

Ночное свидание

Предчувствие

Сражение

Изора теряет разум

Гаддер скрывается

Путник к замку

В монастыре

Переменяется игумен

Он видит Гаддера

Разговор об нем и с ним

Гаддер пропадает

Платье

Замок его разруш(ился) Одно подземелье Свечка Голос

IV.

Гатред, один из рыцарей, вызванных Альбертом Епископом в Лиф-ляндию, отделяется от прочих рыцарей – строит замок в густоте леса недалеко от берегов Балтийского моря и оттуда делает набеги на берега в кораблях, грабит и опустошает [он является в Ревель], молодой брат его [Адольф] Волкуин ему всегда сопутствует. В одном из сих походов похищена Изора [двумя] братьями. Гатред, ею плененный, вверил ее Адольфу для приведения в замок, а сам остался довершать поход. Адольф во время переезда влюбился в Изору, и она полюбила Адольфа. Он знает о страсти брата, но не может победить собственной. Поэма начинается [на берегу] тем, что Адольф и Изора сидят на берегу озера, над коим возвышается замок, спокойные, но предчувствия, ждут скорого возвращения брата. В разговоре их в немногих словах описываются и все предшествующие происшествия и выражается характер и Гатреда, и Адольфа, и Изоры. – Гатред: ужасный, страсть и необузданность, питомец Юга, ревнивец, мстительный, но великий. Молчаливость, самовластие, непоколебимость, храбрость – умеет победить всякое движение и скрыть и никогда не победил ни одной страсти, владеет собой только для того, чтобы себе дать волю. Самая сильная привязанность к брату, но уступающая силе других желаний: для исполнения их не пощадит и брата. Все ему повинуется – но повинуется одним взглядом, движением и отрывистым словом. Он повелевает ими молча или одним словом. Адольф – тот же страстный характер, но живость молодости; необузданность и нетерпеливость в страсти: любовь и уважение к брату – но уступающие силе любви. Изора – глубокая меланхолическая чувствительность. – Они ждут Гатреда. Он является. Объявляет о выборе своем Адольфу и Изоре. Их бледность им изменяет. Он молчит, но все знает. Их разговор, который подслушал: Адольф предлагает Изоре ночью свидание в подземелье, оттуда ход в лес, там будет конь – они уедут. – Изора идет в подземелье. Буря. Адольф уже там. Вдруг их окружают. Сражение при факелах и глухом громе бури. Адольф убит, и факел. Изора приходит в себя и умирает над телом Адольфа – видит фигуру сидящую. – В цистерцианском монастыре в Ревеле был избран игумен-старец, он смотрит, кто это. Он находит его однажды – исповедь – неизвестный исчезает – видели ладью – буря, где озеро омывает, там...

V.

Первая сцена.

Ты задумчив, Родрик – Не знаю, что мучит меня! [Все вокруг нас прекрасно]. – Ты здесь, а я уныл! – смотри, как небо ясно! – Видишь ли эту тучу! В ней дрожат молнии! все тихо и светло; но гроза будет. Гладкая поверхность этого озера скоро взволнуется. Теперь в нем ясно отражается наш замок; черные ели и сосны в нем видны! Но видишь ли, как ласточки над ним быстро кружатся и почти прикасаются к нему крыльями! Воздух спокоен, но душен! Эта неподвижность предвещает волнение – отчего ты задумчив? Родрик не отвечал, но долго смотрел на Изору. Помолчав, сказал он: нынче возвращается Гатред. – Изора побледнела, и вместе с ней побледнел Родрик, и рука его невольно сжала меч. Он устремил черные глаза свои в даль, и темное пламя в них запылало. Изора, я предчувствую ужасы в сем возвращении. Брат мой видел тебя; [я знаю его душу – в ней уже таится страсть. Зачем по-верил он мне тебя!] Он никому никогда не открывал души своей. Все таится в душе его великой, но грозной и непреклонной.

Когда он похитил тебя из твоего замка на берегу кипучей Нарвы, мщение помчало его вслед за твоими братьями – мне вверил он тебя, я должен был на корабле нашем перевезти тебя в замок. Он не сказал ни слова. Но теперь воспоминание о взоре его, задумчивом и пылающем, на тебя устремленном, о его молчании, с каким он на тебя смотрел – ты стояла бледная и робкая; в эту минуту я видел одну тебя, но когда мы отплыли, я устремил на берег глаза. Величественный образ моего брата мне представился. Один стоял он на берегу и смотрел за нами. О, теперь знаю, что было в душе его – знаю и содрогаюсь. Судьба страшно над нами играет... Тогда душа моя полна была тобою. Теперь, когда он близко... Изора не ответствовала. Она протянула к Родрику руку, прижала ее к сердцу; другую подняла к небесам и смотрела на Родрика нежными, полными души глазами. Он упал пред нею на колена и

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
прижал горящее лицо к ее коленам. – Что ни будет, сказал он, под-нявшись с
места, я твой! Мы неразлучны! За него отдам жизнь! Отдал бы свою любовь и погиб,
но твоею любовью пожертвовать не могу, не хочу, и это решено! ...Изора, слушая
его, смотрела на небо, душа ее молила Спасителя; ему поверяла судьбу свою и
будущее! ... [молю небо, чтобы я ошибся. Чтобы сердце Гатредово было спокойно]. В
эту минуту зашумело в лесу, и явился во всеоружии воин... Родрик и Изора встали.
Это был Гатред. Молча подал он руку брату. Быстро взглянул на обоих; все увидел,
но глаза его ничего не выразили; чувствительно было лег-кое содрогание в руке. С
спокойствием сказал он: Я отделился от своих, чтобы вас изумить. Там все конечно
– их нет! Замок (нрзб.): куча золы. Изора, я тебя стою. Послезавтра пойдем к
алтарю.

VI.

Родриг и Изора сидели на берегу озера, день склонялся к вечеру. Ты задумчив,
Родриг, сказала Изора. – Где твои мысли? Мы вместе, а ты мрачен. Смотри, как
небо ясно. Родриг поднял глаза на небо. – Ви-дишь ли там, на краю неба, эту
тучу. В ней молнии. Будет гроза. По-верхность нашего озера еще гладка, но
ласточка летает по нем и почти прикасается к его гладкой поверхности, воздух
тяжел. Будет буря! Это небо, как счастье жизни – не верь его ясности. О, что же
причиной тво-ей печали? Родриг долго смотрел на Изору и молчал. – Нынче должен
возвратиться Гатред [Это день им назначенный]. Изора побледнела, и Родриг
побледнел, и рука его сама собою опустилась на меч. Он устре-мил черные глаза
свои в даль, и темное пламя в них запылало... – Изо-ра, я предчувствую нечто
ужасное в этом возвращении. До сих пор душа моя предавалась унынию любви, и для
нее не было ни прошед-шего, ни настоящего. Но Гатред возвращается – При этом все
предо мною раскрылось. Все, что было, пришло мне на память, все, что будет,
стоит предо мною как страшилище. Изора [Гатред, мой грозный брат, любит тебя. Но
робость заставляет меня содрогаться; припомнишь ли] тот день, когда мы вырвали
тебя из замка твоих похитителей? [Мне его не забыть, этот] О день прекрасный...
день ужасный и лучший в моей жизни! Молчи, Родриг, дай насладиться
воспоминанием! Эта минута, в которую два ваши корабля появились – как будто
радость перед ними летела! Нарова кипела, а я плакала – все мои родные погибли!
и ког-да начался стук оружия, загорелся замок, ты отыскал, выхватил, про-нес
меня к кораблю. Гатред стоял, притиснув к земле одного из моих похитителей,
другие бежали... потом мы очутились на палубе и скоро посреди спокойного моря, и
ничего кроме тебя и тишины и неба, над нами простертого... минуты счастья.
Свобода и любовь. – О прекрас-ные минуты! но их нет! теперь, когда близок
Гатред, все возобновилось в моей памяти. В тот час, когда разрушенный замок
догорал и падал, и когда ты стояла в виду корабля, я видел одну тебя, ты лежала
на моих руках, я нес тебя на корабль, теперь помню. Вверяю тебе мою Изо-ру,
сказал брат мой: ты с ней в мой замок – я здесь довершать мще-ние! И рука его
сильно мою сжала. – Этот голос промчался мимо ушей моих. – Когда я стал на
корабль и мы начали отчаливать, я взглянул на берег – там стоял брат мой
неподвижный, и взоры его пылали! Эти взоры были мне понятны – но я обо всем
забыл близ тебя – но теперь знаю, что билось в душе его. – О Изора! Знаю и
содрогаясь! О Изо-ра! Ты не знаешь моего брата! Душа в нем великая, но она
ужасна и непреклонна. Никто не проникал в глубину ее! Лицо его никогда не
изменяет чувству! и сколько же сильно то чувство, которому изменит его лицо! Сию
перемену я видел на лице Гатреда и знаю все, что в его сердце. Он любит тебя
страстно. И ничто не преклонит его страсти. Никогда еще не колебалась его воля;
никогда не было послушания его слову. Никто не слышал его говорящего много – но
каждое его слово есть закон. Он мой брат – но и для меня был он доселе
неприступен. Один я его обожаю, как Бога, и что теперь... Что будет, Изора?
Изора не ответствовала, одною рукою она прижала Родригову руку к серд-цу; другую
подняла (в) небо и смотрела на Родрига нежными глазами. В них изображалась
клятва: навеки и все пополам. Пусть будет, что будет! Мы неразлучны. За него я
отдал бы жизнь, ему пожертвовал бы своей любовью и погиб, но твоей любви не
отдам, и это решено. Они встали, подошли к озеру. Вдруг в лесу зашумело.
Смотрят. Идет воин. Это Гатред. Он подошел к ним быстро. Молча подал руку брату;
быстро взглянул на них; все увидел, но глаза его ничего не признали, в руке
только чувствительно было содроганье. Спокойно сказал он: Изора там все конечно!
Твоих притеснителей нет! Замок куча золы. Я тебя стою, завтра ты моя. Родриг,
чтобы все было готово к свадебному обряду – Изора и Родриг побледнели. Гатред не
взглянул на них, но видел их бледность; отдал спокойно свой шлем оруженосцу и
пошел к замку.

VII.

Предисл(овие)

I. Беседы отца 10

II. Воспоминание 50

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

- III. Песня
- IV. Дева и сходство 50
- V. Характер 50
- VI. Супружество 25
- VII. Любопытство и видение 50
- VIII. Унылость 45
- IX. Смерть 45
- X. Жалобы невинности 50
- XI. Остатки к следующей песне 50
- I. Посвящение Герсике
- II. Образ монаха (?) рассказ
- III. Сцена в церкви
- IV. Рассказ – Родрик и бегство
- V. Изора
- VI. Сражение и поручение брату
- VIII. Возвращение и [ревность]
- IX. Ревность
- X. Сражение
- XI. Смерть Изоры. В озеро
- XII. Бегство.
- XIII. (нрзб) состояние
- XIV. Гатред исчезает
- XV. Остатки
- VIII.

Предисловие. Историк.

Старина. Для объяснения в Лифляндию. Рыцари девы. Огонь и меч. На берегах Двины. Герсика разрушена. Князь бежал с сыном. Он потерял жену; сын – невесту – поселился; но в манускрипте упоминается о том, чего нет в Истории. Истина чудесное отвергает. S. Paul. Предания. Все населено. Ныне мы (нрзб.), а тогда Альфы. Духи цвет-тов – голос лесной – мертвецы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич ПОВЕСТИ И СКАЗКИ ЖУКОВСКОГО

Готовя к печати последнее прижизненное собрание сочинений (С 5), Жуковский первоначально ориентировал его структуру на жанровый принцип распределения материала, как это было в четырех предшествующих изданиях (С 1–4). В «Общем оглавлении» к С 5, где торжественно этот принцип, он вслед за «Эпическими стихотворениями» выделяет раздел «Повести и сказки», куда включает 18 произведений (см.: Матяш. С. 154), написанных в течение 1816–1845 гг. Проставляя даты после каждого заглавия, Жуковский как бы фиксирует длительность процесса создания «повестей и сказок».

Отказавшись от жанрового принципа в пользу хронологического расположения произведений, Жуковский тем не менее в конце 6-го тома, после «Рустема и Зораба», специальным заголовком выделяет рубрику: «Сказки и повести», куда включает 7 произведений, написанных в 1843–1845 гг. (см.: С 5. Т. 6. С. 223–331). Сюда вошли три сказки («Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке», «Тюльпанное дерево», «Кот в сапогах») и четыре повести («Маттео Фальконе», «Две повести. Подарок на Новый год издателю "Москвитянина"», «Капитан Бопп», «Выбор креста»). Этим разделом и заканчивается поэтическая часть С 5, так как 7-й том уже включает прозу.

Таким образом, Жуковский выделяет в конце творческого пути ту жанровую рубрику, которая и определяет состав 4-го тома настоящего издания.

Путь Жуковского к этой жанровой дефиниции можно считать вполне сознательным и эстетически обусловленным. В диахроническом аспекте есть основания говорить о следующих этапах поэтического самоопределения.

В 1805–1808 гг., работая над «Конспектом по истории литературы и критики», Жуковский прежде всего создает раздел «Эпическая поэма», включающий историю античной эпопеи, рассуждения о «Потерянном рае» Мильтона и «Мессиаде» Клопштока, о «Генриаде» Вольтера (см.: Эстетика и критика. С. 49–101). В это же время, около 1805 г., разрабатывая программу будущих творческих замыслов, он намечает следующие жанровые рубрики: «Эпическая поэзия», «Живописная поэзия», «Дидактическая поэма», «Басни и сказки» (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 8. Ср.: Резанов. Вып. 2. С. 252–254).

В другом списке этого же времени, под общим заглавием: «Что сочинить и перевести», он называет «сказки», «сказку народную», какую-то «американскую повесть» (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 58 об. Ср.: Резанов. Вып. 2. С. 255), но четкой дифференциации сказки, повести и поэмы пока обнаружить невозможно.

В 1805–1816 гг. возникают многочисленные поэмы: планы описательной поэмы «Весна», исторической поэмы «Владимир», наброски переводов из «Оберона»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Виланда, «Мессиады» Клопштока, «Девы озера» Вальтера Скотта.
В 1817–1824 гг. Жуковский ищет свою модель романтической поэмы. Почти
одновременное появление переложений и переводов «Слова о полку Игореве»,
гердеровских романсов о Сиде, отрывков из «Энеиды» Вергилия, «Метаморфоз»
Овидия, «Шильонского узника» Байрона, «Пери и ангела» Мура, «Орлеанской девы»
Шиллера – знаменательный факт не только творческой биографии Жуковского, но и
русского историко-литературного процесса в целом. Поэт-романтик осваивал самые
различные формы древнего эпоса и европейской поэмы: байроновскую романтическую
модель, «драматическую поэму» Шиллера, «восточную повесть» Мура, структуру
русского и испанского эпоса, античной эпической поэмы. На этом материале, путем
его особой концентрации и обработки, выделяя из больших текстов закончен-ные
отрывки-фрагменты, он создавал ситуации русской романтической поэмы:
тюремно-узническую, демоническую, патриотической жертвенности, безграничной
любви преданности, героико-историческую. Русский романтик чутко угадывал в
своих переводах-переложениях ритмы нового времени, формируя новые стиховые
модели, перспективные для будущей русской поэмы: белый пятистопный ямб
«Орлеанской девы», четырехстопный ямб со сплошными мужскими окончаниями
«Шильонского узника», сказовый гекзаметр и т. д.
Опираясь на традицию английской «tale», французского «le conte», немецкого «der
Erzählung», Жуковский еще недостаточно последователен в жанровых определениях
своих лироэпических опытов. Так, в С 3, появившемся в 1824 г., он выделяет
«Сельские стихотворения», дает подзаголовки: «поэма», «сказка», «старинная
повесть». Только к 1831 г. настойчиво в систему жанровых определений входит
слово «повесть». В двух изданиях «Баллад и повестей» (СПб., 1831), которые
давали представление не только «о прошлом странного жанра [баллад. –А. Я.]», но
и «о будущем поэзии Жуковского (движение от баллад к эпосу)» (Нем-
– Повести и сказки В. А. Жуковского –
зер А. С. «Сии чудесные виденья...» // Зорин А., Немзер Л., Зубков Н. Свой
подвиг свершив... М., 1987. С. 159), это понятие закрепляется как в общей
номинации книги, так и в рубрике «Повести» (Ч. 2. С. 145–233). Правда, в титулах
и подзаголовках это еще недостаточно последовательно проявляется: «Шильонский
узник» назван «поэмой», «Неожиданное свидание» – «былью»; возникает подраздел:
«Дедушкины рассказы», куда включены «Красный карбункул», «Две были и ещё одна».
Наконец в С 4 (СПб., 1835) весь пятый том уже идет под общим ти-тулом:
«Повести», причем это жанровое определение поглощает и три сказки, созданные в
1831 г.: «Война мышей и лягушек», «Сказка о царе Берендее...», «Сказка о спящей
царевне». Единственное исключение – «Аббадона», помещённая в 6-м томе раздела
«Смесь».
Последнее прижизненное собрание сочинений (С 5) закрепляет эту традицию жанровой
номинации. И в «Общем оглавлении (см. выше), и в подзаголовках произведений,
опубликованных здесь, определения «повесть» и «сказка» сохранены, выступая как
некое художественное единство в 6-м томе: «Сказки и повести».
Процесс становления в русском художественном сознании стихотворной повести как
жанра – длительный и прихотливый. Готовя к печати свою «повесть» «Кавказский
пленник», Пушкин вначале упорно именуется её «поэмой», а в письме Н. И. Гнедичу от
29 апреля 1822 г. сообщает: «Назовите это стихотворение [«Кавказский пленник»]
сказкой, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте...» (Пушкин. Т. 13. С.
31). И впоследствии Пушкин, «обозначая жанр большого эпического стихотворного
произведения», употреблял обычно два термина: «поэма» и «повесть». Это
отразилось и в наиболее полном прижизненном издании поэм, двухтомнике 1835 г.,
названном «Поэмы и повести» (Ху-дошина 9. И. Жанр стихотворной повести в
творчестве А. С. Пушкина. Новосибирск, 1987. С. 4).
Жуковский определение «поэма» чаще всего в раннем творчестве связывал с
классической эпопеей, прежде всего с гомеровским эпосом. Показательно, что в
«Общем оглавлении» к С 5 он вообще не употребляет это жанровое определение,
заменяя его «эпическим стихотворением» (Матяш. С. 153).
В 1830–1840-е гг. закрепление понятия «повесть» прежде всего было связано с
экспериментами Жуковского в области «повествовательной», «безрифменной» поэзии.
Обратившись к образцам европейской прозаической повести (Тик, ла Мотт фуке,
Гебель, Шамиссо, Мериме, Рюккерт, рейнские сказания), он выявляет их жанровую
форму, повествовательную структуру, перелагая прозу на язык поэзии. Так,
публикуя отрывки из «Ундины» в БДЧ (1837. Т. 2; гл. 4–10), Жуковский делает
следующее примечание: «Мы привели здесь едва третью часть этой поэмы...» (С 2.
Курсив мой. –А. Я.). Но уже в отдельном издании «Ундины» 1837 г., а затем в С 4 и
С 5 Жуковский последовательно называет ее «старинной повестью», хотя в «Общем
оглавлении» «Ундина» еще входит в рубрику «Эпические стихотворения» (Матяш. С.
153). Работа над «Ундиной» – стихотворным переложением одноименной прозаической
повести Ламотт-фуке (подробнее см. примечания в наст, издании) – венец по-исков

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh в области сближения поэзии и прозы, поэмы, баллады, сказки и повести. И ее итоговое определение в последнем прижизненном изда-нии – «Старинная повесть» обозначает тенденцию этого процесса.

То же самое происходит и с прозаической сказкой (фольклорной и литературной). Перелагая ее в стихи, Жуковский обнажает в ней при-роду повествовательности. Не случайно «сказки» в терминологическом лексиконе Жуковского становятся «повестями».

В творческом наследии поэта шесть законченных поэтических ска-зок: три из них («Сказка о царе Берендее...», «Война мышей и лягушек», «Спящая царевна») – плод царскосельской осени 1831 г., времени со-трудничества Жуковского и Пушкина в области литературной сказки; три («Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке», «Кот в сапогах», «Тюль-панное дерево») написаны .во Франкфурте в 1845 г. Промежуток почти в 15 лет, разделивший «царскосельские» сказки от «франкфуртских», обозначил эволюцию жанровых поисков Жуковского. Включая поздние сказки в «книгу повестей для юношества», ориентируясь на «авторскую литературную сказку» (об этом подробнее: Скачкова (Березкина) С. В. Сказки В. А. Жуковского: Генезис, источники, жанровое своеобразие. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 17), Жуковский отчетли-во выявляет повествовательную природу сказки. Их появление в общей подборке «Повести» (С 4. Т. 5) обозначает этот процесс. Характерно, что в 1826 г. Жуковский публикует переложение шести прозаических сказок: «Волшебница», «Рауль Синяя борода», «Колючая Роза», «Братец и Сестрица», «Милый Роланд и девица ясный цвет», «Красная Шапочка» (Детский собеседник. 1826. № 2. С. 95–124), сюже-ты которых предвосхищают шесть будущих поэтических. От прозаиче-ской сказки к поэтической – естественный процесс поиска Жуковским приёмов повествования, разговорного слога, «простого стиля». Об этом подробнее см.: Елеонская Е. Жуковский – переводчик сказок // Русский филологический вестник. 1913. № 3. С. 161–170.

Показательна в этом отношении эволюция жанрового подзаголов-ка к переводу стихотворения И.-П. Гебеля «Красный карбункул» («Der Karfunkel»). При первой публикации в 1817 г. Жуковский называет его «сказкой». В С 3 (1824) «Красный карбункул» находится в разде-ле «Сельские стихотворения»; в «Балладах и повестях» (1831) получает подзаголовок: «Дедушкины рассказы». В С 4 (1835), сохранив этот под-заголовок, он входит в раздел «Повестей». Наконец, в С 5 к нему воз-вращается первоначальное определение: «Сказка», а в «Общем оглав-лении» «Красный карбункул» открывает рубрику «Повести и сказки» (подробнее см. примечания в наст. издании).

И тем не менее дифференциация «повести» и «сказки» очевидна. Подзаголовок «быль», которым Жуковский иногда сопровождает свои повести и даже включает его в общее название: «Две были и ещё одна», намечают водораздел между вымыслом, фантазией и истиной, былью. Эта граница достаточно подвижна, но без неё путь Жуковского к сти-хотворной повести будет непонятен.

Русская литература 1830-х годов последовательно шла к новой про-зе. «Повести Белкина» Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» Гоголя, три части «Повестей Михаила Погодина», «Пё-стрые сказки» Одоевского, «Три повести» Н. Павлова, статья «О русской повести и повестях Гоголя» Белинского, появившиеся в 1831–1835 гг., способствовали закреплению в национальной традиции прозаической повести и сказки как «форм времени». Жива была ещё и русская стихот-ворная повесть.

Оставаясь рыцарем поэзии, Жуковский в это время разрабатывает эстетику и поэтику «повествовательной поэзии». Процесс сближения поэзии с прозой у Жуковского вначале носил в основном «техниче-ский» характер. Поэт, пробуя возможности гекзаметра и белого стиха, экспериментировал в области стихотворной прозы. Как справедливо замечает исследователь, Жуковский «с годами всё больше уходит в ра-боту над говорным, повествовательным стихом, стремясь к предельной простоте и естественности» (Гаспаров М. Л. Очерк истории русского сти-ха. М., 1984. С. 163).

Важнейшим критерием его отношения к поэзии становится крите-рий простоты. Еще в 1811 г. Жуковский перевел для «Вестника Евро-пы» статью Д. Юма «О слоге простом и слоге украшенном», где особен-но была акцентирована мысль о том, что «мы должны более остерегать себя от излишней украшенности, нежели от излишней простоты» (ВЕ. 1811. ч. 56. № 8. С. 289). Понятие особого «простого слога» в 1830– 1840-е гг. он развивает в письмах, прежде всего к П. А. Плетнёву. «Этот слог, – пишет поэт, – должен составлять средину между стихами и прозой, то есть, не быв прозаическими стихами, быть однако столь же

25 – 1368

387

простым и ясным, как проза, так чтобы рассказ, несмотря на затруд-нение метра, лился как простая, непринужденная речь». И добавляет: «... с размером стихов

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu... старался согласить всю простоту слога» (С 7. Т. 6. С. 590–591).

Высоко оценивая достижения современной прозы (известны его от-зывы об исторических романах Загоскина и Вальтера Скотта, о «Та-рантасе» Соллогуба и «Мёртвых душах» Гоголя), сам Жуковский идет своим путем: он перелагает прозу, в том числе современную европей-скую романтическую повесть, на язык поэзии. Он ищет в поэтическом языке своеобразный эквивалент прозы. В атмосфере формирования новой русской прозы опыты Жуковского отразили его компромиссную позицию. Чутко уловив сдвиги в эстетическом сознании эпохи, тенден-ции пушкинского и гоголевского развития, Жуковский старается прозу подчинить поэзии, а саму поэзию организовать по законам прозы. «Же-лаю, чтобы попытка прозы в стихах не показалась вам прозаическими стихами» (С 7. Т. 6. С. 591) – так он подчеркивает важность поэтиче-ского начала в своих стихотворных сказках и повестях. Показательно стремление Жуковского к объединению нескольких текстов в художественное единство. Его сборник 1831 г. «Баллады и повести», появившись одновременно с «Повестями Белкина» Пушкина и «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя, обозначил путь рус-ской литературы к циклизации малых форм и жанров (об этом под-робнее: Янушкевич. С. 183–197). Но не менее интересно создание «кумулятивных» текстов: «Две были и ещё одна» (1831), «Две повести. Подарок на Новый год издателю "Москвитянина"» (1844), когда поэт сопрягает, присоединяя друг к другу, произведения разных авторов (Саути и Гебеля – в первом случае, Шамиссо и Рюккерта – во вто-ром). Повествовательные скрепы, образ рассказчика, небольшие лири-ческие отступления, создание особого жанрового колорита (идиллии, философско-религиозной притчи) – всё это обогащало палитру Жу-ковского, автора стихотворных повестей.

Идея воспитательного эпоса определила содержательность его жан-ровых поисков. Неслучайно к середине 1840-х гг. у него оформляет-ся грандиозный замысел «Повестей для юношества», «самой образо-вательной детской книги». В рукописях поэта сохранился черновой проект книги, включающей заглавия нескольких десятков сказок, сти-хотворных повестей, переложений народных и библейских сказаний, отрывки из моралистов и «Орлеанской девы», из «Нибелунгов», «Батра-хомиомахии», Гомеровского эпоса, обработку сюжетов русской истории (Михаил Тверской, Отрепьев, Иван Сусанин, Пожарский). Уже в загла-виях предполагаемых для книги повестей очевидна установка поэта на создание своеобразной «героической летописи» (см.: РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка. л. 1–2).

Герои разных эпох и народов объединяются Жуковским под одной обложкой. Жуковский-поэт, мыслитель и Жуковский-педагог, воспита-тель выступают здесь в едином облике. Знаменательно, что постоянно находящийся рядом с Жуковским Гоголь в середине 1840-х гг. замыслил «Учебную книгу словесности для русского юношества», где попытался приложить к практической деятельности Жуковского теорию поэзии. Можно ли говорить об этом замысле Жуковского и Гоголя как о своео-бразной «двойчатке» – особый разговор, но замысел книги «Повестей для юношества», сконцентрировав эпические поиски Жуковского, стал ярчайшим выражением его просветительской программы.

История славной и поучительной жизни выдвигается в центр по-вести как жанра. Любопытно, что Гоголь в своей «Учебной книге...» сближает в этом отношении повесть и сказку. В разделе «Сказка» он пишет: «Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллего-рической одеждою, облакающею высокую духовную истину, когда об-наруживает осудительно и видимо даже простолюдному делу, доступ-ное только мудрецу. Таковы отчасти две повести Жуковского о жизни человеческой» (Гоголь. Т. 8. С. 476). Иоанна д'Арк и Сусанин, Зигфрид Змееборец и Пожарский, Иосиф Прекрасный и Иван-царевич, Ахилл и Маттео Фальконе, капитан Бопп, Экберт, мудрец Керим, Ундина, Агасфер – из всех этих историй и жизненных судеб Жуковский хотел извлечь поучительный урок для юношества. С этой же установкой свя-зан и его замысел особого издания «Одиссеи» для юношества, работа над «Повестью о войне Троянской», вбирающей мифологию, сюжеты трагедий древнегреческих авторов, гомеровский эпос (см.: БЖ. Ч. 2. С. 533–545).

Всеобъемлющий поэтический замысел Жуковского, к сожалению, не был осуществлён. Перевод «Одиссеи», замысел создания новой «Илиа-ды», работа до последних часов жизни над поэмой «Странствующий жид» отодвинули на будущее реализацию этого проекта. Но этого бу-дущего для поэта уже не было...

Трудно сказать, какой жанровый подзаголовок получила бы (будь она дописана и напечатана при жизни) «лебединая песнь» поэта – «Стран-ствующий жид». В письме к П. А. Плетнёву от 13 сентября 1851 г. он называет её «поэмой»: «загомозилась во мне поэзия, и я принял за по-эму, которой первые стихи мною были написаны назад тому десять лет» (Переписка. Т. 3. С. 698). «Я написал поэму, она ещё не кончена (...). Это

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Странствующий Жид в христианском смысле. В ней заключены последние мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь...», – говорил поэт о. Иоанну Базарову 10 (22) апреля 1852 г., за два дня до своей смерти (Жуковский в воспоминаниях. С. 453. Курсив везде мой. –А. Я.).

В жанровой системе «повестей и сказок» «Странствующий жид» – последнее звено, финальная точка, скорее, даже многоточие. Но звено естественное и закономерное. Опираясь на библейские источники, литературную традицию, Жуковский создаёт глубоко оригинальное произведение. Вероятно, жанровый подзаголовок «повесть» предполагал в сознании Жуковского момент переложения, стихотворной транс-крипции известного повествовательного текста. Литературная сказка тоже включала «освоение чужого и постижение своего, народного, их сопряжения» (Скачкова С. В. Из истории русской литературной сказки: Жуковский и Пушкин // РЛ. 1984. № 4. С. 128). Создавая поэму, Жуковский был более свободен в вымысле. После перевода гомеровской эпической поэмы он попытался создать оригинальное творение и подчеркнул это, вероятно, ее определением как «поэма».

Абсолютное большинство стихотворных повестей, да и сказок Жуковского – произведения переводные, точнее, имеющие какой-то иностранный источник. Но вряд ли их можно назвать переводами в буквальном значении этого понятия. Выбирая отрывки из больших текстов, оригинально сопрягая их в художественное единство, перелагая прозу в стихотворную форму, экспериментируя в области стиха, жанра, Жуковский творил модель национального эпоса, предвосхищая и будущую русскую поэму, и открытия в области русского романа.

Далеко не случайно он завершил свой творческий путь произведением, опирающимся на самые различные источники: библейские, исторические, русские и зарубежные, фольклорные и литературные, но глубоко оригинальным по своим религиозным, этико-философским, историософским, психологическим установкам. «Чужое» и «свое» неразделимы в творческом сознании Жуковского – автора стихотворных повестей и сказок. Это единое художественное пространство великого русского поэта – «гения перевода» и оригинального экспериментатора в области национального эпоса. Путь «первого русского романтика» от «Аббадоны» до «Странствующего жид» – путь почти в 40 лет – это еще и «поведенческий текст», ибо за поисками в области национального эпоса открывается история, мучительных открытий и прозрений русского общества в постижении мира и человека.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Корпус тома «Стихотворных повестей и сказок», как уже было сказано во вступительной статье, достаточно условен, хотя имеет основание и в жанровом мышлении Жуковского, и в эдиционной практике. От «Аббадоны» (1814) до «Странствующего жид» (1852), открывающего и завершающего данный том текстов, – почти вся творческая жизнь поэта, во всяком случае основные этапы его пути к эпическим формам поэзии. И в этом смысле «Повести и сказки» репрезентативны по своей сути: в них, через них, в соотношении с ними проявляются характерные черты поэтики Жуковского, его творческих поисков, история русской поэмы – от Пушкина и Лермонтова до символистов.

Говорить о какой-то устойчивой эдиционной традиции в отношении сказок и повестей Жуковского невозможно. В посмертных изданиях их или «растворяли» при так называемом общем хронологическом принципе (см. дореволюционные собрания сочинений: СС 6–10, ПСС), или включали в рубрики: «Поэмы и повести», «Сказки» (СС 1–2), но с пропусками (как это ни странно звучит: по цензурным причинам). Произведения «мистико-религиозного характера» после 1917 г. не перепечатывались, а поэтому стихотворные повести «Капитан Бопп», «Египетская тма», «Повесть о Иосифе Прекрасном», «Выбор креста», до самого последнего времени – «Странствующий жид» (впервые – благодаря подвижничеству И. М. Семенко – в 1980 г., в СС 2), выпали как из читательского поля зрения, так и из научного оборота. О них (конечно, тут сказались и общее отношение к позднему Жуковскому, и социологические подходы к литературе) почти не писали и даже не упоминали в обзорных статьях.

Сказки Жуковского издавали чаще и лучше. Правда, в дореволюционных изданиях много было неясностей текстологического характера и по существу отсутствовали примечания. Впервые на текстологию сказок обратил внимание Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 2; в специальной рубрике «Сказки» по неизвестной причине отсутствовала «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке»), включив в раздел: «Варианты и другие редакции» материалы из архива поэта. Он же попытался дать подробную творческую историю сказок. Уточнения и разыскания исследователей (С. В. Березкина, Л. Э. Найдич, К. Гордон) внесли существенные коррективы в текстологию, в проблему источников и датировки сказок, что и отразилось в наст. изд.

В прижизненных изданиях (от С 1 к С 5), а также в БИП, БП состав повестей и сказок постоянно менялся, что объяснялось двумя причинами: во-первых,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh появле-нием новых произведений и включением их в собрания стихотворений; во-вторых, эволюцией жанрового мышления поэта, что привело к изменению подзаголов-ков, рубрикации. В последнем прижизненном издании (С 5) были опубликованы в основном все сказки и повести, входящие в настоящий том. При жизни поэта не увидела свет его «лебединая песня», незаконченная поэма «Странствующий жид», не оказалось среди прижизненных публикаций «библейских повестей» – «Повести о Иосифе Прекрасном» и «Египетской тмы». Как и в предшествующих томах наст, изд., источником публикации для нас было последнее прижизненное собрание сочинений (С 5), и все напечатанные в нем повести и сказки являлись основным (дефинитивным) текстом. В связи с этим необходимо оговорить некоторые особенности его воспроизведе-ния. Разумеется, основной текст вряд ли следует считать каноническим, так как при-входящие обстоятельства (вмешательство цензуры, воля редактора или издателя, опечатки) позволяют вносить некоторые изменения в последний прижизненный текст произведения.

В случае с С 5 Жуковского тоже возникают сложности. Известно, что во время подготовки этого собрания сочинений, вышедшего в свет в 1849 г., Жуковский уже постоянно жил в Германии и поэтому все издательские дела поручил П. А. Плетнё-ву. Плетнёв в переписке с Жуковским подчёркивал, что «это издание, собственно вами просматриваемое и распределяемое, должно будет остаться нормальным для всех будущих изданий сочинений ваших, когда они потребуются. Вслед за этим можно будет в объявлении тиснуть план нового распределения пьес, соответствен-но эпохам их явления на свет, и роду, к которому приблизительно они относятся» (Переписка. Т. 3. С. 585–586) (курсив автора. –А. Я.). Но, по всей вероятности, сам Плетнёв по поручению Жуковского принимал участие в издании не только организационно, но и творчески.

Остановившись на хронологическом принципе распределения материала, что проявилось в обозначении годовых подборок в каждом томе (от 1802 – в первом томе до 1841–1847 гг. – в шестом), Жуковский, как уже говорилось во вступи-тельной статье, сделал небольшое исключение для «сказок и повестей», дав их еди-ным массивом (речь идет о поздних произведениях) в конце шестого тома. Этот же принцип соблюден и в «Новых стихотворениях В. А. Жуковского» (Т. 1. СПб., 1849), которые предшествовали С 5 и были идентичны шестому тому.

Однако рудименты жанрового мышления, столь отчетливо проявившиеся в «Общем оглавлении» к С 5 (см.: Матяш), сказались и в окончательном вариане из-дания. Жуковский постоянно снабжает и в оглавлении к томам, и в титулах загла-вия произведений жанровыми подзаголовками. Незаконченность текста, точнее, его фрагментарность дополняется еще одним подзаголовком: «Отрывок». Наконец, прислушавшись к пожеланию Плетнёва: «потрудитесь в Оглавлении же отметить имя автора, которому вы подражаете, или из которого перевели» (Переписка. Т. 3. С. 586), Жуковский присоединяет к заглавию и подзаголовок (подзаголовкам) ука-зание на источник: «Подражание Л. Фуке», «Из Шиллера» и т. д., хотя проблема авторства Жуковского по отношению к оглавлению всех томов остается открытой. Отсутствие его автографа, многочисленные ошибки в датировках и неточности в указании источников наводят на мысль об активном участии в этой работе издате-ля – П. А. Плетнёва.

Подобная иерархия в номинации текста остро ставит проблему основного (ка-нонического) заглавия. Сравнение названий повестей и сказок в общем оглавлении ко всему тому и на титуле внутри тома выявляет их существенное различие. Пре-жде всего в титуле снято указание на источник, зато жанровый подзаголовок не только сохранен, но и восполнен для тех произведений 6-го тома, которые попали в общую рубрику: «Сказки и повести». Речь идет о «Тюльпанном дереве», «Коте в сапогах», «Маттео фальконе», «Двух повестях», «Капитане Боппе», «Выборе кре-ста». Два первых произведения получают подзаголовок: «Сказка»; «Маттео фаль-коне» снабжен подзаголовком: «Корсиканская повесть»; «Две повести» дополнены указанием: «Подарок на Новый год издателю "Москвитянина"»; заглавия двух по-следних текстов дополнены подзаголовком: «Повесть». Именно эти «титульные» заглавия, чаще всего соответствующие первым публикациям, были для нас основ-ными в наст. изд.

Более сложной является проблема графического воспроизведения стиха Жу-ковского. Его гекзаметры не умещались в «типографскую рамку», и поэтому неред-ко стих при публикации «ломали», перенося последние слова на другую строчку. Известно, что уже в печатных экземплярах Жуковский иногда против «ломанных» стихов делал помету: «d la ligne» (букв.: 'отбить стену по нитке' – фр., то есть выров-нять в единую строку). Этот принцип нарушался постоянно и при жизни, и после смерти Жуковского. В наст. изд. мы попытались передать рисунок стиха Жуковско-го, особенности его графики, что для повестей и сказок особенно существенно. Их гекзаметрический строй постоянно графически нарушался.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Материалы творческой истории «повестей и сказок» в отличие от лирики дают больше
возможностей для разговора о вариантах и редакциях произведений. Лучшая
сохранность автографов, многочисленные публикации позволяют более активно
включить разночтения в корпус издания. Не нарушая принятых в первом томе
текстологических принципов, мы не стали специально выделять раздел: «Другие
редакции и варианты», тем более что на данном этапе состояния архивов
Жуков-ского это практически сделать невозможно. Весь материал, связанный с
варианта-ми и редакциями текста, приводится в примечаниях и постижном
комментарии.

В связи с подготовкой тома остро встал вопрос о разделении завершенных и
не-завершённых текстов. Многочисленные эксперименты Жуковского в области
«по-вестовательной поэзии» актуализировали эту проблему. В творческой
лаборато-рии поэта (архив, личная библиотека) сохранилось множество набросков,
планов, неопубликованных фрагментов из законченных и напечатанных текстов.
Опира-ясь на общие принципы наст. изд., изложенные в статье «От редакции» (Т.
1), мы поместили все эти тексты в специальном разделе «Из черновых рукописей и
неза-вершённых текстов».

Единственное исключение было сделано для поэмы «Странствующий жид»,
не-законченного произведения Жуковского. В этом своем решении мы исходили из
того, что у Жуковского есть принципиально незаконченные и неопубликованные
тексты, имеющие сугубо лабораторный характер. Их объем (несколько стихов),
от-сутствие беловых автографов, оборванность на полуслове, отсутствие (как
прави-ло) упоминаний в дневниках и письмах не позволяет говорить о перспективах
их осуществления. Другое дело – поэма «Странствующий жид», произведение, над
которым Жуковский работал до последних часов своей жизни, готовил к печати,
перебеливая законченные части текста, считал своей «лебединой песнью», сообщая о
работе над ним в письмах друзьям. Объем этого тоже оборванного на полусло-ве
текста, но оборванного смертью поэта, характер работы над ним, его место в
творческом развитии поэта – всё это позволяет включить поэму «Странствующий жид»
в корпус основных текстов, в то время как два фрагмента из него – пере-ложение
«Апокалипсиса», не опубликованное при жизни поэта, не перебеленное и
существующее в двух различных вариантах, – рассматривать среди черновых и
незавершенных текстов.

В работе над изданием 3-го и 4-го томов наст. изд. мы чувствовали постоянную
заинтересованность и материальную поддержку Томской областной администра-ции в
лице губернатора Томской области В. М. Кресса и заместителя главы
адми-нистрации, начальника департамента по образованию и научно-технической
поли-тике В. И. Зинченко, а также ректората Томского государственного
университета, прежде всего ректора ТГУ проф. Г. В. Майера и проректоров Г. Е.
Дунаевского и М. Д. Бабанского. Им наша глубокая признательность. Выражением
этого взаимо-понимания и тесного сотрудничества стало появление на титульном
листе издания слогана: «Томский университет» как базового учреждения наст. изд.
Наша глубокая признательность всем тем, кто своими советами, консульта-циями,
поддержкой помогал нам на разных этапах работы над этим томом: зав. отделом
редкой книги НБ ТГУ Г. И. Колосовой, зав. рукописным отделом РНБ Л. И. Бучиной и
сотруднику этого отдела Н. Б. Роговой, сотруднику Рукописно-го отдела
Пушкинского дома Л. Н. Ивановой, директору РГАЛИ Н. Б. Волковой, профессорам
Кильского университета (Германия) Аннелоре Энгель-Брауншмидт и Альфреду Мейеру,
а также Л. И. Вуич, С. И. Панову, Л. В. Карпущенко, Н. В. Само-вер и др.

Аббадона

(«Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона...»)

(С. 9)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 14. л. 19 об. – беловой, ст. 1–16; альбом в красном сафьянном
переплете, на котором золотом вытеснено: «Подарок 1806 года, января 16 дня».

2) РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 3. № 8. л. 1 об., 12, 14, 14 об., 15 – черновой неполный
текст, с заглавием: «Аббадона». Из-за ошибки при брошюровке рукописи (л. 1 в
тетради должен был занять место л. 15) произошло нарушение последовательности
работы Жуковского над текстом. Начало работы – л. 12 (сг. 1–65); после заглавия и
пометы: «№ 22» (вероятно, последовательность в росписи долбинских
стихотво-рений, написанных в 1814 г.; см.: ПСС 2. Т. 1. С. 679–680) дан рисунок
стиха:

/ч /ч – /ч /ч – /ч – /ч /ч – /ч /ч – /ч /ч – /ч /ч
/ч – /ч /ч – /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч
/ч /ч – /ч /ч – /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч
/ч /ч – /ч /ч – /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч
/ч /ч – /ч /ч – /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч – /ч /ч /ч

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

/ч _ /ч _ /ч _ /ч /ч _ /ч /ч _ /ч
/ч _ /ч _ /ч _ /ч /ч /ч

На л. 14 – черновой набросок ст. 65–90; на л. 14 об. – сг. 90–155. На л. 15 (вверху лисга) – ст. 155–170; внизу листа – сг. 170–184. На л. 1 об. – черновые наброски отдельных стихов с нумерацией ст. 160, 165, 170, 173–183.

Копия (РНБ. Оп. 1. № 13 л. 20 об.) – рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Отрывок из Мессиады» и датой: «1806 год 1 апреля». Сделана с автографа № 1 (см. ниже).

Впервые: со. 1815. ч. 22. № 22. С. 95–100 – в разделе «Стихотворения» под заглавием: «Аббадона»: Из второй песни «Мессиады» и с подписью: Жуковский. В прижизненных изданиях: Собрание образцовых русских сочинений. ч. VI. М., 1817. С. 3–15; с 1–5: в с 1–4 в отделе «Смесь», отнесено к 1814 г., с заглавием: «Аббадона (Из Мессиады)», в с 5 (т. 2. С. 95–100) – в подборке произведений 1814 г., с заглавием: «Аббадона», но с добавлением в оглавлении в скобках: «Из Клоп штока».

Датируется: 17 ноября – 12 декабря 1814 г.

«Аббадона» – перевод отрывка из поэмы немецкого поэта Фридриха Готтлиба Клопштока (1724–1803) «Мессиада», работа над которой продолжалась в течение нескольких десятилетий и была завершена в 1800 г. Уже современники почувство-вали в этой поэме «дух Мильтона». Вот характерный фрагмент статьи из «Meisters Charakteristik», переведенной Н. М. Карамзиным, в которой приводится отзыв швейцарского критика и поэта И. Я. Бодмера (1698–1783): «Я читал вторую книгу оной [«Мессиады». –И. А.]. Дух Мильтонов живет в сочинителе». В другом письме (к Ланге) Бодмер говорит: «Знаете ли вы, как небо прославляет Немецкую Музу? Она должна произвести эпическую поэму во вкусе Потерянного рая и образом поэта, который в парении сравнится с Мильтоном, Он воспоеет важнейшее из дей-ствий – Искупление. Герои его будут величайшие из небесных, адских и земных героев. Человечество представится в таком достоинстве, которое оправдает причи-ну Творения, возвысит душу читателя и приблизит его к Богу» (Переводы Карам-зина. СПб., 1835. т. VIII. С. 103). Поэма приобрела общеевропейскую известность и заняла свое место в истории немецкой литературы: с нее, по сути, начинается эпо-ха «Бури и натиска», эпоха сентиментализма. В той же статье из «Meisters Charak-teristik» читаем: «Всякий, кто умел писать, писал оМессиаде. Теоретики спорили (...) изъясняли темное, сам Лессинг судил и отдавал справедливость» (Там же. С. 107).

Показательно, что и Жуковский в процессе работы над переводом «Мессиады» постоянно обращал свой взор к Мильтону (подробнее см.: БЖ. ч. 2. С. 481–492). В заметках и списках 1800–х гг. под заглавием: «Что сочинить и перевести» обна-руживаем следующие записи: «Эпическая поэма. Отрывки из Мессиады и Мильто-на» и «Перевести. (...) Из Гесснера. Юнга. Гервея. Мильтона. Клопштока. Клейста» (Резанов. Вып. 2. С. 252, 256). В рукописи с названием: «На что делать примечания в Эшенбурговой теории» он записывает: «Сравнить Гомера, Вергилия, Мильтона, Тасса, Клопштока» (Там же. С. 250).

Материалы библиотеки (см.: Описание. № 1433, 1434, 1681, 2253), архива и творчества поэта позволяют говорить о специальном интересе Жуковского к Клоп-штоку, пронесенном им через всю жизнь. Так, на первом же листе конспекта «Эпи-ческая поэма» (1805) содержится список произведений мирового эпоса, и в нем одной из первых названа «Мессиада» (РНБ. Оп. 2. № 46. л. 1). В «Конспекте по истории литературы и критики» (1804–1810) Жуковский постоянно обращается к поэме Клопштока, осмысляя историю и теорию эпической поэмы. Но в целом ав-тор оценивает «Мессиаду» невысоко: «Клопшток выбрал своим предметом Мессию; но самый сей предмет сделал его поэму неинтересною и утомительною» (Эстетика и критика. С. 49). Жуковский утверждает необходимость для создания характера эпического героя «страстей и слабостей, смешанных с великостию». «Спокойное совершенство» главного героя поэмы Клопштока может, по словам Жуковского, «только удивлять», но «не может трогать», поскольку «воображение не может себе ясно представить предмет изображения» (Там же). Неслучайно главным героем перевода Жуковского становится не Мессия, а падший ангел Аббадона.

Далее, конспектируя «Опыт об эпической поэзии» Вольтера, «Рассуждение об эпической поэме» Ш. Батге, Жуковский неоднократно обращает внимание на мыс-ли критиков о том, что «мир, в который нас переносит Клопшток», «слишком от нас далек; мы ничего не можем представить и теряемся в своем воображении» (Там же. С. 88). Позднее, в одной из программных статей периода «Вестника Европы» – «О поэзии древних и новых» (1811) Жуковский выстраивает ряд «важнейших», с его точки зрения, эпических поэм в мировой литературе и рядом с поэмами Гомера, «Энеидой» Вергилия, «Освобожденным Иерусалимом» Тассо, «Потерянным раем»

Мильтона вновь называет «Мессиаду» Клопштока. Особенно высоко сейчас Жуков-ский оценит в поэме «богатство новых описаний, сравнений, картин и мыслей» (Там же.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh (С. 297). Однако и здесь Жуковский остается при своем убеждении в том, что «идеальные красоты Клопштока не совсем заменяют тот недостаток определенности, который заметен в его стихотворных картинах» (Там же. С. 298). Интерес к поэме Клопштока не ослабевает и в последующие годы. Имя Клопштока встречается среди таких великих поэтов, как Камюэнс, Данте, Мильтон, например, в выписках из «Подготовительной школы эстетики» Жан-Поля, сделанных в 1818 г. (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 213).

В многочисленные росписи долбинских стихотворений 1814 г. Жуковский постоянно включает «Аббадону». Кроме точной датировки в хронологическом списке (см. ниже) возникают и другие даты: 17–23, 25–30 ноября, 1–12 декабря, что позволяет говорить о перерывах в работе, о параллельности создания чернового автографа «Аббадоны» с написанием баллад «Эолова арфа», «Искушение» («Вадим»), стихотворений «Певец в Кремле», «Теон и Эсхин». Именно рукописный контекст уточняет время возникновения 184-х стихов «Аббадоны»: 4–11 декабря 1814 г. В одном из списков (РНБ. Оп. 1. № 77. л. 25) есть прямое указание именно на эту дату. Однако сам процесс работы был более продолжительным и может быть приблизительно датирован 17 ноября – 12 декабря 1814 г.

Но первое обращение Жуковского к поэме Клопштока было гораздо раньше. В альбоме «Подарок 1806 года, генваря 16 дня», хранящемся в РНБ (Оп. 1. № 14. л. 19 об.) находится беловой автограф первых 16 стихов «Аббадоны». Копия этого фрагмента, сделанная рукой А. А. Протасовой (РНБ. Оп. 1. № 13. л. 20 об.), озаглавлена «Отрывок из „Мессиады“». 1806 году 1 Апреля». Вот этот фрагмент:

Мрачный у трона сидел в тоску погруженный
Ангел Лбдил*, Аббадона**... Мыслью носился над бездной
Времен предстоящих. Мука на муке, вечность страданий
Грозно вдали представлялись мрачному взору!

Тут узрел он прежнее время! О вспоминанье
Сладких восторгов, часов безмятежных, невинных!
Там он был другом небесного друга, Еллои***,
С ним, непреклонный, в день возмущенья, парил он
К трону Еговы****, со славой... С ним незабвенным
Он уж далеко был от мятежных, от буйного стана
Врагов ополченных. Вдруг Сатана, гремя и блистая
В грозной славе, сидя в колеснице, звучащий броней,
Близь них пролетел. Трубою пронзились небесные своды, и с шумом, и с воплем
полки воскресленные помчались. Мечтой Божества упоены! Увы! Аббадона! Он
горестных, гневных взоров Еллои не видит.

Характер выбранного для перевода отрывка весьма показателен: драматический конфликт, контрасты в образной системе, стиле – именно это привлекло Жуковского, начинающего романтика. Примечателен и интерес к мотиву ангела, утратившего любовь Господа, – он хорошо вписывается в элегические настроения поэта 1800-х гг. Наконец, интерес к поэме Клопштока определялся и философией жизни молодого Жуковского, активно осмысливавшего проблемы нравственно-го выбора, самоопределения, жизнестроительств. Поскольку 1800-е гг. – время освоения поэтом малых лирических жанров, постольку история души героя, вписанная в космический контекст, оказалась воплощенной в небольшом фрагменте.

В ноябре – декабре 1814 г., во время знаменитой долбинской осени, переломной в судьбе Жуковского и чрезвычайно интенсивной в творческом плане, поэт переводит уже 200 стихов из второй песни «Мессиады», начиная опять со ст. 628-го и кончая ст. 829-м. Выбранные Жуковским стихи – это вполне законченный фрагмент (со своей завязкой, кульминацией и финалом) о том, как Сатане противится один из прежде павших ангелов Аббадона, скорбящий о своем падении, т. е. образ падшего ангела связывается с важнейшим в свете христианских традиций сюжетом: падение – покаяние – искупление (все это – типичные для баллад Жуковского 1810-х гг. темы; почти параллельно идет, например, работа над «Вадимом», который в росписях долбинских стихотворений называется «Искушение»).

Таким образом, показательно, что именно эта интерпретация легенды оказалась близкой Жуковскому. Неслучайно всеми исследователями подчеркивается очень точный характер перевода текста Клопштока. Так, например, С. Шестаков пишет об «Аббадоне»: «Перевод вообще очень точен (...) мелкие неточности, если они и могут быть замечены читателем перевода, знакомым с подлинником, ни мало не нарушают общего впечатления превосходной работы Жуковского» (Шестаков С. Заметки к переводам В. А. Жуковского из немецких и английских поэтов. Казань, 1903. С. 93, 95). Вместе с тем эти «мелкие неточности» носят для Жуковского в ряде случаев принципиальный характер. Таковы стихи 98–101, где описывается уход из ада Сатаны с Адрамелехом (и за ними летит Аббадона). Жуковский подчеркивает здесь мысль о могуществе Сатаны, за которым двинулись все силы ада – в подлиннике этого нет. Переводчику же это важно подчеркнуть для заострения

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhи конфликта, четкого противопоставления двух точек отсчета бытия героя (Бог и Сатана). Жуковский заботится о психологизме и символическом подтексте, синтезируя религиозные и мифопоэтические начала, отсюда, например, отступления от подлинника в ст. 2–3, 10, 15, 20–22, 27, 44 и некоторых других.

Переведенный Жуковским отрывок из «Мессиады» представляет собой любимиый поэтом романтический жанр фрагмента. Перед нами символическое изображение сложной ситуации, которая представляет собой само движение как цепь сиюминутных переживаний героев, их ассоциаций, воспоминаний, предчувствий. Этим обусловлена структура поэмы, которая полемически заострена против рационалистически упорядоченной, логизированной фабулы. Поэма не имеет ни начала, ни конца: открывается картиной возмездия, при этом в ней не изображается само падение Аббадоны и его прощение. Более того, после совершенно искреннего покаяния герой готов впасть в новый грех (желание самоуничтожения). События здесь лишь обозначены, потому что главное событие в переводе Жуковского – душа героя, еще сохраняющая в себе любовь к Творцу и всему, им созданному. Мир строится здесь без учета причин и следствий. Аббадона оказывается открытым для бесконечных метаморфоз, он абсолютно неканоничен.

Вместе с тем перевод представляет собой единое целое, скрепляемое неким духовным средоточием – любовью к Господу. Это и есть то бесконечное, что объединяет Аббадону с Богом и всем миром даже после его падения. Мистическое чувство, ощущение героем бесконечного в конечном, и обусловило его жизнеспособность. Это же определяет и структуру нового мифа о падшем ангеле, образ которого превращен у Жуковского в самый сложный символ, мерцающий множеством смыслов, ассоциаций.

Позднее, в письме к П. А. Вяземскому от 3 (15) марта 1846 г., которое в 1856 г. было напечатано в «Русской беседе» под заглавием «О меланхолии в жизни и поэзии», Жуковский называет Аббадону, наряду с мильтоновским Сатаной, «самым привлекательным характером в поэзии», поскольку эти образы «наиболее возбуждают чувство меланхолическое». Поэт связывает это с воплощением в Аббадоне «действительных страданий души, томимой чувством собственного ничтожества и неверности всего, что мило ей на свете» (Эстетика и критика. С. 347). Образ Аббадоны осмысливается Жуковским в этой статье как выражение христианской скорби, которая «истекает из самой природы падшего и чувствующего свое падение чело-века», которая «не парализует, не расслабляет и не мрачит жизни, а животворит ее, дает ей сильную деятельность и стремится к свету» (Там же. С. 348). Уже здесь намечаются многие идеи и художественные открытия, проявившиеся в полной мере в последней поэме Жуковского «Странствующий жид».

Первоначальный текст подвергался правке во время подготовки к изданию в составе последнего прижизненного собрания сочинений (о разночтениях см. в по-строчном комментарии).

Перевод Жуковского не был первым в истории русской литературы, хотя исследователями отмечается довольно сдержанное отношение к творчеству Клопштока в России конца XVIII – начала XIX вв. (см.: Ботиикова А. Б. Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Красноярск, 1978. С. 16–32).

Поэт, явившийся «преобразователем немецкого стихотворства», придавший немецкому стиху «необыкновенную интонационную гибкость и ритмическое богатство», оказавший, по словам Гёте, «глубокое влияние на младшее поколение немецких поэтов», был мало известен русскому читателю. Поэту самому приходилось хлопотать о распространении в России «Мессиады» (сохранилась собственноручно составленная Клопштоком опись присланных им в Россию книг; об этом см.: Неизданные письма иностранных писателей 18–19 веков из Ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 161).

Будучи посланным в конце 1760-х гг. в Лейпцигский университет, с поэзией Клопштока познакомился в числе других русских студентов друг А. Н. Радищева А. М. Кутузов. Он и стал первым переводчиком «Мессиады». Перевод был опубликован в Университетской типографии Н. И. Новикова («Мессия. Поэма, сочиненная Г. Клопштоком. Перевод с немецкого А. К. М., 1787. Ч. 1–2»; 2-е издание было осуществлено в 1820–1821 гг.). Как указывает исследователь, «патетический слог Кутузовского перевода соответствовал пафосу подлинника и вместе с тем не утратил связи со стилистическими навыками церковнославянской проповеди» (История русской переводной художественной литературы... Т. 2. СПб., 1996. С. 160). Вынося в заглавие «Поэма, сочиненная Г. Клопштоком», А. Кутузов между тем выполняет перевод в прозе. Вслед за Кутузовым Клопштока переводили прозой и другие авторы (см.: Там же. С. 160).

Жуковский первым передал адекватно форму подлинника, сохранив в своем переводе клопштоковский размер – гекзаметр (хотя известен факт чтения Клопштока Г. Р. Державиным и начала его работы над переводом «Мессиады»; см.: Там же. С. 167).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

Гекзаметр в «Аббадоне» был первым случаем использования поэтом данного размера в своем творчестве. Жуковский употребляет здесь точный дакти-лический гекзаметр, практически не допуская замен дактилических стоп хорей-чскими. Как указывает М. Л. Гаспаров, «в эпосе высокого стиля», в том числе в переводе «Аббадоны», – «до 99 % строк – чистые дактили» (Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 126).

Интересно, что в письме от конца 1814 – начала 1815 гг. к Н. И. Гнедичу Жуковский благодарит переводчика «Илиады»: «Россия будет вам благодарна за старика Гомера, которого вы ей усыновляете» и специально при этом подчеркивает важность обращения Гнедича к гекзаметру: «... я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру, который вотще нашим почетным любимцам феба, ближе к гармонии вдохновенных лир, чем сухой и прозаический ямб, освященный привычкою». И далее он сообщает о своем опыте перевода гекзаметром «Аббадоны»: «Я сам осмелюсь сделать опыт перевода гекзаметром „Аббадоны“ – известный вам эпиллог из Клопштоковой „Мессиады“...» (Эстетика и критика. С. 364). Жуковский просит Гнедича сделать ему замечания «по поводу этого отрывка». С такой же целью поэт намеревался послать «Аббадону» и С. С. Уварову, ревностно отстаивавшему необходимость использования в русской литературе гекзаметра, особенно при переводе греческого эпоса.

Много позднее, 2 апреля 1841 г., П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту замечал: «Жуковский писал и пишет размером древних по чутью, не учась (...). Несмотря на эту неправильность, чтение стихов его, в которых теория подмечает явные ошибки, поэтическому уху и эстетическому вкусу гораздо более нравятся, нежели Мерзлякова и прочих ученых, знавших всю подноготную о древнем метре. „Разорение Трои“, „Цейкс и Гальциона“, „Аббадона“, при всей огромности своей и ошибках переводчика против закона древнего экзаметра, могут быть прочитаны одним духом с начала до конца. Правильные же стихи иного ученого никак не вынесешь и на полстранице» (Жуковский в воспоминаниях. С. 369).

Одним же из первых отзывов об «Аббадоне» Жуковского можно считать письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 24 августа 1818 г.: «Я сегодня читал его [Жуковского. –И. А.] целое утро и наслаждался „Аббадоною“. Вообще (...) главное его достоинство – выкапывать сокровеннейшие дружины сердца и двигать их. *Cest le poete de la passion*, то есть страдания. Он бренчит на распятии: лавровый венец его – венец терновый, и читателя своего не привязывает он к себе, а точно прибивает гвоздями, вколачивающимися в душу». 14 мая 1819 г. А. И. Тургенев отвечал П. А. Вяземскому: «Я намерен подписать под портретом Жуковского: „Бренчит на распятии“» (Жуковский в воспоминаниях. С. 215). «Аббадона» активно вошел в мир прозы В. Ф. Одоевского (см.: Саккулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 319–320) и во многом определил историю русского демонизма (см.: Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 264–266).

*Абдил – Абдиил, библейское имя, которым Мильтон нарекает верного серафима. Смысл этого имени понимался по традиции как «раб Бога» или «слуга Бога» (см. «Потерянный рай», кн. 5). В Библии оно употребляется только как имя человека: «Ахи, сын Авдиила» (1 Паралипоменон, V, 151), но неоплатоники и оккультисты сделали его именем одного из ангелов.

**Аббадона – падший ангел.

***Еллои – Элои: см. Мк. 15. 34 («В девятом часу возопил Иисус громким голосом: „Элои! Элои! Ламма савахфани?“ что значит: „Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?“»).

****Егова – Иегова, Ягве, Яхве: в иудаизме непронимое имя Бога.

Ст. 9. Другом влекомый, уж был далеко от врагов Аббадона... – В первой публикации было: «Другом влеком, уж почти улетел от врагов Аббадона».

Ст. 13. Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга оторван... – В публикации СО: «Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга отторгнут».

Ст. 16. Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны он примчался... – Вариант первой публикации: «Друг позабыт: в торжестве он к полкам Сатаны возвратился».

Ст. 20. Все вопрошали друг друга: «Скажи, Серафим, брат небесный...» – В публикации СО: «Все вопрошали друг друга: «Поведай, о житель небесный».

Ст. 42. Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком говоришь ты?.. – Вариант СО: «Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком ты вещаешь?»

Ст. 53. Сами хотим в слепоте истребить ко спасенью дорогу!.. – В первой публикации: «Сами хотим в слепоте заградить нам путь ко спасенью».

Ст. 63. Топнул, яряся... – В СО: «В землю ударил...»

Ст. 64. ...сверкнул он в глаза Аббадоны... – В СО: «... сверкнул он на Аббадону»

Ст. 66. ...Ему предстоял Аббадона... – В первой публикации: «Пред ним пред-стоял Аббадона».

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Ст. 68. Адрамелех – По Библии, языческое божество Передней Азии.
Ст. 69–70. В вихрях и бурях тебе я хочу отвечать, малодушный; II Гряну грозой
от-вет, – сказал он... – В публикации СО: «В вихрях и бурях хочу отвечать тебе
роб-кий! вещал он. – // Гряну грозой ответ мой безумцу».
Ст. 76. Там да создаст тебе царство мучения твой Вседержитель... – В первой
пу-бликации было: «Пусть Вседержитель твой там тебе царство устроит мученья».
Ст. 77–78. ...ничтожности алчный, IIВ низком бессилии рабски пред небом глухим
пресмыкайся... – В СО: «...ничтожностью алчный, // В низком бессилии рабски пред
небом глухим простерт пресмыкайся».
Ст. 83. Да поразит их... – В СО: «Пусть поразит их...»
Ст. 84. Все лабиринфы коварства пред нами: пути их мы знаем... – В СО: «Се
лави-ринфы коварства! Изгибы их все нам отверсты».
Ст. 89. ...кто нас отразить на земле возмечтает!.. – В первой публикации:
«...кто путь нас препнуть на земле возмечтает!»
Ст. 93–94. ...все воздвиглись; дикий II Шум голосов... – В публикации СО было:
«... они сонмом воздвиглись, // Дикой их крик...»
Ст. 98. Тяжко под ними звенели... – В СО: «Звонко под ними звенели...»
Ст. 99. Кинулись смутной толпой... – В публикации СО: «Ринулись смутной
тол-пой...»
Ст. 109. Сильно билось в нем сердце; тихие слезы катились... – В первой
публика-ции было: «Сильно в нем билось сердце; и слезы по бледным ланитам...»
Ст. 110.... по бледным ланитам... – В СО: «...тихо катились».
Ст. 122. ... первенцы света... – В первой публикации было: «чада света».
Ст. 126. Вы, потоки небес... – В публикации СО было: «Светлы небесны потоки».
Ст. 134. Встречу ему Орионов летящих... – Орион, в греческой мифологии ве-ликан,
убитый стрелой Артемиды и превращенный в созвездие. Так называется
экваториальное созвездие с яркими звездами.
Ст. 137. «Сладостный вход в небеса, для чего загражден Аббадоне?..» – В первой
пу-бликации: «Сладостный вход во блаженство! Почто загражден Аббадоне?»
Ст. 146. Там, отказавшись от Бога... – В СО: «Там, ополчившись на Бога».
Ст. 149. Мне Судия от блаженства оставил – печальный остаток!... – В СО: «Мне от
протекшия жизни осталось, печальный осгаток».
Ст. 163. В гневe своем несказанном... – В первой публикации читалось: «Гневом
грозы ополченный».
Ст. 164. Не был, проклятый Создателем, весь обнажен... – В СО: «Не был
прокля-тием Бога гнетом, обнажен...»
Ст. 165. Что говорю?.. – В публикации СО: «Что я изрек?»
Ст. 170. ...что сказал я, безумец!... – В СО: «Что вещаю, безумец!»
Ст. 175. Быстро ударился он в глубину... – В первой публикации: «Рек и
низри-нулся быстро во глубь».
Ст. 176. Крик в беспредельном исчез... – В СО: «Вопли исчезли в пусгине».
Ст. 182. ...она уж дымилась... – Вариант первой публикации: «уже задыми-лась».
Ст. 183. ...разрушиться вкупе надеясь... – В СО: «...мечтая разрушиться вкупе».

И. Айзикова

Красный карбункул

Сказка

(«Дедушка резал табак на прилавке; к нему подлетела...»)

(С. 14)

Автограф (ПД. № 27807. л. 21 – 23 об.) – черновой, в «Книге Александры
Воейковой»; разделен на двадцать пронумерованных частей, с указанием в кон-це:
«26 октября», с заглавиями: «Красный карбункул» (л. 21) и «Сказка о красном
карбункуле» (л. 21 об.). Последнее заглавие зафиксировано в автографе из альбома
С. А. Самойловой (см.: Кульман. С. 1086).

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Мо-сковском
университете. М., 1817. Ч. IX. Кн. XIV. С. 49–65 – с заглавием: «Крас-ный
карбункул», с подзаголовком: «Сказка», с предисловием автора и подписью: В.
Жуковский.

В прижизненных изданиях: С 3–5: в С 3 (Т. 2) в разделе «Сельские
сти-хотворения»; в С 4 (Т. 5) в разделе «Повести», с подзаголовком: «Дедушкины
рас-сказы»; БП; БИП – с тем же подзаголовком. В С 5 (Т. 2. С. 259–274) – в
подборке произведений 1816 г., с заглавием: «Красный карбункул. Сказка» и
добавлением в оглавлении (в скобках): «Из Гебеля».

Датируется: 21–26 октября 1816 г.

В «Книге Александры Воейковой» работа над текстом «Красного карбункула»
начинается непосредственно после окончания «Овсяного киселя», перевода идил-лии
Гебеля (около 21 октября 1816 г.) и предшествует наброску «Ночного сторожа в
деревне» (с датой: «1 ноября 1816 г.»). Указание в конце чернового автографа:
«26 октября» позволяет определить хронологические границы перевода: 21– 26

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh октября 1816 г.

Произведение Жуковского является переводом стихотворной повести «Der Karfunkel» («Карбункул») немецкого писателя Иоганна Петера Гебеля (1760–1826).

Жуковский перевел восемь произведений Гебеля, из них четыре в 1816 г. («Красный карбункул», «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь», «Тлен-ночь»), два – в 1818 г. («Утренняя звезда», «Летний вечер»), еще два – в 1831 г.

(«Воскресное утро в деревне», «Неожиданное свидание»). Все эти переводы можно рассматривать как единый текст Гебеля–Жуковского, отражающий не только этапы освоения русским поэтом наследия немецкого поэта, но и характерные моменты его собственной творческой эволюции.

Повесть «Der Karfunkel» Гебеля написана на алеманнском диалекте, как и другие его произведения, получившие высокую оценку Гёте и Шиллера (Гёте И. В., Шиллер Ф. Переписка: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 469). Гебель использует разговорный гекзаметр, который Жуковский воспроизводит и в переводе. Вместе с тем поэт вносит в русский текст незначительные изменения. В оригинале у героев повести другие имена. Так у Гебеля главные герои: Михель и Катерина (у Жуковского – Вальтер и Мина), другие имена дает русский поэт и детям. В оригинале рассказ ведется от имени отца, у Жуковского – от имени бабушки, что имеет особый эстетический смысл. Образ вымышленного рассказчика, впервые появившийся в этом переводе–переложении Жуковского, в дальнейшем, в книге «Баллад и повестей» (1831) приобретает уже структурный характер и вместе с рассказчиками из «Повестей Белкина» Пушкина и «Вечеров...» Гоголя открывает один из трех путей формирования русского эпоса (см. об этом: Янушкевич. С. 191–195). Отсутствующий у Гебеля подзаголовок: «сказка» акцентирует своеобразие прочтения Жуковским стихотворной повести немецкого поэта. «Дедушкин рассказ» и «сказка» – эти два нововведения русского переводчика эстетически значимы.

В предисловии к «Красному карбункулу» Жуковский выделил две эстетические проблемы: поэтизация бытового, обыденного в русской литературе и использование для этой цели не героического (гомеровского), а разговорного, сказового гекзаметра. Ср.: «Переводчик сказки (...) желал испытать: 1-е, может ли сия привлекательная простота, столь драгоценная для Поэзии, быть свойственна Поэзии Русской? 2-е, прилично ли будет в проском рассказе употребить Гекзаметр, который доселе был посвящен единственно важному и высокому? Не считая опыта своего удачным, он думает, что и то и другое возможно. Что же касается до предлагаемой сказки, то она переведена почти слово в слово» (Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1817. Ч. IX. Кн. XIV. С. 49–50). Как видим, переводческие опыты Жуковского из Гебеля 1816–1818 гг. носили во многом экспериментальный характер, создавали новую фольклорно–идиллическую модель мира, основанную на принципах оживотворения обыденного, эпической детализации, свободного повествования, на соединении пейзажных зарисовок с индивидуальными психологическими эмоциями. Все это воспринималось как важный этап в становлении романтического эпоса Жуковского. Фольклорно–мифологическая основа сказки Гебеля сближает ее с народными немецкими балладами («Доктор Фауст», «Семь лет»), с поэзией миннезингеров (Гартман фон Ауэ, Вальтер фон дер Фогельвейде, Освальд фон Волькенштейн), с распространенным в средние века жанром шпруха, содержащим моральные сентенции и религиозные декларации (Сперфогель). См. об этом: Немецкая старина: Классическая и народная поэзия Германии XI–XIII веков. М., 1972; Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.

Стихотворное переложение Жуковского, включающее в себя образ сновидения, мотивы карточного гадания, «греха и возмездия», мифологему договора человека с дьяволом, архетип ребенка, сочетающее в себе драматизм сюжетного действия и разговорно–сказовые интонации, намечает общее движение поэта от балладного и идиллического повествования к литературной сказке и повести. В этом смысле сказка «Красный карбункул» становится своеобразным прологом к стихотворным переложениям поэта 1830–х гг. («Две были и еще одна», «Неожиданное свидание», «Спящая царевна», «Ундина»).

Современники Жуковского отмечали новаторский, экспериментальный характер его переводов из Гебеля. Так, Н. А. Полевой связывает эти переводы с «опытами русского гекзаметра» (Полевой Н. А. Баллады и повести В. А. Жуковского // Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика. Статьи и рецензии: 1825–1842. л., 1990. С. 207). В. К. Кюхельбекер говорит об особом рода занимательности и «неподложной красоте» «Красного карбункула», который «перечел три раза и всякий раз с новым наслаждением» (Цит.: Жуковский в воспоминаниях. С. 300). В. Г. Белинский считал переложения Жуковского из Гебеля «образцами идиллий», которые «принадлежат к числу замечательных переводов» (Белинский. Т. 5. С. 44–45; Т. 7. С. 213).

Красный карбункул (лат. carbunculus – уголек) – красный гранат, полудрагоценный

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
камень.

Ст. 3–4. «Сядь, расскажи нам, как помнишь, когда сестра Маргарета II Чуть не засну-ла». Вот Маргарета, Луиза и Лотта... – В «Трудах Общества...» эти стихи читались так: «"Сядь, расскажи нам, как когда сестра Маргарета// Чуть не заснула". Составив скамьи, Маргарета, Луиза и Лотта...»

Ст. 19. Боле ста лет, как оно густою крапивою заглохло... – При первой публикации было: «Боле ста лет, как оно полынем и крапивою заглохло...»

Ст. 55. Ах! невеста, черный заступ, заступ могильный... – Заступ – «железная ло-пата, для копки, на деревянном черене, или окованная внизу деревянная лопата» (Даль В. И. Толковый словарь: в 4 т. Т. 1. М., 1989. С. 643).

Ст. 71–72. Вот пришел он в трактир; а Зеленый уж там, и тасует II Карты, сидя за столом сам-третей, и Вальтера кличет... – Сам-третей – втроем.

26 – 1368

Ст. 88. Крейцер, да крейцер, а там, поглядишь, вынимаи и дублоны... – Крейцер (нем. Kreuzer) – старинная мелкая разменная монета, равная 1/60 гульдена в Гер-мании и 1/100 гульдена или 1/50 кроны в Австрии. Обращалась до конца XIX века. Дублон (фр. doublon от double – двойной) – старинная золотая испанская монета; содержала 7,5 гр. чистого золота.

Ст. 96. Руку в карман – и вынется звонкий, серебряный талер... – Талер (нем. Ta-ler) – немецкая серебряная монета, равная 3 маркам (до 1907 г.).

Ст. 108–109. Бедная Мина, зачем ты, зачем ты в себя приходила? II Сколько б кру-чины жестокой тебя миновало на свете... – В первоначальном варианте эти стихи звучали так: «Мина, зачем ты, зачем пробуждалась? // Сколько б тоски неизбежной тебя миновало на свете!..»

Ст. 177. Нынче праздник, двадцать пятое августа... – У Гебеля к этим словам есть уточнение: «Ludwigstag». Речь идет о празднике в честь Людвига IX Святого (1226–1270), канонизированного в 1297 г. День его смерти, 25 августа, стал като-лическим праздником.

Ст. 195. Так рассказывал дедушка внукам... – В первой публикации было: «Так рассказывал дедушка деткам...»

И. Поплавская

Пери и Ангел

Повесть («Однажды Пери молодая...») (С. 19)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 4. в л. 15–15 об., 16, 17–23 с об., 24 об., 25–31 с об.) – черновой, полный, включающий прозаический перевод 459–521 стихов «Paradise and the Peri».

Впервые: СО. 1821. № 20. С. 243–265 – с заглавием: «Пери и Ангел», без подзаголовка; в конце подпись: «С Английского. Ж.». Текст сопровождается приме-чаниями переводчика, представляющими в основном перевод примечаний Томаса Мура (см. постишный комментарий).

В прижизненных изданиях: БИП – в разделе «Повести». С 3–5; С 3 – в оглавлении: «Пери и Ангел. Отрывок из Муровой поэмы «Лалла Рук»; С 5 (Т. 3. С. 265–290) – с заглавием: «Пери и ангел. Повесть»; в оглавлении – с до-бавлением в скобках: «Ис Мура», в подборке произведений 1821 г.

Датируется: 16(28) февраля – 6(18) марта 1821 г.

Перевод второй вставной части из поэмы Томаса Мура (Thomas Moore, 1779– 1852) «Lalla Rookh» («Лалла Рук») под заглавием «Paradise and Peri» «Рай и Пери».

Поэма Мура появилась в 1817 г. и сразу же вызвала интерес во всей Европе как воплощение идей и образов романтического ориентализма. «Lalla Rookh» Т. Мура состоит из четырех вставных поэм и прозаического обрамления, в котором расска-зывается о путешествии индийской принцессы Лаллы Рук к ее жениху, бухарскому принцу Амерису. Четыре вставные части – рассказы кашмирского поэта ферамор-за, который в финале оказывается переодетым Америсом.

В библиотеке Жуковского (Томское собрание) хранится три экземпляра поэ-мы Т. Мура с пометами поэта: 1) в составе издания «Britische Dichter-Proben. № 1» (Leipzig, 1819) с параллельными английским и немецким текстом; 2) в составе сочинений Мура «The poetical works of Thomas Moore» (Paris, 1827); 3) на немец-ком языке «Lalla Rookh. Von Thomas Moore» (Emden, 1829) в переводе Бютена (G. W. Bueten) – с цифровыми подсчетами количества стихов, сделанными Жуков-ским. См.: Описание. №№ 731, 1678, 1679.

Перевод осуществлялся по лейпцигскому изданию 1819 г. Текст на английском языке размечен на полях карандашом горизонтальной черточкой и по порядку обозначены номера пятистиший. Дополнительный знак «+» и последовательно цифры от 1 к 12 обозначают каждые 40 строк, вероятно, в соответствии с пред-полагаемым объемом перевода на каждый день. Карандашом подчеркнуты стихи: 103–105, 405, 408–409; черными чернилами – 519–521; в вертикальные скобки взяты с двух сторон 427–429 стихи.

Над сгихами 22–43 и 407–409 карандашом написан близкий к оригиналу про-заический

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh перевод 22–43 стихов: «Лети от // Облети все звезды по свету, // Облети пространство в (нрзб.), // Сбери все удовольствия небесных сфер // И умножь на бес-численные годы // Одну минуту небес. // Там ангел (нрзб.) страж // Врат света увидел ее плачущей . // И когда он приблизился и вслушался // В ее печальную песню, ка-пля слезы // Блеснула на щеке, подобно капле // Эдемского фонтана, когда он льется // На голубые цветы, которые, как говорит Брамин, // только в Эдеме расцветают. // О деве плакал (нрзб.) заблудшей. // (нрзб.) есть еще надежда, // В книге Судеб на-писано, // Та Пери может прощена, // которая принесет к сим вечным вратам // Дар, пригодный Небу. // Лети, лети, искупи свой грех, // Приятно впустить прощенных» (р. 16, 18, 20) и 407–409 стихов: «Под ним мелькает ясмин, исчезает, // как будто изумруд воздушный // или как порхающий цветок» (р. 58; знак цезуры соответству-ет стихам подлинника; Жуковский свой перевод соотносит с ним).

Перевод поэмы «Paradise and the Peri» сделан Жуковским на страницах дневника 1821 года: поэтический текст чередуется с записями поэта о событиях жизни с 16(28) февраля по 6(18) марта, времени пребывания поэта в Берлине в свите вели-кой княгини Александры Федоровны.

Обращению Жуковского к поэме Т. Мура предшествовал ряд обстоятельств, сре-ди которых наиболее значительными явились подготовка и проведение придворного праздника в Берлине с живыми картинами на сюжет «Лаллы Рук» (Алексеев. С. 658–675). Погруженность Жуковского в приподнятую атмосферу придворного праздника, переживаемое чувство влюбленности в великую княгиню Александру Федоровну, печальные размышления об отсутствии личного счастья запечатлены в дневнике и перемежаются записями о репетициях, о самом празднике, о чтении Жуковским поэмы «Lalla Rookh». На страницах дневника от 14(26) января Жуков-ский переписывает 32 начальных стиха четвертой части поэмы «Lalla Rookh» – «The light of the Haram» («Свет гарема»): Ср.: РНБ. Оп. 1. № 4. в л. 12–13 об.

Переписанное в дневнике начало «Света гарема» явилось как бы поэтическим прологом к созданию двух произведений: «Явления поэзии в виде Лалла Рук» – перевод стихотворения немецкой поэтессы Гедвиги фон Штегеман и «Лалла Рук» (подробнее см.: Gerhardt. S. 34, 50, а также ПСС 2. Т. 2. С. 604–605), выразивших не только эстетические взгляды Жуковского, но и его чувство к великой княгине Александре Федоровне, отныне именуемой в дневнике и письмах Лалла Рук. 8 (20) января Жуковский пишет в дневнике о «чистой нравственности», о воз-можности иметь свою религию, о «достоинстве человека», которое заключено «в ис-креннем желании добра и постоянном к нему стремлении», хотя «достижение не от него зависит» (ПСС 2. Т. 13. С. 154. Курсив Жуковского). Запись 3(15) фев-раля: «Разговор о Лалла Рук. Обедал у великой княгини» (Там же. С. 155) – пред-восхищает стихи «Теснятся все к тебе во храм...» и размышления следующего дня о природе прекрасного. 4(16) февраля Жуковский записывает о «звезде на темном небе», которая «не сойдет на землю, но утешительно сияет нам из дали» (Там же. С. 156). 6(18) он повторит эти мысли в письме к А. И. Тургеневу и назовет их «фило-софией Лаллы Рук» (Гофман. С. 156. Подробнее: ПСС 2. Т. 2. С. 595–602). На вол-не особого поэтического и религиозно-нравственного вдохновения, переживания «минуты счастья и чистого высокого наслаждения», торжественной приподнятости и грустного, но светлого чувства красоты и смирения перед невозможностью и не-достижимостью мечты рождается перевод «Пери и Ангела». 15(27) февраля Жу-ковский делает в дневнике запись: «У в(еликой) к(нягини). Портрет Л(алла) Рук», а 16(28) февраля записывает первые 49 строк перевода (РНБ. Оп. 1. № 4. в л. 15 и 15 об.), после которых идет текст стихотворения «О милых спутниках...» и продол-жение размышлений поэта о неиссякаемой и вечной духовной связи поколений, оставляющих в наследство «свои надежды и исполнение прекрасных своих жела-ний» (ПСС 2. Т. 13. С. 158).

Начиная с 16 (28) февраля, в дневнике ежедневно, за исключением 19(3), 24(8) и 27(11) февраля, идет работа над переводом. В воскресенье, 27(11) февраля, Жуков-ский записывает: «У обедни. (...)Твоя от Твоих Тебе приносяще от всех и за вся» (ПСС 2. Т. 13. С. 158). Смысл и значимость для Жуковского строки из «Литургии верных», записанной во время работы над переводом, объясняется самим поэтом в записи от 6(18) апреля 1821 года в связи с воспоминаниями о Лалле Рук: «В обедне же нашей заключены все таинства религии: Твоя от Твоих – вот все христианство! Эти слова без исключения можно применить ко всем обстоятельствам нашей жизни! (...) и пу a pas de plus grande jouissance que de sentir avec purete la beaute d'une ame pure» [нег большего наслаждения, как чувствовать сердцем красоту чистой души. – фр.] (ПСС 2. Т. 13. С. 163). Таким образом, работа над переводом в течение всего периода его создания сопряжена с исканием поэтом «чистой религии». Кульминацией этого процесса явилась работа над финалом «Пери и Ангела». 3(15) марта, закончив накануне перевод на 458-й строке английского текста, Жуковский записывает в дневнике перевод прозой последней

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh часги (459–521 стихи), причем 459–475 сгхи переведены близко к тексту, остальная же часть перевода Жуковского-го (476–521) отлична от оригинала и представляет собой новый сюжет. Он включает отсутствующий у Мура мотив возвращения блудного сына и милосердного поступка Пери. В поэме Мура она несет к вратам слезу грешника; в переводе Жуковского Пери проявляет участие в судьбе несчастного, молит небеса о его спасении, забывая о себе. Вот как это выглядит в прозаическом переложении Жуковского:

Но что же чувствовал он – несчастный, тут стоящий – тогда как воспоминания летали над ним, летали через года – преступлении и стыда, не находя светлого места для отдыха, не принося ему ни одной ветви мира и милости. А был день, – сказал он голосом смиренного сердца, – о ты, счастливый младенец, когда я смотрел и молился, как ты, и что же? – Он опустил голову; и все благородные цели, надежды и чувства, спавшие в душе от младенчества, свежие нашли на него, и он заплакал... О благословенные слезы душевного покаяния! в которых в сладостном, искупительном потоке ощуижется единственное чув-ство невинной радости обновления ею виновности... .

А Пери?.. Себя забыв, смотрит она па сих двух предстоящих Божеству и на его чистое небо, равно сиявшее над преступником и невинным. Сердце ее трепетало! Сострадание влекло к сему несчастному, который упал на землю и плакал во прахе, и его слезам дано постигать, что есть Бог! Она склонилась к нему, с утешением поддерживала его голову, и глаза ее подняты были на небо, и она искала в глубине милосердия Божия, не для себя, а для другого: и говорила так она: прими его слезы... И живое неизъяснимое сияние было на небе, нечто торжественно мирное наполнило природу; слышала она голоса: как будто радо-вались возвращенному сыну. И она чувствовала, что ее легкие крылья сами развиваются, и какое-то необъяснимое сиянье влечет ее в высоту... и она угадала! Ангел врата Эдемские открыл! С полунебес взглянула она на удаляющуюся землю: прости, земля, простите, звезд-ды (РНБ. Оп. 1. № 4. в л. 29 об.–30).

В последующие два дня – 4 (16) и 5 (17) марта – перевод в сгихах был за-вершен. В дневнике 6(18) марта Жуковский записал: «Кончил Пери». Во вторник 8 (20) марта состоялось чтение у великой княгини в присутствии великого князя Николая Павловича. Ср.: «Путру у в(еликой) к(нягини). Чтение Пери. Слово ве-ликого князя: „Достойно своего предмета" (ПСС 2. т. 13. с. 160).

Жуковскому близка была развернутая в поэме Мура идея покаяния – пути к духовному возрождению человека. В переводе сохранены три сюжетных узла как выражение духовного подвига человека: принесенная к вратам Бога капля крови за родину, последний вздох чистой и самоотверженной любви и, наконец, слеза раскаявшегося грешника. Но в отличие от Мура Жуковский психологизирует об-раз крылатого существа древнеиранской мифологии, придавая образу Пери черты христианского мироощущения, заставив ее пройти путь духовного восхождения человека – не наблюдать и выбирать, а участвовать, проникнуться сострадатель-ным чувством жалости и умиления по отношению к человеку.

Актуализацией идеи сострадательной любви и духовного очищения обусловле-ны изменения в тексте, начиная с заглавия. В отличие от названия поэмы «Paradise and the Peri» («Рай и Пери») Жуковский заглавием «Пери и Ангел» акцентировал момент личного деятельного участия Пери и степень ее нравственной ответствен-ности. Точно переводя 204–211 сгхи английского текста, венчающие первый эпизод, когда Пери заплакала, жалея людей, Жуковский внес дополнение, оттеня-ющее христианский смысл душевного порыва Пери: если у Мура сказано, что «оча-рование есть в каждой слезе, когда добрые духи плачут по человеку» («For there's magic in each tear, // Such kindly spirits weep for man!»), то в переводе произнесено определяющее слово: «Так сильно слез очарованье, // Когда прольет их в сострада-нье...». Развивая смысл этого эпизода как ключевого, Жуковский полностью пере-делал финал и изменил жанровое определение: не поэма, а повесть. В поэме Мура представлены три ипостаси подвига человека – во имя Родины, любви и Бога; в повести же главным становится сам путь духовного развития, которым Ангел про-водит Пери. У Жуковского изменен объем и композиция произведения. В поэме Мура 521 стих, у Жуковского – 654. «Paradise and the Peri» разделен на 28 частей, которые фиксируют равнозначимые темы и сюжетные повороты. Повесть Жуков-ского состоит из двух частей: первые 57 стихов образуют завязку – встреча Пери с Ангелом у небесных врат и наставления Ангела; остальная часть – история стран-ствий и духовного восхождения Пери в поисках дара, достойного небес.

Перевод Жуковского выполнен, как в оригинале, 4-стопным ямбом, но в от-личие от Т. Мура, использовавшего только мужские окончания, Жуковский упо-4<7> требляет мужские и женские, сопряжение которых как бы реализует развитие двух главных тем: необходимость исполнения высшего долга, выражаемого Ангелом, и земной человеческой жизни, с ее слабостями и стремлением к очищению.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский зhu

Увеличение объема перевода по сравнению с оригиналом связано в первую оче-редь с психологизацией образа Пери и углубленной разработкой темы злодейства и покаяния. Раздвижение границ текста происходит при описании картин при-роды. Жуковский не приглушает яркости и экзотичности восточного колорита поэмы Т. Мура, сохраняет имена, названия; в синтаксических построениях следует за узорчатым плетением фразы английского поэта, тщательно подбирая соответ-ствующие поэтические детали. Еще при чтении поэмы Жуковский отметил в книге «прекрасных голубых стрекоз» (в переводе «легкокрылая стрекоза»), за которыми гонялся мальчик, увиденный злодеем. В книге из своей библиотеки он подчеркнул 408–409 стихи: «That fluttered round the jasmine stems // Like winged flowers or fly-ing gems» (Порхала вокруг жасминовых стеблей // Подобно крылатым цветкам или летающим драгоценным камням) – и сделал перевод: «Она кружится непослушно, // и блещет, как цветок воздушный // Иль как порхающий рубин» с многочислен-ными вариантами (см. постишный комментарий), обнаруживающими стремление Жуковского, сохраняя поэтику Т. Мура в пластическом изображении изысканной красоты и роскоши Востока, передать трепетанье живой природы, чему служит система глагольных форм («мелькает, исчезает», «кружится непослушно», «блещет», «порхающий»), тщательная разработка цветовой гаммы и выбор минерала. Так, голубой, синий («blue») цвет в поэме Мура преобразовывался у Жуковского (см. по-стишный комментарий) в жемчужный, изумрудный, рубиновый, и при этом неиз-менно сохранялась интенсивность, яркость, роскошь и чистота цвета причудливого образа «воздушного изумруда» (или «жемчуга») и «порхающего рубина». «Воздуш-ный цветок» Жуковского, блестящий, прозрачный и летящий, возникает в творче-ском воображении А. С. Пушкина в черновой строфе «Евгения Онегина»:

И в зале яркой п богатой когда в умолкший, тесный круг Подобна лилии крылатой
Колесилась входит Лалла Рук...
(Пушкин. Т. 6. С. 637).

Жуковский нередко дополняет текст Т. Мура живописными деталями. Так, стихи «Fair gardens, shining streams, with ranks / Of golden melons on their banks, / More golden where the sunlight falls» (прекрасные сады, сияющие потоки с рядами золотых дынь на их берегах, более золотых, где падает солнечный свет) перево-дятся Жуковским: «Леса, кудрявые кусты; // Потоков воды голубые; II Над ними дыни золотые II В закатных рдеющи лучах // На изумрудных берегах». «Summer, in a vale of flowers» (лето в долине цветов) у Жуковского описано как «...рдеющее лето // В доли-не, зноем разогретой»; «(...) hum of the wild bees of Palestine, // Banqueting through the flowery vales» (Жужжание диких пчел Палестины, пирующих в цветущих долинах) переводится как «И пчелы дикой Палестины, // Жужжащие среди долины, // Блестя звездами на цветах...». Вместе с тем Жуковский элегизирует живописный пейзаж Т. Мура. В элегиче-ский регистр переводятся пейзажи с луной, где Жуковский стремится запечатлеть самую текучесть и мимолетные изменения в природе и насроении героев. В пере-воде описания лунной ночи: «To watch the moonlight on the wings // Of the white pelicans that break // The azure calm of Morris' Lake» (Наблюдать лунный свет на кры-льях белых пеликанов, которые разбивали лазурное спокойствие озера Моррис) Жуковский оттеняет трепетанье воздуха, воды, самой ночной стихии: «(...) замеча-ет, // Как яркий свет луны мелькает II На пеликановых крылах, // Когда на голубых водах // Мериди он плывет и плещет II И вокруг него лазурь трепещет». Многочисленные разночтения перевода и оригинала связаны с акцентировкой Жуковским морально-религиозной проблематики. Жуковский приглушает роман-тические контрасты Т. Мура: смягчает описания жестоких кровавых сцен (Алек-сеев. С. 676); при изображении прощального свидания любовников посреди бу-шующего чумного мора Жуковский переводит пафос торжества жизненных сил и любви над угрозой смерти в религиозный план: «Ив смертный час свою мне руку // Подай на смерть, не на разлуку».

Тщательно работает Жуковский над образами, связанными с темой преступле-ния и раскаяния. В черновом автографе в описании злодея доминировали мрачные черты (см. постишный комментарий). В процессе работы Жуковский, не снимая вины и ответственности со злодея, пронизывает описание чувством милосердного сострадания к несчастному и заблудшему человеку, что нашло выражение в стиле и композиции его повести. Так, в финале Жуковский оставляет без внимания экзоти-ческие подробности («алмазные башни», «беседки Амерабада», «Тооба-Tree – дере-во вечного счастья», «lote-tree – дерево у трона Аллы»), акцентируя не радость за-воевания небес, как у Т. Мура («Heav'n is won!»), а «святую радость примиренья».

Новое обращение Жуковского к сюжету поэмы «Lalla Rookh» относится к 1829 году, когда в связи с постановкой «живых картин», устроенных 10 марта в Зим-нем дворце, Жуковский, вероятно, делает перевод стихотворения немецкого поэта Самюэля Генриха Шпикера «Die Peri und das Paradies», написанного в 1821 г. к

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
Бер-линскому празднику и положенного на музыку композитором Спонтини (Алексеев. С. 669–673). Этот перевод, очевидно, имел прикладной характер как иллюстрация «живых картин», а потому в нем не было ни сюжета, ни пейзажей, ни описаний. Возможно, к этому же времени относится замысел полного, но неосуществленного перевода всей поэмы «Lalla Rookh»: на последнем листе немецкого перевода «Lalla Rookh» (Emden. 1829) находится карандашная запись Жуковского.

T.W. – 780

625

730 Peri– 520 TA. 455

440

825

740

5610

15/5610/37 45

111

105

6

150 ст. = 37 дней

Запись расшифровывается следующим образом: столбик цифр выше «Peri» со-ответствует количеству стихов трех частей первой вставной поэмы «Покровенный пророк Хорассана»; столбик ниже «Peri» определяет количество стихов трех частей «Огнепоклонников» и «Света гарема». Подсчет ниже горизонтальной линии означает количество необходимых 37 дней, если каждый день переводить по 150 стихов. Творческая атмосфера работы над переводом повести «Пери и Ангел», духовные переживания и вдохновение, овеявшие произведение, определили путь поэта к повести «Наль и Дамаанти». Весной 1840 года, 13(1) мая, после спектакля оперы-балета Спонтини «Нурмагала, или Праздник кашмирских роз», написанной на сюжет вставной четвертой поэмы «Свет гарема», первые 32 строки которой переписал Жуковский в свой дневник 14 (26) января 1821 года во время Берлинского праздника, поэт поделился своими раздумьями из Дармштадта с императрицей Алек-сандрой Федоровной – Лаллой Рук: «Странное, непонятное очарование в звуках, они не имеют ничего сущесгвенного, но в них живет и воскресает прошедшее. Я не думал никого произвольно вспоминать, но вслед за этой картиною праздника, именно те, которые тогда были и которых теперь нет, как будто сами слетелись со всех сторон на поминки и тенями мимо меня провеяли» (Алексеев. С. 674). В феврале 1843 г. Жуковский писал посвящение к своей индийской повести «Наль и Дамаанти», обращенное к великой княгине Александре Николаевне, где первые восемь строк овеяны мотивами и образами знаменитого начала поэмы «Света гарема» и выполнены размером ее стихов:

Who has not heard of the vale of Casheniere with its roses the lightest lial
earth ever gave (...) Я видел сои: казалось, будто я цветущую долиной Кашемира
Иду один (...)

Перевод Жуковского был первым переводом из Мура в России. В том же году вышли в свет сразу два прозаических перевода из поэмы: Н. Бестужев опубликовал перевод третьей вставной поэмы «Обожатели огня, восточная повесть (из Мура)» в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1821. ч. 16. кн. 2–3. С. 113–156, 249–297), а аноним, крившийся под криптонимом «К.П.Б», – второй вставной поэмы «Рай и пери» (Там же. 1821. ч. 13. кн. 1. С. 37–62).

Повесть Жуковского «Пери и Ангел» была встречена критикой с большим ин-тересом и одобрением. Рецензент журнала «Сын Отечества», сравнивая перевод сцены сражения юноши-воина с врагом за Отчизну у Жуковского и К.П.Б. отмечает, что «лексически и фразеологически Жуковский ближе воспроизвел подлинник» (СО. 1821. № 20. С. 243–265). Высокая оценка прозвучала в среде будущих дека-бристов, отметивших под покровом восточного колорита вольнолюбивые настрое-ния. В «Послании к Н. И. Гнедичу» Рылеев в 1821 году помещает строки:

Так и Жуковский наш, любимый феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного поли, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной Пери.
(Рылеев К. Поли. собр. стихотворений. Л., 1934. С. 89–90).

Декабрист В. Ф. Раевский для пропаганды среди солдат ланкастерской школы выбрал те стихи из «Пери и Ангела», в которых речь идет о смерти героя, павшего в «искупление свободы», и чью каплю крови Пери уносит на небеса. Раевский вспо-минал, что во время суда над ним ему задавались вопросы «о тетрадах в школе» и по поводу некоторых обнаруженных в этих тетрадах выписок. Пример начинался двадцатью стихами прежде и оканчивался:

Богам угодное даянье, Она сказала, я нашла:
Пролита кровь сия была во искупление
свободы.

(Воспоминания В. Ф. Раевского//ЛН. Т. 60. кн. 1. 1956. С. 95).

Диссонансом прозвучала оценка А. С. Пушкина, писавшего П. А. Вяземскому 2 января

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
1822 года из Кишинева: «Жуковский меня бесит. Что ему понравилось в этом Муре, чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся Лалла Рук не стоит десяти строчек Тристрама Шенди» (Пушкин. Т. 13. С. 34). В июне 1822 года в ожидании перевода «Шильонского узника» Пушкин вновь дает отрицательную оценку: «Это не чета Пери» (Пушкин. Т. 13. С. 40). Причину не-гативного отношения к поэзии Мура Пушкин объяснил в письме к Вяземскому (конец марта – начало апреля 1825 года): «Знаешь, почему я не люблю Мура? – потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо – ребяч-честву и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так преле-стен в „Гяуре“, в „Абидосской невесте“ и проч.» (Пушкин. Т. 13. С. 160).

Однако в творчестве Пушкина отзвуки поэтической памяти о переводе Жуков-ского сказались не только в образе «лилии крылатой» (в черновой строфе «Евгения Онегина»), но их можно услышать в песнях Мери и речах Председателя в «Пире во время чумы», где говорится о силе любви, противостоящей угрозе Чумы. Мери вторит возлюбленному из поэмы Мура, тревожась за судьбу любимого человека, а Председатель бросает вызов самой смерти:

И Девы-розы пьем дыханье – Быть может – полное чумы
(Пушкин. Т. 7. С. 181).

Близок к Пушкину в критическом отношении к переводу Жуковского был В. Г. Белинский: «Много было расточено похвал переводу отрывка из поэмы Тома-са Мура „Див и Пери“; но перевод этот далеко ниже похвал: он тяжел и прозаичен, и только местами проблескивает в нем поэзия. Впрочем, может быть, причиной этого и сам оригинал, как не совсем естественная подделка под восточный роман-тизм» (Белинский. Т. 7. С. 210).

Имя Жуковского – переводчика «Пери и Ангела» – было известно Томасу Муру. В дневниковой записи английского поэта от 3 января 1829 года отмечена встреча с А. И. Тургеневым, который сообщил ему о русском переводчике: «Это очень разумный человек и весьма искушенный в литературе Англии, как и всех других стран Европы. Сообщил мне, что существует два перевода моих „Ирланд-ских мелодий“ на русский язык и что у него есть с собой перевод моей „Пери“, выполненный русским поэтом, который сопровождал нынешнюю императрицу во время ее визита в Берлин (...) Русский показал мне перевод моей „Пери“ в сборни-ке русских стихотворений, которые он переплел, чтобы читать во время путеше-ствия. Мое имя по-русски превратилось в „Муровой“, что значит „Мура“, „ой“ на конце, как в греческом, признак родительного падежа (...) Читал нам вслух боль-шой отрывок из русской „Пери“, которая звучала весьма музыкально» (Цит.: Алек-сеев. С. 738–739).

*Пери – вообралсаемые существа, ниже ангелов, но превосходящие людей, не живут на небе, но в цветах радуги, и порхают в бальзамических облаках, питаются одними испаре-ниями роз и жасминов и подвержены общей участи смертных. Индейцы и другие восточ-ные пароды представляют их себе в виде женщины, коих отличительное свойство состав-ляют красота и благотворительность. (Здесь и далее подчеркиванием обозначены примечания Жуковского к тексту первой публикации перевода.)

Ст. 22. Свежа долина Кашемира... – Озеро, усеянное множеством островов, из коих на одном растут платановые деревья, от которых он и назван Шах-Шеймур.

Ст. 29. К бесчисленным звездам созданья... – В автографе: «К сияющим звездам созданья...» Далее все варианты приводятся по черновому автографу.

Ст. 35. С одной минутой небес...» – «С одним мгновением небес...»

Ст. 40. Он к пей с утехой подлетел... – «Он к ней приветно подлетел...»

Ст. 55. С достойным даром прилетит... – «С милейшим даром прилетит...»

Ст. 59. Быстрее звездных тех мечей... – Магометяне думают, что падающие звез-ды суть огненные палицы, коими добрые Ангелы отгоняют злых, дерзающих при-близиться к небесной области.

Ст. 70. Я знаю тайны Шильминара... – Сорок столпов. Так персияне называют развалины Персеполя. Полагают, будто дворец в нем и все здания в Балбеке по-строены гением для сохранения многочисленных сокровищ в их подвалах, кото-рые и донныне там находятся.

Ст. 73. В сосудах гениев рубины... – «В сосудах огненных рубины...»

Ст. 74. Язнаю дно морской пучины... – «Я знаю мрак морской пучины...»

Ст. 76. Во глубине погребены... – «На влажном дне погребены...»

Ст. 77. Там острова благоуханий ... – Острова Панхайя.

Ст. 80. Сосуд Ямшидов золотой... – Чаша Ямхида, найденная, как полагают, в развалинах Персеполя.

Ст. 89. Святого Инда низлетала... – Река, протекающая по Индии и считающая-ся священной.

Ст. 104. В лугах прекрасная весна... – «В лугах краса и тишина...»

Ст. 116. Властитель Газии, вихрь войны... – Махмуд Газна или Газни завоевал

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Индию в начале XI столетия. В автографе: «Свирепый Газна, вихрь войны...»
 Ст. 120–121. На псов своих навесил он /Любимиц царских ожерелья... – Повеству-ют, что Султан Махмуд содержал 400 серых легавых собак. На каждой из них был ошейник, украшенный дорогими камнями, и покрывала, обшитые золотой бах-ромой с жемчугами. В автографе: «Надел на псов кровавых он...»
 Ст. 123. Зеианы дев он осквернил... – Зенаны – женские комнаты, гарем.
 Ст. 130. Над светлый родины потоком... – «Перед отеческим потоком...»
 Ст. 136. Но воин, молча, указал... – «Но витязь молча указал...»
 Ст. 149. Ему смежить рукой любви... – «Зеницы сжать рукой любви...»
 Ст. 169. Сказал ей страж крылатый рая... – «Сказал ей светлый сторож рая...»
 Ст. 174. Кристальные спокойны двери... – «Не отворились райски двери...»
 Ст. 180. Стремится – и к горам Луны... – Горы Лунные, в древности Montes Lunae. При подошве их полагают источник Нила.
 Ст. 190. И великан новорожденный... – Нил, известный в Абиссинии под названием Абен и Ал а в и, то есть великан. В автографе: «И их гигант новорожденный...»
 Ст. 197. Розетты знойною долиной... – Розетта – парк роз. Сады Розетты на-полнены голубями.
 Ст. 203–205. На пеликановых крылах, I когда на голубых водах / Мерида он плывет, и плегцет... – О пеликане на меридовом озере упоминает Савари. В Примечаниях Мура название озера Lake Moeris.
 Ст. 215. Ночной упившись росой... – «Ночной усыпанных (увлажненных – зач.) росой...»
 Ст. 218. Я ночью листья освежали... – «И влагой цвет свой освежали...»
 Ст. 229. От перелетного тумана... – «От пробежавшего тумана...»
 Ст. 230. Печально-тихая султана... – Султана – прекрасная птица, названная так по ее величавости и блестящему синему цвету перьев. Нос и кости у нее также синие. Они служили украшением храмов и дворцов у греков и римлян.
 Ст. 232. Сияла пурпурным крылом... – «Светилась в сумраке ночном...»
 Ст. 252. Гиена лишь, бродя всю ночь... – Жаксон упоминает о моровой язве, слу-чившейся в Восточной Аравии, во время его там пребывания. Птицы в сие время удалялись от человеческих жилищ; гиены напротив того приходили на кладбища.
 Ст. 345. От э/садных уст, едва украдкой... – В автографе: а) «От нежных уст...»; б) «От сладких уст...»
 Ст. 351. Мне жребий свой отдай вполне... – После этого сгixa в автографе следо-вали стихи, не вошедшие в окончательный текст: «За миг один счастливый твой / Ты знаешь, жизнь отдать готова! / Но только счастья нет земнова!»
 Ст. 362. Она уж гаснет, как лампада... – «Она слабеет, как лампада...»
 Ст. 369. Желанной смертью умирает... – «С рыданьем тихо умирает...»
 Ст. 378–383. Иль пеньем птицы той чудесной, /которая в последний час / Торжествен-ный подъямля глас, / Сама поет свое сожжены II умирает в сладкопенье... – Феникс – баснословная птица, которая, прожив тысячу лет, готовится себе костер и, пропев трогательную песнь, машет крылами и сгорает на нем от лучей солнечных.
 Ст. 391. Тут ясным почивали сном... – «Тут спали непробудным сном...»
 Ст. 413. В Эдеме души пьют святые... – На берегу квадратного озера находится тысяча чаш, составленных из звезд. Души, предопределенные наслаждаться веч-ным блаженством, пьют из них кристальные воды.
 Ст. 427. Отчизна розы Суристан... – Ричардсон полагает, что Сирия получила свое название от suri, прекрасного и нежного рода розанов, которыми сграна эта всегда славилась.
 Ст. 429. Сходя на запад, как корона... – «Как лучезарная корона...»
 Ст. 431. В великолепии снегов... – «Во всем величии снегов...»
 Ст. 444. На изумрудных берегах... – «На их зеленых берегах...»
 Ст. 446–447. Веселые веретеницы, / На яркой стен их белизне... – Брюс пишет, что число ящериц, которых он видел однажды на дворе храма в Балбеке, простиралось до нескольких тысяч, что ими были покрыты камни развалин, стены и земля. В автографе: «Вертявые веретеницы...»
 Ст. 453. Их веянье, их трепетанье... – «Их веянье, их воркованье...»
 Ст. 460. С далеким пеньем пастухов ... – «С далекой (веселой – зач.) дудкой па-стухов...»
 Ст. 462–463. Жужжащие среди долины, / Блестя звездами на цветах... – В автогра-фе: а) «Шумящие среди роскоши долины»; б) «Как звезды, в солнечном луче мель-кали»; в) «Сверкающие на цветах, блестя, как звезды...»; г) «Звездами на цветах сверкали...»
 Ст. 468. На падший солнцев храм... – Храм Солнца в Балбеке.
 Ст. 495. В роскошных светятся лучах... – «В прощальных светятся лучах...»
 Ст. 505–507. Она кружится непослушно III блещет, как цветок воздушной II Иль как порхающий рубин... – В автографе: а) «Она мелькает непослушно, как будто изумруд

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhи
воздушный»; б) «Блещет, как цветок воздушный...». Варианты: «порхающий цве-ток»,
«порхающий жемчуг», «порхающий рубин».
Ст. 514–516. Над мелким ручейком, шумевшим II Близ имарета, он с коня II
Спрыгнул... – Имарет – приют для странников при мечетях, где они могли
пребывать три дня.
Ст. 519. Из-под густых бровей блестя... – «Свирепой дикостью блестя...»
Ст. 527. Подобно туче громовой... – В автографе: а) «На небо с мраком
грозо-вым...»; б) «На небо с громом...»; в) «Грядущим мраком грозovým...»
Ст. 531. Страстей жестоких и злодейств... – В автографе: а) «Страстей и ужасов
жестоких...»; б) «Страстей свирепых и злодейств...»
Ст. 536. Как обвинительным пером... – Варианты: а) «роковым пером»; б)
«обви-нительным пером»; в) «осуждающим пером».
Ст. 542. Краса ли вечера смирила... – В автографе: а) «Покой ли вечера смирил»;
б) «Закат ли ясный умирил».
Ст. 556. Вечерний минаретов глас... – Минарет – высокая тонкая башня,
соеди-ненная с мечетью, окруженная одним или более балконами, с которых муфтий
об-ращается к народу с молитвой.
Ст. 565. Его смиренно-сжаты руки... – В автографе: а) «Его подъяты к небу руки»;
б) «Его горе простерты руки».
Ст. 572. И гордый Эвлис очеса... – Эвлис в магометанской демонологии глава
злodeев, сатана.
Ст. 577. А он?.. Отверженный, несчастной!.. – В автографе после этого стиха
сле-довали варианты текста, позднее зачеркнутые: а) «А он!., отверженный
губитель // Что чувствовал?...как обвинитель // Предстало прошлое пред ним»
(вариант: «Вот так минувшее пред ним // Предстало ужасом своим!»); б) «А он?
Отверженный, не-счастный? // Увы! недвижный и безгласный // Перед невинностью
прекрасной, / Как осужденный он стоял».
Ст. 595. И голову потупил он... – «И он заплакал... в слезах // Пред Вечным
Бо-гом пал во прахе».

Э. Желякова

Шильонский узник

Повесть («Взгляните на меня: я сед...») (С. 36)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 2. № 33. л. 3–10 с оборотами – черновой, полный, сделан карандашом
и черными чернилами поверх строк и на полях книги: «The Prisoner of Chillon. A
Poem by Lord Byron, Lausanne, 1818».

2) РНБ. Оп. 1. № 4 г (1). л. 14 – черновой, перевод первой главы под датой: «4
сентября 1821 года» – в составе записной книжки с дневниковыми записями от 19
августа – 28 сентября 1821 г. Ср.: Бумаги Жуковского. С. 11.

3) РНБ. Оп. 1. № 4 г (2). л. 13 об., 14 об., 15 об., 16 об. – черновой, перевод
II– VI глав, начатый под датой: 27 октября (II–V главы) и продолженный 28
октября (VI глава) 1821 г. в составе записной книжки с дневниковыми записями от
1 октя-бря– 19 ноября 1821 г.

4) РНБ. Оп. 1. № 29. л. 57 об.–58 – черновой, предисловие и примечания. Копии:

1) ПД. Р II. Оп. 1. № 627. л. 6–9 с оборотами – в «Сборнике стихотворений»,
принадлежащем Н. Чирухину, без даты.

2) ПД. Р III. Оп. 1. № 1102. л. 1–14 с оборотами; датирован 17 сентября 1832
года.

Впервые: «Шильонский узник», поэма Лорда Байрона. СПб, 1822 (ц. р. 14 апреля
1822 г. Цензор А. Красовский), с посвящением: «Князю П. А. Вяземско-му. От
переводчика» и предисловием.

В прижизненных изданиях: БИП – в заглавии: «Шильонский узник. Поэма», в
оглавлении: «Шильонский узник. Повесть»; С 3–5; в С 4 снято посвяще-ние П. А.
Вяземскому, в С 5 (Т. 4. С. 1–20) заглавие: «Шильонский узник. Повесть», в
оглавлении с добавлением в скобках: «Из Байрона». В подборке произведений 1821
г. без посвящения, но с предисловием.

Датируется: 4 (16) августа 1821 г. – не ранее 10 (22) февраля и не позднее 14
(26) апреля 1822 г.

«Шильонский узник» – перевод поэмы Байрона «The Prisoner of Chillon» (1816),
начатый во время пребывания Жуковского в Швейцарии. Создание перевода
подготовлено глубоким интересом Жуковского к творчеству Байрона (начиная с 1814
года), необычайно почитаемого в ближайшем окружении поэта. С 1819 года П. А.
Вяземский неустанно и настойчиво побуждал Жуковского к переводам из Байрона,
подчеркивая сходство талантов русского и английского поэтов. В письме от 15 (27)
ноября 1821 г. он, в частности, замечает: «Ты на солнце Европейском (...) должен
очень походить на Байрона, еще не раздраженного жизнью и людьми» (РА. 1900. № 2.
С. 182). Он надеется под влиянием Байрона пробудить в друге граждан-ский
темперамент. Записи в дневнике Жуковского 1821 г. запечатлели «разговоры о

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh Байроне» (26 августа), чтение «Marino Faliero» (29 августа). Непосредственным толчком для работы явилось впечатление от посещения Шильонского замка 3 сен-тября 1821 г., о котором Жуковский записал в дневнике: «Поутру в Chillon. (...) Замок. Тюрьма. Виселица. Тюрьма Бонивара; маленькая тюрьма с разломанною дверью» (ПСС 2. Т. 13. С. 213) и рассказал в письме к великой княгине Александре Федоровне: «В тот день, в который я оставил Веде, успел я съездить на лодке в за-мок Шильон; я плыл туда, читая the Prisoner of Chillon, и это чтение очаровало для воображения моего тюрьму Бониварову, которую Байрон весьма верно описал в своей несравненной поэме» (РС. 1902. Май. С. 350). Об этой поездке Жуковский писал И. И. Козлову в письме от 27 января 1833 года: «Эти места напомнят тебе и Руссо, и Юлию, и Байрона. Для меня красноречивы только следы последнего: в Шильоне, на Бониваровом столбе вырезано его имя, а в Кларане у самой дороги находится простой крестьянский дом, в котором Байрон провел несколько дней и из которого он ездил в Шильон (...) По той дороге, по которой, вероятно, гулял здесь Байрон, хожу я каждый день...» (СС 1. Т. 4. С. 599–600). А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому от 9 июля 1833 года сообщал об этом времени: «Из своих окон Жуковский указал мне дом, где жил Байрон в виду озера и Кларанса. Вечеру ездил в Шильон, сходил в его сырое подземелье, снова постучал кольцом, к коему прикован был Бонивар (...) на одной из колонн в тюрьме Байрон вырезал свое имя: под ним русские читают имя его переводчика – Жуковский; далее какой-то Толстой и легионы неизвестных...» (ОА. Т. 1. С. 236–237). В «Записной книжке» № 1, представляющей собой, как и «Записная книжка» № 2, блокнот размером 14,5 см на 9 см с красными бумажными обложками и со-держащей дневниковые записи лета и осени 1821 года, периода пребывания в Швейцарии и Германии, под датой: «4 сентября», после описания путешествия в Фрибург и Берн, неровным почерком, по-видимому, в дороге, вероятней всего, во время поездки в Берн, набросан перевод первой главы (см. автограф № 2). Именно поездка в Берн породила размышления поэта над соединением в бернской при-роде всех простых прелестей сельских и великолепия альпийского: «В Швейцарии понял я, что поэтические описания блаженной сельской жизни имеют смысл про-заически справедливый» (ПСС 2. Т. 13. С. 214). Поэтическим выражением этих открытий, исполненных высокого чувства восхищения, могло стать начало работы над переводом поэмы о герое Швейцарии. Работа над переводом была продолжена 27 (8) и 28 (9) октября. Судя по днев-никовым записям и письмам, период с 4 (16) сентября по конец октября 1821 года был насыщен поездками по Швейцарии и Германии («Писать (...) во время путеше-ствия было для меня невозможно (...) почти всю дорогу или по крайней мере две трети моей дороги по Швейцарии сделал я пешком»), встречами и волнующими разговорами, в том числе и о Байроне, размышлениями о судьбе человека и исто-рии, России и Европы, обостренным поэтическим восприятием природы и фило-софским осмыслением ее. Все это способствовало сосредоточению духовных сил и нашло выражение в переводе поэмы Байрона как дань восхищения и призна-тельности Швейцарии, гению и мужеству английского поэта. К этому присоеди-лось чувство горечи и одиночества, способствовавшее обостренному восприятию драматического пафоса байроновской поэмы. Перевод II–VI глав вклинивается в дневниковую запись: «27. Эйзенах. Туман и холод...» После текста поэмы следует: «28. Эрфурт. (...) Грустный день. Entbehrung [лишения. – нем.] – вот мудрость! Учишься во всем себе отказывать, чтобы не отказаться от уважения к самому себе. Поздно! ужасное слово» (ПСС 2. Т. 13. С. 232). Можно предположить, что дальнейшая работа шла на страницах книги «The Prisoner of Chillon» (автограф № 1). Перевод I–VI глав написан над строками ан-глийского текста чернилами, тонким пером, практически без помарок. Начиная с VII главы, сграницы книги приобретают характер черновика: на полях – слева, справа, вверху, внизу – карандашом пишется перевод, с вариантами, с многочис-ленными правками, а потом текст вписывается над стихами, нередко карандашом, который затем покрывается черными чернилами. По всей вероятности стихотворная часть «Шильонского узника» была завер-шена уже в 1821 г. до возвращения Жуковского в Россию, что может быть под-тверждено указанием самого поэта на 1821 г. как время окончания «Шильонского узника» в оглавлении С 5, а также записями в дневнике от 17(29) и 24(6) ноября, где говорится уже о чтении Вальтера Скотта, и от 30(12) ноября о разговоре с М-е Stegemann, немецкой поэтессой, известной Жуковскому стихами на мотивы произ-ведений Т. Мура, о Байроне (ПСС. Т. 13. С. 233–235). Прозаическое предисловие (автограф № 4), возможно, создавалось в Петербур-ге при подготовке «Шильонского узника» к печати. Жуковский вернулся в Петер-бург 6(18) февраля, а 10(22) А. И. Тургенев писал Вяземскому в ответ на запрос о том, что нового привез Жуковский-поэт: «Жуковский перевел только "Le prisonnier de Chillon" Байрона, но того не кончил, но перевод прекрасный» (ОА. Т. II. С. 245).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

В предисловии Жуковский использовал сведения из примечаний к поэме Байрона и собственные впечатления от посещения Шильонского замка, расположенного у самых восточных берегов Женевского озера. Предисловие начиналось словами: «Герой сей повести есть Франциск Бонивар, женевский Гражданин. (Поэт заставляет самого Бонивара описывать ужасное свое заточение в замке Хильон – зач.)». Предисловие заканчивалось так: «Переводчик с поэмою Байрона в руках посетил сей замок и подземную темницу Бонивара: он может засвидетельствовать, что его описания поэтом имеют строжайшую точность» (л. 57 об.).

Издание печаталось под присмотром Н. И. Гнедича; на фронтисписе была гравюра А. Ухтомского с картины И. Иванова по наброску А. Н. Оленина. В верхней части гравюры – вид Шильонского озера. В нижней – изображение темницы. Жуковский входил во все детали издания. В письме к Гнедичу поэт давал указания: «Комиссия для Николая Ивановича Гнедича от чертописца Жуковского. 1. Принять под свое покровительство экземпляры Шильонского Узника. 2. Позаботиться о виньете и оттиске ее. 3. По получению оттиснутой виньеты велеть переплести экземпляры: а) на веленовой бумаге: 10 в лучшую бумажку, остальные в хорошую цветную; б) на просгой: переплесть сотню в порядочную простую бумагу, остальные оставить в листах и продать. 4. Из веленовой прислать мне 60 экз. и в том числе и 10 отборных; остальные раздать по прилагаемой записке. 5. Отдав Гречу и Воейкову их экземпляры, попросить их об объявлении, но только с тем, чтобы не делать больших цитат» (С 7. Т. 6. С. 445.). В другой записке Жуковский просил: «(...) надобно бы было слово сказать о виньете. (...) Не говоря о красоте работы, я желал бы поправить одно в Бонниваровой тюрьме: поэт описывает ее темною, освещенною бледным, ненароком в нее заронившимся лучом; а здесь явились какие-то два огромные окна, подобные церковным; нельзя ли как можно более поубавить света и чтобы на полу был простой отблеск, а не целые огромные окна» (Там же. С. 446).

В переводе Жуковского проявилось своеобразие его нравственно-философской концепции человека и мира. Жуковскому была близка гуманистическая и просветительская идея поэмы Байрона о праве человека на физическую и нравственную свободу и неприятие насилия. Под влиянием личных впечатлений от Швейцарии как страны свободных граждан драматическая коллизия «Шильонского узника» – страдания за человеческое достоинство и свободу – приобретала для Жуковского высокий поэтический смысл. Художественная структура перевода «Шильонского узника» обнаружила близость поэтических систем Байрона и Жуковского. Вместе с тем Жуковскому был чужд бунтарский тираноборческий пафос Байрона: он не переводит предпосланного поэме «Сонета к Шильону», в котором звучит страстный гимн свободе. В своем переводе Жуковский смещает акцент с вопросов социальных в сферу нравственных, общечеловеческих проблем, по-своему развивая смысл последнего стиха «Сонета»: «They appeal from tyranny to God» (Они взывают от тирании к Богу). Позднее, в письме к Н. В. Гоголю, опубликованном под заглавием «О поэте и современном ему значении», говоря о Байроне – «духе высокоом, могучем, но духе отрицания, гордости и презрения» (ПСС. Т. 10. С. 86) и сравнивая его с Вальтером Скоттом – душой «светлой, чистой, младенчески верующей» (Там же. С. 85), Жуковский определяет высший смысл поэзии – быть Огкровением, находить и открывать «другим повсеместное присутствие духа Божия» (Там же. С. 84). Соединяя нравственно-религиозные и просветительские идеи, Жуковский делает перевод английской поэмы на язык русской повести, сохраняя «высокий, могучий дух» Байрона.

Русскому переводчику оказался интересен новый тип героя в художественном мире Байрона – не страдающий индивидуалист, а человек, насильственно обреченный на одиночество и страстно преданный своим братьям, тоскующий в неволе по красоте свободной жизни. Жуковский сохраняет гуманистический пафос поэмы и выдвигает на первый план историю духовной жизни страдающего и надломленного несчастными Бонивара и людей, связанных с ним.

Органическая близость перевода к оригиналу основана на том, что Жуковский, вслед за Байроном, структурообразующим началом своего произведения сделал антитезу «свобода» – «неволя», вложив в нее целый комплекс идей, связанных с представлениями о полноте духовной жизни человека. Закреплению принципа контраста, поэтической антитезы «свет – тьма» служил рисунок на заглавном листе первого издания, представляющий вид Шильона в два яруса: прекрасная картина со стороны Вильнева и изнутри – Бонниварова темница. Жуковский, следуя за Байроном, создает поэтическую систему, основанную на принципе параллелизма и повторов, охватывающих все формы повествования (наиболее часто используемые номинативные повторы контрастов с отрицательными частицами) и позволяющих выразить идею величия и трагизма универсального мира – бытия и небытия. У Байрона: «I had no thought, no feeling – none – // Among the stones I stood a stone (...) It was not night – it was not day; // It was not even the dungeon-light» (У меня не

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh было ни мысли, ни чувсгва; среди камней камнем я стоял (...) Это было ни ночь, ни день, даже не тюремный свет). В переводе: «Без памяти, без бытия // меж камней холодным камнем я (...) // То было тьма без темноты; // То было бездна пустоты...»

Жуковский строго следует за Байроном в выборе размера – перевод сделан 4-стопным ямбом с мужскими окончаниями. Сохранена композиция повести из 14 глав.

Единственная допущенная вольность – перенесение семи последних стихов X главы в XII с прибавлением двух стихов, отсутствующих в оригинале: «Без месга на пиру земном // Я был бы лишний гость на нем». Эти сгихи навеяны Жуков-скому другим произведением на узническую тему – «La jeune captive» А. Шенье, по мотивам которого в 1819 году была написана баллада «Узник».

Вместе с тем перевод отличен от оригинала. По объему он превышает поэму Байрона на 42 сгиха. Начиная с первой главы, Жуковский отказывается от свой-ственной Байрону склонности к универсальным обобщениям вселенского масшта-ба, заменяя их доверительной интонацией, за которой просматривается внимание поэта к конкретному человеку и его судьбе. Перевод начинается стихом, отсутству-ющим у Байрона: «Взгляните на меня: я сед» – и им задается дружеский, тре-бующий участия тон всего повествования. Из перевода исключаются изысканно-романтические сравнения: «For he was beautiful as day – // (When day was beautiful to me // As to young eagles, being free) – // A polar day, which will not see // A sunset till its summer's gone, // Its sleepless summer of long light, // The snow-clad offspring of the sun...» (Потому что он был прекрасен, как день, когда день был прекрасен мне, как свободным молодым орлам – полярный день, который не увидит захода солнца до конца лета, бессонного лета длинного света, покрытого снегом дитя солнца). Жу-ковский переводит этот фрагмент из семи стихов тремя стихами: «Прекрасный, как тот дневный свет, // Который с неба мне светил, // В котором я на воле жил».

Жуковский «просветляет» текст Байрона и придает ему торжественно-возвышенный и «сладостный» характер при изображении «дневной» стихии. Бай-роновский ряд положительно-ценностной символики и таких определений, как «goodly», «earth», «sun», «sunny day», в переводе получает дополнительный отгенок: «сладостный день», «радующий свет», «пир земной». Жуковский вводит в поэти-ческий текст образы, связанные с религиозной тематикой. В описание младшего брата дважды используется образ «смирненного ангела», устраняются жесткие и рез-кие сравнения и усиливается благостная, небесная музыка чувств. В афорисгически точном переводе описания душевного кризиса Бонивара после потери последнего брата Жуковский вводит как высшую ценность идею Промысла, с утратой которого исчезает все (см. построчный комментарий).

Изменения в тексте и увеличение объема связаны с углублением Жуковским драматической коллизии поэмы за счет описания картин природы, получивших в переводе углубленное философское и психологическое наполнение. Работа Жуков-ского над системой эпитетов и метафор отмечена стремлением воссоздать самую текучесть жизни природы в ее оттенках, мимолетных изменениях, отражающих душевные переживания героя (см. построчный комментарий).

Перевод последней главы закрепляет сходство и различие байроновской поэмы и повести Жуковского «Шильонский узник»: они отмечены глубоким проникно-вением поэтов в психологию человека, обостренным интересом к драматической судьбе личности, утратившей в финале героические черты, и вместе с тем различ-ным осмыслением духовной драмы – у Жуковского отсутствует романтический максимализм и горечь Байрона, его место занимает милосердно-сострадательное отношение русского переводчика к герою, сохранившему интерес к «мирному» быту: «These heavy walls to me had grown, // A hermitage – and all ty own! (...) // with spiders I had friendship made, // And watched them in their sullen trade // had seen the mice by moonlight play...» (Эти мрачные стены мне понравились, приют отшельника – все мое! С пауками я был дружен и следил за ними в их мрачной работе, рассматривал мышь в игре лунного света). Перевод Жуковского: «И под-земелье стало вдруг // Мне милой кровлей... (...) // Паук темничный надо мной // Так мирно ткал в своем окне; // За резвой мышью при луне // Я там подсматривать любил...»

27 - 1368

Важной особенностью работы Жуковского над образом Бонивара является смяг-чение интонации рассказчика, что проявилось в изменении синтаксиса от первой публикации к С 5, когда почти все восклицательные знаки были заменены на точку с запятой. Редуцированная эмфатика способствовала усилению повествовательности.

Перевод Жуковского явился событием в русской литературе и критике. А. С. Пушкин, с нетерпением ожидавший «Шильонского узника» и сначала познako-мившийся с отрывками из него по статье О. Сомова, пишет 1 сентября 1822 года из Кишинева П. А. Вяземскому: «То, что я видел в С.(ыне) О.(течества), прелестно...»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Он на столбе, как вешний цвет, висел с опущенной главой»
(Пушкин. Т. 13. С. 44).

Через три дня в письме к брату он повторяет эту оценку: «То, что я читал из «Ш. (ильонского) Узн. (ика)», прелесть» (Там же. С. 45). Познакомившись с переводом, он пришел в восхищение. В письме к Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 г. он сообщал: «Перевод Жуковского est un tour de force. Злодей! в бореньях с трудно-стью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утра-тил первоначальную прелесть. Он уж не напишет ни "Светланы", ни "Людмилы", ни прелестных элегий 1-й части "Спящих дев"» (Там же. С. 48).

Критика 1820-х годов, непосредственно следовавшая за публикацией и чутко улавливавшая байроновские настроения в русской литературе, отметила «совершенство перевода» (Плетнев 77. А. Шильонский узник // Плетнев 77. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 67.) Об этом же писал О. Сомов в статье «Разбор Поэмы: Шильонский узник, соч. Лорда Байрона, пер. с Английского В. Жуковско-го»: «Г. Жуковский в полной мере постиг намерение Автора, вникнул в положение Шильонского пленника и почерпнул в Природе звуки, которыми действует на слух и душу своих читателей». (СО. 1822. № 29 ч. 79. С. 117). В статье «Письма на Кавказ» за подписью «Ж. К.» перевод Жуковского поставлен в ряд с «Кавказским пленником» А. С. Пушкина как «два прекрасных явления» и назван «свежим род-ником в пустой, знойной степи». «Не думаю, – пишет Ж. К., – чтоб Байрон где-либо нашел Переводчика – ближе, сильнее, красноречивее нашего Жуковского!» (СО. 1823. ч. 83. № 1. С. 3) Критики указали на сходство художественной системы Байрона и Жуковского, проявившееся в размере стиха («Жуковский употребил в переводе своем четырехстопные ямбы с одними мужскими рифмами. Падение сгихов сих весьма соответствует унылому и отрывистому рассказу Шильонского узника» – Сомов. С. 101), подчеркнули пристрастие поэтов к яркой антитезе («Тьма без темноты и образ без лица – Океан, задавленный мглою, есть выражение совершенно в духе Л. (орда) Байрона, . однако оно, кажется, принадлежит наше-му Переводчику» – Там же. С. 113), увидели «живопись поэзии», сказавшуюся в способности воссоздать деталями картину целого. Было отмечено своеобразие поэмы «Шильонский узник» в ряду произведений Байрона и значение перевода Жуковского для восприятия английского поэта в России. По словам П. А. Плетне-ва, Жуковский открыл для читателя нового Байрона: «После прозаических пере-водов мы начинали было с его именем соединять что-то странное, темное, а чаще ужасно-непонятное. Но, судя по переводу Жуковского, видимо, что он прост, ясен, и естествен» (Плетнев. С. 63.). Критика 1830-х годов, отмечая «гармоничность» и «музыку» языка Жуковского, закрепила за переводом «Шильонского узника» определение жанра элегии и про-тивопоставила художественную манеру Жуковского байроновской: «Все говорят, что переводы Жуковского верны и прекрасны. Мы согласны в этом, но не ищите в них различия красок, разнообразия тонов – они верны сущностью, но не выраже-нием (...). Для убеждения в этом сличите "Шильонского узника" с подлинником – совсем другой цвет, совсем другой отлив, хотя сущность верна! Байрон – дикий, порывистый, вольный, eternal spirit of the chainless mind [цит. первая строка «Со-нета к Шильону». – Э. Ж.], делается мрачным, тихим, унылым певцом в переводе Жуковского» {Полевой Н. А. Баллады и повести В. А. Жуковского // Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. ч. 1. С. 136}.

Пушкинскую традицию высокой оценки перевода Жуковского продолжил В. Г. Белинский: « (...) наш русский певец тихой скорби и унылого страдания об-рел в душе своей крепкое и могучее слово для выражения страшных подземных мук отчаяния, начертанных молниеносною кистию титанического поэта Англии! "Шильонский узник" Байрона передан Жуковским на русский язык стихами, от-зывающимися в сердце как удар топора, отделяющий от туловища невинно осуж-денную голову... Здесь в первый раз крепость и мощь русского языка явилась в колоссальном виде, и до Лермонтова более не являлась. Каждый стих в переводе "Шильонского узника" дышит страшною энергиею...» (Белинский. Т. 7. С. 209.) Опыт перевода поэзии Байрона, глубокое проникновение в философские и нравственно-психологические проблемы его творчества, создание адекватной фор-мы художественного выражения их получило творческое воплощение и развитие в стихотворении Жуковского «Море», новизну звучания которого отметил И. В. Ки-реевский: «Кажется, все струны прежней его лиры отозвались здесь в одном душев-ном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии» (Литературная газета. 1830. Т. 1. № 8. С. 64).

Значение перевода Жуковского для русской литературы огромно. В «Ши-льонском узнике» начата разработка темы узничества и пленников. (См.: Жирмун-ский В. М. Пушкин и Байрон. Л., 1978. С. 288–291.) Размер стиха – 4-стопный ямб с мужскими окончаниями – оказался ритмическим новшеством, получившим раз-витие в творчестве

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
самого Жуковского («Суд в подземелье»), Лермонтова (ранние поэмы, «Мцыри»).
Подробнее см.: Жирмунский В. М. Стих и перевод (Из истории ро-мантической поэмы)
// Русско-европейские литературные связи М.; Л., 1966. С. 430.

* Черновой текст предисловия кончается словами: «Переводчик с поэмою Бай-рона в руке посетил сей замок и подземную темницу Бонивара: он может засви-детельствовать, что описания поэта имеют прозаическую точность» (РНБ. Оп. 1. № 29. л. 57). Кроме того, в архиве поэта сохранился еще фрагмент предисловия, восходящий к справке самого Байрона, почерпнутой из книги швейцарского на-туралиста и историка Жана Сенебье «Histoire litteraire de Geneve»: Хильонский узник – Франциск Бонивар был сыном Людвига Бонивара, жившего в Се-сене. Родился в 1496 году, он воспитывался в Турине, а в 1510 Жан Эме Бонивар, дядя его, отдал ему богатое Сен-викторское приорство, находившееся близ Женевы, где он по-селился.

Сей великий человек – Бонивар заслуживает имя великого по силе души, честности ха-рактера, благородным намерениям, мудрости и живости ума, обширности знаний и твер-дой неустранимости в действовании – сей великий человек, которого героическая добро-детель производит удивление, заслуживает благодарности – остался и всегда останется в памяти граждан Женевы, которые произносят имя его с уважением и благодарностью. Он был одною из самых твердых опор республики и за ее свободу пе щадил собственной жизни. Для победы избранного им отечества он жертвовал спокойствием и удовольствия-ми жизни, он служил ему как ревностный гражданин; защиил его как герой и написал его историю с простосердечием философа, с живостью патриота.

В истории своей Бонивар для выгоды Женевы объявил себя патриотом, противником Епископа и Герцога Савойского и в 1519 году сделался мучеником. Желая скрыться в фри-бурге от преследования герцога, вступившего с 500-стами воинов в Женеву, он был предан власти, отвезен в Гроле, где целых два года страдал в заточении. Несчастье не охладило его патриотического рвеня и в 1530 году, будучи схваченным в горах Юры, отдан во власть герцога, который заключил его в Хильонский замок. Более шести лет продолжалось его за-точение, в 1536 году он был освобожден Бернскими войсками, овладевшими замком и всем кантоном Вауд. Бонивар, по освобождении своем, нашел Женеву свободной. Исповедание реформаторское в ней утвердилось. Республика сторицей вознаградила его за те несчастья, которые пре-терпел он для ее блага: он получил права женевского гражданина и принят был в Большой Совет. Бонивар до конца жизни действовал для пользы Отечества. Будучи настоящим христианином, он старался распространять благодетельную терпимость и имел в том совершенный успех: кто проповедует с любовью, тот всегда проповедует убедительно. Бо-нивар был учен: его манускрипты, находящиеся в Женевской публичной библиотеке, дока-зывают, что он имел глубокие сведения в истории и Богословии. Женева много обязана ему своим просвещением. В 1551 году он отдал ей свою библиотеку, а по смерти сделал своею наследницею. Он умер около 1570 года (РНБ. Оп.1. № 29. л. 58).

Ст. 1–2. Взгляните на меня: я сед: /Ино не от хилости и лет... – В автографе № 1 (далее: а 1, а 2, а 3, а 4): «Смотрите на меня – я сед, // Но не от старости и лет...»

Ст. 15. Нас было шесть – пяти уж пет... – В а 1 и первой публикации текст иной: «Нас было семь – шести уж нет...» На эту «вольность» в сравнении с ориги-налом указал О. Сомов (Сомов. С. 101), и Жуковский сделал правку в последующих изданиях.

Ст. 29. Покрыты влажным мохом лет... – В а 1, а 3: «Седых от сырости и лет...»

Ст. 35–36. Он светит тускло-одинок, / Как над болотом огонек..... – В а Г. «Он брезжит тускло-одинок, // Как над трясинной огонек».

Ст. 114. Печальный свод... – В а 3: «Темничный свод...»

Ст. 258. Все бледным, темным, тусклым мне... – В а 1: «Все бледным, черным, тусклым мне...»

Ст. 270. Без Промысла, без благ и бед... – В а 1: «Без благ и бед (сверху надписано: «без Бога») нет жизни».

Ст. 271–272. Ни жизнь, ни смерть – как сои гробов, // как океан без берегов... – В а 1 варианты: а) «Как озеро без берегов...»; б) «Одно молчанье, сон гробов...»; в) «Одно молчание кругом / Не сон, не смерть – как озеро без берегов...»

Ст. 325. Вдруг новое в судьбе моей.... – В а 1: «Мой тяжкий жребий сгал сносней...»

Ст. 338. Не смея братних лишь могил... – В а 1: «Страшился братних лишь могил».

Ст. 365. Веков создание – снега... – В а 1: «Там неприступные снега...» Ст. 368.

И Роны плещущий поток... – В а 1: «И Роны голубой поток...» Ст. 371. Бегущих, бьющих по скалам... – В а 1: «Летящих, бьющих по скалам...» Ст. 373. Сверкали ясны облака... – В а 1: «Летели – зач.) Мелькали светлы об-лака...»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Ст. 374. И быстрый парус челнока... – В а 1: «И легкий парус челнока...» Ст.
392*летя, скрывался вдалеке... – В а 1): после этого сгиха следовал текст: «И
рыба в солнечных лучах // Играла, прыгала в водах...»

Э. Жилиякова

Перчатка

Повесть («Перед своим зверинцем...») (С. 48)

Автографы:

1) РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 4876 – черновой, неполный (ст.
1–28), написанный карандашом на полях страницы с печатным текстом немецкого
подлинника, вырванной из принадлежавшей Жуковскому книги: Fr. Schillers
sammtliche werke: In 12 Bände. Bd. IX. Abt. 1. Stuttgart und Ttbingen, 1814. S.
129–130.

2) пд. 87 6/6. (Библиотека Жуковского. Онегинское собрание.) Fr. Schillers
sam-ntlіche werke: In 12 Bände. Bd. IX. Abt. 1. Stuttgart und Tubingen, 1814. S.
131 – черновой, неполный (сг. 29–40), записанный карандашом на полях страницы с
текстом повести и представляющий собой органическое продолжение вышеопи-санного
автографа. На верхнем форзаце этого тома из библиотеки Жуковского сохранилась
следующая запись, сделанная А. Ф. Онегиным-Отто: «Много стихот-ворных переводов
Жуковского, но страница 129–130 («Перчатка») кем-то давно вырвана».

3) РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 43 об. – 44 об. – черновой, полный, с незначительной
правкой и разночтениями с печатным текстом (см. постишный комментарий).
Впервые: Муравейник. № 3. СПб., 1831. С. 13–14 – с заглавием: «Перчатка» и
подзаголовком: «Повесть», без подписи и указания на источник перевода.
В прижизненных изданиях: БИП, БП, С 4–5 – без разночтений с тек-стом первой
публикации. В БИП, БП и С 4 – без указания на источник перевода; в С 5 (Т. 4. С.
192–194) – в подборке произведений 1829 г. – с указанием в оглав-лении в
скобках: «Из Шиллера». В «Общем оглавлении» также датировано 1829 г. Во всех
изданиях «Перчатка» имеет подзаголовок: «Повесть».

Датируется: 15–17 марта 1831 г., на основании указания Жуковского в
со-ставленном им рукописном перечне стихотворений 1831 г. (РНБ. Оп. 1. № 35. Л.
1, 8 об.).

Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Handschuh» («Перчатка»), имеющего в
подлиннике жанровый подзаголовок «Eine Erzählung» («Рассказ»). О работе над этим
сюжетом Шиллер сообщал в письме Гёте от 16 июня 1797 г.: «Я и стихотвор-ствовал
понемногу: написал небольшую параллель к "Нырлящику" [имеется в виду баллада
«Der Taucher», переведённая Жуковским под заглавием: «Кубок». – О. Л.], к чему
меня подстрекнул один анекдот из "Essays sur Paris" Сен-фуа (И.-В. Гёте, Ф.
Шиллер. Переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 360). Работу над текстом «Перчатки»
Шиллер закончил 19 июня 1797 г., а 21 июня того же года Гёте, ознакомившись с
текстом стихотворения, высоко оценил его в письме к Шиллеру: «В "Перчатке"
чрезвычайно удачный сюжет и отлично удавшееся исполнение; впредь вам следует
тотчас же использовать подобные сюжеты, едва они придут в голову. Здесь
вопло-щается исключительно чистое деяние, без цели или, точнее, с извращённой
целью, что доставляет нам особое удовольствие» (Там же. Т. 1. С. 361). Повесть
«Перчат-ка» была впервые опубликована в «Musenalmanach ftir das Jahr 1798».

Исторический анекдот, положенный Шиллером в основу сюжета повести, вос-ходит к
сочинению французского мемуариста Пьера де Бурделье Брантома (1540–1614) «Жизнь
придворных дам» (1665–1666), где он изложен следующим образом: «Расскажу ещё
придворный анекдот старинного времени о придворной даме, пла-менно любимой М.
Делоржем, благородным человеком, который в свои молодые лета был одним из
храбрейших и почитаемых пехотных командиров. Дама, много наслышанная о его
храбрости, пожелала получить доказательство того, что хра-брость рыцаря
равняется толкам о ней. Однажды, когда король франциск I раз-влекался зрелищем
битвы между львами в окружении своих придворных, дама уронила перчатку в загон
со львами, показав себя более свирепой, чем эти бестии, и попросила Делоржа
пойти сразиться с ними, если он любит её так, как утверждает. Он, нисколько не
удивившись, с твёрдостью надел каску, взял в руку меч и, конеч-но, пошёл
сразиться со львами, чтобы вернуть перчатку даме. Поскольку фортуна ему
благоприятствовала, на лице его играла улыбка, а острие меча было угрожаю-ще и
уверенно нацелено на львов, последние не осмелились на него напасть, и, добыв
перчатку, он вернулся к своей возлюбленной и вернул её ей; за это она и все
присутствующие громко славили его. Но, говорят, что раздосадованный Делорж
покинул даму и прервал свои отношения с нею, сочтя их цену для себя слишком
высокой. Говорят также, что с досады он бросил перчатку ей в лицо, поскольку он
предпочёл бы, чтобы она стократно потребовала от него обратить в бегство
ба-тальон пехоты, каковое действие ему хорошо знакомо, а не сражаться с дикими
зверьями, поскольку подобная битва не приносит воинской славы. Конечно, такие
истории нельзя назвать ни прекрасными, ни порядочными; и особы, так

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh поступаящие, достойны всяческого осуждения» (Les dames galantes par seigneur de Brantome. Paris, 1834. Vol. 2. P. 227–228. Перевод мой. – О. Л.).

В книге французского писателя Жермена франсуа Сен-фуа (1698–1776) «Очерки истории Парижа» («Essays historiques sur Paris»), изданной в Лондоне в 1759 г. и послужившей непосредственно источником повести, этот анекдот изложен в главе «Львиная улица» следующим образом: «Эта улица своё название получила от по-строек и дворов, в которых запирались большие и малые королевские львы. Однажды, когда франциск I готовился посмотреть бой своих львов, одна дама уронила свою перчатку и сказала Делоржу: "Если хотите уверить меня, что вы так любите, как ежедневно клянётесь, то подымите мне перчатку". Делорж сходит вниз, берёт перчатку из середины этих ужасных животных, всходит опять назад, бросает перчатку даме в лицо и с тех пор не хотел её более видеть, несмотря на неоднократные предложения и намёки с её стороны» (Цит. по: Цветаев Д. В. Баллады Шиллера: Опыт объяснения. Воронеж, 1882. С. 50).

Как явствует из переписки Шиллера и Гёте, сюжет этого анекдота соотносится в сознании обоих поэтов с легендой о ныряльщике Николае Рыбе, которая легла в основу сюжета баллады «Ныряльщик»: ср. в письме Гёте к Шиллеру от 21 июня 1797 г.: «Возвращаю вам "Перчатку", которая действительно представляет собой удачную параллель и антитезу к "Ныряльщику"» (И.-В. Гёте, Ф. Шиллер. Переписка. Т. 1. С. 362). Комментатор стихотворения Шиллера А. Г. Горнфельд в качестве основного элемента «сходства и противоположностей обоих сюжетов» отмечает «психологическое сходство героев, вызвавших возможность катастрофы, (...) само-дурство короля и дамы» (Собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова: в 4 т. Т. 1. СПб., 1901. С. 427).

Судя по тому, что черновой автограф перевода «Перчатки» (РНБ. Оп. 1. № 30. л. 43 об.) в рабочей тетради Жуковского расположен почти вслед за заключительными строками баллады «Кубок» (л. 41 об. – с датой: «10 марта»), а дата: «15 марта», которой отмечено начало работы над переводом «Перчатки», является ближайшей к дате завершения работы над переводом «Кубка», Жуковский также воспринял эти сюжеты как тесно взаимосвязанные.

Перевод Жуковского близок к тексту подлинника в смысловом отношении (русский поэт только опустил имя дамы: у Шиллера Кунигунда). В формальном отношении отступления от подлинника сводятся к перемене метра – тонический стих Шиллера Жуковский передал вольным ямбом с чередованием количества стоп в стихах от 1-й до 6-ти, а также слегка сократил количество стихов (67 – в подлиннике, 60 – в переводе). Изменения коснулись также композиции повести. В тексте Шиллера восемь астрофических единиц, разделённых графическими про-белами; каждая единица соответствует законченному смысловому отрезку сюжета. В переводе Жуковского таких смысловых единиц пять, за счёт того что русский поэт объединил три астрофических фрагмента, повествующих о последовательном появлении льва, тигра и барсов, а также два эпизода, описывающих падение перчатки и приказание дамы рыцарю Делоржу.

Перевод повести «Перчатка» стал сразу же известен в ближайшем дружеском круге Жуковского. Пушкин упомянул о нём в письме к П. А. Вяземскому от 11 июля 1831 г.: «Жуковский всё ещё пишет. Он перевёл несколько баллад Соувея, Шиллера и Гуланда. Между прочим, Водолаз, Перчатку, Поликратово кольцо etc» (Пушкин. Т. 14. С. 175). Н. А. Полевой в своей рецензии на сборник «Баллады и повести» упомянул «Перчатку» в ряду переводов немецких баллад Бюргера, Уланда и Шиллера (Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика. М., 1990. С. 207). В «Дневниках» за 1840 г. В. К. Кюхельбекер, познакомившись с С 4, отметил, что «Перчатка» является «образцовым переводом, хотя, кажется, размер подлинника и не соблюден» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 390). Наконец, В. Г. Белинский включил «Перчатку» в перечень «или лучших, или самых характеристических его [Жуковского] произведений», определив жанр этого произведения как «баллада» (Белинский. Т. 7. С. 213).

До и после Жуковского русские поэты и переводчики неоднократно обращались к повести Шиллера: в 1822 г. её перевёл И. Покровский (Благонамеренный. 1822. ч. 17. С. 238); в 1825 г. – М. Загорский (Северные цветы на 1825 год); в 1829 г. – М. Ю. Лермонтов (его перевод впервые опубликован в 1860 г.) и Н. Девите (Дамский журнал. 1829). Полную библиографию русских переводов «Перчатки» см.: Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Т. 1. С. 427. Сост. С. А. Венгерова.

Ст. 3. Король франциск сидел... – франциск I (1494–1547), король франции с 1515 по 1547 г. Приверженец принципа единодержавной неограниченной власти, блестящий рыцарь, обладавший прекрасным литературно-художественным вкусом, франциск I собрал вокруг себя многолюдный двор, при котором большую роль играли дамы и были очень популярны всякого рода рыцарские развлечения. На время царствования франциска I приходится расцвет французского Ренессанса: деятельность учёных и

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
писателей College de France (Лефевр, Детапль, Клеман Маро, Деперье), творчество
Франсуа Рабле и французский период творчества Леонардо да Винчи, Андреа дель
Сарто и Бенвенуто Челлини, приглашённых Франциском I.

Ст. 15–18. Кругом глаза угрюмо водит ~ Пошевелил густою гривой... – В автографе
РНБ (№ 3) имеется следующий более ранний вариант этих стихов:

Кругом глазами долго бродит и вот, всё гордо оглядев, Широкий лоб наморщил,
Густую гриву натопорщил...

Ст. 36. И зарычали, и легли... – В автографе № 3 с разночтением: «И заворчали, и
легли...»

Ст. 38–40. Вдруг женская с балкона сорвалась ~ Она упала меж зверей... – Ср.
черновой вариант этих стихов в автографе № 3:

а) Перчатка лёгкая летит...

б) Перчатка дамская упала. – Все взорами следят за ней – Она легла между
зверей...

Ст. 55. Спокойно всходит на балкон... – В автографе № 3 с разночтением:
«Бес-печно всходит на балкон...»

Ст. 58–60. Но, холодно приняв привет ее очей ~ Он бросил и сказал: «Не требую
на-грады...» – В автографе № 3 сохранился более ранний черновой вариант
заключительных стихов:

Но на неё спокойно он взглянул, Перчатку ей в лицо швырнул И молвил: «Не прошу
награды».

О. Лебедева

Неожиданное свидание

Быль

(«Лет за семьдесят, в Швеции, в городе горном Фалуне...»)

(С. 50)

Автограф (пд. № 27807. л. 39 об.) – в «книге Александры Воейковой» черновой
набросок первых 24 стихов, в контексте других произведений 1818 г. («Тленность»,
«Кто слез на хлеб свой не ронял...»), без заглавия.

Впервые: Муравейник, 1831. № 3. С. 24–28 – с заглавием: «Неожиданное свидание.
Быль».

В прижизненных изданиях: БИП, БП, С 4–5. Везде с заглавием: «Не-ожиданное
свидание. Быль» в С 5 (Т. 5. С. 63–66) – в подборке произведений 1832 г., с
указанием в оглавлении в скобках: «Из Гебеля».

Датируется: 15–17 марта 1831 г. – на основании собственноручного списка
произведений, написанных в 1831 г. (РНБ. Оп. 1. № 35. л. 8 об.).

Переложение в стихах прозаического рассказа И.-П. Гебеля «Unverhofftes
Wie-dersehen» из его сборника «Schatzkastlein des rheinischen Hausfreundes»

(«Шкатулка рейнского домашнего друга»; 1811). Рассказ Гебеля восходит к
известному сюжету, воспроизведенному в книге Готхильфа Генриха Шуберта
«Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft» (1808). Впоследствии этот
сюжет использовал Ахим фон Арним (1810), но особенно он стал популярен после
появления в 1818 г. новеллы Э. Т. А. Гоф-мана «Фалунские рудники» в составе
первого тома «Серапионовых братьев».

Черновой набросок первых 24 стихов «Неожиданного свидания», относящийся к 1818
г., находится в «Книге Александры Воейковой» среди других переводов из Гебеля. В
тетради № 77 (РНБ. Оп. 1. л. 29) в списке, составленном Жуковским, «Нео-жданное
свидание» числится среди стихотворений 1818 г. Поскольку в дальнейшем текст был
переработан, приведем здесь редакцию ст. 1–24 из названной тетради:

В шведском Фалуне с тех пор уж прошло семьдесят лет и более –

Утром одним молодой рудокоп, со своей молодой,
Милой, прекрасной невестой прощался и нежно сказал ей:

«В день Святой Лукерьи нас обвенчают, тогда мм

Будем муж и жена и своим гнездом заведемся!»

«Да! И мир и любовь поселятся у нас» – отвечала

С ясной улыбкой невеста – тогда ты мне все! Без тебя же

Лучше быть в гробе, чем в месте другом». Но когда накануне

Дня Святой Лукерьи священник в церкви в другой раз

Громко воскликнул: «Кто ведает, нет ли законной препоны

Браку сему»: тогда представилась смерть. На другую ночь

Юноша в черном платье своем – Рудокоп не скидает

Черного платья – мимо дома ее на работу

Весело шел; он прежде стукнул в окно и сказал ей:

Доброе утро! Но «добрый вечер» уж не сказал он.

Он с работы назад не пришел и напрасно наутро

Черный платок с пунцовой каемкой она отложила –

Им нарядить к венцу жениха – не пришел он – и долго,

Долго она дождалась, когда ж не пришел он, подарок

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Свой она заперла и плакала горько и вечно
 Друга забыть не могла. ... Между тем Лиссабон Португальский
 Землетрясенье разрушило; на семь лет загорелась
 В целой Европе война и потухла; Франц император
 Первый скончался; и Иезуитов и Польши не стало.

фрагмент представляет собой довольно точный перевод текста Гебеля. Мысли о переложении этого произведения, видимо, не покидали Жуковского и позднее. Так, К. С. Сербнович 14 января 1830 г. записывает в дневнике: «После был у В. А. Жуковского (...). Василий Андреевич (...) рассказывал любопытные сюжеты для поэзии – рассказ о старухе, узнавшей своего любезного, отрытого в рудокоп-не, где он пробыл 50 лет и сохранился как юноша» (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 258). В марте 1831 г. Жуковский возвращается к своему давнему замыслу, в мартовском же номере «Муравейника» повесть была уже опубликована. К сожалению, автограф этого перевода до сих пор обнаружить не удалось. По сравнению с первым наброском, этот текст отличается большей выверенностью деталей (Жуковский откачивается, например, от упоминания католического праздника – дня St. Lucia, от такой детали, как черный платок с пунцовой каемкой, которым невеста должна была нарядить жениха к венцу – все это мало что могло сказать русскому читателю; уточняется время суток, когда рудокоп отправился на работу). В дальнейшем текст практически не подвергался правке. При публикации в С 5 Жуковский добавляет лишь подзаголовок «из Гебеля», давая его, впрочем, только в оглавлении, были сделаны также некоторые стилистические замены: в ст. 5–6 вместо «И в нашей убогой хижине» – «И в нашей убогой хилсиике»\ в ст. 11 «... рудокоп никогда не снимает» – «рудокоп никогда не сымает»; имя французского короля «Людвиг» первоначально звучало «Людовик»).

Гебелем сделано примечание к рассказу, где указывается, что он основан на реальном событии. Жуковский же дает своему переводу жанровый подзаголовок: «Быль». Переложение осуществлено с некоторыми изменениями оригинала: опущены или наоборот добавлены описания ряда событий, произошедших за время между исчезновением молодого рудокопа и его «свиданием» с состарившейся невестой. В переложении не вошли некоторые политические и исторические факты, по-видимому, по причине их малоизвестности русскому читателю (например, казнь датского государственного деятеля Струэнзе, борьба между французами и испанцами за Гибралтар, завоевание шведским королем Густавом Финляндии и др.). На этом фоне весьма примечательно введение Жуковским в текст стихов о казни Людовика XVI, смерти Екатерины II, о коронации Наполеона I и о его падении (ст. 26–31) вместо перечисления Гебелем таких исторических событий, как завоевание Наполеоном Пруссии, обстрел Копенгагена и др. Благодаря определенному отбору исторического материала, упоминающегося в произведении, в нем создается примечательный хронотоп: вымышленное событие из частной жизни помещается во вполне конкретный и многое говорящий русскому читателю исторический контекст. Есть изменения и в описании самого «свидания»: интимные, мелодраматические интонации заменены символично-мифологическими акцентами, связанными с одной из любимых идей Жуковского о жизни как вечном движении. Самым же главным изменением можно считать факт переложения прозы стихами, а именно – гекзаметром, синтетическим метром, сочетающим возможности ритмической организации текста и повествовательный стиль. Эти художественные эксперименты Жуковского были оценены по достоинству даже теми, кто ранее весьма осгорожно к ним относился (см. о полемике вокруг гекзаметра Жуковского и его переводов из Гебеля в комментариях к «Овсяному киселю»). В. К. Кюхельбекер писал, например, в своем дневнике 21 октября 1840 г.: «... анекдот "Неожиданное свидание" рассказан умирительно прекрасно» (Жуковский в воспоминаниях. С. 300). Отмеченными оказались именно особая жанровая природа произведения и тип повествования в нем. В. Г. Белинский относил «Неожиданное свидание» к числу «замечательных переводов» Жуковского (Белинский. 7, 213).

Ст. 20–21.... весь Лиссабон уничтожен был страшным / Землетрясеньем... – Лиссабонское землетрясение 1755 г. является одной из наиболее известных катастроф.

Ст. 21. ... война семилетняя кончилась... – Семилетняя война 1756–1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией, Португалией, с другой.

Ст. 21–22. ... умер / Франц император... – Имеется в виду Франц I (1708–1765) – император Священной Римской империи с 1745 г.

Ст. 22. ... был иезуитский орден разрушен... – В 1773 г. папа Климент XIV распустил орден иезуитов.

Ст. 23. Польша исчезла... – Петербургскими конвенциями 1770–1790-х гг. территория Речи Посполитой была разделена между Пруссией, Австрией и Россией.

Ст. 23_____скончалась Мария Терезия... – Мария Терезия (1717–1780) – австрийская

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
эцгерцогиня с 1745 г.
Ст. 23–24. ... умер / Фридрих Великий... – Фридрих II (1712–1786), прусский король с 1740 г., известный полководец.
Ст. 24. ... Америка стала свободна... – В ходе войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 г. было образовано независимое государство США (1776 г.).
Ст. 24–25. ... в могилу / Лег император Иосиф Второй... – Иосиф II (1741–1790) – австрийский эцгерцог с 1780 г., соправитель своей матери Марии Терезии, император Священной Римской империи с 1765 г.
Ст. 25–26. ... революции пламя / Вспыхнуло... – Речь идет о Великой французской революции 1789–1794 гг.
Ст. 26. ... король Людвиг, возведенный на плаху... – Имеется в виду Людовик XVI (1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., свергнутый народным восстанием, осужденный Конвентом и казненный.
Ст. 27. ... на русском престоле / Не стало Великой Екатерины... – Екатерина II (1729–1796) – российская императрица с 1762 г.
Ст. 28–29. ... новый I Сильный воздвигся (...) и рухнул... – Имеется в виду провозглашение Наполеона I императором в 1804 г., в 1814 г. он вынужден был отречься от престола, в марте 1815 г. вновь занял французский престол, вторично отрекся 22 июня 1815 г.
Ст. 44–46. Мертвый товарищ умершего племени, чуждый живому ~ Зрителей... – Это поэтическое описание отсутствует у Гебеля.
Ст. 56. ... разогрелось сердце... – В первой публикации, в БИП и С 4 читается: «разгорелось сердце». По-видимому, в С 5 – опечатка. Но так как речь идет о дефинитивном тексте, оставляем его без изменения
И. Айзикова
Ст.
Две были и еще одна
(«День был ясен и тепел; к закату сходящее солнце...») (С. 52)
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 71–74 с об.) – черновой, без заглавия, 1–217 (далее листы из альбома вырваны). Начало рукописи помечено Жуков-1м датой: «29 мая».
Впервые: Муравейник. 1831. № 4. Апрель. С. 1–16 – с заглавием «Две были и еще одна». В архиве поэта (РНБ. Оп. 2. № 5. Л. 1–16) сохранился печатный экземпляр этого журнала с карандашными поправками Жуковского. Напротив ряда стихов (146, 150, 258) «Двух былей» на полях имеется помета: «a la ligne» (в ряд, отбить строку. – фр.) –
В прижизненных издан и я х: БИП, БП, С 4–5. Во всех изданиях под заглавием: «Две были и еще одна». В С 5 (Т. 5. С. 15–35) – в подборке произведений 1832 г. Датируется: 29 мая – 11 июня 1831 г. – на основе собственноручного списка произведений, написанных в 1831 г. (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об.)
Переложение трех разных произведений – баллад Р. Саути «Maгу, the Maid of the Inn» (1796), «Jaspar» (1798) и прозаического рассказа И.-П. Гебеля «Kannitverstan» из его сборника «Schatzkastlein des rheinischen Hausfreundes» (1811), восходящего, как это установлено Ю. Д. Левиным, к сюжету рассказа «Le parisien a Amsterdam» («Парижанин в Амстердаме») из французского издания «Almanach des prosateurs» (Paris, 1805. P. 185–187). Об этом см.: Ог Карамзина до Чехова: к 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. Томск, 1992. С. 89–93.
Переложение баллад осуществлено с небольшим изменением объема (у Саути первая баллада состоит из 21 строфы по 5 стихов, у Жуковского им соответствуют ст. 22–145, вторая баллада содержит 45 четверостиший, у Жуковского – ст. 151–257), без разбивки на строфы, а главное – с изменением размера подлинника: строфический амфибрахий, перемежающийся с анапестом, заменен гекзаметром. Характерно, что при переводе баллад Саути Жуковский место действия из Англии перенес в Германию, небольшой островок на Рейне. Гекзаметром выполнено и переложение прозаического рассказа Гебеля (от ст. 265). Свою точку зрения на этот размер Жуковский высказал еще в предисловии к «Красному карбункулу», переводу стихотворной повести Гебеля (1816), где утверждал целесообразность его применения к «простому рассказу». Особое значение он придает разговорно-сказовому гекзаметру и в «Двух былях и еще одной»: все три составляющие этой повести, по точному выражению Ц. Вольпе, были переведены Жуковским «на язык гебелевских идиллий» (Стихотворения. Т. 2. С. 483). Именно это обстоятельство сразу бросилось в глаза современникам Жуковского. В. К. Кюхельбекер, записывая свои впечатления о повести 21 октября 1840 г. (после прочтения ее в С 4), отмечает: « "Две были и еще одна" (с аллеманского) не без большого достоинства, однако, по-моему, уступает старому моему знакомцу "Красному карбункулу". Жуковский едва ли не примирил меня опять с экзаметром» (Жуковский в воспоминаниях. С. 300). А. С. Пушкин также воспринял повесть в

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu... связи с «Красным карбункулом» как логическое и закономерное продолжение начатых Жуковским еще в 1816 г. художественных опытов в области жанра и стихосложения. В письме П. А. Вяземскому от 11 июня 1831 г. из Царского Села он сообщает: «Жуков-ский (...) теперь пишет сказку гекзаметрами, вроде своего "Красного карбункула", и те же лица на сцене. Дедушка, Луиза, трубка и проч. Все это явится в новом издании всех его баллад, которое издает Смирдин в двух томиках. Вот все, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах» (Пушкин. Т. 14. С. 175).

Произведение действительно создавалось для задуманного издания «Балла-ды и повести», оно даже специально отмечено астериском как не печатавшееся в предыдущем издании стихотворений. Наряду с другими балладами и повестями, созданными в 1831 г. и составившими вторую часть БИП (и вышедшие вслед за пер-вым изданием БП в одном томе), повесть обозначала «общую перспективу движе-ния, путь к новым формам художественного мышления» Жуковского (Янушкевич. С. 184). Вместе с тем это было программно-итоговое произведение. Кроме размера, сказового повествования в связи с этим весьма показателен возникающий здесь об-раз дедушки, который появился у Жуковского еще в 1816 г. в том же «Красном кар-бункуле» (на что и обратил свое внимание Пушкин) и в «Тленности». Эксперимен-ты 1810-х гг. сейчас приобретают законченную форму. Перед читателем предстает «поэзия во всем совершенстве простоты» (ПЖТ. С. 164). Жуковский стремился к этому, начиная со второй половины 1810-х гг., вполне осознавая тогда, что он стал работать «в совершенно новом и нам еще неизвестном роде». В «Двух былях и еще одной» читателю явлены конкретизация идиллических характеров, изображение природы как живого подвижного универсума. Для созда-ния народного колорита Жуковскому уже не нужно введение в текст русских имен, реалий быта (хотя в черновом автографе Эми была названа Марьей, вероятно, так Жуковский перевел английское Maгу). Атмосфера народности передается самим способом мышления рассказчика – дедушки. Конечно, Жуковский сохраняет, как и в ранних своих переводах из Гебеля, дидактизм, характерную для народного со-знания соотнесенность жизни природы и человека (см., напр., Оп. 1. № 53 – на об-ложке находится список произведений Жуковского, озаглавленный «Повести для детей», и среди них «Две были и еще одна»).

И вместе с тем «Две были и еще одна» – это был уже шаг к эпическому во-площению целостного бытия. Отсюда цикличность произведения – единого, но состоящего из множества. Это единство определяется целостностью мышления рассказчика – дедушки. Три разные были и связывающее их слово дедушки – это глубочайший и органичный синтез лирики и эпоса, смешного и страшного, мора-ли, философии и психологии. Романтическая концепция мира и личности сейчас осложняется такой категорией, как реальные, вполне будничные обстоятельства. Человек вводится в контекст повседневности. Установка на правдивость изобра-жения жизни была дана Жуковским уже в подзаголовке. В начале повести, напи-санном самим Жуковским в стиле идиллической поэзии Гебеля и представляющем собой по форме разговор дедушки с внуками, проводится специальное жанровое уточнение: в ответ на просьбу детей рассказать сказку дедушка говорит: «... все бы вам сказки! Не лучше ль послушать вам были? Быль расскажу вам и быль не одну, а две». Таким образом, «Две были и еще одна» демонстрируют активный процесс сближения поэзии и прозы в творчестве Жуковского.

С этим во многом и была связана выбранная в данной повести сказовая (ими-тирующая непосредственный устный рассказ) манера повествования. Именно в 1830-е гг., постоянно размышляя о «простом слоге», о соотношении поэзии и про-зы, о достижениях современной поэзии и прозы, Жуковский активно перелагает прозу в стихи. Однако позиция Жуковского в этом вопросе была довольно сложной и компромиссной, что доказывает, в частности, контекст «Двух былей и еще одной» в «Муравейнике»: повесть была опубликована в № 4, а в следующем – № 5 публи-куется противоположный опыт: «Каннитферштан. Быль», текст, представляющий собой прозаическое переложение третьей части повести «Две были и еще одна» (подписано: Р. П.). В предыдущих выпусках «Муравейника» находим подобные экс-перименты: в № 1 «Разговор деда с внуком» (подписано: М.) – прозаическое пере-ложение «Тленности»; в № 2 – «Пери и ангел» в прозе (подписано: RM). О «Мура-вейнике», его участниках, авторстве статей альманаха см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Книги, изданные для немногих // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1977. С. 324).

Весьма показательна в этом плане и работа Жуковского над текстом. Уже в чер-новом автографе очевидна тенденция к отказу от поэтических украшений текста в пользу его простоты и естественности, а также в пользу его звучания как непринуж-денной речи. Вместе с тем понимание «истинности» во многом возводится к идее психологической точности изображаемого материала, к принципу самовыражения автора. С этим также связано немало правок повести, начиная от чернового

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh авто-графа и кончая последним прижизненным изданием, причем большинство из них находим в первых двух частях произведения (см. постишный комментарий).

Ст. 23. Медленно с неба спускаясь, все осыпает лучами... – Этот стих в черновом автографе имел два варианта: а) «Тихо склонялся к западу, все украшает лучами...»; б) «Ясно катится с неба и все украшает лучами...». В «Муравейнике» появляется более простое описание, оно и становится окончательным вариантом, хотя в БИП Жуковский пробовал заменить глагол «осыпает» другим – «украшает».

Ст. 27–32. Быстро бегут по водам; а наша приходская церковь. / Окна ее, как огни, меж темными липами блещут; / Вкруг мелькают кресты на кладбище, и в воздухе теплом I Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькают; I Весь он полон говором, пеньем, жужжаньем... прекрасен / Мир Господень! сердцу так радостно, сладко и вольно! – Первоначальный вариант был более поэтически украшенным, но менее детализированным: «Быстро по Рейну бегут, осгавляя струю за собою; / В воздухе птицы парят, как рыбы в воде, и на солнце / Мошки блестящею пылью сверкают. Прекрасно Творенье / Господа Бога! Сердцу так радостно, сладко и вольно». Далее в автографе идет ст. 33, т. е. описание церкви отсутствует, слово «церковь» написано лишь на полях. Уже в «Муравейнике» появился окончательный вариант этих стихов, за исключением ст. 27, в котором было снято конкретное географическое название реки и который стал читаться: «Быстро бегут по водам» только в С 5.

Ст. 48–50. ... в землю глаза неподвижно уставив, по целым / Дням сидела она перед дверью трактира на камне. / Плакать она не могла, но тяжело, тяжело вздыхала... – В черновом автографе в этих стихах много зачеркиваний. Жуковский ищет точные средства передачи внутреннего состояния героини. Сначала зачеркивает: «в землю уставив свои неподвижные очи», затем пробует менять порядок слов, потом зачеркивает первоначальное: «целые дни проводила она перед домом на камне». Поэт переносит место действия – к двери трактира. После ст. 50 в черновом автографе, в публикациях «Муравейника», БИП и БП следует стих, отсутствующий в С 5: «Словно как бремя с души ей сдвинуть хотелось».

Ст. 60. Быстро туда указав, смеялась смехом безумным... – Черновик свидетельствует о большой работе, проведенной Жуковским для более точного изображения психологического состояния Эми. Возникают следующие варианты: «туда указав, смеялась страшной усмешкой», «туда указав, улыбалась безумной усмешкой». Окончательный вариант возник в публикации «Муравейника».

Ст. 101–103... Л в этом /Замке, все знают, нечисто; и в тихую ночь там не тихо; / Что же в бурю, когда и мертвец повернется в могиле? – Судя по черновому автографу и первым публикациям, Жуковский избавляется в ходе работы от явной фантастики, уводя ее в стиль. Ср.: «А в этом замке вся нечисть; и в тихую ночь непокойно; / Что же в бурю, от коей и мертвый проснется в могиле?».

Ст. 111. Эми сказала с усмешкой... – Первоначальный вариант дает другое психологическое состояние героини: «Эми сказала смиренно».

Ст. 114. ... но ветер выл и ревел; темнота гробовая... – Ср. в черновом автографе: «страшно шумел и тьма гробовая».

Ст. 120–121. Страшно... слушает... ветер снова поднялся и снова I Стих... – В черновом автографе: «Страшно. Стала подслушивать. Ветер опять заревел [снова завыл. – зач.] и умолкнул».

Ст. 158–159. ... в ночное /Позднее время Каспар засел и ждал... – Ср. в черновом автографе: «с злодейским замыслом ночью».

Ст. 162. Клены, глядясь в нее, стояли тихо, как черные тени... – В черновом автографе стих строился на резком контрасте: «Клены бросали длинные тени на свет-лую зелень».

Ст. 178–179. ... по слушайте дале. / Раз Каспар сидел за столом... – В черновом варианте отсутствовало обращение к слушателям: «Однажды в осенний / Вечер Каспар сидел у огня...»

Ст. 210. Слушал Каспар и в душе веселился... – В окончательном варианте вновь снимается заданность восприятия. Ср. в автографе: «С тайной радостью слушал Каспар».

Ст. 216–217. ... но тяжкая бедность, / Горе семьи, досада, хмель, темнота, обольще-ны... – В первоначальном варианте были несколько иные мотивировки поступка героя: «беспомощность, бедность, / Горе семьи, досада, хмель темнота и коварность [Каспара. – И. А.]».

Ст. 248. Волны разиупулись... – В некоторых изданиях сочинений Жуковского (см., напр.: ПСС. Т. 3. С. 100; СС 1. Т. 2. С. 291; СС 2. Т. 2. С. 271; Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 2000. С. 231) этот стих приводится в искаженном виде: «Волны раздвинулись...»

И. Айзикова
Сражение с змеем
Повесть

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh («Что за тревога в Родосе? Все улицы полны народом...») (С. 61)

Автографы:

1) пд. 87 6/6 (Библиотека Жуковского. Онегинское собрание). Fr. Schillers sam-mtliche werke: In 12 Bände. Stuttgart und Ttbingen, 1814. Bd. 9. Abt. 1. S. 105–106 – черновой, неполный (строфы 1–4). В оглавлении тома против заглавия стихотворения рукою Жуковского проставлена дата: «1831».

2) РНБ. Оп. 1. № 35. А. 1 об. – 3 – черновой, полный, с датами, проставленными в начале и конце автографа: «18 авг.(уста)» (А. 1 об.) и «22 авг.(уста)» (Л. 3). Копия (РНБ. Оп. 1. № 36. Л. 16–17) – рукою переписчика, с многочисленными поправками Жуковского и датами: «18–22 августа», проставленными рукою поэта. Впервые: Муравейник. СПб., 1831. №5. С. 3–12 – с заглавием: «Сражение с змеем», без подзаголовка: «Повесть» и без подписи.

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 4 – с незначительными разночтениями; в С 5 (Т. 4. С. 247–255) – в подборке произведений 1831 г., с подзаголовком:

«Повесть» и указанием в оглавлении в скобках: «Подражание Шиллеру».

Датируется: 18–22 августа 1831 г. на основании указаний в автографе и копии.

Вольное переложение стихотворения Ф. Шиллера «Der Kampf mit dem Drachen.

Romanze» («Борьба с драконом. Романс»).

Первое упоминание о работе Шиллера над этим стихотворением содержится в его письме к Гёте от 21 августа 1798 г. (И.–В. Гёте. Ф. Шиллер. Переписка. Т. 2. С.

125). 4 сентября того же года Шиллер отослал Гёте готовый текст стихотворения, назвав его «балладой». Впоследствии, при первой публикации («Musenalmanach für das Jahr 1799»), стихотворение получило жанровый подзаголовок «Romanze»: « ...

посылаю вам пока одну из баллад (...). Мне очень хотелось бы услышать, что я верно воспроизвёл христианско-монашеско-рыцарский дух сюжета и сочетал

несовместимые моменты в некоем гармоническом единстве. Хотя рассказ рыцаря получился длинноват, однако деталь эта была необходима, и расстаться с ней,

по-видимому, невозможно» (И.–В. Гёте, Ф. Шиллер. Переписка. Т. 2. С. 136–137). В ответном письме от 5 сентября 1798 г. Гёте высоко оценил стихотворение и

замечания, он очень хорош и вполне продуман» (Там же. С. 137).

Источником сюжета романа Шиллеру послужила книга французского историка Ренэ Обера Верто (1655–1735) «histoire des chevaliers de l'ordre de Malte» («История рыцарей Мальтийского ордена»), которую Шиллер изучал в период работы над

трагедией «Дон Карлос» (1787) и которая навеяла немецкому поэту стихотворения «Мальтийцы» и «Иоанниты» (1795–1796). К немецкому переводу книги Верто Шиллер

написал предисловие, в котором отозвался о мальтийском рыцарстве следующим образом: «Пламенное мужество соединяется в них со строгим послушанием, военная

дисциплина с монашеским повиновением, суровое самоотрицание, требуемое христианством, с необузданной отвагой, и, стоя непреборимой фалангой против

внешнего врага своей религии, они с таким же героизмом ведут вечную борьбу с могучим внутренним врагом человека – с его гордостью и самолюбием» (цит. по:

Собрание сочинений Ф. Шиллера в переводе русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова: в 4 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 436. комментарий А. Г. Горнфельда).

Сюжет, избранный Шиллером для романа, в высшей степени соответствует этой интерпретации мальтийского рыцарства. Действие рассказа приурочено к тому

периоду существования рыцарского ордена иоаннитов (орден основан в Палестине крестоносцами в начале XII века; название получил по первой резиденции:

иерусалимскому госпиталю, или дому для паломников, св. Иоанна), когда их основной резиденцией был Родос, остров в Эгейском море, входящий в группу Южные

Спорады – самый восточный из островов Греческого архипелага (Гоме-ровская Тринакрия). В период пребывания основной резиденции ордена на Родосе иоаннитов

называли «родосскими рыцарями», и только после их переселения на Мальту (1530 г.) орден получил название «Мальтийского».

Предание, послужившее источником сюжета для Шиллера, имеет полупоэтический, полуисторический характер. Время действия отнесено к периоду правления

гроссмейстера Гийома де Вильнёва (1332–1346); имя рыцаря, победившего дракона – Дьедонне де Гозон из Аангедока (ум. 1353). По свидетельству историка

Мальтийского ордена Ренэ Верто, чудовище, с которым сразился де Гозон, представляло собой что-то среднее между змеей и крокодилом и обитало в пещере у

подножия горы Св. Стефана в двух милях от города Родоса. Гроссмейстер запретил рыцарям сражаться с чудовищем из соображений христианской любви и благо-разумия.

Нарушителя запрета, рыцаря Дьедонне де Гозона, гроссмейстер покарал долгим отлучением и простил только после длительного покаяния последнего, по

ходатайству высших сановников ордена. Однако после смерти Вильнёва Гозон был избран гроссмейстером ордена по завещанию предшественника, который сделал его

своим преемником, вознаградив за двойной подвиг – рыцарской отваги и христианского смирения. Голова сражённого чудовища была прибита к городским

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский зhu во-ротам, Гозон правил орденom иоаннитов вплоть до своей смерти, а на его надгроб-ном камне была начертана надпись: «Draconis extincor» (буквально: «Потушивший [пламя] дракона» – лат.).

Как справедливо заметил А. Г. Горнфельд, в своей интерпретации старого ры-царского предания Шиллер сделал упор на «трагедии смирения», перенеся основ-ной акцент сюжета с «блеска внешних событий в глубину человеческой души» и придав основному сюжетному мотиву – единоборству рыцаря с драконом – глу-боко символический смысл: «за борьбой с драконом скрывается (...) иная, извечная борьба: борьба закона, общества, долга, установленного строя и т. д. с самовластной личностью» (Собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей. Т. 1. С. 436). Наряду с этим, как объективные свойства повествования сюжета в романсе, комментатор отмечает «объединение действия», его «сжатость» и «введение психологического момента», то есть очевидный эпический потенциал, реализованный в новеллистиче-ской трактовке балладно-романского лироэпического сюжета. Оба эти аспекта определили поэтику перевода Жуковского, который вернее было бы назвать «под-ражением» в терминологии русского поэта.

Перевод «Борьбы с драконом», получивший у Жуковского название «Сраже-ние с змеем», относится к числу трансформирующих и содержит принципиальные формально-смысловые новации, которые начинаются прямо с заглавия и жанро-вого подзаголовка. Процессуальное название «Der Kampf mit dem Drachen» (борь-ба – длящееся действие) Жуковский передаёт событийным «Сражение с змеем», сохраняя локализацию сюжета в реально-символическом происшествии, но огра-ничивая хронологические границы его развёртывания двойным событием: сраже-нием с чудовищем и обузданием гордыни. Жанровый подзаголовок: «Romance» в окончательном варианте подражания русский поэт заменил на подзаголовок «по-весть». Однако о том, что жанровое определение шиллеровского текста заставило Жуковского задуматься над поэтикой переложения, свидетельствует черновой на-бросок первоначального варианта перевода, выполненный так называемым «ис-панским размером» – белым четырёхстопным хореем со сплошными женскими клаузулами: Шум на улицах Родоса. Крик и плеск; народ теснится, И в толпе красивый рыцарь На коне, покрытом пылью,

28 - 1368

Едет тихо. Две собаки Рядом с ним бегут, от злобы лязгая зубами, лают. И за ним – какое диво! Тащут змея с отворенной Грозной пастью крокодила. Лапы с острыми когтями, Кровью налитые очи... Как живой он страшен мёртвый, И народ, дивуясь, смотрит То на рыцаря младого, То на змея, восклицая: «Посмотрите! Посмотрите! Он убит! Убит ужасный Пастухов и стад губитель! Вот его сразивший рыцарь: До него пыталось много Смелых витязей в опасный бой вступить, по все погибли! Ни один не возвратился!»

Этот перевод первых двух строф романса, записанный карандашом на нижней крышке переплётa девятого тома собрания сочинений Шиллера, принадлежаче-го Жуковскому (пд. 87 6/6. Schillers sammtliche werke: In 12 Bände. Stuttgart und Ttbingen, 1814. Bd. IX. Abt. 1; впервые: Лебедева. С. 192), свидетельствует о со-знательных поисках наиболее соответствующей формы для акцентации эпического потенциала сюжета, поскольку и этот избранный русским поэтом метр не соответ-ствует рифмованным четырёхстопным ямбаm оригинала. В окончательном вари-анте переложение Жуковского выполнено гекзаметром; 154 стиха соответствуют 25-ти двенадцатистишным строфам оригинала с рифмовкой ааББввГГддЕЕ.

Столь же значительны смысловые отступления от текста подлинника. Прежде всего, Жуковский радикально меняет мотивировку послушания рыцаря: «Doch an dem Herzen sagte mir // Der Unmut und die Streitbegier» («Но в сердце моем бунто-вали // Возмущение и жажда битвы»); ср.: «Но душу мою нестерпимо терзали // Бед-ствия гибнущих братий; стремленьем спасти их томимый...». С целью изменения психологической характеристики рыцаря русский поэт вставляет отсутствующие в подлиннике эпитеты «смиренно», «преклонивши голову», а в переводе 7–8 строф оригинала игнорирует мотивы рыцарской славы и доблести. Ср.:

Und zu mir selber sprach ich dann:
Was schmuckt den Jungling, ehrt den Mann?
Was leisteten die tapfern Helden,
Von denen uns die Lieder melden (...)
Sie reinigten von Ungeheuern
Die Welt in kühnen Abenteuern,
Begegneten im Kampf dem Leun
Und rangten mit dem Minotauren,
Die armen Opfer zu befreien,
Und liessen sich das Blut nicht dauren.
Ist nur der Sarazen es wert,
Dass ihn bekämpft des Christens Schwert?

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
(И я сказал себе: // Что украшает юношу, приносит честь мужу? // Что совершили
храбрые герои, // О которых поется в песнях? (...)) // Они очищали от чудовищ //
Мир в смелых приключениях, // Единоборствовали со львом, // Сражались с
минотавром, // Чтобы освободить бедные жертвы, // Они не щадили своей крови. //
Неужели только сарацин достоин того, // Чтобы его сразил меч христианина? –
Перевод мой. – О. Л.)

Таким образом, задиристый, тщеславный и нетерпеливый искатель подвигов Шиллера
обретает под пером Жуковского черты гуманности, смирения и законо-послушания;
такому герою смириться перед лицом закона, воплощенного в образе магистра,
совсем не так трудно, как его первообразу. Поэтому острый психологиче-ский
конфликт подлинника в подражании Жуковского сгладился и ушёл на второй план, за
счёт чего возросла самостоятельная ценнось события и акцентировалась
повествовательная установка.

В русском переложении шиллеровского романа отсутствует субъект повество-вания,
концентрирующий в подлиннике лирическую стихию. Все эти новации подчинены
жанровому переосмыслению романа Шиллера, которое и отражено в переложении
изменением жанрового подзаголовка: «романс» на «повесть».

Новшество Жуковского, перелагающего балладно-романсные сюжеты и лироэ-пические
подлинники эпическим метром (гекзаметр в его сказовой разновидности), не
осталось незамеченным в откликах его ближайших друзей, поэтов – ценителей
таланта Жуковского и русской критики. Так, А. С. Пушкин в своих письмах к П. А.
Вяземскому от второй половины августа – начала сентября 1831 г., то есть именно
в тот период, когда Жуковский работал над переложением шиллеровско-го романа,
сообщает о новом взлёте творческого вдохновения старшего друга: «У Жуковского
понос поэтический хотя и прекратился, однако ж он всё еще .... гекза-меграми»;
«Жуковский всё еще пишет; завёл 6 тетрадей и разом начал 6 стихотво-рений; так
его и несёт» (Пушкин. Т. 14. С. 207, 220).

В. К. Кюхельбекер, ознакомившийся с текстом «Сражения с змеем» по С 4 в 1840 г.,
воспринял новшество Жуковского сложно: оценив красоту стиха, он не со-гласился с
трансформацией подлинника: «Жуковский едва ли не примирил меня опять с
экзаметром. Впрочем, всё же не до такой степени, чтоб я сам стал когда-нибудь
опять им писать или даже одобрил его экзаметрических переводов "фридо-лина" и
"Сражения с змеем" Шиллера, в которых рифма и романтический размер не одни
украшения, а нечто такое, с чем душа моя свыклась с самого младенче-ства»
(Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. А., 1979. С. 390). Наконец, В.
Г. Белинский, невзирая на то, что подражание Жуковского столь значительно
отступает от формы и смысла оригинала, включил «Сражение с змеем» в число
«за-мечательных переводов Жуковского» (Белинский. Т. 7. С. 213).

После того как Жуковский создал вольное переложение романа Шиллера, рус-ские
поэты неоднократно обращались к этому тексту, но уже с переводческой уста-новкой
на близкую и даже точную передачу формы подлинника. В 1852 г. романс перевела
Авдотья Глинка (Москвитянин. 1852. Ч. 3, № 2), в 1880–1890-х гг. были созданы
переводы Ореста Головина (Р. Ф. Брандт) и Н. Голованова (Переложение О.
Головина. Киев, 1886; Голованов Н. Лирические стихотворения Шиллера. М., 1899).
Для четырехтомного собрания сочинений Шиллера под ред. С.А. Венге-рова новый
перевод выполнил П. И. Вейнберг (Сочинения Шиллера в переводе русских писателей:
в 4 т. СПб., 1901. Т. 1).

Ст. 3. Едет по улице рыцарь красивый; за рыцарем таиигт... – В автографе № 2 и
копи с различием: «Статный рыцарь по улице едет; за рыцарем тащат...»

Ст. 4. Мёртвого змея с кровавой разинутой пастью... – В автографе № 2 и копии –
другой вариант: «Длинного змея с кровавой разинутой пастью...»

Ст. 12–14. Был знаменитый Капитул собран в то время. Смирненно – Ломится сле-дом
за ним в палату парод. Преклонивши... – Эти сгихи читаются в автографе в иной
редакции: «Орден в то время был собран. С поклонным смиренным подходит// Ры-царь
к престолу гроссмейстера. Шумной толпою теснится // Следом за ним в палату
собравшись, народ. Преклонивши...». Переработка на канонический вариант – в
писарской копии. В первой публикации в «Муравейнике» ст. 13 с незначительным
разночтением: «Рыцарь идёт к престолу магистра; шумной толпою...»

Ст. 18. Могут стада выгонять па луга пастухи; на молитву... – ВС 4–5 этот сгих
напечатан следующим образом: «Могут стада выгонять пастухи; на молитву...». Эта
же редакция принята и во всех современных изданиях Жуковского. Однако, без слов:
«на луга» стих получается усечённым: не шести-, а пятистопным. В автографе он
читается: «Могут с стадами бродить по лугам пастухи, на молитву...», наконец, в
первой прижизненной публикации: «Могут стада выгонять на луга пастухи; на
мо-литву...». В подлиннике этот стих читается так: «Der Hirte treibe ins
Gefilde» (Пусть пастух пасёт [стада] в полях). Исходя из соображения о том, что
стих в редакции С 4–5 содержит не замеченную в своё время опечатку, нарушающую
размерность гекзаметра, мы восстановили его в наст. изд. по первой прижизненной

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh публика-ции.

Ст. 23. В чём обязанность главная рыцарей, верных Христовых... – В копии и пер-вой публикации: «В чём обязанность первая рыцарей, верных Христовых...».

Кано-нический вариант начиная с С 4.

Ст. 26. Все оробели. Но рыцарь, краснея, ответственвал: «Первый... – В копии вме-сто: «оробели» – «изумились».

Ст. 32. Волю закона исполнить хотел: одной осторожной... – В автографе: «Волю закона исполнить я мыслил: одной осторожной...»

Ст. 40–41. С змеем; и всё как будто бы чудилось мне, что небесный II Голос меня воз-буждал и твердил мне: дерзай! и дерзнул я... – В автографе: «С гибельным змеем. И вести всечасно о новых // Бедствиях слух мой разили. И свыше, казалось мне, голос // Тайный меня возбуждал и твердил мне: дерзай! и дерзнул я...»; в копии: «С ги-бельным змеем. И страшные вести о новых// Бедствиях слух мне ранили. И свыше, казалось мне, голос // Тайно меня возбуждал и твердил мне: дерзай! И дерзнул я...»

Ст. 45–46. Грозных чудовищ разить, но дерзкою силой искусство, II Мужеством мудрость должны управлять. И в таком убеждепьи... – В автографе: «Быть истре-бителем грозных чудовищ. Но силой искусство, // Мужеством мудрость должны управлять. И в таком убеждены...»; в копии: «Быть истребителем грозных чудо-вищ. Но силой – искусство, // Мужество, мудросгь должны управлять. И в таком убеждены...»

Ст. 56. Всё к предпринятому подвигу стал я готовить. Искусством... – В копии и первой публикации: «Стал к предпринятому подвигу всё я готовить. Искусством...».

Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 60. Круто вздымался; на длинной, гривистой шее торчала... – В автографе и копии вместо: «гривистой» – «щетинистой».

Ст. 65. Всё учредивши, двух собак, могучих и к бою... – В автографе и копии: «Всё устроивши, двух собак могучих и к бою...»

Ст. 67. Ими травил, чтоб привыкли они по единому клику... – В автографе и копии: «Ими травил, чтоб привыкли они по единому слову...»

Ст. 70. Я устремлялся на змея, и руку мою беспрестанно... – В автографе и копии: «Я нападал на змея и руку мою беспрестанно...»

Ст. 72. Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки... – В копии: «Конь мой, храпя, на дыбы подымался, и выли собаки...»

Ст. 73. Но наконец победило моё постоянство их робость... – В автографе и копии: «Но, наконец, моему уступила упорству их робость...»

Ст. 78. Дело начатое, слуг собираю моих и, учёных... – В автографе, копии, первой публикации и С 4: «Дело начатое, слуг моих я зову и, учёных...».

Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 80. Где богомольствовать сходится здешний народ: на утесе... – В автографе, копии, первой публикации и С 4: «К коей отвсюду приходит молиться народ: на утесе...».

Ст. 83. Трудно всходить на утёс, и доселе сей путь был опасен... – В автографе: «Трудно всхо-дить на утёс, и достойным сей путь был опасен...»; в копии: «Трудно

всхо-дить на утёс, и достойным сей путь был опасен...»

Ст. 86. Горе тому, кто дорогу терял! из тёмной пещеры... – В автографе и копии: «Горе тому, кто сбивался с пути! из тёмной пещеры...»

Ст. 87. Враг исторгался, добычу ловил и её в свой глубокий... – В копии: «Враг ис-торгался, добычу хватал и её в свой глубокий...»

Ст. 89. Девы пошёл я, там пал на колена, усердной мольбою... – В первой публи-кации: «Девы пошёл я, там пал на колена, усердной молитвой...».

Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 90. В помощь призвал Богоматерь, в грехах принёс покаянье... – В автографе, копии и первой публикации: «В помощь заступницу призвал, принёс покаянье...»

Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 98. Блещущим свившись клубом, вблизи он грелся на солнце... – В автографе: «Клубом лучистым свернувшись, вблизи он грелся на солнце...»; в копии: «Клубом огромным свернувшись, вблизи он грелся на солнце...»

Ст. 101. Вдруг он разинул огромную пасть, и их ядовитым... – В автографе, копии, первой публикации и С 4: «Вдруг он разинул огромные челюсти, их ядовитым...»

Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 113–114. Сильным ударом хвоста меня повалил и поднялся //дыбом, как столб, надо мной, и уже растворил он огромный... – В автографе, копии и первой публика-ции: «Сшиб меня с ног ударом хвоста и сам надо мною // Страшным столбом под-нялся и уже растворил он огромный...».

Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 118. Стиснувши зубы, собаки повисли на нём; я поспешно... – До С 4 был сле-дующий вариант: «Стиснувши зубы, собаки повисли на чреве; поспешно...»

Ст. 119–120. На ноги стал и бросился к ним, и меч мой вонзился II Весь во чрево

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu
чу-довища: хлынула чёрным потоком... – В автографе и первой публикации: «На
ноги став, я бросаю к ним, и меч мой вонзился // В самое сердце чудовища:
хлынула чёрным потоком...». Канонический вариант начиная с С 4.
Ст. 122. Телом меня заваливши, издох надо мною... – В автографе: «Телом меня
опрокинув, издох надо мной. Я не помню...»; в первой публикации: «Телом меня
опрокинув, издох надо мною. Не помню...». Канонический вариант начиная с С 4.
Ст. 126. Громкие клики; дрогнули своды палаты от гула... – В автографе вместо:
«от гула» – «от грома».
Ст. 130. Все замолчали. Тогда он сказал победителю: «Змея...» – В автографе и
копии: «Все замолчали. Тогда он сказал: «Ты ужасного змея...»
Ст. 131. Долго Родос ужасавшего, ты поразил, благородный... – В автографе и
первой публикации: «Долго Родос разорявшего, ты поразил, благородный...»
Канонический вариант начиная с С 4.
Ст. 135. Воли, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья... – В автографе и
копии: «Сердца, сеятель бед и раздоров, презритель смиренья...»; в первой
публикации: «Сердца, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья...».
Канонический вариант начиная с С 4.
Ст. 137. Может и враг ненавистный Христа, мамелюк; но покорность... – В
автографе, копии и первой публикации вместо «ненавистный» было: «поганый».
Канонический вариант начиная с С 4.
Мамелюки (араб. – невольник), воины-рабы, составлявшие гвардию династии
Айюбидов. В 1250 г. была основана династия мамлюкских султанов.
Ст. 151. Гневный смягчился судья и, назад осужденного кротким... – В автографе и
копии: «Гневный судья умилился, назад осужденного кротким...»
Ст. 154. Снова сей крест возложи: он твой, он награда смиренью... – В автографе
и первой публикации: «Снова сей крест облачи: он твой, он награда смиренью...».
Канонический вариант начиная с С 4.

О. Лебедева

Суд Божий

Повесть

(«Был непорочен душой Фридолин; он в страхе Господнем...»)

(С. 65)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 35. л. 3 об. – 5) – черновой, с заглавием: «Божий суд» и
датами: «24 августа» (л. 3 об.) и «29 августа» (л. 5).

Копия (РНБ. Оп. 2. № 27) – писарская, авторизованная, с заглавием: «Бо-жий Суд»,
выполненная на двойном листе линованной бумаги большого формата, идентичной
бумаге, из которой сшита тетрадь, описанная под № 36 (Бумаги Жуков-ского. С. 99)
и содержащая писарские копии баллад и повестей, переведённых Жуковским в 1831 г.
Копия содержит многочисленные поправки Жуковского, а также дату: «24–29
августа», прославленную рукою поэта.

Впервые: БдЧ. 1834. Т. 6. С. 11–15 – с заглавием: «Божий Суд» и подписью: «В.
Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 4 – с заглавием: «Суд Божий», без жанрового
подзаголовка и указания на источник перевода; в С 5 (Т. 4. С. 256–264) – в
подборке стихотворений 1831 г., с заглавием: «Суд Божий», жанровым
подзаголовком: «Повесть» и указанием в оглавлении в скобках: «Подражание
Шил-леру».

Датируются 24–29 августа 1831 г.

Основанием для датировки являются не только даты, проставленные рукою Жуковского
в текст автографа и копии, но и указание на год перевода: «1831» в оглавлении
9-го тома собрания сочинений Ф. Шиллера, принадлежащего Жуков-скому (Пд. 87 6/6.
Библиотека В. А. Жуковского: Онегинское собрание. F. Schillers sammtliche werke:
In 12 Bände. Stuttgart und Tübingen, 1814. Bd. IX. Abt. 1).

Перевод баллады Ф. Шиллера «Der Gang nach dem Eisenhammer». Традиционно на
русский язык переводится как «Хождение на железный завод» или «Ход в куз-ницу»:
более верным в данном случае представляется буквальный перевод: «Хож-дение к
железному молоту»: «расковочный молот» – первое и основное значение слова
«Eisenhammer».

Баллада Шиллера, законченная 25 сентября 1797 г. и опубликованная в
«Musenalmanach für das Jahr 1798», впервые упомянута автором в письме к Гёте от
22 сентября 1797 г. в очень характерном контексте, проясняющем авторскую
интерпретацию её замысла: «Случай принёс мне ещё одну славную тему для бал-лады,
которая почти уже закончена и, как мне кажется, не так уж недостойна за-вершить
собой альманах. Она состоит из 24 восьмисгиший и озаглавлена "Путеше-ствие на
железный завод"; из этого названия вы можете усмотреть, что я изъясляю теперь
притязания и на огненную стихию после того, как посетил воду и воздух» (И.-В.
Гёте. Ф. Шиллер. Переписка. Т. 1. С. 422).

Говоря о воде и воздухе, Шиллер имел в виду свои баллады «Поликратов пер-стенъ»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh (возможно, «Кубок») и «Ивиковы журавли», написанные в том же 1797 г. и переведённые Жуковским (см. коммент. в т. 3 наст. изд.). Таким образом, баллада «Путешествие на железный завод» самим автором вписана в своеобразный несо-бранный балладный цикл, сюжетобразующим началом которого является идея Божественного Промысла и его непосредственного вмешательства в жизнь чело-века. Поэтому и заглавие баллады, в котором употреблено слово «Eisenhammer» – «железный молот», «железный завод» и «кузница», – имплицитно содержит в себе поэтическую ассоциацию с германской языческой мифологией: железным молотом громоносного божества древних германцев Тора – символом грома как во-площения гнева Божьего и орудием кары грешников. Таким образом, событийно-вещное название баллады включает в себя и дидактико-символическую линию её сюжетосложения, очень точно определённую Ю. Кернером: «Идея особого Боже-ственного Промысла, слегка лишь намеченного, придаёт этому стихотворению та-кую сердечность, которой с трудом противостоит самая упорная сухосъг» (цит. по: Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Т. 1. С. 434).

Источником сюжета баллады послужила новелла № 13 из сборника французско-го писателя Ретифа де ла Бретона (1734–1806) «Les Contemporaines» («Современ-ницы»). Действие новеллы происходит во Франции (в окрестностях Кэмпера или Ванна в Бретани), имя благочестивого героя – Шампань, злодея – Блеро. Шиллер перенёс сюжет в Эльзас (Саверн – Цабер) и сделал его героиню женой ландграфа Савернского, изменив соответственно все имена персонажей. В остальном сюжет воспроизведён близко к источнику.

Перевод Жуковского, если пользоваться терминологией самого русского поэта, относится к числу «подражаний», то есть вольных переводов, существенно транс-формирующих поэтику и содержащих смысловые отклонения от подлинника. При этом перемену заглавия: «Der Gang nach dem Eisenhammer» на первоначальное – «Божий Суд» и в каноническом варианте – «Суд Божий» таким отклонением счесть нельзя: этот оттенок смысла, имплицитно присутствующий в шиллеровском загла-вии, Жуковский просто вывел на первый план текста в своём подражании.

Формальные изменения касаются метрики. Балладу Шиллера, в подлиннике написанную восьмистишными строфами с рифмовкой абавввее, причём в первом четверостишии нечётные стихи – ямбические четырёхстопные, а чётные – ямби-ческие трёхстопные, тогда как второе четверостишие всё состоит из четырёхстоп-ных ямбических стихов, почти без пиррихий, Жуковский перевёл сказовым гекза-метром, не сохранив строфического членения её текста. Эта метрическая новация, акцентирующая эпически-повествовательное начало, отражена в изменении жан-рового подзаголовка: «баллада» Шиллера в русском переводе стала «повестью».

Этой же тенденции подчинены и смысловые отклонения в тексте подражания. Они касаются в основном двух эпизодов баллады Шиллера: описания кузницы, которую Жуковский в своём переводе уподобляет «адской пучине» и вводит ряд оригинальных лексических мотивов, связанных с огненной стихией, бушующей в плавильной горне («как лава кипит», «клокотало», «пламя», «взвились вихрями ис-кры»), а также воссоздания церковной службы, где в русском переводе появляются эпитеты, отсутствующие у Шиллера и характеризующиеся противоположной эмо-циональной окраской по отношению к описанию кузницы: «святой», «умиленно», «смиренно», «набожный», «верный», «торжественный». Центральный психологиче-ский контраст баллады – злодейство Роберта и непорочность Фридолина – прое-цируется на её поэтическую топографию: пространство кузницы («адской пучины») противостоит пространству святой церкви. Таким образом, эпизация балладного сюжета Шиллера в подражании Жуковского дополнена драматизацией его кон-фликта (подробнее об этом см.: Лебедева. С. 120–121).

История публикации повести «Суд Божий» весьма драматична. Текст этого пе-ревода должен был открывать третий, мартовский номер журнала И. В. Киреевско-го «Европеец» (1832), который не вышел в свет, поскольку был запрещён в первой декаде февраля 1832 г., сразу после появления второго февральского номера (об этом подробнее см.: Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 114–139; Фризман А. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец: Журнал И. В. Киреевско-го. 1832. М., 1989. С. 428–441). Эти обстоятельства вынудили Жуковского отдать повесть в «Библиотеку для чтения», что и определило первую публикацию «Суда Божьего» в этом журнале.

Текст повести «Суд Божий» в его первоначальной редакции, в основном со-впадающий с вариантом БдЧ, см.: Европеец: Журнал И. В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 251–259. Часть третьего номера успели напечатать в типографии до за-прещения журнала, но он не вышел в свет.

В. К. Кюхельбекер, ознакомившись с текстом подражания Жуковского по первой публикации в БдЧ, оставил в дневнике следующее суждение о её поэти-ке: «1 ноября

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh (1834). Жуковский переложил экзаметрами Шиллеров "Ein frommer Knecht war Fridolin...". Истинно не знаю, что об этом сказать, однако не подлежит никакому сомнению, что с изменением формы прелестной баллады немецко-го поэта и характер её, несмотря на близость перевода, совершенно изменился» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 338). Этому мнению поэта, тонко чувствующего семантику поэтической формы и её функцию в создании эстетического целого, отчасти противостоит мнение В. Г. Белинского, который счёл повесть «Суд Божий» (названную им по имени главного героя «Фридолин»; кстати, сам Жуковский в своих списках произведений, готовящихся к печати, использовал это заглавие – см.: РНБ. Оп. 1. № 35. л. 8 об.) «прекрасным переводом странной по содержанию пьесы Шиллера» (Белинский. Т. 7. С. 215).

Кроме Жуковского балладу Шиллера перевели неизвестный (Фридолин. По-весть, взятая из сочинений знаменитого Шиллера, украшенная 8-ю картинками с превосходных рисунков Реича. Перевод с французского [прозаический]. М., 1850); Ф. Миллер («Фридолин, из Шиллера» // Москвитянин, 1853. № 20. кн. 2); Авдотья Глинка («Фридолин, или посылка на кузницу» // Стихотворения Шиллера в переводе Авдотьи Глинка. М., 1859).

Ст. 3–4. Правда, не трудно было служить ей: она добронравна II Свойством, тиха в обращении была; но и тяжкую должность... – В автографе, копии, вариантах «Европейца» и БДЧ: «Правда, и весела было служить ей: столь добронравна, // Столь благосклонна графиня была, но и тяжкую должность...». Канонический текст начиная с С 4.

Ст. 6–7. С самого раннего утра, до поздней ночи, всечасно II Был он на службе её, ни минуты покоя не зная... – До С 5 был другой вариант: «С самого раннего утра до самой поздней ночи // Был он всечасно на службе её, покоя не зная...».

Ст. 8. Если ж случилось сказать ей ему: «Фридолин, успокойся!» – В автографе: «Если ж ему говорила она: «Фридолин, успокойся!»

Ст. 28. Всё обольстителю отыщет дорогу к женскому сердцу... – В автографе: «К женскому сердцу всегда найдёт обольстителю дорогу».

Ст. 35. В сердце развратном желанья таить... – В автографе: «В сердце питать дерзновенно желанья...»

Ст. 41. Граф, – ты погиб, когда не скажешь мне правды! Кто этот... – В автографе, копии, «Европейца»: «Граф, – ты пропал, когда не скажешь мне правды! Кто этот...». Канонический вариант начиная с БДЧ.

Ст. 46–48. Всюду глазами он следует; ей одной, забывая ~ скованный силой, стоит он и рдеет любовью преступной... – В автографе, копии, «Европейца», БДЧ: «Всюду глазами он следует; ей за столом, забывая // Вас, он с усердием служит; за стулом её, как волшебной // Силой какою окован, слонит он и рдеет». Ст. 48 в С 4 звучал так: «Скованный силой, стоит он и рдеет». Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 53. Лучше бы сделал, когда б промолчал: чего вам страшиться?» – В копии, БДЧ, С 4: «Лучше бы сделал, когда бы смолчал: чего вам страшиться?»

Ст. 55–57. В это время они к огромной литейной палате ~ В горнах пылал, и железо, как лава кипя, клокотало... – В автографе: «В это время они к огромной графской литейной: // Там беспрестанно огонь, как будто в адской пучине, // В горнах огромных пылал, и железо, кипя, клокотало». В копии и БДЧ ст. 56 с значительным разночтением: «Там постоянно огонь...». Канонический вариант начиная с С 4.

1М

Ст. 59. Пламя питая; взвивались вихрями искры; свистали... – До С 5 был следующий вариант: «Пламя питая; как вихорь, взвивались искры; свистали...».

Ст. 61. Тяжко вертелось; и молот огромный, гремя иеумолкно... – В автографе, копии, «Европейца», БДЧ с незначительным разночтением: «...гремя беспрестанно...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 66. Бросьте в огонь, чтоб его и следов не осталось. С свирепым... – В автографе, копии и БДЧ вместо «с свирепым» – «с довольным».

Ст. 68–69. Души их были суровой железа; рвеньеудвоив, // Начали снова работать они и, убийством заране... – В автографе, копии, «Европейца» и БДЧ: «Души их были суровой железа. С удвоенным рвением снова (в автографе: «удвоивши рвение, сно-ва») // Стали работать мехами они и, убийством заране...». Ст. 69 в «Европейце» – в канонической редакции, окончательно оформившейся в С 5.

Ст. 71. К графу тем временем хитрый наушник позвал Фридолина... – В автографе, копии, «Европейца» и БДЧ: «С злобною радостью к графу наушник позвал Фридолина...». Каноническая редакция начиная с С 4.

Ст. 73. В лес пойти и спросить от меня у литейщиков: все ли... – До С 4 вместо: «литейщиков» было: «работников горна».

Ст. 74. «Сделано ль то, что я приказал?» – «Исполнено будет»... – В автографе, копии, «Европейца»: «Сделали ль то, что я приказал?» – «Исполнено будет».

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Окончательная редакция начиная с С 4.

Ст. 75–76. Скромно отвечает пале; и готов уж идти, но, подумав: I/'Может быть, даст ему и она порученье какое? – В автографе, копии, «Европейце» и БдЧ: «Скромно отвечает паж; и готов уж идти, но подумал // Вдруг: не даст ли ему и она при-казанья какого?»

Ст. 77. Он приходит к графине и ей говорит: «Господином... – В автографе, копии, «Европейце» и БдЧ: «Вот он к графине идёт...»; в С 4: «Он к графине приходит...». Окончательная редакция в С 5.

Ст. 79. Будет и вам чего приказать?» Ему с благосклонным... – В автографе, «Ев-ропейце» и БдЧ: «Будет и вам чего повелеть?» Ему с благосклонным...». Канониче-ский вариант начиная с С 4.

Ст. 86–87. Ты уклоняться не должен», – сказал он и в церковь с смиренным, II На-божным сердцем вступил; но в церкви пусто и тихо... – В автографе: «Ты уклоняться не должен – так он помыслил, и в церковь // С набожным сердцем вступил...»

Ст. 91–92. Прежде свой долг отдай, потом господину». С такую // Мыслью усердно он начал служить: священнику ризы... – В автографе: «Прежде свой долг отдай, потом господину» – подумал // Так Фридолин и принялся за дело: священнику ризы...»

Ст. 93–94. Столу и сингулум подал; потом приготовил Святые II Чаши; потом, мо-литвенник взявши, стал умиленно... – Ст. 94 в автографе: «Чаши; потом молитвен-ник взявши, набожно начал...»

Стола – чаегь облачения католического священника в виде широкого шарфа, надеваемая на плечи (епитрахиль).

Сингулум – пояс рясы католического священника.

Ст. 95. Долг исправлять министраита... – Миистраит – служитель, прислуж-ник, причетник. В протестантизме министром или министрантом именуется при-ходский священник, избираемый общиной. Им может стать и прихожанин, не име-ющий духовного образования и сана.

Ст. 97. Провозглашаемо было великое «Sanctus»; когда же... – В автографе: «Про-возглашаемо было священником "Sanctus"; в копии и БдЧ: «Провозглашаемо было священное "Sanctus"; окончательная редакция в С 4.

«Sanctus» – начальное слово католического гимна «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф», входящего в состав литургии, где завершает «Всгупление» к главной части мессы. В стихотворении Шиллера описана католическая литургия «верных», на ко-торой совершается таинство причащения. На этой заключительной части службы могут присутствовать только христиане.

Ст. 100–101. Жертве, он звоном торжественным то возвестил и смиренно II Пал на колени пред Господом, в грудь себя поражая... – В автографе, копии и БдЧ: «Жертве, он звоном торжественным то возвестил, и упали // Все на колени пред Господом, в грудь себя поражая...». Работая над этими стихами, Жуковский устранил смысло-вое противоречие, восходящее к подлиннику: сначала описана пустая церковь без молящейся паствы и причетника (сгрофа 19-я у Шиллера; ст. 88–90 в переводе), а потом появляется образ молящихся в церкви прихожан (строфа 22-я у Шиллера; ст. 100–101, 106 в начальной редакции Жуковского). Каноническая редакция пе-ревода – начиная с С 4; однако уже и в «Европейце» это противоречие было снято (см.: Европеец. С. 257).

Ст. 104. В храме свершал. Напоследок, окончивши службу святую... – В автографе, копии, БдЧ и С 4 вмесго: «напоследок» – «наконец». Каноническая редакция в «Европейце» и С 5.

Ст. 105. Громко священник воскликнул: «Vobiscum Dominus», верных... – «Vobiscum Dominus» – «С вами Бог» (лат.) – формула благословения при окончании службы. Верные – см. примеч. к ст. 97.

Ст. 106--109. Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он ~ "Pater noster" двенад-цать раз прочитал. Подошедши... – Эти стихи подверглись наиболее значительной переработке. В автографе и копии они читаются так: «Благословил, и все вышли из церкви, и он, всё приведши (в копии разночтение: «Благословил, и вышел на-род из церкви, тогда он, приведши...») // Снова в порядок чаши, и ризы, и книги, и утварь, // С мирною совестью к лесу пошёл, и вдобавок дорогой // Десять раз «Отче наш» про себя прочитал. Подошедши...» В «Европейце» дана сокращённая на один стих редакция: «Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он, // Всё в порядок приведши, и чаши, и ризу, и книги, и утварь, // "Pater noster" двенадцать раз про-читал». В редакции БдЧ восстановлен пропущенный стих, но ст. 106 напечатан в варианте копии: «Благословил, и вышел из церкви народ; тогда он, приведши // Всё в порядок, и чаши, и книги, и ризы, и утварь, // Церковь оставил, и к лесу по-шёл, и вдобавок дорогой // "Pater noster" двенадцать раз прочитал». Каноническая редакция начиная с С 4.

«Pater noster» – первые слова главной католической молитвы («Отче наш»),

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu...
чи-таемой священником во время мессы перед преломлением гостии (облатки).
Ст. 112–115. «Сделано ль то, что граф приказал», – он спросил. И, оскалив ~
Прибран, и граф нас похвалит. С таким их ответом обратно... – В автографе:
«Сделано ль то, что граф приказал», – он спросил. И, свирепым // Смехом зубы
оскалив, они указали на бездну // Рдяного горна. «Он там! – проревел сиповатый
их голос. // Прибран как должно, и граф нас похвалит. С таким их ответом...». В
копии, редакции «Европейца» и БДЧ стихи приобрели вид, близкий к канонической
редакции С 4 и С 5: «Сделано ль то, что граф приказал», – он спросил. И, оскалив
// Зубы смехом ужасным, они указали на пламень // Горна. «Он там! – проревел
сиповатый их голос. – Как должно // Прибран, и граф нас похвалит». С таким их
ответом обратно...»

Ст. 137. Враг коварен, но с ним Господь и Всевышние силы... – В автографе:
«Силен враг, но над ним Господь и Всевышние силы...»

О. Лебедева

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея
бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери
(«Жил-был царь Берендей, до колен борода. Уж три года...»)

(С. 68)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 30. л. 75 об.–78 об., 79 об.–80 – черновой; начало сказки, до
сгига «Верно с грехом пополам. Погоди же, я доберуся, / Друг, до тебя». На л. 75
об. дата: «2 августа» и план: «По следу. Явиться. Едет. Солнце к в(остоку).
Озеро. Утки. За куст. – Платье. Ждать. Ползе(т). Нрзб. колечко. Двор(ец). Первое
зад(ание). Вмиг. Пусти. Слюнки. Погоня. Монаст(ырь). О городе. Царевич. (Крест).
Город. Забудешь меня. Дитя. Позабыл. Свадьба. Повар. Пирог. Голубь.
Возвраще-ние. Пир» (частично напечатано: Березкипа С. В. Пушкинская фольклорная
запись и «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского // Пушкин. Исследования и
материа-лы. Т. XIII. л., 1989. С. 270). На л. 80 другой план, карандашом:
«Третий. Поджи-дающий конь. Посольство. Первое. Второе. Третье. Город. Свадьба.
Повар. Стол. Узнает» (напечатано: Стихотворения. Т. 2. С. 470).

2) РНБ. Оп. 1. № 35. л. 5 об.–8 – черновой; продолжение сказки со стиха «Вот на
другой день опять Ивана-царевича кличет» и до конца. На л. 6 об. первоначаль-ный
вариант окончания сказки, зачеркнут (см. постышный комментарий); под ним дата:
«1 сентября». Сказка продолжена на л. 7. В конце автографа на л. 8 другая дата –
«11 сентября».

Копия (РНБ. Оп. 1. № 22. л. 1–4) – авторизованная. На л. 3 первоначаль-ный
вариант окончания сказки (как в черновом тексте – см. выше); зачеркнуто; л. 3
об.–4 – продолжение сказки. Нал. 1 дата: «1831. 2 августа – 1 сентября», она
отчеркнута; под чертой записано: «12 сентября».

Впервые: Новоселье. СПб., 1833. С. 37–68 (публикация сопровождалась гра-вюрой С.
Галактионова с рис. А. Брюллова).

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 (Т. 4. С. 299–324) – в под-борке
произведений 1831 г.

Датируется: 2 августа – 12 сентября 1831 г.

Ранее принятая датировка произведения: «2 августа– 1 сентября 1831 г.» (см.,
например: Стихотворения. Т. 2. С. 470) была указана самим Жуковским в двух
хро-нологических перечнях второго чернового автографа сказки (РНБ. Оп. 1. № 35.
л. 1, 8 об.). Между тем эта датировка охватывает время работы лишь над первой
частью произведения, когда Жуковский, написав сцену спасения героев от погони
Кощея, посчитал его полностью законченным. Именно поэтому и в черновом
ва-рианте, и в авторизованной копии рядом с первоначальным вариантом окончания
сказки присутствует дата: «1 сентября». Спустя несколько дней Жуковский
вернул-ся к работе над произведением. Начерно оно было закончено 11 сентября.
Завер-шение правки в авторизованной копии датируется 12 сентября. Эту дату,
записан-ную Жуковским под чертой (см. выше описание авторизованной копии), Ц.
Вольпе отнес к европейскому календарю. Между тем у Жуковского не было
обыкновения, живя в России, помечать свои произведения двумя датами (по старому
и новому стилю).

В истории русской литературной сказки август–сентябрь 1831 г. занимает особое
место: в это время в Царском Селе были созданы «Сказка о царе Салтане» Пушкина и
три сказки Жуковского – «О царе Берендее», «Спящая царевна», «Во-йна мышей и
лягушек». Н. В. Гоголь писал А. С. Данилевскому 2 ноября 1831 г.: «Почти каждый
день собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если б ты знал, сколько прелестей
вышло из-под пера сих мужей (...) сказки русские народные – не то, что «Руслан и
Людмила», но совершенно русские. Одна написана даже без размера, только с
рифмами и прелесть невообразимая [Имеется в виду «Сказка о попе и о работнике
его Балде» (1830), которую Жуковский услышал впервые в Царском Селе.] – у
Жуковского тоже русские народные сказки, одне экзаметра-ми, другие просто

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh четырехстопными стихами, и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русский» (Гоголь. Т. 10. С. 214). Основным источником сказки Жуковского «О царе Берендее» является запись русской народной сказки «Некоторый царь ехал на войну», сделанная Пушкиным в Михайловском, по-видимому, в конце 1824 г. (см.: Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 408–410). При создании «Сказки о царе Салта-не» Пушкин пользовался другой своей фольклорной записью – «Некоторый царь задумал жениться» (Там же. С. 407–408). П. В. Анненков заметил по этому поводу: «...по какому-то дружелюбному состязанию Пушкин и Жуковский согласи-лись написать каждый по русской сказке. Кому принадлежит первая мысль этого поэтического турнира, мы можем только догадываться» (Пушкин Л. С. Сочинения / Изд. подг. П. В. Анненков. СПб., 1855. Т. I. С. 319). Выражение «поэтический турнир», по-видимому, не совсем точно передает особенности дружеского обще-ния двух авторов. В царскосельских сказках Жуковского и Пушкина раскрылся тот художественный потенциал, который был накоплен ими ранее в процессе работы над произведениями в народном стиле. Пушкин, в совершенстве овладевший в Михайловском «народным стихом» (см., например, его «Песни о Стеньке Разине», 1824–1826), обратился, тем не менее, к четырехстопному хорею, Жуковский же – к разговорно-сказовому типу гекзаметра, с которым в его сознании прочно связы-валось представление о простонародности и который сам он считал «совершенно отличным от гекзаметра греческого» (см. его письмо к П. А. Плетневу 1845 г.; С. 7. Т. 6. С. 591). В 1831 г. гекзаметр расценивался Жуковским как вполне перспек-тивный в плане дальнейшего расширения его тематико-стилистических возмож-ностей на русской почве. Эта работа была для поэта продолжением той, которую он начал в 1816 г., переведа гекзаметрами два стихотворения Гебеля – «Овсяный кисель» и «Красный карбункул». В предисловии к сказке «Красный карбункул» Жу-ковский писал: «...прилично ли будет в простом рассказе употребить гекзаметр, ко-торый доселе был посвящен единственно важному и высокому?» (Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1817. Ч. IX. С. 49–50). Для своего времени замысел сказки гекзаметрами в русском народном сгиле был подлинно новаторским. Вероятно, Пушкин с большим интересом следил за этой работой Жуковского. Он недолюбливал гекзаметры еще с лицейских лет (см., например, его эпиграмму 1813 г. «Несчастье Клита» и комментарий к ней в: Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: в 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 577). В одной из черно-вых редакций поэмы «Домик в Коломне» (1830) Пушкин выразил свое отношение к гекзаметру со всей определенностью, сославшись при этом на его техническую сложность: «Он мне не в мочь» (Пушкин. Т. 5. С. 373). Привлечение к работе подлинной фольклорной записи придало работе Жу-ковского над «Сказкой о царе Берендее» особый характер (вероятнее всего, что на этот путь его увлек Пушкин). Элементы русской сказки включались Жуковским и другими поэтами его времени в произведения различных жанровых форм с ори-ентацией на изображение «русской старины» (баллада, сентиментальная и роман-тическая повесть, волшебнo-рыцарская поэма). В русской печати раздавались на-стойчивые призывы к собиранию подлинных народных сказок, к более активному вовлечению их в литературный процесс. В действительности же представления о сказке и ее эстетической значимости были еще очень расплывчатыми, и этим можно объяснить значительный разницей в оценке критикой первой трети XIX в. произведений в фольклорном стиле, принадлежащих авторам самых различных направлений. Даже замысел такого рода сочинений способен был вызвать как по-ложительные, так и резко негативные оценки, зачастую связанные с пренебрежи-тельным отношением к русскому фольклору и недостаточностью знаний о нем (в это время русская фольклористическая мысль находилась еще в стадии своего за-рождения). Это пришлось испытать на себе не только Жуковскому, но и Пушкину, сказки которых едва ли не в равной степени стали объектом многочисленных на-реканий со стороны критики по поводу воплотившихся в них элементов народно-сти (см. об этом: Березкина С. В. Сказки Пушкина и современная им литературная критика// Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 134–142). На этом сложном историко-литературном фоне становится особенно заметна та бережность, с которой Жуковский отнесся к пушкинской фольклорной записи. Во-плотить в стихах все ее сюжетные звенья, расширив и украсив сюжет народной сказки, – таков изначально был замысел произведения Жуковского. Однако эти планы (см. выше в описании первого чернового автографа) изменились после на-чала работы поэта над сказкой «Спящая царевна» (26 августа). Видимо, она увлек-ла Жуковского настолько, что он постарался поскорее закончить «Царя Берендея» (это было сделано 1 сентября), отбросив вторую часть пушкинской записи (путь героев домой после спасения от погони кощей). При создании «Спящей царевны» Жуковский опирался на собрание немецких сказок братьев Grimm. Известны че-тыре его

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh переводом из этого сборника (напечатаны в журнале «Детский собеседник» в 1826 г.), среди них – сказка «Милый Роланд и девица ясный цвет» («Der liebste Roland»). Подробнее об этих переводах см. в комментарии «Спящей царевны». По-видимому, поэт был поражен близостью сюжетов сказки «Милый Роланд» и пушкинской записи (точнее, ее заключительной части). Это определило выбор до-полнительного источника для «Царя Берендея», продемонстрировавший чуткость автора к фольклорному материалу: по научной классификации обе народные сказки, и русская, и немецкая, относятся к подвидам одного типа сказочного сюжета (см.: Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 28, № 313 А и 313 С; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. / Сост. Л. Б. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 112). Во второй части произведения Жуковского мотивы, заимствованные им из «Милого Роланда», переплелись с сюжетом, запечатленным в записи Пушкина. После окончания работы с фрагментом немецкой сказки (это превращение Марьи-царевны в камень, а затем в цветок, жизнь в избушке старика, наконец, возвращение человеческого облика) Жуковский вновь подхватил нить сюжета своего основного источника. При этом в черновом автографе «Царь Берендей» был ближе к сказке бр. Grimm, чем в окончательном тексте. Так, белый камень, в образе кото-рого Марья-царевна ждала возвращения жениха, сначала был красным, а старик в избушке – «младым пастушком» (исправлено в авторизованной копии). Детали произведения, отредактированные подобным образом, в большей степени соот-ветствовали художественной системе русского фольклора. И конспект Пушкина, и фрагмент немецкой сказки Жуковский дополнял психологической прорисовкой сюжета, развернутыми пейзажными и портретными описаниями, юмористически-ми деталями. В целом работа Жуковского над пушкинской фольклорной записью началась с первого ее слова и закончилась лишь тогда, когда он исчерпал ее сю-жетные возможности. Ср. с мнением Ц. Вольпе, который считал, что во второй часги «Царя Берендея» Жуковский просто «начал пересказывать текст Гриммов» (Стихотворения. Т. 2. С. 471).

Соединение Жуковским в одном произведении двух фольклорных источников перекликается с особенностями работы Пушкина в жанре литературной сказки. С особым вниманием Пушкин останавливался на тех сюжетах, которые были ему знакомы в различных интерпретациях. При этом он стремился придать инонацио-нальному сказочному материалу не только колорит, но и дух русского фольклора (наиболее яркий пример такой направленности работы Пушкина – «Сказка о рыб-ке и рыбке» (1833), почерпнутая им из сборника братьев Grimm).

В ряде изданий, начиная с подготовленного Ц. Вольпе, в качестве дополнитель-ного источника «Сказки о царе Берендее» называется былина «Садков корабль стал на море» из «Сборника Кириши Данилова». Об ошибочности этого утверждения см.: Березкина С. В. Пушкинская фольклорная записка... С. 274–276.

Существует предположение, что в русский сказочный фольклор имя «царь Бе-рендей» попало благодаря произведению Жуковского (Чистов К. В. Русские народ-ные социально-утопические легенды XVII–XIX веков. М., 1967. С. 20). Сам поэт, по-видимому, заимствовал его из сообщений о городище, найденном на Берен-деевом болоте (находится на Владимирщине неподалеку от города Переяславль-Залесский). Известный поэт-графоман пушкинской поры Д. И. Хвостов писал, об-ращаясь к Жуковскому в послании «Сочинителю сказки о царе Берендее» (речь здесь идет о реке Кубре, на берегу которой находилось имение Хвостова):

Ты знаешь ли, что встарь Кубра моя Кубарилась в его могучем царстве? Царь Берендей, при пышности, богатстве, Едва ль не там бородку прищемил?

(Хвостов Д. И. Стихотворения. СПб., 1834. Т. 7. С. 117).

Хвостов писал: «Помещик села Петровского Николай Петрович Макаров, осу-шая болото Берендеево, ему принадлежащее, нашел признаки древнего города...» (Там же. С. 264). Об этой находке см. также: М.к.р.в М. Н. (Макаров М. Н.) Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву. М., 1830. С. 135–138. От-рывки из книги Макарова, где в частности сообщалось о «древнем Берендеевом царском колодце», печатались ранее в «Дамском журнале» (1827. ч. 18. № 8). Сооб-щения о племени берендеев (иначе: торки, черные клобуки) содержатся в русских летописях XI–XII вв. Есть о них упоминание в «Истории Государства Российско-го» Н. М. Карамзина. В имени «Берендей», приданном Жуковским безымянному царю пушкинской записи, выразилось стремление к синтезу фольклорного и исто-рического элементов, в высшей степени характерное для изображения «русской старины» в творчестве писателей начала XIX века. Эта тенденция отражала одну из основных черт эстетики романтизма, смотревшего на фольклор как на составную часть подлинной истории народа, запечатленной в его «естественной» (младенче-ской) поэзии.

Сказка Жуковского первоначально предназначалась для «Европейца» И. В. Ки-реевского. Посылая ему сказку, Жуковский писал: «Вот вам и Иван-царевич.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Про-шу господина Европейца хорошенько посмотреть за корректуру и сохранить то препинание знаков, какое состоит в манускрипте» (С 9. Т. 2. С. 568). Запрещение «Европейца» на 3-м номере привело к тому, что Жуковский был вынужден пере-дать произведение А. Ф. Смирдину в альманах «Новоселье».

Сказка Жуковского вызвала неоднозначную реакцию современников. В рецен-зии на «Новоселье» Н. Полевой писал: «Эта сказка привела нас в изумление! По всему видно, что автор хотел подделаться в ней под русские сказки; но его гексаме-тры, его дух, его выражения слишком далеки от истинно-русского. Переменивши имена, можете уверить всякого, что Сказка о царе Берендее взята из Гебеля, из Перро, из кого угодно, только не из русских преданий. Впрочем, она и по вымыслу не рус-ская. Мы давно уверены, что В. А. Жуковский не рождён быть поэтом народным; но удивляемся, что он сам не уверяется в этом неудачными попытками» (МТ. 1833. Ч. 50. № 5. Март. С. 105). 14 апреля 1833 г. П. А. Вяземский, не высказывая своего отношения, писал Жуковскому об этой рецензии: «Полевой разругал "Новоселье"; говорит, что тебе давно пора увериться, что ты не народный поэт и что он несколько-ко раз твердил тебе об этом, и стыдно тебе упрячиться после этого» (РА. 1900. Кн. 1. С. 373). Однако В. К. Кухельбекер, ревностно следивший за гекзаметрическими опытами Жуковского, решительно замечает сначала в «Дневнике»: «Зато "Царь Бе-рендей" очень и очень хорош...», а затем в письме к Жуковскому: «Из новых пиес я уже успел прочесть некоторые; особенно поразили меня: (...) превосходная сказка о царе Берендее...» (Жуковский в воспоминаниях. С. 300, 302).

Ст. 152. Всё под землёй освещал. Иван-царевич отважно... – В авторизованной ко-пии, а также в черновой рукописи после этого стиха следовало:

Входит и видит Кощей-царя на престоле огромном. Был он в венце из огня, о бородою зеленой; сверкали быстро глаза кап два изумруда, руки с клешнями. Весь же казался он слитым из меди: широкие плечи были покрыты порфирой, как будто сотканной из легкой синевы неба. Завидя Кощей, тотчас на колени стал Иван-царевич. Кощей же затопал; сверкнуло...

Ст. 164. К нам в подземельное царство; но знай, за твое ослушаны... – После этого стиха в черновом автографе и авторизованной копии было следующее продолжение:

Должен ты нам отслужить три службы; ныне уж поздно. Завтра сочтемся; прости». Два косолапых придворных медведя в пудре, в кафтанах с шитьем, с треугольными шляпами в лапах Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво...

Ст. 330. Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный, помчался... – Первоначальный вариант окончания сказки (приводится по авторизованной копии): Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный, помчался с свитой назад, а, примчавшись домой, пересек беспощадно всех до единого слуг. Иван же царевич с своею Марьей-царевной поехали дал е. И вот, приезжают в царство царя Берендея они. И царь и царица Приняли их с весельем таким, что такого веселья Видом не видано, слыхом не слыхано. Долго не стали думать: честным пирком, да за свадебку; съехались гости; Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво Пил, по усам текло, да в рот не попало. И всё тут.

С. Березкина

Война мышей и лягушек

Сказка (Отрывок)

(«Слушайте; я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек...»)

(С. 79)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 34. л. 8) – черновой; текст частично написан чер-нилами по карандашу. В начале автографа нал. 1 об. дата: «Августа 24. 1831» (слово «Августа» написано карандашом рядом с зачеркнутым «Апреля»). На л. 2 дата ка-рандашом: «Сентября 19». На л. 1 план:

I. Встреча. Рассказ Петра Долгохвоста. Лев. Кот. Погребение. Беда.

II. Рассказ Квакуна. Народное правление. Аристократия. Монархия.

III. Война». (Напечатано: Стихотворения. Т. 2. С. 473). Рядом в столбик список предполагаемых имен персонажей (мышей): «Острозуб. Ветчинник. Сыроед. Му-ковор. Тонконос. Котобой. Хватокус. Блюдолиз. Крохобор. Хлебоем. Костолоб. Сивка» (последнее слова приписано карандашом). Напечатано: Там же.

Впервые: Европеец. 1831. Январь. № 2. С. 143–164 – без подписи и подза-головком: «Отрывок из неоконченной поэмы». Кончается строкой отточий.

В прижизненных изданиях: С 4–5: С 4 (Т. 5. С. 79–101) – с подзаго-ловком: «Отрывок» и в конце текста – строка отточий; С 5 (Т. 4. С. 281–298) – в подборке произведений 1831 г., с подзаголовком: «Сказка (Отрывок)». В конце – строка отточий.

Датируется: 24 августа – 29 сентября 1831 г.

29– 1365

Начало работы над сказкой отмечено датой на л. 1 об. Дата на следующем листе

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh («Сентября 19») говорит о том, что сказка создавалась автором медленно, с большими-ми перерывами. День ее окончания отмечен Жуковским в одном из хронологиче-ских перечней, где им, по-видимому, было указано время наиболее интенсивной работы над текстом: «19 сентября – 29 сентября» (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об. На-печатано: Бумаги Жуковского. С. 99). Ср. в комментарии Ц. Вольпе, где указана ошибочная дата окончания сказки: 22 сентября (Стихотворения. Т. 2. С. 473). Этой даты нет ни в рукописи сказки, ни в хронологических перечнях Жуковского.

«Война мышей и лягушек» занимает особое место в ряду сказок Жуковского. Она получила подзаголовок «Сказка (Отрывок)» лишь в последнем прижизненном издании сочинений поэта. В публикации 1832 г. (см. выше) Жуковский охарактери-зовал «Войну мышей и лягушек» как «Отрывок из неоконченной поэмы». Изме-нение жанрового определения стало возможным благодаря тому, что произведение впитало в себя опыт, накопленный Жуковским в ходе работы над литературными сказками (сказочный зачин «Войны мышей и лягушек», родственный сказке сюжет, неторопливая мерность «простонародного» рассказа, легкий юмор).

Вместе с тем сказка «Война мышей и лягушек» имела иной, нежели «Царь Бе-рендей» и «Спящая царевна», круг источников и воспринималась современниками как «гениальная переделка начала Батрахомиомахии» (В. К. Кюхельбекер); здесь имеется в виду пародия на эпос Гомера конца VI – начала V в. до н. э., ранее при-писывавшаяся самому автору «Илиады». В конце XVI в. древнегреческая «Война мышей и лягушек» была переработана немецким поэтом Георгом Ролленгагеном (1542–1609), создавшим на ее основе объемную остро сатирическую поэму анти-клерикального характера «Froschmauser» («Лягушкомышатник»). На неё как на источник сказки Жуковского впервые указал П. Загарин (Загарин. С. 469–478). «Фрошмейзелер» неоднократно издавался в переделках немецких поэтов, одна из которых, осуществленная Карлом Лаппе, привлекла к себе внимание Жуковско-го: Froschmauser. Im Auszuge bearbeitet von Karl Lappe. Stralsund, 1816 (см.: Опи-сание. № 1964). На эту книгу в составе библиотеки Жуковского как на источник его сказки впервые указал Ц. Вольпе (Стихотворения. Т. 2. С. 474). К сожалению, выводы, к которым пришел исследователь, проанализировавший работу поэта с источником, не точны, поскольку он, по-видимому, пользовался иной, нежели Жу-ковский, обработкой Ролленгагена (книга Лаппе отсутствует в крупнейших россий-ских библиотеках). Это привело к искусственному расширению круга источников «Войны мышей и лягушек» в комментарии Вольпе (в него были включены басни И. А. Крылова и И. И. Дмитриева, хотя их близость к отдельным эпизодам про-изведения Жуковского объясняется особенностями басенного по своей природе средневекового животного эпоса, легшего в основу «фрошмейзелера»). Анализ соотношения «Войны мышей и лягушек» с переложением К. Лаппе дан в статье А. С. Янушкевича «"Фрошмейзелер" в чтении В. А. Жуковского (1840-е годы)» (БЖ. Ч. I. С. 524–527).

Жуковский обработал примерно четверть книги К. Лаппе. Ряд эпизодов поэт оставил без внимания, хотя сюжету источника он следовал довольно точно. Поэт украсил его типично русскими деталями, придав повествованию характер особого лиризма: «Читатель чувствует себя переселившимся в какой-то очарованный уго-лок задушевного милого дедушки, который сам обратившись в малое дитя, рас-сказывает "в досужий часок" дела иного маленького мирка» (Загарин. С. 481). Судя по плану на л. 1 (см. выше), Жуковский намеревался работу над книгой Лаппе довести до конца. Поэт реально оценивал соотношение своей будущей сказки с не-мецкой поэмой. В одном из перечней он поставил рядом с «Froschmauser» цифру «1700» (в «Войне мышей и лягушек» 291 стих), что ровно в два раза меньше объема поэмы Лаппе (3400 стихов) (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1). Это соотношение становится понятным, если учесть, что переложение Лаппе, в отличие от произведения Жу-ковского, написано коротким четырехстопным ямбом.

Сцена похорон хитрого кота Мурлыки в сказке Жуковского создавалась с уче-том русской лубочной картинке «Мыши кота погребают» (об этом источнике сказ-ки см.: Загарин. С. 479–480; Стихотворения. Т. 2. С. 474–475; в других изданиях Жуковского указание на него отсутствует). Часть написанного на ее основе текста осталась в черновом автографе (см. постышный комментарий; напечатано: Берез-кина С. В. Из истории русской литературной сказки (Жуковский и Пушкин) // РЛ. 1984. № 4. С. 122).

Популярнейший лубок «Мыши кота погребают» многократно издавался на про-тяжении XVIII–XIX вв. Это гравюра (на меди или на дереве), представляющая со-бой многофигурное изображение шутовской погребальной процессии: персонажи (до нескольких десятков) расположены в горизонтальных полосах, каждый из них имеет номер и соответствующую надпись в тексте, сопровождавшем картинку. В собрании русских народных картинок Д. А. Ровинского наиболее близок к тексту Жуковского лубок № 169 (изд. 2-е). Вот начало надписи к этой картинке (цитиру-ется по

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu атласу, поскольку в указателе Ровинского текст приведен не целиком, а в виде примечаний к лубку № 170): «Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, оберчена в черных трепицах, как мыши кота погребают, недруга своего провожа-ют, последнюю честь отдавая с церемонием. Был престарелой кот казанской, уро-женец астраханской, имел разум сибирской, а ум сусасгерской, жил славно, плел лапти, носил сапоги» (Русские народные картинки // Собрал и описал Д. А. Ровин-ский. Атлас. СПб., 1881. Т. 1 (№ 92–171); № 169 (изд. 2-е)). Последние слова точно соответствуют одному из черновых вариантов отрывка, помещенного в разделе «Из ранних редакций»: «Плел он лапти, носил сапоги». На картинке мыши везут свя-занного кота именно в санях (см. у Жуковского: «В царские сани под другом...»), а не в повозке, как в других изданиях картинки «Мыши кота погребают». В первой публикации сказки стих «Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский» был ближе к тексту лубка – ср.: «Кот Астраханский, житель Казанский, породы Сибирской». Ср. также одну из надписей лубка «Старая под овиная седая крыса смотрит в очки, у которой кот изорвал ж... в клочки» со стихами Жуковского:

Старая мышь Степанда, которой Мурлыкипы когти Были знакомы (у ней он весь зад ободрал и насилу как-то она от него ундела)...

Черновой автограф «Войны мышей и лягушек» свидетельствует о том, что, соз-давая сцену похорон кота Мурлыки, Жуковский ориентировался и на надписи к картинке «Мыши кота погребают», и на ее композицию (см. в построчном ком-ментарии текст, изображающий церемониальное, как на лубке, шествие идущих вереницей мышей), и на стиховую форму. Речь «подпольного поэта» над котом-притворой написана раешником, блестящий образец которого был дан Пушкиным

29*

Λ53

в «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1830). Гекзаметрический сгих жуков-ского благодаря рифме, введенной в него, распался на три части (в черновом фраг-менте есть и двухчастное деление):

Был он бешен, На краже помешан, За то и повешен...

Соединение гекзаметров «Войны мышей и лягушек» с раешником – уникаль-ный случай в русской поэтической практике, свидетельствующий о смелости поэта-новатора. Подробнее об этом см.: Березкипа С. В. Указ. соч. С. 123–128.

Внимание Жуковского привлек один из самых интересных и популярных в России лубков. На протяжении второй половины XIX. в. он оценивался исследо-вателями как исключительно русский, «ниоткуда не заимствованный» (В. В. Ста-сов, Д. А. Ровинский). В настоящее время доказана несостоятельность такой точки зрения (см. об этом: Алексеева М. А. Гравюра на дереве «Мыши кота на по-гост волокут» – памятник русского народного творчества конца XVII – начала XIX в. // XVIII век: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-литературном контексте. Л., 1983. Сб. 14. С. 45–79). Соотнесенность русского луб-ка с многочисленными басенными интерпретациями темы «Кот и мыши» сумел уловить Жуковский, опередивший таким образом дальнейшие научные изыскания в области народных картинок (басни на эту тему есть в творчестве Эзопа, Федра, Фаерна, Ж. Лафонтена, А. П. Сумарокова; в этом же ряду следует рассматривать и соответствующий эпизод из поэмы Ролленгагена).

Эпизод похорон «подлого кота» Мурлыки был сатирически заострен против ре-дактора газеты «Северная пчела» Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859), известного своим сотрудничеством с тайной полицией. Об этом говорит имя Фадей, данное Мурлыке Жуковским в одном из вариантов чернового автографа (см. ниже; следует, однако, отметить, что в начале чернового автографа «Спящей царевны» также именовался и царь Матвей). В декабре 1831 г. Жуковский писал А. П. Елаги-ной по поводу своей сказки, переданной им для публикации в журнал «Европеец»: «Мне пришло копию с Кота Мурлыки, которого прошу из Фадея перекрестить в Федота, ибо могут подумать, что я имел намерение изобразить в нем Фадея Булга-рина» (УС. С. 54). Недовольство Жуковского редактором «Северной пчелы» носило глубоко личный характер и было связано в первую очередь с А. Ф. Воейковым и его женой, которых поэту приходилось защищать от шантажа, клеветы и доносов Булгарина (см. об этом подробнее: Стихотворения. Т. 2. С. 475–478). Жуковский крайне отрицательно относился к творчеству Булгарина, который, зная об этом, мстил поэту. Вольпе назвал «Войну мышей и лягушек» «зашифрованной сатирой на Булгарина», где «премудрая крыса Онуфрий» (он же воспитатель «царского сына») – сам Жуковский, поэт Клим «по прозванию Бешеный Хвост» – Пушкин, Петр Долгохвост–И. В. Киреевский, издатель «Европейца» (Там же. С. 478). Та-кой подход может верно характеризовать только финал «Войны мышей и лягу-шек», написанный в арзамасском духе.

В 1815–1818 гг. многие из заседаний общества «Арзамас» были посвящены шутивным погребениям литераторов «Беседы любителей русского слова», в адрес которых

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
произносились пышные «надгробные» речи. В «Войне мышей и лягушек» Жуковский использовал испытанное арзамасцами средство борьбы с литературным противником, применив его к ситуации 1830–1831 гг. (она была осложнена противостоянием Булгарину круга близких Пушкину литераторов). Возвращение Жуковского к сатире арзамасского типа вполне объяснимо. Именно летом 1831 г. Пушкин, воспользовавшись псевдонимом «Феофилакт Косичкин», писал свои статьи, направленные против Булгарина. При этом статья «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» создавалась в сентябре одновременно со сказкой Жуковского.

После изменений в произведении, внесенных А. П. Елагиной по просьбе Жуковского, сатирический смысл сказки стал почти не заметен. Тем не менее в 1832 г.

Жуковский не поставил своего имени под публикацией сказки, что, вероятно все-го, было связано с заостренным, как это ощущал поэт, финалом «Войны мышей и лягушек». Сатира Жуковского носила свойственный ему добродушный характер и была лишена оскорбительных для адресата выпадов. Впоследствии это позволило образам сказки зажить самостоятельной жизнью, характерной для басенных героев: «Крысе Онуфрию от Прасковьи-Пискуньи поклон, – писала Жуковскому Елагина, – при нем, т. е. при поклоне, кошелек, работы лап её, а в кошельке ниточки на счастье» (Стихотворения. Т. 2. С. 478).

В 1840-х гг. Жуковский вернулся к поэме Ролленгагена. Это было связано с появлением в его библиотеке новой книги: *Der Froschmauser*.

Komisch-didactisches Gedicht von Georg Rollenhagen. Neu herausgegeben von Roderich Benedix. Weis u. Leipzig, 1841 (Описание. № 1965). О работе с ней Жуковского см.: Янушкевич А. С. Указ. соч. С. 527–532. В книге Юлия Родериха Бенедикса (1811–1873), представляющей собой более полное и бережное, чем у Лаппе, переложение Ролленгагена, Жуковский оставил пометы, свидетельствующие об интересе поэта не к шутливо-комической, как это было во время создания «Войны мышей и лягушек», а к сатирической стороне немецкого эпоса. Отмеченные Жуковским фрагменты «Фрошмейзелера» соответствуют второй части составленного им в 1831 г. плана (см. выше в описании автографа). По-видимому, к этому же времени (середина 1840-х гг.) следует отнести и упоминание поэмы Ролленгагена в планах «Повестей для юношества», составленных Жуковским (см. об этом: Янушкевич А. С. Указ. соч. С. 532; примеч. 90).

О причинах, в силу которых «Война мышей и лягушек» осталась в творчестве Жуковского неоконченной, существует высказывание Елагиной, переданное П. А. Висковатым: «... ему отсоветовали кончать ее, так как в поэму должны были явиться намеки на события из "отечественной войны" и на современников. Намеки, впрочем, безобидные, так как Жуковский не был злым сатириком и не охотник до злых памфлетов. Но все же друзья говорили ему, что он писатель-патриот, слава которого возшла благодаря его патриотическим песням, – легко может повредить себе в суждении лиц, "всякую шутку считающих за грех"» (Годовой отчет гимназии и реального училища д-ра Видемана за 1900–1901 г. СПб., 1901. С. 7–8). По-видимому, в этих словах содержится лишь часть правды о судьбе «Войны мышей и лягушек».

Совет воздержаться от ее продолжения мог исходить из семьи Елагиных-Киреевских, которая находилась под впечатлением от разразившегося над журналом «Европеец» несчастья (его запретили после выхода второй книжки, где наряду с «крамольными» статьями И. Киреевского была напечатана и сказка Жуковского).

Из письма к Николаю I о судьбе «Европейца» (февраль 1832 г.) видно, что поэт считал причиной запрещения журнала донос Булгарина. В этом смысле финал сказки был своего рода пророчеством: осмеянный «покойник» проснулся и учинил мышам «ужасную травлю». Надуманность претензий, выдвинутых Николаем I против статьи Киреевского «Девятнадцатый век» (в ней были обнаружены скрытые «революционные» намеки), могла натолкнуть Жуковского и близких ему людей на мысль об опасности каких-либо современных аллюзий в анималистской по своей природе сказке. Впоследствии поэт утратил склонность к острому отклику на современные ему литературные события. Возможности такого рода изначально таил в себе сюжет «Фрошмейзелера», который терял свою художественную привлекательность вне сатирико-комической сферы. Этим можно объяснить отсутствие в творчестве Жуковского 1840-х гг. попыток продолжения «Войны мышей и лягушек» после знакомства с заинтересовавшей его книгой Бенедикса.

Ст. 75. Громко он, прядая, шлепал. Царевич Белая шубка... – В черновом автографе после этого стиха следовало:

Вспомнивши, кто он, робость свою победил. Он подумал: «Страха не ведает царь, а образ смелого мужа Страшен, как образ могучего льва». С таким убеждением, скромно потупив глаза и лапки на грудь положивши, Он поклонился царю Квакуиу. А царь, благосклонно...

Ст. 169. наших героев таскали за хвост и в воду бросали... – В черновом

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
автографе читаем: «Наших героев таскали за хвостик и об угол били...»
Ст. 203–204. Начал усатое рыльце себе умывать. Облилося II Радостью сердце
моё... – Вариант черного автографа:
Начал умильное рыльце себе умывать: засмеялось Сердце во мне...
Ст. 234. Слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами... – После этого стиха
в черновом автографе было такое продолжение:
Видели это своими глазами. Встревожились все мы; Все подполье, запрыгав,
вскружилось: бегали, прыгали, пели, Все обнимались друг с другом, а сам мой
Онуфрий премудрый Так напился, что иод мышки его две мыши водили...
Ст. 243–244. Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое прозванье II Дали ему за
то... – За этим первоначально следовало (при переработке поэт зачеркнул этот
фрагмент):
За то, что, читая стихи нараспев, громогласно Бил он хвостом. Он здесь со мной,
не угодно ль Выслушать? Сам он прочтет описание обряда, которым Так некстати
хотели почтить мы Фадея Мурлыку».
Вышел по данному знаку поэт, Квакуну поклонился, Стал на задние лапки, мордочку
поднял, погладил Пузо и то, что следует, начал читать, избоченясь, (Хвост же,
как маятник, начал болтаться и вправо и влево): «Кот астраханский, житель
казанский, породы сибирской, Рост богатырский, сизая шкурка, усы, как у турка,
Жил исправно, разбойничал славно, умер недавно. [Первоначально быо:
Жил исправно, казнил забавно, разбойничал славно; Плел он лапти, носил
сапоги...]»
Был оп бешен, на краже помешан, за то и повешен,
Радуйся, наше подполье! Мышам, мышепятам раздолье!
Кот окаянный [Фадей] Мурлыка не вяжет более лыка,
Мыши, соберитесь, Фадею коту поклонитесь,
В знак любви и почтенья свершите коту погребенье;
В царские сани под другом мыши запряжены цугом,
Царь за санями Иринаруй следует с постною харей,
Вслед за царем и царица, плакать без слез [без слез голосить] мастерица,
Крыса премудрый Онуфрий тащит Мурлыкины туфли,
Певчий крыса Антошка хнычет, [гогочет] мяуча как кошка.
[Затем начато исправление: переставлены два последних стиха].
Ст. 282. Жил Мурлыка, был Мурлыка кот сибирский... – В публикации журнала
«Европеец» и в С 4 был другой вариант этого стиха: «Кот Астраханский, житель
Казанский, породы Сибирской...»
С. Березкина
Спящая царевна
Сказка
(«Жил-был добрый царь Матвей...») (С. 87)
Автограф (РНБ. Ф. 588 (М. П. Погодин). Оп. 3. №. 236. А. 1–7) – черновой, с
заглавием: «Сказка о спящей царевне». На л. 1 дата: «26 августа», на л. 7 – «12
сен-тября».
Копия (РГАЛИ. Оп. 1. № 24) – авторизованная, заглавие то же.
Впервые: Европеец. 1832. Январь. № 1. С. 24–37 – с заглавием: «Сказка о спящей
царевне» и подписью: «В. Жуковский».
В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 (Т. 5. С. 265–280) – с заглавием: «Спящая
царевна» и подзаголовком: «Сказка», в подборке произведений 1831 г.
Датируется: 26 августа – 12 сентября 1831 г. на основании указаний в черновом
автографе.
«Спящая царевна» написана Жуковским в Царском Селе (о царскосельском
«поэтическом турнире» двух авторов литературных сказок – Пушкина и Жуков-ского –
см. выше в комментарии к «Сказке о царе Берендее»). 3 сентября 1831 г.
Пушкин писал П. А. Вяземскому о необыкновенном творческом подъеме, пережи-ваемом
в это время Жуковским: «Ж(уковский) все еще пишет, завел 6 тетрадей и разом
начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкой день не прочтет мне чего но-вого»
(Пушкин. Т. 15. С. 220). В письме к Пушкину от 24 августа 1831 г. Вяземский
особо отметил «благоприятное письменное наитие» царскосельских «затворников»
(Там же. С. 214).
Источником «Спящей царевны» является немецкая сказка «Dornroschen»
(«Шиповничек») из сборника братьев Grimm Якоба (1785–1863) и Вильгельма
(1786–1859) «Kinder- und Hausmarchen» («Детские и семейные сказки»). Текст
«Dornroschen» записывался ими, а затем и обрабатывался с учетом сказки Шарля
Перро (1628–1703) «Красавица, спящая в лесу» («La belle au bois dormant») из
сбор-ника «Истории, или Сказки былых времен с моральными наставлениями»
(«Сказ-ки Матушки Гусыни»; 1697), народнопоэтические корни которой не вызвали
со-мнения у немецких собирателей. Сказка «Шиповничек» утвердилась на немецкой
почве благодаря знаменитой французской сказке (см. об этом: Grimm Я., Grimm В.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Сказки. Эленбергская рукопись 1810 [г.] с комментариями / Пер., вст. статья и ком-мент. А. Науменко. М.: книга, 1988. С. 299–306). В свою очередь и произведение Перро, как считают современные исследователи, не имело корней в устной фран-цузской традиции конца XVII в. (см. об этом: Гайдукова А. Ю. Сказки Шарля Перро: Традиции и новаторство. СПб., 1997. С. 43–44).

Жуковский не мог не ощутить однородность сказочных сюжетов у Перро и братьев Grimm. Однако он остался холоден к стилистике Перро с его склонностью к морализму и салонной галантности. Многие из характернейших ответвлений сюжета «Спящей красавицы» никак не отразились в произведении Жуковского (уловка последней феи, спрятавшейся от колдуньи; веретено, переданное девушке именно ею, уход короля и королевы из очарованного замка, свекровь-людоедка и пр.). Жуковского увлекла цельность и простота именно немецкого текста, которому братья Grimm придали весьма ценный в эпоху романтизма статус подлинной народной сказки. Особую роль в формировании Жуковского как автора литературных сказок сыграли «Kinder- und Hausmarchen», изданные в Германии в 1812–1815 гг. (второй том вышел фактически в конце 1814 г.). Знакомство поэта с этим собранием состоялось, по-видимому, в 1815–1817 гг. К этому времени относится первое упоминание сказок братьев Grimm в планах Жуковского – «Бедный и богатый» и «Рауль синяя борода» (под заголовком «Рауль»; сказка «Синяя борода», впоследствии исключенная из гриммовского собрания, была напечатана в его первом томе, вышедшем в 1812 г.) (РНБ. Оп. 1. № 79. л. 7). Имя, данное поэтом герою «Синей боро-ды», связано с впечатлениями от оперы французского композитора А.-Э.-М. Гретри (1741–1813) «Рауль Синяя борода», поставленной в Петербурге в 1815 г. (Елеоп-ская Е. Жуковский – переводчик сказок // Русский филологический вестник. 1913. Т. LXX. № 3. С. 164–165).

В 1826 г. в № 2 журнала «Детский собеседник» были напечатаны четыре сказки из сборника братьев Grimm в переводе Жуковского: «Колючая Роза» (это перевод сказки «Шиповничек»; в заголовке Жуковского отразилось знакомство со сказкой французского писателя А. Гамильтона (1646–1720) «История о колючем цветке»). Следует отметить, что заголовок сказки бр. Grimm имеет несколько вариантов рус-ского перевода), «Братец и сестрица», «Милый Роланд и девица ясный цвет», «Крас-ная шапочка». К ним примыкает пятая сказка Жуковского – «Рауль, синяя борода», которая представляет собой пересказ известного сюжета, сделанный с учетом сказок Ш. Перро (в первую очередь) и братьев Grimm; при этом знакомство со «свежим» в литературном отношении немецким вариантом, несомненно, способствовало за-рождению у Жуковского творческого интереса к сказке о спящей красавице (Там же. С. 163–164). 26 декабря 1826 г. Жуковский писал Вяземскому по поводу этой публикации: «Греч [Редактор «детского собеседника»] напечатал мои сказки. Вот их история. Они давно, давно были у меня переведены (...) Я их отдал, потому что почитал их не заслуживающими никакого внимания (...) с тем, чтобы не было моего имени; Греч дал слово не печатать его и напечатал» (СС 1. Т. 4. С. 591). Вероятнее всего, что переводы создавались Жуковским как своего рода заготовки для дальней-шей творческой работы. Две из переведенных им сказок Жуковский использовал в 1831 г. (в «Сказке о царе Берендее» и «Спящей царевне»); три других неоднократно упоминались им в планах и 1831, и 1832–1833, и 1845 гг. (РНБ. Оп. 1. № 35. л. 1; № 37. Верхняя обложка; № 53. Верхняя обложка. л. 1). В перечне, по-видимому, конца 1831 г. (№ 35. л. 1) две сказки из трех вычеркнуты как уже обработанные поэтом («Милый Роланд» и «Колючая Роза»); осталась одна – «Рауль, синяя борода», сюжет которой интересовал поэта на протяжении всей его творческой жизни.

Возможно, что Жуковский был первым, кто осознал необходимость перевода на русский язык собрания братьев Grimm, этого выдающегося памятника европей-ской фольклористики (отметим, что в России его полный перевод вышел только в 1860-х гг.). Сборник братьев Grimm оставил заметный след в истории литератур-ной сказки, перекрыв своим влиянием широко популярные в конце XVIII – на-чале XIX века жанровые модификации (французская и восточная сказки, фанта-стическая сказочная повесть, романтические обработки народных сказаний и т. п.). Гриммовская сказка предлагала высоко художественный образец обработки фоль-клорного сказочного сюжета. Ряд текстов немецкого сборника, особенно в первом издании, с предельной наглядностью демонстрировал возможности творчества в народном стиле на «заимствованном» материале, и сказка «Шиповничек» являла собой один из самых ярких примеров такого рода. По сравнению с русским фоль-клорным образцом сказка братьев Grimm была для Жуковского в равной степени значимым и, возможно, более понятным источником. Это отличало работу Жуков-ского в жанре литературной сказки от работы Пушкина, который умел ценить рус-ский фольклор в самом неприхотливом, «непричесанном» виде.

«Спящая царевна» была начата Жуковским за несколько дней до того, как Пуш-кин закончил «Сказку о царе Салтане» (это произошло 29 августа 1831 г.). Жуков-ский,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский undoubtedly, был хорошо знаком с ней, и опыт «сказочника» Пушкина по-влиял на его работу над «Спящей царевной». В одном из черновых фрагментов Жуковского это сказалось слишком явно: «Почетъ стража отдает» и «Отдает им стража честь» (РНБ. Ф. 588. № 236. л. 6 об., 7). Близость этих вариантов к пушкинскому: «Отдает ей войско честь» (речь идет о чудесной белке) заставила Жуковского сделать весьма далекую от первоначального текста замену: «Стражи ружьями стучат...». По-видимому, с достижениями Пушкина следует связать отказ «сказочника» Жуковского от гекзаметра, привычного для него размера произведений в «простонародном» стиле.

«Спящая царевна» написана четырехстопным хореем с мужскими парными рифмами (за исключением последнего двустишия, заканчивающегося женской рифмой). Этот размер почти тождественен стиху сказок Пушкина «О царе Салтане», «О мертвой царевне», «О золотом петушке» (в них, однако, мужские парные рифмы чередуются с женскими). Четырехстопный хорей реформировал структуру сказки Жуковского, придав ей большую, по сравнению с «Царем Берендеем», ритмичность.

Изменения коснулись и описательной стороны новой сказки Жуковского. Пример Пушкина, давшего высокий образец экономного использования чисто литературных приемов в сказке, ориентированной на динамичную фольклорную систему, побудил Жуковского уделить особое внимание статичным фрагментам текста, которые он старался несколько сократить (см. построчный комментарий). Трансформации были подвергнуты и некоторые сугубо фольклорные приемы построения сказки. Так, в трехкратные повторы авторами царскосельских сказок вводились психологические мотивации, разнообразившие эти монотонные по своей природе сюжетные звенья. В «Спящей царевне» трижды описывается очарованный дворец, при этом каждое из описаний строится с учетом перемены перспективы (от царевны к периферии дворца и наоборот), что делает почти незаметной фольклорную природу композиционных повторов.

Царскосельский «поэтический турнир» оставил след в творчестве обоих поэтов. Видимо, благодаря Жуковскому у Пушкина возник интерес к собранию сказок братьев Гримм (из него поэт почерпнул материал для своей «Сказки о золотой рыбке»). Элемент художественной полемики с Жуковским содержало обращение Пушкина в 1833 г. к работе над «Сказкой о мертвой царевне». Ср. названия сказок – «О спящей царевне» (Жуковский изменил заголовок сказки лишь в последнем издании своих стихотворений, стремясь, по-видимому, уйти от сопоставления «Спящей царевны» с произведением Пушкина) и «О мертвой царевне и о семи богатырях». Пушкин тонко ощутил специфику сказочного сюжета: для фольклора, причем не только славянского, сказка о спящей царевне не характерна – героиня народной сказки может быть только мертвой; она оживает, а не просыпается (см., например: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179). В фольклорной записи Пушкина, которая была одним из источников «Сказки о мертвой царевне», сказано, что «царевич влюбляется в ее труп» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л., 1977. С. 413). Таким образом, автор «Спящей царевны» оказался перед лицом наитруднейшей задачи – обработать в русском народном духе сюжет с чуждым русскому фольклору основным мотивом. Это привело к тому, что в сказке, с момента появления в ней «спасителя» – царевича, начали явно выступать черты балладной поэтики, усвоенные Жуковским в процессе работы над европейскими источниками (сказочный царевич напоминает Вадима из «Двенадцати спящих дев», 1810–1817). Попытка синтеза двух систем – немецкой сказки и русской сказочной стилистики – закончилась на данном этапе весьма хрупким их соединением в художественной структуре одного произведения. Тем не менее, сам замысел «Спящей царевны» отразил характернейшую особенность работы двух царскосельских «сказочников», стремившихся к расширению возможностей жанра стихотворной сказки в русском фольклорном стиле.

Ст. 1. Жил-был добрый щрь Матвей... – Начало сказки в черновом автографе:

Жил-был добрый царь Фадей; Жил с царицею своею

Он в согласье много лет;

Одного им счастья нет:

Не дает Господь детей

В утешенье (вар.: в усладу) старых дней...

Ст. 9. Вдруг, глядит, ползет к ней рак... – Возможно, что этот персонаж заимствован Жуковским из сказки французской писательницы баронессы д'Онуа (ок. 1650–1705) «лесная лань», где именно рак вселяет в бездетных родителей надежду на скорое рождение у них ребенка.

Ст. 88. И царевна оживет... – В С 5, вероятно, опечатка: вместо «царевна» – «царица».

Ст. 163. Повар спит перед огнем... – В черновом автографе далее следовало:

Повариха с петухом Неощпаннанным сидит И, глаза открывши, спит...

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 168. Свившись клубом, сонный дым... – После этого стиха было начато описа-ние погруженной в волшебный сон столицы:

И с заснувшим спит дворцом

Вся столица (вар.: вся округа) мертвым сном:

Спит на улицах народ,

Тот сидит, дру(гой встает)...

Ст. 280. И, упасть готовый, спит... – После этого стиха было продолжено опи-сание многолюдного очарованного дворца:

Словом, полон двор людей: Тот в окне, тот у дверей, Тот пешком, тот на коне, Тот в тоске, тот в (нрзб.).

Ст. 303. Вся душа его кипит... – Далее следовало:

На полу царевна спит.

Как дитя лежит она; [Первоначально было: «Он как вкопанный стоит»]

Разгорелась от сна

Младость в чистоте ланит,

Меж ресницами блестит

Луч сомкнувшихся очей;

Ночи темная темней,

Заплетенные косою

Кудри черной полосой

Обвились вокруг чела;

Грудь как свежий снег бела,

Под прозрачной кисеей

Тихой зыблется волной;

На воздушный легкий стан

Брошен тонкий сарафан, И обвил его кругом Пояс гибким жемчугом; Рот с улыбкой

отворен, Тихо, сладко дышит он, И уста как жар горят; Целомудренно лежат Руки,

сжавшись, на грудях, И в сафьянных сапожках, Обложенных бахромой, Прислонив одна к другой, Ножки, чудо красоты, Легким платьем обвиты. Отуманен, распален...

С. Березкина

Суд в подземелье

Повесть (Отрывок) («Уж день прохладно вечерел...») (С. 97)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 26. л. 86 – черновой, отрывок XIII строфы (432–462 стихи) с датой: «Октября 11», на обрывке листа с отсутствующими начальными словами каждого стиха.

2) РНБ. Оп. 2. № 28. л. 1–2 с оборотами – черновой (ст. 463 по 554), с датой в конце рукописи: «Октября 19» (первоначальное: «сентября» – зачеркнуто). Текст разделен на строфы: XV, XVI, XVII. на л. 1 перед строфой XV план: «Одежда. Чер-ный покров, на платье кровь, лампада и кинжал. Снимает покров. Клара» (Напеча-тано: Стихотворения. Т. 2. С. 470). На л. 1 перед строфой XVI: «Келья. Всенощная. На дороге ждала. Возвращение».

Копия (РНБ. Оп. 2. № 191. л. 1, 1 об., 2) – авторизованная, (ст. 1–554) с за-главием «Монастырь».

Впервые: БдЧ. 1834. Т. 3. ч. 1. № 4. С. 1–19, с заглавием: «Суд в подземелье», с подзаголовком: «Последняя глава неоконченной повести», с подписью в конце текста: «В. Жуковский. Верне, на берегу Женевского озера. 1832». К заглавию сде-лано следующее примечание: «Первая глава еще не написана; сия же последняя заимствована из Вальтер-Скоттова Мармиона».

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 (Т. 4. С. 213–238) в подборке произведений 1829 г. – с заглавием: «Суд в подземелье. Повесть. (Отрывок)», в оглавлении с дополнением: «Подражание Вальтер-Скотту».

Датируется: середина октября 1831 – конец (после 15 (27) ноября) 1832 г.

«Суд в подземелье» – перевод I – XIX, XXXII и XXXIII и вольное переложение остальных строф второй песни под названием «Монастырь» («The Convent») из поэмы В. Скотта «Мармион, повесть о битве при флоддене» («Marmion; a tale of Floddenfield»; 1808).

Самое раннее упоминание поэмы «Мармион» в бумагах Жуковского относится к 1814 году. В Материалах для поэмы «Владимир» раздел «Поэты» открывается именем «Walter Scott», а в рубрике «Планы. Замечания, выписки из поэтов» упо-минаются имена героев и сюжеты поэм В. Скопа, в том числе и «Мармион»: «Мар-мион едет в замок. Ужин в замке» (РНБ. Оп. 1. № 77. л. 23). Заглавия «Мармион» и «Монастырь» содержатся в списке английских авторов и произведений, вероятно, предназначенных для перевода в 1832г.: на первой странице тетради в зеленом сафьянном переплете есть дата: «1832» (РНБ. Оп. 1. № 37; Ср.: Бумаги Жуковского. С. 103–105).

Работа над переводом поэмы В. Скотта «Мармион» была начата в октябре 1831 г., когда Жуковский вместе с двором жил в Царском Селе, где в это же время снимал дачу А. С. Пушкин. В письме к П. А. Вяземскому от середины (около 15) октября

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
1831 г. Пушкин сообщал оттуда: «Ж. (уковский) написал пропасть хоро-шего и до сих пор все еще продолжает. Переводит одну песнь из "Marmion", слав-но (...)» (Пушкин. Т. 14. С. 233). Вероятно, сохранившиеся черновые автографы ст. 432–554 на одинаковой бумаге с датами: 11 и 19 октября (обычно во время зарубежных путешествий Жуковский указывал двойную дату по старому и новому стилю) отражают этапы этой работы. Показательно, что автограф № 2 находится в той часги рукописей поэта, которую Ц. Вольпе называл «собрание Жуковского – Плетнева, 1901/107» (Стихотворения. Т. 2. С. 469). В настоящее время это собра-ние вошло в личный фонд Жуковского в РНБ (Ф. 286. Оп. 2). Все это позволяет предположить, что перед отъездом за границу в июне 1832 г. Жуковский отдал Плетневу черновую рукопись ст. 1–554 для переписывания. Как явствует из пись-ма П. А. Плетнева к Жуковскому от 17 февраля 1833 г., он «вложил в экземпляр отправленного через С. А. Юрьевича сборник «Новоселье» «список начала ваше-го перевода "Монастыря"» (Переписка. Т. 3. С. 527–528). Авторизованная копия перевода содержит правку Жуковского карандашом и черными чернилами; он же вписал ст. 541 на оставленном в тексте пропуске (вероятно, по причине не разо-бранного переписчиком почерка Жуковского), уточнил разбивку строк, зачеркнул последний стих: «Там приготовлены», заменив его впоследствии другим вариан-том: «Уже готовы в гробе том». Окончание перевода (ст. 555–610), как это явствует из примечания в тексте первой публикации: «Верне, на берегу Женевского озера. 1832», было сделано в период с 15 (27) ноября, когда Жуковский переехал из Веве в Верне (См.: Дневники // ПСС. Т. 13. С. 339), до конца 1832 г. Получив писарскую копию от Плетнева, Жуковский добавил к ней недостающие 56 стихов, озаглавил перевод: «Суд в подземелье», сопроводил примечаниями, особо подчеркнув место и время окончания работы, и в таком уже виде передал для публикации в БдЧ.

Таким образом, работу Жуковского над переводом «Суда в подземелье» можно предположительно датировать октябрем 1831 –концом (поо\е 15 (27) ноября) 1832 г. Комментаторы справедливо говорят о том, что Жуковский в сюжетном отноше-нии создал свое «оригинальное» произведение (см., например: Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 2000. С. 346. Примеч. К. Агаровой).

В библиотеке Жуковского находятся два издания «Мармиона» с пометами поэта, относящиеся, скорее всего, к завершающему этапу работы. В первом томе «Oeuvres de Walter Scott, traduction de M. Defaunconpret. Т. 1–30. Paris. 1830–1831» (Опи-сание. № 2101; имеются т. 1–10, 13, 16–21, 23–30) французского прозаического перевода Жуковский отчеркнул карандашом вертикальной чертой вдоль полей во второй песне поэмы XXIII–XXV, XXXII–XXXIII строфы. В 6-м томе «The Poetical works of Sir Walter Scott. Т. 1–11. Edinburgh, 1830» (Описание № 2764) поэт подоб-ным же образом выделил XXIII–XXVI, XXXII–XXXIII строфы. Перевод делался по английскому изданию: горизонтальными черточками карандашом в отмеченных строфах Жуковский разделял текст на 5-стишия; разметка сделана и в XXVII строфе поэмы В. Скотта, но затем следы разметки уничтожены зачеркиванием. Выделен-ные строфы являются кульминацией трагических событий во второй песне В. Скотта: описание каменного гроба, в который живой будет замурована Констанция (XXIII), характеристика бессердечных палачей (XXIV), ужас самого заточения и отзвуки ги-бели девушки в растревоженном мире живых (XXXII–XXXIII).

Следуя за В. Скоттом в создании синтеза драматического сюжета (любовь, изме-на, месть, наказание) с эпически широкой картиной жизни, Жуковский пишет тем не менее самостоятельную повесть в стихах, делая центром эпического события неправедный суд в подземелье монастыря. Жуковский по-новому компоует про-изведение. У В. Скотта вторая песня состоит из 33 строк, у Жуковского – их 16. В переводе произведена перегруппировка нескольких строк: в одну соединены III и IV (описание игуменьи), IX и X (картина Кутбертова монастыря), XIX и XX (опи-сание судей и их жертвы). Жуковский «стягивает» в одно целое противоположные по эмоциональной окраске части, создавая на уровне новой строфы драматический узел: игуменья навеки затворила свою жизнь в безмолвии монастыря, хотя от при-роды была добра и любила юных, веселых монахинь.

Различен объем произведений: вторая песня «Мармиона» без вступления к песне, которое Жуковский не переводил, состоит из 634 стихов; «Суд в подземелье» включает 610. Для перевода Жуковский использует размер, найденный им в «Шильонском узнике» – 4-стопный ямб с мужскими окончаниями, тогда как у В. Скотта чередование 4-стопного и 3-стопного ямба с мужскими окончаниями и перекрестной рифмой.

Написание «Суда в подземелье» окружено молчанием и тайной, которую тща-тельно охранял Жуковский: ни в дневниках, ни в известных письмах нет ни едино-го упоминания о повести. За этой завесой тайны несомненно скрывалась память о печальном опыте общения поэта с цензурой по поводу «Иванова вечера», – пере-вода баллады В. Скотта. Но главная причина заключалась в понимании Жуковским серьезности и остроты поставленной им проблемы – свободы и рабства человека в

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhuковский в современном мире. Для постановки такой проблемы многое сошлось в жизни Жуковского в период осени – зимы 1832–1833 гг.: в феврале 1832 г. был закрыт «Ев-ропеец» И. В. Киреевского, за этим последовало письмо Жуковского к Николаю I, глубокая размолвка с царем и отъезд поэта на лечение в Эмс, потом в Швейцарию. Тягостные раздумья вызывала судьба декабристов, многие из которых томилась в сибирской каторге. Среди лиц, посещавших Жуковского в Швейцарии осенью 1832 г., неоднократно упоминаются Михаил Габбе и Карл Бок, каждый из которых пережил драму политического гонения и заточения в тюрьму или сумасшедший дом близкого человека – речь могла идти о судьбе Петра Габбе и Тимофея Бока – участников войны 1812 года, людей свободомыслящих, близких кругу декабристов, братьев Тургеневых и П. А. Вяземского (об этом см.: Рогинский А. П. А. Габбе. Био-графический очерк // Русская филология. Тарту. 1967. Вып. 2. С. 83 – ПО; Салу-пере М. Г. К биографии «Императорского безумца». Т. Э. Фон Бок (1787–1836) в романе Л. Кросса и новонайденных архивных материалах // Проблемы метода и жанра. Томск. 1979. Вып. 19. С. 61–83). Во время встреч шли политические разговоры о Польше, чтение и обсуждение книги Карла Адольфа Менцеля «Geschichte unserer Zeit seit dem Tode Friedrichs des Zweiten» (Описание. № 1634), на полях которой Жуковский подчеркнул рассуждения об европейских революциях и событиях 1825 года в России (см.: БЖ. Т. 2. С. 428–429). По замечанию Ю. М. Лотмана, «в поэме Жуковского „Суд в подземелье“ читатели 1830-х годов вычитывали не судьбу монахини, а нечто иное, применяя на себя ситуацию „Суда в подземелье“ (Лот-ман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Таллин., 1992. Т. 1. С. 317).

Мучительное чувство глубокого общественного неблагополучия рождали у Жуковского наблюдения и над современной Европой. «Теперьшнюю усталость» при виде Франции, в которой поэт отмечает «отсутствие всего Божественного, этот ма-териализм, это затмение всего высокого и святого в душе человеческой арифмети-ческими расчетами интереса», он называет «миром могилы», «гнилью и прахом», «мертвым состоянием» (ПЖТ. С. 276). Очевидная близость лексики письма и об-разного ряда в повести «Суд в подземелье» основана на едином для писем и произ-ведения пафосе неприятия насилия и бездуховности.

В интересе Жуковского к поэме В. Скотта важную роль сыграла поэзия Байро-на, к которому вновь, оказавшись на берегу Женевского озера, обратился Жуков-ский. В дневнике и в письме к И. И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 года из Верне поэт сообщает о путешествиях в Шильон, где все напоминает о Байроне и о переводе «Шильонского узника»: «В Шильоне, на Бониваровом столбе, вырезано его имя, а в Кларане у самой дороги находится крестьянский дом, в котором Бай-рон провел несколько дней и из которого он ездил в Шильон» (СС 1. Т. 4. С. 599). В дневнике 27 (9) октября 1832 года Жуковский записывает: « (...) поездка в Мон-тре и в Шильон. Байронова надпись Две тюрьмы» (ПСС 2. Т. 13. С. 336). Тема узничества, каменного заточения связала сюжеты двух повестей – «Шильонско-го узника» и «Суда в подземелье». Пометы Жуковского на страницах III и IV пе-сен «Паломничества Чайльд Гарольда», которое поэт читал зимой 1832–1833 гг. (БЖ. Ч. 2. С. 418–449), показывают, что созданию «горной философии», питавшей творческую энергию при переводе «Мармиона», способствовало не только чтение Менцеля и впечатления от природы (ПСС. Т. 12. С. 26), но и в огромной степени поэзия Байрона. Отмеченные в III песне поэмы Байрона 85–93 строфы посвяще-ны описанию места, где жил тогда Жуковский: Леман, Альпы, Юра, Рона. Природ-ные явления, возведенные Байроном в символические образы бытия человечества, волнуют Жуковского в его рассуждении о «горной философии»; подобно Байрону, он строит ее на резком противопоставлении свободы и неволи.

Связь «Суда в подземелье» с «Шильонским узником» проявилась и в характере описания тюрьмы и судей. Близость байроновского и вальтер-скоттовского изо-бражения каменной темницы достигается за счет использования сходных художе-ственных деталей. Так, стихи В. Скотта: «The mildew-drops fell one by one, with tinkling plash upon the stone. A cresset, in an iron chain, which served to light this drear domain, with damp and darkness seemed to strive, As if scarce might keep alive; And yet it dimly» (Заплесневелые капли падали одна за другой с звенящим всплеском о ка-мень. Факел на железной цепи, который служил освещением этого мрачного владе-ния, казалось, боролся с сыростью и темнотой; он едва ли мог поддерживать живое, но еще тускло светил) Жуковский переводит с подробностями, которые прямо кор-респондируют с его «Шильонским узником»: « (...) от мокроты / Скопляясь, капли с высоты / На камень падали; их звук / Однообразно-тих, как стук / Ночного маятника был; / И бледно, трепетно светил, / Пуская дым, борясь со мглой, I Огонь в лампа-де гробовой, / Висевшей тяжко на цепях; / И тускло на сырых стенах, I Покрытых плесенью, как корой, / Свет, поглощенный темнотой, / Туманным отблеском лежал». Об-раз жестокосердной приорши Тильмутской монастыря сгруппирован у Жуковского на резкой антитезе, восходящей к «Шильонскому узнику»: У В. Скотта: «Yon shrouded figure, as I

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh guess, By her proud mien and flowing dress, Is Tynemouth's haughty Prior-ess, And she with awe looks pale» (Вон та окутанная фигура, как я догадался, из-за ее гордой манеры, гладкого платья, была надменная настоятельница Тинемоута, она из-за благоговейного страха выглядела бледной). В переводе Жуковского образ получил дополнительное освещение: «С ней рядом, как мертвец бледна, / С суровой строгостью в чертах (...) Приорша гордая была; / И ряса черная, как мгла, / Лежала на ее плечах; / И жизни не было в очах, / Черневших мутно, без лучей, / Из-под седых ее бровей». Лапидарностью и афористичностью, свойственными слогу Байрона и Жуковского в «Шильонском узнике», отмечен и перевод «Мармиона». Направление работы над переводом определялось стремлением поэта выразить свое понимание ценности личности и раскрыть драматизм ее положения в современном обществе. Этим продиктован выбор жанра стихотворной повести в отличие от лироэпической поэмы В. Скотта. Характерно, что как на начальном этапе работы (судя по пометам при чтении «Мармиона» и выборе для перевода одной песни из шести), так и в процессе перевода Жуковский исключил пять строк текста из второй песни В. Скотта: с XXVII по XXXI. В этих строках передан рассказ героини поэмы Констанции Беверли (переименованной Жуковским в Матильду) о бесчестном поступке Мармиона, ложно обвинившем рыцаря де Вильтона в политическом измене королю с тем, чтобы жениться на невесте рыцаря, богатой Кларе де Клер. Констанция признается в нарушении ею религиозного обета и в преступном замысле отомстить с помощью сообщника Мармиону за его неверность. Отказавшись от изображения сложной коллизии, включавшей в свою орбиту многих героев, Жуковский выдвинул на первый план трагическую судьбу человека перед лицом бездушных судей и обстоятельств, что было акцентировано и в переименовании повести, получившей при публикации название «Суд в подземелье».

Судя по автографу № 2 и копии (см. построчный комментарий), Жуковский целенаправленно оттенял красоту и трагизм положения героини как противостояние жизни и смерти. Это проявилось в портретной характеристике. У В. Скотта «мертвенно-бледное лицо» Констанции обрамляли «светлые локоны, прекрасные и сверкающие» («those bright ringlets glistening fair») – у Жуковского: «И бледность мертвая лица / Была видней, была страшней / От черноты ее кудрей, / Двойною пышною волной / Обвивших лик ее молодой». Жуковский изменяет и характер своей героини в сравнении с Констанцией. В. Скотт подчеркивал ее твердость, независимость. Жуковский же оттеняет в Матильде трогательную хрупкость, молодость, незащищенность перед судьями. Особенно показательны черновые варианты: «томный свет в очах», «бледность юного лица», «безгласна и бледна». Усилению драматизма в духовном облике Матильды способствовала XIV строфа, написанная Жуковским как бы по мотивам исключенных им пяти строк В. Скотта (XXVII–XXXI), но обладающая совершенно новой, балладной структурой. Это тем более значимо, что «Суд в подземелье» создается в атмосфере балладного взрыва в творчестве Жуковского 1831–1833 гг. На малом пространстве текста (48 стихов) сконцентрированы характерные для баллады Жуковского мотивы тайны, тревоги, рокового предопределения, неотвратимости наказания, раскрытию которых служат хронопон ночи (в автографе № 2 «всенощной») с тишиной, туманом, луной, далеким звуком, музыкальность ритма и стиля, эмоциональная напряженность синтаксиса, многочисленные повторы контрастов, перебивка света и мрака, шума и тишины, а также сквозная анафора, закрепляющая трагический аккорд строфы последними семью стихами. Жуковский окружил героиню балладным ореолом тайны, тем самым снял с нее вину и облагородил ее личность. В лироэпической структуре XIV строфы образ Матильды оказывается соотносенным с балладными героинями Жуковского (Людмилой, Ленорой, молодой узницей из баллады «Узник»), и драма ее приобретает высокий общечеловеческий смысл.

Трагическая напряженность истории Матильды, внутренняя драматизация повествования сочетаются в переводе с тенденцией широкого воспроизведения жизни, что соответствовало эпической природе поэмы В. Скотта и художественным исканиям самого Жуковского. Установка на эпичность, связанная у Жуковского, как и В. Скотта, с представлением о высоком предназначении человеческой личности, о связях ее с историей, проявилась в нескольких моментах. Вслед за В. Скоттом Жуковский сохранил и даже усилил живописную полноту в изображении картин природы, облика юных монахинь, в передаче рассказанных ими легенд. Но эпичность повести Жуковского своеобразна. Для В. Скотта первоначален пафос истории, тогда как у Жуковского на первом плане судьба человеческой личности. При переводе поэт сократил число географических названий Шотландии, являющихся у В. Скотта способом создания исторической панорамы, но сохранил сюжет и маршрут путешествия по морю из Витби в Кутбертов монастырь. Историческая картина заменяется живописным описанием залива в вечеряющих лучах солнца. Нарисованный пейзаж несет на себе печать чтения поэтом другой поэмы В. Скотта – «Дева озера» (об этом см.: БЖ. Т. 3. С. 350), с характерной для Жуковского цветовой палитрой

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh («золото цветущих нив», «зеленеющий залив», «храм, блестящий яркой белизной»), эмоционально-насыщенной лексикой («сиянье», «блестящий», «увенчанный», «воз-нес»), разнообразием ритмического рисунка – мягкостью и плавностью открытых слогов начала строк и чеканным ходом закрытых окончаний. Стремясь вслед за В. Скоттом к воссозданию исторического колорита в реально-сти и полноте, Жуковский дополняет описания деталями мирного быта («большой узорчатый ковер», «резной высокий стул на нем с подушкой бархатной»). Своеобразие художественной манеры Жуковского в сравнении с В. Скоттом проявилось в характере отношения к фольклорному материалу. Жуковский в пе-реводе сохранил все введенные во вторую песнь «Мармиона» легенды о чудесах и святых, рассказываемые юными монахинями: о святом Кутberte, о саксонской принцессе и другие. Для создания эффекта исторической и фольклорной достовер-ности Жуковский активно русифицирует текст, вводит архаическую, церковную и разговорную лексику (типа: «ладья», «творят поклоны», «княжна», «чернец», «боле», «брег», «трапезница» и др.). Вместе с тем легенды у Жуковского получают лирико-эмоциональную обработку, сообщая им дополнительный психологический и философский смысл. Так, легенда о пролетающих над Витби птицах, оказывающих почтение святой своим трепетаньем и гибелью, становится у Жуковского психо-логическим предварением драмы героини. В переводе «морские птицы», «гуси» (sea-fowls) заменяются «журавлями» (святыми птицами из «Ивиковых журавлей»), 30 - 1368

#7

а описание их мучительной смерти («Журавль застонет, закричит, / Перевернется, упадет, / И чудной смертью отдает / Угоднице блаженной честь»), как эхо, повто-рится в сцене заточения Матильды («Трепещет, борется, кричит»; «И глухо жал-кий, томный крик / Из глубины их провожал»). Жуковский сохранил композиционные рамки второй песни «Мармиона», на-чинавшейся с описания вечера и заканчивавшейся изображением спустившихся на землю ночи и покоя, нарушаемого лишь тревожными ударами колокола. Но картину засыпающего после разыгравшейся трагедии мира поэт довел до абсолют-ной точки покоя и тишины. Закрывающие вторую песню стихи – описание оленя, слушающего звон колокола: «And quaked among the mountain fern, / To hear that sound so dull and stern» (И задрожал посреди горного папоротника, слушал этот звук, такой неясный и суровый) Жуковский перевел, а далее продолжил: «И снова лег...и снова там / Все, что смутил минутный звон, / В глубокий погрузилось сон». Таким образом, опираясь на лироэпическую основу поэмы В. Скотта, Жуков-ский создал оригинальную стихотворную повесть, отмеченную глубиной философ-ского понимания судьбы человека и созвучную общественным и эстетическим ис-каниям русской литературы 1830-х гг.

Кроме отзыва А. С. Пушкина о начатом Жуковским переводе из «Мармиона» известна высокая оценка, данная В. Г. Белинским. Во второй статье о Пушкине критик, сравнивая повести «Пери и Ангел» и «Суд в подземелье», пишет: «Не-сравненно выше, по существу перевода, почти никем не замеченная поэма "Суд в подземелье". Мрачное содержание этой поэмы взято из мрачной жизни неве-жественных и дико фанатических средних веков. Молодую монахиню, увлечен-ную страстию сердца, осуждают быть заживо схороненною в подземном склепе...» (Белинский. Т. 7. С. 210). И далее Белинский цитирует отрывок из повести – стихи 423–478, 527–610. Характерно, что, приводя текст повести, Белинский выпустил XIV строфу (479–526 стихи) – оригинальное создание, а не перевод из В. Скотта. Обращение Жуковского к переводу поэмы Вальтера Скотта не было первым в России. В 1828 г. она была переведена полностью прозой: «Мармион, или Бит-ва при Флодден-Филде. Сочинение Сира Вальтера Скотта. Перевод с француз-ского, в двух частях. М., 1829». Известен также стихотворный перевод фрагмента поэмы, сделанный И. И. Козловым: «Беверлей. Шотландская баллада из Вальтера Скотта. Вольное подражание» (1833). Знаменателен факт обращения А. С. Пушки-на к поэзии В. Скотта в 1830-е годы. фрагмент «Шумит кустарник... На утес // Олень веселый выбегает...», датируемый предположительно 12 марта – 23 апреля 1830 г., соотносится исследователями на основании статьи Д. П. Якубовича с поэ-мой В. Скотта «Дева озера». (См.: Якубович Д. П. Из заметок о Пушкине и Вальтер-Скотте. I. К пушкинскому наброску «Шумит кустарник...» // Пушкин и его совре-менники. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 122–140).

Ст. 10. Из Витби инокинь несла... – витби (Whitby) – женский монастырь Св. Гильды в Нортумберленде. «Аббатство витби в Кливленде, на побережье Йорк-шира, было основано в 657 году (...) Там жили и монахи и монахини бенедиктин-ского ордена, но, вопреки принятым в подобных случаях установлениям, аббатисса там властью превосходила аббата» (Примечание В. Скотта. Перевод Г. С. Усовой // Скотт В. Мармион. СПб., 2000. С. 218.).

Ст. 12. Она к Кутбертовым брегам... «Кутбертовы брега – обширное владение

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu...
епархии Дарем по имени Св. Катберта, шестого епископа Линдисфарна. Пастух с Ламмермурских холмов был сначала монахом в Мелрозском аббатстве, епископом стал в 685 году. При нем было расширено аббатство, построенное из тяжелых теса-ных камней, в основном из гранита, в саксонско-норманском стиле. Только часть, пристроенная уже в XII-XIII столетиях, носит следы готики» (Бетаки В. П. По следам лорда Мармиона (Записки переводчика) // Скотт В. Мармион. СПб., 2000. С. 345).

Ст. 110. Была в Линдфарн приглашена... – «Линдисфарн, остров на побережье Нортумберленда, называли Святым Островом из-за святости его старинного мона-стыря и еще потому, что он был резиденцией епископа в епархии Дарема в течение первых лет христианства в Британии. (...) Руины монастыря на Святом Остро-ве свидетельствуют о глубокой старине. Арки, как правило, выполнены в строго саксонском стиле, а их поддерживают низкие, прочные и массивные колонны. В некоторых местах, однако, заостренная форма окон показывает, что здание рестав-рировалось в более поздний период по сравнению с первоначальной постройкой. (...) Линдисфарн – не совсем остров, скорее полуостров, ибо окружен морем во время полного прилива, отлив оставляет сухими пески между ним и противопо-ложным берегом Нортумберленда, от которого он находится на расстоянии около трех миль» (Примечание В. Скотта. Там же. С. 219).

Ст. 239–240. Когда-то были Брюс, Герберт II и Перси... – В основе легенды, по словам В. Скотта, лежит популярный рассказ о том, как на пятый год царствования Генриха II, после завоевания Англии Вильгельмом, герцогом Нормандии, лорд Агдебарнби (называемый тогда Уильямом де Брюсом), лорд Смитон (званный Ральфом де Перси) вместе с джентльменом и свободным землевладельцем по имени Аллатсон 16 октября 1159 года уговорились встретиться для охоты на дикого вепря в некоем лесу, или на пустоши, принадлежащей аббату Витби. Потерпев неудачу в охоте, они жестоко расправились с монахом, возле жилища которого издох загнан-ный вепрь. Наказание их смертью по просьбе умирающего святого отшельника было заменено епитимьей, наложенной на род каждого из охотников – в день Воз-несения исполнять работы: «Тебе, Уильям де Брюс, или твоим родственникам (...) вырезать пенсовым ножом десять колеев, одиннадцать жердей и одиннадцать под-порок; тебе, Ральф де Перси, надо будет таким же образом вырезать по двадцати одной штуке каждого образца, а тебе, Аллатсон, по девять каждого сорта, и все это вы должны на спине относить в город Витби и явиться туда до девяти часов утра в назначенный день. (...) И епископский служитель Эскдейл-сайда всегда будет тру-бить в свой рог: Стыдитесь! Стыдитесь! Стыдитесь! – в память этого неслыханного преступления». «Эта служба, – добавляется в рукописи, – до сих пор выполняется с преданными церемониями, хотя и не лично этими собственниками. Часть этих земель принадлежит теперь джентельмену по фамилии Герберт» (Примеча-ния В. Скотта. Там же. С. 219–221).

Ст. 262–263. ...как превращены II Бее змеи в камень... – Все старинные авторы, которые имеют случай упомянуть Витби или Святую Гильду, настаивают на двух совершенных ею чудесах. Останки змей, бывало так и кишевшие на территории монастыря, благодаря молитве аббатисы, не только были обезглавлены, но превра-щены в камень; их все еще обнаруживают среди скал, и протестантские палеонто-логи называют их *Ammonitae*» (Примечание В. Скотта. Там же. С. 222).

30'
469

Ст. 274–275. и чудной смертью отдает // Угоднице блаженной честь – «Другое чудо Камден упоминает следующим образом: "Могуществом ее святости также объ-ясняют то, что дикие гуси, которые зимой перелетают большими стаями к озерам и рекам, в южных областях не замерзающим, к великому всеобщему удивлению внезапно падают наземь, пролетая над соседними полями в здешних местах; я бы не утверждал этого, если бы не имел такие сведения от нескольких человек, достой-ных доверия" (Примечание В. Скотта. Там же. С. 222).

Ст. 291. Мельрос Кутберт живой любил... – Мелроз (Melrose) – «город, сложив-шийся вокруг Мелрозского аббатства, расположен на юге Шотландии, в долине Твида недалеко от Абботсфорда, поместья Скотта» (Там же. С. 223). «Выбирая для себя могилу, Святой Кутберт оказался самым переменчивым и неблагоприятным святым в календаре. Умер он в 688 году в убежище отшельника на Фарнских остро-вах, отказавшись от епископства в Линдисфарне, или на Святом Острове, за два года до того. Тело его было перевезено в Линдисфарн, где и оставалось до высадки датчан около 793 года, когда монастырь подвергся почти полному разрушению. Монахи спаслись бегством в Шотландию с тем сокровищем, которое считали для себя главным, – с мощами Святого Катберта. Святой оказался, однако же, весь-ма капризным спутником. Это было особенно невыносимо потому, что, подобно Синдбаду – Мореходу, он совершал переезд на плечах своих товарищей. За не-сколько лет они торжественным парадом пронесли его через всю Шотландию и до-брались до Уитерна в

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Галлоузе на западе, откуда попытались на парусах добраться до Ирландии, но бури вынудили их вернуться. Наконец, Святой сделал остановку в Нореме, а оттуда добрался в Мелроз, где и пребывал некоторое время, пока не распорядился отправить себя по Твиду в каменном гробу, который доставил его на берег в Тилмуте, в Нортумберленде» (Примечание В. Скотта. Там же. С. 222–223).

Ст. 299–300... .миновав /I Тильмут и Риппон... – Тилмут (Tilnouth) – аббатство, стоящее при впадении реки Тилл в Северное море; Райпон (Rippon) – город в Йоркшире, где находится монастырь VII века.

Ст. 304. Святой, готический дургам... – дургам, или дарем (Durham) – «один из значительных городов Нортумберленда, где расположен известный английский университет, некоторые здания которого восходят к XIII–XVII века. Даремский собор (ранняя готика, сохранившая следы романского стиля) – одно из самых больших церковных зданий во всей Великобритании. В нем похоронен Св. Кат-берт Беда» (Там же. С. 316).

Ст. 318. Пришла с ним рать галвегиаи... – Галвегиане – жители графства Галь-вей в Южной Ирландии.

Ст. 326. Им ободрен были Альфред... – Альфред Великий (ок. 848–900) – король Уэссекса, англо-саксонского средневекового королевства.

Ст. 362. Король Кольвульф, покинув свет... – Кольвульф – король Нортумбрии, покровитель Беды Достопочтенного, ушел в монастырь в 738 году.

Ст. 443. Прямую святость уморя... – В черновом автографе № 1 дан вариант: «Былую святость уморя».

Ст. 453. Иссохнувший полумертвец... – Первоначальный вариант в автографе № 1: «Живой мертвец».

Ниже приводятся варианты из чернового автографа № 2 к следующим стихам:

Ст. 476. С насмешкой злобно глядит... – «И лоб наморщивши глядит...»

Ст. 480–481. ..лишь сошла I/ Та роковая полночь, мглой... – «Лишь взошла (за-черкнуты варианты): а) «в ту роковую ночь луна...»; б) «та роковая ночи мгла...»

Ст. 483–484. Тильмутская обитель вся //Вдруг замолчала... – «Тильмутская обитель вся (варианты): а) «умолкла»; б) «вдруг опустела».

Ст. 499. В густой пыли копыт и ног... – «Недавний след копыт и ног...»

Ст. 500. И слышен ей далекий скок... – «И слышен ей как будто скок...»

Ст. 501. Она с волнением в даль глядит... – «Она стоит и робко ждет...»

Ст. 502. Но там ночной туман лежит... – «Но даль пуста...»

Ст. 507–508. Минуты две подождала; // Потом с молитвою пошла ... – «Она еще подождала, // Перекрестилася, пошла...»

Ст. 519. Окаменев, она стоит... – «Она как мертвая стоит...»

Ст. 524. И в монастырь увлечена ... – «И вот опять погребена...»

Ст. 528. Стоит, почти умерщвлена... – «Стоит безгласна и бледна...»

Ст. 530. И бледность мертвая лица... – «И бледность (юного – зач.) мертвая лица...»

Ст. 531. Была видней, была страшней... – «Пугала яркостью своей; была: а) «страшней»; б) «разительней», в) «ужаснее». – В авторизованной копии представлены два варианта стиха: а) «пугала бледностью своей»; б) «пугала яркостью своей».

Ст. 534. Обливших лик ее младой... – Варианты: а) «Обливших черной пеленой»; б) «Обливших черною струей». В авторизованной копии: «Обливших лик ее младой».

Ст. 535. Оцепенев, стоит она... – «Как холодный труп стоит она».

Ст. 537. И если б мутный луч в глазах... – «И если б томный блеск очей». В авторизованной копии этот стих имеет вид: «И если б томный свет в очах».

Ст. 538. И содрогание в грудях... – «И трепет дышущей груди».

Ст. 542. Так бездыханна, так бледна... – «Так недвижима, так бледна». В с 5 оче-видная опечатка: вместо «бледна» – «бедна».

Ст. 550. Тому, кто раз в тот гроб войдет... – Варианты: а) «Кто в роковую...»; б) «Тому, кто раз в ту дверь войдет...».

Ст. 552–554. Коренья, в черепке вода ~ уже готовы в гробе том... – «Лампада, в черепке вода, // И хлеба черствого ломоть // Там приготовлены...»

Э. Жилиякова
Ундина
Старинная повесть («Бывали дни восторженных видений...») (С. 113)
Автографы:
1) РНБ. Оп. 2. № 30. л. 1 об. – черновой (глава I, ст. 33–52), с заглавием: «Ун-дина», подзаголовком: «О том, как рыцарь пришел в хижину рыбака», с датой на л. 1: «18 ноября 1831».

2) РНБ. Оп. 1. № 39а. л. 2–9 об. – черновой (главы I–III; глава IV, сг. 452–466), с датами: «Декабря 9» (л. 2) – «31 декабря» (1832 г.) (л. 9), с заглавием: «Ун-дина», нумерацией и подзаголовками глав.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

3) ПД. № 20483. Л. 1–20 – черновой, с незначительной правкой (главы I–III), с заглавием: «Ундина. Старинная повесть», с нумерацией и подзаголовками глав, с датировками процесса работы: «9/21 – 19/gj дек.(абр) (1832 г.) Верне».

4) РНБ. Оп. 1. № 39г. Л. 1–1 об. – черновое прозаическое предисловие, адресованное великой княжне Марии Николаевне.

5) ПД. № 28466. Л. 4 – черновой стихотворного вступления («Бывали дни вос-торженных видений...»), с датой: «27 февраля 1837 г.».

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 39а. Л. 1 – рукою П. А. Плетнева (глава I, сг. 33–55), с незначительной правкой Жуковского, с заглавием: «Ундина», подзаголовком: «Глава первая. О том, как рыцарь пришел в хижину рыбака».

2) РНБ. Оп. 1. № 39б. Л. 1 – копия с исправлениями рукою Жуковского (глава IV, ст. 452–466), с датой: «30 декабря 1833» рукою Жуковского, с подзаголовком: «IV глава. О том, что случилось с рыцарем в лесу».

3) РНБ. Оп. 1. № 39в. Л. 1–17 – копия с исправлениями рукою Жуковского (главы IV–VIII), с датами начала и окончания работы: «17 октября» – «30 октя-бря» (1835 г.), с нумерацией и подзаголовками глав.

4) РНБ. Оп. 1. № 39г. Л. 17 об. – 43 – копия рукою Е. А. и А. А. Воейковых (главы IX–XIX) с исправлениями рукою Жуковского, с датами: «26 июня» – «17 июля 1836, Эллистер», с нумерацией и подзаголовками глав.

5) РНБ. Оп. 1. № 39д. Л. 1–31 – копия с исправлениями рукою Жуковского (главы I–V) 1836 г., с нумерацией и подзаголовками глав.

Впервые: БдЧ. 1835. Т. 12. С. 7–14. Раздел: «Русская словесность». Ц. р. 31 августа 1835 г. Отрывки из I–III глав, с названием: «Ундина. Старинная повесть», подписью: «Жуковский»; БдЧ. 1836. Т. 20. С. 5–32. Раздел «Русская словесность». Ц. р. 29 декабря 1836 г. Главы IV–X, с названием: «Ундина. Старинная повесть», с подписью: «Жуковский»; отдельное изд.: «Ундина. Старинная повесть, рассказанная на немецком языке в прозе Бароном Ф. Ламотт Фуке, на русском в стихах В. Жуковским. СПб., 1837». Издание книгопродавца Александра Смирдина. Ц. р. 5 сентября 1835 г. (sic! – Н. В.), с гравированным Н. Уткиным рисунком Е. Рей-терна, изображающим Жуковского на фоне Женевского озера, с двадцатью гравированными рисунками – иллюстрациями Л. Майделя (в части тиража), с прозаическим предисловием, адресованным великой княжне Марии Николаевне, со стихотворным посвящением ей же: «Бывали дни восторженных видений...».

В прижизненных изданиях: С 4–5: С 4 (Т. 8. С. 1–243), с заглавием: «Ундина. Старинная повесть», с прозаическим предисловием, адресованным великой княжне Марии Николаевне, с гравированным Т. Райтом портретом Жуковского. С 5 (Т. 5. С. 145–276) – с тем же заглавием, но с добавлением в оглавлении в скобках: «Подражание Л. Фуке», в подборке произведений 1835 г. Изъято прозаическое предисловие, адресованное великой княжне Марии Николаевне.

Датируется: 18 ноября 1831 – 25 июля 1836 г.

Творческая история «Ундины», реально вовлеченная в литературный процесс 1830-х годов, на уровне замысла восходит ко времени создания ранней «старинной повести в двух балладах» «Двенадцати спящим девам» (1810–1817 гг.), намечая ряд преемственных черт (прозаический источник, сказочно-легендарное повествование, идеальный герой). Оба эти произведения являются эпилогами плодотворных балладных периодов (1808–1814) и (1828–1833), но вместе с тем именно «Ундина» становится наиболее полным выражением нравственно-эстетической философии Жуковского, его поэтики.

Первое знакомство с повестью немецкого прозаика, драматурга и поэта, близкого к романтизму и названному «Дон Кихотом романтизма», барона Фридриха Генриха Карла де ла Мотт Фуке (1777–1843), обычно относят к 1816 году, времени пребывания Жуковского в Дерпте и сближения с немецкой культурой в лице дерптской научной и художественной интеллигенции. Эти процессы активизируются планами арзамасских альманахов, образами будущих сборников «Für wenige. Für wenige». Поэт неоднократно обращается к постоянному эпистолярному адресату А. И. Тургеневу с просьбами о присылке «Ундины», мотивируя это творческой необходимостью. Так, в письме от 16 августа 1816 г. звучит полушутливый вопрос-условие: «Правда ли, что ты действительный статский советник? Если правда, то купи мне и поскорее пришли "Ундину". Весьма, весьма одолжишь. Она мне нужна» (ПЖТ. С. 159). 24 августа того же года он конкретизирует поручение: «Опять повторяю просьбу об "Ундине". Она продается и отдельно, и с другими по-вестями, напечатанными в четырех книжках под титулом: "Die Jahreszeiten". Купи для меня все, если найдешь. Очень, очень буду обязан. Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна моей Музе» (ПЖТ. С. 160). Альманах «Die Jahreszeit-en.

Vierteilsjahrschrift für romantische Dichtungen», издаваемый Фуке и выходящий под заголовками, части которого озаглавлены названиями времен года, в весенней книжке которого была опубликована «Undine» («Frühling – Heft»), и в целом

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu при-влек внимание Жуковского. Так, в 1817 г. среди названий-замыслов значится по-весть ла Мотт фуке «Aslaugas Ritter» («Рыцари Аслауги»), напечатанная в осенней книжке того же альманаха (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24 об.). В начале сентября 1816 г. книга Жуковским еще не получена. «Начинаю понемногу писать. Что пишу, о том ни слова. Пора перестать мне обо всем наперед рассказывать. Но ты не получишь ничего по тех пор, пока я не получу от тебя "Ундины" и ответа на запрос по делу Воейкова» (ПЖТ. С. 161). Тем не менее книгу Жуковский получает не от Тургенева, а от своего хорошего знакомого, известного дерптского педагога, поэта, издателя Мартина Асмуса, о чем свидетельствует дарственное письмо-послание последнего от 16 сентября 1816 г. (РНБ. Оп. 2. № 246; ср.: Ж. и русская культура. С. 442).

Рукописи поэта 1817–1832 гг. подтверждают многолетний интерес к творче-ству фуке, и к «Ундине» особенно. Это отражается в росписях задуманных сочине-ний, списках фамилий авторов, предназначенных для перевода. Контекстом этого интереса становится проспект альманаха, прообраза арзамасского журнала. В отли-чие от политического радикализма новообращенных арзамасцев (Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова) Жуковский ориентировал читателей на культурно-языковой диалог, планируя первый опыт в форме русской и немецкой книжек и тщательно оговаривая даже внешний тип издания и предполагаемые названия. Немецкий альманах он хотел назвать «Тевтона», а среди авторов планировал со-чинения Гёте, Гердера, Гебеля, Новалиса, Тика, Жан-Поля, Шлегеля, Гумбольдта, Якоби и др. Возникает довольно пестрая разножанровая картина писателей, фи-лософов, ученых первого ряда и тех, кто остался достоянием историков культуры (см. письмо Жуковского к Д. В. Дашкову, адресованное из Дерпта, вероятно, в на-чале 1817 г. (С 7. Т. 6. С. 439–442)). Жуковский помещает «Ундину» в план русской части альманаха, то есть в числе оригинальных сочинений, и уже в это время на-мечает перевод именно в стихах, а не в прозе, на что не всегда обращают внимание исследователи. Он разделяет произведения ла Мотт фуке на две части. «Немецкая книжка (...) Лам.(отт) фуке. Из Erzählungen. (Многое множество прекрасного) (...)

Сказку из Ламотт-фуке» (С. 7. Т. 6. С. 441–442). «Русская книжка. (1-е) я бы назвал ее "Аониды"; она бы была продолжением "Аонид" Карамзина (...) Первая поло-вина "Ундины" в стихах» (Там же. С. 440–441). Серьезность, к сожалению, не со-стоявшегося замысла (отчасти воплотившегося в языковом параллелизме сборни-ков «Ftir wenige. Для немногих») подкрепляется и уточняется материалами архива поэта, где имя фуке упоминается в многочисленных списках (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24 об.). На л. 27 той же единицы хранения, среди материалов, датированных Жуковским 1817 г., с подзаголовком: «Приготовление к Игорю» (то есть к переводу «Слова о полку Игореве»), содержатся планы первой и второй частей задуманного альманаха с обозначением произведений, предназначенных для перевода и имен авторов-переводчиков. Рядом с «Ундиной» запись: «апр.(ель), м.(ай), и(юнь), и(юль), а(вгуст)»; здесь же уточняются другие замыслы из фуке для немецкой части: «Aslau-gas Ritter» («Рыцари Аслауги»), «Statthalter» («Наместник»), «Неизвестный большой» у Жуковского, у фуке: «Der unbekannte Kranke» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24 об.), что соответствует: «Из Erzählungen» (С. 7. Т. 6. С. 441). Итак, знакомство Жуковского с «Ундиной» фуке относится к 1816–1817 гг. Но есть свидетельство самого поэта, сдвигающее время интереса к повести к 1815 г. В черновом автографе прозаического предисловия, обращенного к великой княж-не Марии Николаевне, напечатанном в отдельном издании «Ундины» 1837 г. и в С 4 и снятом в С 5, Жуковский сообщает: «В 1815 году прочитал я в первый раз "Ундину"» (РНБ. Оп. 1. № 39г. Л. 1), но зачеркивает эту запись. Возможно, к этому времени относится именно чтение повести фуке, послужившее поводом к замыс-лам перевода в 1816–1817 гг.

Взаимоотношения Жуковского с Фридрихом ла Мотт фуке носят творческий и биографический характер. В библиотеке поэта сохранился ряд изданий фуке. Это «Vaterlandische Schauspiele. Berlin, 1811» (Описание, № 1043); «Alboin, der Lango-bardenkonig. Ein heldenspiel. Leipzig, 1813» (Описание, №1044); «Dramatische Di-chtungen fur Deutsche. Berlin, 1813» (Описание, №1045); «Die Fahrten Thiodolfs des Islanders. Ein Ritterroman. Hamburg, 1815» (Описание, №1046); «Karls der Groben Geburt und Jugendjahre. Ein Ritterlied, Ntirnberg, 1816» (Описание, №1047 – кон-волют с №1044); «Der Zauberring. Ein Ritterroman. Ntirnberg, 1816» (Описание, №1048); «Don Carlos Infant von Spanien. Ein Trauerspiel. Danzig, 1823» (Описание, №1049). Издание «Undine» в составе библиотеки не сохранилось.

Еще одним свидетельством долговременного интереса не только к «Ундине», увековечившей имя переводимого автора в русской культуре, но и в целом к твор-честву фуке, являются многочисленные архивные росписи задуманных, но не осу-ществленных произведений. Об этом упоминалось выше. Напомним названия со-чинений фуке с 1817 по 1832 гг., которые Жуковский намечал для перевода. Так,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu в списке 1817 г., обозначенном «Поэмы», значатся два романа Фуке: «La Mott Fouque. Zauberring. Tiodolf» (РНБ. Оп. 1. №77. л. 24 об.; л. 29). Здесь же, на л. 24 об.: «Не-известный больной. Aslaugas Ritter. Statthalter»; на л. 27: «Undine Фуке». В 1817 г. он намечает для перевода в задуманной немецкой книжке альманаха эти повести Фуке. В дневниках 1821 г. значится чтение «Zauberring» (22 февраля и 5 марта). См.: ПСС 2. Т. 13. С. 160.

Личные отношения Жуковского и Фуке исчерпываются встречей в Берлине во время первого заграничного путешествия. 24 октября (5 ноября) Жуковский фиксирует в дневнике: «Ла Мотт Фуке (...) Разговор наш состоял из комплиментов и продолжался недолго» (ПСС 2. Т. 13. С. 145). Жуковскому удается подметить личностное и творческое внутреннее противоречие Фуке при, казалось бы, внешне устоявшейся монолитной репутации «рыцаря романтизма», «Дон Кихота романтизма». Это относится к несовпадению поэта и человека, что противоречит формуле Жуковского: «жизнь и поэзия одно». Кроме того, русский поэт отмечает неровность творческой манеры Фуке, что и сделало плодотворного беллетриста фактически автором одного произведения. «В лице ла Мотт Фуке нет ничего, оста-навливающего внимание. Есть живосгъ в глазах: он имеет талант, и талант необык-новенный, он способен, разгорячив воображение, написать прекрасное. Но это не есть всегдашнее, зависит от расположения, находит вдохновением; автор и человек не одно, и лицо его мало изображает того, что чувствует и мыслит автор в некото-рые минуты» (Там же).

К началу перевода «Ундины» в 1831–1833 гг. мы не встречаем у Жуковского прямых эстетических оценок творчества Фуке, но швейцарский фон позволяет го-ворить о некоем типологическом сближении жизненных и нравственных позиций двух художников. Своеобразный рыцарский стоицизм Фуке, его постоянное обра-щение к сюжетам раннего Средневековья в противовес европейской современно-сти, верность идеалам чести, достоинства, выраженным, может быть, излишне де-кларативно, соотносятся с умонастроением Жуковского, его «горной философией» и поэтической формулой верности сформировавшимся когда-то идеалам (баллада «Старый рыцарь»). Новое обращение к «Ундине» следует отнести к 1831 г., а фактически к 1832– 1833 гг., т. к. от 1831 г. дошло лишь 20 начальных стихов первой главы (автограф № 1). Вероятно, творческим импульсом послужило лето 1831 г. в Царском Селе, когда Жуковский, Пушкин и Гоголь вступили в своеобразное «сказочное соревнование». В июне-июле этого же года выходит чрезвычайно важное, итоговое изда-ние «Баллад и повестей».

Во время второго заграничного путешествия, начавшегося 18 июня 1832 г., Жу-ковский вновь приступает к переводу «Ундины», что происходит в Швейцарии. Ин-тересно, что этому предшествует чтение повестей (новелл) Фуке, упоминавшихся в 1817 г. В дневнике (записи от 19–21 декабря 1832 г.) зафиксировано чтение: «Gal-genmannlein» («Человечек из-под виселицы»), «Kohlerfamilie» («Семья угольщика»), «Der unbekannte Kranke» («Неизвестный больной») (ПСС 2. Т. 13. С. 342). 27 ноя-бря (9 декабря) 1832 г. он записывает: «Прогулка в Шильон. Начал "Ундину" (Там же. С. 340); 18 (30) декабря: «Кончил 3 главу "Ундины" (Там же. С. 342). Наконец, 23 (4) января 1833 г.: «Поправлял "Ундину" (Там же). В архиве поэта сохранились автографы первых трех глав и стихов 452–466 четвертой главы (автографы 2 и 3). Процесс создания датирован Жуковским порой с точностью до одного дня.

Черновой автограф хранится в РНБ (автограф № 2), причем начальные стихи первой главы переписаны рукой Плетнева с правкой Жуковского (копия № 1). Ко-пия представляет собой отдельный лист, без даты, включающий стихи 33–53, с заглавием: «Ундина. Глава первая. О том, как рыцарь пришел в хижину рыбака». Текст сходен с С 5, стих 53 вписан Жуковским, им же исправлено «озеро» на «море», соответствующее окончательной редакции.

Продолжение главы I и ее окончание (РНБ. Оп. 1. № 39а. л. 2–3 об.) носит ярко выраженный рабочий характер. Текст расположен на листе с оборотом в i/9 д. л. (л. 2–2 об.), окончание в тетради (л. 3–3 об.). Это черновой автограф, на-писанный карандашом (ст. 54–153) и чернилами поверх карандаша (ст. 54–99). Ст. 54–99 датированы: «декабря 9» (1832 г.); ст. 100–153: «декабря 10» – «де-кабря 11». Со ст. 100 текст написан карандашом. Окончание главы I (со ст. 153) находится в отдельной линованной тетради в 1/8д. л., занимаемая л. 3–3 об., за ним следуют II, III и начало IV главы. Окончание главы I написано карандашом. Текст разбит на десятистишия, с подсчетом стихов, не совпадающих с С5.

Автограф главы II занимает л. 4–7 тетради, написан сначала карандашом, по нему правка чернилами, за исключением л. 7 (со ст. 352 до конца), с делением на пятистишия, с подзаголовком: «Глава II. О том, как Ундина в первый раз явилась в хижине рыбака». Процесс работы датируется следующим образом. На л. 4 каран-дашом вверху слева: «17/19 декабря» (1832 г.), здесь же справа чернилами: «Начато 9 декабря»; на л. 5 об. около ст. 297: «26 декабря», на л. 6 рядом со ст. 331: «27

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
дек. (абря)».

Автограф главы III занимает л. 7 об. – 9 об.; текст написан чернилами по ка-рандашу, разбит на пятистишия, с подзаголовком: «Глава III. О том, как они нашли Ундины». Проставлены даты: на л. 7 об. вверху: «28 дек.(абря)», на л. 8 около ст. 383: «29 декабря», на л. 8 об.: «30 дек.(абря)» (ст. 431), на л. 9: «31 дек.(абря)» (ст. 444).

Таким образом, датировка первых трех глав перевода выглядит так:

Глава I 9–11 декабря 1832 г.

Глава II 9–27 декабря 1832 г.

Глава III 28–31 декабря 1832 г.

В РО ПД хранится перебеленный текст трех первых глав с незначительной правкой карандашом и чернилами, написанный разборчивым почерком. Автограф расположен в отдельной тетрадке желтой бумаги, занимая 20 листов. Имеется об-щее заглавие на отдельном листе: «Ундины. Старинная повесть». Оно станет кано-ническим.

Глава I (л. 4–8 об.) начинается со сг. 54, без заглавия. На л. 8 об. в конце главы дата: «9/21 – 12/24дек.(абря) Верне», зачеркнутая Жуковским.

Глава II (л. 9–15) с подзаголовком: «О том, как рыбак нашел Ундины», не совпа-дающим с С 5 («Глава II. О том, как Ундины в первый раз явилась в хижине рыбака»). В конце текста на л. 15 дата, зачеркнутая Жуковским: «13/25 – 15/27 декабря».

Глава III (л. 16–20) названа: «О том, как опять отыскалась Ундины» (в С 5: «Глава III. О том, как была найдена Ундины»). В конце на л. 20 дата: «16/28 – 19/31 дек(абря) Верне».

С учетом автографов № 1 и № 2 и записей в дневнике время создания первых трех глав: 27 ноября (9 декабря) 1832 – 23 декабря (4 января) 1833 г.

Письма и дневники Жуковского дают представление об особой психологической атмосфере и творческих импульсах создания начала поэмы. Постоянными мотива-ми являются размышления о пользе не одиночества, а уединения, о собственном нездоровье (Жуковский находился в Швейцарии на лечении), о погруженности в природу, а не в «цивилизацию». В письме А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве он сообщает: «Там (в Дрездене. – Н. В.) был под боком театр и семейство Пушкиных, а здесь одно Женевское озеро, Симплонская дорога (...) и картина гор, на кои еще не отваживаюсь взбираться» (ПЖТ. С. 270). Столь же часто звучит тема материального, буржуазного, массового «духа времени», противостоящего вечным, идеальным нравственным и религиозным началам. В письме от 15 (27) января 1833 г. из Верне он делится этими соображениями с тем же адресатом: «Но такой образ мыслей (Радовица. – Н. В.) есть доска спасения в нашем убийственно по-зитивном веке, когда все возвышающее душу засыпано земным сором, когда нет святого, когда математический гордый ум гонит Бога с его места и когда образован-ность сделалась плодом без зерна» (Там же. С. 271). Не случайно в ноябре 1832 г. написана баллада «Старый рыцарь», нравственное credo Жуковского, не случайно именно в это время начата «Ундины», с ее утверждением идеальных основ бытия.

В письмах и дневнике сливаются описание повседневного быта и интерес к со-временной политической истории. Особый интерес представляет так называемая «горная философия» Жуковского. Она выразилась прежде всего в известном пись-ме к великому князю Александру Николаевичу от 4 (16) января 1833 г. (С. 8. Т. 5. С. 476–478), ставшему основой «Отрывков из письма о Швейцарии». Жуковский определяет свое отношение к назначению и месту человека в мире, размышляет о границах его свободы, метафорически соотносит бытие и человека, представля-ет свою философию истории. Глубоко опосредованно это проявляется в «Ундине», и не столько в непосредственной проблематике, сколько в тональности, в полной высоких обобщений пространственно-временной картине с ее мотивами водной стихии и горного воздуха. В письме к наследнику он резюмирует: «Жизнь чело-веческого рода можно сравнить с волнующимся морем: буря страстей производит эти минутные волны, восстающие, падающие и беспрестанно сменяемые другими. Каждая из них кажется каким-то самобытным созданием; и если бы каждая могла мыслить, то она в быстром своем существовании могла бы вообразить, что действу-ет и созидает для вечности. Но она со всеми своими скоропреходящими товарища-ми только принадлежит к одному великому целому, все они покорствуют одному общему движению; иногда движение кажется бурей: бездна кипит; но вдруг все гладко и чисто; и в этом за минуту столь безобразном хаосе вод спокойно отражает-ся чистое небо. Вот вам философия здешних гор» (С 8. Т. 5. С. 476).

Текст художественного перевода опосредованно проецируется и на биогра-фические реалии этого времени. Швейцарское уединение Жуковского соотно-сится с ситуацией рыцаря-героя «Ундины», попавшего в условный идиллическо-патриархальный мир. В письме к А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве он сообщает: «О моем житье-бытье не беспокойся; я не один, со мною Рейтерн, который выписывает на

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский зиму и свое семейство, так что я буду и в совершенном уединении, и со своим домом» (ПЖТ. С. 267).

Возникающий в переводе образ героини поэмы типологически близок умершей в 1829 г. А. А. Воейковой, что придает биографической основе универсальный смысл: жизнь каждой любящей и страдающей женщины в ее развитии становится образом прекрасной души и воплощением идеального начала. «С 15-летнего возраста до теперешнего времени была она во всем моим прелестным товарищем. Сперва как милый цветущий младенец, которым глаза любовались в такое время, когда душа расцветала, потом как веселая, живая, беззаботная, как будто обреченная для лучшего земного счастья, как самая ясная надежда. Как была она мила в своей первой молодости! Точно воздушный гений, с которым так было весело мне в моем деревенском поэтическом уединении. Потом как предмет заботы и со-страдания, как смиренная, но всегда веселая при всем своем бедствии жертва Во-ейкова. – Все это пропало; от всего этого осталась последняя минута ее, светлая, возвышающая душу. Перед этою минутою молчит сожаление об ней. Как жалеть о ней! Можно сказать, что жизнь к ней не коснулась; она посреди всего житейского прошла чистого, без усилия, по одной младенчески непорочной природе своей» (ПЖТ. С. 253). Этот фрагмент из письма к А. И. Тургеневу от 16 (28) марта 1829 г. в атмосфере начала работы на «Ундиной» звучит своего рода нравственной реми-нисценцией – воспоминанием, создавая эстетический резонанс биографического и творческого начал.

Первые три главы «Ундины» становятся и важным эстетическим фактом, своеобразным эпилогом всего балладного творчества Жуковского. С ноября 1832 г. по январь 1833 г. он создает баллады «Братоубийца», «Рыцарь Роллон», «Старый рыцарь», «Роланд оруженосец», «Плавание Карла Великого», «Уллин и его дочь», «Элевзинский праздник». После 1833 г. баллада как самостоятельный жанр пре-кращает свое существование в творчестве Жуковского.

Одновременно намечается переход к крупной эпической форме: «Суд в под-земелье» (отрывок), с первоначальным подзаголовком: «Последняя глава недокон-ченной повести» – перевод второй главы поэмы В. Скотта «Marmion, a tale of Flod-denfield»; незавершенные произведения (17 стихов перевода «Наля и дамаянти», 21 ноября 1832 г.), начало одного из «Рейнских сказаний» – «Фалкенбурга» (у Жуковского фрагмент начала перевода под заглавием «Эллена и Гунтрам» 27 февраля 1833 г.) Сама «Ундина» находится в этом же ряду. Итак, начальный этап работы над поэмой свидетельствует о сложном переплетении биографических, эстетических и философских аспектов в сознании ее творца. 28 февраля 1833 г. в неопубликованном письме П. А. Плетневу Жуковский со-общает: «Ундину» я помещу в моем письме, которое на днях от меня вы получите» (РНБ. Оп. 2. № 191. л. 2 об.). Вероятно, имелась в виду перебеленная рукопись (автограф № 3), которую Жуковский, возможно, посылал Плетневу, но точных сви-детельств об этом самого поэта не сохранилось.

После этого следует значительный перерыв в работе, связанный с обязанно-стями при дворе в качестве наставника наследника, великого князя Александра Николаевича. Продолжение перевода относится к петербургскому периоду жизни поэта в 1835 г., «в то время, когда Мойер, находившийся там по делам службы, жил у Жуковского» (Зейдлиц. С. 157).

Черновой автограф продолжения «Ундины» не обнаружен в архивах.

В РО РНБ хранится авторизованная копия IV–VIII глав (копия № 2; копия № 3). Интересно, что нал.1 одновременно расположены стихи 452–466 четвертой главы, датированные рукою Жуковского: «30 декабря 1833», а продолжение на том же листе, начинающееся со ст. 467, датируется уже: «17 октября 1835». Приводим авторские датировки в рукописи. Глава V (л. 5–8): на л. 5 сверху: «17 окт.(ября)»; около ст. 680: «20 окт.(ября)»; около ст. 732: «21 окт.(ября)». Глава VI: «О том, как рыцарь женился» (л. 8 об. – 11 об.): на л. 8 об. сверху: «22 окт.(ября)». Глава VII: «О том, что случилось в свадебный вечер» (л. 12–13 об.): на л. 12 сверху: «окт. (ября) 24». Стихи 916–919, 960–961 – белой автограф, т. к. копия заклеена листками бумаги с исправлениями рукою Жуковского. Глава VIII (без названия; л. 14–17): на л. 14 сверху: «25 окт.(ября)», напротив ст. 1078: «окт.(ября) 30»; ст. 998–999 – белой автограф.

Приводим датировки IV–VIII глав:

Глава IV Ст. 452–466 – 30 декабря 1833 г.

Со ст. 467 – 17 октября 1835 г.

Глава V 19–21 октября 1835 г.

Глава VI. 22 октября 1835 г. Глава VII. 24 октября 1835 г. Глава VIII. 25–30 октября 1835 г.

Итак, работа над IV–VIII главами датирована Жуковским в копии 30 декабря 1833 г.; 17–25 октября 1835 г. Свидетельств о внешних обстоятельствах работы над этой частью поэмы почти не сохранилось. Лишь в письме от 3 ноября 1835 г. к А. П. Елагиной, связанном со смертью К. Я. Булгакова, он сообщает: «Сколько уж

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh положено в могилу! Чтобы несколько воскресить прошедшее, я принялся за стихи; пишу Ундины, с которой познакомился во время оно и от которой так и дышит про-шлого молодостью. Представлю ее вам, когда воротитесь» (УС. С. 60). В том же 1835 году фрагменты трех первых глав «Ундины» были представлены широкому чита-телю в публикации БДЧ. Публикации предпослано комплиментарное предисло-вие – разъяснение издателей. «Мы читали только три главы "Ундины" [остальные к моменту выхода журнала еще не были написаны. Ц. р. 31 августа 1835 г. – Н. В.] и чувствуем, что выдергивать из них отдельные места, значит – портить, но мы пишем эти строки еще под влиянием восхищения, какое возбудили в нас эта нео-бычайная мягкость, прозрачность и светлость языка, эта поэзия нежная, сладкая и восхитительная, как тихая мелодия заколдованного чертога, и готовы переносить все в мире, чтоб только передать другим часть нашего наслаждения – с правом для всякого исправить дело прочтением целой поэмы, когда выйдет полное изда-ние, которое, говорят, выйдет скоро» (БДЧ. 1835. Т. 12. С. 7). Приводим перечень опубликованных стихов: Глава I. Ст. 100–107; ст. 115–141; ст. 153–200. Глава II. Ст. 202–208; ст. 238–309; ст. 340–358. Глава III. Ст. 378–402. Стихи даны с от-точиями в начале и конце; главы не указаны.

Завершает работу над поэмой Жуковский в иной атмосфере в 1836 г. Биогра-фы поэта, отмечая, что поэзия занимает все меньшее место в жизни Жуковского, и связывая это с обязанностями наследника, зафиксировали время окончания многолетнего труда. Так, П. А. Плетнев пишет: «Правда, было одно лето, которое удалось ему вполне посвятить поэзии. Это случилось в 1836 году. Он провел тогда часть летних месяцев близ Дерпта. Там-то и взялся он за поки-нутую "Ундины" (Переписка. Т. 3. С. 103). На мызе Эллистфер недалеко от Дерпта поэт проводит лето с Екатериной Афанасьевной Протасовой и ее внучками, Катей и Сашей Воейковыми. Как сообщает К. К. Зейдлиц, «Всякое утро, прохаживаясь по зале Эллистферского дома, Жуковский диктовал своим племянницам, девицам Воейковым, свои стихи, и "работа пошла славно". При этом он пил вейльбургские воды. Эта жизнь с родными ему так нравилась, что он купил имение близ Дерпта, дабы переселиться туда под старость, – все это пробуждало в Жуковском то тихое, ровное поэтическое вдохновение, которое привлекает нас в его "Ундине"» (Зейд-лиц. С. 157).

Автографы завершения поэмы не обнаружены. Авторизованная копия IX– XIX глав находится в РНБ (копия № 3). Приводим датировки глав, сделанные рукою Жуковского в начале каждой. Подзаголовки глав соответствуют С 5 (кроме главы XIX, не имеющей нумерации и названия):

Глава IX (л. 17 об. – 19 об.) 26–27 июня

Глава X (л. 19 об. – 21) 28–29 июня

Глава XI (л. 22–24) 30 июня, 1, 2 июля

Глава XII (л. 25–26 об.) Глава XIII (л. 26 об. –30) Глава XIV (л. 31–33)

3, 4 июля 5, 6 июля

7–8 июля

Глава XV (л. 34–36 об.) Глава XVI (л. 37–38 об.) Глава XVII (л. 38 об. – 40)

Глава XVIII (л. 40–41 об.) Глава XIX (л. 42–43)

9 июля

11 июля

12 июля

13 июля

14 июля – 17 июля 1836 г.

Текст разбит на пятистишия, ряд стихов копии заклеен бумажками с беловыми вариантами исправлений, принадлежащие руке Жуковского. Это ст. 1349–1351; 1381–1383; 1399–1402; 1569–1571; 1753–1755; 1774; 1810–1813; 2220–2222.

В конце всего текста на л. 43 внизу запись: «Еллистфер. 17 июля 1836». Здесь же дата рукою Жуковского: «25 июля» и запись: «Кончено все», свидетельствующая о том, что с 17 по 25 июля шла окончательная доработка текста.

Наконец, существует так называемая «последняя редакция» (Ц. Вольпе), авторизованная копия глав I–V, с минимальным количеством исправлений (копия № 5). Текст разбит на пятистишия, названия глав I–II соответствует С 5; глава III имеет подзаголовок: «О том, как отыскалась Ундина» (С 5: «О том, как была най-дена Ундина»), главы IV–V без заглавия, с нумерацией карандашом: «IV», «V». Вместо имени героя Гульдбранд появляется каноническое Гульбранд.

Факты создания и окончания «Ундины» отмечены друзьями и современника-ми поэта. Еще 14 февраля 1836 г. вяземский из Парижа пишет А. И. Тургеневу с шутивно-критическим отгеном: «Жуковский перекладывает на русские гексаметры "Ундины". Я браню, что не стихами с рифмами; что он Ундины сажает в озеро, а ей надобно резвиться, плескаться, журчать в серебряной реке» (ОА. Т. 3. С. 300).

Летом того же года он вновь сообщает Тургеневу: «Жуковский уехал недель на шесть, кажется, так, к Протасовой близ Дерпта пить воды и писать "Ундины"» (Там

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
же. С. 322).

В 1837 г. "Ундина" выходит сразу тремя изданиями: в БдЧ (фрагменты); отдельным изданием и занимает весь восьмой том С 4.

В БдЧ публикацию предваряет следующее предисловие: «Все наши читатели помнят прелестные отрывки, которые мы дали из первых трех глав этой поэмы в сентябре 1835 года (...) Мы привели здесь едва третью часть этой поэмы и не хотим нарушать более обширную выпискою удовольствие тех, которые будут читать целое сочинение. "Ундина" выходит на днях щегольским изданием, украшенным двадцатью гравюрами» (БдЧ. 1837. Т. 20. С. 5). Отдельное издание вышло, оформленное иллюстрациями. По воспоминаниям К. Зейдлица, «Как художник, влюбленный в свое произведение, Жуковский всячески хотел украсить свою "Ундину", эту любимую дочь своего романтизма. Он заказал у отличного живописца Майделя, жившего в Дерпте, рисунки на манер иллюстраций Ретша к сочинениям Гёте и Шиллера. Майдель сделал 20 превосходных эскизов in-ostavo (к каждой главе по одному и кроме того один для вступления). Эти рисунки представляют наилучший живописный комментарий к стихам Жуковского, который очень любовался этими произведениями даровитого художника, по большей части рисованными на глазах поэта, на мызе Эллистфер» (Зейдлиц. С. 159). В РО ПД сохранилось письмо Л. Майделя, в котором он сообщает Жуковскому о завершении рисунков к «Унди-не» (ПД. № 28126. Б. д.). Сразу же после выхода из печати отдельного издания «Ундины» Жуковский посылает дарственный экземпляр Фуке, который ответил ему стихами «Undine und ihr Troubadour» (ПД. № 27855).

А. И. Тургенев, просивший, чтобы Жуковский послал ему поэму с «надписью» (ОА. Т. 3. С. 350, 353), получает отдельное издание «Ундины», предназначенное для близких и друзей с автографом: «Другу Тургеневу от Жуковского (1799–1837)». Об этом см.: Гинзбург М. Редкий экземпляр «Ундины» // Книжные новости. 1936. № 19. С. 24. Е. В. Ланда считает, что «это красноречивые даты: не только скорбное напо-минание о Пушкине; одновременно Жуковский как бы намекал на связь "Ундины" с Пушкиным: с тем летом, проведенным поэтами вместе в Царском Селе» (Ланда Е. В. «Ундина» в переводе Жуковского // Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. Сер. «Литературные памятники». М., 1990. С. 477).

Резюмируя столь сложный и многолетний творческий процесс, Жуковский пишет прозаическое предисловие, адресованное великой княжне Марии Николаевне. Оно входит в отдельное издание «Ундины», и в С 4, но снято в С 5. Приводим этот текст полностью:

«Повинуясь воле, которую мне было особенно приятно исполнить, я рассказал русскими стихами "Ундину". В 1833 г., находясь в Швейцарии и живя уединенно на берегу Женевского озера (в деревеньке Верне близ Монтре), написал я первые три главы этой повести. По возвращении моем в Россию занятия другого рода надолго отвлекли меня от начатого поэтического труда; и только в нынешнем году я мог опять за него приняться. Последние главы Ундины написаны в сельском уединении близ Дерпта, где я провел половину лета и мог по-прежнему посвятить досуг свой поэзии. Эллистфер. 26 июля, 1836. ж.»

С адресатом послания возникли ошибки. Так, К. К. Зейдлиц считал, что предисловие обращено к Александре Федоровне (Зейдлиц. С. 155), Ц. Вольпе – великой княжне Александре Николаевне (Стихотворения. Т. 2. С. 541) уже П. А. Плетнев и разделявший его точку зрения Я. К. Грот справедливо считали адресатом послания Марию Николаевну. Плетнев мотивировал это биографическими аргументами, объединяя адресатов прозаического послания и стихотворного посвящения в одно: «Скромный намек поэта на исполнение воли, в чем заключалось его особенное удовольствие, сделался для внимательного читателя ясным, когда он сравнит посвященные перед "Ундиною" стихи с другим его стихотворением, явившимся в 1819 году под заглавием "Праматерь внуке" (Переписка. Т. 3. С. 104). К этому Я. К. Грот добавляет: «Эти слова ясно указывают, что в посвящении, напечатанном перед "Ундиною", Жуковский под младенцем, явившимся в "пустой колыбели", разумет не царственного ученика своего (как обыкновенно думают и как полагают даже другие биографы поэта), а Великую княжну Марию Николаевну. Ее же имеет он в виду, говоря в предисловии о воле, которую ему было приятно исполнить» (там же).

В РНБ (Оп. 1. № 39г. л. 1–1 об.) сохранился черновик прозаического предисловия Жуковского, где рукой поэта указан адресат: «Ея Имп. (ераторскому) Высоч. (еству) Государыне Великой княжне Марии Николаевне» (л. 1). Приводим полный текст этого наброска, отличающийся от окончательной редакции:

«В. И. В. угодно было, чтобы я рассказал русскими стихами и посвятил Вашему Императорскому Высочеству Ундину. [Лет двадцать тому назад читал я в первый раз Ундину]. Я долго не мог исполнить [данного вам и мне слова] вашей воли и своего обещания. [В 1815 году прочитал я в первый раз Ундину]. В 1833, находясь в Швейцарии и живя в совершенном уединении на берегу Женевского озера, я [начал]

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский написал три первые главы [ее русскими гекзаметрами, следуя с возможной верностью] этой [моей] повести, стараясь в моих стихах сохранить сколько возможно простоту [рассказа в прозе] [с тех пор до] [оригинального рассказа в прозе] прекрасной [прекрасной] прозы оригинала. По возвращении моем в Россию [в 1833] [я долго не мог] [должен был оставить] в том же году другие занятия отвлекли меня от работы [начатого] [прежнего]. Я долго не мог за нее приняться. Наконец в нынешнем году 1836 [воспользовавшись досугом и уединением] [проведя] шесть недель на досуге в [совершенном] деревенском уединении близ Дерпта я кончил начатое. Прошу В. И. В. принять с благосклонностью этот новый и, может быть, уже последний [памятник] труд моей устарелой Музы. Прошу вас принять его [он был особенно для меня приятен и тем, что перенес [оживил] во мне впечатления моей молодости и тем, что] теперь в знак, а со временем на память моей душевной к вам привязанности, которая, как вы сами знаете, началась еще у вашей колыбели. Вашего императорского высочества) покорный слуга» (л.1). «Вашему Высочеству угодно было, чтобы я посвятил Ундиному. Ея Имп. (ераторскому) Высоч. (еству) Го-сударыне Великой Княжне Марии Николаевне» (Там же. Подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому; в квадратных скобках приводятся зачеркивания). Если прозаическое предисловие снимается самим поэтом в С 5, то стихотворное, лишь формально соответствующее «Zueignung» (посвящению – нем.) ла Мотт Фуке, закрепилось во всех последующих изданиях.

Посвящение Фуке, предпосланное им ко второму изданию повести («Zueignung zur zweiten Auflage»; 1814), создает стилизованно-куртуазный образ певца-рыцаря, являясь образцом ролевой лирики. Ундина (Ундиночка) как авторское создание предстает преимущественно в темно-стихийной ипостаси. (См. стихотворный перевод посвящения В. А. Дымшица в кн.: Фридрих дела Мотт Фуке. Ундина. М., 1990. С. 5–6.) Приводим текст прозаического перевода О. Б. Лебедевой: «Посвящение. Ундина, милый образ, / С тех пор, как я впервые в древних преданиях / Нашел твой странный светоч, / Как часто ты пела моему сердцу в покое! // Ты тесно прижималась ко мне / И кротко хотела все свои жалобы / Шептать мне на ухо, / По-луприрученное, полудикое дитя! // Но моя цитра звучала в ответ / Из своих ворот, украшенных золотом, / Каждому из твоих тихих слов, / И о тебе услышали и заговорили далеко! // И многие сердца полюбили тебя, / Несмотря на твою капризно-темную сущность, / И многие с удовольствием хотели прочесть / Книжку, которую я о тебе написал. // Сегодня они хотят все вместе / Снова услышать весть о тебе, / Ты не должна стыдиться, Ундина, / Нет, с доверием войди в зал! // Приветствуй благонаравно каждого благородного господина, / Но прежде всего приветствуй с доверием / Милых, красивых немецких женщин; / Я знаю, они любят тебя. // И если какая-нибудь спросит обо мне, / Отвечай: он верный рыцарь / И служит женщинам мечом и цитрой, / В танце и за обедом, на празднике и на турнире».

Стихотворное посвящение Жуковского адресовано Марии Николаевне. Это вполне оригинальное произведение, стоящее в ряду его эстетических манифестов («Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», посвящение к «старинной повести в двух балладах», «Двенадцать спящих дев», «Я музу юную, бывало...»), с лейт-мотивом воскрешения прошлого в жизни и поэзии.

Адресат посвящения был дорог Жуковскому, о чем свидетельствуют постоянные реминисценции стихотворения в их переписке, включение их в биографический контекст, восходящий к моменту рождения Марии Николаевны и написанному по этому случаю стихотворению «Праматерь внуке». Ср.: «Итак, мой расцветший младенец, который до сих пор так весело и беззаботно порхал на крыльях молодости по свежему лугу жизни...» (Письмо Жуковского Марии Николаевне от 12 (24) ноября 1838 г. // С 8. Т. 6. С. 613); «Я самый первый вам знакомец на здешнем свете, я думал о вас накануне вашего рождения, стоя над вашей колыбелью, еще никем не занято» (Там же. С. 613–614). В письме от 22 декабря 1838 г. из Рима он вновь варьирует этот мотив: «Видно, я в добрый час подошел во время оно к пустой колыбели и спросил у судьбы: кто в ней будет и что случится с этим новым земным колонистом?» (Там же. С. 431). Из Франкфурта-на-Майне 29 мая 1840 г. он посылает пожелание Марии Николаевне: «Как мне весело будет увидеть вас перед колыбелью вашего младенца! Желаю, чтобы за этой колыбелью ухаживали те же добрые духи, которые стерегли известную вам и мне колыбель, недавно описанную и в стихах моих» (Там же. С. 441). Накануне собственной женитьбы в письме от 17 декабря 1840 г. он вновь включает Марию Николаевну в ореол воспоминаний: «Одним из верных посетителей моего уединения будет и благодарное воспомина-ние о той одной, которую я когда-то видел младенцем в колыбели, которая расцвела как чистая моя поэзия и которой земное счастье да будет такое же светлое, такое же высокое, как светла и высока душа ее» (Там же. Курсив Жуковского). Мария Николаевна, исполнителем воли которой называл себя Жуковский, хотя обратился к «Ундине» гораздо раньше, пользовалась реалиями поэмы для

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
характеристики окружающих и высоко ценила перевод: «... кто переводит так хорошо, что русский перевод лучше оригинала? Кто перевел Ундины? (...) Ах! Боже мой! По-смотрела в окно и вижу Нептуна; но кого? В усах и сюртуке (...). За все на свете золото я бы не желала бы быть его Ундиной» (письмо Жуковскому из Петергофа от 4 июля 1838 г. // Там же. С. 429).

Автограф стихотворного посвящения сохранился в составе альбома, подаренно-го Евдокии Петровне Ростопчиной (ПД. № 28 466. л. 4). В 1838 г., посылая графиню Ростопчиной альбом, принадлежавший А. С. Пушкину, Жуковский вписывает туда десять стихотворений, первым из которых является вариант стихотворного посвящения к «Ундине». Об этом см.: Реморова Н. Б. Художественные произведения Гердера в чтении и переводах Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 168–209.

Целостный характер работы, воссоздающий эволюцию замысла, реконструкции не подлежит, поскольку не сохранились автографы всего произведения и существуют перерывы между редакциями в несколько лет. Можно говорить о том, что перевод прозы в гекзаметры шел относительно легко. Отметим ряд внешних изменений, усиливающих по сравнению с подлинником повествовательное, сказово-легендарное начало. Вместо «Erzählung» появляется подзаголовок «старинная повесть», подвергаются изменениям подзаголовки глав, приобретая единообразие («О том, как...», «О том, что...») и действительно-событийный характер, чередуя влияния судьбы и проявление воли человека. Меняются некоторые реалии и имена. Гульдбранд становится Гульбрандом, патер Хайльман патером Лаврентием, «владетельный барон фон Кюлеборн» дядей Струем. Озеро заменяется морем, иначе рассчитывается возраст Ундины: сначала она попадает в хижину рыбака четырех-летней и проходит пятнадцать лет, затем соответственно шесть лет и двенадцать.

31 – 1368

4%

Изменения касаются также сокращения и, напротив, увеличения объема некоторых эпизодов (см. построчный комментарий). В прозаический текст Фуке введены несколько стихотворных песенных фрагментов: песня Ундины (глава III), песня водопада (глава IX), рассказ Ундины (глава XI). У Жуковского аллитерации подлинника заменены внутренними рифмами.

Наиболее значимой является проблема перевода прозы стихами. Это продолжение дискуссии о гекзаметре, начатой еще в «Арзамасе» по поводу переводов из Гебеля, принимавшихся далеко не всеми из единомышленников и друзей. Для Жуковского этот вопрос был принципиальным: во-первых он эстетически обособил точное соотношение фрагмента бытия и художественного языка его описания, вводя свой «идиллический», шуточный, «сказочный», «античный» гекзаметр; во-вторых, он стремился к некоему универсальному синтезу прозы и поэзии, объединяющему мир бытовых реалий с возвышенной духовной реальностью. Поэтому в письме И. И. Дмитриеву от 12 марта 1837 г. Жуковский объясняет причины обращения именно к этому метру в переложении «Ундины». «Прошу учителя благо-склонно принять приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно (...) именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда» (РА. 1866. Стб. 1640). Дмитриев благосклонно оценивает опыт «ученика». В письме к П. П. Свиньину от 23 марта 1837 г. он, в частности, сообщает: «Вчера В. А. Жуковский прислал мне в подарок новое издание в 8-ми томах его творений и перевод его гекзаметром прелестной повести. Хотя и в прозе, поистине поэтической Ундины, Ламота-Фуке, известного вам немецкого писателя» (Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893. т. 2. с. 328). Именно гекзаметр синтезирует условные миры прозаической повести Фуке (патриархальный, «имперский», фантастический), создавая основное, трудно формулируемое отличие двух текстов: тональность всего произведения. Она складывается из нескольких составляющих. Прежде всего это касается образной и сюжетной системы.

Образ Ундины (лат. unda – волна) имеет богатую мифологическую генеалогию и обладает амбивалентной семантикой. В переводе баллады Гете «Рыбак» Жуковский обращается к традиционному русалочьему сюжету – искушение земного человека тайнами подводного мира и его гибель. Поэта привлекали типологически близкие персонажи низшей демонологии, являющиеся арсеналом образности различных национальных литератур. В выписках 1818 г. из произведений немецкой эстетики и критики (РНБ. Оп. 1. № 96. л. 13–17; напечатано: БЖ. Ч. 2. с. 204, 209) содержатся упоминания подобного рода: «феи, сифы, гномы; сии создания внесены в [запасы] национальные (...) Удивительная особенность рыцарской поэзии – насыщенность сказочными великанами, карликами, феями, волшебниками из арабских волшебных сказок»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Здесь же упоминается наиболее близкий сюжет, «Повесть о Мелузине и Ма-гелоне» (Там же. С. 211). Мелюзина, персонаж кельтской мифологии и романа XIV века, написанного Жаном из Арраса, была феей, вышедшей замуж за юношу, запретившей ему видаться с ней по субботам, когда она обращалась в змею. Мотив нарушенного запрета и общая канва сюжета имеет весьма отдаленное сходство с «Ундиной». Повесть Фуке вполне сознательно ориентирована на средневековую картину мира с изоморфностью макрокосма и микрокосма, переводом сложных религиозно-философских концепций в план средневековой натурфилософии, с мистической идеей восхождения к совершенству путем сочетания природных духов и людей, идеей одухотворения природы. Существовал вполне конкретный источник этих верований, востребованный романтиками, – книга средневекового мистика Парацельса (Paracelsus Theophrast. Liber de nymphis, sylphus, pygmaeis et salamandris et de caeteris spiritibus. Basel, 1559). В ней дается описание и типология фантастических существ, придающих последующему сюжету вполне реальные жизненные мотивировки. Так об ундинах говорится почти в нравоописательном ключе: «Известно, что если они бывают обижены мужчинами на воде или у воды в любом ее виде, то после этого становятся бессмертными, только уходят в воду и больше ни-когда не появляются». (Paracelsus. Werke. Basel, 1590. Bd. IX. S. 65). Или: «... Может случиться, что муж возьмет новую жену, и тогда она (ундина. – Н. В.) приходит и приносит ему смерть» (Ibid. S. 66).

Сюжет «Ундины» Фуке-Жуковского оказывается чрезвычайно емким, аккумуляируя в себе прямо противоположные смыслы и ценности. В его центре – неумолимая «сила судьбы» родовых законов, природных и социально-психологических (и больше языческих), сосредоточенная в «жилище двух миров» (стихийном духе, обретшем душу) и в силу обычных жизненных закономерностей терпящая поражение, но в идеальном смысле побеждающей глубиной и верностью чувства. «Ундина» Фуке, выстраивая внешний абрис сюжета, делит мир на условные сферы: патриархально-идиллическую, акцентируя грубоватую простоту нравов ее обитающих, городскую – со стилизованным куртуазно-рыцарским колоритом, фантастическую – с горными, лесными и водными духами. Многообразие жанровых определений «Ундины» («старинная повесть», «поэма-сказка», «легенда», «фантастическая поэма», «философская поэма») свидетельствует о высоте поэтического обобщения, обращенности к бытийным (вечным) проблемам любви, верности, ответственности, места человека в мироздании, природе человеческих чувств. В этом смысле «Ундина» может считаться «метафизикой любви» и «поэмой натурфилософской». Особенностью «Ундины» в отличие от ее многочисленных генетических и типологических «двойников» является создание неизмеримо более сложного синтеза в плане конфликта и характера, не сводимого к различным модификациям концепции романтического двоемирия.

«Ундина» – «поэма вочеловечения». Жуковский равно отвергает традиционную самоценность природного (естественного) начала (будь то символ нравственной оценки, возмездия, стихии), но столь же далек он от идеализации духовного начала, понимаемого как данность. Поэтому в центре повествования образ Ундины, в которой онтологически неразрешимые противоречия разрешаются Жуковским эстетически, в создании образа-идеала, намечающего сложную диалектику взаимодействия родового и индивидуального, стихийного и духовного, вечного и преходящего.

Ундина – единственная героиня поэмы, которая, являясь «жилищем двух миров», оказывается способной к развитию, но к развитию не эволюционному, а духовному. Так, преображенная любовью, обретая в любви живую душу, а значит, способность самоотречения и сострадания, Ундина наделяется свободой воли и действия. Погруженная, отданная проклятием рыцаря в волю стихий, она вынуждена совершить возмездие, подчиняясь безличным родовым законам. Отчуждена Ундина и от человеческого мира, где душа не обретается в страданиях и верности, но является данностью. В этом смысле внешняя динамика чувств Гульбранда и Бертальды оказывается психологически беднее постоянства любящей, кроткой, верной Ундины. Верность чувству оказывается сложнее изменчивости чувств.

Таким образом, Ундина в поэме объединяет два мира, являясь выражением натурфилософских взглядов Жуковского. Идеал одухотворенной самоотверженной любви становится залогом самосохранения личности в ее единстве с миром. Биографически-архетипической основой образа Ундины для Жуковского, вне всякого сомнения, были ушедшие из жизни бесконечно дорогие для него в непреходящей памяти М. А. Мойер и А. А. Воейкова. На рельефном портрете 1833 г. он вырезал надпись: «Для сердца прошедшее вечно» и подарил его И. Ф. Мойеру в 1841 г. Одной из важных составляющих «Ундины» Жуковского, таким образом, является сама героиня. По наблюдениям комментаторов и исследователей, Ундина Фуке прописана в бытовом плане, что проявляется в номинациях героини: «девушка», «прелестная девчушка», «озорница», «глупая девчонка», «прекрасная дама». Ее образ двойится

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh между воплощением бездушных стихийных сил (капризы, вспышки своеволия и веселости) и кроткой набожностью в стиле немецкого бидермайера. У Жуковского Ундины до преобразования напоминает ребенка (эпитеты «дитя», «мла-денец», «детский»), резвую птичку, а после вместе с ангельски-непорочными кра-сками облика привносится элегическая интонация, присущая только Жуковскому, томительно-грустно-возвышенная, соприкасающаяся с идеалом. Это описание об-лика Ундины до свадьбы (Глава V. Ст. 654–662) и после (Глава VIII. Ст. 1031– 1035). Элегическая интонация усиливается к финалу поэмы (реминисценции-универсалии превращения Ундины в ручеек на могиле рыцаря, символ верности «за гробом»), воплощаясь в жалобе-заклинании – растворении в Дунае (Глава XIV. Ст. 2090–2107) и прощальном поцелуе Ундины невольной мстительнице, принес-шей рыцарю смерть (Глава XVIII. Ст. 2383–2397).

Элегическая интонация звучит не только в монологах персонажей, но и в ряде авторских сентенций (Глава V. Ст. 621–631; Глава XIII. Ст. 1596–1608; Глава XVI. Ст. 2110–2125). По сравнению с прямой апелляцией Фуке к «дорогому читате-лю» в начале XIII главы Жуковский превращает свои обращения в доверительно-исповедальный диалог, аналог своих лирических стихотворений. Таким образом, сама по себе универсальная история жизни Ундины погружается в философию судьбы, тайны утрат и обретений автора, возводится в ранг всеобщей философии жизни.

Наконец, по сравнению со стилизованной манерой Фуке исследователи отмеча-ют особую тональность поэмы Жуковского, заключающуюся в «циркуляции лиризм-а» (Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М., 1962. С. 285) в эпическом контексте. О «переломе поэтического направления», проявившемся именно в «Ундине» в на-чале 1840-х гг., пишет Гоголь: «Самая задумчивость уступила место светлости ду-шевной (...) С этих пор он добыл какой-то прозрачный язык» (Гоголь. Т. 8. С. 379). Это проявляется в трансформации события в настроение, лирическом психологиз-ме, обилии романтической символики «души», «невыразимого» и пр.

Сразу после выхода в свет «Ундины» Жуковского стала общественно-культурным событием. В апреле 1837 г. появляется не просто отзыв, но концептуальная статья П. А. Плетнева «"Ундина" Жуковского» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду на 1837 г.». 10 апреля. № 15), в которой автор, сопоставляя оригинал и перевод как архетип и его совершенное эстетическое и художественное наполне-ние, пишет: «Фуке выдумал концерт и рассказал про него вслух, а Жуковский для идей его прибрал ноты – и какая небесная музыка!» (Переписка. Т. 1. С. 287). Эта мысль дополняется идеей вполне самостоятельного культурного статуса перевода Жуковского: «Наш переводчик постигнул назначение "Ундины" в художественном мире и с торжеством ввел ее туда, где самая идея указывала ей место: обстоятельство, навсегда разлучившее немецкую "Ундину" с русской и убедительно показав-шее разницу между двумя поэтами. (...) Жуковскому она обязана лучшим существо-ванием» (Там же. С. 286–287). Плетнев же и точно формулирует основную идею поэмы, предопределившую не только эстетическую, но и личностную феномено-логию в контексте XIX – начала XX вв.: «Он остановился на лучшей идее, кото-рая поэтической деятельностью доставляла удивительную свободу и в то же время все способы к производству чудных явлений во всех родах прекрасного.

Ундина, сохраняющая таинственную силу существа сверхъестественного, подвластная мо-гуществу всех ощущений человека и безответная перед законами фантастической своей родины, эта Ундина, в минуту явления своему поэту, была ниспослана для разоблачения всего, что только хранят для поэзии два мира: незримый и видимый: дух и человек, две их сокровищницы: фантазия и сердце» (Там же. С. 281).

Отзывы Гоголя, Герцена, Достоевского варьируют оттенки художественной и эстетической рецепции поэмы от однозначного восхищенного приятия до про-странных комментариев. Так, Н. В. Гоголь в 1837 г. в письме к В. О. Балабиной сообщает: «В Бадене я встретился еще раз со Смирновой. (...) У ней прочитал я "Ундину" Жуковского. Чудо что за прелесть!» (Гоголь. Т. X. С. 106).

В числе читаемых им книг называет «Ундину» в 1838 г. 16-летний Ф. М. Досто-евский (Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 47).

А. И. Герцен комментирует «Ундину» в автобиографическом ключе, проеци-руя один из мотивов (потока) на свои напряженно-романтические отношения с Н. А. Захарьиной. После выхода поэмы он сообщает Захарьиной 28(?)–30 июня 1837 г. из Вятки: «Сейчас прочел я "Ундину" Жуковского – как хорош, как юн его гений. Я пришлю ее тебе. Вот два стиха, служащие лучшим выражением мое-го прошлого письма [См. письмо от 18–23 июня 1827, в котором о Захарьиной говорится, что она для него «все – поэзия, религия, все небесное начало души, искупление» // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. XXI. С. 176], продолже-нием его: В душей долине волна печально трепещет и бьется; II Влившись в море, она из моря назад не польется. Мы два потока: ты – широкий, ясный, отражающий вечно голубое небо с солнцем. Я – бурный, подмывающий скалы, ревуший судорожно – но однажды слитые,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu не может быть раздела. Пусть люди делают, что хотят, волна назад не польется» (Там же. С. 179). В главе «Юность» из «Записок одного молодого человека», включенных в 1862 г. в третий том автобиографической эпопеи «Бы-лое и думы», Герцен трактует этот же мотив в социально-философском ключе как соотношение индивидуального и родового начал, романтического этапа юности и контрастной включенности частного в общее: «Душа, однажды предавшаяся уни-версальной жизни, высоким интересам, и в практическом мире будет выше толпы» (Там же. Т. 1. С. 276).

1830–1840 гг. дают и ряд поэтических реминисценций «Ундины»: это и целост-ная романтическая картина мира с высоким духовным строем, и отдельные строки, образы, мотивы.

Так, В. Ф. Одоевский, в рамках своих натурфилософских взглядов создавший фантастические повести «Сильфида» и «Саламандра», планировал и написание «Ун-дины» (см.: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1.4. 2. С. 80), первый план которой, впрочем, озаглавлен «Ундин», в качестве главного героя фигурирует дядя Струй, а сам характер повествования приобретает сатирический оттенок по отношению к петербургскому культурному быту. Сюжет «Тамани» М. Ю. Лермонтова очевидно перекликается с сюжетом «Ун-дины»: характерно, что Печорин героиню новеллы называет «моей ундиной».

«Певцом Ундины» называл Жуковского В. Г. Бенедиктов, а в 1839 г. в цикле стихотворений «Путевые заметки и впечатления (в Крыму)» в 7-м отрывке «По-токи» лирическая героиня, возлюбленная поэта, отождествляется в воображении с Ундиной: «О, когда б она Ундиной // Или нимфой водяной // Здесь явилась предо мной!» (Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 194).

В. К. Кюхельбекер использует имя Ундины по отношению к любимой ученице (Васиньке). В стихотворении, написанном 22 июля 1841 г., накануне отъезда адре-сата, он обращается к ней: «фантазия, Ундина, Пери, // (любое имя выбирай), // Ах! скоро за тобою двери // Затворятся. – Прощай!» (Кюхельбекер В. К. Сочинения: в 2 т. Л., 1967. Т. 1. С. 305).

Е. В. Ланда приводит интересный факт, связывающий преданность жен дека-бристов с поэтическим эталоном этого качества. Так, 11 апреля 1837 г. Жуковский пишет Н. Н. Шереметевой (дочь которой была женой декабриста И. Д. Якушки-на): «Целую ваши ручки, моя милая Н. Н., и посылаю вам мою дочку Ундину, которую прошу принять с благосклонностью и верить, что я, крестный отец ея, люблю вас как душу» (Жуковский В. А. С 7. Т. 6. С. 501). «Тут "дочка" упоминается не случайно; в 1826 г. Шереметева писала поэту о страданиях своей дочери На-стасьи Васильевны, решившей последовать за мужем в Сибирь. Жуковский был и родственными, хотя и дальними узами связан с Шереметевой: ее сын женился на дочери М. А. Мойер-Протасовой» (Лайда Е. В. Указ. соч. // Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. М., 1990. С. 504). При встрече Жуковского во время путешествия по России в 1837 г. с ссыльными декабристами он узнает от А. Е. Розена о чтении ими «Ундины» (Жуковский в воспоминаниях. С 2)

Н. М. Языков в стихотворении «Ундина» (1839), опубликованном в 1841 г. в «Современнике» (т. XXII. С. 181) и «Москвитяине» (ч. V. № 9), включает поэму Жуковского во внутренний диалог с условным другом-собеседником, что позволяет справиться с собственным душевным разладом.

Читай Жуковского «Ундину»:

Она тебя займет и осветит; ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как быстролетный сон!

Своеобразной эстетической квинтэссенцией оценок «Ундины» становится фрагмент, посвященный ей, из цикла статей «Сочинения Александра Пушкина» В. Г. Белинского. Называя «Ундину» «одним из самых романтических его (Жуков-ского. – Н. В.) произведений», отмечая синтетический характер повествования: «Нельзя довольно удивиться, как искусно наш поэт умел слить фантастический мир с действительным миром», критик выделяет главное качество, воздействующее на читателя: глубокое проникновение в психологию человека и неповторимость интонации: «сколько заповедных тайн сердца умел он разоблачить и высказать в таком сказочном произведении (...) «Ундина» – произведение, овеянное тихой скорбью, светлой печалью» (Белинский. Т. 7. С. 199–200).

Комментаторы считают, что дальнейшая судьба «Ундины» связана с ее пере-ходом в разряд сочинений для детей и юношества, инициатором чего становится отчасти и сам поэт. Начало XX века показывает, что это не совсем верно, и дает два значительных образца рецепции поэмы А. Блоком и М. Цветаевой.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Жуковский во многом определяет духовную атмосферу семьи Блока, которую Андрей Белый воссоздает в тонах «Ундины»: «И каждый вечер сидели мы за чай-ным столом, журча о Жуковском, Ундиночке, дядюшке Струе» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 17).

Символистская трактовка Блока включает в себя понятие видимости и вечной сущности, их разлада, звучит на фоне одиозного и вместе с тем характерного для эпохи «Мелкого беса» Ф. Сологуба: «Кто же эта Недотыкомка? Мечта или действительность? В романтической "Ундине" рыцарь все ищет вечную женственность, а она все рассыпается перед ним водяной струйкой в серебристых струйках потока. Когда же умер и был похоронен рыцарь, зеленый могильный холм его обтекла эта серебристая водяная струйка. И это была милая, верная сердцем до гроба – Унди-на» (Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 128). Для Марины Цветаевой «Ундина» Фуке и Жуковского является архетипом дет-ства и водно-женственной стихии. В «Ответе на анкету» 1926 г. о последовательно-сти любимых книг-эпох для раннего детства она отмечает «Ундины» (Цветаева М. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 7). А. Цветаева вспоминает о разделе влияний в детстве культурных сфер, имен, книг: «Так мы разделили две наилюбимейшие поэмы: "Ун-дину" взяла Муся, "Рустема и Зораба" получила – взамен – я. Так мы делили – все» (Цветаева А. Воспоминания. М., 1983. С. 24).

Следует отметить, что сопричастная русской и немецкой культурам Цветаева, подобно «двум Лесным царям» Гёте и Жуковского, как правило, имеет в виду и двух «Ундин». Так, в эссе «Мать и музыка» ассоциацию со скрипичным ключом составляет немецкий прообраз дяди Ундины. «И еще другой ключ, Вот, ключ Oheim Kuhleborn (дядя холодный ключ. – Н. В.), и его перевод: Дядя Струй, из жемчужной струи разрастающийся в смертоносный поток» (Цветаева М. Указ. соч. Т. 2. С. 103). Символистское и неоромантическое прочтение «Ундины» Блоком и Цветаевой вновь актуализирует интерес к «Ундине» в XX веке, не увенчавшийся, к сожалению, целостным исследованием поэмы. Современные комментаторы и исследователи (за исключением, пожалуй, Ц. Вольпе и Н. Eichstadt) ограничиваются частными замечаниями. Наиболее полно о повести Фуке и переводе Жуковского говорится в статьях Д. Л. Чавчанидзе «Романтическая сказка Фуке» и Е. В. Ланды «"Ундина" в переводе В. А. Жуковского». См.: Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. Сер. «Литера-турные памятники». М., 1990.

«Ундина» Жуковского во второй половине XIX века обретает и музыкальное воплощение. Несколько опер, завершенных и набросков, появляются на этот сю-жет в России. Их авторы: А. Ф. Львов, А. Н. Серов, П. И. Чайковский, С. В. Рахма-нинов, С. С. Прокофьев. Все оперы, за исключением «Ундины» Львова, не были завершены.

А. Ф. Львов, директор Придворной капеллы, осуществляет постановку оперы в 1848 г. на петербургской сцене (либретто В. А. Соллогуба). Спектакль успеха не имел, за исключением оркестрованной в дальнейшем М. Балакиревым увертюры. Сохранилось два опубликованных либретто Соллогуба (Ундина: Опера в 3-х дей-ствиях (сюжет заимствован из поэмы Жуковского) / Музыка А. Ф. Львова. СПб., 1863; Соллогуб В. А. Ундина: Опера в трех действиях / Музыка А. Ф. Львова // Со-чинения. СПб., 1856. Т. 4).

Подробнее о музыкально-сценической истории «Ундины» см. в указ. статье Е. В. Ланды (Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. М., 1990. С. 511–526).

«Ундина» стоит особняком в русской культуре. До Жуковского повесть Фуке перевел в 1831 г. племянник А. А. Дельвига, выпустивший прозаическое перело-жение под псевдонимом А. Влидге (Де-ла Мот-Фуке. Ундина, волшебная повесть. Пер. А. Влидге. СПб., 1831). Несмотря на положительную рецензию в «Литератур-ной газете» (1831. № 23. Раздел «Библиография». С. 189), перевод остался фактом истории литературы, а для современников прошел незамеченным.

Существуют более поздние переложения «Ундины» для драматической сцены, сохранившиеся в фондах Санкт-Петербургской театральной библиотеки: «Ундина: феерия в 3 действиях, 7 картинах. Переделана из старинной повести В. Жуковско-го с сохранением его стихов» (Русский цензурный фонд театральной библиотеки в С.-Петербурге. № 49330); Висковатов П. А. Ундина: Драма в 5 действиях и 8 картинах (там же. № 17121. Ц. р. 5 июля 1901). Но эти немногочисленные транс-формации текста Жуковского, неудачи в их реализации только подчеркивают «не-переводимость», уникальность его поэмы. Об этом точно сказал С. С. Аверинцев: «"Ундина" – одна из самых поразительных удач Жуковского, а для русской куль-туры – такое достояние, без которого, ненаучно выражаясь, и жить невозможно» (Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 1985. Т. 2. С. 554).

Ст. 57. Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи... – В автографе № 2: «Душу его обуяла, и все, что в ненастные ночи...»

Ст. 59. Мыслям его; особливо ж один, великанского роста... – «Мыслям его;

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 особли-во ж некто огромного роста...» (Автограф № 2, копия № 5).

Ст. 61–62. Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом II деле
 сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак... – «Лес он со страхом глядит, и
 ему по-казалось, что смотрит / В самом деле сквозь черные ветви кивающий
 образ...» (Автограф № 2).

Ст. 68. Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий образ... – «Шутку с ним
 глупая робость сыграла: кивающий призрак...» (Автограф № 2).

Ст. 72. Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо... – «Бодром коне он ехал из
 темного леса и прямо...» (Автограф № 2).

Ст. 75–76. Стройный колет; па бархатном черном берете вилися II Белые перья;
 висел у бедра на цепи драгоценной... – «Шитый колет; кудрявыми легкими перьями
 черный / Был украшен берет; висел на цепи драгоценной...» (Автограф № 2).

Ст. 86–88. Лучшим стойлом будет кото твоему наш зеленый ~ Сам он найдет у себя
 под ногами; тебе ж мы охотно... – «Лучшего стойла твой конь не найдет, как этот
 зеленый / Луг, покрытый густыми деревьями, вкусной же пищей // Будет ему трава
 под ногами; тебе ж мы охотно...» (Автограф № 2).

Ст. 87. Луг, под кровлей ветвистых дерев; а вкусную пищу... – «Луг, под кровлей
 сенистых дерев; а вкусную пищу...» (Автограф № 3).

Ст. 92. Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно... – «Бегать пустил;
 потом сказал рыбаку: "Ты радушно...» (Автограф № 3).

Ст. 93–96. Добрый старик, принимаешь меня ~ Нет никакой; а вечером поздно в этот
 проклятый... – «Добрый старинушка, принял меня, но когда и не столько // Был ты
 приветлив, все ж от меня не отделался нынче: // Озеро, вижу я здесь перед нами,
 и дале дороги // Нет никуда; а вечером поздним в этот проклятый...» (Автограф №
 2, 3).

Ст. 101. Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле широком... – «Горнице
 трепетный свет разливавшим, на стуле просторном...» (Автограф № 2).

Ст. 104–105. Чинно и села опять, ему отдать не подумав // Место свое. Рыбак,
 засме-явшись, сказал: «Благородный... – «Чинно и села опять на почетном месте,
 не мысля / Гостю его уступить; а рыбак сказал, засмеявшись...» (Автограф № 2);
 «Чинно и села опять, не подумав гостю отдать / Почетного места. Рыбак,
 засмеявшись, сказал: "Благородный...» (Автограф № 3).

Ст. 108. Лучшее место всегда старикам уступается». – «Что ты... – «Лучшее ме-сто
 всегда пожилым уступается». – «Что ты...» (Автограф № 3).

Ст. 109–110. Дедушка! – с кроткой усмешкой сказала хозяйка. – Ведь гость наш II
 Верно, такой же Христов человек, как и мы, и придет ли... – «Выдумал, старик,
 сказала с легкой усмешкой хозяйка, // Гость наш такой же, как мы, христианин; и
 сам ты подумай...» (Автограф № 2).

Ст. 117. Был он у милых родных, возвратяся из чужи в отчизну... – «Был он у
 ми-лых родных, из чужи домой возвратяся...» (Автограф № 2).

Ст. 118–119. Стали они разговаривать. Рыцарь разведать о страшном IIесе хотел,
 но рыбак ночью порою боялся... – «Вот начался разговор дружелюбный. О лесе
 раз-ведать // Рыцарь хотел, но рыбак ночью порою боялся...» (Автограф № 2).

Ст. 123. Рыцарь о том, как в разных землях он бывал, как отцовский... – «Рыцарь
 о том, как в разных странах он бывал, как отцовский» (Автограф № 2; автограф №
 3).

Ст. 124–126. Замок его у истоков Дуная ~ Имя лее замка Рингштеттен... –
 Не-мецкое Ringstatten и старофранцузское la Motte совпадает, по свидетельству
 самого Фуке, с родовым именем героя («Lebensbeschreibung des Generals Fouque»,
 1824) и означает «окрестность замка».

Ст. 127–128. Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за окошком, II Точно как будто
 водой кто опрыскивал стекла снаружи... – «Рыцарь слышал, как будто плескали в
 низком окошке // Шорох, как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи»
 (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 142. Молвила: «Так говорить ты волен; когда ты усталый...» – «Молвила: "Так
 говорить ты можешь; когда ты усталый...» (Автограф № 2).

Ст. 152–153. Вовсе ее разлюбить уж нельзя», – кивнув головою, II Кротко сказала
 старушка... – «Вовсе ее разлюбить уж нельзя – отвечала с сердечной // Доброй
 улыбкой старушка...» (Автограф № 2).

Ст. 174. Подле Гульбрапа с своим рукодельем, тихонько шепнула... – «Подле
 Гуль-брандова стула, и с ласковым видом сказала...» (Автограф № 2).

Ст. 183. Белый, ему показалось, глядел; но было в окошке... – «Станный, ему
 по-казалось, глядел; но было в окошке...» (Автограф № 3).

Ст. 194. Детской ее запальчивостью, нежели резвостью прежней... – «Детской
 до-садой, чем прежней веселостью резвой...» (Автограф № 3).

Ст. 195–196. Но рыбак, рассердясь не на шутку, причудницу начал // Крепко журить
 за ее упрямство и дерзкую вольность... – «Но рыбак, потерявший терпенье,
 причуд-ницу начал // Крепко журить за ее нетерпенье и дерзкую вольность...»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh (Автограф №3).

Глава II. О том, как Ундина в первый раз явилась в хижине рыбака. – Первоначальное заглавие в автографе № 2: «О том, как рыбак нашел Ундину».

Ст. 211–213. Встретиться ночью!» – «Зачем же медлить? Пойдем поскорее... – Тьма на дворе: куда мы пойдём? И кто угадает... – «Встретиться с нею ночью по-рой. – Так пойдем поскорее // Сами ее отыскивать!» – Труд бесполезный; ты видишь // Что за тьма на дворе. Куда же идти. И кто угадает...» (Автограф № 2).

Ст. 246. Это случилось, – рыбак отвечал. – Тому уж двенадцать... – «Это случи-лось, – рыбак отвечал. – Тому уж пятнадцать...» (Автограф № 2; автограф № 3; копия № 5).

Ст. 255. Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот... – «Был всегда со мною Господь, и когда через этот...» (Автограф № 2); зачеркнуто: «Был всегда со мною Господь...» (Автограф № 3).

Ст. 282–284. Шорох; они растворились – и что же видим мы? чудной // Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе, // Нам улыбаясь, как ангел, стоит на пороге. Сна-чала... – «Шорох; они растворились – и что же? Девочка чудной // Прелести, лет четырех, в богатом уборе, как светлый // Ангел, нам улыбаясь, стоит на пороге. // Сначала...» (Автограф № 2, автограф № 3; копия № 5).

Ст. 303. Вздорным ее подумать легко, что она к нам упала... – «Чудным ее поду-мать легко, что она к нам упала...» (Автограф № 2).

Ст. 307. ...катаясь по морю в лодке... – «...катаясь по озеру в лодке...» (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 345. ... Оба вскочили и бросились в двери... – «... Оба вскочили и кинулись в двери...» (Автограф № 2).

Ст. 348–349. С треском дерева, в море бежал; и было все небо, // Так же как море, взволновано; тучи горами катились... – «С треском дерева, в озеро мчался: Было все небо как море // Словно как море взволнованно; тучи горами катились...» (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 351–352. Вся окрестгшсть под блеском и тьмой трепетала; при свисте // Вихря было внятно, как море свирепое голос... – «Вся окрестность под блеском и мраком дрожала, при свисте // Вихря было слышно, как грозное озеро голос...» (Автограф № 2, автограф № 3).

Ст. 353. Свой воздымало... – «Свой возносило...» (Автограф № 2).

Ст. 357–358. Каждый своею дорогою, к лесу, и громко при шуме // Ветра в ночной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!»... – «Каждый своею дорогою в лес, и гром-ко сквозь тучи // В мраке лесном откликалось: "Ундина! Ундина!" (Автограф № 2); «... в лесной глубине раздавалось: "Ундина! Ундина!" (Автограф № 3).

Глава III. О том, как была найдена Ундина... – Варианты заглавия: «О том, как они нашли Ундину» (Автограф № 2); «О том, как опять нашлась Ундина» (Автограф № 3); «О том, как отыскалась Ундина» (Копия № 5).

Ст. 369–371. Он на самом краю лесного ручья, который в разливе II Бурном своем белеал широко, мутной рекою, II Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стоя-ла... – «Он на самом краю лесного ручья, который широким // Быстрым разливом своим весь луг отрезал от леса // Так, что вся полоса земли, на которой стояла...» (Автограф № 2).

Ст. 380–381. В эту минуту ему, что стоял там, ровён с деревьями, II Белый, слишком знакомый ему великан и, оскалив... – «В самую эту минуту ему, что стоял там огром-ный // Белый, слишком знакомый ему человек и, оскалив...» (Автограф № 2); «... Бе-лый, слишком известный ему человек и, оскалив...» (Автограф № 3).

Ст. 383–384. Только чупо с большею силою влек его в лес: там Ундина IIВ страхе, одна, без защиты была. И вот уж ступил он... – «Более влек его в лес: там Ундина среди привидений // В страхе смертельном была одна без защиты. И вот он...» (Автограф № 2). В автографе № 3 зачеркнуто: «среди привидений» и «смертельном».

Ст. 387. Злого потока; старик сердит и обманчив». Знакомы... – «Злого потока; сгарик сердит и коварен». Знакомы...» (Автограф № 2); «Злого ручья; старик сер-дит и обманчив». Знакомы...» (Автограф № 3).

Ст. 389–391. Он лее стоял в воде, озибался и слушал, но месяц II Темной задернуло тучей, и волны быстро песлися, IIНоги его подмывая, и он, через силу держася... – «Рыцарь слушал, стоя в воде. Но было все пусто // Месяц задернуло тучей, и волны быстро неслися // Ноги его подмывая, и он, почти опрокинут...» (Автограф № 2).

Ст. 404–405. Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж, приподнявшись, II Руки вокруг шеи его обвила и его поневоле... – «Вмиг близ Ундины на мягком дерне, под тайным покровом // Древних сенистых дерев. Она, приподнявшись немного // Руки вокруг шеи его обвила и насильно с собою...» (Автограф № 2).

Ст. 418. Бегать в потемках.» – «Я сам, – отвечал рыцарь, – лишь только... – «Ночью за нею таскаться». – «Я сам, – Гульбранд отвечал, – только...» (Автограф № 2).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 427–428. «В душевной долине волна печально трепещет и бьется; II Влившись в море, она из моря назад не польется...» – Эту и последующие стихотворные песенные вставки Фуке в прозаический текст Жуковский передает гекзаметром с внутренними рифмами. Ср. у Фуке: «Мечтая о просторе, // Волна, покинув падь, // Умчалась в сине море // И не вернется вспять...» (Фридрих де ла Мотт Фуке. М., 1990. С. 21. Пер. В. А. Дымшица).

Ст. 428–429. Влившись в море, она из моря назад не польется». II Горько заплакал рыбак, услышав ту песню ... – «В море влилась она, из моря назад не польется». // Слыша ту песню, рыбак обливался слезами...» (Автограф № 2).

Ст. 432–433. Разве не видишь, как плачет отец? Не упрямясь ж; нам должно, II Должно к нему возвратиться». В немом изумленье Ундина... – «Если печаль старика твое расстроить не может // Сердце, то знай, что мое расстроено ею. Нам должно, // Должно к нему возвратиться. С немым удивленьем Ундина...» (Автограф № 2).

Ст. 435–436. Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь, милый, / IЯ согласна». И с видом покорным, глаза опустивши... – «Кротко потом, помолчавши минуту, ска-зала: Когда ты // Хочешь того, мой прекрасный друг. – Хорошо. И смиренно...» (Автограф № 2).

Ст. 439–442. Кинулся к ней и в радости был как дитя; прибежала II Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку II Нелепо они целовали; упреков не было; в добром II Сердце Ундины все также утихло... – «Кинулся к ней и не мог на нее наглядеться, и скоро // к ним пришла и старушка; свою возвращенную дочку // Жарко они цело-вали; упреков не было в добром // Сердце Ундины, все исчезло и им отвечала на ласку...» (Автограф № 2). В автографе № 3 зачеркнуто «жарко».

Ст. 445–451. Тою порой занялось, и буря умолкла, и птицы II Начали петь на свежих, дождем ожемуженных ветках; II Стало светло, и опять приступить принялась Ундина IIК рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой. И так согласились II Завтрак причесть под деревья. Ундина проворно уселась II Подле Гульбрандовых йог на траве; другого же места II Выбрать никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал. – «Между тем занялось, и буря умолкла, и птицы // Весело пели на свежих, дождем ожемуженных ветках; // Было спокойно и ясно. Ундина же все приступала // К рыцарю с просьбой рассказ свой начать. И так согласились // Завтрак принесть под деревья, служившие темной оградой // Хижины с берега. С видом довольным Ундина уселась // Подле Гульбран-довых ног на траву и места другого // Взять никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал...» (Автограф № 2). В автограф № 3 зачеркнуто: «служившие темной оградой // Хижине с берега. С видом довольным уселась Ундина...»

Ст. 458. Алтан – (лат. *altus* – высокий) в средневековой архитектуре род балкона.

Ст. 462–464. Смотрит она на меня, и во мне загорелась двойная II Бодрость; усердно бился я прежде, но с этой минуты II Дело пошло уж иначе. А вечером с нею одною... – «Смотрит она на меня, и во мне загорелась с двойною // Силой отвага; усердно бил-ся я прежде, но в этот миг пошло уж иначе. А вечером с нею одною...» (Автограф № 2; копия № 2; копия № 5).

Ст. 477–478. Чем во второй. Однако мне показалось, что боле II Всех других я замечен был ею, и это мне льстило. – «Чем во второй. Но меня ласкала она и, казалось, // Боле других я понравился ей, и это мне льстило» (Копия № 5).

Ст. 555–569. Область подземная гномов ~ Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и бли-же... – По сравнению с Фуке, у Жуковского картина подземного мира дана бо-лее динамично, приобретая черты фантазмагии, напоминая описание морской бездны в балладе «Кубок» и являя стилистическое родство с «Вием» Гоголя. Ср. с текстом Фуке: «И тут вдруг мне почудилось, что я вижу сквозь зеленый дерн как сквозь зеленое стекло, а плоская земля стала круглой, как шар, и внутри нее копо-шились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды. Они кувыркались через голову, швыряли друг в друга слитками драгоценных металлов, прыскали в лицо золотой пылью, а мой уродливый спутник стоял одной ногой внутри, другой снару-жи. Те подавали ему груды золота. Он смеясь показывал его мне, а потом со звоном швырял обратно в бездну. Потом снова показывал кобольдам мой золотой, и они до упаду хохотали и улюлюкали. А затем они потянулись ко мне своими почернев-шими от металла пальцами, и – все быстрее и быстрее, все теснее и теснее. Все яростнее и яростнее закружилась забарахталась вокруг эта чертовня...» (Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина / Пер. с нем. Н. А. Жирмунской. М., 1990. С. 27.).

Кобольдам (духам природы в германской мифологии) у Жуковского соответ-ствуют гномы, нашедшие место в натурфилософской систематике Парацельса «О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и иных духах» («гномы – малы, в поло-вину человеческого роста», «гномы добывают нуждающимся золото», «гномы и са-ламандры знают будущее и все сокровенные тайны»). Черные гномы враждебны людям, живут в недрах земли, являясь ремесленниками и кузнецами и владея под-земными сокровищами.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 595. Странный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я... – «Дымный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я...» (Копия № 3).

Ст. 597. Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой спутник». – «Добрые люди. Тогда пропал и воздушный мой спутник» (Копия № 3).

Ст. 610. Рыцарь с улыбкою встал, чупоб видеть, так ли то было... – «Рыцарь с усмешкою встал, чтоб видеть, так ли то было...» (Копия № 3).

Ст. 629. Здесь живеупся сладко, здесь сердцу будет приятно... – «Здесь живетса сладко, здесь мне будет приятно...» (Копия № 3; копия № 5).

Ст. 638–642. ... Рыбак был мудрец просуподушный ~ Словом, он был живая леупо-пись... – Биография рыбака принадлежит Жуковскому, являясь вставной микро-новеллой и придавая повествованию более глубокое биографическое измерение.

Ст. 640. Ратником сам в молодых летах, па досуге он много... – «Ратником сам в молодых летах он много в досужное время...» (Копия № 3).

Ст. 651. Вместе все перед ярким огнем проводили... – «Вместе все перед ярким очаг собирались...» (Копия № 3).

Ст. 654–676. ... Но мирной сей жизни была дутою Ундина. ~ Пупичка, летая средь чистого неба. – Портрет причудливой Ундины создан Жуковским. Никсы, сильфи-ды – духи воздуха, олицетворение крылатой недостижимой мечты.

Ст. 655. В эупом жилище, куда суеты не входили, каким-упо... – «В этом затишье, куда не входила забота, каким-то...» (Копия № 3).

Ст. 675–676. Но Ундина любила – любила беспечно, как любит II Птичка, леупая средь чисупого неба... – «Но Ундина любила – любила Гульбранда, как любит // Птичка свободное чистое небо...» (Копия № 3).

Ст. 689–691. Мнилось ему, чупо Ундина была рождена не для низкой II Доли; и, сломом, он верил, что все то не случай, а БожийIIПромысел было... – У Фуке более под-черкнут куртуазно-иерархический мотив служения даме: «... тогда он успокаивал себя тем, что Ундина ведь совсем не дочь рыбака, а вернее всего, происходит из какого-то удивительного чужеземного княжеского рода» (Фридрих де ла Моупуп фуке. Ундина. М., 1990. С. 30).

Ст. 705. Был ненастен, веупер шумел, и море сердилось. – «Был ненастен, ветер выл и море шумело (Копия № 3); «Был ненастен, ветер шумел и море вздымалось» (Копия № 5).

Ст. 723. Стала она про себя потихоньку смеяупся. Однако II Засухо все добрались до места; но только успели... – «Стала она потихоньку хихикать. Однако до места // За-сухо все добрались. Но лишь только успели под кровлю...» (Копия № 3).

Ст. 758. Начал кричать на Ундину: «Утурков, у нехрисупей, что ли... – «Начал Ундину журить: "У турков, у нехристей, что ли..."» (Копия № 3).

Ст. 775. Крест, рыбак прошептал, – когда здесь случается с нами... – «Крест, рыбак прошептал, – когда здесь творится над нами...» (Копия № 3).

Ст. 779. ...мой дядя Струй... – У Фуке: Oheim Kuhleborn (дядя прохладный ис-точник). Образу струящегося водопада, изменчивого потока, наделенного чертами стихийного помощника и властного судьи-мстителя, когда рыцарь нарушает обет, более соответствует имя «Струй». Ср.: в прозаическом переводе 1831 г. Александра Дельвига (псевдоним: «Влидге») дядя Ундины назван «фрезондин» (фр. Frais-ondin).

Ст. 793. Паупер вошел и ласково всем поклонился; прияупеи... – «Старец вошел и ласково всем поклонился, приятен...» (Копия № 3).

Ст. 882–883. Благослови нас, если дадут позволение эти // Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились... – «Благослови нас, если не будет противно то этим // Добрым людям». Рыбак и старушка пришли в изумлень...» (Копия № 3).

Ст. 889. Вдруг присмирела, задумалась, глазки потупила в землю. – «Вдруг присмирела, задумалась, очи потупила в землю» (Копия № 3).

Ст. 894–896. ... а рыцарь из звеньев ~ Было чем обручиться... – В повести Фуке кольца приносит Ундина, объясняя их появление так: «Мои родители, – сказала Ундина, – зашили эти вещицы в нарядное платьице, которое было на мне, когда я пришла к вам. И они же запретили мне хотя бы единым словом обмолвиться об этом до самого вечера моей свадьбы. Ну вот, я извлекла их потихоньку и спрятала до сегодняшнего дня» (Фридрих де ла Мотт фуке. Ундина. С. 39).

Ст. 945. Робким созданьем, так строг; напротив того, с снисхождеиьем... – «Смир-ным созданьем, так строг; напротив того, с снисхождеиьем...» (Копия № 3).

Ст. 949. Горько заплакала. Все на нее с любопытством смотрели... – «Горько заплакала. Все на нее с беспокойством смотрели...» (Копия № 3).

Ст. 951–952. Слезы обтерла она и священнику, в сильном волненье // Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ль, ужасно... – «Слезы обтерла она и, священнику руку смиренно // Сжавши, сказала: "честный отец, не правда ль, ужасно..."» (Копия № 3).

Ст. 959. Грусть и тоска терзауп меня; а доньне мне было... – «Грусть и тоска вол-нуют меня; а доньне мне было...» (Копия № 3).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Ст. 967. Бог милосерд, Он помилует». Тихим, покорным младенцем... – «Бог мило-серд, Он помилует». Смирно, как агнец...» (Копия № 3).
 Ст. 978. Также крестясь и молитву читая, вышли... – «Также крестясь и молитву творя, удалились...». (Копия № 3).
 Ст. 984–991. «Милый, ты, верно, также покинешь меня... ~ Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела. – Финал главы VII сокращен и переосмыслен Жуковским. У Фуке акцент делается на страхе и сомнении рыцаря; Жуковский снимает эти чувства героя, а также убирает строки о том, что рыцарь уносит Ундины в спальню, за что К. Зейдлиц называл его «писателем девственным». Ср.: «Ты не можешь покинуть меня! – доверчиво и вместе с тем твердо шепнула она, и руки ее нежно коснулись щек рыцаря. Это окончательно развеяло зловещие мысли, которые гнездились в глубине его души и нашептывали ему, что он связал свою судьбу с феей или каким-то иным коварным порождением мира духов; и лишь один вопрос сорвался как бы невзначай с его губ:
 – Ундина, милая, скажи только одно: что это ты говорила такое о духах земли и о Кюлеборне, когда священник постучался в дверь?
 – Сказки, детские сказки! – ответила смеясь Ундина, вновь обретая свою обычную веселость. – Сперва я нагнала на вас страху, а потом вы на меня. Только и всего. Вот и песне конец, да и всему свадебному вечеру.
 – Нет, не конец! – воскликнул опьяненный любовью рыцарь, погасил свечи и, осыпая поцелуями свою прекрасную возлюбленную, озаренную ласковым сиянием луны, понес ее в горницу, где было приготовлено брачное ложе» (Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 42–43).
 Ст. 992–993. Свежий утренний луч разбудил новобрачных; блаженством // Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой... – «Свежий утренний луч разбудил новобрачных; с блаженством // Ясные очи Ундина открыла; а рыцарь в глубоком...» (Копия № 3).
 Ст. 1032. Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем... – «Ангелом тихим Ундина была; она же с сердечным смиреньем...» (Копия № 3).
 Ст. 1046–1047... Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый Идери... – «... Безоблачно солнце садилось, светя на росистый // Дерн...» (Копия № 3).
 Ст. 1056–1057. Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался; II Мелким ручьем стремился поток... – «Что же рыцарь увидел? разлива уж не было, мелкой // Речкой по камням стремился поток...» (Копия № 3).
 Ст. 1070. Здесь у тебя па груди». И, растроган, встревожен... – «Здесь у тебя на груди». И тронутый, с тайной тревогой...» (Копия № 3).
 Ст. 1078–1124... Слушай, ты должен ~ Тесным союзом любви с человеком... – Этот фрагмент Фуке – Жуковского представляет поэтическое изложение концепции Парацельса о союзе духа с человеком как возможности самосовершенствования, осложненной христианской идеей преображения любовью и верой. Саламан-дры – духи огня. Парацельс дает натурфилософскую культурологию стихийных духов: «Ундины по внешнему виду совершенно подобны человеку (...). Они вообще любят общество человека; особенно ундины любят выходить из воды и сидеть на берегу рек и ручьев. Они охотно даются в руки человека и с радостью вступают в брак с людьми, ибо через таинство брака они получают душу и совершенно упо-добляются человеку» (цит. по: Ундина, рассказ Фридриха де-ля Мотт Фуке. Из-данный для русских гимназий с присоединением объяснительных примечаний и словаря О. Шталем. М., 1866. С. 5).
 Ст. 1097–1101. Случалось, не раз, что рыбак подглядевши ~ В хладную влагу за нею... – Вариация «русалочьего сюжета». Ср.: баллада Гёте «Рыбак» в переводе Жуковского.
 Ст. 1141–1142. Рыцарь ее обхватил, и па руки поднял, и вынес II На берег; там перед небом самым повторил он обет свой... – Вместо этих стихов у Фуке сравнение рыцаря с Пигмалионом, переводящее текст в галантную стилистику: «... и твердил. Что он счастливее, чем греческий ваятель Пигмалион, которому госпожа Венера оживила его мраморную статую, превратив ее в прекрасную возлюбленную» (Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 48).
 Ст. 1163. Зеленью берега, так благовонно, свежо и прозрачно... – «С нею зеленью берега, так свежо, так прозрачно...» (Копия № 4).
 Ст. 1166–1167. Мы нигде толь мирного счастья, каким насладились IIB этом краю; побудем же здесь; никто нас не гонит... – «Нам нигде такого счастья, какое нашли мы // В этом месте; побудем же здесь; никто нас не гонит...» (Копия № 4).
 Ст. 1200. Станным, широким покровом, которого складки, как волны... – «Станным большим капишоном, которого складки, как волны...» (Копия № 4).
 Ст. 1215. «Патерлаврентий, священник Мариинской Пустыни... – У Фуке: «Меня зовут патер Хайльман, – молвил священник, – из обители святой Марии, что за озером» (Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 51).
 Ст. 1217. Вместо «Имя мне Струй» у Фуке: «... а меня зовут Кюлеборн, ну а если

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
соблюдать учтивость, то следовало бы величать меня господин фон Кюлеборн, а не
то, пожалуй, и владетельный барон фон Кюлеборн...» (Там же).

Ст. 1231–1232. «Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли II Вам через
лес удастся пройти безопасно ... – «Здесь я недаром; я ваш проводник; без меня
не пройдете // Вы путем через лес. Я вам не помеха...» (Копия № 4).

Ст. 1245. В голову Струя ударить, по меч по волнам водопада... – «Голову Струя
разнести, но меч по волнам водопада...» (Копия № 4).

Ст. 1250. Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто... – «Все
казалось мне, что он человек и как будто...» (Копия № 4).

Ст. 1252–1255. «... Ты смелый рыцарь ~ как живую люблю я волну...» – Песнь
водопада у Жуковского передается гекзаметром с внутренними рифмами; у Фуке шепот
водопада передается звукоподражательными стихами, вкрапленными в прозаический
текст. Ср.:

Смелый рыцарь, Сильный рыцарь, Я не сержусь, Я не гневлюсь,
Только будь верный защитник жене, Иначе вспомнишь ты обо мне
(Перевод В. А. Дымшица).

Ст. 1259–1260. В этом имперском городе все почитали погибшим / Нашего рыца-ря...
– У Фуке следует непереуведенный Жуковским отрывок в стиле рыцарского романа:
«Его (Гульбранда. – Н. В.) слуги не хотели покидать город без своего го-сподина,
однако никто из них не отважился последовать за ним в зловеший сум-рак
страшного леса. Итак, они продолжали жить на постоялом дворе, в праздном
ожидании, как это водится у такого рода людей, и своими сетованиями пытались
оживить память о пропавшем рыцаре (...) Многих молодых рыцарей, усердно
до-могавшихся ее (Бертальды. – Н. В.) милостей, она пыталась подвигнуть на
розы-ски благородного искателя приключений. Но обещать в награду свою руку она
не решалась – должно быть, все еще надеялась, что он вернется, и она будет
при-надлежать ему, а за какую-нибудь перчатку с ее руки или ленту никто не
спешил ставить на карту жизнь, чтобы воротить сголь опасного соперника» (Фридрих
де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 54).

Ст. 1286–1287. Что-то подобное было, хотя его и смугчала II Зависть порою. Как
бы то ни было, скоро друг с другом... – «Что-то подобное было, хотя и рождало в
нем за-висть // Счастье соперницы милой, короче: скоро друг с другом...» (Копия
№ 4).

Ст. 1300. Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли... – «Музыки, пенья,
сме-ха, крики детей наполняли...» (Копия № 4).

Ст. 1325. Здесь и далее определение Фуке «человек, который чистит колодцы»
Жуковский переводит как «смотрящий фонтанов».

Ст. 1429. Бледная, в страхе незапном, не ведая, что с ней... – «Бледная, в
страхе незапном, понять не умея, что с ней...» (Копия № 4).

Ст. 1432. Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно ... – «Вывести ее из
забвенья; но было напрасно...» (Копия № 4).

Ст. 1468. Три родимых пятна как трилиственник... – У Фуке: «родимое пятно в виде
фиалочки».

Ст. 1486. Город имперский, который ей стал ненавистен, покинуть... – «Город
им-перский, ставший противным Ундине, покинуть...» (Копия № 4).

Ст. 1520–1521. ... Правда, лес волшебный меня утешает, //Бродят там, слышно,
духи, а я так пуглива ... – «... лес волшебный меня ужасает; там бродят //
Слышно, нечистые духи, а я так пуглива...» (Копия № 4).

Ст. 1541–1543. Жаль и ему; и, руку подав ей, вот что сказал оп: «Вверьте себя
без-заботно сердцу Ундины. А к вашим //Добрым родителям мы, по прибытии в замок,
от-правим... – «Жаль и ему, и за руку взявши ее, предложил он // Ей себя
поручить попеченьям Ундины. // Добрым родителям, он прибавил, отправим из
замка...» (Копия № 4).

Ст. 1572–1574. Сказке, когда-то в детстве рассказанной ей, очутилась // Вдруг
наяву, жи-вая, сама; все ей в Ундине II Стало чуждо; как будто бы дух
бестелесный меж ними... – «Сказ-ке, когда-то в ребячестве слышанной ею живая /
Вдруг очутилась сама. Черты Ундины вдруг стали / Ей как будто бы новое, страшное
что-то меж ними...» (Копия № 4).

Ст. 1599–1600. Счастлив еще, когда при раздаче житейского был ты II Сам назначен
терпеть, а не мучить; на свете сем доля... – «Счастлив еще, когда при раздаче
жи-тейских страданий // Избран ты был принимать, а не быть раздавателем;
участь...» (Копия № 4).

Ст. 1602. Жребий был твой, чтпатель, то, может быть, слушая нашу... – В копии № 4
вместо «жребия» – «выбор».

Ст. 1649. Сам рванулса колодезь задвинуть. Но в эту минуту... – «Сам порывался
колодезь закрыть. Но в эту минуту...» (Копия № 4).

Ст. 1668. Крепко-накрепко устье колодца задвинул ... – «Крепко-крепко отверстие
колодца затиснул...» (Копия № 4).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 1704. С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит; в бездушной... – «С бра-нью отсюда его; он мне нисколько не верит...» (Копия № 4).

Ст. 1715. Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим... – В копии № 4 вме-сто «бестолкового» – «упрямого».

Ст. 1736–1737. Времени им позабытое слово любви, прошептала II Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так безмерно... – «Времени им позабытое слово любви, торопливо // Молвила: "Милый мой друг, ты нынче со мной так безмерно..." (Ко-пия № 4).

Ст. 1746–1753. Мне, безрассудной, плакать ~ Боже! то это будет и пуще тебе на погибель. – Ср. у Парацельса: «Вступив в союз с человеком, эти духи ему остаются верны, только должно удалять их от той стихии или от того места, где они первоначаль-но жили; особенно же ундины или водяницы немедленно исчезают, навсегда покидая мужа, если их раздражит чем-нибудь на воде. Но, исчезнув, они не уми-рают, и горе мужу, который возьмет другую жену: он заплатит жизнью за наруше-ние супружеской верности» (Цит. по: Ундина. Рассказ Фридриха де ла Мотт Фуке. Изданный для русских гимназий с присоединением введения, объяснительных примечаний и словаря О. Шталем. М., 1866. С. 5).

Ст. 1865. Силой ташил за узду; Берупальда едва подвигала... – В копии № 4 вместо «силой» – «вслед».

Ст. 1874. С воплем его начала умолять, чтоб остался... – «С жалобным криком стала склонять, чтоб остался...» (Копия № 4).

Ст. 1883. Росуш огромного, в белом плаще; и фура покрюпа... – В копии № 4 вмесго «в белом плаще» – в «белой шинели».

Ст. 1910. Скоро сердечный, живой разговор начался ... – «Тут начался открытый, живой разговор...» (Копия № 4).

Ст. 1955. С этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно... – У Фуке от-сутствует обращение к читателю: «С этого времени в замке жилось тихо и спо-койно...».

32 – 1368
499

Ст. 1965. Стал обителью светлого счастья ... – «Стал убежищем светлого сча-стья...» (Копия № 4).

Ст. 1970–1971. Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе вешнем //Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались... – «Что ж тут дивиться, если при виде, как на широком // Небе вились журавли и ласточки быстро вились...» (Копия № 4). У Фуке вместо журавлей упоминаются аисты. Ср.: «Что ж удивительного, что весен-ние аисты и ласточки пробудили в них жажду странствий!».

Ст. 2053. В собственном доме своем осужден я жить как невольник! – В копии № 4 вместо «доме» – «замке».

Ст. 2056–2058. Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши II На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив о данном II им обещанье Ундине... – Кончить ему не дала, с улыбкой ему наложивши // На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив, что в замке // сказано было Ундиною...» (Копия № 4).

Ст. 2076. Голосом нежным твердя: «Возлюбленный, милый, подумай... – «Голосом нежным твердя: о милый, о милый, подумай...» (Копия № 4).

Ст. 2098. Зло от тебя отвратить. Но меня уводят; отсюда... – «Их от тебя отвра-тить. Но меня уводят; отсюда...» (Копия № 4).

Ст. 2110. Как нам, читатель, сказать: к сожаленью иль к счасупью, чупо паше... – «Как нам, добрый читатель, сказать: к сожаленью иль к счастью, что наше...» (Ко-пия № 4).

Ст. 2123–2124. Воуп, наконец, и всю изменяемость здешнего в самой //Нашей печали мы видим... шпак, скажу: к сожаленью... – «Вот, наконец, и неверносьг житейского в самом начале // Нашем мы видим... и так нельзя не сказать: к сожаленью...» (Копия № 4).

Ст. 2169. Брак с Ундиной его в счастливые дни совершен был... – В копии № 4 вме-сто «совершен» – «освящен».

Ст. 2182. Весть худую предчувствуя, медлил всупуипуть в особый... – «Что-то худое предчувствуя, медлил вступить в особый...» (Копия № 4).

Ст. 2189. То, чупо она была добронравной, верной, смиренной... – «То, что она была смиренной, верною, честной...» (Копия № 4).

Ст. 2211. Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель бесплотный... – «Голос, не-внятно шепнувший: к тебе подошло привиденье...» (Копия № 4).

Ст. 2220. С сладостным веяньем, с звонким стенанием: «Стон лебединый!... – В ко-пии № 4 вместо «стон» – «звон». У Фуке: «лебединая песнь».

Ст. 2220–2222. ... Стон лебединый ~ ведь он предвещает нам смерть... – Об-раз лебеда в этой главе используется в двойном мифопоэтическом значении: души, странствующей во сне, и как предвестие смерти.

Ст. 2301. Но и ей самой как будто совесупно было... – «Но ей самой все было

как-то неловко...» (Копия № 4).

Ст. 2346–2347. ... Бертальда же, стоя в окне, цепенела, // Холодом супраха
обли-тая ... – «Бертальда смотрела в окошко от страха // Чуть дыша, бледна,
неподвиж-на...» (Копия № 4).

Ст. 2353–2354. ... Но все в неподвижном II Страхе стояли па месупе... – «Никто
из прислужниц // С месга сойти не посмел...» (Копия № 4).

Ст. 2355. Собственным криком своим приведенная в ужас, умолкла... –

«Собствен-ным криком своим приведенная в страх, онемела...» (Копия № 4).

Ст. 2359. Здесь видали ее? В то время еще не раздетый... – «Здесь видали ее?
По-лураздетый в то время...» (Копия № 4).

Ст. 2361–2362. Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько II Стукнул в дверь...
так точно, бывало, стучалась Ундина... – «Свет проливала свеча. Вдруг легкой,
легкой рукою // Стукнули в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина...»
(Копия № 4).

Ст. 2373–2374. Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и строгий II Суд
соверши надо мной, мне лица твоего не являя... – «Если твой образ ужасен, не
тронь покрыва-ла и строгий, // Мне своего не являя лица, соверши надо мною...»
(Копия № 4).

Ст. 2381–2383. ...и прекрасной Ундиною, прежней/Милой, любягцей, любимой
Унди-ною первых, блаженных Идней предстала... – Этим стихам нет соответствия в
тексте Фуке.

Ст. 2402. ... в ужасе тот удалиться спешил. «Так и должно!... – «... в страхе
спешил он из замка уйти. «Так и должно...» (Копия № 4).

Ст. 2404–2407. ... мне помощник не нужен». Хотел он невесте, II Вдруг
овдовевшей, отрадное слово сказать в подкреплены; II Но Бертальда, ему не
внимая, молчала угрюмо. II Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь... –
«...мне помощник не нужен». Тогда он невесту // Вдруг овдовевшую стал утешать,
но Бертальда как будто / Гро-мом убитая слушала сухо его увещанья. // Старый
Бертальды отец молился и, в горе смиряясь...» (Копия № 4).

Ст. 2406. Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо... – У Фуке: «... и когда
Бертальда, не переставая проклинать Унди-ну, назвала ее убийцей и колдуньей...»
(Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 100).

Ст. 2453–2454. Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился прозрачный II
Ключ; серебристо вяясь, он вперед пробирался... – «Где он стоял на коленях, по
травке бежал серебристый // Ключ, вяясь и лиясь, он вперед пробирался...» (Копия
№ 4).

Н. Ветшева

Маттео Фальконе

Корсиканская повесть («В кустах, которыми была покрыта...») (С. 179)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 53. л. 12 об. – 15 – черновой, чернилами; на л. 12 об. –
чер-нилами по карандашу, с заглавием: «Марко Фальконе», с датами: «17/29» – в
начале рукописи; «19/31 марта 1843» – в конце. Кроме того имеются даты внутри
текста: около ст. 30 – «18/30» и ст. 100 – «19/зр». В собственноручном списке
произведе-ний (л. 2) отчетливо заглавие «Марко Фальконе».

2) РНБ. Оп. 1. № 54. л. 3–5 с оборотами – перебеленный, но с небольшой правкой,
с разбивкой на пятистишия, с заглавием: «Маттео Фальконе» и подзаго-ловком:
«Корсиканская повесть». В конце рукописи помета: «Поправлена 8 апреля / 27 мая
(224)». Число, заключенное в скобки, – количество стихов в произведении. На
внешней обложке тетради список произведений с датами их создания. Первое в
списке: «Маттео Фальконе. 19–31 марта 1843».

Копия: РГБ (фонд Елагиных). № 228 – рукой А. А. Елагина в его письме к А. П.
Елагиной от 20 ноября 1843 г.

Впервые: Совр. 1843. Т. 32. С. 208–225. – с подзаголовком: «Корсиканская повесть
(Из Шамиссо)», без подписи. В оглавлении к тому указано: «Маттео Фаль-коне В. А.
Жуковского». Имеется послесловие от редактора (С. 225–226), включаю-щее отрывок
из письма Жуковского к П. А. Плетневу от 1843 г., где, в частности, говорится:
«Но я еще написал две Повести, ямбами без рифм, в которых с размером стихов
старался согласить всю простоту прозы так, чтобы вольность непринужден-ного
рассказа нисколько не стеснялась необходимостью улаживать слова в стопы. Посылаю
вам одну из этих статей для помещения в Современнике. Желаю, что-бы попытка
прозы в стихах не показалась вам прозаическими стихами». (С 7. Т. 6. С. 591.
Курсив Жуковского).

В прижизненных изданиях: НС. Т. 1. СПб., 1849. С. 293–301, с загла-вием в
тексте: «Маттео Фальконе. Корсиканская повесть». В оглавлении: «Маттео Фальконе
(Из Мериме)». Том имеет посвящение: «Князю Петру Андреевичу Вязем-скому и Петру
Александровичу Плетневу»; С 5. Т. 6. 1849. С. 293–301. – Публи-кация во всех
отношениях идентична указанной выше. Судя по всему, первый том НС напечатан с

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu того же набора, что и шестой том С 5, о чем говорит, в частности, наличие в нем (С. 333) финальной фразы: «Конец шестого тома» (надписи в первом томе явно неуместной) и тождественного с шестым томом С 5 «Списка замеченных опечаток». Единственным различием этих двух изданий является вышеупомянутое посвящение, отсутствующее в 6-м томе. Первым, явившимся в свет изданием стали «Новые стихотворения», что ясно из письма Жуковского Плетневу от 6 марта 1850 г., где читаем: «Весьма одобряю, что вы публикацию о полных сочинениях отложили до осени нынешнего года; они, таким образом, не подорвут продажи "Новых стихотворений" (...) До осени все можно оставить in status quo. А заботиться только о распродаже "Новых стихотворений"» (СС. Т. 4. С. 666). Датируется: 17(29)–19 (31) марта – до 20 сентября (2 октября) 1843 г. Первая проблема, связанная с комментарием повести, – ее творческая история, прежде всего время ее создания. Традиционно принятая датировка «Маттео Фальконе» 17 (29) – 19 (31) марта 1843 г. (см.: Стихотворения. Т. 2. С. 483; СС 1. Т. 2. С. 484) фиксирует лишь процесс создания чернового варианта (автограф № 1). Между тем очевидно, что работа над текстом «корсиканской повести» продолжалась, о чем свидетельствует помета в беловом автографе: «Поправлена 8 апреля / 27 мая [1843]» (автограф № 2). В дневнике итоговая запись за 1843 г. имеет следующий характер: «Написал "Маттео Фальконе", "Боппа" и перевел две с лишним песни из Гомера. Вся сия работа продолжалась с возвращения из Берлина 23 сентября до поездки в Дармштат 5 декабря. Пребывание Гоголя было мне полезно» (ПСС 2. Т. 14. С. 277). По всей вероятности, какие-то поправки в текст повести Жуковский вносил уже после ее перебеливания, возможно, по совету Гоголя, который гостил у Жуковского в Дюссельдорфе с 16 (28) августа по 24 октября (5 ноября) 1843 г. Из письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 20 сентября н. ст. известно, что «пиэса» «Маттео Фальконе» уже была послана Плетневу для публикации (Гоголь. Т. 12. С. 215). Как явствует из письма Гоголя П. А. Плетневу от 6 октября н. ст., он собственноручно переписал повесть Жуковского. Так как Гоголь интересуется в этом письме у Плетнева: «Получили ли Матео Фальконе от Жуковского?» и замечает: «Хотя это и не мое дитя, но его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет» (Там же. С. 221), то можно констатировать, что, во-первых, в сентябре (до 20-го н. ст.) повесть была уже послана в Петербург для публикации ее в плетневском «Современнике», а во-вторых, высказать предположение об участии Гоголя на последнем этапе в работе над ее текстом. Таким образом, не подвергая сомнению общепринятую датировку повести «Маттео Фальконе», тем более что в собственноручном списке ее зафиксировал сам поэт, можно ее уточнить: работа над ее текстом проходила с перерывами в течение 17 (29) – 19 (31) марта – сентября (до 20-го н. ст.) 1843 г. Вторая эдиционная проблема связана с историей публикации повести Жуковского – появлением в НС и С 5 подзаголовок: «Из Мериме». Если учитывать, что оба эти издания содержат дефинитивный текст повести, то вопрос о времени и причинах появления этого подзаголовка не кажется второстепенным. Как известно, в первой публикации в плетневском Совр. за 1843 г. подзаголовок был другим: «Из Шамиссо». И это вполне соответствовало реальности: стихотворная повесть Жуковского действительно являлась переложением стихотворной повести в терцинах «Mateo Falkone, der Korse» («Матео Фальконе, корсиканец») немецкого поэта-романтика Адальберта фон Шамиссо из цикла «Сонеты и терцины» (1830). Правда, в свою очередь Шамиссо сделал стихотворную обработку популярной в то время новеллы Проспера Мериме «Mateo Falkone», впервые опубликованной в «Revue de Paris» (1829. № 4. Mai). Новелла Мериме почти сразу же после публикации стала источником много-численных русских переводов. Только в течение 1829–1836 гг. появилось пять ее переложений: «Матео Фальконе, или Корсиканские нравы» (Атеней. 1829. Ч. 3. № 15. Август. С. 228–250); «Корсиканские нравы. Матео Фальконе» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 81. С. 644–647 и № 82. С. 615–655. Пер. В. Соколова); «Матео Фальконе. Корсиканские нравы» (Дамский журнал. 1832. Ч. 40. № 50. Декабрь. С. 161–169 и № 51. С. 171–187. Пер. А. П.); «Матео Фальконе» (Сын Отечества. 1835. Ч. 174. № 50. С. 254–273. Пер. К. Амбургера); «Матео Фальконе, или Корсиканские нравы» // Сорок одна повесть лучших ино-странных писателей. Изд. Н. Надеждин. Ч. 8. М., 1836. С. 175–209. Все переводы были прозаические. Переложений же стихотворной повести Шамиссо до Жуковского не существовало. По всей вероятности, более известная русской читающей публике новелла французского писателя, к тому же ставшая источником переложения Шамиссо, и спровоцировала появление подзаголовка: «Из Мериме» в последних прижизненных изданиях сочинений Жуковского. Скорее, это было указание не на источник перевода, а на литературный первоисточник. Сам Жуковский, в это время уже постоянно живший в Германии и не имевший возможности следить за всеми этапами издания своих сочинений, мог и не знать о появлении подзаголовка и не

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
санкцо-нировать его появление.

Кстати, во всех публикациях до Жуковского имя главного героя повести пишется во французской транскрипции с одним «т»: «Матео», тогда как повседневным языком жителей Корсики является итальянский, и имя героя должно быть: «Маттео». Ошибка достаточно характерная: создавая свою новеллу, Мериме еще не бывал на Корсике и, следовательно, пользовался каким-то устным или письменным источником.

Что касается появления в черновом автографе и примыкающем к нему списку произведений заглавия повести: «Марко Фальконе», то можно высказать следующее предположение. Во время своего третьего путешествия в Италию в 1838–1839 гг. Жуковский увлекается романом итальянского писателя Томмазо Гросси «Марко Ви-сконти», пытаясь читать его одновременно и в подлиннике, и в французском авторизованном переводе (подробнее см.: Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М., 2006. С. 379–381), сравнивая реалии двух языков.

Третий вопрос: чем был вызван выбор источника для перевода, своеобразное предпочтение тексту популярной повести Мериме менее известного произведения Шамиссо? Отвечая на этот вопрос, Ц. Вольпе писал: «И, однако, он [Жуковский] избрал переработку Шамиссо, ибо ему оказался близким дидактизм этого немецкого писателя. Кроме того самый путь Жуковского к "прозе в стихах" опирался на опыт эволюции немецкой поэзии, в которой в 30-е гг. происходит заметное разложение лирического стиха. (...) Опыт Шамиссо, таким образом, для Жуковского, который в эти годы работает над жанром стихового рассказа, оказался очень важен» (Стихотворения. Т. 2. С. 484).

Материалы личной библиотеки Жуковского позволяют говорить о том, что поэт прекрасно знал основные произведения Проспера Мериме. В ней сохранились следующие издания французского писателя: «Chronique du regne Charles IX. Paris, 1832», «Theatre de Clara Gazul. Bruxelles, 1833», «Mosaïque. Leipzig, 1833», где первая повесть – «Маттео Фальконе», «Colomba. Paris, 1845». См.: Описание. № 1637–1641. В то же время в дневниковых записях нет никаких свидетельств его отношения к творчеству Мериме, а в указанных книгах – маргиналий, позволяющих говорить о намерении переводить что-либо. Несколько незначительных помет читателя и краткая констатирующая запись в «Хронике короля Карла IX» заставляют думать, что здесь русского поэта интересовали преимущественно исторические факты, а не Мериме-художник.

Что касается творчества Шамиссо, то известно, что поэтом было приобретено его собрание сочинений в 6-ти томах: «Werke Adalbert von Chamisso's. Leipzig, 1836–1839», но, к сожалению, о характере чтения Жуковским произведений немецкого писателя что-либо сказать невозможно, так как в настоящее время издание в его библиотеке отсутствует (Описание. № 791–792). Однако, во-первых, в дневнике поэта есть запись от 19 (31) мая 1838 г., где Жуковский, говоря о пребывании в Берлине и встрече с давним своим знакомым Адольфом Клейстом, фиксирует: «После обеда у Клейста. Чтение стихов Шамиссо» (ПСС 2. Т. 14. С. 86). А во-вторых, и это важнейшее свидетельство целенаправленного интереса Жуковского к творчеству немецкого поэта, в течение 1843–1845 гг. он трижды обращается к переводу его произведений. Кроме «корсиканской повести», он переводит повесть «Выбор креста» и одну из «Двух повестей...».

Думается, предположение Ц. Вольпе о причинах выбора Жуковским для перевода «Маттео Фальконе» именно «переработки Шамиссо» вполне обоснованно и подтверждается конкретными фактами творческой истории. Пожалуй, можно только акцентировать некоторые моменты. Жуковского привлекает определенная притчеобразность текста Шамиссо: он действительно «хронику» Мериме превратил в притчу (Стихотворения. Т. 2. С. 485). Религиозный подтекст притч Шамиссо, идея христианского долга были близки Жуковскому 1840-х гг. и во многом определили его путь к статье «О смертной казни». Нельзя не согласиться с мнением современного исследователя о том, что «обрисовывая Маттео, он [Шамиссо] оставляет в его характере только то, что делает его трагическим героем, и устраняет все, что может снизить, приземлить этот образ; пересказывая новеллу [Мериме], он подчеркивает наиболее драматические моменты и опускает эпизоды, в которых меньше чувствуется напряженность» (Слободская Н. И. Поэзия Адальберта Шамиссо: Автореф. канд. дис... Горький, 1974. С. 26).

Жуковский также последовательно драматизирует состояние героя. И в этом смысле вторая редакция «Тараса Бульбы» Гоголя 1842 г. соотносится с творческой историей перевода «Маттео Фальконе». Участие Гоголя в переписывании текста Жуковского не выглядит случайным. Кроме того, как явствует из вышецитированного письма Жуковского к П. А. Плетневу, переложение Шамиссо в большей степени отвечало представлению русского поэта о «воспитательном эпосе». Не случайно свой перевод «Маттео Фальконе» он предназначал для задуманной книги «Повестей для юношества», куда наряду с «корсиканской повестью» он предполагал включить поучительные истории из русской истории, из эпоса народов мира (об этом

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
подробнее см.: Янушкевич А. С. С. 243).

Разумеется, опыты Жуковского 1840-х гг. «прозы в стихах», «безрифменной поэзии» соотносились с экспериментами Шамиссо в области героизации истории (отсюда интерес немецкого романтика к испанскому бунтарю Риуго, к Байрону, На-полеону, декабристу А. Бестужеву) и созданию оригинальных поэтических форм.

Сняв в переводе указание Шамиссо уже в заглавии на национальность героя («корсиканец»), Жуковский в подзаголовке: «корсиканская повесть» акцентировал как ментальный смысл истории, так и ее эстетическую природу. Повествовательное начало организует текст перевода. Отказавшись от терцин Шамиссо, Жуковский соз-дает единое повествовательное пространство. 223 стиха предстают как единство.

Перевод Жуковского достаточно близок к оригиналу. Незначительные отсту-пления не затрагивают ни сути конфликта, ни обрисовки главных героев, ни их характеров. Несколько расширена экспозиция произведения. Как и в других по-добных случаях, поэт считает необходимым сделать текст максимально понятным читателю с самого начала и подбирает для описания обстановки действия слова, не требующие дополнительных примечаний. Так, каньон (die Schlucht) заменен на до-лину. Желтые (die Gelben), охотники (die Jager), т. е. французские солдаты, одетые в желтые мундиры, охотники за бандитами, карабинеры, превращаются в «отряд рассыльных егерей» и т. д.

Повесть Жуковского написана белым пятистопным ямбом с чередованием жен-ских и мужских клаузул. Отсутствие рифмы и строфического деления (тем более столь жесткого, каким являются терцины) позволило поэту создать ощущение сво-бодно льющейся речи, подчиняющейся лишь естественной разговорной интонации как рассказчика, так и вступающих в диалог героев. Этой же цели служит и огромное количество enjambements (переносов), часто способствующих к тому же воссозданию индивидуальной манеры речи говорящего или необычного состояния его души.

Повесть Жуковского положена на музыку Ц. Кюи («Матгео Фальконе» Драма-тическая сцена»).

Н. Реморова, А. Янушкевич

Капитан Бопп

Повесть

(«На корабле купеческом Медузе...») (С. 185)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 53. л. 15 об. – 23 об. – черновой, чернила по карандашу, без заглавия, с нумерацией стихов (всего пронумеровано 345 ст.) и датами: перед текстом – 15 (27) апреля; на л. 17 об., после перебеливания ст. 118 – 5 мая; перед ст. 140 – 6 мая; в конце – 10 (22) мая 1843.

2) РНБ. Оп. 1. № 54. л. 6–10 (л. 6–9 с оборотами) – белой, с небольшой правкой, с заглавием: «Капитан Бопп», разбивкой на стихи (всего 316 ст.) и датой в конце: «Эмс. 2 июля 1843». На верхней обложке рукописи список произведений и время их написания: «Капитан Бопп. 27 апр. (еля) – 22 мая 1843. Д Дюссельдорф) – Эмс н. ст.».

3) РНБ. Оп. 1. № 49. л. 7 об. – 8 – черновой вариант ст. 294–297, с датой: «5 мая» – на странице брошюры, изъятой из книги: «Sophokles Werke. Ubersetzt von J. G. Donner. Bd. 1. Heidelberg, 1843».

Впервые: Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Сол-логубом, изданный А. Смирдиным. Книга первая. СПб., 1845. С. 19–28 – с под-писью: «Жуковский» и датой: «1843».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 319–330 – в разделе: «Сказки и повести», с заглавием: «Капитан Бопп. Повесть».

Датируется: 15 (27) апреля – 2 июля н. ст. 1843 г.

Несмотря на то что сам Жуковский датировал процесс создания повести 27 апре-ля – 22 мая 1843 г. по н. ст. (см. список на верхней обложке автографа № 2), дума-ется, есть основания говорить об окончании этой работы 2-го июля 1843 г. в Эмсе, когда рукопись была доработана и перебелена. Косвенное указание на это присут-ствует и в списке: «Эмс», но дата в конце белого автографа: «Эмс. 2 июля 1843» снимает всякие сомнения. По всей вероятности, в списке Жуковский зафиксировал время работы над черновым автографом.

История создания стихотворной повести «Капитан Бопп» и её первой публика-ции подробно изложена Жуковским в письме к писателю и журналисту В. А. Сол-логубу от 14 (26) ноября 1844 г. из Франкфурта-на-Майне. «Нашлась пиеса, – со-общал Жуковский, – которую я хотел послать Плетнёву [П. А. Плетнёв в это время был редактором журнала „Современник“, где Жуковский опубликовал несколько своих произведений. – А. Я.] и всё не посылал, потому что ленился переписать. При получении письма вашего явился мне и писарь, русский человек, рассудив-ший поселиться в Европе, поспорив со своим господином. Его явление вместе с письмом вашим было мне знаменем, что пиеса должна принадлежать вам – вот она

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu переписана, и я ее вам посылаю (...). Посылаемая мною пиеса удивит вас своим содержанием. Многие, прочитав её, скажут, что я ударился в пиетизм, в мистику. Воля всякому говорить что хочет. Я прочитал эту повесть в прозе и захотел попо-бовать рассказать её со всею простотою прозы, не сделавшись прозаическим. Уда-лось ли – пусть судят читатели. Содержание этой повести мне весьма по сердцу. Я назначаю её для детей. Свежему, молодому сердцу такого рода впечатления могут быть благотворны. Чем раньше в душу войдёт христианство, тем вернее и здешняя и будущая жизнь. Без христианства же жизнь кажется мне уродливою загадкою, заданною злым духом человеческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потом посмеяться над его самонадеянностью – ибо загадка без отгадки. Но дело не об этом; если Бопп вам не покажется слишком неблагопри-стойным для вашего фешонабельного альманаха, примите его» (РС. 1901. № 7. С. 100–101). В письме к П. А. Плетнёву от 1 июля 1845 г. Жуковский извинялся перед издателем «Современника»: «... я обещал вам капитана Боппа; а он попал к Соллогубу (которого Тарантас мне NB весьма понравился)» (Переписка. Т. 3. С. 555). Еще в 1843 г. в письме к нему же при посылке для публикации повести «Маттео Фальконе» Жуковский говорил о «другой повести», имея в виду именно «Капитана Боппа», и замечал: «Другая повесть еще проще – она чисто детская» (Совр. 1843. Т. 32. С. 225–226). Ещё В. Г. Белинский, оценивая альманах Соллогуба, отметил в его стихотвор-ной части «повесть в стихах» Жуковского, «представляющую чтение весьма назида-тельное» (Белинский. Т. 9. С. 35). Биограф поэта К. К. Зейдлиц связывал историю создания повести с душевным состоянием Жуковского: «... нам кажется, что изо-бражённое яркими красками беспокойство капитана Боппа указывает на душевное настроение самого автора» (Жуковский в воспоминаниях. С. 82). А. Н. Веселовский создание «Капитана Боппа» рассматривает как акт религиозного очищения: «... его окружали теперь пиетисты, верующие, лютеране и католики, Рейтерны, Радовиц, Штольберги; он обсуждает, взвешивает, но не сдаётся, стоит на своём и жаждет не-посредственной веры капитана Боппа» (Веселовский. С. 399). Работая над переложением прозаической повести в стихи, Жуковский уделяет особое внимание психологическому состоянию героя. Многочисленные варианты ст. 24–25, 60, 63, 69–71, 75, 113, 123 и др. (см. построчный комментарий) углу-бляют ситуацию раскаяния капитана Боппа, его путь к смирению и очищению. Воздействие предсмертной молитвы на душу грешника определяет пафос работы Жуковского над текстом произведения. Несмотря на то что сам поэт указал на существование прозаического источника для своего переложения («Я прочитал эту повесть в прозе и захотел попо-бовать рассказать её со всею простотою прозы, не сделавшись прозаическим...»), древо-люционные издатели и исследователи творчества Жуковского пренебрегли этим авторским свидетельством. В послереволюционные издания сочинений Жуковско-го повесть «Капитан Бопп» не включалась ни разу. Но один из авторитетных иссле-дователей Жуковского, подготовивший двухтомное собрание стихотворений поэ-та, куда повесть «Капитан Бопп» по понятным причинам тоже не вошла, Ц. Вольпе заметил: «Он [Жуковский] изучает духовную литературу и католическую и про-тестантскую. Так, его повесть „Капитан Бопп“, написанная на тему предсмертной молитвы, представляет собой, как выяснилось, пересказ католической брошюры, изданной Парижским обществом религиозных сочинений» (История русской лите-ратуры. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 384). К сожалению, более точного указания на источ-ник исследователь не оставил, а подобной брошюры нам разыскать не удалось. Правда, в детском христианском журнале «Тропинка» (1994. № 1. С. 22–24) была напечатана повесть «Капитан Кнудсон», напоминающая своим сюжетом «Ка-питана Боппа». За это указание приносим свою благодарность о. Дмитрию Долгу-шину. Но, к сожалению, публикация лишена всяких ссылок на источник и автора. Наш запрос в редакцию журнала не дал ответа на этот вопрос: никаких следов авторства там не обнаружили, а посему проблема источника повести Жуковского остаётся открытой. По всей вероятности, католическая брошюра, о которой говорит Ц. Вольпе, всего лишь текст-посредник, ибо, как показывают разыскания В. И. Симанкова (см.: повесть Джорджа Чарльза Смита (1782–1863), английского баптистского свя-щенника и одного из основателей «Христианского братства моряков». Отдельным изданием повесть появилась под полным именем автора в 1824 г. (Bob The Cabin Boy. A Sailor's Visit to Surrey Chapel. By the Rev. G. C. Smith. L., 1824) и с тех пор не-однократно переиздавалась, вплоть до настоящего времени. Ст. 24. Его больную душу ободрить... – В черновом автографе этому стиху пред-шествовали следующие варианты:

- а) Порадовать его больную душу...
- б) Порадовать измученную душу...
- в) Иль хоть ему сказать, чтоб грешная душа...

Ст. 25. Он был один, и страшно смерть глядела... – Первоначальный вариант:

Он лежал один; лицом

К лицу он видел смерть; она его

Пугала; но душой он был озлоблен...

Ст. 29. (...) То мальчик Роберт... – в беловом автографе вместо «мальчик» было «шкипер».

Ст. 60. Всю внутренность его поколебала... – Этот стих имел следующие варианты:

а) Проникнула в озлобленную грудь...

б) Нечаянна была ему, нежданно...

в) Всю внутренность его поворотила...

Ст. 69–71. Ей смерть и вечность ~ он молча б... – Ср. с черновыми вариантами:

а) что смолоду в других привык он видеть, То заглушив уступчивую совесть, Он испытал на деле в летах зрелых...

б) Не мог найти опоры он в самом себе, Невежество ума равнялось в нём Разврату сердца; жизнь провёл он

На корабле между закоренелых Развратников, грабителей и пьяниц...

Ст. 75. Ело не пробудил... – После этого стиха в черновом автографе было следующее продолжение:

Его не пробудил. Мыслию о смерти Испуганный, не зная где дорога Спасенья и с горем безнадежным Воспомяв всё минувшее, однажды...

Ст. 113. Его с великой жадностью слушал... – Первоначально: «С невыразимой жадностью слушал...»; «Его с глубокой жадностью слушал...».

Ст. 123. (...) Оставшись один... – Далее в черновом автографе были такие варианты продолжения:

а) Оставшись один, всю ночь он думал о том, что слышал днём...

б) Оставшись один, всю ночь он думал о том, что было читано в Святом Писании; но в этих мыслях Его душа отрады не нашла...

Ст. 294–297. (...) Явился ~ То увидя... – Варианты этих стихов имеются на страницах брошюры, изъятой из книги: «Sophokles Werke. Uebersetzt von J. J. G. Donner. Bd. 1. Heidelberg, 1843». Эта брошюра, проложенная чистыми листами,

содержит перевод Жуковского из трагедии «Царь Эдип» Софокла (подробнее см.: Лебедева. С. 139–140). Вверху л. 7 об. и 8 (по архивной нумерации, так как брошюра вошла в состав рукописного собрания РНБ) Жуковский делает набросок этих стихов. Между первым наброском на л. 7 об. и началом перевода «Царя Эдипа» имеется дата, сделанная рукою Жуковского: «5 мая». Таким образом, работа над этими стихами шла параллельно перебеливанию ст. 1–118 (см. автограф № 1).

О. Лебедева, А. Янушкевич

Две повести. Подарок на Новый год издателю «Москвитянина»

(«Дошли ко мне на берег Майна слухи...») (С. 193)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 54. л. 10 об. – 16) – черновой, без заглавия, с разбивкой на пятистишия. Дата в начале: «12 декабря 1844», в конце: «Кончил 14 декабря».

Копия (РГАЛИ. Оп. 1. № 9. л. 1–3) – рукою Василия Кальянова, авторизованная, с небольшими пометами, с подписью: «Жуковский» и заглавием: «Две по-вести. Подарок на Новый год "Москвитянину"».

Впервые: Москвитянин, 1845. № 1. Январь. С. 12–24 – с тем же заглавием; с примечанием: «Эти стихи В. А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении "Москвитянина"» и подписью: «Жуковскш».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 6. С. 302–318. Раздел «Сказки и по-вести») – с тем же заглавием и дополнением в оглавлении в скобках: «Из Шамиссо и Рюккерта». Датируется: 12–14 декабря н. ст. 1844 г.

Непосредственным поводом для написания повестей послужили обстоятельства, связанные со сменой в руководстве журнала «Москвитянин», издававшегося в 1841–1856 гг. Журнал был создан при непосредственном участии самого В. А. Жуковского и под патронатом С. С. Уварова, бывшего арзамасца и министра народного просвещения, как орган «официальной народности». Издателем и редактором журнала был М. П. Погодин. Однако официальная однолинейность журнала, а также требования славянофилов оживить журнал склонили Погодина к мысли отказаться от редакторства. После подачи просьбы об увольнении из Московского университета в феврале 1844 года он начал вести переговоры о передаче журнала на определенных условиях подходящему кандидату. См. об этом в письме Погодина Гоголю от 16 июля 1844 года: «Я журнал сдаю, но не знаю еще, как и кому» (Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 399). В конце декабря 1844 г. редактором журнала становится И. В. Киреевский. Подробнее об этом см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VII. СПб., 1893. С. 401–408. Для обновленного «Москвитянина» Жуковский, по настоянию Гоголя, и создает «Две повести». В письме Гоголя Шевыреву от 14 декабря 1844 года, в частности, сообщается: «Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я. Он вот уже

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu...
четыре дни, бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без устали, и через два дня после моего письма Москвитянин получит капитальную вещь и славный подарок на новый год. А потому ты скажи, чтобы он [И. В. Киреевский] не торопился выдачею книжки, дня два-три можно обождать. Жуковский хочет в первый номер, да и для Москвитянина это будет лучше. Стихотворение Жуковского, составляющее большую повесть с предисловиями и послесловиями, нужно поместить вперед других статей. Это ничего, если все уже отпечатано и нумерация страниц придется не по порядку» (Гоголь. Т. 12. С. 399). Затем в письме к С. Т. Аксакову от 22 декабря 1844 года Гоголь вновь говорит о двух повестях Жуковского. Ср.: «(...) получил ли он [И. В. Киреевский. –Л. Л., И. П.] от Жуковского стихотворную повесть, которую тот послал два дни тому назад, на имя Булгакова вместе с большим письмом Авдотье Петровне об "Одиссее"?» (Там же. Т. 12. С. 410). В письме Н. М. Языкову от 26 декабря того же года Гоголь сообщает: «Я рад, между прочим, тому, что "Москвитянин" перешел в руки Ивана Васильевича Киреевского. Это, вероятно, подзадорит многих расписаться, а в том числе и тебя. (...) Я со своей стороны подзадорил Жуковского, и он, в три дни с небольшим хвостиком четвертого, отмахнул славную вещь, которую "Москвитянин", вероятно, получил уже. Уведоми меня, как она ему и всем вообще читавшим ее показалась?» (Там же. Т. 12. С. 424). Наконец сам Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 17 декабря 1844 г. сообщает: «12 числа декабря нового стиля начал я прилагаемую здесь пиэсу, которую кончил 14. Она была бы лучше, сжatee, если бы было мне более времени» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 3. № 10. л. 13). Такова историко-культурная ситуация, связанная с написанием «Двух повестей». Это произведение написано в рамках широкого замысла Жуковского создать цикл повестей для юношества. Ср. цитированное выше письмо поэта к А. П. Елагиной: «(...) эта повесть принадлежит к собранию, еще не существующему, повестей для юношества, которые намерен я издать особо» (Там же). Показательно, что автограф «Двух повестей» находится в рабочей тетради между черновыми редакциями таких повестей, как «Маттео Фальконе», «Капитан Бопп», «Рустем и Зораб» (Бумаги Жуковского. С. 122). На обороте первого листа тетради «Две повести» включены в перечень уже 9-ти стихотворных произведений, где также указаны «Тюльпанное дерево», «Иван-царевич», «Египетская тма». Авторский контекст Жуковского 1840-х гг., в который вписываются и «Две повести», актуализирует интерес поэта к эпическим формам, к жанру стихотворной повести. Эстетически значимыми оказываются в это время и проблемы соотношения поэзии и прозы, создания «эпического стиха». Так, говоря о стихотворном размере повестей для юношества, Жуковский в том же письме к А. П. Елагиной специально отмечает: «Они все будут писаны или ямбами без рифм, как посылаемая повесть, или моим сказочным гекзаметром (...) этот слог должен составлять средину между стихами и прозой, (...) так, чтобы рассказ, несмотря на затруднение метра, лился бы как простая, непринужденная речь» (Там же. л. 13 об.). «Две повести», напечатанные в № 1 «Москвитянина» за 1845 г., образуют органичный культурно-философский контекст. Он включает в себя такие программные тексты, как «Слово» митрополита Филарета, подражание псалму «Блажен, кто мудрости высокой...» Н. М. Языкова, перевод А. П. Елагиной глав из автобиографии «Was ich erlebte» («Что я пережил» – нем.) немецкого философа и беллетриста Генриха Стеффена (1773–1845), начало статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности», статью Погодина о возникновении государства на Руси и в странах Западной Европы, фрагменты из «Хроники русского в Париже» А. И. Тургенева. Объединяют все эти публикации мысли Киреевского о примирении веры с философией, о новом интересе современной Европы к внутренней жизни общества, о синтезе европейского и русского просвещения. Вместе с «Двумя повестями» Киреевский опубликовал в журнале также отрывки из цитированного выше письма Жуковского к Елагиной от 17 декабря 1844 г. Позднее Киреевский в письме к Жуковскому от 28 января 1845 г. сообщал: «Присылка Ваших стихов оживила и ободрила меня. Я почувствовал новую жизнь (...) Отрывок из письма Вашего нельзя было не напечатать. Это одна из драгоценнейших страниц нашей литературы. Тут каждая мысль носит семена совершенно нового, живого воззрения» (Киреевский И. В. Поли. собр. соч.: в 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 237). Таким образом, слова Киреевского о «живом воззрении» Жуковского, о стремлении поэта передать в творчестве целостное национальное мироощущение, архетипы русской культуры, получают эстетическое воплощение и в «Двух повестях». В этом смысле сюжет странствия в поисках судьбы и высшей истины, ситуации выбора и прозрения героев, элементы исповеди и проповеди, актуальность этической проблематики в «Двух повестях» имеют не только художественное, но и миро-воззренческое значение (подробнее об этом см.: Янушкевич. С. 249). Одна из особенностей «Двух повестей» – соединение под одним заглавием раз-ных

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh текстов. В С 5 в оглавлении Жуковский в скобках указывает: «Из Шамиссо и Рюккерта». Ранее он уже прибегал к сочетанию разных внутренне законченных частей в стихотворной повести «Две были и еще одна». В обоих произведениях отчетливо видно стремление автора к циклизации и сюжетному сближению отдельных повестей. При этом существенное отличие позднего цикла заключается в эстетической близости авторского «я» во вступлении и «я» рассказчика в первой переводимой повести. Она представляет собой перевод стихотворной повести Адельберта фон Ша-миссо «Sage von Alexandern (Nach dem Talmud)» – «Сказание об Александре (по Талмуду)». Сочинение Шамиссо содержит 181 стих, а перевод Жуковского – 137. В целом перевод довольно близок к оригиналу. В начале повести Жуковский опу-скает 18 стихов, в которых немецкий автор говорит о любви к старинным легендам. Также Жуковский выпускает фрагмент из 35 стихов (ст. 77–111 в оригинале), где автор-рассказчик обращается к друзьям, рассуждает о науках, поэтической славе, о любви к Германии. Выпущенные русским поэтом части текста имеют у Шамис-со характер лирического отступления и сопрягают давно прошедшее и настоящее время в повести. Жуковский же стремится в большей мере к эпическому повество-ванию, внося в текст дополнительные психологизирующие детали. Так в начале и в конце произведения Жуковский дает более развернутое описание душевного со-стояния Александра, его стремления к власти и славе (ст. 40–46; 151–156 в пере-воде). Ц. Вольпе справедливо говорит о влиянии стихотворных повестей Шамиссо на формирование эстетики эпического повествования у Жуковского (Стихотворе-ния. Т. 2. С. 484). Повесть об Александре, несомненно, перекликается в творчестве Жуковского с наполеоновским сюжетом («Ночной смотр», «Странствующий жид») и позволяет понять эволюцию историософских взглядов поэта. Один из источников второй повести Жуковского – притча о путнике и вер-блюде немецкого писателя Фридриха Рюккерта (1738–1866) «Es ging ein Mann im Syrerland...» («Шел один человек в Сирийской земле...») из цикла «Восточные сказания и истории». В библиотеке поэта имеются шесгь изданий произведений Рюккерта (Описание. № 1985–1990), однако источник перевода среди них нами не обнаружен. Сюжет этой притчи, заимствованный из восточного эпоса, мог быть известен Жуковскому также из древнерусской литературы и из Пролога. Так, «По-весть о Варлааме и Иоасафе», куда вошла притча об единороге, была переведена на древнерусский язык во второй половине XI – начале XVII в. (см.: Библиотека ли-тературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. СПб., 1999. С. 367, 544). Эта же притча помещена в Прологе под 19 ноября под общим названием «Неразумно привязываться к земному. (Притча святого Варлаама о временном сем венце)». См.: Про-лог в поучениях: в 2 частях. Составил протоиерей Виктор Гурьев. Ч. 1. М., 1992. С. 198–200. В целом же сюжет о пустынноике Варлааме и индийском царевиче Иоасафе, представляющий собой христианскую версию легенды о Будде, транс-формируется в «Двух повестях» в мотив мудрого наставника и ученика. К притче о путнике в колодце в контексте авторских размышлений о смысле жизни, о жизни и смерти дважды обращается в своей «Исповеди» и Л. Н. Толстой (Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 118–119, 158). Вторая повесть Жуковского органично вписывается в общий контекст других переложений поэта из Рюккерта «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зораб». Во всех этих произведениях акцентируется внимание на проблеме «внутреннего человека» в эпосе, на описании жизни его ума и сердца, на раскрытии драматизма его судьбы. «Две повести» получили высокую оценку современников поэта. Так П. А. Плет-нев в письме Жуковскому от 2 марта 1845 г. говорит о своем эмоциональном вос-приятии и новаторстве этого произведения. Ср.: «Чтение пьес ваших в "Москви-тянине" для нашего общества (...) было истинным наслаждением. (...) Избранный вами метр для стихов мне удивительно нравится. Он дает способ сохранить всю прелесть натурального тона, все разнообразие колорита и все оттенки языка (...) когда я прочитал ваше письмо к Киреевскому и две повести, то сделался так бли-зок к добродетели, что день этот остался для моей памяти в числе приятнейших» (Переписка. Т. 3. С. 551–552). Ст. 1. Дошли ко мне на берег Майна слухи... – во второй половине мая 1844 г. Жуковский с семьей переселяется из Дюссельдорфа во Франкфурт-на-Майне: «в 1844 мы переселились во Франкфурт. Нам достали прекрасный дом на берегу Майна с садом, весьма поместительный...» (ПСС 2. Т. 14. С. 281). По воспомина-ниям И. Е. Бецкого, посетившего Жуковского в октябре 1844 г., поэт жил на на-бережной, «на другой стороне моста, в двухэтажном небольшом домике, окнами на Майн» (Жуковский в воспоминаниях. С. 344). Известие о передаче журнала «Мо-сквитянин» Киреевскому Жуковский мог получить от проживавшего в это время в доме поэта во Франкфурте Гоголя. См. цит. выше переписку Гоголя с Погодиным, Шевыревым, С. Т. Аксаковым. Ст. 2–3. Что ты, Киреевский, теперь стал и москвич // и Москвитянин. В добрый час, приняться... – В копии эти стихи читались так: «Что ты, Киреевский, москвич, замыслил // Быть и Москвитянин...» При первой публикации в

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
«Москвитянине» было: «Что ты, ... – Москвич, замыслил // Быть Москвитянином. В
час добрый; взяться...» (фамилия редактора была опущена). Сын племянницы
Жуковского

А. П. Киреевской-Елагиной, И. В. Киреевский (1806–1856) по праву был духовным
сыном поэта, который принимал активное участие в его воспитании, во всех
начинаниях. Достаточно вспомнить судьбу журнала «Европеец». Подробнее об этом
см.: Сахаров В. Воспитание ученика (В. А. Жуковский и И. В. Киреевский) //
Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 275–280; Гиллельсон М. И. Письма В. А.
Жуковского о запрещении «Европейца» // РЛ. 1965. № 4. С. 114–124; Долгушин Д.
В.

В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: К проблеме религиозных исканий русского
романтизма: Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2000. Редакторство
Киреевско-го продолжалось недолго: из-за разногласий с Погодиным, не желавшим
передать права издания Киреевскому, последний выпустил только три номера
журнала и отказался от обязанностей редактора.

Ст. 17. У рубежа вечерней жизни сидя... – В копии и в первой публикации было:
«На рубеже вечернем жизни сидя...»

Ст. 26–27. Предание о древнем Александре // В Талмуде... – Имеется в виду
Александр Македонский (356 – 323 гг. до н. э.) – один из величайших полководцев
и государственных деятелей древнего мира, сын македонского царя Филиппа II, царь
Македонии с 336 г. Его неординарная личность и полководческий гений привлекали
внимание многих историков и сказителей. Легенды и рассказы об Александре
Македонском, собранные во 2–3 веках н. э. в так называемую «Александрию»,
послужили отчасти источником для «Талмуда» и для средневековых произведений о
нем.

Начиная с 1548 г. «Талмуд» включает в себя часть общеевропейского историче-ского
и литературного наследия и переводится на разные языки. «Александрия» в
«Талмуде» аранжирована оригинальными еврейскими притчами, одну из которых и
выбирает для переложения А. фон Шамиссо.

Ст. 42. Нетерпеливый он кипел душою... – В первой публикации этот стих читался
так: «Нетерпеливо он кипел душою...»

Ст. 50. Божественно-целительная влага... – В копии и в первой публикации было:
«Волшебная, божественная влага...»

Ст. 57–58. Там в благоденствии, в богатстве, в мире /I Свободные народы
ликова-ли... – В копии и в первой публикации было: «Во благоденствии, в
богатстве, в мире // Народы там свободно ликовали...»

Ст. 99–100. А на пути, созвавши мудрецов, //Перед собою знаменье велел... – В
пер-вой публикации этот стих читался: «А на пути, собравши мудрецов, // Перед
собой то знаменье велел...»

Ст. 133. Он мир готов сожрать голодным взором... – В первой публикации вместо
«взором» было «взглядом».

Ст. 171. Керим, и царь его любил и с ним... – В копии имя мудреца вначале было
«Аббас». Затем здесь и далее рукою Жуковского везде исправлено на «Керим».

Ст. 173. Что задал царь такой вопрос Кериму... – В первой публикации было: «Что
задал царь ему такой вопрос...»

Ст. 191. Керим ему вопрос свой предложил... – В первой публикации было: «Ему
Керим вопрос свой предложил...»

Ст. 207–208. Насытился, встает, и с теми, кто // Сидели с ним, простясь, уходит
спать... – В первой публикации было: «Насытился, встает, и, распрощавшись // С
ближайшими к нему, уходит спать...»

Ст. 210. За угогценье. Вот и свет и жизнь». – В копии и в первой публикации
по-сле этого стиха было: «Доволен ли ты повестью моею?».

Ст. 237. Покрытых мохом старины ... – В копии и в первой публикации этот стих
читался: «Полуразрушенных отлет...»

Ст. 254. Стены состаревшейся водоема... – В копии и в первой публикации было:
«Стены разрушенного водоема...»

Ст. 340–341. Видать здесь; я Безногого за ним // Отправлю; он его в одну
минуту... – В копии и в первой публикации эти стихи читались так: «Здесь видеть;
я безногого за ним // Отправлю сына; он его в минуту...»

Ст. 378–379. Лицом и все, чупо сведал от других, //Ему пересказал; а царь
спросил... – В первой публикации эти стихи читались так: «Лицом и все, что на
дороге с ним // Случилось, рассказал. А царь спросил...»

Ст. 398. Тебе отчет принести в своих трудах. – В первой публикации было: «Тебе
отчет принять в моих делах».

Ст. 416. «Друг верный, будь моим отцом отныне». – В копии и в первой публика-ции
после этого стиха стояло отдельной строкой: «Postscriptum».

Ст. 427. Ни с «Библиотекой для чтения»... – Ежемесячный журнал словесности,
наук, художеств, промышленности, новостей и мод, выходивший в Петербурге в

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский 1834–1865 гг. Издавался с 1834 г. А. Ф. Смирдиным (1795–1857). Редактором до 1849 г. был О. И. Сенковский (1800–1858), который печатался в журнале большей частью под псевдонимом «Барон Брамбеус». На его страницах Жуковский, в частности, опубликовал «Суд в подземелье».

Ст. 428. С «Записками», пи с «Северной пчелою»... – «Отечественные записки» – ежемесячный журнал, основанный П. П. Свиным (1787–1839) и издававшийся им в Петербурге в 1818–1830 гг. В 1839–1889 гг. издателем становится А. А. Краевский (1810–1889), который сумел привлечь в журнал лучшие литературные силы. В 40-е гг. журнал находился на позициях западничества, что и вызвало полемику со стороны «Москвитянина».

«Северная пчела» – русская политическая и литературная (с 1838 г.) газета. Издавалась в Петербурге в 1825–1864 гг., вначале три раза в неделю, а с 1831 г. ежедневно. Издатель–редактор Ф. В. Булгарин (1789–1859).

Ст. 429. Ни с «Русским вестником»; живи и жить... – В копии было вначале: «Ни с "Современником"; живи и жить...»; затем Жуковский тщательно зачеркнул «Современник» и написал: «Русский вестник». «Русский вестник» – ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1841–1844 гг. Создан Н. И. Гречем при непосредственном участии Н. А. Полевого. Противостоял растущему влиянию «Отечественных записок», выступал против В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, писателем «натуральной школы». С 1842 г. руководителем журнала становится Н. А. Полевой, который передает его в 1844 г. писателю П. П. Каменскому.

А. Петров, И. Поплавская

Выбор креста

Повесть

(«Усталый шел крутой горою путник...») (С. 205)

Автограф (РНБ. Оп. 1. №53. Л. 24 об. – 25) – черновой, с заглавием: «Выбор крестов».

Впервые: Совр. 1846. № 1. С 5–7 – с заглавием: «Выбор креста», подзаголовком: «Из Шамиссо» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 331–333 – в разделе: «Сказки и повести»; с заглавием: «Выбор креста. Повесть». В общем оглавлении к тому – с подзаголовком в скобках: «Из Шамиссо».

Датируется: 26 марта н. ст. 1845 г.

Основанием для датировки повести является указание самого Жуковского в списке осуществлённых произведений (РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 1 об.): «Выбор крестов. 26 марта 1845» (все датировки в списке приводятся по новому стилю). В многочисленных списках середины 1840-х гг. (РНБ. Оп. 1. № 53. Верхняя обложка, л. 1, 2), в которых Жуковский перечислял тексты, отобранные в книгу «Повестей для юношества», планируемые для работы или уже выполненные, постоянно возникает в рубрике «Повести» – «Выбор крестов» или «Kreuzschau». Немецкое заглавие – указание на источник: повесть Адальберта фон Шамиссо.

Это уже было третье подряд обращение Жуковского к поэзии немецкого романтика. После «Маттео Фальконе» (март 1843), «Сказания об Александре» в «Двух повестях» (декабрь 1844) взгляд русского поэта устремлён к повести–притче Шамиссо.

Возникает своеобразная переводческая трилогия Жуковского из Шамиссо, созданная в течение 1843–1845 гг.

Стихотворная новелла Шамиссо «Die Kreuzschau», написанная в январе 1834 г., была впервые опубликована в журнале «Deutscher Musenalmanach für das Jahr 1835».

Впоследствии она вошла в авторский сборник «Sonette und Terzinen».

Русский переводчик начинает с изменения заглавия. То, что могло быть переведено, как «Смотр креста» (ср. перевод Жуковским названия стихотворения Цедлица «Die nächtliche Heerschau» – «Ночной смотр»), получает сразу же другой смысл: не просто «смотреть», «осмотр», «обзор», а именно: «выбор». Экзистенциальная ситуация становится определяющей для всего содержания повести Жуковского. Если вплоть до первой публикации в заглавии было множественное число слова: «крест» – «Выбор крестов», то постепенно в сознании Жуковского складывается представление о единственности выбора, о своём кресте, который надо нести всю жизнь. Ситуация выбора креста обретает символический и притчеобразный характер.

Жуковский меняет стих подлинника: вместо рифмованного пятистопного ямба русский поэт решительно выбирает белый пятистопный ямб, который был для него выражением повествовательного начала в поэзии. Изменение метра ведёт к изменению строфики: терцины Шамиссо заменяются единым повествовательным пространством. Подзаголовок: «Повесть», отсутствующий в подлиннике, закрепляет эту установку.

Вместо 55 стихов немецкого текста у русского переводчика 64. Разрушив структуру терцин Шамиссо, Жуковский создаёт пространные повествовательные периоды, включающие до 15 стихов. Так, экспозиция стихотворной новеллы Шамиссо, рассказывающая о пути странника и переданная в 12 стихах, у Жуковского насыщается

33 – 1368

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский многогочисленными деталями, передающими вечерний пейзаж, закат солнца, «покой несказанный», состояние паломника, вставшего на колени и читающего вечернюю молитву, что приводит к увеличению объема переложения почти в два раза – 23 стиха.

В дальнейшем русский поэт более точно передает текст подлинника, но в отличие от Шамиссо акцентирует идею выбора своего креста и раскрывает путь героя к смирению и покорности, которые выражены в его стихотворении «Друг мой, жизни смысл терпенье...». Показательно, что, увеличивая объем перевода за счет усиления детализации и повествовательности, Жуковский отбрасывает два последних стиха новеллы Шамиссо: «Wogegen er zu murren sich vermaß, // Er lud es auf und trug's nun sonder Klagen» («То, против чего он отважился роптать, он поднял и без ропота понес» – нем.), так как считает их излишними в ситуации «выбора креста», неким морализаторским довеском. Философия выбора своего креста уже достаточно определена в предшествующем этим стихам повествовании. Предназначенная для плетневского «Современника» повесть вызвала прежде всего отклик редактора журнала. «Пьеса из Шамиссо, – писал 24 августа 1845 г. Плетнев Жуковскому, – тоже прекрасна. Этот род предметов и тон изложения нравятся мне чрезвычайно» (Переписка. Т. 3. С. 560). А 13 ноября того же года сообщил Жуковскому: «Не удивляйтесь, что "Выбор креста" еще не напечатан мною: я желаю начать им 1846 год. Нельзя же без толку бросать в публику брильянтами» (Там же. С. 561). Заслуживает внимания размышления А. Н. Веселовского об автобиографическом подтексте перевода Жуковского. «Как усталый путник Шамиссо, – замечает исследователь, – он мог жаловаться на тяжесть выпавшего на его долю креста, но при выборе из всех "крестов земных" выбрал бы "самый тот, который он уже нес" (Веселовский. С. 428–429). Позднее к переводу этого произведения Шамиссо обратился Ф. Миллер, сохранивший строфику (терцины) и стихотворный размер подлинника (см.: Русский вестник. 1874. Т. 114. С. 308–309).

А. Янушкевич

Тюльпанное дерево

Сказка

(«Однажды жил, не знаю где, богатый...») (С. 206)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 25 об. – 30 об.) – черновой, под заглавием: «Миндальное дерево». В начале текста на л. 25 об. помета: «Начато 27 (марта)», на л. 27 сверху – дата: «28 марта», на л. 28 сверху – «30 марта», на л. 28 об. на правом поле – «1 Апрель», на л. 29 на левом поле – «2 апреля»; в конце автографа помета: «Кончено 2 апреля 1845».

Впервые: Совр. 1846. Т. XLIII. № 7–9. С. 5–16 – с подзаголовком: «Сказка» и пометой: «1845 г., Франкфурт-на-М. (айне)».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 270–283 – в разделе: «Сказки и повести»; с заглавием: «Тюльпанное дерево. Сказка».

Датируется: 27 марта – 2 апреля н. ст. 1845 г. согласно пометам в автографе. 1 июля 1845 г. Жуковский сообщил П. А. Плетневу о своем намерении создать «несколько сказок в разных тонах и разных характеров» (см. об этом подробнее в комментарии к сказке «Кот в сапогах»). Это было частью задуманной Жуковским книги «Сказки и повести для юношества», в которой «Тюльпанное дерево» могло бы представить типично немецкую сказку («Кот в сапогах» – французскую).

«Тюльпанное дерево» – стихотворное переложение сказки «Von dem Machandelboom» («О можжевельнике») из собрания немецких сказок братьев Grimm «Kinder- und Hausmärchen», впервые вышедшего в Германии в 1812–1815 гг. (о месге этого сборника в творчестве Жуковского см. в комментарии к сказке «Спящая царевна»). Характеристика источника произведения и работы над ним поэта дана в статье Л. Э. Найдич «Сказка Жуковского "Тюльпанное дерево" и ее немецкий источник» (Ж. и русская культура: С. 330–341). Сказка «О можжевельнике» была записана на нижненемецком диалекте художником Филиппом Отто Рунге (1777–1810) в 1806 г. Рунге обладал незаурядным талантом рассказчика, и это отразилось в сделанной им записи. Сказка «О можжевельнике» сыграла значительную роль в формировании представлений Я. и В. Гримм об «идеальной» немецкой сказке. В 1808 г. состоялась публикация записи Рунге. В 1811 г. Я. Гримм писал о ней: «Как в отношении достоверности, так и в великолепном изложении, мы не смогли бы назвать лучшего примера, чем покойного Рунге (...) в сказке о можжевельнике, которую мы выдвигаем как безусловный образец» (цит. по: Гримм Я., Гримм В. Сказки. Эленбергская рукопись 1810 [г.] с комментариями / Пер., вступ. статья и примеч. А. Науменко. М., 1988. С. 327). В Германии сказка пользовалась популярностью в конце XVIII – начале XIX вв. Песенку птички из этой сказки использовал Гёте при создании последней сцены первой части «Фауста» (песня безумной Маргариты). С ошибкой в прочтении слова на нижненемецком диалекте связан заголовок черновой редакции сказки Жуковского: «Миндальное дерево». Mandelbaum (мин-дальное дерево)

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh созвучно диалектному Machandelboom (можжевельник), что, по-видимому, и послужило причиной замены скромного можжевельника декоративным миндальным деревом. Однако основная ошибка Жуковского в том, что ему была неизвестна и осталась непонятой уходящая в глубокую индоевропейскую древность, сохраняемая в немецкой народной культуре и в полной мере воплощенная в сюжете этой сказки функция можжевельника как амбивалентного символа смерти (показательно, что можжевельник принадлежит к семейству кипарисовых, в составе которых кипарис – как элемент высокой поэтической культуры – общеизвестный символ смерти) и ее полного преодоления. Ср. использование можжевельника и в архаической русской похоронной культуре, где он выполняет ту же функцию, что и сосновый и еловый лапник, которым усыпают гробовую дорогу. При доработке сказки поэт еще дальше отошел от фольклорной системы немецкой сказки: он заменил миндальное дерево тюльпанным. Оно принадлежит к семейству магнолиевых (его родина – Северная Америка, Китай); это большое красивое дерево Жуковский мог видеть в парках Западной Европы. Тюльпанное дерево внесло в сказку экзотический элемент, чуждый немецкому источнику (Найдич А. Э. Указ. соч. С. 336–337). Наиболее архаичные черты сюжета немецкой сказки были оставлены Жуковским без внимания. Так, в его произведении значительно ослаблены мотивы чудесной связи происходящего с деревом, являющимся композиционным центром сказки «О можжевельнике» (мать ест его ягоды и у нее рождается сын, Марленекен 33* 5'7

кладет косточки братца под дерево на траву, после чего из ветвей можжевельника вылетает чудесная птица). Был отвергнут Жуковским и другой мотив немецкой сказки, по-настоящему ужаснувший в свое время писателя-романтика Людвига Ахима фон Арнима (1781–1831): студень, приготовленный мачехой из убитого мальчика и съеденный ничего не ведающим отцом. Жуковский смягчил и сообщение о смерти мачехи, данное в собрании братьев Grimm: «...птица бросила ей жернов на голову, так что ее всю размозжило». Наряду с этими «страшными» моментами в сказке «О можжевельнике» присутствуют бытовые и даже юмористические детали. Жуковский не ввел эти подробности в текст «Тюльпанного дерева», видимо, из-за их неуместности в структуре весьма однородного по своей тональности произведения (см. об этом: Найдичл. Э. Указ. соч. С. 337–339). По сравнению с немецким источником в «Тюльпанном дереве» был значительно усилен религиозно-дидактический элемент. С особой силой это сказалось в финале произведения Жуковского. У Рунге говорится, что братец, появившийся из дыма и огня, «взял отца и Марленекен за руку и все трое были очень довольны и пошли в дом к столу и стали есть». Ф. фон дер Лейен назвал «сатирической игрой» (Satyrspiel) финальную трапезу героев, выражающую их удовлетворение страшной развязкой событий. Из-за неуместности финала, считает исследователь, запись Рунге может вызвать у читателя чувство разочарования. Он высказал предположение о том, что восхищение сказкой на этот сюжет, выраженное К. Brentano и Гёте, было связано с более удачным ее вариантом, который они слышали в конце XVIII века [Leyen E von der. Das deutsche Märchen und die Brüder Grimm. [Düsseldorf; Köln], 1964. S. 70–71).

Ц. Вольпе опубликовал окончание первой редакции сказки Жуковского, которое было ближе к финальному фрагменту немецкого текста: «...и вновь все трое // Они тогда за стол обедать сели. // И я там был; и пиво с медом пил, // Но по усам текло; в рот не попало» (Стихотворения. Т. 2. С. 456). Использование Жуковским русской сказочной формулы было связано со своеобразной попыткой «оправдания» им финала сказки «О можжевельнике». Прибегнув к ней, Жуковский, по-видимому, хотел подчеркнуть «естественность» окончания этой сказки (как и всякой другой) именно трапезой (сказочный пир можно отнести к числу формализованных приемов, характерных для различных народнопоэтических систем). Однако при доработке черновой редакции поэт отказался от этого варианта; в конце написанного им произведения герои замирают пред лицом «невидимого Бога», свершившего свой справедливый суд. В самобытный финал немецкого источника это внесло новый смысловой акцент. В целом он не противоречил одной из основных тенденций работы братьев Grimm над своим собранием, религиозно-дидактическая струя которого заметно нарастала при переизданиях. Видимо, Жуковский смотрел на это как на органичную черту немецкой сказки вообще, что и привело к усилению религиозно-дидактической окраски «Тюльпанного дерева».

Ряд изданий сборника братьев Grimm, выпускавшихся специально для детей, не содержит в себе сказки «О можжевельнике». Видимо, какие-то сомнения относительно «Тюльпанного дерева» были и у Жуковского. В июле 1845 г. он писал Плэтневу: «Не знаю, впрочем, отвечают ли те сказки, которые мною составлены, тому идеалу детских сказок, которые я имею в мыслях» (С. 7. Т. 6. С. 592). В некотором противоречии с впечатлением, оставляемым «Тюльпанным деревом»,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
находится развитие Жуковским положений об «идеальной» детской сказке: «Я полагаю, что сказка для детей должна быть чисто сказкою, без всякой другой цели, кроме приятного, непорочного занятия фантазии. Надобно, чтобы в детской сказке (...) всё было нравственно-чисто; чтобы она своими сценами представляла воображению одни светлые образы, чтобы эти образы никакого дурного, не нравственно-го впечатления после себя не оставляли – этого довольно. Сказка должна быть также жива и возбуждательна для души, как детские игры возбуждательны для сил телесных. При воспитании сказка будет занятием чисто приятным и образовательным; и ее польза будет в ее привлекательности, а не в тех нравственных правилах, которые только остаются в памяти, редко доходят до сердца, и могут сравниться с фальшивыми цветами...». Жуковский полагал, что его сказки, если они и не отвечают «идеалу детских сказок», могут стать «привлекательным чтением для детей взрослых, т. е. для народа» (Там же. С. 591–592). Вероятнее всего, что эта оговорка была связана, в первую очередь, с мыслью о «Тюльпанном дереве», адресация кото-рой детской аудитории не может быть признана бесспорной.

В «Тюльпанном дереве» отразились специфические черты религиозности Жуковско-го середины 1840-х гг., усвоенные им на немецкой почве, в кругу семьи Рейтернов. Сказка «О можжевельнике» примечательна отсутствием у героев адек-ватной в эмоционально-действенном отношении реакции на происходящие в ней события. Персонажи как братьев Grimm, так и Жуковского поразительно глухи к пролитию человеческой крови (за исключением матери, которая любит упавшими на снег кровавыми каплями). Кровь не упоминается поэтом ни в страшной сцене с сундуком, ни в эпизоде с Марлиночкой, «оторвавшей» братцу голову. Пес-ня птички, рассказывающая о злодеянии мачехи, вызывает у слушателей восхи-щение, но не ужас. Далеко от каких-либо предчувствий и отец убитого мальчика, умиротворенно наслаждающийся вечерним покоем. В лишенный соответствия жизненной правде сюжет поэт попытался привнести убедительное религиозное со-держание, однако отсутствие подлинной глубины чувств, способной удовлетворить затронутую злодеянием совесть читателя, привело лишь к поверхностной эстетиза-ции смерти – явлению, в высшей степени характерному для позднего Жуковско-го. В его творчестве и письмах последних лет смерть поучительна, умилительна, прекрасна, но ей совершенно чужда внутренняя трагическая противоречивость. В письме к Плетневу от 24 октября 1851 г. Жуковский назвал похороны Е. А. Ка-рамзиной «пиршеством погребения», выражая тем самым суть своего отношения к смерти (С. 7. Т. 6. С. 602). У Жуковского этот процесс достиг своей вершины в статье «О смертной казни». Тенденции, постепенно высвобождавшие в сознании писателя смерть из плена слёз, страданий и мучительных сожалений, с большой силой проявились в сказке «Тюльпанное дерево», где сцена смерти мальчика, го-лова которого упала в сундук, полный спелых яблок, приобретает определенный элемент эстетизации.

Ст. 1–2. Од?шжды жил, пе знаю где, богатый /И добрый человек. Он был женат... – В первой публикации начало сказки было другим:

Жил-был (я думаю, с тех нор прошло лет боле тысячи) один богатый и добрый человек. Он был женат...

Ср. начало сказки в черновом автографе:

Миндальное дерево Жил-был (я думаю, с тех пор прошло лет боле тысячи) один богатый и добрый человек; и он имел жену и с нею жил душою в душу. Но Бог детей им не давал; и это Их сокрушало, и они усердно Молилися, чтоб Бог благословил Их брак, и к Богу нх дошла молитва. Вкруг дома их был сад, и перед домом Там дерево миндальное росло. Под этим деревом однажды (то Случил ося зимой) жена сидела... Окончание сказки в черновом автографе (не зачеркнуто):

Искал жены глазами; но ее Он не нашел; и вновь все трое Они тогда за стол обедать сели. И я там был; и пиво с медом пил, Но по усам текло; в рот не попало.

С. Березкина

Кот в сапогах

Сказка

(«Жил мельник. Жил он, жил и умер...») (С. 216)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 31–33 об.) – черновой. В начале текста на л. 31 дата: «Апреля 3» (цифра исправлена из «4»), в конце текста на л. 33 об. запись: «Конч(ено) 4 (апреля)». Даты указаны по новому стилю – (ср. с датой, сопров-ждавшей первую публикацию произведения).

Впервые: Совр. 1846. Т. XLIV. № 10–12. С. 5–12 – с подзаголовком: «Сказ-ка» и пометой: «1845, в марте».

В прижизненных изданиях: С 5.Т. 6. С. 281–292 – в подборке: «Сказки и повести», с заглавием: «Кот в сапогах. Сказка».

Датируется: 22 марта (3 апреля) – 23 марта (4 апреля) 1845 г. на основании указаний Жуковского в автографе и первой публикации.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

«Кот в сапогах» – первая из трех сказок, написанных Жуковским во Франкфурте-на-Майне в марте-апреле 1845 г. А. Н. Афанасьев в предисловии ко второму изданию «Народных русских сказок» (1873) писал: «Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1984. Т. 1. С. 5). Действительные намерения Жуковского носили более скромный характер. В июле 1845 г. он писал П. А. Плетневу: «Мне хочется собрать несколько сказок, больших и малых, но не одних русских» (С. 7. Т. 6. С. 591). Произведения, созданные в 1845 г. на основе французской, немецкой и русских сказок, были частью этой программы. Они предназначались для задуманной Жуковским большой книги «Сказки и повести для юношества»: «Если достанет хорошего расположения, – писал поэт Плетневу 1 июля 1845 г., – то при "Одиссее" постараюсь состряпать еще несколько сказок в разных тонах и разных характеров» (СС 1. Т. 4. С. 649). Следует отметить, что это письмо сопровождало посылаемую в Россию «Сказку о Иване-царевиче и Сером Волке»; в это время Плетнев еще не знал об уже созданных Жуковским сказках «Кот в сапогах» и «Тюльпанное дерево».

«Кот в сапогах» Жуковского – стихотворное переложение сказки французского писателя Шарля Перро (1628–1703) «Le Maître Chat, ou le Chat botté» («Господин кот, или кот в сапогах») из сборника «Истории, или Сказки былых времен с моральными наставлениями» («Сказки Матушки Гусыни»; 1697). Это было второе обращение поэта к сказкам Перро: известен его перевод сказки «феи» (у Жуковского – «Волшебница»), опубликованный в 1826 г. в журнале «Детский собеседник» вместе с переводами из собрания братьев Grimm; другая сказка этой публикации – «Рауль синяя борода» – также переводилась в основном по произведению Перро (см. об этом в комментарии к сказке «Спящая царевна», 1831). Об издании сказок Перро (1837) в библиотеке Жуковского см.: Описание. № 1828. Жуковскому, несомненно, была известна сказка на сюжет «Кота в сапогах», напечатанная в первом издании собрания братьев Grimm «Kinder- und Hausmärchen» (впоследствии она была исключена составителями, поскольку немецкий вариант оказался очень близок к французскому). Возможно, что Жуковского вновь, как и в 1831 г., привлекла к себе именно переключка двух вариантов одного сюжета, и это определило его выбор.

Создавая своего «Кота в сапогах», Жуковский довольно точно следовал сюжету источника. «Однако, – указывал Вольпе, – аристократическая, сдержанная, "учтивая" и лаконичная манера Перро (...) не удовлетворяет Жуковского, прошедшего через "фольклорную школу" братьев Grimm. Поэтому, пересказывая Перро, он стремится ввести в текст элементы народности и подчеркнуть демократические и сатирические элементы сказки». (Стихотворения. Т. 2. С. 480; примеры такого рода работы с источником приведены в его комментарии). См. также в настоящем издании построчный комментарий.

«Франкфуртские» сказки Жуковского написаны пятистопным ямбом без рифм, характерной особенностью которого является свобода синтаксических конструкций. Преимущество этого стиха Жуковский неоднократно подчеркивал в своих письмах к П. А. Плетневу 1845 г.: он «должен составлять средину между стихами и прозой, т. е. не быть прозаическими стихами, быть однако столь же простым и ясным как проза, так чтоб рассказ, несмотря на затруднения метра, лился как простая, непринужденная речь...» (С. 7. Т. 6. С. 591). Выбор размера в значительной степени был обусловлен опытом работы Жуковского над «царскосельскими» сказками 1831 г. «Спящей царевне», написанной хореем, суждено было остаться единственным в его творчестве опытом такого рода, поскольку хореический стих, даже с переменной способа рифмовки, слишком напоминал интонацию пушкинских сказок. Работая в жанре литературной сказки, Жуковский постоянно соотносил свои замыслы с достижениями Пушкина, и безрифменный пятистопный ямб представлялся ему новым, еще не опробованным на этой почве шагом.

Ст. 1–8. Жил мельник. Жил он, жил, и умер ~ Сложившись, будут без нужды; а я... – Первоначально сказка начиналась так: Жил мельник; жил он, жил и умер; После него осталось три сына, А им в наследство мельница, осел и кот. Взял старшин мельницу, осла Взял средний, младшему достался кот, и был своим он крепко недоволен Участком. «Братья, – рассуждал он, – могут, Сложившись, кормить себя, а я...»

Ст. 84. Благодарить маркиза Карабаса... – После этого стиха в черновом автографе следовало: Велел особенно; коту же дал медаль. И так, недели три-четыре От имени маркиза Карабаса кот к королю с дичиною ходил. И вот что наконец случил ося: кот был извещен однажды, что король...

Ст. 233. В дни табельные ... – Табельный день – праздничный, особый. В до-революционной России существовала табель с перечислением различных праздников, устанавливавшая их иерархию.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
С. Березкииа

Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке

(«Давным-давно был в некотором царстве...») (С. 222)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 35–50 об.) – черновой; под заглавием: «Сказка о Иване-царевиче, жар-птице, сером волке, кощее бессмертном и Ел[ене Прекрасной]» (над строкой начато неясное исправление двух последних слов: «т. д. (?)»). В начале текста на л. 35 дата: «27 марта / 8 апреля 1845», на л. 39 – «29 мар(та) / 10 апр(еля)», на л. 41 – «30 мар(та) / 11 апреля», на л. 43 – «31 мар(та) / 12 апр(еля)», на л. 44 об. – «1/хз апреля», на л. 46 – «^/14 апреля», на л. 48 и 50 – «3/15 апре-ля», на л. 50 об., под текстом сказки – «^/18 апреля». На л. 49 об. – автоиллю-страция, изображающая Волка в придворном костюме с надетой на хвост сеткой. На л. 35, между заголовком и текстом первый план сказки: «Покражи в саду. От-ъезд. Столб. Волк. Похище(ние) ж(ар)-птицы. Отправился за конем. Похищение коня. Похищение царевны. Прощание с волком. Предательство цар(евичей). Волк. Оживление Иван(а)-царевича. Рассказ волка: о Бабе Яге; встреча с двумя лешими. Похищен(ие) скатерти, дубинки и шапки-невидимки. Баба Яга. Рассказ о смер(ти) Кощея. Ив(ан)-цар(евич) достает смерть. Идет к Кощею, находит царевну и умерт-вляет Кощея. Въезжает в столицу. Гусли-самогуды пробуждают спящих. Свадьба». Нал. 34 об. второй план: «Волк у царя Афрона в виде царевны. Свадьба. Пир. Волк у царя Далмата. Конь. Скачка. Приехал к месту и проща(ние). Встреча с царевичами. Убийство. Волк чув(ствует). Нрзб. Ворон. Полет ворона. Оживление. Наставление волка. О коне. О Бабе Яге. Когда захочешь меня видеть. О Кощее и похище(нии). Нрзб. Добрый конь. Встреча с лешими. Шапка-невиди(мка). Дубинка. Скатерть.

Пустил(ся) (?). к Бабе (Яге). Не скажу (?). Спит (?). Рассказ о смерти Кощея. Орел и щука. Добыл смерть Кощея. Прибытие. Змей шест(и)глав(ый) и дуб(инка). Шапка и свидание. Явился к Кощею. Отъезд. Прибытие. Выгнал басурманов. Прибыл в сголицу. Все спят. Пробуждение. Свадьба Ив(ана)-царевича (?). Жар-птица – нрзб. Гусли-самогуды – будят (?). Палка – нрзб. Посещение волка. В нрзб.». Часть пла-на (до слова «Отъезд») перечеркнута. Весь план поделен на четыре части; рядом с тремя из них стоят астрономические значки, обозначающие пятницу, субботу и понедельник. Здесь же последний, третий план сказки: «Жар-птиц(а) в сад(у). Три ночи. Отъезд И(вана)-ц(аревича). Смерть коня. Царь Далмат и жар-п(тица). Царь Афрон и ко(нь). Похищение из сада. Превращение в царевну. (Превращение) в коня. Пир. Умерщвление И(вана)-царевича. Оживление. Сведения. Конь в под-земелье. Летят. Баба Яга. Избушка. Пере(плыл) океан и берег его. При(ехал) к Кощею. Змей и дуб(инка). Смерть Кощея. Дорога. Спящее царство. Родитель царь. Пир спящий и другой пир. Приезд волка. Его одежда и ловкость. Гусли. Волк оста-ется. (Его) овцеводство. Кум царя. Конец И(вана)-ц(аревича). Волк» (частично на-печатано: Березкииа С. В. История создания последней сказки Жуковского // Ж. и русская культура. С. 188–189).

Впервые: Совр. 1845. Т. XXXIX. № 9. С. 225–263 – с пометой: «1 -го июля 1845. Франкфурт-на-М.(айне)», с заглавием «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке». В прижизненных изданиях: С5.Т. 6. С. 225–269 – в подборке: «Сказки и повести», с тем же заглавием.

Датируется: 27 марта – 6 апреля н. ст. 1845 г. согласно указаниям в авто-графе. В дневниковой записи за 1845 г. читаем: «27 (марта) (6 (апреля)), вторник. На-чал сказку о Иване Царевиче»; «3 (15) (апреля), вторник. Кончил сказку о Иване Царевиче. Чтение с Гоголем» (ПСС. Т. 14. С. 284).

По-видимому, вскоре Жуковский вернулся к работе над сказкой и отредактиро-вал ее. Дата «1 июля (н. ст.)», сопровождавшая первую публикацию произведения, попала в нее, вероятно, из письма, с которым Жуковский отослал сказку П. А. Плет-неву (СС 1. Т. 4. С. 648). При подготовке пятого издания своих сгихотворений Жуковский внёс в сказку ряд изменений стилистического характера и исключил из нее фрагмент текстга, написанный в сатирическом ключе (см. постишный ком-ментарий).

«Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» – итоговое произведение Жуков-ского в жанре литературной сказки. Из шести сказок поэта к русским сказочным сюжетам восходят две – первая («О царе Берендее», 1831) и последняя («О Иване-царевиче и Сером Волке»). Едва ли это обстоятельство можно расценить как про-стую случайность.

Ориентация на подлинную народную традицию помогла поэту в освоении жанровой специфики литературной сказки. В процессе создания «Царя Берен-дея» им была выработана устойчивая жанровая модель, послужившая основой и для произведений, опирающихся на западноевропейские источники. Сказочный цикл Жуковского характеризует сюжетно-композиционное и стилистическое един-ство, и в этом его отличие от более ранних опытов поэта в жанре литературной сказки. Структура таких произведений, как «Три пояса» (1808) и «Красный кар-бункул» (1816),

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский отличается большей рыхлостью по сравнению со сказками, написанными в 1831 и 1845 гг. В своем последнем произведении Жуковский свободно объединил два народнопоэтических сюжета – «Царевич и серый волк» и «Смерть Коцея в яйце» (Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 154–155 (№ 550) и с. 107–108 (№ 3021)). См. об этом: Аупапова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 310–334. Возможно, что поэт при этом ориентировался на «Сказку об Иване-царевиче, жар-птице и Сером Волке» из сборника «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок», вышедшего первым изданием в 1786 г.; впоследствии она вошла в собрание народных русских сказок А. Н. Афанасьева (см. об этом: Ко-лесницкая И. М. Сказка «Об Иване-царевиче, жар-птице и Сером Волке» в обработке Языкова и Жуковского // Студенческие записки филолог, факультета ЛГУ. Л., 1937. С. 81–89). О знакомстве Жуковского со сборником «Дедушкины прогулки» свидетельствуют материалы, имеющие отношение к замыслу поэмы «Владимир» (РНБ. Оп. 1. № 178. Л. 9 об.). Книжные впечатления были обогащены воспоминаниями Жуковского о какой-то сказочнице, характер которой он, по утверждению Плетнева, старался передать в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» (Пере-писка. Т. 3. С. 562).

Жуковский писал Плетневу о своем новом произведении: «...одну из (...) сказок, во всех статьях русскую, рассказанную просто, на русский лад, без примеси посторонних украшений, имею честь здесь представить издателю "Современника", прося его дать ей уголок в своем журнале» (СС 1. Т. 4. С. 648–649). Основной тенденцией в работе Жуковского над произведением (от чернового автографа 1845 г. к публикации «Современника» и тексту с 5 1849 г.) было стремление к лаконизму, компактности сказочного повествования. Преследуя эту цель, Жуковский порой сознательно отстранялся от традиционных фольклорных приемов (присказки, утроение сюжетных звеньев) – примеры такого рода работы можно увидеть при сравнении фрагментов чернового автографа с окончательным текстом сказки. В художественной структуре народной сказки поэтом был выделен доминирующий принцип (динамичное движение сюжета), который стал организующим стержнем всего произведения. Жуковский стремился к интерпретации фольклорного по своему происхождению сюжета, соединенной с принципиальной установкой на свободу авторских проявлений. Это нашло свое выражение в композиционной стройности разветвленного повествования, психологической детализации, развернутых описаниях, наконец, в юмористической окраске некоторых эпизодов произведения. Последняя черта особенно характерна для сцен, связанных с окружением (двором и свитой) сказочных царей, – Демьяна Даниловича, Афрона, Далмата (видимо, здесь отразились личные впечатления поэта от пребывания при дворе русских императоров).

Несколько иные художественные приемы использовал Жуковский при создании заключительных сцен сказки, в которых изображается возвращение домой Ивана-царевича. Их специфичность ощущал и сам поэт, особо отметивший финал своей сказки в письме к Плетневу от 1 июля 1845 г.: «Прочитав мою сказку, вы, может быть, найдете, что она чересчур длинна; но мне хотелось в одну сказку впрягать многое характеристическое, рассеянное в разных русских народных сказках; под конец же я позволил себе и разболтаться» (СС 1. Т. 4. С. 649). Финальное изображение столицы Демьяна Даниловича поражает пластикой свободных проявлений фантазии художника, рисующего идеальную картину праздника монарха в окружении счастливого и довольного народа.

Сюжет утрачивает здесь свою функциональную ключевую роль. Жуковский развертывает описания, одно за другим, различных уголков царства Демьяна Даниловича: окрестности заколдованного города, его улицы, дворец, пир спящих, а затем и проснувшихся людей. Эти сцены заставляют вспомнить сказку Жуковского «Спящая царевна». Вновь разрабатывая уже опробованное в ней сюжетное звено, Жуковский как бы наверстывал упущенное им ранее, поскольку в 1831 г. он не решился на предельную русификацию заимствованного сюжета «Спящей царевны». Столица Демьяна Даниловича, напротив, русская во всех своих проявлениях: царский двор широк, радость родителя-царя при виде сына не знает границ (он смеется, плачет, глядит, «глаз не отводя», целует его и милует, наконец, пускается в пляс), в городе стреляют из пушек и звонят в колокола, на Дворцовой площади полно народу, от приветственного крика которого дрожит все вокруг, от шапок же брошенных им в воздух, «Божий день затмился...». Блюда на пиршественный стол Демьяна Даниловича подаются подчеркнуто русские, причем наиболее лакомые для русского человека. Вероятно, во всех этих деталях сказалось тоскливое воспоминание о России Жуковского, которому никак не удавалось осуществить свое горячее желание – вернуться на родину.

Принципиальное для поэта значение имело изображение в сказке свадебного пира. В

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu
соответствии с евангельским призывом царь Демьян приглашает за свой стол всех, и в том числе нищих (в черновой редакции поэт упомянул также «глухих, немых, слепых, безногих и калек»). Собранные на пир люди, без различия званый и сословий, поставлены Жуковским в равные условия: они все едят на золоте и пьют из хрусталя, под ногами же у них лежат шелковые ковры. Эта идиллическая картина сформировалась в сознании поэта под влиянием социальной несправедливости, уязвлявшей его христианскую совесть (этот аспект действительности мог быть осмыслен поздним Жуковским только в контексте христианского учения). Автор сказочной идиллии не чуждается изображения тех сторон реальной жизни, которые не поддаются, с его точки зрения, идеализации. Для «лечения» социальных язв он предлагает сугубо рационалистичное, несмотря на свое фольклорное происхождение, средство – чудесную дубинку, более преуспевающую на почве обуздания воров и пьяниц, чем полиция.

Встрече Ивана-царевича с Серым Волком, приехавшим в карете, Жуковский придал черты того идеала, который, как ему представлялось, должен определять отношения царского сына с наставником. На материале сказки поэт как бы попытался исправить то, что тревожило его при воспоминании об исполненной им миссии по воспитанию и образованию наследника русского престола – будущего императора Александра II. Жуковский подчеркнул искренность Ивана-царевича в моменты выражения им Волку простой человеческой благодарности, приводящей героя к полному забвению своего высокого положения. Видимо, это было то, чего Жуковскому не хватало в отношениях с цесаревичем. Примечательна дальнейшая судьба сказочного наставника царского сына, данная поэтом как бы в противовес собственной судьбе. Серый Волк становится настоящим членом царской семьи, для которой немислимо его удаление в самую почетную «отставку» (один из черновых вариантов сказки: «...будет он к семье царя причислен»). В конце сказки в облике Волка происходит неожиданная перемена: он становится учителем и даже нянькой детей Ивана Демьяновича. Жуковский пошел на максимальное сближение истории сказочного героя с собственным жизненным опытом, подчеркнув его финальными строками произведения: «Но в его нашлись бумагах // Подробные записки обо всем // (...) и мы из тех записок // Составили правдивый наш рассказ».

В некотором противоречии с этой тенденцией находился сатирический фрагмент сказки, повествующий о придворных занятиях Волка овцеводством (он присутствовал в первой публикации произведения – см. ниже, в построчном комментарии). Вероятно, поэтому Жуковский и изъял его впоследствии из текста, представив в финале сказки своего рода утопию, рассказывающую о неразрывном, почти родственном единстве наставника с царской семьей, горячо и преданно любимой старым поэтом.

Последняя сказка Жуковского вызвала интерес у современников. По сообщению П. А. Плетнева в письме к поэту, императрица Александра Федоровна «сама будет сказки ваши читать своим детям», а после прочтения «Ивана Царевича» «в её фантастическом воображении создался из этого чудесный балет» (Переписка. Т. 3. С. 564). После чтения сказки вместе с Вяземским Плетнёв в письме к Жуковскому от 1 (13) ноября 1845 г. даёт подробный отчет: «Он [Вяземский] полагает, что сказка ваша, со всею прелестью своею, не защитит вас от критики людей, совершенно с разных сторон смотрящих на этот род поэзии. Так называемые ревнители на-родности скажут, что Иван Царевич лишён ярких красок сказочного русского языка и больше представляет собою собственное ваше сочинение. Выдающие себя за художников-космополитов будут говорить, что ваша сказка ниже тех произведений ваших, которыми выразился личный поэтический ваш характер. Ни те ни другие не оценят присутствия русской фантазии, живого вашего сочувствия к героям повести, верности языку наших сказок, и той изумительной простоты, которой вы не нарушили ни разу во всём столь длинном рассказе». Резюмируя своё отношение к сказке, издатель «Современника» пишет: «В Иване Царевиче не то достоинство, будто бы он (как вам хотелось) удержал в себе весь характер той сказочницы, о которой вы так живо вспоминаете, но то, что летишь с ним легко, чувствуешь око-ло себя действительно сказочную Русь, речь везде такая понятная и так близкая и русскому сердцу и памяти выросшего на руках русских нянюшек, а между тем есть и богатое разнообразие, как в самой натуре – рассказ то шутив, то степенен, то возвышен, то прост» (Там же. С. 561-562).

Сказка Жуковского была переведена на немецкий язык Юстинусом Кернером и вышла в свет с его предисловием: «Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf. Stuttgart, 1852». Как вспоминал переводчик (этот фрагмент воспоминания вошел в предисловие), «своими новыми созданиями он [Жуковский] поделился со мною, и когда он увидел, как я восхищен его красочной детской сказкой "Об Иване-царевиче и Сером Волке", то передал мне ее, чтобы увидеть ее переведенной мною для немецких читателей...» (Жуковский в воспоминаниях. С. 352).

Ст. 72. Однако у него в руках одно... – В черновом автографе после этого стиха

следовало:

Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Был ярко освещен. К царю Демьяну...

Ст. 142. И человечьим голосом сказал... – Далее в черновом автографе читаем:

«Мне очень, очень жаль, Иван-царевич,
что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
что на столбе написано; тому
Так следовало быть; однако ты...»

Ст. 157. И Серый Волк быстрее всякой птицы... – В черновом автографе было такое продолжение:

Помчался с седоком, и к полночи они Примчались к низкой каменной ограде...

Ст. 182. Великим, сильным государством; ваша... – В черновом автографе было:
«Великим, знаменитым царством; ваша...»

Ст. 317. Царя Афропа. Серый Волк сказал... – В первой публикации сказки далее следовало:

«Иван-царевич, должно осторожно
Здесь поступить: я превращусь в царевну...»

Ст. 318–319. «Иван-царевич, здесь должны с умением ИИмы поступить: я превращусь
в царевну...» – Ср. черновой вариант:

«Иван-царевич, сделай так теперь,
как я скажу. Я превращусь в царевну...»

Ст. 358. Ступай вперед; я скоро догоню вас... – В черновом автографе далее следовало:

Так все и сделалось. Золотогривом Не мог налюбоваться царь Дал мат. Прошло три
дня. Велел Золотогрива Царь оседлать, и выехал на нём...

Ст. 368–375. Перекувырнувшись с его спины ~ Скакать пустился; освободили... – В черновом автографе эти стихи выглядели так:

Перекувырнувшись с его спины, Вдруг очутился головою вниз, Ногами вверх и, но
плеча увязнув в распаханной земле, ее царапал Руками и, напрасно слясь
Освободиться, растопырил ноги и ими в воздухе болтал; вся свита К нему
подъехала; освободили...

Ст. 408. И ехали они дня три, четыре... – После этого стиха в черновом автографе следовало:

И вдруг увидели великолепный Шатер, разбитый на лугу зеленом...

Ст. 441. Облитый кровью, па поле широко... – После этого стиха в тексте первой публикации читаем:

Лежал Иван-царевич. Так прошло
два дня; на третий день – уже склонялось
на запад солнце; ноле было пусто...

Ст. 563–567. И видит он, что вместе с ней упало ~ Был колдуном. Иван-царевич
свистнул... – Ср. в черновом варианте:

Еще одиннадцать дверей железных. За этими двенадцатью дверями конь богатырский
был издавна заперт Могучим колдуном. Иван-царевич свищет.

Ст. 574–581. Иван-царевич по спине его ~ Седок и надобен; готов тебе... – В черновом варианте вместо этих восьми стихов было семь. Ср.:

Иван-царевич по спине его Провел рукою, и на колена пал, Ее не снесши, ретивый
конь. И человечьим голосом Ивану-Царевичу сказал он: «Христос спаси,
Иван-царевич, мне такой, как ты, Седок и надобен. Готов тебе...

Ст. 694–696. Заснул и проспал до полудня. Вставши ~ Яге подробно рассказал,
зачем... – Ср. в черновом автографе:

Заснул и проспал до полудня. Вставши,
Умывшись, одевшись и Богу
Как должно помолившись,
Яге подробно рассказал, зачем...

Ст. 704. Послушать: на море на Окиане...--Ср. продолжение этого стиха в
Совр.:

На острове есть на Буяне дуб Высокий; а под тем высоким дубом Зарыт сундук,
окованный железом...

Ст. 787. Ходить, гулять и травку медовую... – В первой публикации вместо:
«медовую» было: «молодую».

Ст. 797–802. Зашевелили землю; ?пут Иван-царевич ~ Глубокая открылась яма. В
ней... – В черновом автографе эти стихи выглядели так:

Зашевелили землю; тут Иван-царевич, Обнявши дуб обеими руками, Всею силою
рванул, и с треском Он повалился, корни из земли
со всех сторон, как змеи, подняв иен, И там, где ими дуб в земле держался,
Глубокая открылась яма. В ней...

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Ст. 1022–1030. Еще их всех нашел Иван-царевич ~ С подобострастием, на сонных лицах... – Эти стихи в черновом автографе выглядели так:
 Сам царь Демьян Данилович стоял, И с ним министр двора, и оба спали, Но все как будто продолжали речь о государственных делах, и все Придворные, составив полукруг, Перед царем стояли, на него Потухшие от сна глаза уставив...
 Ст. 1050–1051. ...бирючам столице возвестить... – Бирюч – весгник, глашатай. Ст. 1062–1067. Купцов, меищп, простых людей и даже ~ Им принесли все знатные чины... – Ср. в черновом автографе:
 Всех нищих, всех глухих, немых, слепых, Безногих и калек. И па другой день Невесту с женихом премудрый царь Демьян Данилович повел к венцу; когда же Венчание свершилось, поздравленье Им принесли все знатные чины...
 Ст. 1100–1101_____и пироги подовые... –Т. е. испеченные из кислого теста в печи на поду (нижняя поверхность устья печи).
 Ст. 1103. Мартовское пиво. – Крепкое сладковатое пиво, сваренное в марте, в канун Пасхи. Известна русская пословица: «Мартовское пиво с ног сбило».
 Ст. 1106. Ренское. – Т. е. рейнское вино.
 Ст. 1145–1146. ...бархатным покрыты //Наметом... – Намет – накидной че-хол.
 Ст. 1148–1149. ...по швам //Басоны... – Басон – плетеная тесьма, шнур или бахрама, предназначавшаяся для украшения одежды и мебели.
 Ст. 1183–1186. Данилович с ним кубком в кубок стукнул ~ Пир царский и народ-ный продолжался... – В черновом автографе отсутствовал ст. 1185: «И пушечный задравный грянул залп...»
 Ст. 1200. Что всякую получит почеть он... – Ср. черновой автограф: «Что будет он к семье царя причислен...»
 Ст. 1202. Что будет он по чину в первом классе... – По Табели о рангах чин перво-го класса (генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер) присваивался имен-ным указом российского императора. Серый Волк, возведенный в столь высокий ранг, – яркая комическая деталь сказки Жуковского.
 Ст. 1209. Да поживать по-царски. Серый Волк... – После этого стиха в черновой рукописи и первой публикации следовало:
 А так как он в лесу своем любил Естественной наукой заниматься И зоологией особенно, то царь (Чтобы его занять приятно, царству ж Доставить пользу) поручил ему Заведывать делами овцеводства, И дал указ, что «Серый Волк во все Казенные и частные овчарни Волен входить, когда захочет; что же Сочтет за нужное там учинить, Никто ни спорить в том, пи прекословить Отнюдь не должен; и ему ни в чем И никому отчета никогда Не отдавать». И вот но долгом, славном Владычестве премудрый царь Демьян Данилович скончался, на престол...
 С. Березкина
 Повесть об Иосифе Прекрасном («Иаков жил в земле, где Исаак...») (С. 254)
 Автограф не существует.
 Копия: (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 24, 34–34 об., 52–55 об.) – авторизованная, ру-кою В. Кальянова под диктовку Жуковского и с его правкой, с заглавием: «Повесть об Иосифе Прекрасном» (на л. 34 авторская помета: «Иосиф») и датами, фикси-рующими процесс работы: «14/26 марта 1845» (л. 25); «6 апреля» (л. 34; ст. 31–70); «2 июня» (л. 52; ст. 71). Последние две даты даны по н. ст., так как далее (ст. 71–373) отмечены следующим образом: «б/ig июня, 7/ig, 9/2\». В нескольких местах Жуков-ский сделал небольшую, несущественную и неоконченную карандашную правку, синтаксически рассогласованную с начальным вариантом. Этот редакторский слой, не могущий претендовать на каноничность, справедливо не был учтен при первой публикации и не учитывается в наст. изд.
 При жизни Жуковского не печаталось.
 Первые: РА. 1873. № 9. Столб. 1693–1701.
 Печатается по авторизованной копии.
 Датируется: 14(26) марта – 9 (21) июня 1845 г. на основании помет Жуков-ского. Повесть представляет собой изложение из сюжета библейской книги Бытия: XXXVII; XXXIX: 1–5, 20–23; XL; XLI: 1–43, 47–49, 53–57. Жуковский убрал сцену соблазнения Иосифа женой Пентефрия, непременно в иных пересказах, и даже снял всякий намек на это, представив начальника фараоновой стражи евну-хом: Иосиф попадает в тюрьму просто невесть за что оклеветанным. Также исклю-чены женитьба

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh Иосифа на жреческой дочери и рождение их детей. Библейский сюжет о нем, его братьях и отце длится вплоть по главу XLVII, но Жуковский оставил повесть незавершенной.

Указание на повесть, входящую в цикл «Библейских повестей», присутствует в многочисленных авторских списках Жуковского середины 1840-х гг. (см.: РНБ. Оп. 1. № 53. Верхняя обложка, л. 1, 2). В апрельском списке 1845 г. она названа просто: «О Иосифе Прекрасном» (Там же. Верхняя обложка); во всех других случаях – «Повесть о Иосифе Прекрасном». Жуковский собирался включить ее в «Книгу повестей для юношества».

Ст. 2–3. ...в Хашпейской II Земле... – Ханаан – древнее название Палестины, данное по имени автохтонного народа хананеев.

Ст. 38. ...на поля Сихема... – Сихем – город в центральной части Ханаана; на-ходился в 40 км к северу от Иерусалима.

Ст. 46–47. ...долину Хевронскую... – Долина в Иудейском нагорье в 30 км к югу от Иерусалима.

Ст. 54. ...Дофаим... – Или Дофан («колодец») – местечко на дороге из Сирии в Египет в 60 км к северу от Иерусалима.

Ст. 81. Измаильтяпе... – Народ семитского происхождения (Измаил был сыном Авраама от рабыни), занимавший территорию северной Аравии.

Ст. 82. Из Галаада... – Галаад – восточное плоскогорье реки Иордан.

Ст. 83. ...миру... – Здесь: ладан.

Ст. 118. И вретischem облекся... – Т. е. в одежду из грубой толстой ткани.

Ст. 127. ...Пептефрию, внуху фараона... – Жуковский пользуется транскрипцией, восходящей к переводу семидесяти толковников, где имя воспроизведено как Петефрес (в синодальном переводе менее точно: Потифар). Фараон для Жуковского-го фигура сказовая, и это слово не случайно всегда написано с заглавной буквы – в отличие от «царя», в авторизованной копии почти всегда пишущегося с буквы строчной, каковое различие учтено и при первопубликации. Иосиф попал в Египет во время гиксосского завоевания; некоторые ученые считают гиксосов семитами, и в таком случае последующее возвышение Иосифа вполне объяснимо.

Н. Серебренников

Египетская тма*

(Опыт подражания Библейской поэзии)** («Велик, неизглаголанно велик...») (С. 264)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 52. л. 10–11) – черновой, без заглавия. Копии

1) РНБ. Оп. 2. № 6. л. 2–3 об. – авторизованная, рукою В. Кальянова под диктовку и с правкой Жуковского, с заглавием: «Египетская тма. Прем.(удрости) Солом.(она). Глава XVII».

Солом.(она). Глава XVII».

* Во всех рукописных вариантах и при первой публикации заглавие не менялось: слово «тма», соответствующее церковнославянскому написанию, было принципиально для стили-стической окраски библейского текста. Поэтому мы сохранили его в наст. изд.

** Подзаголовок к повести «Египетская тма» менялся. В черновом автографе было указание на источник переложения: «Прем.(удрости) Солом.(она). Глава XVII». Его сохранили редакторы посмертного издания (С 5. Т. 12). Но так как дефинитивным остается текст первой публикации, подзаголовок «Опыт подражания Библейской поэзии» можно считать послед-ней волей автора. Именно его мы сохранили в наст. изд.

34 – 136S

2) РНБ. Оп. 1. № 27. л. 67–68 – писарская, с заглавием: «Египетская тма», для помещения в С 5 (Т. IX).

Впервые: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М.: В ти-пографии Семена, 1847 (ц. р. 21 февраля 1847). С. 188–190 – с заглавием: «Египет-ская тма», подзаголовком: («Опыт подражания Библейской поэзии») и подписью: «Жуковский». В конце строка точек.

Включалось в состав С 5. (Т. 12 : посмертный. С. 155–158) – с заглавием: «Еги-петская тма» и подзаголовком: «Прем.(удроста) Солом.(она). Глава XVII». Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии. Датируется: август 1846 г.

Основанием для датировки является указание самого Жуковского в перечне произведений с обозначением времени их написания: «Египетская тма. Август 1846» (РНБ. Оп. 1. № 54. л. 1 об.).

«Египетская тма» – стихотворное переложение церковнославянского перевода 17-й главы ветхозаветной книги Премудрости Соломона, на что указал сам Жуков-ский в черновом автографе. Книга Премудрости Соломона была написана на гре-ческом языке в эллинистический период. В Древней Руси ее текст был известен в объеме отрывков, входящих в состав Паремейников (книга Премудрости относит-ся к числу наиболее часто читаемых на православном богослужении ветхозаветных писаний).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Полностью книга Премудрости была переведена на славянский в составе Геннадиевской Библии 1499 г., причем оригиналом послужил латинский текст. Во время редактуры при создании Острожской Библии 1581 г. текст Премудрости был, по крайней мере отчасти, переработан и выверен по греческому образцу (подробнее см.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 206).

Острожская Библия легла в основу Московской Библии 1663 г., а та (в значительном отредактированном виде) – в основу Елизаветинской Библии 1751 г., одним из изданий которой и пользовался Жуковский. Заметим, что «Египетская тма» – не единственный случай обращения поэта к книге Премудрости. В рабочей тетради Жуковского с его переводами отдельных мест Священного Писания (РНБ. Оп. 1. № 58) имеется и перевод следующих стихов: Прем. 9: 1а, 4; Прем. 9: 13–19; Прем. 3: 13–18 (л. 1 об. – 3). Судя по записям в тетради он также собирался здесь перевести Прем. 1: 7, 8, 10 (л. 6 об.); Прем. 11: 25–27 (л. 7 об.). Кроме того, он указывает на 13 и 14 главы книги Премудрости в качестве параллельного места к Рим. 1, 19–20 (л. 4 об.).

17-я глава книги Премудрости является комментарием ст. 21–23 двенадцатой главы книги Исход. Она описывает одну из казней египетских – тьму, охватившую Египет из-за фараона, противившегося воле Божией и не желавшего отпустить из-раильтян. В соответствующей 12-й главе книги Исход об этой казни говорится кратко и скорее как о явлении физическом: «рече же Господь к Моисею: прости руку свою на небо, и да будет тма по земли египетской, осязаемая тма. Простре же Моисей руку свою на небо, и бысть тма, мрак, буря по всей земли египетской три дни: и не виде ничтоже брата своего три дни, и не воста ничтоже от одра своего три дни, всем же сыном израилевым бяше свет во всех (жилищах), в них же пребыва-ху». В Прем. 17 эта же египетская тьма описана как событие не столько физическое, сколько духовное. Это не только «осязаемая» тьма, но и тьма внутренняя, от которой невозможно укрыться или спрятаться. Египтяне – «узники тмы», «связаны долгой ночью», потому что они пытались бежать от вечного Провидения (Прем. 17, 2). Они мучимы не только отсутствием света, но и той тьмой, которая лежит на их сердцах, терзаемых неизбывным, паническим страхом. На них «простирашася тяжкая ночь, образ будущего их восприятия тмы: сами же быша тмы тяжчайши» (Прем. 17, 20). Оппозиция тьмы и света является одной из основных для поэтической фило-софии Жуковского с ее противопоставлениями небесной отчизны и «темной об-ласти земной». С этим мотивом в поэтике Жуковского тесно связана и тема звезд, являющихся «окнами», через которые небесный свет проникает на землю. Всю эту близкую для себя символику поэт нашел в 17-й главе книги Премудрости Соломона. В ней изображается такая тьма, которую не могут рассеять даже звезды, что на поэтическом языке Жуковского означает крайнюю степень покинутасти земного небесным. Мотив света / тьмы соединяет поэзию Жуковского второй пол. 1810 – 1830-х годов и его творчества периода «христианской философии» 1840-х гг. Характерно, что поэт чутко улавливает этот мотив при переложении священных текстов и последовательно акцентирует его. Мотив тьмы подчеркнут в описании крестной смерти Христа Спасителя в поэме «Странствующий жид» (ср. также цитату из книги Иоанна, вложенную Жуковским в уста Агасфера, где присутствует звездная символика), в стихотворном переложении Апокалипсиса.

В «Египетской тме» присутствует еще одна чрезвычайно важная для Жуковского тема – тема веры. Египтяне охвачены внутренней тьмой именно потому, что лишены веры в Промысел Божий. Не имея упования на Бога, они страшатся будущего, им чудится затаившаяся в нем угроза. Их страх мучителен именно тем, что источник его – маловерие, а не реальная опасность. Египтяне ввержены «...в тре-пет II Страшилищем, которое и было III не было, оии за ним II Еще страшнейшее живое мнили видеть». Стихи, которыми Жуковский описывает это состояние, чуть ли не единственные из всего переложения не имеют прямого соответствия в 17-й главе книги Премудрости Соломона и целиком принадлежат поэту.

«Тревожит все того, в ком веры нет IV спасенье, чье неутешимо сердце» – подтекст этих слов и всего круга описанных выше переживаний глубоко автобиографичен, скорее даже автопсихологичен. Жуковский с начала семейной жизни был мучим тревогой за будущее жены и детей в случае своей смерти. Эта тревожная мысль была его «страшилищем», «чудовищем», преследовавшим его и на одре предсмертной болезни. Духовник Жуковского протоиерей Иоанн Базаров рассказывает о своей беседе с поэтом незадолго до смерти: «Он встретил меня словами: "Вчера меня мучила мысль; как чудовище, не хочет отойти от моей кровати; точно дубиной разбивает душу. Это – дьявольское искушение, idee fixe, которая нас сводит с ума, – мысль: что будет с детьми моими, с женою моею после меня? Я напомнил ему веру в Промысел Божий, милости к нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. "Да, – отвечал он, – это убеждение есть, но в голове; но вот здесь-то (указывая на сердце) оно не живо..." (Жуковский в воспоминаниях. С. 452–453). Лишь чудесное явление Жуковскому Христа во время предсмертного причащения Святых

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

Тайн освободило поэта от этой гнетущей тревоги, ставшей для него серьезным духовным испытанием. Жуковский считал причиной всех своих страхов именно недостаток веры, упрекал и корил себя за него, исповедуя перед Богом нищету своей души. Вероятно, не случайно черновые наброски «Египетской тмы» сделаны в одной тетради с дневниковой записью марта 1846 г., в которой содержится и тревога за семью, и слезное болезнование о своей немощи в вере (РНБ. Оп. 1. № 52. л. 6; напечатано: ПСС 2. Т. 14. С. 286). Ср.: «Благодарение Тебе, Господи, за прошедшую ночь и за сохранение жизни моей и моего семейства. (...) Сохрани мое семейство. (...) На дороге жизни я не собрал истинного сокровища для неба: душа моя без веры, без любви и без надежды; и при этом бедствии нет в ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать ее к покаянию (...) прости ко мне Твою руку, посети мою душу Твоим Святым Духом...». Эта запись является разительной автобиографической параллелью к «Египетской тме». Наконец, следует отметить еще один контекст, в котором, вероятно, воспринималась Жуковским 17-я глава Премудрости Соломона. Как известно, ее парафраз содержится в XXVI главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Страхи и ужасы России») Н. В. Гоголя: «Вспомните Египетские тьмы, которые с такой силой передал царь Соломон, когда Господь, желая наказать одних, наслал на них неведомые, непонятные страхи. Слепая ночь обняла их вдруг среди бела дня; со всех сторон усталились на них ужасающие образы; дряхлые страшилища с печальными лицами стали неотразимо в глазах их; без железных цепей сковала их всех болезнь и лишила всего, все чувства, все побуждения, все силы в них погибли, кроме одного страха. И произошло это только в тех, которых наказал Господь. Другие в то же время не видели никаких ужасов; для них был день и свет» (Гоголь. Т. 8. С. 344–345.). Гоголь приводит этот пересказ, упрекая адресата своего письма в недостатке веры. Эту же тему он продолжает и в следующей главе своей книги («Близорукому приятелю»): «кто омрачается боязнью от будущего, от того, значит, уже отступилась святая сила, – пишет он. – Кто с Богом, тот глядит светло вперед и есть уже в настоящем творец блистающего будущего» (Там же. С. 348.). Вряд ли можно сомневаться, что темы и образы 17-й главы книги Премудрости возникали в разговорах Жуковского и Гоголя в апреле 1845 г. во время совместного чтения богословской литературы и в мае-июле 1846 г., когда Гоголь посетил Жуковского во Франкфурте и Швальбахе. Если учесть, что Жуковский в это время уже думал о «Египетской тме», то это предположение выглядит более чем правдоподобным.

Ст. 3. Оп в помешательство ввергает нечестивых... – В черновом автографе варианты: «в искушение», «в заблуждение». Таким образом Жуковский передает церковнославянский текст: «сего ради ненаказанныя (т. е. "ненаученные") души заблудиша».

Ст. 11. С своими темными грехами... – В церковнославянском тексте речь идет о «сокровенных» («тайных») грехах. В черновом автографе Жуковский употребляет именно это слово: «тайные», но в окончательном варианте склоняется к эпитету: «темные». В этой замене можно видеть подчеркивание мотива тьмы. Можно поставить вопрос и о влиянии Вульгаты, в которой стоит: «in obscuris peccatis» (в темных грехах. – лат.).

Ст. 17–18. И дряхлые призраки с грустным ликом // Смотрели им в глаза... – В черновом варианте: «... мертвецы // Смотрели им в глаза...». В церковнославянском тексте говорится о «привидениях» (в Синодальном переводе – «чудовища», греч. – (раората). Это место «Египетской тмы», несомненно, оказало влияние на те стихи поэмы «Странствующий жид», в которых Жуковский описывает явление воскресших святых после смерти Спасителя на Голгофе (Мф. 27, 51–53): «Теченье в воздухе бесплотных слышно; // Во мраке образы восставших // Из гроба, вдруг явясь, смотрели // Живым в глаза...»

Ст. 22–23... невыразимый, // Самогорящий, страха полный огонь... – В церковно-славянском тексте: «Внезапный огонь страха исполнь». Характерно появление здесь столь значимого для Жуковского эпитета «невыразимый». Оно усиливает психологический акцент изображения «самогорящего огня».

Ст. 75. На них лишь темная лежала ночь... – В церковнославянском тексте: «Тяжкая (Зарега) ночь». Как показывает черновой автограф, Жуковский после колебаний между «тяжкая» и «темная» остановился на последнем варианте, таким образом вновь подчеркивая мотив тьмы.

Д. Долгушин (о. Димитрий)
Странствующий жид
(«Он нес свой крест тяжелый на Голгофу...») (С. 266)

Автографы:
1) РНБ. Оп. 1. № 60. л. 30 об., 32 – черновые наброски планов (впервые опубликовано: Бумаги Жуковского. С. 130–131):
(1). Осуждение. Ужас дня. Землетрясение. Слухи. явление мертвых (Ночь и утро

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu перед Голгофою. – зач.). Движение и мертвая тишина. Ожидание. Бешенство. Побиение С. Стефана. Савл. Тоска по смерти. Патмос. Разрушение Иерусалима. Голод. Зрелище разорения. Храм. Плен. Везувий. Самун в пустыне. Палестина. Колизей ночью. Лишение сна. Отчаянное бешенство против веры. Чего я хотел жить. Без дома, без веры, и без надежды, и без любви. Хотел бы верить. Наконец покорился. Пал на землю. Первое действие – сон. Покой. Нестрадание. Второе действие – сновидение. С тех пор вся жизнь благодатная. С грустью провожу в ми(ре?). Смотрю на мир. Я видел – разрушение. Магомет. Византия. Карл Великий. (2). I. Встреча. Преступление. Осуждение. Распятие. Землетрясение. Тишина. Воскресение. II. Наполеон на С. Елене. Явление Агасвера.

2) РНБ. Оп. 1. № 56. л. 10 об. – черновые наброски плана, карандашные, край-не неразборчивые записи, видимо, предшествующие вышеприведенным.

3) РНБ. Оп. 2. № 18. л. 1 об. – черновые наброски плана, относящиеся к 1852 г. (на обороте автограф стихотворения «Розы»).

4) РНБ. Оп. 1. № 60. л. 8 об. – вверху листа черновой набросок начала, 2 Vg сгаха:

Он нес свой крест тяжелый на Голгофу. Он, Всемогущий, был, как человек, Измучен...

Впервые опубликовано: Бумаги Жуковского. С. 129. Датируется 2 (14) октя-бря 1846 г. на основании их вхождения в текст дневниковой записи Жуковского (ПСС 2. Т. 14. С. 287).

5) ПД. № 27803 (Онегинское собрание). л. 6 об., 7 об., 8 – черновой карандаш-ный набросок (без заглавия) ст. 1–32, среди датированных серединой мая (18 / 30) – началом июня (21 мая / 2 июня) 1840 г. рисунков с видами Германии. На л. 1 альбома с черным тисненным переплетом и железной застежкой дважды написано: «1840» и приводится маршрут путешествия: «Петербург–Варшава–Бреславль–Дрезден–Берлин–Веймар–Франкфурт–Дармштадт–Баден–Дюссельдорф–Франкфурт–Эмс–Кобленц–Дармштадт». Ср. с дневниковыми записями от 6 марта ст. ст. – 28 мая (10 июня) 1840 г. (ПСС 2. Т. 14. С. 193–212). См. описание альбома: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы. Памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки. СПб.; Бо-лонья; Кембридж, 1997. С. 39.

6) РНБ. Оп. 1. № 74. А. 1–78 – черновой. Ст. 1–32 писаны почерком 1840-х гг. (ср. автограф № 5); весь остальной текст писан в начале 1850-х гг. при помощи особой машинки из-за болезни глаз, постигшей поэта в это время, – с заглави-ем: «Странствующий жид» и более поздним (другою рукою: «Агасфер»). На л. 1–6, 75 об., 76 – отрывочные наброски плана поэмы.

Копии:

1) РНБ. Оп. 2. № 4. л. 1–26 – беловая авторизованная, рукою камердинера Василия Кальянова под диктовку Жуковского, с заглавием: «Странствующий жид» и датами: «8 (20) июля 1851 – 31 марта (12 апреля) 1852».

2) РНБ. Оп. 1. № 75. А. 1–45 – писарская копия, с большим количеством ка-рандашных правок Жуковского, особенно в конце, с заглавием: «Странствующий жид» и пометой: «Начато 8 (20) июля в Бадене. 1851».

3) РГБ. Ф. 99 (Елагины), картон 16. № 56. А. 1–16 – рукою М. В. Киреевской до ст. 705: «И зданье, и народ, и на высоко...».

4) РГБ. Ф. 99 (Елагины), картон 16. № 55. А. 1–28 – рукою А. П. Елагиной до ст. 1618: «Великого минувшего созданье...».

5) РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. № 18. л. 156–156 об. – выписка рукою Е. П. Ростоп-чиной.

При жизни Жуковского не печаталось.

В п е р в ы е: С 5. Т. 10. С. 3–77 – без последних 65 стихов (впервые опубликованы: Бумаги Жуковского. С. 147–148), с заглавием: «Агасфер». Впервые полностью: С 9. Т. 4. С. 381–433 – с заглавием: «Странствующий жид». Печатается по С 9 – со сверкой по беловой авторизованной копии (копия № 1). Датируется: 8 (20) июля 1851 г. – 31 марта (12) апреля 1852 г. на основании указания в рукописях поэта (копии № 1, 2).

Несмотря на то что Жуковский работал над поэмой «Странствующий жид» до самой смерти, она не была закончена. Последний стих: «И возросла она...» оборван на половине строки. Отсутствие прижизненных публикаций рождает ряд проблем. Прежде всего встает вопрос о заглавии произведения. В эдиционной практике (С 5, С 7–9, ПСС, СС 2) имеется несколько вариантов: «Агасфер. Вечный жид», «Странствующий жид», «Агасфер. Странствующий жид». В мемуарных источниках современники и друзья Жуковского также варьируют эти заглавия. Так, Д. Ф. Тют-чева в письме к сестре от 29 октября (10 ноября) 1855 г. сообщает: «Папа входит в цензурный комитет для рассмотрения посмертных сочинений Жуковского. Вчера он принес "Вечного жид" и читал нам отрывки из него» (ЛН. Т. 97. Кн. 2. М.,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh (1989. С. 279). Также называет произведение Жуковского А. Н. Муравьев в мемуарной книге «Знакомство с русскими поэтами». Биограф поэта К. К. Зейдлиц именует поэму то «Агасфер», то «Вечный жид». П. А. Вяземский называет Жуковского «песнопевцем "Странствующего жида"». А. В. Никитенко говорит об «Агасфере», П. А. Плетнев и о. Иоанн Базаров – о «Странствующем жиде». См.: Жуковский в воспоминаниях. Указ. произведений: «Агасфер, или Странствующий жид». В мно-гочисленных списках стихотворных повестей, которые планировал написать Жуковский в 1840-е гг., вначале появляется заглавие «Вечный жид» (РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка; РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 1), затем оно сменяется другими: «Агасфер» или «Агасфер. Странствующий жид». Однако в письмах Жуковского последних лет, а также в известных автографах и авторизованных копиях появляется как последняя воля поэта заглавие: «Странствующий жид». Впервые точное заглавие незаконченному произведению дал С. И. Пономарев, предпринявший в 1885 г. публикацию текста поэмы – «Странствующий жид». Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. СПб., 1885». Это заглавие, соответствующее замыслу поэта и выражающее его последнюю волю, мы считаем каноническим для незавершенного произведения. Второй вопрос, стоящий перед издателями, – количество стихов, входящих в текст поэмы. Сам Жуковский, активно участвовавший в подготовке произведения, но из-за почти полной слепоты диктовавший текст своему камердинеру Василию Кальянову (в этом смысле беловая авторизованная копия может считаться автографом поэта), фиксировал с его помощью процесс работы, хронометрируя ее. Так, в копии № 1 дается ряд промежуточных дат, относящихся к отдельным стихам: 12 сент.(ября) 1851 – ст. 706, 13 сент. – ст. 766, 14 сент. – ст. 814, 15 сент. – ст. 845, 16 сент. – ст. 876, 17 сент. – ст. 927, 26 ноября – ст. 931, 17 февр.(аля) 1852 – ст. 964, 20 февр. – ст. 984, 21 февр. – ст. 1004, 23 февр. – ст. 1029, 24 февр. – ст. 1062, 25 февр. – ст. 1103, 26 февр. – ст. 1107, 27 февр. – ст. 1131, 28 февр. – ст. 1164, 6 марта – ст. 1254, 8 марта – ст. 1292, 9 марта – ст. 1356, 15 марта – ст. 1485, 16 марта – ст. 1581, 30 марта – ст. 1660, 31 марта – ст. 1710 (РНБ. Оп. 1. № 75. Л. 20 об. – 42 об. В с 9, где вслед за изданием С. И. Пономарева приводятся эти датировки, нумерация стихов дана не по рукописи, а по печатному тексту. Ср.: с 9. Т. 4. С. 487–488). В процессе перебеливания текста (см. копия № 1) текст сократился почти на 30 стихов и в окончательном виде содержал 1683 стиха. Как известно, 12 (24) апреля 1852 г. Жуковский умер, и поэтому объем бело-вой авторизованной копии можно считать окончательным. Это тем более требует специальной оговорки, что в первых посмертных изданиях (до с 9) текст печатался без последних 65 стихов, которые впервые были опубликованы И. А. Бычковым лишь в 1887 г. (Бумаги Жуковского. С. 147–148).

Требует особого разговора вопрос о начале работы Жуковского над поэмой. И. А. Бычков на основании обнаруженного им в рукописях поэта наброска считал, что замысел произведения относится к 1831 г. Альбом в красном сафьяновом переплете, содержащий черновые редакции произведений 1822–1831 гг. (РНБ. Оп. 1. № 30) включает и отрывок в 25 стихов, который, по мнению Быčkова, впервые его опубликовавшего (Бумаги Жуковского. С. 94), можно рассматривать как «имеющий отношение к "Агасферу"». «Следовательно, – констатирует публикатор, – еще в 1831 г. Жуковского занимала мысль написать "Вечного жида"» (Там же). Отрывок находился между черновыми автографами баллады «Королева Урака и пять мучеников» с датой: 28 мая (1831) и стихотворной повести «Две были и еще одна» (датировка 29 мая). Далее идут стихотворение «Детский остров» и начало «Сказки о царе Берендее» (22 июня – 2 августа 1831 г.). Строгая хронологическая последовательность рукописи позволяет утверждать, что этот отрывок Жуковский создал в мае 1831 г. Он не имеет заглавия и выглядит следующим образом:

Солнце склонялось к горам Иудейским. Медлительным шагом,
Очи потупив, объят размышленьем о том, что случилось
Столь недавно, шел Ни код им от Голгофы. Все тихо
Было кругом. Три креста на вершине горы одиноко
В блеске вечернем сияли. Внизу был сумрак. Пещера
С гробом пустым, с отвалившимся камнем от входа, прохладно
Сенью деревьев благовонных закрыта была. Там глубокий
Царствовал сон. Никодим, задумавшись, шел через город;
Шел он тем самым путем, по которому нес на Голгофу
За сорок дней перед тем свой крест незабвенный Учитель.
Все, что было в тот день, повторялось в душе Никодима.
Здесь Вероника обтерла Страдальцу ланиты, кровавым
Потом покрытая. Там, узрев проливающих слезы
Жен, Он сказал: «Не Меня вам должно оплакивать, дочери
Ерусалима! Оплачьте ныне себя! Наступают

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

Дни, в которые с трепетом скажут горам: "Упадите, Горы, на нас!" и холмам: "Покройте нас, холмы!"» В том месте Пал Он под тяжким крестом, изнуренный. Дале, увидев Матерь, лишённую чувств, Он сказал, проходя: «Ободрнся, Милая мать!» Там, наконец, облечен в багряницу, В узах, в терновом венце, Он стоял пред народом, смиренным. Тихий, но полный величия. «Се человек!» с состраданьем Молвил Пилат, и руки омыл, – и волнуясь, как море, «Кровь Его на нас и на чадах наших!» воскликнул Громко безумный народ... И Его новели на Голгофу...

Сравнение этого фрагмента с текстом «Странствующего жида» не позволяет уверенно говорить о его связи с замыслом поэмы и считать его первоначальным вариантом ее начала. Скорее всего, у этого отрывка есть источник, связанный с балладными сюжетами 1831 г. Предположение Бычкова было принято на веру по-следующими издателями поэмы и стало своеобразным издательским штампом.

Сам Жуковский в письме к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 г. недвусмысленно сообщал: «И еще для одного поэтического издания есть план. Оно было бы до-стойным заключением моей поэтической деятельности» (С 7. Т. 6. С. 592–593), а в письме от 1 (13) сентября 1851 г. указывал, что «первые стихи мною были написаны тому десять лет» (Переписка. Т. 3. С. 698). Биограф поэта К. Зейдлиц также, рас-сказывая о работе над поэмой весной 1851 г. в Бадене, уточняет: «Более десяти лет тому назад ему пришла в голову первая мысль обработать этот сюжет, и он написал первые тридцать стихов» (Жуковский в воспоминаниях. С. 89). В 1844 г. А. О. Смирнова записала: «Он (Жуковский) хочет написать о "Вечном жиде" и даже потихоньку читал мне некоторые стихи» (Северный Вестник. 1897. Январь. С. 134). Эти свидетельства (а Жуковскому самому нельзя не доверять) по-зволяют говорить, что в начале 1840-х гг. поэт начал работу над поэмой. Скорее всего именно в это время были написаны ст. 1–32 (см. автограф № 6), отличающиеся от последующего текста характером почерка.

В дорожном альбоме Жуковского (см. автограф № 5) среди рисунков и записей конца мая – начала июня 1840 г. находится черновой набросок этих стихов, на-писанных крайне неразборчиво, с пропуском знаков препинания. Вот как он вы-глядит:

Он нес свой крест тяжелый на Голгофу.

Он всемогущий, всетерпящий был
Как человек измучен; нот и кровь
По белому лицу катились градом;
Под ношею он падал поминутно
И медленно вставал, переводя
С усильем дух; и постепенно
Опять, ступивши несколько шагов
Без стопа падал под крестом, который
На нем лежал [4 нрзб.]

[2 нрзб.] – Наконец
Шатаясь, остановился он
С закрытыми очами

От муки он [2 нрзб.]
У Агасверовых дверей, хотел
К ним прислониться, чтоб вздохнуть
Свободно, а Агасвер стоял тогда
В дверях. Он с холодом смотрел
[3 стиха нрзб.]

Произнес как [нрзб.] свой строгий суд,
Он [нрзб.] взгляд возвел на Агасвера
И тихо произнес: Ты будешь жить
Пока я не приду. И удалился
Шатаясь, и скоро пал без сил
На землю. Крест Голгофы был возложен
На плечи Симона из Кнринеи.
Он исчез вдали, утихло все
На улице; все стало пусто; весь
Народ вокруг Голгофы точно за стенами
Иерусалимскими столпился. Город
Стал тих, как гроб. Один остался путник...

(За предоставление этого материала выражаю признательность А. С. Янушке-вичу.)

Неизвестный ранее набросок самого начала поэмы позволяет со всей опреде-ленностью говорить о том, что именно за десять лет (точнее, за одиннадцать) до того, как поэт в 1851 г. взялся за серьезную работу над произведением, «ему при-шла в голову первая мысль обработать этот сюжет» (К.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский и Зейдлиц), и он набросал первые тридцать стихов.

Материалы архива поэта с набросками многочисленных планов (автографы № 1–3) подтверждают эти предположения. Скорее всего к концу 1848 г. Жуковский в основном оформил свой замысел. Для обоих вариантов плана, приведенных выше, характерен широкий историко-культурный и библейский контекст (с первых лет христианской эры до Наполеона), но сама тема Наполеона от первого ко второму наброску плана претерпевает достаточно серьезную эволюцию. Если в первом варианте Наполеон упоминается в конце плана как знамение века («Дух битв и гордости») наряду с другими историческими именами – Магомет, Карл Великий, то в следующем наброске с самого начала произведения появляется важнейшая для поэмы Жуковского встреча Агасфера и Наполеона на острове Святой Елены, определяющая один из основных конфликтов произведения, его поэтическую композицию. В таком виде наполеоновская тема придает «Странствующему жида» не только историко-культурный, но и актуальный нравственно-философский и общественно-исторический характер. Исповедь Агасфера, важнейшая сама по себе, как квинтэссенция проблемы жизнестроения, будучи обращенной к Наполеону, становится сюжетным центром произведения.

Многочисленные планы к поэме (см. автографы № 2, 3, 4) позволяют говорить о возобновлении работы над «Странствующим жидом» в 1848 г. Возможно, революционные события в Европе активизировали мысль поэта и вызвали его ответную реакцию (см. написанное в 1848 г. стихотворение «К русскому великану» и творческие связи с Ф. И. Тютчевым, поэтом и автором программной статьи «Россия и Революция». Об этом подробнее: РА. 1873. № 5. Стб. 0912, а также: Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886. С. 135–136).

Характерно, что планы поэмы находятся в непосредственном соотношении с материалами рукописной книги Жуковского «Мысли и замечания» (о ней подробнее см.: Наше наследие. 1995. № 33. С. 46–65. Публикация А. С. Янушкевича), где поэт ставит важнейшие вопросы русской общественной и религиозной мысли.

В течение 1848 – начала 1850 гг. мысли Жуковского постоянно возвращаются к замыслу поэмы. В письме к Гоголю от 20 января (1 февраля) 1850 г. Жуковский говорит: « (...) хотелось бы написать моего "Странствующего жида", но это могу сделать только урывками (...) План "Странствующего жида" тебе известен; я тебе его рассказывал и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов». Далее Жуковский обращается к Гоголю с просьбой дать ему «локальные краски Палестины» и конкретизирует это следующим образом: « (...) я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима» (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 266). Если учесть, что Гоголь жил у Жуковского во Франкфурте 3–22 октября н. ст. 1846 г. (см.: Гоголь. Т. 13. С. 12) и встречался с ним в Эмсе в середине июля 1846 г. (там же. С. 17), то можно высказать предположение, что замысел «Странствующего жида» не покидал Жуковского на протяжении почти всех 1840-х гг. Однако только после окончания перевода «Одиссеи» он обретает уже реализацию.

Пиком работы над «Странствующим жидом» явился баденский период жизни поэта с июля 1851 г. по март 1852 г. Летом 1851 г. Жуковский заболел воспалением глаз и просидел 10 месяцев в темной комнате. Но замысел поэмы настолько волновал поэта, что он незамедлительно взялся за нее. В сентябре 1851 г. он писал Плетневу: « ... я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назад тому десять лет, которой идея лежала с тех пор в душе не развита и которой создание я отлагал до возвращения на родину, до спокойного времени оседлой семейной жизни (...) Вдруг дело само собой началось: (...) всё льется изнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читают мне то, что нужно, и чего сам читать не могу именно в то время, когда оно мне нужно для хода вперед. Что напишу с закрытыми глазами, то мне читает вслух мой камердинер и поправляет по моему указанию. В связи же читать не могу без него. Таким образом леплю поэтическую мозаику и сам еще не знаю, каково то, что до сих пор слеплено ошупью; кажется однако живо и тепло (...) Думаю, что около половины (до 800 стихов) кончено. Если напишется так, как думается, то это будет моя лучшая лебединая песнь» (С 7. Т. 6. С. 601. – Курсив Жуковского).

Об этом же он пишет А. П. Елагиной 3 (15) января 1852 г. «Предмет, мною выбранный, имеет объем гигантский. Тому более десяти лет, как мне пришла в голову первая мысль и как я написал первые двадцать или тридцать стихов. Я принялся за исполнение моей мысли при начале теперешней моей болезни; (...) половина поэмы написана, и тем, что написано, я доволен (...) Вот уже три месяца, как работа остановилась, через несколько дней опять примусь за нее. Дай Бог, чтоб я выразил во всей полноте то, что в некоторые светлые минуты представляется душе моей...» (УС. С. 86). 10 апреля 1852 г. Жуковский говорит И. И. Базарову: «Я написал поэму, она еще не кончена. Я писал ее слепой нынешнюю зиму. Это "Странствующий жид" в христианском смысле. В ней заключены последние

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь. Я бы хотел, чтобы она вышла в свет
после меня» (Жуковский в воспоминаниях. С. 453).

Издатели Жуковского выполнили просьбу поэта после его смерти. В С 5 (т. 10. С. 3–81) впервые была напечатана поэма В. А. Жуковского, но с большим количеством серьезных отклонений от рукописи поэта, грубых переделок текста, что затем вошло в следующее С 6.

Попытка восстановить текст поэмы по рукописи сделана П. А. Ефремовым в С 7 (т. 5. С. 167–214). Здесь исправлены основные искажения текста Жуковского, допущенные редактором Д. Н. Блудовым в первом посмертном издании (С 5).

Издатель насчитал до 85 подобных искажений (см. построчный комментарий). Однако и в С 7 имеются отступления от рукописи. Это – разбивка на части и от-дельные, редкие, хотя и значительные, неточности в словах.

Далее, в вышедшем после С 7 отдельном издании «"Странствующий жид", предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. СПб., 1885», пред-принято С. И. Пономаревым, сделан следующий шаг в издательской истории поэмы. В ряде случаев С. И. Пономарев уточняет текст «Странствующего жида» по рукописи. Однако при всей ориентации на рукопись поэта, у Пономарева допущены отступления от нее на том основании, что, по мнению издателя, ослепший поэт «не мог видеть каждый стих, как он начинается и как оканчивается» (С. 5). Вследствие этого Пономарев позволил себе поправить некоторые стихи Жуков-ского, иногда возвращаясь к мнению Блудова, чаще всего отступая от важнейших принципов эстетике Жуковского и конфликта произведения. Например, в ст. 70 рукописи было:

«В их [звездах. – Ф. К.] глубине была невыразима неизглаголанная тишина».

Пономарев вслед за Блудовым избегая, как он говорит, «плеоназма» («невыразима неизглаголанная»), меняет принципиально важное для эстетики Жуковского слово «невыразима» на ничего не говорящее в данном случае слово «невозмутима» (С. 70). Столь же неубедительна поправка рукописи поэта в ст. 192. Вместо: «Сказал: "Куда, Наполеон..."» у Пономарева появляется: «Сказал: "Наполеон..."» Здесь правка из-дателя изменяет смысл стиха, т. к. у Жуковского «Куда, Наполеон...» – не только обращение, но и стремление предостеречь Наполеона от губельного, с точки зре-ния Агасфера, поступка (умереть без раскаяния). О других издательских просчетах Пономарева см. в построчном комментарии.

Вместе с тем издание Пономарева внесло определенный вклад в эдиционную историю «Странствующего жида» не только отдельными справедливыми поправ-ками, о чем речь шла выше. Значение работы Пономарева еще и в том, что автор расшифровал и опубликовал в примечании зачеркнутые и не вошедшие в коммен-тарий ни к одному изданию стихи, в том числе значительные для понимания рабо-ты Жуковского. В приложении к изданию Пономарева приведено более 18 стихо-творных отрывков, зачеркнутых Жуковским, иногда перенесенных в другое место поэмы, иногда убранных совсем, но представляющих для исследователя бесспор-ный интерес, особенно в связи со сложными обстоятельствами создания рукописи «Странствующего жида». Неслучайно эпиграфом к реестру пропущенных стихов и вариантов поэмы Пономарев взял слова Пушкина: «Нам следует подбирать то, что бросает Жуковский».

С 8, предпринятое П. А. Ефремовым, вышедшее в том же году (1885), что и изда-ние Пономарева, полностью повторило С 7. Но уже С 9 (1894) явилось существен-ным шагом в издательской практике. Во-первых, П. А. Ефремов внес в текст поэмы последние 65 стихов, основываясь на публикации И. А. Бычкова. Во-вторых, точно отметив основные ошибки издания Пономарева, П. А. Ефремов учел его опыт: ис-правил допущенные им в С 7 отклонения от рукописи (см. ст. 152, 277–278, 569, 796, 840, 857), указал в подстрочных примечаниях наиболее значимые варианты, зачеркнутые поэтом стихи и, следуя последней воле поэта, озаглавил произведе-ние Жуковского «Странствующий жид».

Все это в главном повторено в ПСС (за исключением вступления: «Солнце скло-нялось...»). Таким образом, решая достаточно сложную эдиционную проблему по-следней поэмы Жуковского и ее текстологии, следует указать на С 9 как наиболее точное и полное издание, положенное нами в основу предлагаемой публикации.

В центре произведения – средневековая легенда об Агасфере, которая, как известно, вызвала широкий резонанс в европейской литературе. Образ «вечного скитальца», ищущего смысл жизни, вечные нравственно-философские, религиозно-этические и эстетические проблемы привлекали внимание многих поэтов и писате-лей, среди которых были Гёте, А. Шлегель, Д. Шубарт, Н. Ленау, Цедлиц и Шамис-со, Льюис и Шелли, Кине и Э. Сю, Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский. В библиотеке Жуковского были собраны многие из этих произведений, а также сохранилась сво-еобразная библиография всех источников легенды и ее поэтических переложений: «Die Sage vom evvigen Juden, historisch entwickelt, mit verwandten Mythen verglichen und kritisch beleuchtet. Von Dr. J. G. Th. Grasse. Leipzig, 1844» (Описание. № 1169). Об этом подробнее см.: Янушкевич. С. 260.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Жуковский в своей поэме концентрировал внимание на личности героя, на проблеме его психологического развития, акцентируя тем самым свою главнейшую поэтическую концепцию – концепцию жизнестроения. С другой стороны, Жуковский в своей «лебединой песне» решал важнейшие для себя общественно-исторические, нравственно-философские проблемы. Поворотным моментом в сюжете поэмы является встреча Агасфера с Наполеоном на острове Св. Елены, что помогло поэту узреть «антагонизм между двумя противоположными представлениями о цели и назначении человеческого бытия» (Базипер О. Ф. Легенда об Агасфере или Вечном жиде и ее поэтическое развитие во всемирной литературе // Варшавские университетские известия. 1905. Кн. 3. С. 2).

Оригинальность в воплощении Жуковским вечного сюжета видна прежде всего в религиозно-мифологическом осмыслении материала. Об этом свидетельствует библейская основа поэтики «Странствующего жид», проникнутого цитатами и реминисценциями из Священного Писания. В ноябре 1851 г., в период интенсивной работы над поэмой, Жуковский просил у протоиерея И. И. Базарова растолковать, «как изъясняет наша Церковь или наши церковные писатели главные видения Апокалипсиса», и прислать ему «Начертание церковно-библейской истории» митрополита Филарета Московского, книги епископа Иннокентия и А. Н. Муравьева (РА. 1869. Стб. 87–88).

Среди источников поэмы были, по всей вероятности, использованы, кроме Св. Писания, и другие церковно-исторические сочинения («Церковная история» Евсевия Кесарийского, Послание к римлянам священномученика Игнатия Богоносца, «Иудейская война» Иосифа Флавия). Об этом см.: Долгушин Д. Последняя поэма В. А. Жуковского // Филолог. Новосибирск, 2000. №1. С 36–38.

Интерес Жуковского к географии и истории Святой земли также мог быть вызван замыслом его поэмы. Об этом интересе красноречиво свидетельствует обилие библейских словарей в его библиотеке, внимание его к впечатлениям паломников в Святую землю: кроме известного случая с Гоголем, отметим, что в книге Ф. Шато-бриана «Itineraire de Paris a Jerusalem et de Jerusalem a Paris» Жуковским отчеркнуто на полях описание долины Иордан и Мертвого моря (см.: Chateaubriand K R. Oeuvres completes. Paris, 1840. Vol. 4. P. 145–146, 147).

Несмотря на очевидную сложность условий, в которые был поставлен ослепший поэт в своей работе над «Странствующим жидом», рукопись поэмы, несущая следы неоднократного возвращения к тексту, следы правки, в том числе и рукой поэта, карандашом и чернилами, позволяет уловить некоторые особенности творческого процесса.

Прежде всего, в работе над текстом поэмы Жуковский настойчиво подчеркивает эволюцию Агасфера, его психологическое развитие. В начале поэмы, на протяжении почти половины произведения (почти 700 стихов) поэт, характеризуя своего героя, усиливает черты его отверженности от Бога и людей. Например: Первоначальный вариант Окончательный вариант Ст. 247. Живой, им страшный и чужой... Мертвец им страшный и против-Здесь всюду усиливается озлобленность, богоотступничество Агасфера, что призвано оттенить его последующую эволюцию.

В процессе создания «Странствующего жид» очень большое место и время занимает работа Жуковского, связанная с поэтическим переложением картин «Апо-Ст. 575–576. С отвержением бешено упорным Против его посланника пошел я бедный... Ст. 578. Чужой в дорогу с места рокового... ный...

И с несказанной ненавистью против Распятого – отчаянно пошел я... Враг, от того погибельного места... калипсиса». Они даются сразу же после встречи с любимым учеником Хрисга на Патмосе в целебном сне героя и являются важнейшим этапом его духовного развития.

Как показывают письма, Жуковский придавал исключительное значение открытию Иоанна Богослова, стремясь разобраться в сложной системе его образов, осмыслить их значение для концепции «Странствующего жид». В ноябре 1851 г., в период активной работы над поэмой, Жуковский просил, как указывалось, у протоиерея И. И. Базарова объяснить ему «главные видения Апокалипсиса», «как их изъясняет наша церковь». А уже в следующем письме от 5 (17) декабря 1851 г. Жуковский уточняет смысл своей просьбы: «Я желаю знать, нет ли у Вас объяснения Апокалипсиса, утвержденного нашей церковью; если нет, то и не нужно. Смысл главных видений Апостола мне нужен в поэтическом отношении, как-нибудь справлюсь» (С 7. Т. 6. С. 651).

Поэт очень долго, около пяти месяцев, работал над Апокалипсисом (несмотря на то, что он торопился закончить произведение). Об этом говорит большой подготовительный материал, несколько редакций и вариантов. Черновой вариант, включающий 828 ст., Жуковский сокращает сначала до 144 ст., а затем, чтобы не

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский нарушил целостность поэмы и сохранил динамику повествования, доводит текст своего Апокалипсиса до 60 ст. Поэт очень внимательно отнесся к новозаветному пророчеству и строго следовал ходу его рассказа, хотя и взял из него только наиболее важные, с его точки зрения, образы и опустил большой материал назидательного и обличительного характера (подробнее см.: Пономарев. С. 84–87). Из 60 ст. Апокалипсиса Жуковского почти половина – о возрождении новой жизни. Для русского поэта Апокалипсис – это не только конец света, но и начало великого возрождения, путь к которому – покаяние и вместе с ним победа «духовного света».

Большая и длительная работа над Апокалипсисом свидетельствует не только о важности библейского материала для проблемы жизнестроения центрального героя и ее авторского смысла. Здесь проявлены и принципиально важные черты поэтики позднего Жуковского, особой пространственно-временной архитектоники его произведения. Идеи преображения жизни в Новом Иерусалиме предшествуют очень важные утверждения пророка: «времени больше не будет» – это означает мистический выход за пределы обычной действительности, с помощью которого реализуется идея возрождения и преображения. Жуковский, видимо, настойчиво искал средства для выражения мистической глубины Апокалипсиса, сложной вереницы образов и аллегорий, отобрав из них лишь те, которые наиболее соответствовали его поэтической концепции. Об этом подробнее см. комментарий первоначальных вариантов «Апокалипсиса» в наст. томе.

« (...) для этих чудес нет "слов", – скажет А. Н. Веселовский в связи с поэмой Жуковского, – они невыразимы; созерцание становится смиренным, бессловесным предстоянием перед величием Божия создания, блаженной молитвой» (Веселовский. С. 456).

Строки о сущности поэзии в конце поэмы очень близки его поэтическому манифесту – драматической поэме «Камозэнс»:

Такою пред Его природой чудной
Сливается нередко вдохновенье
Поэзии. Поэзия зет пая

Сестра небесных молитв, голос
Создателя, из глубины созданья
К нам исходящий чистым отголоском
В гармонии восторженного слова...

Выше, в связи с анализом планов к «Странствующему жида» говорилось о принципиальной важности для Жуковского наполеоновской темы. Это проявляется в самом характере той части рукописи, где говорится об острове Св. Елены и Наполеоне, сидящем на скале перед океаном («Сидел один над бездной на скале»). Созданный поэтом величественный тоpos океана («беспредельность вод», «беспредельность неба», «с небесами слившееся море», «великое спокойствие в пространстве») несет в себе универсально-онтологический смысл, оттеняющий «призраки триумфов», «тщету славы», «тени сражений», «весь ужас» судьбы Наполеона и вместе с тем трагическое величие его фигуры. Это стихи, созданные на едином дыхании, без единой поправки, казалось бы, вылились из глубины души поэта.

Жуковский настойчиво называл свое произведение «поэмой». И это кажется не-сколько странным на фоне его раздумий об эпической поэзии, о повествовательном эпосе, о стихотворной повести. Но это только на первый взгляд. Для Жуковского-го, переводчика «Одиссеи», современника гоголевской поэмы «Мертвые души», «Странствующий жид» стал поистине «поэмой нашего времени», современной «Одиссеей». Поиски веры и своего пути, идея духовного странствия превратили библейскую историю о «вечном жиде» в современную историю о вечном страннике и мученике.

Несмотря на незавершенность, сразу же по выходе в свет «Странствующий жид» обратил на себя внимание многих современников Жуковского и истинных ценителей его творчества.

По мнению П. А. Вяземского, «Странствующий жид» – поэма, занимающая «место первенствующее не только между творениями Жуковского, но едва ли не во всем цикле русской поэзии» (Вяземский П. А. Из объяснений к письмам Жуковского // Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. М., 1867. С. 151). Для А. Н. Муравьева «Вечный жид» – «последняя чудная поэма Жуковского, (...) где хотел он изобразить нравственное, религиозное направление современной ему эпохи, и это была его лебединая песнь» (Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 25–26). О «Странствующем жиде» как о «лучшем труде» великого поэта говорит и П. А. Плетнев (С 7. Т. 6. С. 592–593), «лучшей, лебединой песнью» Жуковского считал «Странствующего жида» А. Н. Веселовский (Веселовский. С. 452). Развернутый отзыв о последнем произведении Жуковского оставил в своем дневнике (запись от 8 сентября 1853 г.) И. В. Киреевский: «... читал Агасвера, читал с сердечным восхищением и хотя сказка основание этой поэмы – и сказка

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
нелепая – у нас даже не народная, – однако к этой сказке п(ри)ложено столько прекрасного, столько истинного, что ее нельзя читать без глубокого умиления. Завязка внешняя осталась необъясненной. Для чего Агасвер сходится с Наполеоном, до сих пор непонятно. Но внутренняя завязка, кажется, заключается в том, чтобы представить, как благодать мало-помалу проникает в душу, оттолкнувшую ее сначала. Агасвер представляет человека вообще, обращающегося к Богу. Но в конце поэмы состояние души его представляет, кажется, личное собственное состояние души самого поэта, и тем еще драгоценнее для нас, особенно когда мы (в)спомним, что последние строки были диктованы в последние дни его святой жизни» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 19. л. 9; опубликовано: Müller E. Das Tagebuch Ivan Vasil'evic Kireevskij's, 1852–1854 // Jahrbticher ftir Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Jahrgang 1966. Heft 2/Juni 1966. Bd. 14. S. 167–194).

Симптоматично, что Юстинус Кернер (1786–1862), немецкий писатель-романтик, проявлявший повышенный интерес к возможности общения людей с миром духов и к малоизученным и загадочным явлениям человеческой психики, заинтересовался поэмой Жуковского настолько, что высказал желание перевести ее на немецкий язык в стихах (см. об этом в цит. письме Жуковского к И. Базарову от 10 апреля 1852 г. Ср.: Веселовский. С. 453). Однако перевод не был осуществлен, возможно, из-за смерти Жуковского.

Ст. 8–10. Переступив, под иошею Его давившей, ~ Им схваченную, давит, падал сно-ва. – В первом издании поэмы (С 5) эти стихи были заменены одним: «Переступив под ношей, снова падал...» Восстановлены в С 9 как не зачеркнутые и не изменен-ные самим поэтом в авторизованной белой копии.

Ст. 26. На плечи Симона из Кирипеи... – Речь идет об одном из иудеев из г. Ки-риней, которого заставили нести крест Спасителя на Голгофу (Мф. XXVII, 32; Мрк. XV, 21 и др.).

Ст. 42. Заметил, что на Мории, над храмом – Имеется в виду гора Мориа, на которой был построен Иерусалимский храм (Быт. XXII, 2).

Ст. 171. ... как голова смертельная Горгоны... – В С 5 было: «... как голова Гор-гоны...»

Ст. 177. И всю ему проникло душу отвращенье... – У Пономарева переставлены слова: «И душу всю ему проникло отвращенье...»

Ст. 254. День настает, ночь настает, они... – В черновом автографе: «Выходит день, заходит день, они...»

Ст. 263–264. На этой братской трапезе созданий II Мне места нет; холсу кругом трапезы... – Черновой вариант: «За этой трапезой созданья, // Мне места нет; хожу кругом нея».

Ст. 267. И сонный не страдал... – В С 5: «В сем мире не страдал...»

Ст. 327. Который ядом слова одного... – У Пономарева: «Который силой слова одного...» Пономарев возвращается к варианту С 5 на том основании, что христиа-нин Агасфер не мог так сказать о Христе (С. 102). Однако слова эти произносит еще не христианин, а богоотступник, у которого «... яростью кипела// Вся внутренность против Него» (ст. 325–326).

Ст. 361. Стефан, побитый камнем, замучен... – Речь идет о первом мученике за Христа, одном из 70 апостолов (Деян., VII, 59–60).

Ст. 362–363. Когда потом прияли муку два II Иакова... – 1) Иаков Зеведеев – апостол от Двенадцати, усечен мечом при Ироде Агриппе I в 44 г. (Деян., XII, 2); 2) Иаков Праведный, апостол от Семидесяти, который мученически скончался в 62 г. по Р. Х. (см.: Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 45–47, 72– 75).

Ст. 365–366. Пронесся слух, что Петр был распят в Риме, IIA Павел обезглавлен... – Речь идет об апостоле Петре, ученике Иисуса Христа (его постигла мученическая смерть: при Нероне был распят вниз головой), и об апостоле Павле, который по приказу Нерона принял мученическую кончину около 67 г. до Р. Х.

Ст. 371. При Ироде-царе рожденный... – Речь идет об Ироде I (Великом), царе Иудеи (37–4 гг. до Р. Х.).

Ст. 372–373. ... видел II Все время Августа... – Римский император Октавиан Август (Augustus) (27 до н. э. – 14 н. э.).

Ст. 372–373. ... потом три зверя, II Кровавой властью обесславив Рим... – Речь идет о следующих трех римских императорах: Тиберий (14–37 н. э.), Калигула (37–41 н. э.), Клавдий (41–54 н. э.).

Ст. 374. ... властвовал четвертый – Нерон... – Нерон (54–68 н. э.) – римский император, отличавшийся деспотизмом и гонениями христиан.

Ст. 411–412. Веспасианов сын – извне – пути IIIз града все загородил... – Речь идет о Тите (39–81 н. э.), римском императоре с 79 г. В иудейскую войну разру-шил Иерусалим (70 г.). Его отец Веспасиан в 66 г. начал подавление Иудейского восстания. В 69 г. Веспасиан стал императором. В черновом варианте зачеркнуто: «Все бедствия в одну беду слилися. // Веспасианов сын – извне – исходи...»

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Ст. 443. Погиб Господний град, и от созданья... В С 5: Погиб Ерусалим – и от соз-данья...
 Ст. 457. ...скиния открылась... – Имеется в виду Святая Святых Иерусалимско-го храма.
 Ст. 459... ковчег Завета... – Имеется в виду ковчег (каппорет), в котором храни-лись ветхозаветные святыни: скрижали Завета, сгамна манны и процветший жезл Аарона. При разрушении Иерусалима был сожжен вместе с храмом.
 Ст. 466–467. И посреди его, как длинный, гору II Обвивший змей, чернело войско Рима. – Черновой вариант: «И посреди огня, как черный быстро // Бегущий змей, вилися легионы Рима».
 Ст. 503–506. Град каменный, обрушившись с неба ~ То был Ерусалим! Спокойно солнце... – Черновой вариант имел следующий вид:
 Град каменный, упавший с неба, разом Осыпал – и нигде глаза не зрели живаго человека – это был Ерусалим. В спокойном блеске солнца...
 Ст. 519. Мне выразилось вдруг в остане этом... – В черновом варианте: «Изра-зилось вдруг на этом трупе...»
 Ст. 528. И бешеное произнес на все... – Черновой вариант: «И произнес, оборотясь к Голгофе...»
 Ст. 538. Лишь тень промчавшегося быстро мига. – Далее было зачеркнуто: «Не буду я описывать всего».
 Ст. 546–551. «Да будет проклят день, когда сказали: II Родился человек, и проклята II Да будет ночь, когда мой первый крик II Послышался; да звезды ей не светят, II Да не взойдет ей день, ей– незапершей I/'Меня родившую утробу!..» – Иов, III, 9–10. Перво-начальный вариант ст. 550–551: «Меня родившую утробу; ей, // На свет меня пу-стившей. А когда я...»
 Ст. 553. О том, сколь малодневен человек... – Вместо «малодневен» было «скоро-течен».
 35 – 1368
 54?
 Ст. 554–556. «Как облако уходит он, как цвет //Долинный вянет он, и место, где II Он прежде цвел, не узнает его.» – Иов, 7, 9.
 Ст. 562. Когда па небе облако свободно... – Черновой вариант: «Как облако среди небес пустынных...»
 Ст. 571. Во всем творении я ненавидел... – В черновом автографе было: «Всего живущего я ненавидел...»
 Ст. 585. Я побирался... Милостыню мне... – Этому стиху предшествовал следую-щий зачеркнутый фрагмент текста:
 Я шел вперед, без воли, без предмета и без надежды, где остановиться Или куда дойти; я не имел Товарищей; со мною братства люди Чуждались; я от них гостеприимства и не встречал, и не просил; как нищий, Я побирался...
 Ст. 654. Орлов, сдирающих с костей обрывки... – В черновом варианте: «Орлов, клюющих на костях обрывки...»
 Ст. 656–657. Когда исчез под лавой Геркуланум II И пепел завалил Помпею... – Речь идет о городах в Италии, частично разрушенных и засыпанных пеплом при извер-жении Везувия в 79 г. н. э.
 Ст. 684–685. ... по затвори молчаньем /Уста... – Черновой вариант: «... но на замок запи // Уста...»
 Ст. 688. Тогда был век Траяна – Траян, римский император с 98 г. н. э. из дина-стии Антонинов. При нем империя достигла максимальных границ.
 Ст. 695. Аптиохийской церкви пастырь... – Речь идет о старце, священномуче-нике Игнатии Богоносце, епископе Антиохийской церкви. Как указывает книга Деяний Святых апостолов, в Антиохии ученики Христа впервые стали называться христианами (Деян., XI, 26). С апостольских времен она была одним из крупней-ших церковных центров.
 Ст. 703. Людей там собранных... – В черновом варианте: «Народа, собранного там...»
 Ст. 726–728. «Тебя, – запели тихо, – Бога, хвалим, II Тебя едиными устами в смертный II Час исповедуем...» – Видимо, реминисценция из гимна Св. Амвросия Медиоланского (к. IV в.), начинающегося словами: «Тебе, Бога, хвалим, Тебе, Го-спода, исповедуем». В то же время это напоминает возглас диакона на Литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» (см.: Долгушии Д. Последняя поэма В. А. Жуковского. С. 42).
 Ст. 752–754. «Должно пшено Господнее в зубах II Звериных измолотья, чтоб Господ-ним /Быть чистым хлебом...» – Неточная цитата из послания священномученика Игнатия к римлянам // Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 330.
 Ст. 756. Тут был он львом обхвачен... – Вместо «обхвачен» было «облаплен».
 Ст. 762. Небесного блаженства полный взгляд!.. – Черновой вариант: «Небес

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
ис-полненный, могучий взгляд...»

Ст. 779. От места крови, плача, удалился... – В черновом автографе: «От места крови медленно пошел // Как торжествующий».

Ст. 799. Внезапная отрада посетила... – После этого стиха было зачеркнуто: Хотя еще к моей груди усталой, По-прежнему, во мраке ночи сон не прикасался; но уже во тьме не ужасы минувшего, как злая Страшилища передо мной стояли, в меня вонзая режущие душу Глаза, а что-то тихое и мне еще неоткровенное...

Ст. 832. Прибила буря к острову Патмосу. – Откр., 1,9.

Ст. 834. ... Там жил изгнанник, старец... – Имеется в виду апостол Иоанн Богослов, сосланный «за слово Божие и свидетельство Иисуса Христова» (Откр., I, 9) на остров Патмос. Здесь он написал Апокалипсис.

Ст. 838. Меня безведомо к нему... – В С 5 и С 6: «Меня невидимо к нему...»

Ст. 841–842. ... пока со мной II вполне моя судьба не совершилась... – В С 5: «До-коле тайна // Судьбы моей вполне не объяснилось».

Ст. 844. Во глубине долины, сокровенной... – В С 5: «И вдруг во глубине долины скрытой...»

Ст. 873–874. Упав, воскликнул: «Помяни меня, II когда во царствии своем приидеши!» – Ак., 23, 42.

Ст. 883–887. «Со страхом Божиим и с верой, сын мой, II к сим тайнам приступи и причастись II спасению души в святом Христа II за нас пронзенном теле и в Христовой II за нас пролитой крови.» – Возглас священника или диакона, при изнесении из алтаря св. Чаши для причащения: «Со страхом Божиим и верою приступите». Ср.: Ак., XXII, 19–20.

Ст. 905–913. Сошел ко мне на вежды сон, и с ним ~ явил очам моей души... – За-черкнутый вариант имел следующий вид: Сошел ко мне на вежды сон и в этом животворящем сне весь чудный прошлый Возобновился день: в виденьях дивных, неизъяснимых, но глубоко мне понятных – всё, что прорицая мне говорил, предстало и прошло в великих образах перед очами моей души...

Ст. 917. Моей душе сияют... – Далее следовало переложение Апокалипсиса, по-мещенное в разделе «Из черновых рукописей и незавершенных текстов» наст. тома под заглавием: «Апокалипсис I».

Ст. 919. Судьбы грядущия... – После этого следовало второе сокращенное переложение Апокалипсиса. См.: Апокалипсис II в том же разделе.

Ст. 939–1017. Я видел трою, на четырех стоящий ~ Начало и конец. Подходит время.» – Жуковский предлагает новый вариант Апокалипсиса и вводит его в канонический текст белой авторизованной рукописи, исключив два предшествующих.

Ст. 939–941. Я видел троп, на четырех стоящий II животных шестокрылых, и на тропе II сидящего с семью запечатленной II печатями великой книгой. III видел, как печати с книги агнец II сорвал...» – Откр. V, 1,7.

35*
549

Ст. 945–946. ... как страшный всадник – смерть – // На бледном поскакал копе – Откр., VI, 8.

Ст. 952–954. Я зрел, как ангел светлый совершил / Двенадцати колен запечатлены II печатаю живого Бога... – Откр., VII, 1–2.

Ст. 965–966. ... и как потом II из моря седмглавый зверь поднялся... – Откр., XIII, 1.

Ст. 969. Сын человеческий с серпом... – Откр., XIV, 14.

Ст. 970–973. ... как на белом II коне потом блестящий светлым, белым II оружи-ем, – себя ж именовал II он «слово Божие» – явился всадник... – Откр., XIX, 11. 13.

Ст. 974–977. Как вслед за ним шло воинство на белых II конях, в виссон одеянное чистый, III как из уст его на казнь людей II меч острый исходил... – Откр., XIX, 14, 15.

Виссон – название тончайшей ткани белого света, приготовленной из льна или хлопка. Первое упоминание о виссонной ткани встречается в книге Бытия в связи с историей Иосифа (Быт. XLI, 42).

Ст. 978–981. Как от того меча и зверь, и рать II его погибли; как дракон, цепями II окованный, в пылающую бездну II на тысячу лет низвергнут... – Откр., XX, 2.

Ст. 982–985. Потом на высоте великий белый II явился троп; как от лица па троне II сидящего и небо и земля II бежали... – Откр., XX, 11.

Ст. 987. ... как мертвых возвратили... – Откр., XX, 13.

Ст. 989–990. Как разогну лас я перед престолом I/ Господним книга жизни... – Откр., XX, 12.

Ст. 994–997. И новые тогда я небеса III землю новую узрел, и град II святой, от

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
 Бога нисходящий, новый II Еру салим, как чистая невеста... – Откр., XXI, 1–2.
 Ст. 998–1001. Сияющий, увидел. И раздался, /Услышал я, великий свыше голос: I
 "Здесь скиния Господня, здесь Господь I жить с человеками отныне будет... – Откр.,
 XXI, 3.
 Ст. 1003–1004. Здесь всякую слезу отрет Он. II Ни смерти более, ни слез, ни
 скорби... – Откр., XXI, 4.
 Ст. 1015–1016. Глас наполнял отсюда говорящий: II "Я Бог живой, Я Альфа и
 Омега... – Откр., XXI, 6, 13.
 Ст. 1017. Начало и конец. Подходит время... – Откр., XXI, 10.
 Ст. 1028–1029. Во тьме моей приговоренной жизни II На казнь скитальца Каина...
 – Имеется в виду сходство судьбы Агасфера с судьбой Каина, приговоренного Богом
 (за братоубийство) на вечное скитание и на долгую жизнь: согласно печати,
 наложенной на Каина, его не могли убить.
 Ст. 1038–1040. ... снеговой I Иермон, Кармил прибрежный, кедроносный II Илван и
 Элеон ... – Название гор в Палестине.
 Ст. 1057. И с ними, самый яростный из всех... – Ср. черновой вариант: «И с ними
 самый ярый из всех // Мучитель – собственное сердце».
 Ст. 1104. Не верует тому, что существует... – Далее был следующий текст:
 Не верует тому, что есть и чем Он мог бы обладать, и для него умерщвлена его
 надеждой вера, и тщетно надеждою своею Он погубил и веру и надежду.
 Ст. 1132. Лежавшей головы моей прошел... – Далее следовал такой зачеркнутый
 текст:
 С благословением – оно невнятно для слуха было, но глубоко слышно душе и
 уладительно, как в знойных Песках внезапное подуновенье Прохлады путнику,
 ненсходимо Пропаавшему в их огненных сугробах.
 Ст. 1172. К ногам отца, готового простить... – Зачеркнуто: «Здесь надо мной
 произнесенной казни // Ту благодать вполне постигнул я. // О, Он в тот миг...».
 Далее шло 14 стихов, вошедших в текст позднее (ст. 1278–1291).
 Ст. 1174. На высоте Голгофы, в покаянии... – Далее зачеркнут большой фрагмент
 текста:
 Там, окруженный разрушеньем страшным Всего, что некогда я называл Своим –
 отечества, Ерусалима, Детей, и ближних, и всего, чем жизнь Нам радостна, –
 лишенный упования на смерть, от тяжкого недуга жизни Целящую, – как выброшенный
 бурей на твердую скалу пловец – я поглядел с смирением в глаза моей Судьбы: Мне
 предстоял величественный ангел, исполненный святого сострадания; Она мой путь
 мне указала, на вечное здесь странствование посох Терпенья подала и я за нею
 Пошел в мой путь...
 Ст. 10–15. имели еще вариант:
 Она Господний строгий ангел, полный Божественного сострадания, мой путь Мне
 указала и покорно я пошел...
 Ст. 1177. Моим житейским благом окруженный. – После этого стиха в черновом
 автографе следовали еще три, зачеркнутые поэтом:
 На месте том, где издыхал разбойник в мучениях креста, я повторил Его молитву и
 пошел с Голгофы...
 Ст. 1181–1182.... до Гефсиманских густотених // Олив. – Речь идет о
 Гефсиманской местности у подножия Элеонской горы. В Гефсиманском саду Иисус
 Христос молился перед своими крестными страданиями.
 Ст. 1195. В молчании всемирном проведенной! – Далее следовал позднее
 зачеркнутый текст:
 В тот миг, когда к вершине Элеонской Горы пришел я, солнце встало на востоке.
 И с этой высоты, с которой, всё Земное совершив, Он от земли Вознесся и в святом
 святых небес Сокрылся – вся судьба людей в едином Мне образе предстала: Ерусалим
 в обломках меж Голгофы и светлостью горою Элеонской лежал покрытый тенью, как будто
 Сиянья воскресительного ждущий.
 Ст. 1208. Сиянья воскресительного ждущий. – Зачеркнуто:
 Таким преобразительным виденьем Был взор мой поражен; моя судьбина вся
 выразилась в нем и с нею вся Судьбина падшего и искупленьем Восстановляемого. Я
 В последний раз с святой горы взглянул...
 Ст. 1227. И с той поры я странствую. Но слушай. – После первой части стиха
 следовал зачеркнутый отрывок:
 ... Один,
 Людьюми незнаемый, в сердца их страх, иль отвращение, или презренья Вселяющий...
 Ст. 1314. Очами видел я... – Далее зачеркнуто:
 ... но вере дверь
 Моей души не отворяла воля,
 И я, проклятый Богом нечестивец,
 Сам проклинал и бешенствовал, жизнь
 Неистребимую безумно силясь

В противность Высшей Воли истребить...

Ст. 1320. Моей судьбы исчезла безотрадность... – В черновом автографе зачеркну-тый вариант: «... вера// Внезапный свет в мою влияла душу...»

Ст. 1326. За Ним, как за отцом дитя, пошел я... – Далее было зачеркнуто: Вдвоем идя бесплодную земною Дорогой, был я несказанным чувством Уединения в великой с Богом, Невидимо присутственным, беседе полон...

Ст. 1372. «Отец! прости им: что творят, не знают!» – Лк., XXIII, 34. у Жуков-ского выделено курсивом.

Ст. 1379–1380– что//Могу я сделать для людей? Но словом... – Черновой вари-ант: «...что // Могу я сделать для людей, бездомный // Бродяга? Нет, могуществен-ным словом».

Ст. 1396. Подателю питаю... – Далее следовал зачеркнутый текст: ... И с тех пор, как этот мир любви в меня нронкнул, Моя судьба утратила свой ужас, И изгнанный оттуда, где князь мира Владычествует, я не властен и желать Благ мнра; я на жизнь людей смотрю с недостижимой высоты, с которой Она видна мне вся, как с Арарата Был виден весь нослепотопный, новый, Собравшийся кругом его подошвы Род человеческий; одним ее Объемлю взором я, всех чуждый Ея волнений, благ и бедствий, сердцем Их разделяющий, но одинокой Моей судьбой им непричастный; мне Нет места ни в каком семействе.

Ст. 1398–1404. ...любовь, // которая не ищет своего, П Не превозносится, не мыслит зла, II Не знает зависти, не веселится II Неправдою, не мстит, не осуждает; II Но мило-сердствуе?п, но веру емлет //Всему, смиряется и долго терпим. – 1. Кор., III, 4–7.

Ст. 1414. В ея земных явленьях насладится. – Черновой вариант: «В ея земных виденьях любоваться».

Ст. 1428. Отец и мать кладут во гроб; когда... – После этого стиха зачеркнуто: Могучий юноша, вступить готовый В бой с жизнью, бездыханный лежит Когда в тюрьме...

Ст. 1442. Его не зная, сохранившим... – Далее было зачеркнуто: ... Ропот Однако чужд мне, я постиг вполне Величие меня сразившей казни.

Потом следовали ст. 1471 и далее, а ст. 1440–1470 были приписаны впослед-ствии.

Ст. 1484–1487. Преступнику суда, – вас навсегда ~ Надежду и любовь преобрати-ло. – Ср. черновой вариант:

... вы навсегда

Раскаяньем в мою вонзились душу, Вы в ней неистощимой скорбью Надеждой и любовню хранимы.

Ст. 1490. Он дал в замену мне Себя... – Далее в черновом варианте следовало, но было зачеркнуто:

... и привязал

Меня к себе раскаяния силой Неразрешимую; за Ним вослед...

Ст. 1495. Корысти, сладострастья, славы, власти. – Далее зачеркнуто:

И если я, забывшись иногда Вздохну усталый о покое смерти, Я чувствую, что руку мне – Его Рука спасительная жмет, и близость Его моей душе тогда слышнее.

Ст. 1504. «Твое, а не мое да будет!» – Лк., XXII, 42. Жуковский выделяет эти слова курсивом.

Ст. 1555–1558. Уединения, в неизреченном... ~ Блаженно?о становятся молит-вой... – Ср. черновой вариант:

... в присутствии незримом Создателя, и зрелище чудес Создания становится во мне Блаженною души и уст молитвой.

Ст. 1621. Стоватныя египетская фивы... – Речь идет о древнем египетском городе, политическом, религиозном и культурном центре Египта. С этого стиха продолжение поэмы впервые было напечатано И. А. Бычковым лишь в 1887 г. (см.: Бумаги Жуковского. С. 147–148).

Ст. 1621–1623. Фивы... II Вавилон... IIНиневия, пепел Персеполя... – Жуковский перечисляет столицы могущественных древних империй: Фивы – столица Египта эпохи Нового царства, Вавилон – столица Нововавилонского царства, Ниневия – столица Ассирийской державы, Персеполь – одна из столиц Персидской державы.

Ст. 1657. Принесши все Молоху государство... – Молох – в переносном смысле – страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

Ф. Кану нова

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

Как и при публикации лирики Жуковского (см.: т. 2. с. 350–384 насг. изд.), 4-й том завершается подборкой обнаруженных в архиве поэта незавершенных текстов сказок и повестей. Частично эти тексты были опубликованы в различных (чаще всего дореволюционных) изданиях, ставших уже библиографической редко-стью, но в искаженном и урезанном виде. Расшифровка, восстановление текста в максимально полном объеме, его датировка – такова была первоочередная задача данного издания.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Во-вторых, среди черновых рукописей и незавершенных текстов повестей ока-зались
планы неосуществленных произведений, во многом определяющих тен-денции жанрового
развития поэта. Планы исторической поэмы «Владимир» и описательной поэмы
«Весна», планы-наброски повести балладного типа «Родриг и Изора», конспект
вальтерскоттовской «Девы озера» раскрывают сам творческий процесс, его
характерные тенденции. В соотношении с планами осуществленных сказок и повестей,
которые приводятся в примечаниях к текстам основного корпу-са, эти планы
проясняют путь Жуковского к повествовательным формам, принци-пы отбора
материала.

В-третьих, именно в связи с черновыми набросками, многие из которых публи-куются
впервые, остро встает вопрос о их иноязычных источниках. Если заглавия некоторых
текстов («Белокурый Экберт», «Альфы», «Оберон», «Родрик», «Бальзо-ра») не
вызывают особых сложностей в атрибуции их авторства, то наброски без заглавий
или же обращение Жуковского к «экзотическим» текстам, отвечающим его концепции
воспитательного эпоса (религиозные брошюры, массовая повесть, журнальные
публикации), потребовали специальных разысканий.

К сожалению, в рабочих тетрадях поэта остались черновые наброски, на кото-рые
обратил внимание в свое время И. А. Бычков при описании архива Жуковско-го (см.:
Бумаги Жуковского), почти не поддающиеся расшифровке. Так, в рукописи со
стихотворениями 1843–1846 гг. точно датирован: «9 декабря 1845» – фрагмент
перевода или переложения, имеющий в нашей реконструкции следующий вид:
Давно давно в Бретани жил король. Он был могуч, он был богобоязнен, Был мудр и
кроток; как он назывался Никто не ведаёт. И он имел Прекрасную, как день
весенний, дочь По имени (Трифину). Эта дочь Была так благонравна, так добра и
так ко всем приветлива, (что как) в народе говорили об ней: под видом Принцессы
нашей ангел Божий с нами Живёт. Король же в ней души Своей не чаял; [2 нрзб.].
Но вот случилось, что к королю Пришли [3 нрзб.]. Земли послы; а были те послы от
графа; он [нрзб.] чёрной (Розы)...
(РНБ. Оп. 1. № 53. л. 51 об.)

Среди «Повестей в стихах» 1843–1847 гг. находится текст (вначале поэтиче-ский):
В одном подвале полутёмном Анахоретом жил паук. Был мастер он [нрзб.] В
искусстве мысли; и науки какие только пачкову Понятию доступно охватить,
переходящий в прозаический, где речь идет о взаимоотношениях мух и пауков,
пу-тешествии паука-анахорета по дому, о его изгнании «детьми с метлою» из
подвала (РНБ. Оп. 1. № 54. л. 60).

Эти опыты позднего Жуковского в случае установления их источников, так как, по
всей вероятности, речь идет о переводах или скорее о переложениях прозы,
небезынтересны для определения общей концепции его воспитательного эпоса,
структуры и характера замысла «Повестей для юношества». При атрибуции источ-ника
облегчится работа и по расшифровке набросков, написанных сокращённо и крайне
неразборчиво.

Обращают на себя внимание «лабораторные» опыты Жуковского на страницах книг из
его личной библиотеки. Так, в первом томе «Семи книг восточных сказаний и
историй» немецкого поэта Фридриха Рюккерта («Sieben Bucher morgenlandischen
Sagen und Geschichten von Friedrich Rtickert. Vde. 1–2. Stuttgart, 1837»;
Описание № 1988) Жуковский отмечает сказание «Муталаммес и Тарафа» («Mutałammes
und Tarafa»), посвященное трагической судьбе арабского поэта VI века Тарафы ибн
аль Абда (543–569), а на с. 136 делает черновой набросок перевода первой строфы:
Муталам(мес) и Тар(афа)

Два [певца] велик(их) Песнопев(ца)

Говорить красно умели

И прекрасно неть могли.

И донныне эти речи

Сохранилнся и песни.

Петь умели, но не знали

Не читать...

В соотношении с пометами Жуковского в третьей книге восточных сказаний и историй
Рюккерта, имеющими отношение к трагической истории легендарного арабского поэта
второй половины VI века Ангары (Антара ибн Шаддад ибн Амр ибн Муавия аль-Абси),
наполовину негру, набросок сказания о Тарифе, также уби-том вероломно в юном
возрасте, наводит на мысли о связи этих лабораторных опы-тов с трагической
судьбой Пушкина и состоянием самого Жуковского после гибели друга. Год выхода
книги Рюккерта в свет – 1837-й – подтверждает возможность таких предположений.
Подробнее об этом см.: БЖ. ч. 2. с. 519–524.

Небезынтересны для понимания опытов Жуковского в области стихотвор-ной повести
его читательские пометы в «Рейнских сказаниях» Альфреда Реймонта («Rheinlands
Sagen, Geschichten und Legenden. Herausgegeben von Alfred Reumont. Köln u.
Aachen, [1837]»; описанием 1937). Внимание Жуковского прежде всего при-влекло

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh сказание «Зигфрид и Нибелунги» («Siegfried und die Nibelungen»; S. 385), являющееся предысторией главного героя «Песни о Нибелунгах» и известное среди её источников под заглавием «Чудеснейшая история о роговом Зигфриде». Жуковский пытается сначала переложить это сказание в стихи. Возникает следующая черновой набросок:

На Рейне Ксантен [город] [древний] [горный] [Богатый] Старинный град стоит;
Столица Нидерландов Земли он...

Оборвав переложение на полуслове, поэт на верхней обложке книги (хотя по-следовательность работы могла быть и другой) составляет подробный план сказания, акцентируя каждым его пунктом этапы деяний героя. Создаётся своеобразный реестр подвигов Зигфрида (у Жуковского написание имени вариативно: то Зигфрид, то Сигфрид). Вот как это выглядит:

Знгелинда. В лесу. [нрзб.]. Успехи мужа и занятия Снгфрида. Воспитание Снгфрида. Он идёт отыскивать меч. Ми мер. Меч [нрзб.]. Сражение с змеем, [нрзб.] Суд Божий.

Возвращение в Ксантен. Сигфрид идёт отыскивать невесту. Карлик льберих. Сражение с Альберихом. Дракон и клад Нибелунгов. Зигфрид угождает Гюнтеру. Игры. Сватовство. Путешествие к Нибелунгам. Брунгильда. Свадьба и возвращение. Ссора.

(Подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 500–502)

Архивные материалы позволяют говорить о серьезности намерений жуковско-го в отношении повести о юности героя «Песни о Нибелунгах». В списках начала 1845 г. постоянно рядом с уже осуществленными повестями и сказками стоит «Повесть о Зигфриде Змееборце». Поэт вначале даже вписал ее в число уже осуществленных произведений (вслед за «Капитаном Боппом», «Неожиданным свиданием», «Маттео Фальконе» и др.), но затем вычеркнул и назначил исполнение замысла на июнь 1845 г. (см.: РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка). Во всех тщательно разрабатываемых проектах издания «Повестей для юношества» эта история фигурирует неизменно то под заглавием «Повесть о Зигфриде Змееборце, то «Повесть о Зигфриде и Нибелунгах» (там же. А. 1, 2). По всей вероятности, поэт так и не осуществил этот замысел, но сам факт внимания Жуковского к героической истории Зигфрида Змееборца в период подготовки «Повестей для юношества» свидетельствует о том, что этот эпический сюжет имел для него особый смысл, давал материал для его «воспитательной проповеди».

Изучение творческой лаборатории поэта раскрывает грандиозность его проекта «Повестей для юношества», а списки произведений, предназначенных для реализации, свидетельствуют, сколь значимо было в этом замысле место повесгей и сказок. «Повести для детей», «Сказки», «Повести», «Рейнские сказания» – все эти варьирующиеся рубрики наполняются десятками названий. Приведём в качестве примера один из подобных списков под общим заглавием: «Сказки»:

(1.) Красный карбункул (2.) Берендей (3.) Спящая царевна (4.) Миндальное дерево (5.) Кот в сапогах (6.) Красная шапочка (7.) Братец и сестрица (8.) Рауль Синяя борода (9.) Богач и бедный (10.) Иван Царевич (11.) Альфы (12.) Красавица и чудовище (13.) Нибелунги (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 1. Нумерация моя. –А. Я.).

Уже первый взгляд на этот список, относящийся по всей вероятности к середине 1845 г., показывает, что в нём соседствуют реализованные замыслы (№ 1–5, 10), опубликованные ранее прозаические переложения сказок (№ 6–8), оставшиеся в виде набросков м планов (№ 11, 13), известные лишь по заглавиям (№ 9, 12; сказка «Богач и бедняк», видимо, восходит к сказке бр. Гримм «Zwei Bruder», а «Красавица и чудовище» – к одноименной сказке французской писательницы Ж.-М. Лепренс де Бомон).

Таким образом, «Повести и сказки» – естественное звено поэтической эволюции Жуковского, ярчайшее проявление его разнообразных поисков в области стихотворного эпоса и органическая часть его творческой лаборатории. Раздел «Из черновых рукописей и незавершённых текстов» расширяет представление об этой стороне творческой деятельности поэта.

А. Янушкевич

Бальзора

(«Зорам, владыка Вавилона...») (С. 310)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 48) – черновой набросок сг. 1–23, из которых четыре зачеркнуты; затем перебеленный с последующими исправлениями.

Заглавие «Бальзора» (первоначально: «Зюлима») написано крупно и подчеркнуто. Над ним, совершенно независимо от основного текста, записано два стиха, которыми, судя по всему, поэт намеревался завершить перевод.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 22. Ст. 1–4.

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 495–496 (с включением вариантов и

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh (вычеркнутых слов и стихов).

Публикуется по тексту первой полной публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: приблизительно 1806 г.

Как установила Х. Эйхштедт (см.: Ekhstadt H. Zukovskij und Wieland // Die welt der Slaven. 1967. N. 3. S. 254), источником перевода является ранняя поэма немецкого писателя К.-М. Виланда (С. М. Wieland; 1733–1813) «Balsora» (1752).

Данное произведение находится во втором томе шеститомного «Приложения» («Supplemente») к Собранию сочинений Виланда (Wieland's sammtliche werke. Vde. 1–37. Leipzig, 1794–1805.). Это «Приложение» (Wieland's sammtliche werke. Supplemente. Vde 1–6. Leipzig. 1797–1798) имеет самостоятельную нумерацию частей и выходило параллельно с 27–30-м тт. основного издания. В библиотеке поэта находятся оба издания с его многочисленными пометами (Описание. № 2389, 2390; БЖ. ч. 2. С. 337–417). «Бальзора» включена во второй раздел 2-го тома, озаглавленный «Erzählungen» и является первым из шести, составляющих данный раздел произведений, названия которых в оглавление не вынесены.

В списках произведений под заглавием: «Что сочинить и перевести», относящихся предположительно к 1806 г. (РНБ. Оп. 1. № 12. А. 51), последним значится «Balsora». Вероятно, после приобретения второго тома «Приложений» к сочинениям Виланда, издание которых было закончено в 1805 г., Жуковский обратил внимание на эту поэму и включил ее в список своих замыслов. В пользу датировки текста 1806-м г. свидетельствует и его положение в рукописи. Набросок «Бальзоре» находится в окружении произведений 1806 г. (см.: Бумаги Жуковского. С. 20–23).

Как указывает в примечании Виланд, сюжет «Бальзоре» был заимствован им из публикации в журнале Дж. Аддисона (1672–1719) «Зритель» (1711–1714). «Balsora» Виланда представляет собой обширное (443 стиха) эпическое произведение, написанное белым (преимущественно пятистопным) ямбом с мужской и женской клаузулами. Плавность повествования лишь изредка нарушается появлением строк четырехстопного ямба, не влияющих на общий ритмический рисунок произведения.

Действие «Бальзоре» Виланда разворачивается в Багдаде. Сюжет крайне эклектичен. В нем собраны и сплетены в причудливую фантазию многие из известных автору мотивов, сюжетов и жанров, а сам поэт как бы демонстрирует свое владение ими и умение соединить, казалось бы, несоединимое. Так здесь присутствует

анти-тираническая тема, связанная с образом калифа, который сеет вокруг себя смерть и проливает потоки крови. Здесь и история воспитания вдали от двора мудрым лекарем калифа Хелимом двух малолетних отпрысков правящей династии Аббасидов – братьев Абдаллы и Ибрагима, вместе с ровесницей, дочерью Хелима Бальзорой. Особое внимание уделяется описанию ее красоты и добродетелей, возрастающих по мере взросления и изменения отношений между ней и Абдаллой: на смену детской дружбе и совместным играм приходит любовь с ее возвышенными мечтами и невинными ласками. Калиф, прослышав о красоте и добродетели Бальзоре и убедившись в правоте слухов о ее чувствах к Абдалле, немедленно потребовал ее себе в жены, что повергло девушку в ужас, отчего она даже теряет сознание. Бальзоре унесена в покои отца на лечение, которое займет несколько дней.

Мудрый Хелим, стремясь помочь дочери, изготавливает из трав напиток, погружающий ее в летаргический сон, и она объявлена умершей. За ней следует и Абдалла. По приказу калифа молодые люди, которых по мусульманскому обычаю хоронят в день смерти, погребены в фамильном склепе Аббасидов, сделанном из черного мрамора и именуемом «schwarze Haus», куда даже калиф, будучи живым, не имеет права входить.

После окончания действия напиток молодые, до того завернутые лишь в саван, переодеваются в заботливо приготовленную отцом Бальзоре прекрасную, длинную, сверкающую в лунном свете одежду и покидают по тайному ходу Черный Дом. Их встречает Хелим и ведет в долину горы Какан, напоминающую своей природой рай, где они будут жить долго и счастливо и передадут свое благородство и добродетели детям.

Между тем сам калиф умер, а его место занял Ибрагим, младший брат Абдаллы, ибо последний считался умершим. Однажды, во время охоты Ибрагим отдалился от свиты и, заблудившись, забрел к жилищу Бальзоре и Абдаллы. Он был поражен и смущен. Он хотел отдать власть старшему брату, но брат отказался, ибо, по его мнению, нет ничего прекрасней, чем жизнь на лоне природы, и ничего глупее, чем возвратиться к прошлой жизни.

Ибрагим же, исполняя свой долг правителя, отдыхать телом и душой периодически приходит в райскую долину.

Произведение заканчивается пожеланием к читателям: «Seyd glücklich wie Abdallah und Balsora» («Будьте счастливы, как Абдалла и Бальзоре!»).

Композиционно рыхлое, описательное произведение Виланда в полном объеме вряд ли могло овладеть вниманием Жуковского, который в этот период жизни интересовался прежде всего проблемами нравственного совершенствования, поиском идеала и

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

возможность соотносить этот идеал со своими душевными переживаниями. Русского поэта прежде всего волнует «внутренний человек», его становление и развитие, что очень ярко выразилось в характере недавнего чтения и восприятия им того же виландовского «Агатона» (см.: Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. С. 19–43) и в переводах «Послания Элоизы к Абеляру» А. Попа или «Отрывка перевода элегии» Э. Парни, относящихся к 1806 г. Тот же интерес к внутреннему миру человека проявляется и в наброске перевода из «Бальзоров», что делает его принципиально отличным от оригинала.

В оригинале мы видим подчеркнута эпическое повествование о преступлениях одного из восточных тиранов, ни личность, ни характер которого автора не интересуют, а преступления – не трогают. В повествование автор не вмешивается, собственных эмоций не высказывает, калифа не удостоивает даже имени.

В переводе Жуковского, верном по сути, много отличий от оригинала. В первом же стихе Жуковского безымянный тиран Виланда получает звучное имя Зорам, избранное из ряда предполагаемых вариантов, последовательно возникающих и отвергаемых в процессе работы: «Абдалла», «Аббасид», «Багдадский повелитель», «Один Аббасов внук». Первое – Абдалла – носит в рассказе другой персонаж, поэтому переводчик сразу же отбрасывает его. «Аббасид» и «Аббасов внук» не удовлетворяют переводчика потому, что связаны с реальной историей династии Аббасидов (750–1258 гг.), а приключения Бальзоров имеют целиком вымышленный характер и могут быть восприняты как дискредитация исторических фактов. Поэт предпочитает, чтобы фантастические события (как в русских сказках) происходили «в некотором царстве, в некотором государстве». Отсюда и замена места действия: вместо Багдада, основанного Аббасидами в 762 г., появляется почти мифологический Вавилон, получивший славу очага безверия, безнравственности, всяческого беспорядка, путаницы и смешения языков.

В приведенном отрывке не просто сокращено перечисление фактов злодеяний, но акцент перенесен на авторские рассуждения о неизбежной трагичности судьбы любого «злодея под венцом», на размышления о вечном одиночестве тирана, о пустоте его души («он сир в душе»), разрушенной страхом перед своими же рабами. Нужно признать, что созданный в этом черновом наброске образ тирана мало соответствует тому «жестокому мавру», бывшему «калифом Багдада» и стремившемуся «своей жестокостью превзойти самих сицилийских тиранов», который существует в оригинале и, согласно сюжету, повергает в глубокий обморок Бальзору предложением своей руки.

Не это ли несоответствие идейно-эстетических интересов переводчика с предлагаемым в оригинале материалом было причиной прекращения работы над текстом? О том, что планы были иными, свидетельствует и не соответствующий переведенной части заголовок, графически выделенный в рукописи, и две отдельные строки текста, записанные над заглавием.

Если бы Жуковский не имел намерения переводить значительную часть произведения, он, вероятно, сделал бы к отрывку иной заголовок, ибо даже имя героини – Valzora – появляется в тексте лишь в 68 стихе (где упомянуто о ней как ребенке), а действующей фигурой она становится только со второй трети произведения. Отдельно записанные стихи: «И ты, отец наш, здесь! – Бальзора восклицает. – // О счастье сладкое! Нас гроб соединяет», очевидно, представляют собой вольную интерпретацию русским поэтом 326-го и 327-го стихов оригинала, где говорится о встрече вышедших из подземных лабиринтов Черного Дома живых, невредимых и сверкающих в лунном свете своими одеждами влюбленных с отцом Бальзоров Хелимом, который ведет их дальше в долину горы Какана. Вполне возможно, что этим моментом в жизни героев поэт намеревался завершить перевод. Оставшиеся 116 стихов, соответствующие жанру пасторали, лишены всякого движения, не говоря уже об изображении жизни души, и вряд ли могли взволновать поэта.

Ст. 2. Своей жестокостью восток обременял... – Зачеркнут черновой вариант: «Своим жезлом...»

Ст. 3. Но страшный для рабов... – Зачеркнуто: «подданным».

Ст. 3–4. Но страшный для рабов, рабов он трепетал. I/ Не стража и не страх, любовь – защита тропа! – Первоначальное: «Забывши, что любовь, не страх – защитник трона, // Своей жестокостью народы ужасал» было зачеркнуто.

Ст. 6. Пускай пред ним простерта полвселенная... – Последовательно зачеркнуты после «перед ним» определения: «во трепете», «в пыли», «с покорностью».

Ст. 7. Пускай он зрит себя над миром вознесена... – В черновом варианте после «себя» зачеркнуто: «до облак».

Ст. 8. Он сир в душе, и смерть, как тень, за ним стоит! – Зачеркнуто начало стиха: «Тоска в душе его...». Вместо «сир» было «мертв».

Ст. 9. Гнетомый ужасом, гонимый подозреньем... – Стих начинался первоначально с эпитета: «гонимый». После этого стиха зачеркнут еще один стих: «Он мира сладкого нигде не находил».

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
Ст. 10. Во всем он зрил врага... – Далее зачеркнуто: «езде убийц встречал...»
Ст. 12. О страшная судьба злодея под венцом! – В черновом варианте стих
начи-нался так: «О жребий тягостный...»
Ст 14. Угрюмый и <дрожа> блуждал уединенный... – Первоначально глагол «блуждал»
имел варианты: «скитался», «бродил».
Ст. 16. Ужасный, сумрачный... – Зачеркнуто определение: «суровый».
Ст. 19. О счастье... – Черновой вариант: «о восторг». Возможно он заменял
определение: «сладкое».

Н. Реморова

Весна

(«Пришла весна! Разрушив лед, река...») (С. 310)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 6 об) – черновой, ст. 1–24, без заглавия. При
жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 154. Ст. 1–6.

Впервые полностью: Жуковский и русская культура: Сборник научных трудов. Л.,
1987. С. 121–122. Публикация Н. Ж. Ветшевой.

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
предположительно 1806 г.

Небольшой стихотворный фрагмент, посвященный приходу весны, является
своеобразным прологом к большому замыслу описательной поэмы «Весна»,
сопрово-ждавшему Жуковского на протяжении 1806–1812 гг.

Замысел поэмы «Весна» не только аккумулирует традицию европейской опи-сательной
поэзии, но дает представление об основах творческого мышления Жу-ковского:
универсальном и в то же время глубоко оригинальном жизне- и жанро-строительстве.
Подготовительные материалы (планы и конспекты) датируются 1806 и 1812 г.

(подробнее см. в разделе «Планы и конспекты» наст, тома), но интерес к
описатель-ной поэме относится уже к начальному этапу творчества, сопровождается
осущест-вленными фрагментами замысла: «Опустевшая деревня» (1805), «Вечер»
(1806), «Гимн» (1808), «Послание к Батюшкову» (1812), упоминаниями в различных
«ро-списях» задуманных сочинений и размыкается в широкий контекст дальнейшего
творчества Жуковского (панорамная элегия «Славянка», балладные и идилличе-ские
пейзажи, натурфилософия павловских посланий и др.).

Интерес к описательной поэме включен с самого начала в философию жизни в целом.

К 1802 г. относится перевод «Сельского кладбища» с экзистенциальными мотивами
жизни и смерти, в это же время Жуковский знакомится с различными об-разцами
пейзажной поэзии сентиментализма и предромантизма. Андрей Тургенев

26 ноября 1802 г. пишет, что Жуковский «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе
и Руссо! и в сердце – жар поэзии!» (цит. по: Веселовский. С. 50). А. Н.

Весе-ловский отмечает, что «Томсон принадлежит уже к чтениям 1804 года вместе с
Saint Lambert, Геснером, Hervey, Bloomfield'ом» (там же. С. 19). Дневниковая
запись от 30 июля 1804 г. запечатлела этот интерес молодого поэта: «Я не
переводил, как обык-новенно; читал Сен-Аамберта (...) Потом сделал свой
экстракт. (...) После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы
в Сен-Аамберте, в Томпсоне, в Геснере, в Гервее, в Блумфильде (...)» (ПСС 2. Т.
13. С. 9). К числу ранних пере-водов аналогичного характера относится текст
оратории Гайдна «Времена года» (автор либретто Ван-Свитген), переведенный
Жуковским в 1803 г. См. об этом: Резанов. Вып.2. С. 220.

Одним словом, поэтическое вступление к поэме отразило один из этапов работы
Жуковского над описательной поэмой «Весна», поиск стихотворного языка для ее
воплощения. Осмысляя европейскую традицию описательной поэмы через чтение и
конспектирование французской «Весны» Сен-Аамберта, немецкой – Э. Клей-ста,
английской – Томпсона, Жуковский уже в самом начале пытается нарушить
поэтический канон. Отказавшись от александрийского стиха, экспериментируя с
рифмой и клаузулой, он стремится к созданию особого стихотворного ритма,
отра-жающего эмоционально насыщенный стиль его речи. Возникает поэма-послание,
поэма-монолог, разрушающая известные каноны дескриптивной поэзии.

Н. Ветшева

Сокол

Сказка

(«Давно в Флоренции один любовник...») (С.311)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 46) – черновой, без даты, с заглавием: «Со-кол.
Сказка».

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 22 (ст. 1–4).

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 492–493.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно февраль–март 1807 г.

Автограф находится в «папке со стихотворениями первых годов (1800–1810)

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh литературной деятельности Жуковского» (Бумаги Жуковского. С. 17). По место-положению в рукописи (вслед за стихотворениями «Тоска по милом», «Прогна и филомела», написанными в конце февраля 1807 г.) можно говорить о датировке данного наброска предположительно февралём-мартом 1807 г.

Сюжетом для этой «сказки» явилась 9-я новелла пятого дня из книги Дж. Бок-каччо «Декамерон», повествующая о любви к знатной даме, монне Джованне юно-го флорентийца Федерико, пожертвовавшего своим любимым соколом ради этого высокого чувства.

Как установлено В. И. Резановым, для переложения этой новеллы Жуковский воспользовался её стихотворными версиями. Первые десять стихов сказки восхо-36 - 1368

563

дят к первым 13-ти строкам новеллы французского поэта и баснописца Жана Ла-фонтена (1621–1695) «Le Faucon, nouvelle tiree de Vossage». Начиная с 14-го стиха Жуковский опирался на стихотворную повесть немецкого поэта Фридриха Гаге-дорна (1708–1754) «Der Falke». Подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 494. Сравнивая переведённый отрывок с его источниками, исследователь прихо-дит к выводу о том, что Жуковский «пересказывал» «очень свободно, с большими отступлениями от подлинника». «Возраст мужа, как и возраст жены, – замечает Резанов, – домыслы нашего поэта: ни Боккаччо, ни Лафонтен, ни Гагедорн не го-ворят об этом ничего определённого. Свою героиню Жуковский представил слиш-ком молодой: по новелле она должна была иметь уже сына-подростка, болезнь и смерть которого – центр всех событий новеллы; если бы Жуковский продолжил свою "сказку", ему пришлось бы переделать портрет Камиллы» (Там же).

Интерес Жуковского к стихотворной сказке – дань традиции. Многочислен-ные образцы этого жанра, в том числе «Душенька» Богдановича, произведения И. И. Дмитриева, обратили взор молодого поэта к этому жанру.

Ст. 1. Давно в Флоренции один любовник... – Вариант: «В славном городе флорен-ции...» свидетельствует о первоначальном замысле Жуковского переложить сказку не пятистопным ямбом, а четырёхстопным хореем.

Ст. 2. Одну красавицу любил... – В черновом варианте: «Который девушку одну любил...»

Ст. 3. (...) Плохой же я толковник! – Жуковский в процессе работы отказывается от следующих эпитетов: «Изрядный», «Ну славный».

Ст. 5. (...) Был рад ей в угожденье... – Сначала было:–«Готов был в угожденье // Красавице своей...»

Ст. 17. Улыбка – дар души, румянца свежий цвет... – Характеристика героини имела следующий черновой вариант: «В глазах весь чувства жар, лица прелестный цвет...»

Ст. 19–20. Во всём ~ как журчанье... – Первоначально: «Во всём: и в голосе, приятном, как журчанье», «И в тихой сладости задумчивых очей...»

Ст. 23. Камилла, сей любви Эрастовой предмет... – Промежуточные наброски вы-глядели так: «Камиллы, сей весенний цвет...»; «нежной любви, страстных чувств». У Гагедорна героиню звали Сильвия, у Лафонтена героя – Федерик.

Ст. 26. Супругой верною и видом и душою... – Последний стих, на котором оборва-лось повествование, претерпел существенные изменения: а) «И – чудо из чудес! – супругой постоянной!»; б) «Была супругою во всём значеньи слова!...»; в) «Супругой верною седого старика, в душе и словом...»

А. Янушкевич

Оберон

(«Где Гиппогриф? лечу в страну чудес!») (С. 312)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. №22. л. 1–4 с об., 5 – черновой, чернилами, ст. 1–80 (10 строф). Единица хранения авторской нумерации не содержит, кроме цифры «I», обозна-чившей лист с началом перевода. В архиве он обозначен как л. 2 (л. 1. – титуль-ный). При архивной нумерации листы рукописи перепутаны. На титульном листе (л. 1) надпись: «Оберон» и дата под ней: «1811. декабря 5»; на оборотах лл. 1–4. переписанные, но содержащие новую, значительную правку десять пронумерован-ных строф; над верхним левым краем 1-й, 3-й, 6-й и 9-й строф проставлены даты: «6 декабря», «7 декабря», «10 декабря» и «11 декабря» соответственно.

2) НБ ТГУ (Описание № 2389) – Wieland см. Sammltliche werke. Leipzig, 1796. Bd. 22, 23 (в одном переплете). На оборотной стороне шмуцтитула первой части – черновой, карандашом, перевод трех первых строк: «Седлайте, Музы, мне крыла-того коня, // Сбираюсь в древнюю страну очарований. // Кто нам покажет путь на миг: мечта...»; на внутренней стороне нижнего форзаца тома и внутренней стороне нижней крышки переплета – цифровые выкладки карандашом и чернилами по карандашу: подсчет количества стихов для перевода (см. ниже).

При жизни Жуковского не печаталось и в смертные собрания сочинений не входило. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 53. Ст. 1–8 (первая строфа).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
Впервые полностью: EichstadtH. Zukovskij und Wieland//Die Welt der Slaven. 1967. Bd.
3. S. 261–262 – с некоторыми неточностями. Вторично полностью, с необходимыми
уточнениями по рукописи: БЖ. ч. 2. С. 354–355. Публикация Н. Б. Реморовой.
Печатается по: БЖ. ч. 2. С. 354–355.

Датируется: 5–11 декабря 1811 г. на основании авторской датировки.

Текст Жуковского является достаточно свободным переводом первых один-надцати
строк произведения К. М. Виланда «Оберон» («Oberon. Ein romantisches
Heldengedicht in zwölf Gesängen»), написанного в 1780 г. В своей работе над
«Обе-роном» Жуковский пользовался выходящим с 1794 по 1805 г. и хранящимся в
его библиотеке 37-томным собранием сочинений Виланда (Описание. № 2389), в
котором «романтическая поэма» объемом 7304 стиха (913 строф) занимает 22-й и
23-й тт. Издание, видимо, было приобретено целиком в 1805 г. К чтению первого
тома поэт приступил сразу, о чем свидетельствует его письмо к Ф. Г. Вендриху от
19 декабря 1805 г.: «Принялся читать Виланда, вашего приятеля. Читаю "Агатона",
удивительная книга» (СС 1. Т. 4. С. 559).

О длительном и устойчивом интересе Жуковского к поэме Виланда свидетельствует
постоянное ее упоминание в «творческих списках» («Что читать и перево-
дить») на протяжении 1805–1812 гг. Так в разделе конспекта «Эпическая поэзия»,
относящегося к 1805 г., «Оберон» уже значится как образец эпической поэмы, а в
рубрике: «Замечания на поэтов» Жуковский фиксирует: «... на Оберона» (РНБ. Оп.
2. № 46. л. 1; опубликовано: Эстетика и критика. С. 382–383) в список
намеченных к прочтению произведений, относящийся приблизительно к этому же
времени, вновь включен «Оберон» (РНБ. Оп. 1. № 2. л. 3). Дважды в списках
произведений, намечаемых для перевода в «Вестнике Европы» (бумага с водяным
знаком 1807 г.), присутствует поэма Виланда (РНБ. Оп. 1. № 79. А. 6, 7). В
материалах к поэме «Владимир» (начало 1810-х гг.) вновь возникает «Oberon» (РНБ.
Оп. 1. № 77. А. 23). Наконец, в альбоме стихотворений 1812 г., на последней
странице, в ряду планируемых к написанию и переводу произведений находим
«Оберона» (РНБ. Оп. 1. М25. л. 61).

Известно, что и в 1814 г. поэта не оставляло намерение закончить перевод
«Обе-рона». В созданной им для себя программе творческой деятельности читаем:
«Сочинения: Владим(ир), Вост(очный) певец, Maison de ch(amps), баллады,
Посл(ание) к Государю, Приветственное посл(ание), Оберон, Филоктет, Art
poétique, Eloisa to Abel(ard), Der Monch und die Nonne, Лекции, Журнал, Энеида
(...)» (ПСС 2. Т. 13. С. 66).

Точная дата первого прочтения «Оберона» не зафиксирована, но исходя из имеющихся
фактов (списки чтения, письмо к Ф. Г. Вендриху) можно предполагать, что это
произошло в 1806 г. По всей вероятности именно к 1806 г. относится и на-бросок
перевода первых трех строк произведения (автограф № 2). Судя по всему, в это
время поэт имел намерение перевести всю «романтическую поэму», которую прочитал
с большим увлечением и явной заинтересованностью, что отразилось на количестве и
содержании выделяемых при чтении отрывков (Подробное об этом см.: БЖ. ч. 2. С.
340–353).

Помет Жуковского-читателя в «Обероне» необычайно много – 152, то есть они
присутствуют в каждой шестой строфе. Из общего количества помет выделяется
обширная (в 118 строф) самостоятельная тематическая группа: вертикально
отчеркнутые строфы, в которых описаны любовные мечты и сама, сопряженная со
страданием, любовь Гюона и Реции (после крещения – Аманды), христианского рыцаря
и прекрасной дочери султана, а также своеобразные вставные новеллы, сюжеты
которых подчинены одной цели: раскрыть глубину и силу чувств героев, объяснить
особую заинтересованность духов (прежде всего Оберона) в их судьбе.

Вся эта часть произведения привлекла Жуковского в двух отношениях. С одной
стороны, очевиден интерес молодого поэта к внутреннему миру человека и его
психологии. Произведение Виланда, несмотря на всю условность
сказочно-романтического сюжета, давало в этом отношении достаточно богатый
материал. С другой стороны, Жуковский, читая «Оберона», поэму, проникнутую
«гуманисти-ческой верой в реальные возможности человека, в победу естественных
чувств и разумных начал» (В. П. Неустроев), как бы «примеряет к себе»
изображенную в нем психологическую коллизию, пытается соотнести свою личную
судьбу с судьбой героев. Период первого прочтения «Оберона» (до 1808 г.)
совпадает со време-нем зарождения любви поэта к Маше Протасовой, когда его
чувство подобно сну Гюона и мечтам Психеи в «Агатоне», им самим еще не
осознанно. Он любит не ту Машу, которая есть, которой еще только 12 лет, но ту,
какой «себе ее представляю в будущем, в то время, когда возвращусь из
путешествия, в большом совершен-стве!» (ПСС 2. Т. 13. С. 15). Вся история любви
героев Виланда, их романтические сны, их страдания и, наконец, – выстраданное,
но полное счастье – все это легко соотносится с надеждами поэта на возможность
преодолеть «пустые причины» и «противоречия гордости», с мечтами о собственной

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский Zhu...
семье как идеале счастья. Не случайно последняя, отмеченная при чтении «Оберона» строфа (песнь IX, строфа 1) есть поэтическое выражение одушевляющей Гюона надежды на скорое свидание с Рецией (Амандой). До финала еще далеко, но в оставшейся части нет уже психологических коллизий, нет ярких поэтических описаний природы, их место заступают типичные «авантюры» рыцарского романа, что на данном этапе поэту мало интересно.

О намерении перевести «Оберона» целиком красноречиво говорят цифровые выкладки, делавшиеся поэтом на внутренней стороне нижней крышки переплета, смысл которых достаточно прозрачен (автограф № 2). Первоначально Жуковский карандашом записывает столбиком цифры, указывающие количество строк в каждой из 12 песен и суммирует их. Получается 913. Далее он множит количество строк на 8 (количество строк в строфе) и получает общее количество стихов в поэме – 7304. Условно приняв год за 300 дней, вычисляет, сколько же строк нужно переводить в день, чтобы за год завершить работу. Получается – 3 строфы и 13 остается в остатке. Еще один числовой ряд – сколько строк должно переводить в день. Поэт делит 7300 на 300, получает 24 и округляет до 25, исправив первоначально записанное число 24 на 25.

Вторая запись чернилами, вероятно, относится к более позднему времени. В ней содержится подсчет строк в первых четырех песнях. Очевидно, что несколько позднее, отказавшись от намерения перевести всю поэму, Жуковский хотел ограничить объем перевода, сосредоточившись на той части произведения, где описываются подвиги Гюона до встречи с Рецией (Амандой), до изображения истории любви героев, истории, по самой сути не эпической, а лирической.

Мысль о таком ограничении могла возникнуть как на сугубо личной почве, так и в связи с изменяющейся эстетической позицией. С одной стороны, летом 1807 г. Жуковский впервые сделал предложение Маше (УС. С. 295). Екатерина Афанасьевна ответила решительным отказом и запретом кому-либо говорить о своем чувстве. Рассказанная в «Обероне» история любовных страданий, будучи изложена поэтом, могла быть истолкована как «нарушение запрета».

С другой стороны, в 1809–1810 гг. поэт интенсивно размышляет о создании исторической поэмы «Владимир» и включает «Оберона» в число источников, с которыми, как ему кажется, необходимо ознакомиться. Вопрос о соотношении «басни» и «истины исторической» в эпической поэме если и не дискутируется прямо, то подразумевается в спорах о том, на что ориентироваться при создании национального эпоса – на поэмы Гомера, Тассо, Ариосто, на «Потерянный рай» Мильтона или «Генриаду» Вольтера. Это прослеживается даже на характере составляющихся поэтом в разное время и с разной целью списков произведений. Так, если при создании «Росписи...» (1805), до знакомства с текстом самого произведения, «Оберон» оказывался рядом с «Мессиадой» Клопштока, Мильтоном, Гомером и Вергилием, то впоследствии, в 1814 г., поэма Виланда обретает место среди лирических произведений, рядом с «Элоизой и Абельяром» Попа, «Монахом и монахиней» Виланда.

Но уже в 1809–1810 гг., размышляя над созданием «Владимира», Жуковский представляет его как поэму рыцарскую или богатырскую на материале русской истории и фольклора, подобную тому, «что называют немцы *romantisches Helden-gedicht*» (ПЖТ. С. 61) и к числу которых относится «Оберон». Не случайно в планах «Владимира» появляется как один из источников сюжет поэмы Виланда (см. раздел «Планы и конспекты» в наст. томе).

К тому же есть все основания предполагать, что подсчет стихов в первых четырех песнях относится к более позднему времени (не ранее 1816 г.), когда в связи с размышлениями над «Владимиром» составлялся еще один список. В состав «Материалов для Владимира» (РНБ. Оп. 1. № 77. А. 23) вошли авторы, для которых характерно пристальное внимание к «истине исторической». «Оберон» в этом списке – единственное произведение, где чудесное («басня») превалирует над изображением «нравов, характера времени, мнений». Датировка списка (1815 г.) – мотивируется тем, что в нем названы рыцарские романы «Die Fahrten Thiodolfs des Islanders» и «Der Zauberring» Ф. Ламотт-Фуке, вышедшие соответственно в 1815 и 1816 гг. и имеющиеся в библиотеке поэта (Описание. № 1046, 1048).

Впрочем, сосредоточиться на переводе лирической части сюжета «Оберона» ни в 1814, ни в 1815 году у поэта по-прежнему не было возможности и по личным причинам. Материалы писем-дневников поэта и Маши Протасовой свидетельствуют о том, что цитируемые Жуковским в письмах (по памяти!) фрагменты виландовского произведения были своеобразной «тайнописью», позволявшей говорить друг другу и передавать бумаге то, что не должно было быть доступно окружающим и прежде всего Екатерине Афанасьевне. А строка из 75 строфы VII песни – «Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten!» («Одно единственное мгновение может все переменить!» – нем.) стала своего рода паролем, призывом надеяться на лучшее, на

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
«счастье вместе». Ее цитирует и выделяет в тексте поэт с помощью небольших купюр и графических изменений, превращающих четыре строфы немецкого текста (обращенного Рецией-Амандой к Гиону), в утешающие речи к «милому ангелу Маше». Маша повторяет эту фразу в своем письме к Жуковскому, Жуковский вто-рично – в письме к Маше (см.: ПСС 2. т. 13. с. 75–76, 87).

Принявшись за перевод «Оберона», в декабре 1811 г., Жуковский перевел толь-ко 11 строф вступления и на данном этапе счел перевод оконченным. Во всяком случае ни в черновом (л. 5), ни в перебеленном (со значительными правками) ва-рианте рукописи (л. 4 об.) нет ни одной строки сверх 10-й строфы, а вся нижняя половина листа оставлена свободной.

Исходя из авторской датировки, следует считать, что перевод одиннадцати виландовских строф (в переводе – 10) длился неделю, то есть продвигался вдвое медленнее, чем было запланировано при расчетах работы на год (автограф № 2). Перевод давался с трудом: на 80 строк окончательного текста – свыше 280 строк черновики, некоторые стихи имеют до 8 вариантов. Х. Эйхштедт справедливо указывает, что различия в форме оригинала и перевода заметны с первого взгля-да. У Виланда мы имеем разностопный ямб с варьированием сочетания я 4, я 5 и я 6 внутри каждой строфы, мужских и женских клаузул с разнообразнейшим со-четанием парной, перекрестной, опоясывающей рифмовки внутри восьмистишия с частыми переносами как внутри строфы, так и между строфами, что «приближает стих к разговорному тону светской болтовни» (Eichstadt. с. 263).

Размер перевода заметно упорядоченнее. В нем 3 строфы написаны я 5 (1, 2 и 8), пять строф – я 6 (3, 4, 7, 8, 10), две (6 и 9) сочетают я 5 и я 6. В то же вре-мя Жуковский, как ни в одном другом произведении этой поры, стремится раз-нообразить форму восьмистишия, применяя на 10 строф 7 типов рифмовки на 3 и 4 рифмы, варьируя чередование мужских и женских клаузул. Однако все это не создает виландовского «разговорного тона светской болтовни», что обусловлено не формальными, а смысловыми отступлениями от оригинала.

Главное отличие перевода от подлинника заключено в изменении позиции автора-рассказчика по отношению к изображаемым событиям. В переводимой части произведения Виланда имя героя не названо, события даются как просту-пающие сквозь тьму времен, как видения старой «романтической страны», имен-но видения, не всегда четкие, хотя и знакомые уже рассказчику, который в пылу поэтического вдохновения не слишком заботится о том, чтобы его видения были ясны окружающим, ибо намерен в дальнейшем повествовании дать развернутую картину событий, позабавив тем самым читателя.

Переводчик же прямо называет нам имя героя, давно ему знакомого и близко-го: «Тебя ли зрю в толпе врагов, Гион!»; «Известно вам, друзья, что рыцарь наш Гион...». Приключения героя вовсе не кажутся переводчику забавными. Авторское заинтересованное отношение к изображаемому пронизывает весь перевод, опреде-ляет характер эпитетов, синтаксис, подбор деталей: «завоеванная красавица» («ge-wonnen ist die Schone») превращается в «возлюбленную» (ст. 15); «запретный плод» («verbotene Frucht») в «плод заповеданный» (ст. 18); разговорное «ни в коем слу-чае не пожелай до времени» («Euch ja nicht vor der Zeit geluste!») в возвышенное – «страшися искушенья!» (сг. 18) и т. д.

Существенным изменениям подверглись и две последние строфы оригинала (10 и 11). И дело не в количественном изменении (у Жуковского одна строфа). У Виланда принятие рыцарем папского благословения и паломничество «к святой могиле» («heil'ge Grab») подано с явной иронией. Не случайно автор замечает, что из трудного положения, в котором оказался рыцарь по приказу Карла, «с Богом и святыми надеется он выпутаться со славой» («... mit Gott und Sankt Kristoffel // Hoffft er zu seinem Ruhm sich schon heraus zu ziehn»), ибо после паломничества чувствует себя «в мужестве и вере вдвойне отважным» («flih.lt sich nun an Muth und Glauben zweifach kuhn»). У Жуковского ирония в изображении Гиона-пилигрима отсутству-ет. Ее нет ни в риторическом вопросе: «Но с помощью святых какой опасен труд?» (ст. 76), соответствующем ироническому замечанию Виланда, ни в описании само-го паломничества, где нет ни слова об укреплении мужества рыцаря, но добавлен ряд деталей, отсутствующих в оригинале и подчеркивающих святость его миссии: «С котомкой, с четками, под рясой власяною (...)// И поклоняется, в слезах, местам святым» (Ст. 78–80).

Даже в небольшом, переведенном из виландовского произведения отрывке для Жуковского главное – любовно-психологическая ситуация, конспективно данная в этом своеобразном «прологе» к «Оберону». И в переводе о любви говорится в осо-бо возвышенном тоне. Любовь властно влечет героев, которые в переводе выгля-дят более пассивными и страдающими, чем в оригинале. Нужно сказать, что везде, где речь идет о несчастьях, постигших героя и его возлюбленную, переводчик не-сколько заостряет, подчеркивает мотив страдания. Так, к перечисленным мукам несчастных он добавляет еще одну – «без сна» (ст. 33). Если в оригинале

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
говорится, что вся пища героев на пустынном берегу состояла из диких ягод, то в переводе читаем: «Их пища горький лист или плоды гнилые...» (ст. 36). В некоторых случаях при описании мук своих героев переводчик вносит отдельные штрихи и фразы, вообще не имеющие соответствия в оригинале, но принципиально важные для характеристики трагической судьбы влюбленных. Таковы, например, ст. 43-й: «Их трудный путь любовью озарен» и 49-й: «Вот мука выше мер!» В ряде случаев в переводе мысль получает более обобщенную, более афористическую форму, чем в оригинале, что придает тексту перевода большую торжественность и возвышенность. «Sie leiden zwar, doch leiden sie beysammen» («Хотя они страдают, но страдают вместе») передано как «Страдать вдвоем не есть еще страданье» (ст. 44). Этот мотив страдания вдвоем, обретения счастья вопреки всем «мукам выше мер» продолжал долго оставаться глубоко личным для Жуковского, определяя его жизненную философию «счастливого вместе». Поэтому иронический тон повествования в виландовском произведении не мог быть им до конца воспринят, а тем более передан в переводе. Будучи искусственно вычленен из целостной ткани произведения, лирический сюжет утрачивал свою неповторимую прелесть и оригинальность, что, по всей вероятности, также могло быть одной из причин прекращения работы над переводом. Но впечатление, оставленное в душе поэта «романтической поэмой» «язычника и эпикурейца» Виланда, было глубоким и сохранилось долгие годы. Во всяком случае, в конце 30-х гг. Жуковский напишет И. И. Козлову: «Посылаю тебе "Оберона", не читай его ни с кем – прочтем вместе. Я его сам давно не читал и почти позабыл; перечитать будет приятно, особенно с тобой» (ПД. № 15989. л. 4). Состоялось ли это совместное чтение, к сожалению, неизвестно. В творческой биографии Жуковского перевод отрывка из «Оберона» был не случаен: в нем отразились и его эстетические поиски в области лироэпической поэмы, и его принципы автопсихологизма, связанные с историей драматической любви к Маше Протасовой.

Ст. 1. Где Гиппогриф?... – Hippogryph (Hippogryphen) – мифологическое чудо-вище с головой грифа и туловищем лошади.

Ст. 5. Тебя ли зрю в толпе врагов, Гион? – В оригинале имя героя звучит как Гюон (Huon). Возможно, что перемена огласовки имени произошла под влиянием единственного полного перевода «Оберона», выполненного В. А. Левшиным, где имя героя передается как Пон. («Оберон, царь волшебников. Поэма господина Виланда в четырнадцати песнях. С немецких стихов прозою перевел сочинитель "Русских сказок". М., 1787»). С этой книгой Жуковский вполне мог быть знаком, так как в работе над поэмой «Владимир» постоянно обращался к «Русским сказкам» Левшина (см. примечания к планам поэмы «Владимир» в наст. томе).

Ст. 12. Но паладип, что медлишь?... – Паладин – название легендарных сподвижников Карла Великого и короля Артура. В данном случае – верный, прославленный рыцарь. Здесь имеется в виду Гион.

Ст. 16. Ваш Оберон, хранитель ваш над вами! – Оберон – герой германской мифологии, царь эльфов, духов природы.

Ст. 19. Авзопия близка... – Авзония – страна авзонов; поэт. Италия.

Ст. 20. ... Ах, где ты, Шеразмип? – Некогда бывший рыцарь; оклеветанный пестером Карлом, ведет отшельническую жизнь, поселившись в пещере Ливанских гор. После знакомства с Гионом становится его верным помощником и другом.

Ст. 67. За делом гибельным и в славный век ренодов. – Реноды – нарицательное существительное от имени Ренод. В данном случае обозначает верных самоотверженных рыцарей. Имя Ренод воспринято Жуковским через «Опыт об эпической поэзии» Ф.-М. Вольтера. В такой огласовке в конспекте «Опыта» фигурирует герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» – Ринальдо (Rinaldo). Вольтер, в частности, замечает: «... его Ренод списан с Ахилла». Это сопоставление с известным гомеровским персонажем из «Илиады» подчеркивает героический ореол Ринальдо-Ренода. См.: Эстетика и критика. С. 60. У Жуковского это своеобразный символ рыцарства.

Н. Реморова

Родриг
(«Уже давно готовилось небо...») (С. 315)
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. л. 2) – черновой: левая колонка (ст. 1–22); белой этих же стихов – правая колонка; через интервал – черновой ст. 23–41, с датой: 19 апреля (2 мая).
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 89 (ст. 1–11); ПСС. Т. 11. С. 135 (ст. 1–22); ПМЖ. Вып. 6. Томск, 1979. С. 131 (ст. 23–41) – в составе статьи В. М. Костина «Жуковский и Пушкин: К проблеме восприятия поэмы Р. Саути "Родрик, последний из готов"».
Впервые полностью: Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского. М.: Радуга,

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
2000. С. 189–191.

Печатается по этому изданию, со сверкою по автографу. Датируется: 19 апреля (2 мая) 1822 г.

Автограф находится в красном сафьянном альбоме, содержащем черновые рукописи Жуковского 1822–1831 гг. Текст «Родрига» открывает альбом и предшествует переводу отрывка из «Энеиды» Вергилия – «Разрушение Трои» (с точной датировкой: «Начато 12 мая 1822 г. в Павловске»), что и позволяет его датировать 1822 г. Дата в рукописи «Родрига» с указанием старого и нового стиля, видимо, связана по инерции с тем, что закончившимся первым заграничным путешествием поэта: в Петербург он возвратился 6(18) февраля 1822 г. (ПСС 2. Т. 13. С. 238), но все февральские записи имеют двойную датировку.

Из письма А. С. Пушкина Н. И. Гнедичу из Кишинёва от 27 июня 1822 г. известно, что он знал об этом переводе Жуковского: «Когда-то говорил он мне о поэме "Родрик" Сауве; попросите его от меня, чтобы он оставил его в покое, несмотря на просьбу одной прелестной дамы» (Пушкин. Т. 13. С. 39).

Не исключено, что, как предполагает В. М. Костин, «прелестной дамой» была С. А. Самойлова – «едва ли не единственная англоманка из фрейлин Александры Фёдоровны» (ПМЖ. Вып. 6. Томск, 1979. С. 125), а замысел перевода Жуковского возник ещё до ссылки Пушкина – в 1819-м – начале 1820-го гг.

Источником перевода явилась поэма английского поэта-романтика Роберта Саути, балладами которого увлекался Жуковский, – «Родрик, последний из готов» («Roderick, the Last of the Goths», 1814). И хотя из этой большой эпической поэмы (около 15 000 стихов) Жуковский перевёл лишь зачин в 41 стих, личная библиотека поэта свидетельствует о том, что он, возможно, готовился к переводу всего произведения. В собрании сочинений Саути (The poetical works of Robert Southey... Vol. 1–13. London, 1814–1818), в т. 9–10, вышедших в 1818 г. (см.: Описание. № 2774), сохранился собственноручный план перевода поэмы, предполагавший её драматизацию: разбивку на акты с прологом. Ср.: «Пролог. Роман и Родрик. 1 акт. Бегство. 2 акт. Восстание. 3 акт. Спасение и победа». По мнению В. М. Костина, впервые опубликовавшего этот план, «эпическая интерпретация сюжета "Родрика", предложенная Саути, победила» (БЖ. Ч. 2. С. 467). Второй план является по существу конспектом 17-ти (из 24-х) песен поэмы «Родрик, последний из готов» (там же. С. 467–468).

Следы тщательного чтения поэмы Саути отразились в многочисленных пометках Жуковского на страницах 9-го тома сочинений английского поэта. Выделение отрывков, связанных с психологическим состоянием героя, его раскаянием, потрясением, очищением (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 468–473) свидетельствует об интересе Жуковского к особому типу персонажа, герою-грешнику.

Сюжет эпической поэмы Саути следующий: Родрик, последний готский король Испании, обесчестил дочь графа Юлиана, Флоринду. Желая отомстить за эту обиду, Юлиан совершает предательство: он призывает мавров, открыв им врата Саути.

Предательство Юлиана приводит к завоеванию всей Испании. Кающийся Родрик, переодевшись в священника, путешествует по стране, помогая силам, объединившимся вокруг принца Пелайо, пока не были одержаны первые победы над маврами. В конце поэмы, в одной из битв Родрик раскрывает своё инкогнито, но лишь затем, чтобы исчезнуть уже навсегда.

По всей вероятности, Жуковского к поэме Саути привлекли именно история души Родрика, принципы психологического решения такого характера. Глубокое внутреннее перерождение героя – в центре читательских помет Жуковского и в его плане-конспекте поэмы. Почти параллельная работа по переводу «Орлеанской девы» Шиллера, «Шильонского узника» Байрона и поэмы Саути определяет направление поэтических поисков первого русского романтика в начале 1820-х годов.

В целом Жуковский точен в своём переводе, сохраняя метр подлинника – белый пятистопный ямб, получивший в английской традиции название «героическо-го стиха». Транскрипция имени героя («Родриг» вместо «Родрика») восходит к испанским романсам о Сиде, которые незадолго перед этим он перевёл.

«Родриг» находится в списках творческих замыслов Жуковского, составленных позднее начатого перевода (БЖ. Ч. 2. С. 484), хотя следов возвращения поэта к его реализации больше не обнаружено.

Особого разговора заслуживает соотношение этого наброска перевода Жуковского с отрывком из поэмы, переведённым весной 1835 г. А. С. Пушкиным: «На Испанию родную...» Об этом подробнее см.: ПМЖ. Вып. 6. Томск, 1979. С. 133–139; Сурат И. «Жил на свете рыцарь бедный...» М., 1990. С. 130–146; Сайтанов В. А. Третий перевод из Саути // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 97–120.

Ст. 1. Уже давно готовился небо... – Жуковский особенно долго работал над началом перевода. Первому стиху поэмы Саути: «Long had the crimes of Spain cried out to Heaven» соответствовали следующие варианты: «Небесный гнев давно

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский *zh*
обрек на гибель...»; «Уже давно на небо вопияла...»; «Давно определило небо...»
Ст. 10. Отверженец Христа ожесточенный... – Этот стих, характеризующий
пре-дателя и вероотступника Юлиана (в оригинале он имеет определение: «desperate
apostate» (отчаянный отступник), прошёл многочисленные стадии работы над
пе-реводом. Жуковский пробивается к этой характеристике через 24 черновых стиха,
последовательно перебирая такие варианты, как: «отчаянный отступник»,
«отчаян-ный отступник от креста», «бешеный отступник от Христа», «отчаянный
отверже-нец Христа», «отверженец Христа ожесточенный».
Ст. 12. Как саранча, пагубоносной тучей... – Сложный эпитет: «пагубоносной»,
восходящий к античному эпосу (видимо, сказала параллельная работа по
перело-жению отрывка из «Энеиды» Вергилия), пришёл на смену: «погибельную
тучей».
Ст. 15. Бесчисленны в Иберию помчались... – Согласно греческим источникам так в
древности именовалась Испания по названию народа иберов, населявшего южное и
восточное побережья страны.
Ст. 17. (...) и копт. – Копты – представители истинного христианского населе-ния
древнего и современного Египта.
Ст. 23. О Кальпе! Ты приплытие их зрела... – Кальпе – один из Геркулесовых
столбов, ныне мыс Гибралтар.
Ст. 26. Могучий Крон и Бриарей Сторукий... – Персонажи греческой мифологии: Крон
(Кронос) – один из титанов, сын Урана и Геи; Бриарей – также сын Урана и Геи,
чудовищное существо с 50-ю головами и сотней рук.
Ст. 27. И Бахус и Ахилл... – Первоначально: «И Вакх и Геркулес...»
А. Янушкевич
Элена и Гунтрам
(«Элена в сумерках сидела...») (С. 316)
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 37. л. 24об. – 25 об.) – черновой набросок ст. 1–67,
пронумерованных самим автором, без заглавия, с датой: «1–3 февраля».
При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 105 (ст. 1–4).
Впервые полностью: РЛ. 1982. № 2. С. 154. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С.
Янушкевича.
Печатается по тексту этой публикации. Датируется: 1–3 февраля 1833 г.
В одном из многочисленных списков Жуковского 1840-х годов (здесь же нахо-дится
дневниковая запись от 8 (20) октября 1841 г.), в ряду произведений, наме-ченных
в работе или уже выполненных, встречаем заглавие: «Falkenburg» (РНБ. Оп. 1. №
40. л. 1). Появление в списке этого названия далеко не случайно: ещё в дневнике
1833 г. (запись от 27 января н. ст.) Жуковский писал о чтении произве-дения с
таким заглавием: «Читал Радовица. Потом повесть "Фалкенбург"» (ПСС 2. Т. 13. С.
349). Контекст рукописи, в которой находится черновой набросок повести и
авторская датировка (1–3 февраля), позволяет говорить, что вслед за чтением
произведения последовал его перевод. Рукопись, содержащая данный набросок,
представляет собой тетрадь в зелёном сафьянном переплёте (в 4-ю долю листа) из
32 листов (л. 27–32 не заполнены). На 1-м листе Жуковским выставлен год: 1832-й.
Тетрадь включает в себя: а) л. 1 об.: Знакомства и встречи (за границую в этом
году); б) л. 2 об. – 27: черновые редакции стихотворений 1832–1833 гг.
(подроб-нее см.: Бумаги Жуковского. С. 104–105).
Личная библиотека поэта (собрание Томского университета) позволяет уточ-нить, о
какой повести идёт речь.
В библиотеке Жуковского находятся многочисленные собрания немецких ска-заний,
историй, легенд, в том числе семь изданий «Рейнских сказаний». Пометы и записи в
них – свидетельство глубокого интереса поэта к ним на протяжении почти целого
десятилетия. В одном из сборников: «Sagen aus den Gegenden des Schwarzwaldes.
Gesammelt von D. Aloys Schreiber» (Heidelberg, 1829) на с. 149–163 находится
повесть «Falkenburg», отмеченная в оглавлении особым значком – ко-сым крестиком.
Однако знакомство с повестью не ограничилось чтением. Через несколько дней после
дневниковой записи, 1–3 февраля 1833 г., Жуковский набрасывает 67 сти-хов,
которые являются поэтическим переложением самого начала прозаического сказания.
Впервые на этот набросок обратил внимание И. А. Бычков (Бумаги Жуков-ского. С.
105), приведя четыре первых стиха. Вслед за ним А. Н. Веселовский так
охарактеризовал этот фрагмент: «... отрывок, всего 67 стихов, какой-то немецкой
пьесы с действующими лицами: Эленой и Гунтрамом» (Веселовский. С. 362). По-сле
Веселовского, то есть с 1918 г., это произведение не привлекало внимания
ис-следователей и издателей.
Обнаружение источника этого переложения и публикация всего известного текста
(см.: РА. 1982. № 2. С. 153–156) позволяет сделать некоторые наблюдения над его
поэтикой и определить его место в творческих поисках поэта.
Сравнение прозаического текста начала рейнского сказания «Falkenburg» (2

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh ab-заца, 11 предложений) и его стихотворного переложения «Эллена и Гунтрам» (так Жуковский назвал произведение в одном из списков; 67 стихов, 19 предложений) приводит к следующим выводам.

Поэт не изменяет принципиального самого сюжета (пожалуй, единственное от-ступление от немецкого источника – замена имени героини: вместо Liba – Элле-па). Он, правда, опускает некоторые детали, связанные с путешествием Гунтрама по тёмному, загадочному лесу по пути в замок Фалкенбург. Зато текст переложения насыщается психологическими характеристиками при описании героини. То, о чём в рейнском сказании говорится буквально в одном предложении, у Жуковского получает развитие и определяет более напряжённый ритм повествования. Создавая свою стихотворную повесть, о чём свидетельствует деление повествования на части, отсутствующие в подлиннике, Жуковский прежде всего стремится к психологическому обогащению характеров героев и углублению мотивировок их поступков. Его в большей степени интересует не само событие, а состояние, ему предшествующее.

«Фалкенбург» в этом отношении давал интересный материал для стихотворного переложения. История пребывания Гунтрама в таинственном замке, его невольное приобщение к зловещим тайнам, обручение с умершей, но существующей как призрак дочерью хозяина замка Эрлиндой, встреча в тёмном лесу с тремя ведьма-ми, поющими страшные песни-пророчества, возвращение в Фалкенбург к либе, свадьба с ней, заканчивающаяся гибелью героя – все эти события, окутанные ат-мосферой сказочной фантастики и романтической тайны, привлекли Жуковского. Рейнское сказание было фольклорным вариантом «Белокурого Экберта» Л. Тика (см. ниже).

Рейнское сказание, включающее в себя поэтические вставные истории, песни, оказалось созвучно настроениям «русского балладника». Обратившись к его пере-ложению, Жуковский пытался воссоздать романтическую атмосферу предчувствий, историю души. Неслучайно уже в дошедшем начале переложения он углубляет именно характеристику героини. Характерно, что в дневнике сразу же после указа-ния о чтении повести «Фалкенбург» Жуковский говорит о работе над произведени-ем с заглавием: «Эллена» (Запись от 2 (14) февраля 1833 г. // ПСС 2. Т. 13. С. 349). Важное значение в переложении имеет и провиденциальный мотив: «злое предвещанье» и сопутствующие ему переживания усугубляют драматизм действия. И это, с одной стороны, связывает переложение Жуковского с его опытами в обла-сти стихотворной повести и баллады 1831–1833 гг. («Ленора», «Суд в подземелье», «Роланд-оруженосец» и др.). С другой стороны, процесс переложения прозаическо-го рейнского сказания в стихи – пролог к работе над «Ундиной», сюжет которой перекликается с «рейнским сказанием».

А. Янушкевич

Белокурый Экберт

(«Некогда в тёмной долине лесистого Гарца жил рыцарь...»)

(С. 318)

Автограф (ПД. № 27767. л. 1, 3, 3 об., 4) – черновой (чернила по каранда-шу), с датой вверху л. 1, перед заглавием: «2 февр.(аля)» и записью в правом верх-нем углу карандашом: «Начал пить воду. 13 ноября». Стихи нал. 1 пронумерованы цифрами: 10 и 20; половины десятистиший отмечены отбивкой.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило. Впервые: РЛ. 1982. № 2. С. 157–158. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации, с уточнением датировки.

Датируется: 13 ноября 1832 г. – 2 февраля 1833 г.; 28 октября (9 ноября) 1841 г. Обоснование датировки см. ниже.

Рукопись, где обнаружен этот текст, представляет собой небольшую тетрадо-чку, сшитую из пяти двойных листов (44 x 17,8 см.), перегнутых пополам и прошитых черной суровой ниткой (один большой стежок с двумя узлами). Бумага – желто-ватая, линованная в узкую полоску (22 x 17,8 см.), точно такая же, как и в другой архивной единице (РНБ. Оп. 1. № 37; см. примеч. к повести «Эллена и Гунтрам»; ср.: Бумаги Жуковского. С. 103), где находятся произведения, написанные в кон-це 1832-го – начале 1833-го гг., во время швейцарского уединения Жуковского в местечках Веверне и Верне в компании немецкого художника, его будущего тестя Герхарда фон Рейтерна.

«Белокурый Экберт» – еще один опыт переложения прозаического текста в стихи. набросок Жуковского явился переводом прозаической повести известного немецкого романтика Людвиг Тика «Der blonde Eckbert». Интерес Жуковского к личности и творчеству Тика, а также к его повести был достаточно продолжитель-ным. Ещё в конце 1817 г. (письмо к Д. В. Дашкову) в связи с проектом издания «со-брания переводов из образцовых немецких писателей» Жуковский говорит о про-изведениях из «фантазуса» Тика, называя повесть «Der blonde Eckbert» (РА. 1868. № 4–5. Стб. 842). Встреча с Тиком во время первого заграничного путешествия, характеристика

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
его личности, история получения от него авторской корректуры романа «Странствия
франца Штернбальда» (об этом см.: Тик Людвиг. Странствия
франца Штернбальда. Сер. «Литературные памятники». М., 1987. С. 341–346),
по-меты и записи в собрании сочинений Тика (Описание. № 2262) – всё это
способствовало возрождению интереса русского поэта к творчеству немецкого
писателя и его программной повести.

В многочисленных списках творческих замыслов начала 1830-х гг. вновь по-является
её заглавие: «Der blonde Eckbert», «Tieck. Eckbert» (РНБ. Оп. 1. № 37). В
атмосфере раздумий Жуковского о стихотворной повести, взаимодействии поэзии и
прозы повесть Тика наряду с рейнскими сказаниями, повестью ла Мотт Фуке
«Ундина», былью «Был вечер тих...» (см. комментарий в наст, томе) стала объектом
творческих экспериментов.

Характер рукописи и дневниковые свидетельства позволяют предположить, что работа
над повестью проходила в два этапа. На л. 1 автограф с заглавием: «Бело-курый
Экберт», сразу же написанным чернилами, включает 24 стиха, оформлен-ных
чернилами по карандашу мелким, аккуратным и довольно четким почерком, стальным
пером. Затем на л. 1 об. – 2 карандашом идет набросок повести «Был вечер
тих...», а на л. 2 об. также черновой набросок карандашом начала неизветно-го
произведения:

«Солнце садилось и запад горел. На востоке всходила Тихо луна. Был сильный холод
ноябрьский и резкий Ветер насквозь пронзал меня свистом порывным. Путь мой шел
через лес; у входа его на пригорке в блеске вечернего солнца явился черный
неровно Вкопанный столб, на коем ка(чалось?) ай! ай! Мне идти туда. Садилось
солнце, на востоке Всходила полная луна...»

На л. 3 Жуковский продолжает перевод «Белокурого Экберта», но уже другим
почерком, характерным для позднего Жуковского: очень крупные, растянутые буквы.
Поверх карандашного слоя чернилами текст перебеливается, но гусиным пером: буквы
жирные, стих не входит в строку, как в первой части автографа на л. 1, возникают
большие пробелы между строк. Карандашный слой перевода, за-нимающий весь л. 3
об., не совпадает с чернильным слоем, который написан более убористо.

В нижней половине л. 4 записан тем же почерком перевод песни из «Белокуро-го
Экберта»: 4 стиха, не умесгившиеся в строку и разбитые на полустихия.

Ал. 4 об. – 9 об. – чистые; на л. 10 – наброски карандашом тем же почерком, что
и на лл. 3, 3 об., 4, – списков следующего содержания:

Р. портрет М. для ключей М. платок Т. кукла Л. столик Е. муфту В. книгу А. часы
2920=3170 1612=2000 1580 1630

Список сопровождается цифровыми выкладками с подсчетом типа:

2980 240 1610 140 1630 1580

8180

На л. 10 об. – снова карандашные наброски перевода песни: «Где ты? Где ты
пустыня лесная далеко, далеко...» и т. д.

Первая часть перевода (л. 1), как это явствует из сопровождающей ее пометы:
«Начал пить воду. 13 ноября» и «2 февраля», была создана Жуковским в 1832– 1833
гг. Указание: «Начал пить воду» вполне соответствует поездке поэта 13 ноя-бря н.
ст. 1832 г. в Берне – небольшой городок на швейцарско-французской грани-це,
известный своими серными источниками и лечебными минеральными водами,
находящийся в нескольких километрах от Вева, где жил и «лечился виноградом» в
это время поэт. Эти поездки и даже пешие прогулки затем будут регулярно
про-должаться, но первое посещение Верне произошло именно 13 ноября (см.:
Днев-ники //ПСС 2. Т. 13. С. 338).

Во время небольшого перерыва в работе над переводами из Уланда (между 12 ноября
и 2 декабря) Жуковский, вероятно, осуществил первый карандашный набросок
переложения «Белокурого Экберта», а в период создания «Эллены и Гун-трама» (см.
примеч. в наст, томе) 1–3 февраля 1833 г. возвратился к нему, перебе-лив
чернилами по карандашу. 23 января (4 февраля) 1833 г. Жуковский записывает в
дневнике: «Ввечеру чтение Тика и спор о Тике» (Там же. С. 348). Вероятно, 2
фев-раля 1833 г., как это явствует из пометы на л. 1 автографа, он прерывает
работу над переложением, что и зафиксировано в рукописи. Последующие записи на
л. 1 об., 2 и 2 об. свидетельствуют, что поэт работает над другими переложениями
и оставля-ет «Белокурого Экберта».

Но записи на л. 3, 3 об. позволяют говорить о возвращении к давнему замыслу.
Характер почерка отражает иной этап творческого развития поэта, более поздний по
сравнению с предыдущим. Но никаких документальных свидетельств нового обращения
к произведению Тика долго обнаружить не удавалось. И лишь расшиф-ровка
неизвестных поздних дневников Жуковского за 1840-е гг. позволила со всей
определенностью говорить, что в октябре 1841 г. поэт продолжил переложение
«Белокурого Экберта». Уже после женитьбы на Елизавете Рейтерн и переезда в
Германию, в Дюссельдорфе, перебирая свои бумаги, Жуковский обнаружил те-традку с

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский начал перевод и решил, возможно, как воспоминание о днях, проведенных в Веве с отцом своей жены и своим другом Г. Рейтерном, продолжить его. Ср.: «26 (7) (октябрь 1841 г.). Воскресенье. (...) Смотрели портфели, читали "Der blonde Eckbert"» и далее: «28 (9). Вторник. (...) Начал Экберта» (ПСС 2. Т. 14. С. 264. Автограф: РГАЛИ. Оп. 1. № 37). Комментируя эти записи при издании дневников, мы были уверены, что весь набросок переложения относится к 1832–1833 гг. (см.: РЛ. 1982. № 2. С. 157–159), и говорили о том, что запись: «Начал Экберта» "не со-всем понятна"» (Т. 14. С. 534).

Однако более тщательное изучение автографа «Белокурого Экберта» позволило конкретизировать эту запись: после перерыва в 8 лет Жуковский вновь обращается к работе над переложением новеллы Тика. Его психологическое состояние после поздней женитьбы на юной Елизавете Рейтерн пронизано ощущением страха. Дневниковые записи, сопровождающие работу над переводом, показательны: «28 (9) (октябрь 1841 г.). Беспредостанное ощущение нервического припадка»; «29 (10). (...) Целый день нервический. Расположению к замиранию сердца»; «30 (11). Весь день и до ночи обыкновенный нервический припадок» (Там же. С. 264). Атмосфера тайного предчувствия, жутковатой таинственности, власти рока, характерная для новеллы Тика, корреспондирует с внутренним состоянием поэта, мучительно переживающего свое позднее семейное счастье и боящегося невзгод судьбы накануне родов жены.

Заметки для памяти и числовые выкладки на л. 10 могли быть сделаны только в это время и расшифровываются в соотношении с реалиями жизни Жуковского в Германии после женитьбы. Вероятно, это список рождественских подарков членам семьи Рейтернов (тестю, теще, жене и всем детям Рейтерна) с указанием их стоимости и общей суммы затрат. В это время все семейство жило вместе в Дюссельдорфе. Таким образом, процесс работы Жуковского над переложением «Белокурого Экберта» имел два этапа: конец 1832-го – начало 1833-го гг. (ст. 1–24) и конец октября 1841 г. (ст. 24–45 и вставная песня). Если на первом этапе прозаическая повесть Тика увлекла его возможностями стихотворного переложения, то на втором этапе поэт острее ощутил ее провиденциальный смысл и соотносил ее настроение с атмосферой своей жизни в Германии после женитьбы. Повесть Тика приобрела для него своеобразный автопсихологический и философский подтекст.

Из небольшой по объему повести Жуковский перевел лишь самое начало, экспозицию. История Экберта и Берты, их inferнальных отношений и роковых приключений осталась не переведенной.

Прежде всего, Жуковский опробовал в переложении повести свой сказовый гекзаметр, который уже вскоре получил своё развитие в «Ундине». Переводчик углубляет романтическую атмосферу действия, расширяя описания таинственной природы, подчёркивает загадочность происходящего. Повесть-источник окрашивается в стихотворном переложении лирическим настроением. Сравним лишь один отрывок из точного прозаического перевода повести Тика, сделанного А. А. Шишковым (МВ. 1830. Ч. 2. С. 119–121 – под заглавием: «Белокурый Экберт»), и переложения Жуковского:

Перевод Шишкова Переложение Жуковского

(...) Это было ровно в полночь, (...) Была уже полночь; месяц ущербный
месяц то прятался, то вновь выгля- Бледно светил в туманном круге и дымом
продывал из-за бегущих облаков... зрачным
Мчались мимо его облака, наводя на окрестность
Сумрак тревожный, сменяемый часто неверным сияньем.

Но если в переложении прозы Тика на язык поэзии в ритме гекзаметра Жуковский лишь воссоздаёт за счёт экспрессивных эпитетов новое настроение, ориентируя его на свою балладную поэтику, то свобода обращения с источником особенно проявляется в переработке песни Берты, занимающей особое место в повести Тика. Жуковский, оборвав переложение повести на самом начале рассказа героини, делает наброски перевода этой песни, трижды в разных вариантах повторяющейся у Тика. Он не только увеличивает её в объёме, но и пытается выразить особое таинственное и завораживающее чувство, подчёркивая это через обильное употребление анафор, систему внутренних рифм. Ср. текст этой песни у Тика и в переводах А. А. Шишкова и Жуковского:

Тик *waldensamkeit*,
Шишков Уединенье –
Die mich erfreut,
waldeinsamkeit.

Мне наслажденье.

So morgen wie heut
In ewger mich freut

Мне наслажденье –
Уединенье.

Сегодня, завтра,
Всегда одно

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Жуковский

Вечно светла ты, вечно светла ты, пу-стыня лесная!

Душу чарует, душу врачует покой твой глубокий.

Всякое горе, тревогу людскую очистит долина.

Дни здесь приятны! О как ласкает пу-стыня лесная!

Где ты, родная пустыня лесная? Далёко-далёко!

Горе в душу вина заронила глубоко, глубоко.

Простенькая песня Тика об уединении-наслаждении определяет в повести ее колорит – «ворожбу колорита» (Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 261).

У Жуковского она превращается в своеобразную маленькую балла-ду о светлой, чарующей жизни в «пустыне лесной» и невозможности счастья для человека, отягощенного трагической виной. Тема вины-рока, господствующая в повести Тика и волновавшая Жуковского в 1830-е гг. (баллады, опыт перевода трагедии рока «Двадцать четвёртое февраля» Захарии Вернера – см.: Лебедева. С. 125–132), получает в этом переложении новое развитие. На пути Жуковского к повествовательной, «безрифменной поэзии» работа над «Белокурым Экбертом» была этапной: сказовый гекзаметр получил свою прописку при переложении про-зы на язык поэзии.

Ст. 1. (...) в тёмной долине лесистого Гарца... – Гарц (Harz) – горы в Германии с извесгной вершиной Броккен.

Ст. 4. Все от того называли его белокурым Экбертом. – Так же переводит заглавие повести и имя героя А. А. Шишков; более того, он определение вводит в состав име-ни, подчёркивая это заглавной буквой («которого обыкновенно звали Белокурым Экбертом» – МВ. 1830. ч. 2. С. 119). Возможно, Жуковский в своей номинации по-вести исходил из этого опыгга. Не случайно заглавие в автографе написано сразу же чернилами, без карандашного варианта.

37 – 1368

579

Ст. 7. (...)редко захаживал гость в их пустыню... – Такое обозначение Жуковским топоса (ср. также ст. 5: «... отшельник//В дикой степи...») вполне самостоятельно: у Тика оно отсутствует. Любопытно, что Жуковский опускает в своём переложении понятие «меланхолия», столь важное для него впоследствии. Ср. у Тика: «bemerkte man an ihm (...) eine stille zurtickhaltende Melancholie»; у Шишкова: «в нём замеча-ли какую-то замкнутость, какую-то тихую, сдержанную меланхолию». Появление почти одновременно с переложением повести тика перевода стихотворения Миль-тона «Прочь отсель, Меланхолия...» (см. Т. 2 наст, изд.) позволяет прояснить эту позицию переводчика.

Ст. 8. (...) назывался он Вальтер. – У Тика и в переводе Шишкова: Филипп Валь-тер (Philipp walther).

О. Лебедева, А. Янушкевич

(Военный суд на Мальте)

(«Был вечер тих, и море голубое...») (С. 319)

Автограф (ПД. № 27767. л. 1 об. – 2) – черновой, карандашом, без загла-вия.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило. Впервые: РА. 1982. № 2. С. 159–160. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации, с уточнением датировки. Датируются: предположительно первая половина 1834 г.

Текст поэтического наброска записан Жуковским сразу же вслед за переложением повести Л. Тика «Белокурый Экберт» (см. примеч. в наст, томе), белой ва-риант которого датируется 2 февраля 1833 г.

Как удалось установить, источником для наброска «Был вечер тих, и море го-лубое...» является прозаический рассказ «Subordination» («Субординация») из английского «Военно-морского журнала» (The Naval and Military Magazine. Lon-don, 1828. Vol. IV. Sept.-Decem. S. 290–302 – с подписью: С.F.G. За предоставле-ние материалов этого журнала, отсутствующего в российских библиотеках, наша огромная благодарность Антонию Глассе). В журнале «Телескоп» (1834. ч. 19. № 8. С. 499–520. Ц. р. – от 23 февраля 1834 г.) был опубликован его русский перевод под заглавием: «Военный суд на острове Мальте», с подзаголовком: «Биль» и ука-занием на источник: «Naval and Military Magazine», но без имени автора и перевод-чика. Разыскания В. И. Симанкова (за сообщение о их результатах мы приносим ему искреннюю благодарность) позволяют уточнить проблему источника и автора, скрывшегося в журнале по инициалами С.F.G. Это рассказ «Subordination» («Воин-ская дисциплина») английской писательницы Кэтрин Грейс Фрэнсис Гор (Cathrine Crace Frances Gore; 1799–1861), автора около 70 романов. Позднее рассказ вошел в анонимно изданный сборник «Romances of Real Life. By the author of „Hungarian Tales"». Vol. II. N. Y., 1829. P. 184–197.

Осмысляя характер литературной продукции «Телескопа» этого времени, Н. И.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
Мордовченко замечает: «Английская литература оставалась в журнале не-сколько в сгороне до 1834 г., когда после Униар-Искелесского договора (1833) в воздухе запахло русско-английской войной. В 1834 г. в "Телескопе" оживает по-настоящему интерес к английской литературе...» (Очерки по истории русской жур-налистики и критики. Т. 1. Л., 1950. С. 356). Заметим, что в одном номере с «Во-енным судом на острове Мальте» был напечатан очерк «Воскресенье в Лондоне» из «New Monthly Magazine».

Любопытно, что одним из постоянных переводчиков в «Телескопе» был И. В. Проташинский, который, по словам Н. Ф. Павлова, «перевел более, чем Воль-тер написал». Известно, что он в течение некоторого времени замещал в «Теле-скопе» Н. И. Надеждина, редактора журнала. И. В. Проташинский был сыном В. А. Проташинского, сводного брата М. А. Протасовой, и находился в дальнем родстве с Жуковским.

Рассказ «Субординация» неизвестного автора – незамысловатая история о судь-бе благородного солдата франка Виллиса, поднявшего руку на старшего по чину капитана Мажанди, покусившегося на честь его жены, прекрасной и добродетель-ной Бесси. Несмотря на все усилия офицеров полка, защищавшего своего товари-ща, судьба франка Виллиса была решена военным судом: он приговорен к смертной казни. Его жена, оставив сиротой маленького сына, умирает, не выдержав выпавших на нее испытаний. Эпиграф из Байрона, который был сохранен и в переводе на стра-ницах «Телескопа»: «He died, as erring man should die, // without display – without parade!» («Он умер, как должен умирать всякой, без суетности, без бравады!» – англ.), передает пафос всего рассказа, в центре которого история мужества и благородства, нравственного достоинства человека, идущего на смерть за свои убеждения.

Интересно, что прозаический перевод в «Телескопе» начинается именно с той части текста подлинника, что и переложение Жуковского: «В один прекрасный ве-чер, в августе, группа молодых офицеров, коих лица изображали живейшее бес-покойство, собрались на большом плац-параде Валетты». Достаточно пространное общее рассуждение об английском судопроизводстве было проигнорировано пере-водчиком. Еще любопытнее то, что у русских интерпретаторов английского тек-ста действие из «средиземноморского города» перенесено на Мальту, в Валетту. Представляется, что это далеко не случайно: набросок стихотворного переложения «Был вечер тих...» Жуковского и перевод в «Телескопе» связаны между собой. Не имея никаких документальных подтверждений, можно высказать предположение, что именно прозаический перевод «Военный суд на острове Мальте» стал источни-ком стихотворного переложения Жуковского. Как это нередко бывало в 1830-е гг., он, заинтересовавшись произведением, написанным прозой, решил переложить его в стихи. Так как восьмой номер «Телескопа», выходявшего в 1834 г. еженедель-но, появился в самом начале марта, то, вероятно, в первой половине этого же года Жуковский и начал свой перевод.

Жуковского привлекла нравственная проблематика «были», ее документаль-ная основа. Тема несправедного суда органично вписывается в атмосферу после-декабристских событий (накануне десятилетия со дня восстания) и общественно-философских размышлений Жуковского в связи с его работой над «Запиской о Н. И. Тургеневе», в контекст его творческих поисков 1830-х гг. («Торжество по-бедителей», «Суд в подземелье», «Суд Божий», «Суд Божий над епископом»). Не исключено, что эта тема актуализировалась в сознании Жуковского в связи с собы-тиями отставки А. С. Пушкина, развернувшимися 25 июня – 6 июля 1834 г. Днев-никовые записи от 30 июня – 6 июля свидетельствуют о его душевном смятении и драматизме сложившейся ситуации, понимании опасности ссоры Пушкина с Ни-колаем I (об этом подробнее см.: Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» В. А. Жуков-ского 1834 г. // Пушкин: исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 219–247). Если это предположение реально, то время переложения можно конкретизировать и отнести к концу июня – началу июля 1834 г. Быль «Военный суд на острове Мальте» дополняла размышления поэта о несправедном суде и самостоянии чело-века, обострившиеся именно в это время.

Белый пятистопный ямб, который Жуковский использовал в своем переложении, любопытно соотносится с гекзаметром «Белокурого Экберта», четырехстопным ям-бом «Эллены и Гунтрама». Поэт ищет свой размер для «повествовательной поэзии», экспериментируя с переложением на язык поэзии различных образцов западноевро-пейской прозы: романтическая новелла, рейнское сказание, документальная быль.

О. Лебедева, А. Янушкевич
(Фридрих и Гела)

(«Рыцарь Фридрих Барбаросса...») (С. 320)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 6 об. – 7) – черновой набросок, без загла-вия.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 108 (ст. 1–5).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 2. С. 511. Публикация А. С. Янушкевича. Печатается по тексту этой публикации.

Датируется: между 8 (20) октября 1841 г. и началом июля 1842 г.

Основанием для датировки наброска является его положение в рукописи: ему предшествуют черновики стихотворений «Всесилен Бог» и «Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича щётку...» – с датой: 8 (20) октября 1841 г.; после него идут черновые варианты стихотворения «1 июля 1842», написанного 22 июня – 4 июля 1842 г. В промежутке работы над этими произведениями Жуковский, по всей веро-ятности, и набросал 30 стихов приводимого текста.

Источником его явилось прозаическое рейнское сказание «Friedrich und Gela». В библиотеке поэта сохранилось три издания немецких сказаний, содержащих эту историю:

1) Sagen aus den Gegenden des Rheins und des Schwarzwaldes. Gesammelt von D. Aloys Schreiber. Heidelberg, 1829 (Описание. № 2074).

2) Rheinsagen aus dem Munde des Volkes und deutscher Dichter. Ftir Schule, Haus und Wanderschaft. Zweite Auflage. Von K. Simrock. Bonn, 1837 (Описание. № 2767).

3) Rheinlands Sagen, Geschichten undLegenden. Herausgegeben von Alfred Reu-mont. Koln und Aachen, s.a. (Описание. № 1937).

Во всех изданиях сказание отмечено Жуковским в оглавлении, а в списке твор-ческих замыслов под общим заглавием: «Рейнские сказания» читаем: «Гела» (РНБ. Оп. 1. № 40, оборот последнего нумерованного листа).

Это одно из известнейших рейнских сказаний, посвященных легендарному Фридриху Барбароссе (ок. 1125–1190), германскому королю и императору Свя-щенной Римской империи. Сюжет его таков: молодой принц Фридрих Гогенштау-фен горячо полюбил простую девушку Гелу, дочь кастелана, и предложил ей быть его женою. Но она отказалась, благословив рыцаря на великие подвиги, о которых он мечтал. Верность ему Гела пронесла через всю свою жизнь. Всегда помнил её" и Фридрих, вскоре ставший знаменитым рыцарем Барбароссой. И когда в очередной раз он пришёл просить руку Гелы, то узнал, что в одеянии монахини она пошла по его следам в Палестину, чтобы оказывать помощь нуждающимся. Долго искал её Фридрих, но так они больше и не встретились. В её честь Барбаросса основал город Гелагаузен. Память о любви Фридриха и Гелы пережила их и сгала легендой. Про-заический пересказ см.: Рейнские легенды Е. Балобановой. СПб., 1897. С. 15–18.

Из сравнения переложения Жуковского с различными вариантами рейнского сказания «Фридрих и Гела» становится очевидно творческое отношение поэта к материалу. В целом следуя версии Альфреда Реймонта, Жуковский тем не менее сделал перевод фрагмента более концентрированным, убрав лишнее и подчеркнув всё то, что было необходимо для дальнейшего дейсгвия. Уже в этой предыстории поэт высвечивает облик будущего «великого императора», обещавшего быть «кра-сой и честью века». Вместе с тем в его характеристике он своей излюбленной поэти-ческой формулой подчёркивает то, что определит нравственный облик героя: «Он прекрасен был лицом, // Но душа ещё прекрасней» (ср. в балладе «Эолова арфа»: «Душа же прекрасней и прелестей в ней»).

Но, видимо, поэта не в меньшей степени интересовал облик и судьба героини. Ведь не случайно в списках это рейнское сказание имеет заглавие «Гела». История любви великого императора и обыкновенной девушки, запечатленная в народных преданиях, была для Жуковского больше чем легендой. Он в ней увидел вопло-щение своей мечты о равенстве людей всех сословий и о монархе, носителе этой идеи.

В эстетическом аспекте данный набросок интересен прежде всего как ещё один опыт переложения прозаического сказания на язык поэзии. Как и в другом перело-жении рейнского сказания «Карл Великий дал однажды...» (см. примеч. ниже), Жу-ковский использует здесь размер испанских романсов – четырёхсгопный хорей.

А. Янушкевич

«Карл Великий дал однажды...»

(С. 321)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 53. л. 11 об. – 12 – черновой, ст. 1–48, без заглавия.

2) ПД. № 27774. л. 1–1 об. – черновой, ст. 49–78.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 120 (ст. 1–6).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 2. С. 513–515. Публикация А. С. Янушкевича. Печатается по тексту этой публикации. Датируется: 11 (23)– 17 (29) марта 1843 г.

По местоположению в рукописи автографа первых восьми стрóf (набросок на-ходится между стихотворением «Завидую портрету моему» и повестью «Маттео Фальконе») он может быть точно датирован (см. выше). Что касается остальных пяти стрóf, написанных на отдельном листке и представляющих необработанный черновой набросок, конец которого читается с большим трудом, то о точной его да-тировке

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh говорит невозможно, но, вероятно, работа над продолжением проходила в непосредственной хронологической близости к первому фрагменту. Как и в случае с «Эллиной и Гунтрамом», «Фридрихом и Гелой» (см. примеч. в наст, томе), Жуковский вновь обращается к стихотворному переложению одного из прозаических рейнских сказаний. В сборниках «Рейнских сказаний» Альфреда Реймонта и Карла Зимрока, близких по времени выхода в свет к 1843 г. и находящихся в личной библиотеке поэта (см. примеч. к повести «Фридрих и Гела»), есть легенда под заглавием «Der Mtinsterbau zu Aachen» («Строительство церкви в Аахене»), основные мотивы которой использованы Жуковским (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 515–516).

Характерно, что в многочисленных списках этого времени, где приводятся заглавия произведений, предназначенных Жуковским для перевода-переложения, он специально выделяет как некий поэтический цикл «Рейнские сказания», а в их составе постоянно называет эту легенду, меняя её заглавие. Сначала это просто «Предание о Карле Великом», затем «Карл Великий и Вор», «Карл Великий и Разбойник» (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 2; Оп. 1. № 40, об. последнего листа). Думается, что слова «Вор» и «Разбойник» в названиях – своеобразные фольклорные эвфемизмы в обозначении Сатаны.

Жуковский отмечает сказание о строительстве аахенской церкви в сборниках Реймонта и Зимрока. Но ни в одном из них не обнаруживается эпизод, получивший разработку в переложении Жуковского. Жуковский из них мог почерпнуть конкретный материал для создания перехода от преамбулы (сообщения о замысле Карла Великого) к основной части повествования (история строительства церкви и происки Сатаны). Во всяком случае разработанный поэтом эпизод органично вписывается в общую ткань рейнского сказания.

Сам характер переложения: использование «эпического размера испанских романсов» (в этом отношении набросок развивает ритмику отрывка «Фридрих и Гела»), членение на строфы, событийность, подчеркнутая многочисленными обстоятельством времени и места, – свидетельствует об экспериментах Жуковского в области сближения прозы и поэзии.

А. Янушкевич

Чаша слёз

(«Раз матушка свою любила дочку...») (С. 323)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 50 об.) – черновой набросок, с заглавием: «Чаша слез» («Кувшин слез» – зачеркнуто), без даты. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: РА. 1873. кн. 1–2. № 9. Стб. 1703. Печатается по РА, со сверкой по автографу. Датируется: между 6 (18) апреля и 4 мая н. ст. 1845 г. Основанием для датировки текста является его положение в рукописи, где автографы произведений находятся в хронологическом порядке. Наброску предшествует «Сказка о Иване-царевиче...» – с датой в конце: 6 (18) апреля 1845 г. За ним следует фрагмент переложения повести Л. Тика «Альфы» (см. ниже) – с датой: «4 мая н. ст. 1845 г. (Бумаги Жуковского. С. 121). В промежутке между ними и возник черновой набросок под заглавием «Чаша слез».

Незаконченный черновой набросок (объемом в 20 стихов) обрывается буквально на полуслове. Можно предположить, что это – переложение (возможно, прозаического) текста, скорее всего, немецкого автора. На эту мысль наталкивает контекст «Чаши слез»: в декабре 1844 г. Жуковский закончил работу над «Двумя повестями», в конце марта 1845 г. – над сказкой «Тюльпанное дерево» (см. комментарий этих произведений).

И. А. Айзикова

Альфы

(«Где Лилия? Спросил отец. Она...») (С. 324)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. л. 51) – черновой набросок, с заглавием: «Аль-фы» и датой: «4 мая».

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 121 (ст. 1–5).

Впервые полностью: РЛ. 1982. № 2. С. 162. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации. Датируется: 4 мая 1845 г.

Среди рукописей поэта, относящихся к середине 1840-х гг., есть и неизвестные еще наброски произведений, включенные в тетрадь с характерным заглавием: «По-вести в стихах». Наиболее интересный среди них – начало переложения прозаической повести немецкого романтика Людвиг Тика «Die Elfen». Эта повесть, как и «Белокурый Экберт» (см. примеч. в наст, томе), предназначалась Жуковским для перевода еще в 1817 г. (см. письмо к Д. В. Дашкову // РА. 1868. № 4–5. Стб. 842). Затем ее заглавие (у Жуковского – «Альфы») неоднократно появлялось в списках произведений 1830-х гг. И только в середине 1840-х гг., готовя сборник «Пове-стей для юношества», Жуковский начал стихотворное переложение этой повести

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский из сборника «Фантазус» Л. Тика.

Автограф переложения находится среди датированных произведений, работа над которыми проходила в 1845 г., что и позволяет отнести авторское указание: «4 мая» к 1845 г.

Текст подлинника, послуживший основой для перевода, находится в 15-ти том-ном берлинском собрании сочинений Л. Тика 1828–1829 гг., экземпляр которого сохранился в личной библиотеке поэта (L. Tieck's Schrieften. Bd. 4. Berlin, 1828. S. 365–366. См.: Описание. № 2262). Пометы Жуковского в этом томе свидетельствуют о его обращении именно к этому изданию.

Сравнение соответствующего отрывка повести Тика с переложением Жуковского (подробнее см.: РА. 1982. № 2. С. 162–163) позволяет говорить о том, что переводчик сохраняет основные моменты сюжета (изменены только имена героев: Лилия вместо Марии, Руфин вместо Андреаса, Дора вместо Бригитты), но стремится к большей объективности повествования. Это достигается за счет определенной детализации, а также переложения прямой речи героев в авторское повествование. Описательное начало занимает важное место в стихотворных переложениях Жуковского этого периода. Этому способствовал белый пятистопный ямб, избранный Жуковским. Повесг-сказка Тика «Die Elfen», с ее атмосферой таинственности и романтических приключений, вполне вписывалась в концепцию воспитательного эпоса позднего Жуковского.

До Жуковского повесть Тика прозой перевел А. А. Шишков.

О. Лебедева, А. Янушкевич

Проданное имя

(«Давным давно, а как давно, о том...») (С. 325)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 54. л. 56 об. – 57 об.) – черновой, с заглавием и датами: «6 и 7 мая».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 123–124 (ст. 1–20, 40–63, 133–149). Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 138–140. Печатается по ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 6–7 мая н. ст. 1847 г.

Черновой автограф наброска повести «Проданное имя» находится в тетради (в 4-ю долю листа, в которой исписаны 59 листов), содержащей черновые редакции произведений 1843–1847 гг. (от «Матгео Фальконе» до «Рустема и Зораба»). Все записи сделаны в хронологическом порядке.

Автографу «Проданного имени» предшествует работа над 8-й главой «Рустема и Зораба» – с датой: «7 марта 1847». Не завершив работу над повестью, Жуковский продолжает переложение повести Рюккерта (л. 58, 59). Все это позволяет датировать наброски повести «Проданное имя» 1847 г., с учетом конкретных указаний Жуковского в тексте: «6 и 7 мая». Как известно, все произведения, написанные за границей, Жуковский датировал новым стилем.

В всей вероятности, сюжет повести восходит к распространенному в литературе европейского романтизма мотиву продажи своего имени Сатане, но никаких реальных параллелей к наброску Жуковского обнаружить пока не удалось.

А. Янушкевич

«Часто в прогулках моих одиноких мне попадался...»

(С. 329)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 26. л. 138–140), черновой, без заглавия и даты. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 77–78.

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: середина 1840-х гг. (около 1845–1847 гг.).

Автограф наброска «Часто в прогулках моих одиноких мне попадался...» находится в папке, озаглавленной Жуковским: «Сочинения» и содержащей отдельные листы с произведениями разных лет. В хронологическом порядке листы были размещены И. А. Бычковым и распределены в два отдела: а) произведения изданные и б) произведения неизданные (см.: Бумаги Жуковского. С. 56, 59). Бычков считал, что данный набросок, «судя по почерку», «писан в сороковых годах» (там же. С. 77).

Вслед за автографом этого наброска находится 76 стихов «Повести о войне Троянской»: «Время настало вершиться судьбам Илиона...», относящейся к июлю 1846 г. (см.: БЖ. Ч. 2. С. 540). Скорее всего, работа над отрывком велась одновременно с другими повестями 1845–1847 гг. Более точных оснований для датировки обнаружить не удалось.

Трудно сказать что-либо определенное о содержании наброска. Вполне возможно, что он имел документальную основу, но скорее всего у него был неизвестный литературный источник.

А. Янушкевич

(Первое переложение Апокалипсиса)

(«...И в оном сне видения стеснились...») (С. 330)

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 76. л. 1–9 – черновой, писанный при помощи особой машин-ки карандашом, сг. 1 – 213.

2) РНБ. Оп. 2. № 4. л. 27–48 об. – черновой, писанный камердинером Васи-лием Кальяновым под диктовку Жуковского, правка частично рукою Жуковского, ст. 1–827. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 148–149 (сг. 1–6).

Впервые полностью: Странствующий жид. Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. (С. И. Пономарева). СПб., 1885 (Сборник ОРЯС. Т. 38. № 2). Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по рукописи. Датируется: 7 сентября – 13 ноября 1851.

Стихотворное переложение Апокалипсиса предназначалось для поэмы «Стран-ствующий жид», но было заменено более коротким вариантом (подробнее об этом см. примеч. к поэме «Странствующий жид» в наст. томе). Датируется по пометам в рукописи 7 сентября – 13 ноября 1851 г. В ноябре 1851 г. Жуковский писал про-тоиерею Иоанну Базарову: «Помогите моему невежеству, напишите вкратце, как изъясняет наша церковь или наши церковные писатели главные видения Апока-липсиса? Это мне весьма нужно, для чего – скажу после; но вы весьма меня обяже-те, если просветите мое невежество. Смысл главных видений апостола мне нужен в поэтическом отношении» (Цит. по: Пономарев. С. 8).

Насколько известно, книга Откровения Иоанна Богослова до этого никогда не была предметом специального внимания Жуковского. Отзвуки тем и образов Апо-калипсиса, которые можно найти в его творчестве до 1840-х годов, попадают туда через тексты-посредники (например, «Аббадона» Клопштока, «Деревенский сто-рож в полночь», «Тленность» Гебеля и т. п.), к самой книге Откровения они имеют отношение весьма косвенное. Нельзя считать серьезной разработкой сюжетов Апо-калипсиса и игривое использование их в арзамасской галиматье (см. Проскурин О. Новый Арзамас – Новый Иерусалим // ИЛО. 1996. № 19. С. 73–128).

Эсхатологические настроения, столь распространенные в александровскую эпо-ху, когда «очень многим казалось, что живут они уже внутри сомкнувшегося Апока-липтического круга» (Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С. 129), не затронули Жуковского. Поразившие поэта револю-ционные события 1840-х годов также не сплетались перед ним в апокалиптическую картину. Вообще, для него личная эсхатология, эсхатология души, воспринима-лась острее, чем историческая. Поэтому характерно, что обращение Жуковского к Апокалипсису оказалось связано с работой над поэмой «Странствующий жид», для главного героя которой – Агасфера – эти две эсхатологии совпадают (в силу того что его земная жизнь может закончиться лишь вместе с земной историей челове-чества). Тема Апокалипсиса связана и с фигурой Наполеона, вызывавшей в свое время устойчивые апокалиптические ассоциации, и, конечно же, с образом Тай-нозрителя – апостола и евангелиста Иоанна Богослова, введенными Жуковским в художественное пространство поэмы.

Жуковский не ставит перед собой цели дать толкование Апокалипсиса. Он делает именно его стихотворное переложение, пересказ. Но это пересказ не бук-вальный. После краткого вступления (ст. 3–6) Жуковский, опуская обращения к семи Азийским церквам (2 и 3 главы Апокалипсиса), сразу переходит к 4 главе и описывает картину «небесной Литургии» – таинственных животных и старцев, предстоящих престолу Божию. Это описание органично входит в литургическую линию поэмы, переключаясь, например, с описанием Божественной Литургии в ст. 1444–1477. Далее Жуковский следует тексту книги Откровения с незначительны-ми пропусками. Он опускает большую часть того, что относится к личности самого Тайнозрителя: видения Апокалипсиса в поэме созерцаются не Апостолом, а Агасфе-ром, хотя и являются своеобразной визуальной транскрипцией рассказа Апостола, который Агасфер слышит во сне. Так, например, перелагая 10 главу, Жуковский пропускает стихи 3, 8–11, содержащие диалог между Ангелом и Тайнозрителем. Пропускает он и первые 14 стихов 12 главы: здесь описывается не видение, а слы-шимое Тайнозрителем пророчество. О специфике отбора материала может дать на-глядное представление план, сохранившийся в архиве Жуковского (автограф № 2; нумерация стихов принадлежит Жуковскому):

866–887 Трон. Двадцать четыре старца. Животные.

888–912 Книга. Семь печатей. Агнец. Песнь всего творенья.

914–951 Снятие семи печатей. Четыре коня. Землетрясенье повсюду.

952–985 четыре Ангела. Седьмая печать. Семь труб. Ангел с кадьницейю. Первая труба. Огонь и град. 2-я труба. Море в кровь. 3-я труба. Звезда на потоки. 4-я труба. Мрак. 5-я труба. Звезда. ключ от бездны. Саранча.

1052 6-я. Четыре Ангела на Ефрате. Ангел на море и на земле. 7-я труба. Явле-нье храма. Хвалебная песнь. Явление жены и зверя. Архангел Михаил. Низверже-ние дракона.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

117 явление зверя. И после него другого зверя.
1150 явление Агнца. Голос с неба. Пение перед тронем. Ангел с Евангелием. Ангел, возвещающий падение Вавилона. Ангел, возвещающий горе. Горе поклон-никам зверя.
1187 Зрение сына человеческого. Жатва. Семь последних язв. Семь чаш гнева. Гной. Море в кровь. Воды в кровь. Опаление людей зноем. Трон звериный покры-тый тьмою. Ефрат. Чаша на воздух. Совершилось. Разрушение Вавилона.
1266 жена-блудница на звере. В блеске с небес. Будущая казнь блудницы. Все-общая Аллилуйя.
1453 витязь на белом коне. Жезл железный. Ангел, скликающий птиц. Низвер-жение зверя и его войска.
1494 Дракон окован Ангелом на тысячу лет. Тысячелетнее царствие. Первое воскресение.
1538 Белый трон. Разогнутая книга жизни. Суд. Смерть и ад. Низвержение в озеро. Новая земля и новое небо. Новый Иерусалим с неба. Скиния Бога. Живые и мертвые. Книга животных. Море, возвращающее мертвых. Низвержение ада и смерти. Вторая смерть. Новое небо и земля.
1560 Нисходящий новый Иерусалим с неба. Всякая слеза стерта. Двенадцать оснований. Град без храма самосветлый. В нем одни записанные в книгу жизни. Река воды живой и древо жизни. Лицезрение Божие.
1563 Глас говорящий.
1566 Жить с ними. Бог. Скиния.
1568 Сотрет всякую слезу, ни скорби, ни смерти.
1571 Препрежнее миновалось.
1573 Совершилось.
1626 Храма я не видал.
1627 Бог Храм и Агнец, солнце и звезды не нужны. 1635 Ночи не будет.
1638 Не войдет ничто нечисгое.
1642 Река воды живой от престола Божия.
1646 Древо жизни.
1653 Лице Божие.
1657 Господь им светом будет.
1667 Подходит время.

Довольно трудно однозначно ответить на вопрос о том, с какого текста делал Жуковский свое переложение. Еще в 1844–1845 гг. он выполнил перевод Ново-го Завета с церковнославянского на русский язык, и можно было бы думать, что именно этот перевод ляжет в основу стихотворного переложения Апокалипсиса. Но в целом ряде случаев Жуковский следует не собственному переводу Нового За-вета, а переводу, изданному Российским Библейским обществом (далее: РБО). Так, в ст. 118–119 (Откр. 8, 2–3) Жуковский использует слово «жертвенник», которым в переводе РБО передано греч. то θουοιαοτ[ί]ριον, в то время, как в переводе Нового Завета у Жуковского стоит, как и в церковнославянском – «алтарь». В ст. 130–131 (...вся трава // Зеленая сгорела) (Откр. 8, 7) Жуковский опять следует не своему переводу, в котором сохраняется церковнославянское слово (трава злачная), а пе-реводу РБО: «вся трава зеленая (хаорос) сгорела». В целом создается впечатление, что, взяв за основу русский текст РБО, Жуков-ский учитывал и славянский текст (в том числе и через свой славянизированный перевод), а также, вероятно, и немецкий (Лютера), и французский (де Саси) пере-воды. О том, что Жуковский внимательно читал новозаветные тексты на немец-ком и французском языках, свидетельствуют многочисленные пометы в изданиях Библии и Нового завета в переводе Лютера и де Саси, сохранившиеся в его би-блиотеке (Описание. № 661, 663, 1768). Впрочем, использование этих последних было, очевидно, затруднено тем, что Жуковский не мог из-за болезни глаз читать самостоятельно, и в своих письменных трудах должен был пользоваться услугами камердинера Василия Кальянова, который служил «и глазами для чтения, и ру-кою для письма» (Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. 1979. л., 1980. с. 71), но, кажется, не читал в достаточной степени ни по-французски, ни по-немецки.

Лексика и синтаксис стихотворного переложения Апокалипсиса значительно славянизированы. В то же время некоторые употребляемые Жуковским термины выпадают из церковнославянской традиции. Самый яркий пример – употребле-ние вместо «престол» – «трон» и вместо «венец» – «корона» (напр., в переложении 4 главы Апокалипсиса (ст. 10–25)). В отличие от традиционно используемых в рус-ских переводах церковнославянизмов «престол» и «венец» эти слова, заимствова-нные западным путем, имеют совсем иной, не связанный со священными текстами, круг ассоциаций (несмотря на то, что «трон» этимологически восходит в конечном итоге к греческому *θρονος*, употребляемому в данном месте Священного Писания). Особенно ощутима для смыслового контекста потеря слова «венец» (*οφρανος*) с его глубокой символикой награды за победу, тернового венца

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Христова и знака царского достоинства.

Цель реального комментария не в том, чтобы дать свод толкований на образы Апокалипсиса, но в том, чтобы показать своеобразие его стихотворного переложения Жуковским. Тем не менее в ряде случаев для решения этой задачи необходимо толкование самих новозаветных текстов. В этом случае мы прибегаем чаще всего к комментариям Архиепископа Андрея Кесарийского, который был и остается наиболее авторитетным православным изъяснителем книги Откровения. Поскольку сам Жуковский, как видно из его письма к Базарову, стремился поверить свое понимание Апокалипсиса церковным, этот выбор представляется оправданным. Цитаты из текста Апокалипсиса приводятся не в Синодальном переводе (еще не существовавшем при жизни Жуковского), а в переводе Российского Библейского общества по изд.: Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. Репринтное воспроизведение издания 1824 г. – М.: Российское Библейское Общество, 2000. Цитаты из Нового Завета в переводе Жуковского приводятся по изданию: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского. Берлин, 1895. Греческий текст (кроме оговоренных случаев) приводится по Textus resertus. Церковнославянский – по Елисаветинской Библии, которой, очевидно, пользовался Жуковский (Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Российское Библейское Общество, 1993 – репринт издания 1900 г.).

Ст. 7–11. ...и увидел я, что Некто II в одежде длинной, с поясом златым, II как пламень солнечный лицом, семь звезд II в деснице, и двуострый меч из уст, II сидел на троне... – Жуковский, описывая Сидящего на престоле, пользуется стихом из первой главы (Откр. 1, 13). Он не учитывает, что этот стих относится к Подобному Сыну человеческому, т. е. ко Второму Лицу Пресвятой Троицы – Сыну Божию, воспринявшему человеческую природу, в то время, как в 4-й главе, которую здесь перелагает Жуковский, речь идет о Первом Лице. «Так как в этом видении (Тайнозритель. – Д. Д.) представляет Отца, то не придает Ему, как прежде Сыну, при знаков телесного образа, но уподобляет и сравнивает Его с драгоценными камнями», – поясняет Архиепископ Андрей Кесарийский (Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, Архиепископа Кесарийского. Иосифо-Волоколамский монастырь, 1992. С. 36). «И сей сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду» (Откр. 4, 3).

Ст. 11–12. ...и четыре трон II животных па хребте держали... – Жуковский несколько снижает и заземляет образ таинственных животных. У него появляется даже такая «физиологическая» подробность, как то, что они «держат» трон «на хребте». Согласно тексту Откровения эти существа отнюдь не «держат» престол Божий, они находятся «посреди престола и окрест престола» (Откр. 4, 6, в пер. Жуковского = цел.). В греческом подлиннике здесь стоит слово с, (βα (цел. животнo, рус. животное; ср. 1 главу Книги пророка Иезекииля), «а это название с/ба, отличаясь от Grjpiov, употреблялось почти всегда греческими писателями в благо-родном значении, т. е. для обозначения таких существ, которые по своей природе стоят не ниже человека. Поэтому, хотя живые существа, виденные св. Иоанном и имели некоторые внешние черты животных, но они по своей природе не были, конечно, животными» (Сборник статей по изложению и назидательному чтению Апокалипсиса. Сост. М. Барсов. Б. м.: Издательская группа Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря «Скит», б. г. с. 170) (ср. перевод этого места в Новой Иерусалимской Библии: four living creatures), так что снижение и «физиологизация» их образа вряд ли оправданы. Несколько отступает Жуковский от текста Священного Писания и в описании внешнего облика с/ба. «И были крылья их могучими очами покрыты», – пишет он. В Апокалипсисе говорится, что очами были покрыты не их крылья, но «каждое из животных ... было внутри преисполнено очей» (Откр. 4, 8), было «с очами бесчисленными спереди и сзади» (Откр. 5, 6), что, по выражению прот. С. Н. Булгакова, является «символом высшей созерцательности в лицезрении Божию» (Булгаков С, протоиерей. Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования). М.: Православное братство трезвости «Отрада и утешение», 1991. С. 43).

Ст. 24–25. ...все пред горним тропом двадцать II Четыре старца падали на землю... – Откр. 4, 10: «тогда двадцать четыре старца падают пред сидящим на престоле, и поклоняются живущему во веки веков». Выражение «падают на землю» в описании небесного, «горнего» видения представляется не совсем удобным (см. далее и ст. 52). Престол Тайнозрителем видится именно на небе: «После сего я взглянул, и се дверь отверста на небе...» (Откр. 4, 1), «и тотчас я был в духе: и се, престол стоял на небе» (Откр. 4, 2), «и вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я двадцать четыре старца сидевших...» (Откр. 1, 4).

Ст. 34–35. Пред Тем, Кто восседал на горнем троне, I Среди животных и венчанных старцев, I Стал... – Не совсем точная передача Откр. 5, 6. В Апокалипсисе

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

«поло-жение Агнца дано странно-неуклюжей семитической фразой, буквально гласящей: «посреди престола и четырех животных и посреди старцев». Эта фраза подчерки-вает, что Агнец в центре, но при этом никак не отрицает и центральность положе-ния Сидящего на престоле» (Гиблин Ч. Открытая книга пророчеств // Символ 1993. № 30. С. 66).

Ст. 36–37. ...седмирогий, седмиокий Агнец, IIкак бы закланый... – Откр. 5, 6. Агнцем в Апокалипсисе именуется Господь Иисус Христос. Ветхозаветный пас-хальный агнец – наиболее полный ветхозаветный прообраз Христа: «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5, 7) (см. Ин. 1, 29; Ин. 19, 36; 1 Петр. 1, 19). Ветхо-заветная Пасха – спасение из египетского рабства – совершилась кровью агнцев, принесенных в жертву в ночь перед исходом из Египта, новозаветная Пасха – спа-сение из рабства греху и смерти – совершилась кровью Христа, принесшего себя в жертву за грехи мира. Число семь означает полноту и совершенство.

Ст. 39. ...арфы были в их I Руках... Цел. гусли, то же слово используется и в из-вестных нам русских переводах, включая перевод Жуковского: гусли. В греч. под-линнике Kιγαραι (Откр. 5, 8), т. е. кифары. Возможно, в данном случае Жуковский основывался на немецком переводе Лютера: Harfen или французском переводе де Саси (arpes).

Ст. 40–42. ... С них же II Святых молитвы, дымом фимиама II Благоухая, к тропу подымались... – Жуковский довольно значительно развивает образ Апокалипсиса, в тексте которого стоит просто: «...имея каждый гусли и чаши златые, полные фи-миама, кои суть молитвы святых» (Откр. 5, 8).

Ст. 49–52. ...Сидящему па горнем тропе / Воспело, в песнь одну слиясь: «Тебе благо-словенье, слава и держава I Во веки!»... – В тексте Откровения указывается, что сла-вословие воссылается не только Сидящему на престоле, но и Агнцу: «Сядящему на престоле и Агнцу благословение, честь и слава и держава во веки веков» (Откр. 5, 13). Жуковский опускает вообще все славословия Агнцу, о которых говорится в этой главе (Откр. 5, 9–10; Откр. 5, 12).

Ст. 100. ...двенадцати колен... –Т. е. двенадцати колен Израилевых (см.: Откр. 7, 4–8).

Ст. 101. Запечатлены той живой печатью... – Новый Завет не знает выражения «живая печать». Имеется в виду «печать живого Бога» (ст. 98; Откр. 7, 2). Выра-жение «живой Бог» представляет собой устойчивое словосочетание, многократно встречающееся и в Ветхом, и в Новом Завете.

Ст. 103. Бесчисленность людей из всех пародов I/ И поколений... – В тексте Открове-ния в данном случае употребляется слово филг], которое обозначает не поколение, а род, «колono». Тем не менее, смысл сгixa в передаче Жуковского сохраняется, ибо речь здесь идет именно о людях из разных поколений человеческого рода. Белоризцы, по толкованию Архиепископа Андрея Кесарийского, «это суть те (...), которые прежде мученически пострадали за Христа и из всякого колена и племени имеющие в последние времена с мужесгвом принять страдания» (Св. Андрей Кеса-рийский. С. 59–60). «Это – вселенская Церковь мучеников всех времен, племен и народов» (прот. С. Булгаков. С. 65).

Ст. 107–109.... Тут все четверо животных, I Все старцы и всех ангелов кругом I Сто-явших, легионы – пали ниц... – В Апокалипсисе говорится о том, что ниц пали лишь ангелы: «и все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали пред престолом на лица свои, и поклонились Богу» (Откр. 7, 11).

Ст. 115. Семь ангелов приблизились к трону... – В тексте Откровения: «И узрел я семь Ангелов, пред Богом стоящих» (Откр. 8, 2).

Ст. 122. ...жертвенным огнем... – Т. е. огнем, взятым с жертвенника.

Ст. 126–127. И вострубить семь ангелов готовясь, I Приставили семь труб к своим устам. – Деталь добавлена Жуковским. В тексте Апокалипсиса просто: «И семь Ангелов, имеющие семь труб приготовились трубить» (Откр. 8, 6).

Ст. 138. ...звезда, горящая, как светоч... – Откр. 8, 10: звезда горящая подобно светильнику. Греч. x\ Ларпссс; (в буквальном переводе «факел, лампада, светильник») на поэтическом языке означает «светило, светоч». В переводе Лютера здесь исполь-зовано die Fackel, в переводе де Саси – un flambeau, имеющие то же сочетание зна-чений. Возможно, Жуковский следует именно немецкому или французскому тек-сту. В собственном переводе он поставил здесь необычный славянизм «пламенник» (в церковнославянском тексте – «свеща»).

Ст. 143–148____затмилась третья II Часть солнца и луът и звезд, и третья II Часть дня была без света, и третья II часть ночи без сиянья звезд, и было IIV том мраке слыш-но, как летел, шумя II Крылами, ангел... – Откр. 8, 12–13. У Жуковского несколь-ко усилен мотив тьмы. В тексте Апокалипсиса после указания на то, что «третья часг дня не светла была», кратко говорится: «так как и ночи» (в переводе Жуков-ского – «и ночь равномерно»). Жуковский же создает целый образ беззвездной ночи, во «мраке» который лишь слышно, но не видно, как летает, шумя

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
крылами, ангел (ср. в переводе РБО: «и видел я, и слышал, как один Ангел летел по небу», в переводе Жуковского: «и я узрел и услышал парение одного Ангела посреди неба»). Образ беззвездной ночи многими нитями связан с поэтической системой и «Странствующего жида», и более раннего творчества Жуковского. В ней звезды – это огоньки небесной Отчизны, «свет родимой стороны» («Деревенский сторож в полночь»), окна в мир «невыразимого», явление «небесного» в «темной области земной». Символ звезды у Жуковского соотносится с образом «таинственного по-сетителя», «вестника», «гения чистой красоты», на мгновение приоткрывающего покрывало, отделяющее земной мир от небесного, и на прощание зажигающего «прощальную звезду» («Лалла Рук»; ср. «звезду преображенья» в «Славянке»). Ли-шенное звезд небо в таком случае означает крайнюю степень безблагодатности, оставленности земного мира небесным. Мотив тьмы акцентирован Жуковским и в начале «Странствующего жида»: по его описанию тьма, наступившая после крест-ной смерти Спасителя, не рассеивалась до самого наступления ночи (согласно евангельскому повествованию она продолжалась лишь три часа). Изображение ее перекликается с образом тьмы из незавершенной поэмы «Египетская тма» (1845; поэтическое переложение 17 главы книги Премудрости Соломоновой), в которой мрак, на три дня охвативший Египет, описывается как ночь, «из адовых исшедшая вертепов», «прообразитель той великой ночи, которой нет конца». В уста пришед-шего в крайнюю степень отчаяния Агасфера Жуковский вкладывает слова Иова, опять же находя здесь близкую для себя ночную и звездную символику: «...и про-клята // Да будет ночь, когда мой первый крик // Послышался: да звезды ей не светят...» (ср. Иов. 3, 9).

Ст. 152. ...и был ей дан от бездны ключ. – «Бездна на языке Откровения есть место предварительного наказания падших ангелов, демонов, зверя и лжепророка (Откр. 11, 7; 17, 8; 22, 1, 3)» (прот. С. Булгаков. С. 70).

Ст. 170. ...носящимузы». –Т. е. связанным (Откр. 9, 14).

Ст. 172–173. ... И было ИИХ воинство несметно... – Откр. 9, 16: «число конного войска было, две тьмы тем» – био риршбес; риріабов, т. е., если переводить чис-лом, – двести миллионов.

Ст. 174–175. ...их кони ИИ Тройною язвою дышали... – Имеется в виду огонь, дым и сера, исходящие изо рта коней (Откр. 9, 18).

Ст. 177–179. Остальные ж ИИ Без покаяния во тьму безверья ИИ злодеянья глубже погрузились. – В тексте Апокалипсиса речь идет не о безверии, а о идолослужении, т. е. о языческой вере в идолов и поклонении им (Откр. 9, 20). Очевидно, Жуков-ский соотносит видения Апокалипсиса с реалиями современной ему европейской цивилизации и потому говорит именно о безверии.

Ст. 180–181. Тут семь громов своими голосами ИИ Проговорили... Ангел [я увидел] ... – В тексте Апокалипсиса видение Ангела, облеченного в облако и радугу, пред-шествует семи громам (Откр. 10, 1–3).

Ст. 190–192. ...тайна ИИ Господня свершится, как пророкам ИИ Ее Господь от-крыл... – «...свершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим про-рокам» (Откр. 10, 7).

Ст. 193. ...ираздалься голос... – В Апокалипсисе – мн. число: гласы (Откр. 11, 15).

Ст. 215. чермпый... –Т. е. красный. Этот же церковнославянизм использован и в Новом Завете в переводе Жуковского. Ниже Жуковский использует и «багря-ный», а во втором варианте стихотворного переложения – и «багряноцветный».

Ст. 221–222. ...разинул ИИ Он пасть... – Деталь, отсутствующая в тексте Апока-липсиса.

Ст. 225. ...был па небо унесен... – Откр. 12, 5: «и взято было дитя ее к Богу и пре-столу Его».

Ст. 234. ...древний змий... – Дьявол назван так потому, что обольстил Еву через змия. Обетование, данное прародителям о семени жены, которое сотрет главу змия (Быт. 3, 15), рассматривается в церковном богословии как первоэвангелие, первое обетование о пришествии в мир Спасителя и о его победе над грехом и смертью.

Ст. 235–236. ...всего создання ИИ человек обольстител. – Откр. 12, 9: «...оболь-стител всей вселенной». «Вселенная» (οἰκουμένη) означает не «все создание», а про-странство земли, населенное человечеством, в более тесном смысле – круг земель, входивших в Римскую империю.

Ст. 241. ...клеветник... – Откр. 12, 10: клеветник. Греч, катггуор – букв, обви-нитель, т. е. дьявол (βτρολος, – клеветник). «Оболгание или клевета дьявола на людей дает, как сказано, название, ему свойственное» (Св. Андрей Кесарийский. С. 97).

Ст. 244. И словом их свидетельства... – (Откр. 12, 11). По словам священника Павла Флоренского «понятие свидетельствования есть одно из первоустановоч-ных понятий философии христианства». По приводимым им же наблюдениям в Новом Завете слова этого лексического гнезда встречаются не менее 174 раз (1, 38% от

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhи всех слов Нового Завета), что само по себе говорит о степени их важности. Греч, рартис, (свидетель), переведенное на славянский словом «мученик», означает такого «свидетеля, который свидетельствует своими страданиями, и та-кого страдальца, чьи добровольные страдания вытекают из самого содержания его свидетельствования» (Из богословского наследия священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 17. М.: Изд-во Московской патриархии, 1977. С. 159). Мученичество есть свидетельство о Христе, оно «есть продолжение апостольского служения в мире» (Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. П. Исто-рия Церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 5). Архиепископ Ан-дрей Кесарийский считает, что в данном месте Св. Писания речь идет именно о мучениках, победивших диавола «страданиями за Христа». Рассказывая в поэме «Странствующий жид» о страданиях первых христиан, Жуковский называет их (вероятно, следуя книге Деяний Святых Апостолов) тем же словом – «свидетели» (см. ст. 367).

Ст. 244–246. ...и тем, II что веруя они не возлюбили II Своей души до самой смер-ти. – «... не возлюбили души своей даже до смерти» (Откр. 12, 11).

Ст. 253–254. ...пошел войною II На всех рожденных от жены... – В тексте Откро-вения: «чтобы вступить в войну с прочими от семени ее» (Откр. 12, 17). Есть различ-ные варианты объяснения, кто такие «прочие от семени ее», понятно только, что это не «все рожденные от жены», ибо от нее рожден и сын, о котором говорилось в Откр. 12, 4–5. Архиепископ Андрей Кесарийский понимает под «прочими» хри-стиан, не ушедших в пустыню, а оставшихся в миру, и толкует это место следую-щим образом: «А когда лучшие и избранные церковные учителя и презревшие зем-лю удалятся по причине бедствий в пустыню, тогда антихрист, хотя и обманется в них, воздвигнет брань против воинствующих Христу в мире, чтобы восторжество-вать над ними, найдя легко уловляемыми их, как бы посыпанных земным прахом и увлеченных житейскими делами. Но и из сих многие победят его, ибо искренно возлюбили Христа» (Св. Андрей Кесарийский. С. 99).

Ст. 254–256. ...покорныхII Заповедям Господним и Христовым II Свидетельством запечатленных... – Откр. 12, 17. В тексте Откровения (в переводе Жуковского так же, как и в переводе РБО) говорится не о «покорных заповедям», а о «со-храняющих заповеди Божий». Кажется, использованное в поэтическом перело-жении слово «покорные» возникает не случайно. В размышлениях Жуковского о вере 1840–1850-х годов мысль о необходимости подвига покорности и послуша-ния – одна из главных. «Во-первых, вера есть произвольное принятие истины, без помощи очевидности, покорив рассудок свидетельству откровения, – считал он, – во-вторых, вера есть произвольное предание самой своей воли воле Того, чьему откровению эта воля уже покорила рассудок» (1 кч'. \ .). Таким образом, вера – это покорность Откровению и послушание воле Божией. Как таковая она является «высочайшим актом человеческой свободы», ибо возможна только через свободное самоотвержение человека. Убежденность в необходимости и благоде-тельности покорности и послушания была чрезвычайно глубокой у Жуковского и во многом определяла его религиозные и общественные взгляды. Его духов-ник протоиерей Иоанн Базаров вспоминает: «Раз я застал его с катехизисом в руках. "Вот, – говорил он мне, – к чему мы должны возвращаться почаще. Тут вам говорят, как дитяти: слушайся того, верь вот этому! и надо слушаться!" "О, авторитет великое дело для человека! – повторял он нередко. – Что такое цер-ковь на земле? Власть перед которою мы должны склонять голову. Мы должны быть перед нею, как дети!" Напрасно иногда я старался наводить его на ту мысль, что для бытия церкви на земле есть и другие высшие основания, кроме одного испытания послушания людей. Он всегда останавливал меня словами: "Без по-слушания нельзя жить на земле!"» (В. А. Жуковский в воспоминаниях... С. 447). Следует вспомнить и то, как Жуковский изображает состояние духовной просвет-ленности, достигнутое Агасфером после принятия крещения: «На потребу нужно

35 – ! 365

595

мне одно – // Покорность, и пред Господом всей воли // Уничтоженье...» (и далее ст. 1506–1518).

Ст. 266–268. И все живущие, которых имя, IIC созданья мира, в книгу жизни Агнцем II не внесено... – Откр. 13, 8: «все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира». Слова «от создания мира» относятся не к тем, кто не вписан в книгу жизни, а к Агнцу. Агнцем, закланным от создания мира, именуется Иисус Христос (см. прим. к ст. 35–36; ср. 1 Петр. 1, 19–20). Впрочем, в новом русском переводе под ред. епископа Кассиана (Безобра-зова) наряду с традиционным допускатся и то прочтение текста, которому следует в своем переложении Жуковский (см. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод с греческого подлинника под ред. епископа Кассиана (Безобразова). – Б. м.: Российское Библейское Общесгво, 1997.).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 279. Лик зверя... – См. и далее ст. 339, ст. 363. В Откр. 13, 14 не лик, а образ (εικων) зверя. Вряд ли здесь возможно употребить слово «лик» в его прямом значении.

Ст. 278. ... исцеленаго от раны... – Выше, в описании первого зверя (ст. 258–260) Жуковский опускает ту деталь, что «одна из голов его как бы смертельно была ранена; но сия смертельная рана исцелела» (Откр. 13, 3).

Ст. 281. Чтоб ои... – Т. е. образ (у Жуковского – лик) зверя.

Ст. 286–287. На их челе или руке лик зверя II Изобразить... – В Апокалипсисе речь не о лике, а о начертании (χαραυρα), отметке, клейме, которое ставится на чело или на правую руку. Архиепископ Андрей Кесарийский считает это начертание «начертанием пагубного имени отступника и обольстителя» (с. 101) (ср.: Откр. 14, 11 и в стихотворном переложении ст. 312). Ниже Жуковский называет начертание и «знаменьем» (ст. 650).

Ст. 300–303. ...и пенье то II Одни, печать Живаго Бога на челе II Носящие, могли из всех людей па свете IIЖивущих повторить... – (Откр. 14, 1–3). Речь здесь идет о 144 тысячах девственников, у которых на челе написано имя Отца Агнца. Жуковский, видимо, отождествляет их с 144 тысячами от колен Израилевых, которые были запечатлены печатю Живого Бога (ст. 99–100, Откр. 7, 2–8). Вряд ли это основательно. 144 тысячи – число, символизирующее полноту и множественность (см.: Библия ч. С. 76). «...Сии тысячи должно считать особыми от показанных ранее и поименно совокупленных из всех колен Израильских, но о девстве которых не засвидетельствовано», – пишет Св. Андрей Кесарийский (с. 111).

Ст. 305. Имел в руках Евангелъе ... – «Имел в руках» – деталь, добавленная Жуковским. Откр. 14, 6: «...который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле...». Жуковский, видимо, считает, что речь идет о книге, в то время как здесь Евангелие (ευαγγελιον) употребляется скорее в первоначальном значении «благая, радостная весть». Такое же понимание отразилось и в переводе Жуковским Нового Завета, где данное место читается так: «...и нес он Евангелие – благовестить живущим на земле...». Ср. с одним из современных вариантов перевода: «И увидел я, как ангел летит в поднебесьи с благовестием вечным...» (Евангелия от Марка. Евангелие от Иоанна. Апокалипсис. СПб., 1997).

Ст. 342–346. ...стояли в море II Кристально-пламенном, имея арфы II Господня в своих руках, и пели II Песнь Моисееву и Агнца песнь II Святую... – Откр. 15, 2–3. «Песнь Моисеева и Агнца» – это, по выражению прот. С. Булгакова, «ветхо- и новозаветная» (Булгаков С, прот. С. 134) песнь: «По песни Моисеевой полагаем, что Богу воссылается песнопение от оправданных до благодати под законом, а по песни Агнца, – что праведно пожившие после пришествия Христова возносят Ему не-престанное песнопение и благодарение...» (Св. Андрей Кесарийский. С. 121–122). Моисей – ветхозаветный пророк-Боговидец. «Стеклянное море, смешанное с огнем» (у Жуковского – кристально-пламенное, вероятно, он отождествляет его с морем, о котором говорится в Откр. 4, 6) напоминает о Черном море, перейдя через которое «Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песнь» (Исх. 14, 31–15, 21). Переход через Черное море – один из прообразов Спасения. Первая строка песни Моисеевой и Агнца содержит реминисценцию из песни Моисея Втор. 32, 4.

Ст. 351. ...Храм скинии свидетельства отверзся... – Скиния (округ} – шатер, палатка) – походный храм, в котором находились ветхозаветные святыни и совершалось Богослужение во время сорокалетнего странствия израильского народа по пустыне. Скиния была изготовлена «по тому образцу, какой показан» (Исх. 25,40) был Моисею на горе Синай. По толкованию Архиепископа Андрея Кесарийского об этой небесной скинии и идет речь в данном стихе.

Ст. 359–361. ...гласIIГосподний... – В Откр. 16, 1 – просто: «громкий голос».

Ст. 366. И море стало кровью... – Деталь добавлена Жуковским, причем этот образ, видимо, ему важен – он специально отмечен в плане: море в кровь (см. выше).

Ст. 372. ...кровь пророков ... – Откр. 16, 6: кровь святых и пророков (см. также ст. 423). «Святыми» в Новом Завете именуются верные – уверовавшие и крестившиеся во Христа.

Ст. 382–383. ...и покрылось царство II Его глубокой тьмой... – Опять Жуковским усилен мотив тьмы. В Откр. 16, 10 просто: и сделалось царство его мрачно (темно). Эта же деталь акцентирована и в плане стихотворного переложения Апокалипсиса, где Жуковский записывает: «трон звериный, покрытый тьмою». См. прим. к ст. 142–147.

Ст. 391. Тогда от храма и от тропа голос IIПослышался... – Голос послышался от одного места – престола («трона»), находящегося в храме: «и из храма небесного, от престола, раздался громкий глас» (Откр. 16, 17).

Ст. 393–395. И было страшное блистанье, громы, II Землетрясенье, голоса, каких II С создання челоука на земле не ведали... – Последнее замечание в тексте Апокалипсиса относится лишь к землетрясению (Откр. 16, 18).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Ст. 416–418. Сидела облеченная в порфиру II Багряную... – Откр. 17,4: «в порфиру и багряницу» – царские одеяния, оба красного цвета.
 Ст. 514. ... ни виссона... – Тончайшая дорогая ткань.
 Ст. 519–521. Не будут продавать уже ни пряных II Кореньев, ни курений, ни ливана, II Ни мирры, ни смолы благоуханной... – Откр. 18, 13. В тексте Апокалипсиса упо-минаются не «пряные коренья», а корица – пряность, которую получали из тол-ченой коры коричнеого дерева (Cinnamomum verum), принадлежащего к семейству лавровых. Ливан (ц.-сл.) – ладан, «смола благоуханная» – добавлено Жуковским (вероятно, имеется в виду тоже ладан), мирра (греч. murrha) – особый вид аромат-ной смолы, получаемой из ряда африканских и аравийских деревьев.
 Ст. 571. Раздался глас, поющий «Аллилуйя!» – В Откр. 19, 3 речь идет не о пении, а о гласе, «который говорил: Аллилуйя!», но слово «пение» вполне применимо в дан-ном случае, «ибо само это слово (Аллилуйя. –Д. Д.) есть не просто слово, а некое мелодическое восклицание. Его логическое содержание можно, конечно, передать словами «хвала Богу», но этим содержанием оно не исчерпывается и не передается, ибо оно само и есть порыв радости и хвалы перед явлением Господа, реакция на Его пришествие...» (Шмемап А., протопресвитер. Евхаристия: Таинство Царства. М.: Паломник, 1992. С. 87).
 Ст. 603–604. ...Себя именовал II Он «Слово Божие»... – Откр. 19, 13: «имя Ему: Слово Божие».
 Ст. 609–610_____и точило II вина Господней ярости он топчет. – Точило – яма для давления винограда.
 Ст. 630.... Их бросили живых... – Т. е. зверя и лжепророка (Откр. 19, 20).
 Ст. 684. И разогну лас я животных книга... – Т. е. книга жизни. Жуковский упо-ребляет славянизированный оборот, подобный тому, который он использовал в своем переводе Нового Завета, заимствовав его из церковнославянского текста: «и были разогнуты книги, и одна книга отворилась, она же книга животная» (Откр. 20, 12, в переводе Жуковского).
 Ст. 704–706. «Здесь скиния Господняя; и в ней II Все человека собраны, и будет II жить с ними Бог...» – Откр. 21,3: «се скиния Божия с человеками».
 Ст. 714. Я вечный Бог... – Слова добавлены Жуковским.
 Ст. 716. Живой дамжаждугцему выпить туне... –Т. е. даром. Церковнославянизм «туне», употребляемый в этом месте и в Новом Завете в переводе Жуковского.
 Ст. 764–766. ...помосты улиц II Из золота, как чистое сияли II Стекло. – В Откр. 21,21 – единственное число: улица города – чистое золото (в церковнославянском тексте, а вслед за ним и в Новом Завете в переводе Жуковского – множественное: стогны града).
 Ст. 803–804. Кто каждое написанное читит II В сей книге слово. – В Откр. 22, 9 говорится о «соблюдающих (tcdv Ti]poi)vto)v» слово сей книги.
 Д. Долгушин (о. Димитрий)
 (Второе переложение Апокалипсиса)
 («Те образы, в течение столетий...») (С. 351)
 Автограф: (РНБ. Оп. 2. № 4. А. 48–51) – черновой. При жизни Жуковского не печаталось.
 Впервые: С 6. Т. 5. С. 164–167 – под произвольным заглавием: «Видение Иоанна Богослова».
 Датируется: 26 ноября 1851 – 7 февраля 1852.
 Второй вариант стихотворного переложения Апокалипсиса, как и первый, не вошел в текст поэмы. Датируется по пометам в рукописи. В этой же рукописи по-сле приведенного выше плана первого варианта стихотворного переложения Апо-калипсиса имеется еще один, зачеркнутый, план, видимо, имеющий отношение ко второму варианту переложения:
 Агнец. Всеобщая песнь. Четыре коня.
 Ангел. Запечатлены двенадцать колен. Семь Ангелов с трубами. Время миновалось.
 Жена, двенадцатью звездами венчанная. Дракон.
 Война на небесах. Победа архангела. Зверь седмиглавый из моря. Сын человеческий с серпом. Всадник на белом коне. Слово Божие.
 Меч из уст. Воинство на белых конях. Против него зверь. Низвержение дракона.
 Сидящий на троне. От лица его убегает небо.
 Возвращение мертвых.
 Вечный суд. Низвержение смерти и ада.
 Ст. 16–18. «Я Альфа и Омега; //я первый и последний; я всему //Начало и конец»... – Откр. 1, 10; Откр. 21,6.
 Ст. 24–25. ...и свернувшись//как власяница, небеса исчезли. – В тексте Апокалип-сиса и в первом варианте стихотворного переложения эта метафора относится к солнцу: «и солнце стало мрачно как власяница» (Откр. 6, 12).
 Ст. 84–85_____с именем неизреченным //Ему лишь ведомым... – Откр. 19, 12: «и имя было на Нем написано, которого никто не знал, кроме Его Самого». Эпитет

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
«неиз-реченный», связанный с эстетикой невыразимого в творчестве Жуковского, отсут-ствует в данном стихе Апокалипсиса. Имя не может быть неизреченным, тогда оно перестает быть именем.

Д. Долгушин (о. Димитрий)

КОНСПЕКТЫ И ПЛАНЫ

Весна

(С. 355)

Подготовительные материалы (планы и конспекты; всего 13) к «Весне» дати-руются 1806-м (I–III) и 1812-м (IV–XIII) гг., но интерес к описательной поэме относится уже к начальному этапу творчества, сопровождается осуществленными фрагментами замысла («Опустевшая деревня», 1805 г., «Вечер», 1806 г., «Гимн», 1808 г., «Послание к Батюшкову», 1812 г.), упоминаниями в различных «росписях» задуманных сочинений и размыкается в широкий контекст дальнейшего творче-ства Жуковского (панорамная элегия «Славянка», балладные и идиллические пей-зажи, пейзажные описания павловских посланий и др.).

Интерес к описательной поэме включен с самого начала в философию жизни в целом. К 1802 г. относится перевод «Сельского кладбища» с экзистенциальными мотивами жизни и смерти, в это же время Жуковский знакомится с различными об-разцами пейзажной поэзии сентиментализма и предромантизма. Андрей Тургенев 26 ноября 1802 г. пишет, что Жуковский «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо! И в сердце – жар поэзии!» (Веселовский. С. 50). В дневнике этого времени Жуковский записывает: «После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы в Сен-Ламберте, в Томпсоне, в Геснере, в Гервее, в Блумфильде» (Дневники // ПСС 2. т. 13. С. 9). К числу ранних переводов аналогичного характе-ра относится текст оратории Гайдна «времена года» (автор либретто Ван-Свиттен. «В 1801 году появилась оратория Гайдна "времена года" ("Die Jahreszeiten"); слова были составлены другом композитора Готфридом ван-Свитен (Gottfried van Swi-eten) по поэме Томсона (...) Жуковский сделал перевод текста ван-Свитена и напе-чатал его под заглавием: "Слова оратории Четыре времени года, музыка г. Гайдена, перевел г. Жуковский. М., 1803"» (Резанов. Вып. 2. С. 220).

Все планы-конспекты обнажают механизм описательной поэмы. Их доминан-тами становятся картинность, описательность и авторские размышления-чувства. Эти два уровня организации материала взаимосвязаны, так как картины природы пропускаются через сознание «певца» и приобретают ценность благодаря способ-ности воспринимать их эстетически. Жуковский фиксирует момент авторской эмо-ции, передавая его словом «обращение»: «Обращение к полям и рощам – явление весны и разлив (...) Картина весенней природы. Обращение к весне. Обращение поэта к себе».

Описательность создает такую особенность, как динамика бессюжетного пове-ствования. Несмотря на внешнюю статичность (обилие назывных конструкций) создается подвижная картина – мозаика пробуждающейся природы. Принципиальным для Жуковского становится точность воссоздания конкрет-ных реалий природы. Наряду с перечисленными раздѣлами трудов Бюффона и Ласепада (см. конспект II) он обращается к специальным трактатам и пособиям, например, по садоводству: «Theorie par jardins, par Morel», «Essai sur les jardins par Watelet», «Hirschfeld. Sur les jardins anglais».

В библиотеке поэта находится двухтомник сочинений Клейста (Kleist. Ch. Sam-mtlliche werke. Berlin, 1782. Bd.1–2. Описание. № 2669). Он содержит пометы Жуковского в тексте поэмы «Весна»: около двадцати записей являются точным переводом названий птиц, деревьев, кустарников, насекомых (der Fink – зяблик; Hanfling – коноплянка; Erlen – ольха; осина, ильм, ландыш, жимолость, шипов-ник, щегленок, дрозд и проч.), что способствует более тонкому проникновению в мир природы.

В библиотеке Жуковского имеется 56-томная «Естественная история» Бюффона (Histoire naturelle. Par Buffon, dedie au citoyen Lacepede, membre de l'Institut Na-tional. 56 tomes. Paris, 1799–1809. Описание. № 739) с аналогичными пометами, закладками с названиями зверей, птиц, что свидетельствует о двойной направлен-ности, аналитической и синтезирующей, поиске равновесия между природой и вос-принимающим ее субъектом.

Отметим и выбор названия поэмы. Из четырех времен года Жуковский вы-бирает именно весну (хотя для элегии из четырех времен дня – вечер). Весна, традиционно являясь временем возрождения природы, символизирует духовное воскрешение. Два этапа работы Жуковского над поэмой «Весна» – отражение эволюции его жизнестроительства и жанровых поисков в области лиро-эпоса.

I

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. л. 19 об.) – конспект, озаглавленный: «Содер-жание весны. С. Ламберт».

Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 499.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
март-апрель 1806 г.

План-конспект расположен среди черновых автографов между незавершенным переводом из «Опустевшей деревни» О. Голдсмита (л. 16–18) и началом перевода «Послания Элоизы к Абельяру» (л. 20). Автограф «Опустевшей деревни» датируется декабрем 1805 г. на основании авторского указания: «Опустевшая деревня, нача-ло. 1805, в декабре: перевод» (РНБ. Оп. 1. № 13. л. 5) и в копии, сделанной рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Опустевшая деревня 1805 году, в декабре» (РНБ. Оп. 1. № 13. л. 14 об.). Конспект «Весны» располагается на синем листе бумаги с водяным знаком 1804 года, аналогичном черновикам «Опустевшей деревни». Между тем перевод «Послания Элоизы к Абельяру» в копии А. А. Протасовой (РНБ. Оп. 1 № 13. л. 16 об. – 18 об.) датирован: «1806 в апреле». Это позволяет, предположить, что поэтический импульс весеннего замысла более соответствует одноименному времени года, а положение конспекта в рабочей тетради с хронологическим расположением автографов конкретизирует время его создания: март-апрель 1806 г. В дневниках 1806 г. акцентируется мысль «сделать план будущей жизни», создать «план моей жизни: семейной; авторской; общественной» (Дневники// ПСС 2. Т. 13. С. 32, 34), что соотносится с содержанием конспекта.

Жуковский ориентируется на известную описательную поэму французского поэта и философа Жана-Франсуа Сен-Ламбера (1716–1803) «Времена года» (*Oeuvres de Saint Lambert. Tome premier. Les saisons, poete. A Paris, 1795*), выбирая для перевода «Le printemps» («Весна»; Р. 1–53). Французский текст содержит прозаический проспект поэтического содержания (*Argument*), которым мог воспользоваться Жуковский. Подробнее о соотношении конспекта Жуковского с первой песней поэмы Сен-Ламбера см.: Резанов. Вып. 2. С. 500–501.

Еще в 1804 г. Жуковский проявил интерес к наследию Сен-Ламберта, читая его философское сочинение «Принципы нравов всех народов или Всеобщий катехизис» («*Principes des moeurs chez toutes les nations ou Catechisme universel*») и собираясь сделать выписки из него «для морали» (РНБ. Оп. 1. № 79. л. 5 об.; ПСС 2. Т. 13. С. 450).

II

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. л. 19 об.) – конспект, озаглавленный: «Клейст». Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 499.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: март-апрель 1806 г.

Конспект датируется на тех же основаниях, что предшествующий, поскольку расположен на одном листе (л. 19 об.).

Набросок представляет собой краткий конспект поэмы немецкого поэта Э. Х. Клейста. В отличие от Сен-Ламбера, ориентирующегося на классическую четырехчастную форму «Времен года», заданную Джеймсом Томсоном («*The Sea-seasons*»), Эвальд Христиан Клейст (1715–1795) создает только поэму под названием «Весна» (*Ewald Christian von Kleist. Sammtliche werke. Berlin, 1782*), написанную гекзаметром. Подробнее о соотношении конспекта Жуковского с поэмой Э. Х. Клейста «*Der Fruhling*» см.: Резанов. Вып. 2. С. 501–503.

Внизу на л. 19 об. список, в который входят упомянутые авторы (Томсон, Клейст), античный прототип дидактической описательной поэмы («*Георгики*» Вергилия в переводе Делиля), швейцарский идиллик С. Геснер и ряд естественнонаучных трудов (Бюффон, Ласепед), которые оказали влияние на творческий процесс, так как художественное мышление Жуковского, как правило, сопровождалось научными «спутниками» (историческими, философскими, педагогическими и проч.).

III

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. л. 51) – черновой набросок плана. Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 498.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: ноябрь-декабрь 1806 г.

План датируется предположительно ноябрем-декабром 1806 г. на основании расположения в рукописи. Интересно, что контекстом служат: незавершенный перевод «Опустевшей деревни» О. Голдсмита (л. 16–18) и идиллии С. Геснера («*Мир-тил и Палемон*») (л. 50). На л. 52 об. Жуковский относит «Весну» к разделу: «Что сочинить» (следом идет раздел: «Что перевести»), осознавая как оригинальное произведение, но не имея жанровой рубрики, хотя в целом в списке соблюдается жанровый принцип: «романсы, ода, идиллия, послание, элегии, песни, сказки, опера» (л. 52 об.). В разделе «что перевести» встречаются следующие названия: «Опустевшая деревня», «Томсон или Клейст или Блоомфильд», «Четвертая песнь "Ehomme des shamps" Делиля», «Клейст». В списке «живописная поэзия» значатся: «Весна, Опустевшая деревня, Отрывки из Делиля, Томсона и Сен-Ламбера». Таким образом, наряду с созданием оригинального произведения Жуковский планировал ряд переводов, типологически близких в жанровом отношении.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu...
Первые три плана-конспекта не случайно создаются в 1806 году, в пору белевско-мишенского уединения, напряженных этико-философских рефлексий и «лирического взрыва», когда в более чем 50 стихотворениях поэт ищет способы фрагментарного выражения чувства, соединяющего человека с миром. Описательная поэма, насколько об этом дают представление планы, должна была стать формулой жизни в единстве этического и эстетического, бытового и творческого, физиологического и морального.

План III совмещает в себе элементы конспекта (из Клейста), обогащенные авто-биографическим контекстом: воспоминанием об Андрее Тургеневе («А... краткость его жизни») и обращение к Мальвине, может быть, не совсем условной возлюбленной (ср.: Мальвина, Минвана, а позднее, в планах 1812 г., (см. далее) обозначится уже сформировавшееся чувство любви к Маше Протасовой). Ее день рождения 1 апреля становится для поэта символом весны.

В 1806 г. написана элегия «Вечер», фрагментарно-лирически реализовавшая часть замысла «Весны». Но если для элегии характерен монотематизм, единство основного тона, то в поэме образ лирического героя помещен в определенный, устойчивый круговорот времен и занятий, укоренен в жизненном укладе, ежеминутных занятиях и чувствованиях, что особенно ясно прозвучит в планах 1812 г.

IV

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 4) – конспект, озаглавленный: «План Клейстовой весны».

Впервые: Ветшева. С. 25.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май 1812 г.

Планы IV–XIII отражают новый этап работы Жуковского над описательной поэмой. Все они находятся в одной рабочей тетради поэта и следуют друг за другом. Жуковский возвращается к материалам весны 1806 г., но пытается придать им новый масштаб и подчинить лироэпическому замыслу, связанному с концепцией описательной поэмы. Философия жизни и психология человека, пробуждающегося вместе с весенним обновлением жизни, его надежды и иллюзии – в центре «общих планов». Все планы датируются маем 1812 г. по положению в рукописи. Жуковский возвращается к прежним источникам (Клейст, Сен-Ламберт, Томсон), но включает их конспект в общую концепцию бытия, в философию уединения и семейной жизни, творчества. Об источнике конспекта см. примечание к № 2.

V

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 4) – конспект, озаглавленный: «План С. Аажьертовой весны».

Впервые: Ветшева. С. 25–26. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: май 1812 г.

См. примечание к конспекту № 1.

VI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 4 – 4 об.) – конспект, озаглавленный: «Томп-сонова Весна».

Впервые: Ветшева. С. 26–27. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: май 1812 г.

Интерес к творчеству английского поэта-сентименталиста Джеймса Томсона (1700–1748), прежде всего к его описательной поэме «The Seasons» («Времена года»), проявился у Жуковского еще в 1808 г., когда он перевел заключительную часть из нее – «Гимн» («А Нупн»). В статье «О переводах вообще и в особенности о переводах стихов» он писал: «Ты хочешь переводить Томсона – оставь город, переселись в деревню, пленяйся тою природою, которую хочешь изображать вместе со своим поэтом: она будет для тебя самым лучшим истолкователем его мыслей» (ВЕ. 1810. ч. 49. № 3. С. 198). Еще в 1787 г. Карамзин опубликовал в «Детском чтении» (ч. 10–12) прозаический перевод поэмы Томсона. В стихотворении «Поэзия» он восклицал: «Натуры сын любезный, // О, Томсон! Ввек тебя я буду прославлять!» Встречи и беседы Жуковского с Карамзиным в Остафьеве стимулировали этот интерес. В библиотеке поэта поэма Томсона сохранилась в немецком переводе: «Jakob Thomson's Jahreszeiten. Uebersetzt von J. C. W. Neuendorff. Berlin, 1815» (Описание. № 2259).

VII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 4 об.) – конспект, озаглавленный: «План La maison des champs».

Впервые: Ветшева. С. 27.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май 1812 г.

Жуковский обращается к конспекту поэмы французского поэта Винсента Кампенона (1772–1843) «Сельский дом» (1809). В планах своей деятельности, относящихся к 1814 г., среди творческих замыслов: «Сочинения» Жуковский называет: «Maison de

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
ch.». По мнению И. А. Бычкова, речь идет о поэме Кампенона (Дневники. С. 49).
Она могла привлечь его внимание в связи с философией уединения и планами
семейной жизни. Основания для датировки те же самые, что у предыдущего
плана-конспекта, поскольку все планы и конспекты на л. 4–6 об. представляют
собой процесс последовательного оформления и развития замысла описательной
поэмы от синтеза традиций до трансформации в окончательный лирический фрагмент.

VIII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 5) – общий план, перечеркнутый вертикальной
чертой.

Печатается впервые по автографу. Датируется: май 1812 г.

Основания для датировки аналогичны предшествующим планам IV–VII. Уже первый
пункт плана: «Возвращение на родину» – попытка связать замысел описательной
поэмы с реалиями белевско-мишенской жизни.

IX

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 5) – общий план. Печатается впервые по автографу.
Датируется: май 1812 г.

План – отражение попыток синтезировать литературную традицию (Геснер, Шатобриан,
Шиллер, Гёте, авторы «Времен года») и собственную философию бытия, конкретные
натурфилософские наблюдения.

X

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 5 об.) – общий план. Печатается впервые по
автографу. Датируется: май 1812 г.

Своеобразие плана – сюжетное оформление замысла, возможно, разбивка на стихи, о
чем свидетельствуют появившиеся цифры, которые у Жуковского традиционно связаны
именно с поэтическим воплощением планов. Характерно введение мифологического
пласта повествования.

XI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 5 об. – 6) – общий план. Печатается впервые по
автографу. Датируется: май 1812 г.

Для этого и двух последующих планов показательна установка на лирическое
воплощение замысла. Уже первые слова плана: «Приступ. Жел(аю), чтобы я...»
передают новое состояние лирического героя: «Я хочу воспеть...»

XII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 6 – 6 об.) – общий план. Печатается впервые по
автографу. Датируется: май 1812 г.

XIII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 6 об.) – начало общего плана. Впервые: Ветшева.
С. 27. Печатается по тексту этой публикации. Датируется: май 1812 г.

Второй этап работы (планы IV–XIII) над замыслом отличается масштабно-стью:
количественным объемом планов-конспектов и насыщенностью источника-ми,
сложностью культурно-исторических ассоциаций.

Усложняется по сравнению с первым этапом биографический контекст. 1811– 1812 гг.
можно обозначить как муратовско-черненский период, время тесного общения с
семейством Плещеевых, продолжающегося сотрудничества в «Вестнике Европы» (в
феврале 1811 года выходит статья «О поэзии древних и новых»). В январе 1812
года в ответ на сватовство к М. А. Протасовой Жуковский получает от-каз
Екатерины Афанасьевны, а 12 августа он вступает в Московское ополчение, что
создает драматическую напряженность переживаний. Можно предположить, что планы
«Весны» стали своего рода точкой опоры, способом сохранения собственно-го
культурного космоса. Четыре конспекта разных авторов (Клейста, Сен-Ламбера,
Томсона, Кампенона), развернутые общие планы и стихотворное начало датируются
1812 г. на основании расположения в рукописи. Нал. 2 находится прозаический план
послания «к Батюшкову» (1812 г.). На л. 3 содержится список задуманных и
осуществленных произведений, причем неосуществленные подчеркнуты Жуков-ским. В
этом списке значится законченным «К Плещееву» («Послание к Плещее-ву. В день
Светлого Воскресения»), написанное в апреле 1812 г., и незавершенным «К
Бат(юшкову)». Можно предположить, что создание планов «Весны» относится к
апрелю-маю 1812 г. (хронологические и тематические совпадения: «Весна»
созда-ется весной).

В четырех конспектах (IV–VII) сохраняется та же структура: картины (описа-ния) –
обращение, но усиливается взаимосвязь между ними – сравнение. Функ-ция аналогии
шире простого сравнения – это способ показа сложных и многооб-разных связей:
традиционный контраст золотого и железного веков, войны и мира, аналогия
природных и культурных явлений, аллегорические сцены пробуждения любви в
человеке и природе и т. п. Конспекты не носят чисто прикладного харак-тера,
поскольку Жуковский переводит буквально и реалии, и имена (например, «обращение
к леди Гартфорд; Литтeltu; Дорас, Глелас; Дора, Линдор и Глисе-ра, Хлоя и
Сильвандр» и проч.).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Общие планы (VIII–XIII) имеют сложную смысловую структуру. Это воплощается в целостной и универсальной концепции человека и мира. Человек, с одной стороны, приобщен к вечному природному круговороту (времена года, дни, часы, мгновения), а с другой – способен разумно преобразовывать природу, свою собственную в том числе, уподобляясь Творцу, и в нем же живет способность наслаждаться красотами преобразованной природы и нравственной красотой человека, стремящегося к совершенству. Причем характерной особенностью, над которой Жуковский работает сознательно, является отсутствие разрыва между земным и идеальным. Таким посредником становится образ сельской жизни, во многом условный и основанный на традиции описательной дидактической поэзии. Отсюда обилие ссылок, облегчающих восприятие «сельских» реалий, готовых образцов. Это, например, идиллии С. Геснера, «Георгики» Вергилия; «Сельский житель, или французские георгики» Ж. Делиля («*Chomme des champs, ou les Georgiques Françaises*»), «Сельский дом» М. Кампенона («*La maison des champs*»), «Сады» Ж. Делиля («*Les jardins*») и др. Планы поэмы помимо изображения общей картины мира насыщены элементами морального дидактизма, требованиями особого, должного образа жизни, того, что Батюшков называл «поэтической диетикой». Жуковский писал об этом: «Ты хочешь переводить Томсона – оставь город, переселись в деревню, пленяйся природою, которую хочешь изобразить с своим поэтом» (ВЕ. 1810. № 3. С. 198). Поэтому в планах-конспектах распорядок дня расписан со скрупулезной точностью. «Дом / Расположение / Чистота / Гостеприимство / Занятия / Работы – экономия. Порядок. Заботливость / Отдых / обед / Прогулка / Забавы» (план XI). Еще одна особенность планов состоит в сочетании историко-культурного измерения (комментарий – статья Жуковского «О поэзии древних и новых») и лирико-психологический образ сентименталистского «внутреннего человека» (комментарий – перевод статьи «Общество и уединение» из Х. Гарве). Первая парадигма включает в себя сопоставление античного типа личности в его земной пластической завершенности и христианской идеи бессмертия души. Это сопоставление дополняется картинами античной мифологии, перешедшей из разряда веры в арсенал художественной аллегории и символики. «Черты мифологии / Весна. Изображение. Аллегория Венеры / Натура оживлена / Явление Авроры и Аполлона / Аполлон и музы / Тетя – Луна и Эндимион...» и т. д. (план X).

Психологический портрет «внутреннего человека» строится на противопоставлении простоты души уединенного сельского жителя и жизни света; культе дружбы и семейственной жизни, исполнении своего нравственного долга, энциклопедии «сельской жизни», близкой природным ритмам, жизни «как у всех»: «Изображение сельского человека / Свобода, посредственность, счастье семейственное, вот что единственное / Может ли уравниваться такая жизнь со светскою / К милому – жить с ним. Стоим при начале жизни / Что будет (...) иметь друг друга в виду / Усилить душу в стремлении ко всему хорошему / Укоренить в ней веру в бессмертие» (план IX). В стилистике общих планов описательность взаимодействует с элегическими сентенциями, но они не становятся определяющими, поскольку тональность задана названием.

Это качество проявляется в последних планах (план XII). «Счастлив сельский человек, возвращающийся на свою родину. / Я хочу воспеть его жизнь (...) Счастлив, кто любит природу, счастлив, кто и изобразить умеет». Определяющим качеством планов, не дающих остаться замыслу лишь суммой фрагментов, становится образ лирического героя – не просто условного «сельского жителя», но поэта, наделенного творческим началом, поэтому лейтмотивом всех подготовительных материалов становится тема вдохновения, возрождения души в гармонии с вечно возрождающейся природой.

Сохранившийся стихотворный зачин (24 стиха) позволяет сделать вывод о преобладании лирического начала над повествовательным (особенно в интонационной сфере).

Замысел остался неосуществленным. Принято говорить о подобных творческих сюжетах Жуковского именно как о диспропорции подготовительного этапа и его реализации. Ю. М. Лотман заметил по этому поводу: «Так, например, Жуковский, готовясь к написанию поэмы "Весна" (как сам он указывал, он ориентировался при этом на Эвальда Клейста, Томсона и Сен-Ламбера), составил себе такой обширный список книг по ботанике, метеорологии, зоологии и антропологии, как будто готовился писать не поэму, а ученую диссертацию» (Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова // Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 201). Напрашивается определенная параллель с незавершенной поэмой «Владимир», перегруженной историко-этнографическими материалами. Вместе с тем такие растянутые во времени создания произведения, как «Вадим», «Ундина», были все же завершены. Причиной могли быть биографические и исторические мотивы. «Весна» как модель

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh семейного благоустройства и счастья, будучи осуществленной, могла вызвать нежелательные ассоциации, а война 1812 года послужила реальным препятствием для продолжения работы. Жизнь нейтрализует литературный сюжет. Тем не менее, неосуществленный замысел описательной поэмы имеет большое значение для складывающегося описательного стиля русской литературы. Так, в поэтическом зачатке поэмы наблюдается сочетание устойчивых поэтических форм-мул и бытовых конкретных деталей, возможно, связанных с воспоминанием о родных местах: упоминающийся в общих планах ключ Гремячий (реальная примета Мишенского), «ласточка, пришлец издалека», «прелесть вешних дней», «смиренный друг полей» и «домик с белеными стенами», «лай собаки вестовой», «скрыпну-ли молчавшие давно // Широких врат тяжелые растворы».

Отзвуки описательной поэмы можно проследить и в посланиях Жуковского 1810-х гг. Например, в «Послании к Плещееву. В день Светлого Воскресенья» (апрель 1812 г.): «Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы, // Соединят вокруг нас ее красы!» Но если это можно истолковать как ссылку на авторов описательной поэмы, то в послании «К Батюшкову» очевидны прямые заимствования из планов «Весны» («мельница», «швабский гусь спесивый», «дикая крапива», «смиренный земледелец»). В стихотворное послание Жуковский вводит предромантические натурфилософские идеи: дает вольный пересказ стихотворения Шиллера «Раздел земли» («Theilung der Erde»), использует образы стихотворений Гёте «Прогулка» («Spaziergang», Геринга «Хлоя к Аминту» («Chloe an Amyntas»). Подробнее см.: Га-ити И. 77. К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев. С. 1–9). В общих планах «Весны» упоминаются Шиллер («Ideale») и Гёте («Spaziergang»). В этой же рукописной тетради (№ 78. л. 2) содержится зачеркнутый прозаический план послания «К Батюшкову», ранее не публиковавшийся:

К тебе в приют спешу, готовь (нрзб.), укрась цветами своих пенатов, с нами Вяземский и его милая подруга; он рано отошел от бурь и счастлив. Посвятим вечер дружескому разговору. При гласе весенних соловьев. – Смотрю на твое уединение; тишина и веселость наполняют душу мою. Здесь должен жить певец. О счастливый жребий поэта. Знаешь ли, что [нам] рассказывал один вдохновенный. Раздел земли. С тех пор ничто земное не приближается к поэту (к Лизидасу). И этот мир. Заботы ему неизвестны; светские причуды, хитрости придворных, он знает о них по слуху. Его мир: там фантазия; невинность. Посредственность, сторож его спокойствия; слава иногда заглядывает, но не та беспокойная слава, а милая родная сестра надежды. Как она, ясная и непорочная. Посетят ли его не-счастья, разрушатся ли его надежды, он призывает в этот приют и там возвращает себе воображением потр(ебность) в жизни. Счастлив, когда с сим мечтательным благом соединяется некоторое существующее?) дружество и семейство. Для поэта нужно собрать в тесном круге все милое и на всю жизнь. Мой друг, брось своих Лаис, которые уничтожат и чувства, и развратят душу. Любовь поэта. Ищи ее, мой друг. Когда ее нашел, посвяти ей все свои чувства: да будет она твоим гением, твоим спутником. Но страшись разрушить: Увы! тогда не уйдешь от скорби и в тво-ем идеальном мире и туда последует за тобою милый образ и будет смущать тебе душу. Прости. Скажи Блудову и Тургеневу, чтобы ждали меня на берегах Невы и помнили. Между тем пиши боле.

Форма дружеского послания является скрытым способом автокомментария к собственным переживаниям и во многом совпадает с нравственно-этической про-граммой «Весны».

На этом же л. 2 находится план, не входящий в общий массив материалов «Весны», но обладающий той же дескриптивной направленностью: это своеобразные этюды «четырёх времен суток» в импрессионистических тонах:

Утро. Время перед зарею-туман: в тумане [свет] дым, рев стад, голуби, полосы света, река – проясн(ение) тумана; блеск росы – жаворонок – начало работы и мало-помалу оживл. – Минвана, ее утро, цветник, больной [жизнь его], душа его на это утро.

Полдень. Жар – Тень на берегу реки – стадо над водою – гроза – дождь – после грозы живость – купанье [рыбак]. Рыбная ловля. Сенокос и копны. Сравне-ние несч(астья?) с грозю.

Вечер – возвращение с полей – песни – сельские игры – [семья в саду] – ве-черние картины – заход(ение) солнца и луна – чибис – лодка одна на озере – королек – лягушки – семья в саду – Прият(ность) сем(ейного) круга.

Ночь. Тишина – ночные виды: кладбище и развал, церковь. Мысли о бессмертии. Адептом описательной поэмы был А. Ф. Воейков. Ему принадлежит перевод от-рывков из 3-й и 4-й песен «Георгик» Вергилия (ВЕ. 1816. № 21, 23/24; 1817. № 4) и «Садов» Жака Делиля, над переводом которых он работал в 1806–1816 гг. (см. об этом: Реморова Н. Б. Книга Ж. Делиля из библиотеки В. А. Жуковского // Памятни-ки культуры: Новые открытия. 1985. Л., 1987. С. 27–32; Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 191–209). В 1813 г. Воейков обращается к Жуковскому в послании:

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu
«Напиши че-тыре часги дня, // Напиши четыре времени, // Напиши поэму славную, //
В русском вкусе повесть древнюю (...)» (Воейков А. Ф. К Жуковскому // Поэты
1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 278). Воейков предлагает Жуковскому вместо его
привычных жан-ров: песен, романсов, баллад, элегий – крупную эпическую форму,
причем аль-тернативную – описательно-дидактическую или волшебно-исгорическую
поэму. Поэма как жанр, выражающий национальное самосознание, актуализировалась в
предарзамасской среде, и Жуковский воспринимался ее основным творцом. В
от-ветном послании «К Воейкову» 1814 г. Жуковский создает вариации на заданные
темы (См.: ПСС 2. Т. 1. С. 654–661).
Замысел поэмы «Весна» сконцентрировал огромное количество подготовитель-ных
материалов и на уровне планов стал концепцией натурфилософской картины мира и
поэтического сознания. Рефлексами этого масштабного замысла в процессе работы
становятся элегия «Вечер» (1806), «Гимн» (1808), послания к Плещееву, к
Батюшкову (1812), к Воейкову (1814), панорамная элегия «Славянка» (1815),
пав-ловские послания 1819–1820 гг., элегические пейзажи баллад и поэм, переводы
идиллий Гебеля.

Н. Ветшева

Владимир

(С. 365)

Замысел волшебной-исторической поэмы «Владимир» занимает важное место в
творчестве Жуковского и русской литературе начала XIX века. Поэма стала фор-мой
времени, в спорах о ней, в попытках создания различных образцов жанра вы-ражались
представления предромантизма и романтизма о сущностных основах на-ционального
характера, вырабатывались механизмы взаимодействия человека и мира, осмыслились
категории исторического сознания и бытия.

Замысел и разнохарактерные подготовительные материалы относятся в 1805– 1819 г.
Первое упоминание о «Владимире» отмечено в 1805 г. (Бумаги Жуковского. С. 72),
последняя попытка реализации замысла – к 1819 г., когда в составе
неза-вершенного «Послания о луне» Жуковский набрасывает план (РНБ. Оп. 1. № 29.
Л. 16). Наиболее интенсивно замысел обсуждается и развивается в 1810–1817 гг., в
атмосфере предарзамасского и арзамасского братства.

Жуковский говорит о замысле «Владимира» как об организующем центре твор-ческих
исканий 1810-х гг. Этому посвящены письма к А. И. Тургеневу от 12 сен-тября 1810
г. и 7 ноября 1810 г., где Жуковский, в частности, говорит: «Владимир будет моим
фаросом; но чтобы плыть прямо и безопасно при свете этого фароса, надобно
научиться искусству мореплавания» (ПЖТ. С. 76). Особое значение Жу-ковский видит
в изучении истории, ибо «для литератора и поэта история необходи-мое всякой
другой науки: она возвышает душу, расширяет понятие и предохраняет от излишней
мечтательности, обращая ум на сущесгвенное» (Там же. С. 75). «Но в истории, –
подчеркивает он, – особенно буду следовать за образованием русского характера,
буду искать в ней объяснения настоящего морального образования рус-ских. Это мне
кажется прекрасною точкою зрения» (Там же. С. 59).

В письмах к Тургеневу и Воейкову 1813–1816 гг. лейтмотивом становится мысль о
необходимости создания поэмы: «Молись же судьбе, чтобы вдруг меня не ослепило
(счастье брака. –Я. В.). Это значит: приезжай, и в белой книге наполнят-ся
страницы» (Письмо от 13 февраля 1814 г. к А. Ф. Воейкову// РА. 1900. № 9. С.
19). В сентябре 1814 г. он пишет А. И. Тургеневу: «Он [Батюшков. – Я. В.]
поджигает меня на поэму. Эта мысль уже давно в голове моей; теперь будет зреть и
созреет (...) Нет ли у тебя каких-нибудь пособий для Владимира? Древностей,
которые бы дали понятия о том веке, старинных русских повестей? Посоветуйся об
этом с Дашковым и с Сергеем Семеновичем» (ПЖТ. С. 125). С. С. Уваров предлагает
в качестве образца шотландские баллады, творчество Вальтера Скотга и эпоху
сред-невековья. В письме к Жуковскому от 17 августа 1813 г. он замечает: «...
Две эпохи можно назвать поэтическими: классическую, то есть эпоху греков и
романтическую, то есть эпоху средних веков, des Mittelalters» (РА. 1871. № 2.
Ст. 161–162). Уварову же принадлежит предложение Жуковскому написать русскую
поэму русским раз-мером («Письмо о русском гекзаметре»). Эту идею поддерживает
К. Н. Батюшков: «... Если г. Жуковский согласился на его (Уварова. – Я. В.)
приглашение – на-писать поэму из нашей истории, то он должен непременно избрать
сей период от рождения славянского народа до разделения княжества по смерти
Владимира. Мы пожелаем с г. Уваровым, чтоб автор Певца во стане русских воинов,
Двенадцати спящих дев и пр., поэт, который умеет соединять пламенное, часто
своенравное воображе-ние с необыкновенным искусством писать, посвятил жизнь свою
на произведения такого рода для славы отечества (...) и не исгощал бы своего
бесценного таланта на блестящие безделки» {Батюшков К. Я. Сочинения: В 3 т.
СПб., 1885–1887. Т. 2. С. 410; Т. 3. С. 644}. 1 декабря 1814 г. из Долбино он
дает поручения А. И. Тургене-ву к Уварову, чтобы тот попросил Thalaba the
Destroyer by Southey и Arthur or the Northern Enchantment by Noole. «Все это

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu может пригодиться для моего Владимира, который крепко гнездится в моей голове» (ПЖТ. С. 133. – Имеются в виду поэма англий-ского романтика Р. Саути «Талаба», вышедшая в 1803 г., и стихотворный роман Ричарда Хала (Hole) «Артур», появившийся в 1789 г.).

Поэт погружается в океан летописей, замечая, что надобно самому добираться до источников. В этом смысле ему чрезвычайно помогает знакомство с готовящейся к печати «Историей Государства Российского» Н. М. Карамзина.

4 марта 1815 г. он замечает: «A proros. Я не шутя начинаю думать о поэме; уже и Карамзин (милый, единственный Карамзин, образец прекраснейшего человека) мне помогает. Я провел несколько сладостных дней, читая его Историю. Он даже позволил мне делать выписки. Эти выписки послужат мне для сочинения моей поэ-мы. Но как еще много надобно накопить материалов! Жизнь дерптская, дерптская библиотека, все это создаст Владимира» (ПЖТ. С. 143). И далее (19 июля 1815) из Дерпта: «Работаю, но работа механическая. Иная и невозможна. Готовлю сухие материалы. Но когда оживлю их – Бог знает!» (Там же. С. 147). Списки источников включают в себя как историографию, так и образцы мировой традиции в жанре поэмы. Делая выписки из «Истории Государства Российского», Жуковский одновре-менно конспектирует те исторические источники, на которые ссылается Карам-зин. Например, в РНБ (Оп. 1. № 90) содержится конспект части карамзинской истории, посвященной мифологическим верованиям древних славян, а с левой стороны чистых листов – конспект книги немецкого историка Андреаса Готлиба Маша (1724–1807) о мифологическом пантеоне западных славян (Mash A. G. Die gottesdienstlichen Alterthumer der Obodriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollener See erläutert. Berlin, 1771). Таким же образом он осмысляет сочинения немецкого историка Людвиг Альбрехта Гебгарди (1735–1802) «Geschichte aller wendisch – Slawischen Staaten. Halle, 1790–1797. Bde 1–4» и шведского историка и археолога Ханса Эриха Тунмана (1746–1778) «Untersuchungen tiber die alte Geschichte einiger nordischen Volker. Berlin, 1772», посвященные истории северных народов, и мн. др. В письме А. И. Тургеневу от 11 июля 1810 г. он просит «прислать (...) Гебгарто-во, Машево и Тунмановы сочинения о нравах древних Славян (титула сих книг не знаю, но слышал об них от Карамзина, и теперь имею в них нужду...)» (ПЖТ. С. 54–55). Одновременно он думает о способах использования источников. Главным обра-зом они должны служить фактической основой исторического фона, описания обы-чаев и нравов, характерных для предромантической традиции местного колорита. «Выписки из летописей и старинных книг. 1. Описание городов и мест. 2. описа-ние характеров. 3. Описание сражений. 4. Описание обычаев. 5. Выражения, кото-рые можно было бы употребить. 6. Смесь» (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 20). Не случайно Жуковский собирается предпринять путешествие в Киев: «Мне бы хотелось в поло-вине будущего года (1816. – Н. В.) сделать путешествие в Киев и в Крым: Добрыня в Крыму. Это нужно для Владимира» (ПЖТ. С. 151).

Уже на уровне подготовительных материалов историческая часть приобретает иные смыслы: в нее включаются собранные из разных источников мифологические и фольклорно-этнографические реалии: «Боги, их изображение, храмы, обряды жертвоприношений, суеверия, вымышленные существа» (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 16). Жуковскому важно не просто зафиксировать определенные стороны жизненного уклада, но с помощью обрядовой стороны проникнуть в духовную жизнь предков, проследить процесс становления русского характера. «Быть национальным не зна-чит писать так, как писали русские во времена Владимира; но быть русским своего времени, питомцем прежних времен» (БЖ. ч. 1. С. 30). Так, на л. 9 об (РНБ. Оп. 1. № 78) содержится пространный список имен героев задуманной поэмы, восходя-щих к разным традициям: «Владимир, Добрыня, Ярослав, Рогвольд, Бурновой, Боян, Звенислав, Рогдай, Стоян, Добрыня, Чурила, Алеша, Еруслан, Громобой, Илья, Богуслай, Соловей, Полкан, Черномор, Карачун, Кашей, Тугарин, Змиу-лан, Зилант, Бова, Позвизд, Щелкан, Вадим, Радегаст Тароп, Гремислава, Рогнеда, Аламида, Ксения, Ольга, Мирослава, Людмила, Любимира, Царь девица, Зерцала, Глориана, Героида, Орина, София, Велесана, Дедилия, Светлана, Всемила». Неко-торые из этих имен будут включены в планы поэмы.

Стремление проникнуть в духовную сущность национального характера побуж-дают Жуковского обратиться к национальной мифологии и фольклору, а также по методу аналогии к универсальной литературной традиции. Он набрасывает типо-логию, состоящую из заимствования выражений, подражаний и собственных идей (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 10; записи сделаны в столбец):

Выражения / Русские летописи / Песнь Игорю / Летопись Нестора / Стар(инные) русск(ие) стихотворения / Русская правда / Духовная Мономаха / Русские сказки / Подражания / Ариост / Оссиан / Саути / Парни / Тасс / Шекспир / Гомер / Virgiliий / Матиссон / Cabinet des fees / Собств(енные) идеи. Историческая часть / Несгор / Ни-кон / Антон / Абевега / Описании народов / Путешествие в Тавриду / Путешествие Палла(са) / История Тавриды / Оботриты.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

В 1816 г. Жуковский обращается к А. П. Юшковой (Зонтаг) с просьбой записывать для него русские сказки и русские предания, собираясь использовать их в дальнейшем: «В сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятие о нравах их и степени просвещения, и о старине» (УС. С. 89). Для времени становления русской этнографии и фольклористики дифференцированное отношение к фольклору, славянской мифологии было чрезвычайно важным, постепенно вытесняя укоренившуюся связь мифа с баснословием. Жуковский, в силу универсальных и типологизирующих качеств творческого мышления, обращается порой к разнородным традициям: здесь «Абевега русских суеверий» М. Д. Чулкова (1786) и компиляция в духе народной этимологии М. В. Попова «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из различных писателей и снабженного примечаниями» (СПб., 1768) соседствуют с одним из первых научных критических опытов А. С. Кайсарова (*Versuch einer slavisch-mythologie*. Gottingen, 1804) и П. М. Строева (Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815). См. об этом подробнее: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.

По мере развития замысла отдельные источники приобретают большее значение, как, например, случилось со «Словом о полку Игореве». В 1817 г. уже не «Владимир», а «Слово...» группирует вокруг себя те же вспомогательные материалы. На л. 27 (РНБ. Оп. 1. № 77) содержится следующий список: «1817. Приготовление к Игорю. 1) Нестор: допол(ение) к выписк(ам) из Карамзина / Русская правда / Эверс. К Карамзину / Лерберг. к Карамз(ину) / Разговоры о Новгороде. К нар. древности / выписки русские / несколько житий из чет. миней / летописи до смерти Владимира / Песнь Игорю / Оскольд и т. д.» Появление в этом списке имен дерптских историков Иоганна Филиппа Густава Эверса (1781–1830) и Аарона Христиана Лерберга (1770–1813) обусловлено интересом поэта к методологическим проблемам русской истории. В библиотеке поэта появляются их труды: «Geschichte der Russen. Versuch eines Handbuchs von Johann Philipp Gustav Ewers». Th. 1. Dorpat, 1816 (Описание. № 1006; о чтении этого сочинения Жуковским см.: БЖ. ч. 1. С. 427–436) и «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. Von A. C. Lehrberg» Spb., 1816 (Описание. № 1515), которые Жуковский рассматривает как своеобразное до-полнение к «Истории» Карамзина. Об этом см.: Салупере М. Г., Аеплика М. Г. Эверс и Н. М. Карамзин // НЛО. 1997. № 27. С. 82–98. Встречи и общение Жуковского с Густавом Эверсом, слушание его лекций в Дерпте, его помощь при переложении «Слова о полку Игореве» определили новый поворот сюжета о Владимире.

В связи с этим возникает самый широкий круг авторов историко-культурных традиций, что характерно для предромантического эклектичного художественного мышления: от классической эпопеи, национальных эпосов, рыцарских романов до новейших эпопей Виланда, Вольтера, баллад и поэм Саути, Вальтер-Скотта и др. В многочисленных списках источников появляются имена Ариоста, Оссиана, Матиссона (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 10), «Поэмы. Илиада. Энеида. Одиссея. Ариосто. Тасс. Оберон. Идрис. Клелия. Артур. Ричардет. Вальтер Скотт. Байрон. Эдда. Nibe-lungenlied» (Там же. л. 23, 24). В середине 1810-х гг. наблюдается ориентация Жуковского на средневековые северные эпосы: «Эдду», «Песнь о Нибелунгах»; в этом же ряду следует отметить «Слово о полку Игореве». Более того, возникает попытка осмысления религиозно-мифологического субстрата разных культур. «Мифы. Боги. Северная мифология. Эдда. Эльфы. Феи. Гномы. Кобольды. Брахм. Ариман. Дер-виши. Далай-лама. Фетишизм. Коран. Элевзинск(?)» (РНБ. Оп. 1. № 77. л. 18; в подлиннике по-немецки).

Пристальный интерес к различным национальным культурам сопровождается постепенным изменением отношения к ним: от простого заимствования мотивов и образов к изучению памятников, результатом чего станет перевод «Слова о полку Игореве» в начале 1817 г.

На этапе 1814-го года Жуковский практикует смешение источников и традиций, используя приемы сравнения и аналогии. Об этом дает представление архивная заметка «Выписки и замечания мест и идей, достойных подражания» (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 10): «в Амадисе болезнь Гилаора и лечение ее невинною пленницею Ур-ганды. Ссора Лизвара с рыцарями и их ополчение на него. В Гомере каталог войск, сравненный с Тассом и Виргилием. Можно выдумать очень хорошие описания: для этого надобно заглянуть в древнюю географию, но где ее взять? Летописи – единственный источник. Как познакомиться с древними народами. Сравнение войска с лебедями и пчелами – песнь П. Минерва посреди войска с ее щитом. Песнь II. Низ и Эвриал. В Виргилиевой Энеиде. Единоборствие Париса и Менелая – Приготовление к нему – III книга. Ст. 150. Еленино описание греческих героев. III кн. Ст. 220. Изображение войска, вступ. в сражение Греции и Трои. IV кн. 478. Смерть Эхепола. IV книга 526 Симоиса 541, IV Диомед в начале 5 песни. Сравнение Дио-меда со львом. V 205. Смерть Пандара V. 350 с. Гектор и помогающий ему Марс с Беллоном V 725. Сарпедон, раненный под вязом у древка V кн. 852. Сравнение человеческого

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhи
рода с листьями».

Поэма «Владимир» написана не была. Можно лишь предполагать причины не-осуществления сголь долго волновавшего поэта замысла. Вероятно, Жуковскому не хватало определенного жанрового образца (в силу его переводческой направ-ленности), он не мог синтезировать столь разнородный материал, основываясь только на сумме сюжетов и мотивов. Неясным оказался в результате сам замысел. Жуковского не могла удовлетворить традиция волшебного-богатырских поэм и опер (ср. его: «Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины», 1805–1808 гг.) или прямолинейно-аллюзионный историзм русской эпопеи классицизма; не вполне сложилась научная историография, фольклористика, этнография. Замысел «Владимира» растворился в привычных Жуковскому жанрах – балла-ды и поэмы на балладной основе, что проявилось в переплетении тем и мотивов в черновиках и планах «Владимира» и «Вадима», второй части «Двенадцати спящих дев» (1814–1817); это проявилось и в переводе «Слова о полку Игореве», предна-значавшемся для арзамасского журнала.

Конспектом «Владимира» считается послание Жуковского «К Воейкову (до-бро пожаловать, певец...»)» (1814), созданное в ответ на его стихотворную просьбу 1813 г.: «Напиши поэму славную, // В русском вкусе повесть древнюю, – // Будь наш Виланд, Ариост, Баян!» (Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 278). А. Н. Ве-селовский и А. Н. Соколов считают, что ответ Жуковского дает представление о стилистике неосуществленной поэмы (Веселовский. С. 491–493; Соколов. С. 398–399). Воейков едва ли не активнее всех требует от Жуковского заполнения симво-лической белой книги текстом «Владимира». Сохранилась его «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы "Владимир"»: Не книга это – поле Славы! В ней не бумажные – лавровые листья И не каракульки – Альбановы черты. Развевя прах царей, повержены державы. Не устоял Гомер. Певца Владимира стихи славнее будут, Их станут приводить изящности в пример, Когда и самого Гомера позабудут. Гомер был Музой парнасской научен, Жуковский Ангелом небесным вдохновлен.

(РА. 1912. № 3. С. 414–415).

Отчасти этот пробел восполняет послание к Воейкову 1814 г., широко извест-ное в 1810-е гг. и получившее высокую оценку В. К. Кухельбекера: «Печатью на-родности ознаменованы какие-нибудь восемьдесят стихов в Светлане и в Послании к Воейкову Жуковского (...))» («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» // Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 37).

Выход в свет старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев» в 1817 г. вызвал рецензию Д. Н. Блудова, в которой он, с одной стороны, отмечает: «Г. Жуковский первым попытался ввести в русскую литературу этот род народной эпопеи» (близкой замыслу Владимира), а с другой – выражает надежду на его пол-ное осуществление: «Бесполезно здесь повторять то, что всегда говорят по этому поводу, что Карл Великий у этих поэтов персонаж сказок, а не историческое лицо. Наш Владимир Великий так же, как Карл Великий, имеет привилегию быть, так сказать, двойным персонажем, и если когда-нибудь Россия произведет нового Ари-оста, он сможет воспользоваться и слишком коротким рассказом Нестора и всеми народными вымыслами, относящимися к имени Владимира» (Les douze Vierges dormantes. Poete de M. Joukofski // Le Conservateur impartial. St. P., 1817, № 63. P. 325–326; в подлиннике по-французски).

Творцом романтической эпопеи в понимании арзамасцев становится А. С. Пуш-кин, о чем свидетельствует надпись Жуковского на портрете: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, когда он окончил свою поэму "Руслан и Людмила" 1820 г. марта 26 Великая пятница».

Являясь энциклопедией поэзных опытов Жуковского и арзамасцев, поэма соз-дает совершенно иное качество повествования за счет динамичного образа автора, радостного приятия мира и построения в слове различных историко-культурных поэзных традиций, вписанности повествования в более широкий авторский мир. Дальнейшая эволюция Жуковского будет связана с жанром романтической пере-водной поэмы и с переводами стихотворного эпоса.

Г

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 17) – черновой, с нумерацией частей; бумага с водяным знаком 1814 г.

Впервые: ПЖТ. С. 66. Публикация И. А. Бычкова в составе «Заметки о поэме "Владимир"» (там же. С. 65–68) – с датировкой 1809–1810 г.

Датируется: ноябрь 1814 г.

План, введенный в научный оборот И. А. Бычковым, традиционно считается основным среди материалов «Владимира» за счет своего объема и структуры (раз-деление на песни, связанные конструкции). Исследователи склонны относить его к 1809–1810 гг. Действительно, 1810 г. обозначен интересом Жуковского к эпохе князя Владимира и замыслу поэмы, что демонстрирует его переписка с А. И. Тур-геневым. В письме от

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский 12 сентября 1810 г., говоря о плане «Владимира», Жуковский замечает: «Что же касается до моего плана, то он только что посеян в моем воображении, а созреет тогда только, когда семена будут напитаны теми материалами, которых я от тебя теперь требую» (ПЖТ. С. 58. Курсив Жуковского). Контекст последующих писем с просьбами о присылке «материалов» – свидетельство того, что план к 1810 г. еще не «созрел».

Сохранившийся в архиве план написан на бумаге с водяным знаком «1814» и не мог быть написан ранее. На л. 25, 25 об. этой же единицы хранения содержится роспись задуманных сочинений, относящихся к «долбинской осени» 1814 г., в их числе упоминается и «Владимир», причем с уточнением: «План Владимира» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 25 об.). Ср.: Там же. № 77. Л. 25.; РГАЛИ. Оп. 1. № 13. Л. 1; РГАЛИ. Оп. 3. № 8. Л. 1, а также комментарий О. Б. Лебедевой «Долбинских стихотворений» в ПСС 2. Т. 1. С. 678–680. Можно сделать предположение, что речь идет именно об этом плане. Из всех он является более ранним, тяготея к модели волшебного-богатырской поэмы. План состоит из двух частей, первая из которых зачеркнута, а вторая состоит из 10 частей, соответствующих предполагаемым 10-ти песням поэмы. Характерной его особенностью является многособытийность и многогеройность повествования, в числе действующих лиц исторические, былинные, сказочные персонажи: Владимир, Ярослав, Еруслан, Чурило, Громобой, Илья, Полкан, Невредимый, Баян, Святой Антоний, Добрада, Черномор. В историческую канву – противоборство Руси и печенегов, осада Киева – включено несколько «романических» эпизодов: «История волшебницы Добрады», «Избавление и история Радегаста и Заиды», «Брак и ночь Добрыни с Ксенией» и т. п.

План в основном служит сюжетно-композиционной разработке, в нем преобладает событийная динамика: «Добрыня послан... Алеша прежде отправился на подвиг... Добрыня едет... Он въезжает...» и т. п. Вместе с тем странствия и подвиги богатырей происходят на фоне «картин»: «Владимир и его двор. Осада Киева Полканом Невредимым. Процессия вокруг Киева. Богатырские игры».

Писать четырехстопными, *rimes redoublées* – Показательно, что уже в самом начале своей работы над «Владимиром» Жуковский не просто дает установку на стихотворную реализацию замысла, но и четко определяет стихотворный размер: четырехстопный ямб и характер рифмы: *rimes redoublées* (парная, смежная рифма – фр.) – Эта установка была новаторской и пролагала дорогу к пушкинской поэме, прежде всего к «Руслану и Людмиле».

Чурило, Алеша – Богатыри русских былин. Ср. «Алеша Попович и Чурило Пленкович» Н. А. Радищева (1801).

Еруслан, Илья – Богатыри, действующие лица комической оперы Жуковского «Алеша Попович, или Страшные развалины» (1805–1808). Там же: Милолика, Громобой, Тороп, Чурило Пленкович, Еруслан Лазаревич, волшебница Добрада (из сказки Чулкова). См.: Гозе?туд А. А. Театральные интересы В. А. Жуковского и его опера «Богатырь Алеша Попович» // Театр и драматургия. Л., 1976. С. 171–187.

Полкан, Змиулан, Зилант, Карачун – Ср.: «Громя Зилантов и Полканов...» из «Послания к Воейкову («Добро пожаловать, певец...»; 1814)». Та же сказочно-былинная образность, близкая тексту плана и говорящая в пользу его датировки 1814-м г. Имена героев восходят к «Русским сказкам» В. А. Левшина. Рогдай – Один из богатырей русских, упоминаемый в Никоновой летописи.

Встречается у М. М. Хераскова в поэме «Владимир возрожденный» (1785), в перечне Владимирова богатырей Н. А. Львова; в повести Жуковского «Марьяна роца» (1803), в «Славенских вечерах» В. Нарезного (1809), в балладе В. К. Кюхельбекера «Рогдаевы псы». Наконец, он появляется в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Радегаст – имя бога западных славян из мифологий Н. Львова, А. Кайсарова, Г. Глинки.

Царь девица, За мечом самосеком, Златокопытом – См. разработку сказочных мотивов в «Послании к Воейкову» (1814), восходящих к «Русским сказкам» В. А. Левшина (см., например: «Повесть о коне Златокопыте и о мече Самосеке»). История волшебницы Добрады и Черномора – Ср.: в «Добрыне» Н. М. Карамзина. Фигура Черномора важна для сюжета пушкинской поэмы «Руслан и Людмила».

II

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 17 – черновой. Датируется: ноябрь 1814 г.

Боян. См. далее: 1. Из Бояпа. Приятность поэзии и вымысла. – Появление в планах образа легендарного певца связано с интересом Жуковского к «Слову о полку Игореве».

Приступы... – 10 сюжетов, предназначенных для «приступов», непосредственно не связанных с сюжетом поэмы, – свидетельство введения Жуковским в текст будущего произведения «лирических отступлений», усиления лирического начала.

Из Тасса... – Ориентация на мотивы и образы поэмы Торквато Тассо «Освожденный Иерусалим».

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Дубыпя, Горыня, Горлан – Богатыри-великаны русских сказок, восходящие к «Русским сказкам» Левшина.

В Ришардете. (...) Эпизод Леона и его жены. – Имеется в виду ироикомиическая поэма «Риччардетто» (1738) итальянского поэта Николо Фортегверри (1674–1735), пародирующая сюжеты рыцарских поэм.

Сипибальд в келье Клелии. – Обращение к сюжету романа немецкого писателя К.-М. Виланда «Клелия».

Амадис Гальский. – Герой рыцарской поэзии, называемый Рыцарем Льва, ставший персонажем многочисленных романов, посвященных ему. По всей вероятности, Жуковский имел в виду переложение средневекового романа об Амадисе, принадлежащее французскому писателю, графу Луи-Элизабет де Трессану (1705–1783) и входившее в его собрание рыцарских романов: «Corps cTextraits de romans de chevalerie» (1782). В пользу этого предположения свидетельствует упоминание Трессана в списках источников для «Владимира» (см. план № 6: «Романы Тресса-новы»).

Вражда Чернобога с Световидом – Чернобог и Световид (Свентовит) – боги за-паднославянской мифологии.

В описании чьей-нибудь смерти подражание) Гомеру VI песни... – Имеется в виду песнь VI «Илиады», изображающая смерть Патрокла.

Велледа – пророчица, мифологическая героиня.

III

Автограф (РНБ. Оп. 1. №78. л. 30) – черновой.

Впервые: ПЖТ. С. 67. Публикация И. А. Бычковым фрагментов плана; в бо-лее полном виде напечатан Н. Б. Реморовой: БЖ. Ч. 2. С. 353. Печатается впервые полностью по автографу. Датируется: декабрь 1814 г.

План расположен в тетради между планом «Певца в Кремле» (л. 28–29) и чер-новыми автографами этого же стихотворения (л. 29 об., л. 31 об.). На л. 29 об. дата рукою Жуковского «22 декабря». Можно отнести его к двадцатым числам декабря 1814 г. План содержит контаминацию с волшебной поэмой Виланда «Оберон», в нем наблюдается эклектическое соединение разнородных топосов и персонажей – Киев, Константинополь, Багдад, Крым, а наряду с Обероном и Титанией действуют Добрыня, Рогдай и проч.

Константинополь, Багдад, Киев, Крым – свидетельство интереса, с одной сто-роны, к художественной топографии поэмы Виланда, а с другой – к географиче-ским источникам, связанным с историей Киевской Руси и Тавриды. Как явствует из письма к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г., Жуковский собирался совершить путешествие в Киев и Крым, ибо «Это нужно для "Владимира"» (ПЖТ. С. 151).

IV

Автограф (РНБ. Оп. 1. №78. л. 18).

Впервые: ПЖТ. С. 67. Публикация И. А. Бычкова (отдельные фрагменты).

Печатается впервые полносгью по автографу. Датируется: осень (сентябрь) 1815 г. План расположен на отдельном сдвоенном листе в 1/8 долю листа. Бумага с водя-ным знаком 1814 г. На л. 19 об. содержится запись визитов и адресатов писем. Ви-зиты к Нелединскому-Мелецкому, к Кипренскому, намеченное посещение театра (пятница) дают основание предположить, что план относится к сентябрю 1815 г. по приезде в Петербург. Знакомство с Нелединским (представившим его Императри-це), начало работы О. М. Кипренского над портретом Жуковского свидетельствуют в пользу этого довода. «В театр» невольно ориентирует на сакраментальную пре-мьеру «Липецких вод» (23 сентября 1815 г).

фрагменты, напечатанные И. А. Бычковым (ПЖТ. С. 67–68), выделены кур-сивом. Владимир – Владимир I (?–1015) – младший сын Святослава, князь новгород-ский, великий князь киевский с 980 г., объединитель русских земель, креститель Руси, герой былин.

Еще в преарзамасский период Жуковский пытается сформулировать значение образа главного героя для поэмы, определить жанровый канон. Он использует метод культурно-исторической типологии и аналогии, что проявляется в подго-товительных материалах. «Владимир есгь наш Карл Великий, а богатыри его те рыцари, которые были при дворе Карла; сказки и предания приучили нас окру-жать Владимира каким-то баснословным блеском, который может заменить самое историческое вероятие» (ПЖТ. С. 61). В соответствии с западноевропейской моде-лью поэмы и рыцарского стихотворного романа Владимир видится Жуковскому преимущественно номинальным героем (подобно Карлу Великому, Артуру). «(...) к тому же главным действующим лицом будет не он, а я его сделаю точкою соедине-ния всех посторонних действий, для сохранения единства. Поэма же будет не ге-роическая, а то, что называют немцы *romantisches heldengedicht*; следовательно, я позволю себе смесь всякого рода вымыслов, но наряду с баснею постараюсь ввести истину историческую, а с вымыслами постараюсь соединить и верное изображение нравов, характера времени, мнений...» (Там же).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh

Добрыня – Добрыня Никитич, герой былин «Добрыня и змей», «Добрыня-сват», «Добрыня в ссоре с Владимиром» и др., востребованный предромантической поэмой традицией (Державин, Львов).

Война с печенегами – То, что Пушкин потом включит в «Руслан и Людмилу» для создания реального исторического колорита, не характерного для волшебных исторических поэм, в которых фигурировали либо условные сказочные противники, заимствованные из компиляций Попова и Левшина (здесь Чурило, Земит, Си-нибальд), либо былинный анахронизм (татары при Владимире).

Zauberring – Рыцарский роман автора «Ундины» Ф. де Ла Мотг Фуке («Волшебное кольцо», 1813), что, кстати, свидетельствует в пользу датировки плана в пользу 1814, а не 1810 г., как это делал И. А. Бычков (ПЖТ. С. 65). В библиотеке Жуковского сохранились сочинения Фуке, в том числе «Der Zauberring. Ein Ritterroman. Ntirnberg, 1816» (Описание, № 1048).

Святослав – Святослав I (?–972) – князь киевский, сын князя Игоря; походы против хазар, Византии; убит печенегами. Встречается в «Певце во стане русских воинов», в повести «Три пояса». В архиве Жуковского упоминается имя Святослава в списке замыслов 1820-х гг. (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 43).

Для Игоря – Одно из первых свидетельств серьезного интереса Жуковского к «Слову о полку Игореве».

Нис (Низ) и Эвриал – В планах «Владимира» 1814 г. (I–II) вычленяется эпизод-подражание сюжету о двух друзьях – Нисе и Эвриале («Энеида», IX песнь), погибших в битве с рутулами и ставших символом жертвенной дружбы.

Чурило, Зенит, Синибальд – Чурило Пленкович, былинный богатырь, «заезжий щеголь», своеобразный былинный Дон Жуан.

В комнате Клелии – См. примечание к плану № 2.

Эпизод Леона и его жены – См. примечание к плану № 2.

Болеслав – Болеслав Храбрый (967–1025), польский князь из династии Пястов, объединивший польские земли.

Преслава – Предслава, дочь Владимира. Ср. «Предслава и Добрыня» (1810) Ба-тющкова. Здесь не исключается чисто колористическое использование имени.

План представляет собой характерную контаминацию исторического и вымышленного, эстетически декларируемую в предромантический период концепцию «романтической эпопеи» (см.: Соколов. С. 253–462). Жуковский был эпицентром арзамасских дискуссий о жанре «русской поэмы» как форме национального само-сознания и основным кандидатом на роль ее творца (см.: Ветшева Н. Ж. Концепция национально-исторической эпопеи в планах поэмы В. А. Жуковского «Влади-мир» // От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. Томск, 1992. С. 67–76). Наиболее полно авторефлексия по поводу замысла поэмы «Владимир», занимавшего Жуковского на протяжении почти двух десятилетий, отразилась в переписке с Александром Ивановичем Тургеневым (см., например, ПЖТ. С. 5–6% и след.).

В этом плане намечена характерная для всех последующих подготовительных материалов опора на универсальную традицию западноевропейской поэмы (античная эпопея, средневековый стихотворный эпос, волшебная поэма, рыцарский роман и др.), дополняющую «русский исторический текст», о чем свидетельствуют многочисленные перечисления источников в рукописях поэта. Например, «ро-спись» 1814 г. (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 9 об.; записи в сголке): «Jerusalem delivree / Roland / Amadis / Русские сказки / Славянские сказки / Песнь полку Игореву / История России / Славянская мифология / Чтение миней / Idris / Oberon / Clelia / Iliade / Русские песни / Eneide / Ovidius (...) Эдда / Кайсарова мифология». На л. 10: «История Карамзина. Болтина. Щербатова. / Эдда / Мифология Кайсарова / Попова досуги / Абевега / Известия о народах / Бергман / Nordische Geschichte / Gibbon / Вивлиофика / Нестор Шлецеров / Полибий / Eichorn / География Российская / Раз-говоры о Новгороде».

Прокомментируем некоторые источники:

Amadis – «Амадис Галльский» рыцарский роман начала XIV в., вызвавший много-численные подражания.

Русские сказки – Сборник Кирши Данилова. Idris (...) Clelia – Романы К.-М. Виланда.

Oberon – «Оберон» («Oberon. Ein romantisches Heldengedicht», 1780) К.-М. Виланда. О творческих взаимоотношениях Жуковского и Виланда и фрагменте перевода из «Оберона» в 1811 г. см.: Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. С. 55–68.

История Болтина – Болтин Иван Никитич (1735–1792). критические примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1. СПб., 1770.

История Щербатова – Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790). история российская от древнейших времен / Сочинена кн. Михаилом Щербатовым. Т. 1. СПб., 1770.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Кайсарова мифология – Кайсаров Андрей Сергеевич (1782–1813). Мифология славянская и российская. СПб., 1807. См. также: Versuch einer slavischen Mythologie. Gottingen, 1804.

Попова досуги – Речь идет о сочинении Михаила Ивановича Попова (1742–ок. 1790) «Досуги...» Ч. 1. М., 1772.

Абевега – Имеется в виду сочинение Михаила Дмитриевича Чулкова (1743– 1792) «Абевега русских суеверий, идолоклоннических жертвоприношений, сва-дебных престонародных обрядов, колдовства. Шаманства и проч. / Сочиненная М. Ч. –М., 1786».

Бергман – В библиотеке Жуковского имеется сочинение исторического писа-теля, уроженца Лифляндии, пастора Вениамина Гусгава Бергмана (1772–1856) «Benjamin Bergmann's Nomadische Streiferien unter den Kalmuken in den Jahren 1802 und 1803. Th. 1–4. Riga, 1804» с многочисленными пометами и записями владель-ца в первой части (Описание. № 644).

Nordische Geschichte – Имеется в виду сочинение известного историка Августа Людвиг Шлецера (1735–1809) «Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771». Ср. примечание в письме к А. И. Тургеневу от августа 1810г.: «NB. Schlozers Nordische Geschichte у меня есть» (ПЖТ. С. 57). В библиотеке поэта имеется это издание про-изведения Шлецера с многочисленными его маргиналиями (Описание. № 2058). О чтении Жуковским сочинений Шлецера см.: Кануиова Ф. 3. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. 400–427.

Gibbon – Английский историк Эдуард Гиббон (1737–1794). Имеется в виду его сочинение «The history of the decline and fall of the Roman Empire. В у Edward Gibbon. vol. 1–12. London, 1815» (Описание. № 1110).

Вивлиофика – Имеется в виду «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений...», издаваемая Н. И. Новиковым в 1773–1775 гг.

Нестор Шлецеров – Имеется в виду следующее издание: «Нестор: Russische An-nalen in ihrer Slavischen Grundssprache... Th. 1–5. Gottingen, 1802–1809», автором которого был А. Л. Шлецер.

Полибий – Римский историк (между 212–215 – между 130–123 до н. э.), автор знаменитой «Истории»

Eichorn – По всей вероятности речь идет о следующем сочинении немецкого историка Иоганна Готфрида Эйхгорна (1752–1827), сохранившемся в библиотеке поэта: «Allgemeine Geschichte der Cultur und Literatur des neuern Europa. Vde 1–2. Gottingen, 1796–1799» (Описание. № 972).

Разговоры о Новгороде – Митрополит Евгений (Болховитинов Евфимий Алек-сеевич; 1767–1837). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. В библиотеке Жуковского имеется экземпляр этого сочинения (Описа-ние. № 126).

V

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 20). Впервые:
 Датируется: осень (сентябрь) 1817 г.
 Основание для датировки то же, что и предыдущего плана: двойной листок в у8 д. л., той же бумаги 1814 г., развивающий один из сюжетных мотивов – история двух друзей (подражание «Энеиде» Вергилия).
 Рогнеда. – Рогнеда (Горислава) Рогволодовна (?–1000), жена в. кн. Владимира.

VI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 13). Датируется: 1817 г.
 Основанием для датировки служат прежде всего сходные списки источников, характерные для работы над «Словом о полку Игореве» 1817 г. (№ 77, № 78, № 79). Особенно л. 23, 24 (№ 77), точно датированные Р. В. Иезуитовой январем 1817 г. (Иезуитова. С. 126–128).

VII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. л. 16). Датируется: 29 июля 1819 г.
 29 июля 1819 г. Жуковский предваряет один из фрагментов павловского посла-ния («Государыне Императрице Марии Федоровне») небольшим наброском. Здесь образ Владимира носит вполне декоративный характер и вытесняется иным сюже-том: княжества Герсики и судьбы двух влюбленных (см.: ПСС 2. Т. 2. С. 156–173; 564–568). Жуковский по существу этим планом завершает работу над нереализо-ванным замыслом поэмы «Владимир»
 Лодомир и Милороза. – Условные имена героев, история любви которых соот-носится с сюжетом поэмы о Родрике и Изоре (см. ниже планы к неосуществленной поэме «Родрик и Изора»).

Н. Ветшева
 Дева озера
 Walter Scott Lady of the lake* (С. 370)
 Автограф (РНБ. Оп. 1. № 79. л. 12) – черновой, с заглавием: «Walter Scott. Lady of the lake», подчеркиваниями в тексте.
 Впервые: БЖ. Ч. 3. С. 303–305. Публикация Э. Жиликовой.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: приблизительно 1815 г. на основании записи, предшествующей конспекту: «Материалы 1815. Поэты и замечания на них» (РНБ. Оп. 1. № 79. л. 12). Конспект «Lady of the Lake» восходит к поэме Вальтера Скопа «Дева озера» («The lady of the lake», 1810). Впервые на существование этого конспекта указал Д. П. Якубович в связи с исследованием традиции поэзии В. Скотта в русской ли-тературе (см.: Якубович Д. П. Лермонтов и В. Скотт // Известия АН СССР. 1935. № 3. Серия 7. Отделение общественных наук. С. 243–272). Конспект поэмы «Дева озера» создан Жуковским в соответствии с планом сбора материалов для истори-ческой поэмы «Владимир». Именно конспектом этой поэмы открывается рубрика, озаглавленная: «Материалы 1815. Поэты и замечания на них» (РНБ. Оп. 1. № 79. л. 12). Следом за конспектом «Девы озера» должен был следовать план-конспект поэмы В. Скопа «Песнь последнего менестреля»: в верхней части л. 12 об. Жуков-ский пишет заглавие: «The lay of the last minstrel», оставляя весь лист чистым для предполагаемого, но не написанного конспекта.

Созданный Жуковским план поэмы «Дева озера» представляет собой практи-ческое освоение обширных списков литературы как для написания поэмы «Влади-мир», так и для переложения «Слова о полку игореве» (см. указание: «Для Игоря»). В программе подготовительной работы к реализации этих замыслов имя Вальтера Скопа, его баллад и поэм занимает важное место. В многочисленных записях «Для Владимира» именем В. Скотта открывается список «Поэтов», среди которых далее следуют Байрон, Тассо, Ариост, Мур. В списках произведений для чтения и выпи-сок упоминается «Ballade de Scott» (РНБ. Оп. 1. № 77. л. 23). Под рубрикой: «Пла-ны. Замечания, выписки из поэтов (...); выписки исторические, словесные (...), мысли при чтении...» находятся наброски, в которых угадываются имена героев и сюжетные ситуации поэм В. Скотта:

М(армион)

Его таинственная любовь

Старик

Ужин в залке

Сражение

Свадьба

М(армион) едет в замок Ужин в замке (1 нрзб.) Старик

(РНБ. Оп. 1. № 77. л. 23).

На обороте л. 23 рубрика «Историческое чтение» открывается записью: «Lady of the lake». Многократное упоминание имени В. Скотта и его произведений в кон-спектах, а также в письмах 1813–1814 гг. к С. С. Уварову, А. И. Тургеневу в связи с получением английских книг свидетельствует об огромном интересе Жуковско-го к творчеству В. Скотта как поэта, обратившегося непосредственно к истории и народному творчеству и давшего образцы лироэпических произведений, сочетав-ших в своей романтической структуре традиции Оссиана и шотландской народной поэзии. Конспект «Lady of the Lake» написан черными чернилами на одном листе боль-шого формата в тетради из голубой плотной бумаги. В плане сделаны подчеркива-ния, которые в публикации выделены курсивом. Конспект Жуковского представ-ляет точное изложение поэмы В. Скотта, полностью соответствующее строфам и нумерации оригинала. В процессе конспектирования первой песни Жуковский не проставлял номера строф, однако после этой части плана под рубрикой «NB», заме-ненной словами: «Лучшие места» и «Погрешности», поэт отметил все номера выде-ленных строф. В дальнейшем изложении конспекта Жуковский точно обозначает римскими цифрами номера строф.

Замечания Жуковского о достоинствах и погрешностях поэмы, а также под-черкивания в тексте плана отдельных строф позволяют составить представление о характере его интереса к поэтическому творчеству В. Скотта в середине 1810-х гг. Достоинства поэмы Жуковский видит в поэтическом изображении природы («опи-сание озера при заходящем солнце», «изображение утра», «прекрасной тихой ночи», «тишины»), в художественном воплощении образа певца – менестреля: он подчер-кивает обращения к лире, «унылые звуки арфы»; выделяет во вставных песнях и балладах сведения об обычаях и нравах шотландского народа.

При очевидном интересе Жуковского к эпической и лирической сторонам поэмы в конспекте 1815 г. чувствуется позиция «балладника». Это проявилось во внимании поэта к эпизоду с кольцом и остро драматической развязке поэмы. Еще более о балладном интересе Жуковского свидетельствует замечание о недостатках поэмы. «Погрешности» он усматривает не только в неуместности «эстетического рассуждения Фиц-Жеймса о садах», но и в эпической неторопливости художествен-ной манеры В. Скотта, в детализации при описании оленя и охоты на него: «Описа-ние ловли слишком длинно. В описании пути слишком много подробностей».

Знакомство с поэмой и конспектирование ее нашло отражение в творчестве Жуковского, в частности в создании «Эоловой арфы» (см.: БЖ. ч. 3. С. 305–317).

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhu

В библиотеке поэта сохранился экземпляр поэмы «Дева озера» в немецком переводе: «Das Fraulein vom See. Ein Gedicht in 6 Gesängen von Walter Scott. Aus dem Englischen und mit einer historischen Einleitung und Anmerkungen vom Adam Storck. Essen, 1819» (Описание. № 2102) с пометами Жуковского в первой песне. В полном соответствии с оригиналом сделана нумерация всех строф (отсутствующая в немецком издании) и на полях вертикальной чертой вдоль текста отчеркнуты I–III, VII–X, XIII–XIV, XVI–XXVIII строфы. Выделенный Жуковским текст включает в себя обращение к арфе (I) и описание охоты на оленя (II, III, VII–X), а также картины, связанные с изображением встречи охотника и девы – их портреты, поведение, разговоры (XIII–XIV, XVI–XXVIII). Датировать время сделанных поэт-ом помет в этой книге проблематично. Возможно, они отражают очередную попытку Жуковского перевести поэму, но на этот раз с четко выраженным интересом к эпической структуре повествования В. Скотта.

Документальное свидетельство нового обращения Жуковского к «Деве озера» относится к 1832 г. В тетради с зеленым сафьянным переплетом, на первом листе которой рукою поэта выставлен год: «1832», оборот обложки заполнен списком имен авторов и заглавий произведений, предназначенных к переводу, среди которых находятся «Дева озера» и «Мармион» (РНБ. Оп. 1. № 37, обложка об.).

Из этого списка переведена была вторая песня «Мармиона» («Суд в подземелье»). Следы чтения «Девы озера» явно присутствуют в развернутом поэтическом пейзаже, которым открывается повесть «Суд в подземелье» (см: БЖ. Ч. 3. С. 350–351). Перевод «Девы озера» в 1832 г. не состоялся, но неизменный интерес к поэме на протяжении долгого времени свидетельствует о значимости поэтической традиции В. Скотта при решении Жуковским проблем художественного воссоздания эпической картины мира и судьбы человека, в ее деталях, живописности и исторической полноте.

Э. Жиякова
Родрик и Изора
(С. 373)

I
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 26. л. 22 об.) – черновой, наброски плана, без заглавия.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 44.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: ноябрь–декабрь 1814 г.

II
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 26. л. 22 об.) – черновой, наброски плана, без заглавия.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 45.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: ноябрь–декабрь 1814 г.

III
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 33) – черновой, план. Впервые: Ветшева, Костин. С. 46.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: ноябрь – 1814 г.

IV
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 33 об.) – план–конспект. Впервые: Ветшева, Костин. С. 47–48.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: ноябрь–декабрь 1814 г.

V
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 33 об.) – план–конспект. Впервые: Ветшева, Костин. С. 48–49.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: ноябрь–декабрь 1814 г.

VI
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. л. 34) – план–конспект. Впервые: Ветшева, Костин. С. 48–50.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: ноябрь–декабрь 1814 г.

VII
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. л. 16) – план. Впервые: Ветшева, Костин. С. 55–56.

Публикуется по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: 29 июля 1819 г.

VIII
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. л. 21) – план. Впервые: Ветшева, Костин. С. 56.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется:

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский 1819 г.

Замысел поэмы «Родрик и Изора», типологически близкий балладам «Эолова арфа», «Вадим», относится к 1814–1819 годам. В 1814 г. Жуковский создает три плана и три пространных конспекта поэмы, в 1819 г. – два плана и стихотворную разработку в рамках послания «Государыне Императрице Марии Федоровне». Сюжет вызвал лишь частные замечания исследователей (Бумаги Жуковского. С. 156; Веселовский. С. 498–500), материалы опубликованы: Ветшева Н. Ж., Костин В. М. Неосуществленный замысел В. А. Жуковского «Родрик и Изора» // ПМЖ. Вып. 9. С. 42–63; ПСС 2. Т. 2. С. 156–173. В настоящем издании печатается уточненный вариант текста. Два первых плана (I–II) находятся в папке, озаглавленной Жуковским: «Сочинения» (РНБ. Оп. 1. № 26), среди преимущественно черновых редакций произведений 1813–1852 гг. На л. 20–21 об. находятся черновики «Певца в Кремле», относящиеся к декабрю 1814 г. (См. комм.: ПСС 2. Т. 2. С. 458–459). Сразу за планами на л. 23 идет текст 1816 г., написанный на другой бумаге («На первое от-речение от престола Бонапарте»).

Третий план и три конспекта (III–VI) находятся в отдельной тетради (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 33–34), располагаясь без перерыва один за другим. Возле плана III справа рисунок Жуковского: одномачтовое судно, напоминающее ладью, и морская скала (иллюстрация к сюжету поэмы). Здесь же список предполагаемых источников замысла. Датировка производится на основании расположения планов в руко-писи: на л. 29 дата рукою Жуковского: «22 декабря», на л. 35 об. содержится перво-начальный вариант баллады «Узник», относящийся к октябрю 1814 г., на л. 36 об. дата рукою Жуковского: «10 ноября». В этой же папке (л. 27 об. – 28) находятся планы «Искупления» («Вадима») и «Эоловой арфы», относящиеся к ноябрю 1814 г. (9–13 ноября) и типологически близкие замыслу «Родрика и Изоры». Таким образом, планы и конспекты можно отнести к долбинской осени (предположительно к ноябрю–декабрю 1814 г.). Точнее датировать не представляется возможным, поскольку тексты в рукописи располагаются не строго в хронологическом порядке. В то же время на л. 29 об. дата рукою Жуковского: «22 декабря».

В отличие от обобщенного «местного колорита» «Эоловой арфы» Жуковский в планах и конспектах намечает определенную культурно-историческую локализацию происходящих событий. Действие происходит у берегов Балтийского моря, в Лифляндии, упоминается Ревель и цистерцианский монастырь; Гатред является одним из рыцарей епископа Альберта. Появление Альберта Великого позволяет с известной точностью определить время действия. Епископ умер в 1229 г., а «отде-ляться» рыцари могли начать с 1207 г. (См. об этом: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938. С. 95–96), таким образом, события поэмы происходили пред-положительно между 1207 и 1229 гг.

Фигура епископа, завоевателя Прибалтики, создававшего угрозу независимо-сти русских и литовских князей, получила известность после публикации третьего тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и актуализировалась в новом эстетическом качестве в замысле поэмы 1819 г. См. об этом далее.

Цистерцианский монастырь (план VI) действительно находился в Ревеле, но не мужской, а «предназначенный для благородных девиц» (Путеводитель по Ревелю и его окрестностям. СПб., 1839. С. 60), мужской цистерцианский монастырь нахо-дился в Динамюнде (Генрих Латвийский. Указ. соч. С. 76). В архиве Жуковского (РНБ. Оп. 1. № 87. Л. 5–15, 17, 23, 24, 31–35; датируется И. А. Бычковым по характеру почерка 1817–1819 гг. – см.: Бумаги Жуковского. С. 164) содержится конспект книги Августа Вильгельма Гупеля (1737–1819) «Ehstnische Sprachlehre fiir beide Haupt dialekte den revalschen und den dorptschen: Nebst einem vollstandigen Worterbuch... Riga, 1780», содержащей сведения о географии и история Эстляндии и Лифляндии и, по всей вероятности, послужившей одним из источников сюжета в исторической его части. В это же время Жуковский интересуется историей и ми-фологией северных народов.

«Ливонская» тема, прозвучавшая в переводе бюргеровой «Леноры», станет актуальной в практике русских романтиков 1820-х годов, а в раннем творчестве А. А. Бестужева-Марлинского будет играть исключительную роль. М. А. Бестужев, рассказывая о своих юношеских литературных занятиях, не без иронии упоминает «ливонскую» тему как «общее место»: «Когда появление поэм Байрона вскружило всем головы, я много написал пиес в подражание ему: тут были и замки, и ливон-ские рыцари, и девы, и новгородцы» (Писатели-декабристы в воспоминаниях со-временников. М., 1980. Т. 2. С. 207).

Первые три плана прорисовывают сюжет: традиционный романтический треу-гольник, с демоническим героем и юными влюбленными, борьбой чувства и дол-га. Жуковский вводит легендарно-ретроспективное обрамление («Теперь (...) там в старину» – план II), намечает источник конфликта: противостояние гармонии любящих душ и эгоистических страстей (подозрительность, ревность, отчаяние и т. п.). На уровне сюжета существуют определенные переключки с «Эоловой арфой» (но не отец, а брат

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh является антагонистом героев), с «Двенадцатью спящими дева-ми» («Часто по берегам девы. Часто в замке девы» – план II).

Можно отметить влияние «готического» сюжета: «Ужасный гнев Божий постиг-нул»; подземелье, буря, отверженность героя, преступление, Изора, сошедшая с ума, и т. п. Об этом подробнее см.: Вацуру В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 274–300.

План IV и два конспекта свидетельствуют о том, что это замысел большого сти-хотворного произведения. Начиная набрасывать первый план, Жуковский дает схе-му ритмического рисунка (зачеркнуто); т. е. замысел был именно стихотворный:

и
и и и и

В плане IV он дает указание на жанр, для него это не баллада, а поэма: «Поэма начинается тем, что Адольф и Изора сидят на берегу озера».

В планах и конспектах типично балладная ситуация: вторжение фатальной силы в жизнь влюбленных, но «сила судьбы» здесь активно действует в рамках про-изведения, в планах нет указаний на идею высокого духовного воссоединения там (ср.: «Эолова арфа»), акцент делается на земном аспекте бытия.

Намеченная в первых трех планах типология героев значительно конкретизируется и, что важно, подвергается глубокой психологической разработке в кон-спектах. Нужно отметить, что до последнего плана существует вариативность имен (Родрик / Родриг, Свенд, Танкмир, Родерик, Адольф, Рудольф, Волкуин; Изора – Русла; Гатред – Гаддер, Гаддир, Гатдир).

Главные герои-любовники обозначены эскизно. О Родрике говорится лишь, что он был прекрасен, храбр и любим. Облик идеальной героини («Изора – глубокая, меланхолическая чувствительность»), пассивной жертвы обстоятельств, намечен схематично. Главное внимание уделяется новому демоническому герою, чуждому авторскому миропониманию, что нарушает лирическую камерность текста и созда-ет почву для более объективного повествования. Характер Гатреда мотивирован культурно-генеалогически («питомец Юга»), характеристики построены на контра-стах («ревнивец мстительный, но великий»). Многочисленные эпитеты, сопрово-ждающие его поведение и состояние: «свирепый и ревнивый», «подозрительный», «ужасный», «молчаливость, самовластие, непоколебимость, храбрость», «душа в нем великая, но она ужасна и непреклонна», определяют интерес Жуковского именно к этому герою.

В конспектах большую роль играет диалог персонажей, не случайно эпизод назван «первой сценой»: автохарактеристики сочетаются с прогнозированием по-ведения персонажей (план VI), психологизм проявляется в фиксации деталей по-ведения и их анализе. Предчувствие, подтекст, воспоминания – все это придает повествованию дополнительные оттенки. Можно говорить о нарастании событий-ности в планах. Первый, второй и третий планы рассказывают о морском набеге, встрече влюбленных на берегу озера и затем в подземелье, о подслушанном раз-говоре и неравной схватке при свете факелов и т. д. Причем Жуковский намеча-ет эволюцию, психологическое движение самого носителя зла Гатреда: «отчаяние

40 – 1368

6*7

Гатреда – он едет. Буря». Герой не в силах пережить свое пресупление; зло, им содеянное, оборачивается против него самого.

Объективирующая тенденция коснулась и самого сюжета поэмы. В первом и втором планах Жуковский предполагает обрмить повесгвоание вступлением и заключением в оссианическом духе: автор меланхолически обзирает развалины и «вызывает тени прошлого». Начало первого плана: «Вступление. – Камни. Этот замок теперь». Концовка его: «С тех пор замок исчез. Одно подземелье. В нем слы-шится голос. Огонек». И сбоку вписан еще один вариант начала: «Здесь замок при озере. Роца и храм».

Второй план не закончен, но начало аналогично: «Теперь, где пышный царский дом над озером. Где часто раздаются голоса, где мы приходим... удивляться (нрзб), там в старину было иное». В третьем плане, наоборот, акцентирована характерная концовка: «Замок его разруш(ился). Одно подземелье. Свечка. Голос». Однако уже в четвертом плане Жуковский отказывается от такого «элегического» обрамления: «Поэма начинается тем, что Адольф и Изора сидят на берегу озера», затем так на-чинаются оба плана-конспекта. Таким образом, даже история набеге оказывается вне непосредственного хода фабулы, включается в рассказ Родрика. Это придало бы повествованию новую эмоциональную окрашенность.

В «Родрике и Изоре» намечалось движение к укрупнению жанра, созданию поэмы на балладной основе за счет детальной психологизации, объективизации повествования и событийной насыщенности.

Замысел «Родрика и Изоры» не оставлял Жуковского до 1819 г., так как следы его

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский обнаруживаются в послании «Государыне Императрице Марии Федоровне». Послание осталось незавершенным, разрослось в лирическое отступление и носит отчетливо выраженный экспериментальный характер. Датируется работа по авторским пометам в рукописи, иногда с точностью до одного дня. Подробнее см.: ПСС 2. Т. 2. С. 567–568.)

Жуковский набрасывает общую схему-план, повторяющую намеченное пять лет назад, но вводит дополнительную тему Герсики, маленького русского княжества, сведения о котором он почерпнул (на что укажет прямо) из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (Т. III. Гл. III). Ср.: «Государыне Императрице Марии Федоровне» (ст. 500–504): «Вот все, что верный Клии сын, II Наш вдохновенный Карамзин IO разорении Герсики III о судьбе ее владыки II Нашел в преданьях для меня!..» Судьбы вымышленных героев каким-то образом оказываются связанными с реаль-но существовавшими князьями Всеволодом и Радославом. В планах VII–VIII он объединяет сюжетную тему Герсики с мотивом противопоставления истории и вымысла.

Работа над поэтическим текстом начинается 3 августа и продолжается до 13 сентября (ПСС 2. Т. 2. С. 168–171). В тексте реализуются два первых пункта плана: «Посвящение Герсике. Образ монаха и рассказ». Таким образом, в рамках послания создается «поэма», о чем сам Жуковский замечает: « (...) отчет // Из описания в поэму превратился...» (Там же. С. 161); возникает «чудесная» и одновременно «правдивая повесть» (Там же. С. 171).

Реализация первых двух пунктов плана заняла 150 стихов, и можно только предполагать значительный объем неосуществленного замысла. По сравнению с предыдущим этапом работы сюжет обогащается новыми героями и событиями. Не только частные психологические реакции, но исторические события, стоящие над людьми, начинают играть значительную роль (пограничные интересы Литвы, Орден меченосцев, русских князей в бурное время начала XIII века воплощаются в образах Альберта Великого, Гатреда и Родрика и русских князей Всеволода и Радослава. При всем внимании Жуковского к историческому материалу он использует его достаточно произвольно в интересах повествования. У Жуковского Всеволод – гроза окрестных народов, славный и мощный князь, в действительности он вынужден был лавировать между интересами Литвы и Ордена меченосцев, за что в конце концов жестоко поплатился. Очевидно, характеристика «героя славянской породы» нужна была для создания должного контраста Альберту Великому в системе образов поэмы. В замысле 1819 г. повышается роль эпического начала, что связано с насыщением сюжета историческим материалом. В то же время стихотворная разработка поэмого сюжета оказывается атрибутом жанра послания.

Н. Ветшева

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ПД – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 198 (В. А. Жуковский).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва), ф. 104 (В. А. Жуковский).

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург), ф. 286 (В. А.

Жуковский).

Печатные источники

АБТ – Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911–1921. Вып. I–VI.

Арзамас – Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод, ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Арзамас-2 – «Арзамас»: Сборник в 2 книгах. М.: Худ. лит., 1994.

Афанасьев – Афанасьев В. Жуковский. М.: Мол. гвардия, 1986. Сер. «Жизнь замечательных людей».

Барсуков – Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888–1901. Кн. 1–22.

Батюшков – Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1989. БдЧ – Библиотека для чтения.

Белинский – Белинский В. Г. Поли. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БЖ – Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978–1988.

БЗ – Библиографические записки.

Бип – Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского: В 2 ч. СПб., 1831.

Бп – Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского. СПб., 1831.

Бумаги Жуковского – Бычков И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г.

- сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zh
 Приложение. СПб., 1887.
- ВЕ – Вестник Европы.
- Веселовский – Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечно-го воображения». СПб., 1904.
- Ветшева – Ветшева Н. Ж. В творческой лаборатории В. А. Жуковского: Замысел поэмы «Весна» // В. А. Жуковский и русская культура его времени. СПб., 2005. С. 18–31.
- Ветшева, Костин – Ветшева Н. Ж., Костин В. М. Неосуществленный замысел В. А. Жуковского «Родрик и Изора» // ПМИЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 42–63. ВЛ – Вопросы литературы.
- Вяземский – Вяземский П. А. Поли. собр. соч. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
- Галюн – Галюн И. П. К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев, 1916.
- Гиллельсон – Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34–75.
- Гоголь – Гоголь Я. В. Поли. собр. соч. Т. 1–14. М.; Л., 1937–1952.
- Гофман – Гофман М. А. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (Hoffmann Modeste. Le Musée Pouchkine d' Alexandre Oneguine a Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. Paris, 1926).
- Дневники – Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
- Загарин – Загарин П. (Поливанов Л. И.). В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
- Зарубежная поэзия – Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: В 2 т. / Сост. А. А. Гугнин. М.: Радуга, 1985.
- Зейдлиц – Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.
- ИВ – Исторический вестник.
- Иезуитова – Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. ИПБ – Императорская Публичная библиотека (Санкт-Петербург; 1795–1917).
- Канунова – Канунова Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.
- Кульман – Кульман Н. К. Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских // Известия 2-го Отделения Императорской АН. Т. 5. Кн. 4. СПб., 1900. С. 1076–1145.
- Лебедева – Лебедева О. Б. Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992.
- Левин – Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1970. С. 195–297.
- АН – Литературное наследство. М., 1931–1989. Т. 1–97.
- ЛЭ – Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.
- Матяш – Матяш С. А. Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского: К вопросу о жанровой системе поэта // Русская литература. 1974. № 2. С. 150–154.
- МВ – Московский вестник.
- МТ – Московский телеграф.
- НЛО – Новое литературное обозрение.
- ОА – Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899–1913. Т. I–IV / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909–1913. Т. V. Вып. 1,2/ Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.
- ОЗ – Отечественные записки.
- Описание – Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
- Переписка – Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1–3. СПб., 1885.
- Петухов – Петухов Е. В. В. А. Жуковский в Дерпте // Сборник в память Н. В. Го-голя и В. А. Жуковского, изданный Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 45–101.
- ПЖТ – Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
- ПЗ – Полярная звезда, карманная книжка для любителей и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. СПб., 1823–1825.
- Письма Андрея Тургенева – Вацура В. Э., Виролайнеи М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.
- Письма-дневники – Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов (числом

- сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский (здесь пять), приготовленные к печати П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907. С. 145–213.
- ПМИЖ – Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979–1997. Вып. 6–19.
- Пономарев – Странствующий жид. Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. Изд. С. И. Пономарева. СПб., 1885 (Сборник Отделения рус-ского языка и словесности. Т. 38. № 2).
- ПСС – Поли. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биографическим очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.
- ПСС 2 – Жуковский В. А. Поли. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки слав, куль-туры, 1999–2004. Т. 1–2 (Стихотворения); Т. 13–14 (дневники).
- Пушкин – Пушкин А. С. Поли. собр. соч. Т. 1–16. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937–1949.
- РА – Русский архив.
- РБ – Русский библиофил.
- РВ – Русский* вестник.
- Резанов – Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб. / Пг., 1906–1916. Вып. 1–2.
- Реморова – Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.
- РЛ – Русская литература.
- РС – Русская старина.
- Русские писатели – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. А–Г (М., 1989); Т. 2. Г–К (М., 1992); Т. 3. К–М (М., 1994); Т. 4. М–П (М., 1999).
- С 1 – Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [Изд. 1-е]. СПб., 1815–1816.
- С 2 – Стихотворения Василия Жуковского: В 3 ч. 2-е изд. СПб., 1818. Ч 4: Опы-ты в прозе. М., 1818.
- С 3 – Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.
- С 4 – Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835–1844.
- С 5 – Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I–IX. СПб., 1849; Т. X–XIII. СПб., 1857.
- С 6 – Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд.. СПб., 1869. Ч. 1–6.
- С 7 – Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.
- С 8 – Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.
- С 9 – Стихотворения В. А. Жуковского / Под ред. П. А. Ефремова. 9-е изд., испр. и доп. Т. 4. СПб., 1894.
- С 10 – Сочинения в стихах и прозе В. А. Жуковского: В 1 т. / Под ред. П. А. Еф-ремова. 10-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.
- Семенко – Семейко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худ. лит., 1975.
- Семинарий–Янушкевич А. С. В. А. Жуковский: Семинарий. М.: Просвещение, 1988.
- СИН – Старина и новизна.
- Смирнова–Россет – Смириова–Россега А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. под-гот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989 (Сер. «Лит. памятники»). СО – Сын Отечества. Совр. – Современник.
- Соколов – Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой трети XIX века. М., 1955
- Соловьев – Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1916. Т. 1–2.
- СС 1 – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. / Вст. статья И. М. Семенко. М.; Л., ГИХЛ, 1959–1960.
- СС 2 – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вст. статья и коммент. И. М. Се-менко. М., 1980.
- Стихотворения – Жуковский В. А. Стихотворения: В 2 т. / Вст. статья, ред. и при-меч. Ц. Вольпе. Л.: Сов. писатель, 1939–1940 (Библиотека поэта. Большая серия).
- УС – Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Про-тасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
- Ц. р. – Цензурное разрешение.
- Эстетика и критика – Жуковский В. А. Эстетика и критика / Вст. статья Ф. 3. Ка-нуновой и А. С. Янушкевича / Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. 3. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985.
- Янушкевич – Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А.

сочинений и писем в 20 томах. Том 4. Стихотворные повести и сказки. Василий Андреевич Жуковский zhukovskogo. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.
Eichstadt – Eichstadt H. Zukovskij als Uebersetzer. Mtinchen, 1970 (Forum slavicum. Bd. 29).
FWVJH – Ftir wenige. Для немногих. М., 1818. № 1–6. Январь–июнь.
Gerhardt – Gerhardt Dietrich. Aus deutschen Erinnerungen an Zukovskij, mit eini-gen Exkursen // Orbis scriptus: Festschrift fur Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. Munchen, 1966. S. 245–313.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!